

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

The Journal is published
by Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences

Журнал издается
Институтом славяноведения
Российской академии наук

Slověne = Словѣне

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Editor-in-Chief

F. B. Uspenskij

The Editorial Board

I. Hristova-Shomova, A. Nikolov
(*Bulgaria*); M. Mihaljević, M. Kapović
(*Croatia*); V. Čermák (*Czech
Republic*); R. Marti, B. Wiemer
(*Germany*); A. Zoltán (*Hungary*);
M. Garzaniti (*Italy*); J. Schaecken
(*Netherlands*); E. I. Kislova,
R. N. Krivko, S. L. Nikolaev,
M. M. Makartsev, P. R. Minlos,
A. M. Moldovan, D. G. Polonski,
T. V. Rozhdestvenskaia,
A. D. Shmelev, A. A. Turilov,
B. A. Uspenskij, Rev. Michael
Zheltov (*Russia*); J. Grković-Major,
T. Subotin-Golubović (*Serbia*);
R. Romanchuk, A. Timberlake,
W. Veder, A. Zholkovsky (*USA*)

Главный редактор

Ф. Б. Успенский

Редакционная коллегия

А. Николов, И. Христова-Шомова
(*Болгария*); А. Золтан (*Венгрия*);
Б. Вимер, Р. Марти (*Германия*);
М. Гардзанити (*Италия*); Й. Схакен
(*Нидерланды*); свящ. Михаил
Желтов, Е. И. Кислова,
Р. Н. Кривко, М. М. Макарец,
Ф. Р. Минлос, А. М. Молдован,
С. Л. Николаев, Д. Г. Полонский,
Т. В. Рождественская, А. А. Турилов,
Б. А. Успенский, А. Д. Шмелев
(*Россия*); Я. Грекович-Мейджор,
Т. Суботин-Голубович (*Сербия*);
А. Жолковский, Р. Романчук,
А. Тимберлейк, У. Федер (*США*);
М. Михалевич, М. Капович
(*Хорватия*); В. Чермак (*Чехия*)

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Vol. 8

Nº 2

p-ISSN 2304-0785
e-ISSN 2305-6754
DOI 10.31168/2305-6754

Свидетельство о государственной
регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-68309 от 30.12.2016

PKP Supported by:
Open Journal Systems
<http://pkp.sfu.ca/ojs/>
PUBLIC KNOWLEDGE PROJECT

SHERPA/RoMEO blue journal

Сайт / Website: <http://slovene.ru/>
E-mail: editorial@slovene.ru

Журнал включен в перечень
рецензируемых научных изданий ВАК
Минобрнауки РФ

Included in / Журнал включен в:

Scopus
Web of Science. Emerging Sources Citation Index
Российский индекс научного цитирования
Russian Science Citation Index

<https://www.scopus.com/>
<http://wokinfo.com/>
<http://elibrary.ru>

Academic Editors

F. B. Uspenskij (Editor-in-Chief),
Institute for Slavic Studies, Moscow
E. I. Kislova, Lomonosov Moscow State University
R. N. Krivko, University of Vienna
R. Marti, Saarland University, Saarbrücken
D. G. Polonski, Institute for Slavic Studies, Moscow

Managing Editors

A. O. Burtseva, E. I. Kislova, M. M. Makartsev,
R. Marti, D. G. Polonski, A. E. Soboleva

Technical Copy Editors

A. O. Burtseva, E. A. Pasternak, X. Dmitrieva,
K. V. Sarycheva, A. A. Troitskaya, M. S. Yakovleva

Russian Language Copy Editors, Proofreaders

A. O. Burtseva, L. Sh. Davletshina, E. I. Kislova,
K. V. Sarycheva, M. S. Yakovleva

Bulgarian Language Copy Editor, Proofreader

M. M. Makartsev

English Language Copy Editors, Proofreaders

M. A. Borun, D. D. Khazankin

Layout Editor

M. N. Tolstaya

Design (2012)

I. N. Ermolaev

Научная редакция

Ф. Б. Успенский (главный редактор),
Институт славяноведения РАН, Москва
Е. И. Кислова, Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Р. Н. Кривко, Венский университет
Р. Марти, Университет земли Саар, Саарбрюкен
Д. Г. Полонский, Институт славяноведения РАН,
Москва

Редакторы выпуска

А. О. Бурцева, Е. И. Кислова, М. М. Макартцев,
Р. Марти, Д. Г. Полонский, А. Е. Соболева

Технические редакторы

А. О. Бурцева, Е. А. Пастернак, К. Дмитриева,
К. В. Сарычева, А. А. Троицкая, М. С. Яковлева

**Литературные редакторы, корректоры (рус-
ский язык)** А. О. Бурцева, Л. Ш. Давлетшина,
Е. И. Кислова, К. В. Сарычева, М. С. Яковлева

**Литературный редактор, корректор
(болгарский язык)** М. М. Макартцев

**Литературные редакторы, корректоры
(английский язык)** М. А. Борун, Д. Д. Хазанкин

Верстка

М. Н. Толстая

Дизайн (2012)

И. Н. Ермолаев

Slovène = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 8. № 2. — Москва: Институт славяноведения Российской академии наук, 2019. — 424 с.

Номер издан при поддержке Фонда инновационных научно-образовательных программ "Современное Естествознание".

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons "Attribution-NoDerivatives"
4.0 Всемирная / Journal content is licensed under a
Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International License
<http://creativecommons.org/licenses/by-nd/4.0/>

© Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences, 2019

© Authors, 2019

© Igor' N. Ermolaev (design), 2012

Contents / Содержание

Статьи / Articles

- 7 С. М. Михеев (Москва). *Минеи двух Домок: Еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря*
S. M. Mikheev (Moscow). *The Menaia of Two Domkas. Once More on the Scribes of the Menaia from the Novgorod Convent of St. Lazarus*
- 57 D. Stern (Ghent). *Subject-tracking and Topic Continuity in the Church Slavonic Translation of the Story of Abraham and his Niece Mary*
Д. Штерн (Гент). *Установление субъекта и непрерывность темы в церковнославянском переводе Слова об Авраамии и его племяннице Марии*
- 87 И. М. Грицевская (Новосибирск). *Старшие виды месяцесловов Иерусалимских Уставов в русской книжности XV в.: становление и развитие репертуара памятей*
I. M. Gritsevskaya (Novosibirsk). *Menology of the Jerusalem Typicon in the Russian Manuscripts of the 15th Century: The Early Formation and Development of the Repertoire of the Commemorations of Saints*
- 113 З. Н. Исидорова (С.-Петербург). *К вопросу о происхождении прозвища Логофет у Пахомия Серб*
Z. N. Isidorova (St. Petersburg). *On the Origin of the Epithet Logothetes Used by Pachomius the Serb*
- 140 М. Цибранска-Костова (София). *Храна и аксиология според два текста в молдовски сборник Ms.Slav. BAR 649 от XVI век*
M. Tsibranska-Kostova (Sofia). *Food and Axiology According to Two Texts in the 16th Century Moldavian Miscellany Ms.Slav. BAR 649*
М. Цибранска-Костова (София). *Пища и аксиология в двух текстах молдавского сборника Ms.Slav. BAR 649 XVI века*
- 163 А. А. Костин, Т. В. Костина (С.-Петербург). *«Русский автор» в 1739 году: Г. З. Байер, И. И. Тауберт и формирование русского школьного канона*
A. A. Kostin, T. V. Kostina (St. Petersburg). *“Russian author” in 1739: Gottlieb Bayer, Ivan Taubert and the First Steps of Russian School Literary Canon*
- 198 Н. В. Карева, Е. Г. Пивоваров (С.-Петербург). *К истории создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова: хронология, варианты, сотрудники*
N. V. Kareva, E. G. Pivovarov (St. Petersburg). *To the History of M. V. Lomonosov's “Russian Grammar”: Chronology, Versions, Collaborators*
- 217 Е. В. Кардаш (С.-Петербург). *Поэтическая фразеология перевода А. С. Пушкина «Из А. Шенье»: источники и контексты*
E. V. Kardash (St. Petersburg). *The Poetic Phraseology of Pushkin's Translation “From A. Chénier”: Sources and Contexts*
- 239 А. С. Федотов (Москва). *От зрителя к зрителям: формы капитализации труда драматурга в первой половине XIX века (на примере пьес А. Коцебу «Лейб-кучер Петра III» и Н. А. Полевого «Параши Сибирячка»)*
A. S. Fedotov (Moscow). *From the Spectator to Spectators: Forms of Capitalization of the Dramatist's Work in the First Half of the 19th Century (“Leib-kucher Petra III” by August von Kotzebue and “Parasha Sibiryachka” by Nikolai Polevoy)*

- 260 L. Mitkovska (Skopje). *Types of Modality in South Slavic Stative Reflexive-Dative Constructions*
 Л. Митковска (Скопье). Типы модальности рефлексивно-дательных конструкций состояния в южнославянских языках

Публикации / Publications

- 288 М. В. Корогодина (С.-Петербург). *Византийское послание о поставлении епископов и его судьба на Руси в XIII–XIV веках*
 M. V. Korogodina (St. Petersburg). *A Byzantine Epistle on Bishop Ordination and its Text History in Russia in the 13th–14th Centuries*
- 350 П. Кроль (Варшава), А. В. Малов, С. М. Шамин (Москва). *Польский триумф в Варшаве в 1661 г. по случаю побед польско-литовских войск предыдущего «счастливого года»: московский перевод специального выпуска первой польской газеты Merkuriusz Polski из архива Тайного приказа*
 P. Kroll (Warsaw), A. V. Malov, S. M. Shamin (Moscow). *The Polish Triumph in Warsaw in 1661 on the Occasion of the Victories of the Polish-Lithuanian Troops of the Previous "Happy Year": the Moscow Translation of a Special Issue of the First Polish Newspaper "Merkuriusz Polski" from the Archive of the Secret Chancellery*
- 377 Е. В. Зименко, А. Л. Лифшиц (Москва). *Счастливое возвращение Михаила Кутузова*
 E. V. Zimenko, A. L. Lifshits (Moscow). *The Happy Homecoming of Mikhail Kutuzov*

Рецензии / Reviews

- 412 А. А. Алексеев (С.-Петербург). *Славянские глоссы средневековых еврейских сочинений*
 [Рец.: Bláha O., Dittmann R., Komárek K., Polakovič D., Uličná L., Kenaanské glosy ve středověkých hebrejských rukopisech s vazbou na české země, Praha: Academia, 2015. 935 с.]
 A. A. Alexeev (St. Petersburg). *The Slavic Glosses in Medieval Jewish Works*
 [Rev. of: Bláha O., Dittmann R., Komárek K., Polakovič D., Uličná L., Kenaanské glosy ve středověkých hebrejských rukopisech s vazbou na české země, Praha: Academia, 2015. 935 pp.]
- 419 М. И. Чернышева (Москва). *Большой словарь церковнославянского языка Нового времени. Т. II. «В» / Под ред. А. Г. Кравецкого и А. А. Плетневой*
 [Рец.: Давыденкова М. Э., Добровольский И. С., Калужнин Н. В., Корнилаева И. А., Кравецкий А. Г., Мирошниченко М. В., Никифорова А. Ю., Ореханова Е. П., Петрова С. В., Плетнева А. А., Сахарова А. В., Хитров А. Н. Большой словарь церковнославянского языка Нового времени, Т. II, Москва, 2019, 544 с.]
 M. I. Chernysheva (Moscow). *Comprehensive Dictionary of Modern Church Slavonic. Vol. II. "B" / Ed. by A. G. Kravetsky and A. A. Pletnyova*
 [Rev. of: Davydenkova M. E., Dobrovolsky I. S., Kaluzhnnin N. V., Kornilaeva I. A., Kravetsky A. G., Miroshnichenko M. V., Nikiforova A. Yu., Orekhanova E. P., Petrova S. V., Pletnyova A. A., Sakharova A. V., Khitrov A. N., Comprehensive Dictionary of Contemporary Church Slavonic. Vol. II, Moscow, 2019, 544 pp.]

Минеи двух Домок:
Еще раз о писцах
служебных миней
из новгородского
Лазарева
монастыря*

The Menaia
of Two Domkas.
Once More on the
Scribes of the
Menaia from the
Novgorod Convent
of St. Lazarus

**Савва Михайлович
Михеев**

Институт славяноведения Российской
академии наук;
Школа актуальных гуманитарных
исследований РАНХиГС
Москва, Россия

Savva M. Mikheev

Institute of Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences;
School for Advanced Studies in the
Humanities (RANEPА)
Moscow, Russia

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 17-29-09015 «Новые источники по истории русского языка и письменности: Публикация, историко-филологический анализ и дигитализация древнерусских текстов». Автор признателен В. Б. Крысько за критику лингвистически спорных построений, А. А. Гиппиусу за дискуссию о месте написания и предназначении рассматриваемых рукописей, Г. А. Молькову за многочисленные ценные замечания, а также А. Ю. Виноградову, Р. Н. Кривко, Ж. Л. Левшиной, А. Л. Лифшицу, Е. А. Ляховицкому и А. А. Турилову за разноплановую помощь в работе.

Цитирование: Михеев С. М. Минеи двух Домок: Еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 7–56.

Citation: Mikheev S. M. (2019) The Menaia of Two Domkas. Once More on the Scribes of the Menaia from the Novgorod Convent of St. Lazarus. *Slověne*, Vol. 8, № 2, p. 7–56.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.1

Резюме

Статья посвящена истории рукописей, связанных с новгородским женским монастырем Св. Лазаря.

В центре исследования находятся два комплекта древних миней: миней 1090-х гг. за три первых месяца богослужебного года, которые объединяет между собой участие в их написании Якова Домки и Михаила, и миней за другие пять месяцев, вышедшие из-под пера Матфея и Лаврентия. Почерк не известного прежде по имени первого писца январской минеи атрибутирован лазаревскому попу Домке, первому писцу Милытина евангелия и второму писцу древнейшего славянского паремейника — Лазаревского (или Сквородского) паремейника.

Анализ сведений выходных записей Якова Домки, попа Домки и Матфея позволяет сделать вывод, что минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь предназначались для женского монастыря Богородицы в Зверинце, а Милытино евангелие и минеи за январь, февраль, апрель, июль и август — для Лазарева монастыря. Косвенные признаки указывают на то, что минеи за январь–август были созданы в соседнем мужском Духовом монастыре.

Попутно в работе рассматривается история рукописей, поступивших на московский Печатный двор в 1679 г. из новгородских монастырей Св. Лазаря и Арх. Михаила на Сквородке, а также опубликованы выверенные тексты всех записей писцов двух минейных комплектов.

Ключевые слова

Древняя Русь, Новгород, XI–XII века, рукописи, скриптории, писцы, служебные минеи, Милытино евангелие, Лазаревский (Сквородский) паремейник, Лазарев монастырь, Сквородский монастырь, Зверин монастырь, Духов монастырь, палеография, экстратексты, выходные записи

Abstract

The article deals with the history of several manuscripts related to the Novgorod convent of St. Lazarus.

The study focuses on two sets of ancient Menaia: the Menaia of the 1090s for the first three months of the liturgical year, which were jointly written by Jacob Domka and Michael, and five Menaia for other months, written by Matthew and Lawrence. The handwriting of the first scribe of the January Menaion, previously anonymous, is attributed to St. Lazarus' priest Domka, the first scribe of the Milyatino Gospel and the second scribe of the St. Lazarus (or Skovorodka) Prophetologion, the oldest known Slavic Prophetologion.

Analysis of the colophons of Jacob Domka, Domka the priest and Matthew suggests that the Menaia for September, October and November were written for the Zverin convent of the Mother of God, whereas the Milyatino Gospel and the Menaia for January, February, April, July and August—for St. Lazarus convent. Circumstantial evidence suggests that the Menaia for January–August were created in the nearby Holy Spirit Friary.

Also, the paper discusses the history of manuscripts received at the Moscow Printing House in 1679 from the Novgorod convent of St. Lazarus and the monastery of Archangel Michael on Skovorodka and includes revised texts of all scribal notes found in the two abovementioned sets of Menaia.

Keywords

Old Russia, Novgorod, 11th–12th centuries, manuscripts, scriptoria, scribes, Me-naia, Milyatino Gospel, St. Lazarus (Skovorodka) Prophetologion, St. Lazarus convent, Skovorodka monastery, Zverin convent, Holy Spirit monastery, paleography, extratexts, colophons

Данная статья посвящена происхождению комплекса пергаменных рукописей, так или иначе связанных с новгородским женским монастырем Св. Лазаря, впервые упомянутым в летописи под 1300 г. Три из этих рукописей — служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь — датируются 1090-ми годами.

Основным источником исследования будут записи или, используя удачный термин В. Б. Крысько [2018], *экстратексты* рассматриваемых рукописей. Из дополнительных источников можно выделить палеографию, то есть особенности письма писцов этих книг. Для уточнения истории написания и дальнейшего функционирования рукописей необходимо атрибутировать почерки, а также уточнить текст и перевод экстратекстов.

В первой части работы рассматриваются сведения, которые могут пролить свет на вопрос о месте хранения интересующих нас рукописей в разное время; во второй части перечислены границы почерков, которыми написан основной текст миней из Лазарева монастыря; третий раздел посвящен маргиналиям, характеризующим процесс работы писцов; четвертый раздел — одному из писцов Милятина евангелия и Лазаревского (Сковородского) паремейника, отождествляемому с одним из писцов минейного комплекта; наконец, пятый раздел строится на анализе выходных записей писцов миней и призван ответить на вопрос о месте и цели их написания.

В статье приведены все выходные и датированные записи лазаревских миней, а также все маргиналии их писцов. Некоторые экстратексты публиковались ранее с ошибками в воспроизведении, переводе или интерпретации текста. Несколько записей публикуется впервые. Те записи, которые не были опубликованы ранее или опубликованы с ошибками, а также экстратексты, которые важны для уточнения истории рассматриваемых рукописей, приводятся с переводами и комментариями палеографического, лингвистического, исторического характера.

При передаче текста используются следующие условные обозначения: в квадратные скобки взяты не полностью сохранившиеся буквы, которые восстанавливаются неоднозначно, в круглые — чистые конъектуры, в фигурные — буквы, написанные по ошибке, а в угловые —

нормализованные записи. Дефисами обозначены непрочитанные буквы (количество дефисов соответствует вероятному количеству букв), отточиями — неизвестное количество непрочитанных букв, вертикальными линиями — границы строк, а сдвоенными вертикальными линиями — границы листов.

1. «Лазаревы книги»

11 сентября 1679 г. стряпчий Софийского дома в Москве Артемий Сназин передал на Печатный двор (в Патриаршую типографию) 44 рукописи, доставленные от митрополита Корнилия. Эта посылка стала результатом распоряжения патриарха Иоакима новгородскому митрополиту Корнилию, отправленного 4 декабря 1677 г.: «харатейные старобытные книги, по которым церковные службы не исправляются, отобрать и прислать к Москве, а тех монастырей у властей, а церквей у попов взять росписи, какими книгами у них недовольство, и вместо тех харатейных взятых книг даны им будут на Москве с печатного двора печатные книги» [Дополнения 1859: 305, № 63]. Аналогичное распоряжение, судя по всему, было направлено патриархом и во Псков, так как 25 июля 1679 г. старец Середкина монастыря Гавриил передал на Печатный двор от псковского архиепископа Арсения более 110 рукописей. Большинство рукописей, привезенных в Москву в 1679 г., теперь хранится в собрании Синодальной типографии (далее — *Тип.*) в Российском государственном архиве древних актов в Москве.

Историю перемещения псковского и новгородского книжного богатства в библиотеку Патриаршей типографии тщательно изучил А. А. Покровский [1916], который попытался определить происхождение сохранившихся книг по эскизным описям 1679 г. и по сделанным на них перед отправкой в Москву пометам: во Пскове и Новгороде на некоторых рукописях были отмечены монастыри и церкви, из которых они были взяты, а уже в Москве работники Патриаршей типографии указывали на всех новоприбывших книгах их объем в тетрадах и листах. При этом, по наблюдению А. А. Покровского [1916: 29], новгородские и псковские рукописи обсчитывали разные сотрудники Патриаршей типографии. В результате большинство книг, указанных в сухих перечнях 1679 г., удастся отождествить с сохранившимися рукописями.

Как определил А. А. Покровский, из не существующего ныне новгородского монастыря Св. Лазаря происходят как минимум семь типографских рукописей: пять томов служебных миней рубежа XI–XII вв.: за сентябрь *Сент. Тип-84*, октябрь *Октяб. Тип-89*, январь *Янв. Тип-99*, февраль *Февр. Тип-103* и апрель *Апр. Тип-110*, цветная триодь *Тип-138*

того же времени и нотированный стихирарь *Тип-147* конца XII — начала XIII в.¹

Одна из этих рукописей точно датируется по имеющейся в ней древней записи: в октябрьской минее содержится дата 26 марта 6604 (1096) г. (см. запись (16) ниже). Сентябрьский том, написанный тем же писцом, принято условно датировать 1095 годом.

Приведу находящиеся в семи перечисленных рукописях скорописные записи XVII в. об их принадлежности монастырю Св. Лазаря:

- (1) **К̅нга Лазор[е]ва** (*Сент. Тип-84*, л. 2, нижнее поле).
- (2) **К̅нга Лазорева** (*Октяб. Тип-89*, л. 2, нижнее поле).
- (3) **К̅нга Лазорева** (*Янв. Тип-99*, л. 2, нижнее поле).
- (4) **К̅нга Лазорева** (*Февр. Тип-103*, л. 1, нижнее поле).
- (5) **К̅нга Лаз[ор]ева** (*Апр. Тип-110*, л. 2, нижнее поле).
- (6) **К̅нга Лазорева** (*Тип-138*, л. 2, нижнее поле).
- (7) **К̅нга Лазорева** (*Тип-147*, л. 1, нижнее поле).

Все эти записи сделаны одним почерком, одними и теми же сильно выцветшими чернилами.

Тем же почерком выполнена запись на изборном октоихе XIII в., попавшем из Лазарева монастыря в библиотеку Софийского собора и хранящемся ныне в Софийском собрании РНБ:

(8) **К̅нга Лазорева пол** (*Соф-122*, л. 2, нижнее поле). Недописанное последнее слово, возможно, приписано другой рукой. Нельзя исключать, что это было слово «полдестъ» — обозначение формата рукописи.

На последнем листе апрельской минеи *Апр. Тип-110* имеется и более ранняя запись о принадлежности этой рукописи Лазареву монастырю:

(9) **м̅нниа · м̅сѣцѣ · априла · Ствго (!) Лазора ·** (*Апр. Тип-110*, л. 110 об., нижнее поле). Данную запись можно приблизительно датировать первой половиной XVI в.

Строкой ниже эта запись продублирована скорописью:

(10) **м̅нния м̅сѣца априла С[тго] Лаз[о]ря** (*Апр. Тип-110*, л. 110 об., нижнее поле).

В стихираре *Тип-147* читается пространный маргиналий лазаревского попа Оксентия:

¹ Во Пскове тоже был монастырь Св. Лазаря, откуда в Москву в 1679 г. был доставлен пролог *Тип-175* XV в. В отличие от перечисленных новгородских рукописей, в этой книге запись о происхождении — «Книга Лазаревского монастыря» — была сделана на ярлычке, наклеенном на внутреннюю сторону верхней крышки переплета [Покровский 1916: 84], как и почти во всех остальных рукописях, отправленных из Пскова в 1679 г.

(11) **аже станеть · по мнѣ кто попь | оу Сѣтго (!) Лазора · поминаите
ма | Ба дѣла · оу службѣ и въ мѣтва|хъ · попа · Сѣксѣнтѣа много-
грѣ|шнаго · а васъ Бѣ браѣ · моа по|манеть во своѣмъ си цѣркви |
аминь** (*Туп-147*, л. 27, нижнее поле). Согласно А. А. Турилову, данную запись можно датировать первой половиной — серединой XIV в.²

Н. В. Волков [1897: 33], А. А. Покровский [1916: 78–79] и В. Л. Янин [1982: 54] считали попа Оксентия идентичным переплетчику Оксентию, которому принадлежит запись о переплетении новгородской апрельской минеи *Апр. Туп-110*:

(12) **се азъ раб(ъ) | бжи Оѣ|ѣ|нтѣ|и | препло|лъ кн|и|гы сеа** (*Апр. Туп-110*, л. 16, правое поле). Вероятно, Оксентий начал писать со слова «азъ», а слово «се» было приписано позднее. Малое число букв в третьей строке объясняется тем, что слева от ѣ в третьей строке — клякса, а справа — хвост от буквы ѣ.

А. А. Покровский подчеркивал тождество почерков записей в минее и стихираре. Между тем, как справедливо отмечено в «Сводном каталоге», эти почерки совсем разные [СК XI–XIII 1984: 189, № 168]. По оценке А. А. Турилова, запись переплетчика в апрельской минее можно датировать второй половиной — концом XIII в.³

Стихирарь написан тем же почерком, что и нотированный параклитик *Туп-80*, который А. А. Покровский [1916: 67] не относил к рукописям, поступившим в Москву из Новгорода в 1679 г. Между тем, эта книга уверенно опознается в перечне рукописей, полученных Печатным двором от стряпчего Артемия Сназина, где она названа «каноником», то есть сборником канонов [Покровский 1916: 22]⁴. К сожалению, более точно место хранения параклитика до 1679 г. неизвестно.

Первые три листа триоди *Туп-138* добавлены к рукописи в XIII в. Они содержат канон св. Лазарю, что указывает на нахождение триоди в Лазаревом монастыре в XIII в.

Большое значение для истории создания миней из Лазарева монастыря имеют многочисленные записи на первом (защитном) листе октябрьского тома. Основной текст минеи начинается со следующего листа. Обратная сторона защитного листа почти полностью занята экстратекстами, а на лицевой стороне находится одна древняя запись:

² Письмо А. А. Турилова автору этой статьи от 10 марта 2019 г. Датировки, предлагавшиеся ранее: XIII–XIV вв. [Покровский 1916: 78; СК XI–XIII 1984: 188, № 168], нач. XIV в. [Столярова 1998: 202]. Тем же почерком, по-видимому, выполнены записи на лл. 122 об. — 123 об.

³ Письмо А. А. Турилова автору этой статьи от 10 марта 2019 г. Другие датировки: XIII–XIV вв. [Покровский 1916: 78; СК XI–XIII 1984: 188, № 168], конец XIII в. [Столярова 2000: 168, 445, № 142].

⁴ Ср. также [Лозовая 2009: 19–20].

(13) **Стго Ла[зо]ра мѣца (ок)тамбра | стго апѣла Ананиа и стго Романа | пвьца ∷** (Октяб. Тип-89, л. 1). Буквы *мѣ* в слове *мѣца* записаны лигатурно, копируя лигатуру из подзаголовка службы 1 октября, с которого начинается основной текст минеи (2r₁). Е. В. Уханова [2009: 223] без аргументации предложила считать почерк этой записи тождественным почерку основного писца октябрьской минеи — Якова Домки. Между тем, эти почерки совершенно различны. По бытовой орфографии и характерным начертаниям букв *а* и *л* запись следует датировать вт. пол. XIII — XIV в. Как указал уже архимандрит Савва (Тихомиров), эта владельческая запись свидетельствует о принадлежности октябрьской минеи Лазареву монастырю [Савва 1859: 371].

На оборотной стороне защитного листа наибольший интерес представляют пять записей:

(14) **Гѣ помози рабоу своему Григо[ри]-----|----- (г)рѣшьномуу Григорѣ ѡле** (Октяб. Тип-89, л. 1 об., сверху страницы). Буквы в конце первой строки и около семи букв в начале второй строки не видны под густыми пятнами. Правый край листа поврежден и загнут, из-за чего на фотокопии на сайте РГАДА последняя буква записи видна на фотографии лицевой стороны данного листа (над нею находится предпоследняя буква первой строки, предположительно — [w]). В начале второй строки могло стоять слово *мъноггрѣшьномуу*. Как заметил архимандрит Савва [1859: 371], позднее запись была наведена другой рукой (ср. начертания петель букв *р*: углом вверх в почерке Григории и округлая в более позднем почерке)⁵.

(15) **мѣца окта|(бра)** (Октяб. Тип-89, л. 1 об., под предыдущей записью, справа). Запись была выполнена малыми инициалами под заставкой с крестом, повторяющей очертания начальной заставки основного текста минеи (л. 2). Невооруженным глазом видна только выносная буква *с* под титлом в первой строке. Остальной текст смыт: первая строка хорошо видна в ультрафиолетовых лучах, а от второй строки, выровненной по центру, видны следы трех затертых букв. Справа и слева вторую строку фланкируют лаконичные записи «Гѣ» (без титл).

(16) **въ лѣтѣ гѣхд мѣца марта · въ кѣ** (Октяб. Тип-89, л. 1 об., под предыдущей записью). Однострочная запись начинается несколько выше и левее центра страницы. Вероятно, это древнейшая запись на данном листе. Она содержит дату 26 марта 6604 (1096) г., написанную, по

⁵ Слова «Григорѣ ѡле», прочитанные уже архимандритом Саввой [1859: 371], закономерным образом не опознавшим лишь новгородское диалектное окончание *-е*, Е. В. Уханова [2009: 223] воспроизводит как «Григорѣ Жѣ|рѣ», используя для этого два буквоподобных знака, видимых под буквами *л* и *ѡ*. Судя по всему, эти странные знаки принадлежат руке того, кто обводил данную запись.

6 книг харатейных» [Опись 1617 г.: 122]. Не вполне ясно, как шесть харатейных книг Описи 1617 г. соответствуют семи дошедшим до нас рукописям, привезенным в 1679 г. в Москву и помеченным записями «Книга Лазорева». В. Л. Янин [1982: 62] предлагал два объяснения этой нестыковки: либо часть «Лазоревых книг» хранилась в 1617 г. в Софийском соборе из-за разорения монастыря при шведской оккупации, либо какие-то из томов миней были сплетены попарно.

Как минимум две бумажных рукописи из Лазарева монастыря хранились в XIX в. в библиотеке Софийского собора. На служебнике XV в. сохранилась скорописная помета:

(20) **Лазорев · двѣчѣ мнѣтра** (Соф-622, л. I об., сверху, по центру).

Вторая рукопись известна по описанию архимандрита Макария (Миролюбова), который работал с нею в библиотеке Софийского собора, где она хранилась под № 49. Описывая каменную церковь Св. Лазаря в упраздненном в то время монастыре и говоря о существовавшей здесь прежде деревянной церкви Иоакима и Анны, Макарий приводит запись «на служебнике начала XVI века: “служебник Лазаря праведного и св. праведных богоотец Иоакима и Анны”» [Макарий 1860: 151, прим. 65].

Вероятно, при разборе бумажных рукописей Софийского и других собраний будут найдены и другие лазаревские книги, однако вряд ли они смогут пролить свет на историю формирования монастырской библиотеки в конце XI — XIII вв.

Существенная информация о древних рукописях монастыря Св. Лазаря связана с книжным собранием другой новгородской обители.

За находившимся южнее Новгорода и неподалеку от Городища монастырем Арх. Михаила на Сковородке к 1679 г. числился древнейший славянский список паремейника — паремейник *Tun-50*, ранее ошибочно датированный XIII или XIV в. На этой рукописи, дошедшей до нас без начала и конца, есть три важных скорописных записи XVI–XVII вв.

(21) **Книга Сковороѣскаго мнѣтра** (*Tun-50*, л. 1, нижнее поле). Запись перекрывает собою более ранний затертый текст, который читается фрагментарно:

(22) ...[тцко]г(о м)[нѣ](тр)[нѣ] (*Tun-50*, л. 1, нижнее поле). Начало записи прочесть не удалось.

Если записи (21) и (22) были сделаны в 1670-е гг. в связи с отправкой рукописи в Москву, то следующая запись относится к более раннему времени, когда паремейник еще принадлежал другому монастырю:

(23) **Книга || глголемаѣ || пареме^нни^к || деви^чѣ || мнѣтра || Лазорева || грѣшно^н || и непотре^бно^н || ра^б бжи^н || ділче^к || Іва^н || туто^шно^и ділче^к || А да^л ту книгу || в До^м || Лазорева || праве^д || (...)**

(*Туп-50*, л. 40–53, 55–56, скрепа на нижних полях лицевых сторон листов). Перевод: ‘Книга под названием *Паремейник* женского Лазарева монастыря. Грешный и негодный раб божий дьячок Иван, здешний дьячок. А дал эту книгу в Дом правед[ного] Лазор[я] ...’. Конец записи, по-видимому, утрачен: между листами 56 и 57 в рукописи отсутствует тетрадь, содержащая чтения с пятницы четвертой недели поста по пятницу пятой недели поста⁷. Издатели «Сводного каталога» интерпретируют эту запись как сообщение о дарении рукописи дьячком Иваном в Лазарев монастырь [СК XIV 2002: 642, № д48]. Кажется более вероятным, что паремейник принадлежал Лазареву монастырю и до того. В утраченном продолжении записи дьячка Ивана могла содержаться информация о первоначальном ктиторе этой рукописи, выходных записей которой не сохранилось.

Возможно, лазоревский дьячок Иван тождествен уже упомянутому выше лазоревскому дьячку, фигурирующему в Описи 1617 г. Между тем, сама рукопись к 1617 г., вероятно, уже не принадлежала Лазареву монастырю.

Из Сковородского монастыря в Москву в 1679 г. были привезены вместе с паремейником две древних служебных минеи за ноябрь: *Нояб. Туп-91* и *Нояб. Туп-92* — и праздничная минея Тип-131, известная как *Ильина книга*. Об их принадлежности монастырю на Сковородке свидетельствуют записи:

(24) **Сковоротцкого мнѣтра** (*Нояб. Туп-91*, л. 1, нижнее поле).

(25) **Сковоротцкого мнѣтра** (*Нояб. Туп-92*, л. 1, нижнее поле).

(26) **Сковоротцкого мнѣтра** (*Ил.*, л. 2, нижнее поле).

Все эти три записи выполнены сильно выцветшими чернилами, тем же почерком, что и записи (1–8) на «Лазаревых книгах» и затертая запись (22) в паремейнике.

Ноябрьская минея *Нояб. Туп-91*, судя по всему, попала на Сковородку из Лазарева монастыря вместе с паремейником: о ее местонахождении в Лазаревом монастыре или его окрестностях свидетельствуют две записи, выполненные в углу первого листа 18-й тетради рукописи одним почерком XVI в. В них упоминается игумен Святого Николы, то есть игумен сохранившегося монастыря Николы Белого, основанного в 1312 г. между Лазаревым и Звериным монастырями:

(27) **покуш|аю пера | и чернил|а добро | ли w (!) и|гумена** (*Нояб. Туп-91*, л. 129, правое поле, сверху).

⁷ В 1679 г. эта часть рукописи уже была утрачена: согласно скорописной записи на л. 126 об., тогда в паремейнике было 15 тетрадей и 7 листов, то есть 127 листов, а сейчас — 126 листов (в действительности это 17 тетрадей, три из которых содержат по шесть листов, а еще одна — четыре).

(28) **покуша (!) пе|ра и черни|ла до (!) · ѿ иг|умена Фе|досиѧ · |
Стго Нико^а | ~ (Нояб. Туп-91, л. 129, правое поле). Е. В. Уханова [2009: 224–225] делает из данной записи вывод, что именно Никольский монастырь был заказчиком ноябрьской минеи. Впрочем, если бы рукопись находилась в Никольском монастыре, то его название в записи не нужно было бы указывать.**

Одному из писцов ноябрьской минеи *Нояб. Туп-91* принадлежит запись с годовой датой:

(29) **въ лѣ̑ · с̑ · х̑ · ѿ ·** ~ (Нояб. Туп-91, между строками 171_{v13} и 171_{v14}). Нижняя треть данного листа отрезана. Гипотетически нельзя исключать, что там были еще какие-то записи.

По данной записи эту рукопись обычно называют *Минеей 1097 года*. Запись вписана на пустой строке над заголовком канона апостолу Андрею 30 ноября (первые два слова вписаны между надстрочными элементами слов «гла̑ · г̑», а число — над началом слова «Андрѣа»). Необычное расположение записи могло быть вызвано тем, что ее сделали именно 30 ноября 6605 г.⁸ Говоря более осторожно, можно утверждать, что второй писец ноябрьской минеи оставил эту запись не ранее сентября 1096 г. (начала сентябрьского 6605 г.), но не позднее февраля 1098 г. (конца мартовского 6605 г.).

Причины концентрации древних новгородских рукописей в Сковородском монастыре, впервые упоминаемом лишь под 1355 г. в связи с закладкой его каменного храма⁹, не вполне ясны. В 1679 г. в Москву из Сковородского монастыря была отправлена еще как минимум одна партия харатейных рукописей, состоявшая из двух евангелий и трех прологов [Покровский 1916: 173, прим. 1]¹⁰. Согласно Описи Новгорода, в 1617 г. монастырь Архангела Михаила на Сковородке не действовал, а его имущество хранилось в церкви Ильи Пророка на Славне и включало в себя 25 (!) харатейных книг [Опись 1617 г.: 117]. В этой коллекции, по-видимому, были древнейший славянский паремейник *Туп-50*, одна из древнейших славянских миней (Ильина книга *Туп-131*), две древние

⁸ 30 ноября сентябрьского 6605 г. соответствует 30 ноября 1096 г., то есть через восемь месяцев после написания записи (16) в октябрьской минее *Октяб. Туп-89*, а 30 ноября мартовского 6605 г. — 30 ноября 1097 г. Как будет видно ниже, две эти рукописи были выполнены в одном скриптории. К сожалению, мы не знаем, работали ли писцы октябрьской и ноябрьской миней параллельно или последовательно, поэтому их датированные записи не дают возможности установить темп работы над рукописями.

⁹ Ср. известие Новгородской I летописи: «В лѣто 6863. Постави владыка Моиси церковь камѣну Святого Михаила на Сковороткѣ» [Новгородская I летопись: 364].

¹⁰ А. А. Покровский [1916: 174, прим. 1] относил к их числу евангелие № 70 из Синодального собрания ГИМ 1355 г. [СК XIV 2002: 262–264, № 141].

ноябрьские минеи (*Нояб. Тип-91* и *Нояб. Тип-92*) и многие другие уникальные памятники старины¹¹.

Итак, в новгородском Лазаревом монастыре в XVI–XVII вв. находились не менее десяти рукописей XI–XIII вв., в том числе шесть пергаменных миней (*Сент. Тип-84*, *Октяб. Тип-89*, *Нояб. Тип-91*, *Янв. Тип-99*, *Февр. Тип-103*, *Апр. Тип-110*), цветная триодь *Тип-138* и паремейник *Тип-50*, а также какое-то пергаменное евангелие, время написания которого неизвестно. В некоторых из этих рукописей есть свидетельства их принадлежности Лазареву монастырю и в более раннее время. Позднее — вероятно, в Смуту — ноябрьская минея и паремейник попали в монастырь Архангела Михаила на Сковородке, в котором тогда оказалось еще несколько древних новгородских рукописей.

2. Писцы миней

Работая с рукописями библиотеки Синодальной типографии, архимандрит Савва обратил внимание на сходство «по характеру письма и по чернилам» ноябрьской минеи *Нояб. Тип-91*, датированной 6605 (1096–1097 или 1097–1098) годом, и апрельской минеи *Апр. Тип-110* [Савва 1859]. В свою очередь И. И. Срезневский [1882: 35–36] указал на написание сентябрьской минеи *Сент. Тип-84* и октябрьской минеи *Октяб. Тип-89* с датой 26 марта 6604 (1096) г. одним писцом — Яковом Домкой. Исследователь не сомневался, что типографские минеи за три первых месяца богослужебного года относятся к одному комплекту. С другой стороны, Н. В. Волков [1897: 33] заметил, что в написании февральской минеи *Февр. Тип-103*, апрельской минеи *Апр. Тип-110*, июльской минеи *Июл. Тип-121* и августовской минеи *Авг. Тип-125* принимали участие одни и те же два писца — Матфей и Лаврентий¹². Уже много позже при описании рукописей Синодальной типографии было определено, что почерк Матфея есть и в январской минее *Янв. Тип-99* [СК XI–XIII 1984: 80, № 39].

Границы участков текста лазаревских миней, переписанных разными почерками, указаны в работах В. С. Голышенко [1982: 14–15,

¹¹ Монастырь был возобновлен в 1620 году. Он превращен в руины во время Великой Отечественной войны и до сих пор не восстановлен.

¹² Неполные по своей сохранности июльская минея *Июл. Тип-121* и августовская минея *Авг. Тип-125*, как показал А. А. Покровский [1916], попали в Москву из Новгорода в 1679 г. В описи 1679 г. эти рукописи, по-видимому, прячутся под описанием «2 миней неполные в розни» в рубрике «Книги в четверть» [Покровский 1916: 23]. В отличие от большинства новгородских рукописей, отправленных тогда в Москву, записи о происхождении на них отсутствуют. Возможно, они были привезены из Новгорода в одной папке, на которой и было указано их происхождение.

прим. 39] и Е. В. Ухановой [2009: 222–225]¹³. Особенно важны наблюдения Е. В. Ухановой о почерках миней за три первых месяца богослужебного года, в которых ею выделено несколько включений дополнительных почерков: вкрапление некнижного почерка в сентябрьском томе, вкрапление почерка писца ноябрьской минеи Михаила в октябрьской минее и вкрапление почерка третьего писца в ноябрьском томе.

Всего в работе над восемью минейными рукописями принимали участие восемь писцов и один ученик (У), который переписал некнижным почерком всего пять строк на л. 42 об. сентябрьской минеи¹⁴. Четверо из писцов оставили свои имена в выходных записях и маргиналиях минейного комплекта, а имя пятого мы узнаем из другой рукописи, основным писцом которой он был. Это были (А) безымянный писец, переписавший только первую тетрадь сентябрьской минеи, (Б) Яков Домка, который писал тома за сентябрь и октябрь, (В) безымянный писец, переписавший вторую половину ноябрьской минеи и, по-видимому, четыре строки в сентябрьской минее, (Г) Михаил (его мирское имя, предположительно, было *Блдына*), переписавший первую половину ноябрьской минеи и шесть строк в октябрьском томе, (Д) безымянный писец, который переписал только 16 строк на л. 39 об. в ноябрьской минее, (Е) первый писец январского тома, об идентификации которого будет сказано ниже, (Ж) Матфей, переписывавший минеи за январь, февраль, апрель, июль и август (последнюю — единолично), и, наконец, (З) Лаврентий, участвовавший в написании февральской, апрельской и июльской частей.

Ниже указаны участки текста миней, переписанных этими девятью почерками:

(А) *Сент. Тип-84*: 1r–8v;

(Б — Яков Домка) *Сент. Тип-84*: 9r–37r₉, 37r₁₂–42v₁₅, 42r₂₀–176v; *Октяб. Тип-89*: 2r–18v, 19r₆–127v;

¹³ В работе В. С. Голышенко почерки миней за три первые месяца богослужебного года не рассматриваются. Представленный ниже перечень составлен на основе указанных работ с минимальными поправками.

¹⁴ Как верно указывает Е. В. Уханова [2009: 213], этот выявленный ею некнижный почерк близок к почерку второго писца Милятина евангелия, идентичному почерку параклитика из Львовского музея (шифр: Рк. Q.404/31333; описание: [СК XI–XIII 1984: 308–309, № 369]; снимок: [Уханова 2009: 215 (ил. 4)]). Впрочем, почерк из миней объединяет с почерком евангелия и параклитика лишь некнижный характер (ср. различия в начертаниях букв *е, ж, м, р, х, ч, ь* и др., а также титл). Следует добавить, что типологически близким почерком выполнена маргиналия Бестроя на последнем листе (л. 173 об.) цветной триоди *Тип-138*, которую В. Л. Янин [1982: 61] и Л. В. Столярова [1998: 200] считают написанной в «Лазаревском скриптории», так как в XVII в. она находилась в Лазаревом монастыре. Разумеется, некнижный характер почерка Бестроя, не имевшего непосредственного отношения к написанию цветной триоди, не может быть доводом в пользу гипотезы В. Л. Янина и Л. В. Столяровой.

- (В) *Сент. Тип-84*: 37r₉₋₁₂ (?); *Нояб. Тип-91*: 37v₁₀–38r₁, 108v₁–174v₁₅;
 (У – ученик) *Сент. Тип-84*: 42v₁₅₋₁₉;
 (Г – Михаил) *Октяб. Тип-89*: 19r₁₋₆; *Нояб. Тип-91*: 1r–37v₁₀, 38r₁–39v₅, 40r–108v₁;
 (Д) *Нояб. Тип-91*: 39v₅₋₂₀;
 (Е) *Янв. Тип-99*: 1r–23v;
 (Ж – Матфей) *Янв. Тип-99*: 24r–119v; *Февр. Тип-103*: 1–53r₇, 53v₇–54r₉, 55v; *Апр. Тип-110*: 1–86r, 87v–101r₃, 101v–103v₃, 105r–107v₂, 108r, 109r₁₋₁₁; *Июл. Тип-121*: 45v₁₅–47r₁₆, 49v₇–52v; *Авг. Тип-125*: 1r–112v;
 (З – Лаврентий) *Февр. Тип-103*: 53r₇–53v₇, 54r₉–55r; *Апр. Тип-110*: 86v–87r, 101r₃–101r₂₄, 103v₃–104v, 107v₂₋₂₄, 108v, 109r₁₁–110v; *Июл. Тип-121*: 1–45v₁₅, 47r₁₆–49v₇¹⁵.

Итак, перед нами два комплекта древних миней: минеи 1090-х гг. за три первых месяца богослужебного года, которые объединяет между собой участие в их написании Якова Домки и Михаила, и еще пять миней, вышедших из-под пера Матфея и Лаврентия.

3. Маргиналии

Якову Домке принадлежит восемь маргиналий в сентябрьской минее и одна запись на поле октябрьского тома:

(30) **Г҃и прости́те ма грѣшнаго | оубогаго оунылага недостоинаго раба своего Акова а | мирьскы Дѣмѣка · прости́те же ма аминь** ∷ (*Сент. Тип-84*, л. 56 об., верхнее поле, вверх ногами). Запись сделана на обороте последнего листа седьмой тетради рукописи. Крестильное имя Домки известно только из этой записи.

Мирское имя *Дѣмѣка* образовано от презентной основы корневого глагола *дути* (← *dōti): *дѣм-*, как нарицательное *дѣмѣна* (→ совр. *домна*). А. А. Гиппиус [2007: 40, прим. 20] указал на аналогичное имя *Дѣмילו* в надписи о покупке Бояновой земли на стене Софии Киевской (приблизительно современной лазаревским минеям). Ср. также имя *Дунило* [Веселовский 1974: 104], вероятно, образованное от глагола *дунути*¹⁷.

(31) **Г҃и помози рабоу своему | Дѣмѣкъ ∷** (~ (*Сент. Тип-84*, л. 57, верхнее поле). Запись на первом листе седьмой тетради.

(32) **Г҃и поми́лоуи** (*Сент. Тип-84*, л. 64 об., левое поле). Запись на обороте последнего листа седьмой тетради.

¹⁵ Е. В. Уханова [2009: 223] ошибочно атрибутировала этот почерк Якову Домке.

¹⁶ В. С. Голышенко [1982: 15, прим. 39] ошибочно считала, что в *Апр. Тип-110* нет почерка Лаврентия, а представлен почерк еще одного писца.

¹⁷ Имя *Дѣмѣка* (с вариантом *Дѣмѣко*) представлено также в берестяных грамотах №№ 1045 и 1047 первой половины – середины XII в. и в записи (70) в Милитином евангелии.

(33) **Гѣ простите ма | оубогаго и недосто|наго (!) раба своего | Дѣмѣкоу :~** (Сент. Тип-84, л. 84 об., нижнее поле, слева).

(34) **дѣволѣ ма | изблазни да | Гѣ прости ма** (Сент. Тип-84, л. 84 об., нижнее поле, справа, очень мелким почерком). Тут в последней строке основного текста (84v₂₁) вставлена над строкой пропущенная буква.

(35) **Гѣ простите ма грѣшнаго съблазни мѣною | дѣвалѣ а простите ма съгрѣшша въ бе|зѣми своемѣ** (Сент. Тип-84, л. 123, нижнее поле). В слове *безѣми* <безумии> сочетание <ии> (<ѣи>) записано стяженно. Появление данной записи, вероятно, было вызвано ошибкой писца в последней строке, где он написал «цѣлосѣмѣдомѣмѣ», а затем исправил на «цѣлѣ съ^{всѣ}мѣ домѣмѣ» (123r₂₂).

(36) **Гѣ простите ма грѣшн|наго и оубогаго и недо|стоинаго съгрѣшша тебе аминѣ :~** (Сент. Тип-84, л. 143, нижнее поле).

(37) **Гѣ проститѣ ма грѣшнаго ѣко | въ своихъ грѣсѣхъ съгрѣшѣхъ** (Сент. Тип-84, л. 172, нижнее поле, в рамке). Ср. выражение *въ своихъ грѣсѣхъ погруженѣ* в выходной записи (73) Домки. По-видимому, здесь Домка просит прощения за допущенный им пропуск, который он исправил при помощи пространной вставки над 24 строкой.

(38) **Городѣнѣ пѣ|с|алѣ** (Октяб. Тип-89, л. 52 об., нижнее поле, слева от штриховки, изображенной в продолжение правого нижнего штриха буквы *х* в нижней строке основного текста на этой странице). Это единственная маргиналия Домки в октябрьской минее. Буква *ѣ* во второй строке приписана к мачте буквы *р*, опускающейся с первой строки записи.

Необычное имя *Городѣнѣ* с суффиксом *-ѣнѣ* не отыскивается в других восточнославянских источниках, но соответствует южнославянскому *Градѣнѣ* [Грковић 1986: 68]¹⁸.

Все исследователи, начиная с архимандрита Саввы [1859: 371], удивлялись тому, что эта запись написана почерком Якова Домки: «Судя по надписям, рукопись очевидно писана разными писцами; но почерк письма по всей рукописи, от начала до конца, совершенно почти одинаков», — писал первый исследователь типографских миней [Савва 1859: 372]. По словам В. Ягича [1886: XI–XII], писец Городен писал так сходно с Яковом Домкой, что написанная им часть рукописи не может быть выделена¹⁹. По мысли Е. В. Ухановой [2009: 223], уже после

¹⁸ Оно не относится к группе имен, равных или подобных причастиям, типа *Володѣнѣ, Жадѣнѣ, Хотѣнѣ* [Зализняк, ДНД₂: 204], так как глагола *городѣти* не существует. Ср. другие имена на *-ѣнѣ* [Грковић 1986: 228; SSNO, Index a tergo: 170]. Благодарю В. Б. Крысько за консультацию по этому вопросу.

¹⁹ В свою очередь в «Сводном каталоге» [СК XI–XIII 1984: 48, № 9] и у Л. В. Столяровой [2000: 50, № 37] утверждается, что Городен писал последние

создания рукописи Городен выполнил в октябрьской минее только украшения подстрочных частей букв на нижней строке л. 52 об. и оставил при первом из хвостов свою запись. Между тем, чернила основного текста, дополнительных штриховок и записи имеют одинаковый цвет, а почерк записи идентичен почерку писца Якова. Можно было бы предположить, что Городен украшал хвосты букв в присутствии Якова Домки, который затем и увековечил имя Городена, однако эта реконструкция наталкивается на противоречие, ведь на л. 36 сентябрьского тома текст Якова Домки дополнен такими же хвостами двух букв нижней строки безо всякой подписи²⁰. Загадка Городена еще ждет своего решения²¹.

Записи Михаила, переписавшего первую половину ноябрьского тома, однотипны: этот писец очень часто пропускал слоги, а потом вписывал их над строкой и просил за это прощения, оставляя покаянные записи не только на полях, но и между строчками текста, как в записях (50) и (51). Привожу и комментирую его записи по порядку.

(39) **Ан[ъ]|ка | сѣ[а]|ла** (Нояб. Тип-91, л. 16, правое поле, ниже последней строки). Ранее данная запись не была прочитана, а В. Ягич [1886: XIV] даже сомневался, принадлежит ли она писцу рукописи. Вероятно, она была сделана для проверки чернил. Эти более светлые чернила писец начал использовать с 10 строки данной страницы. Благодаря лаковой пробной записи Михаила мы узнаем, что женщина, которую звали распространенным именем *Янѣка*, просеивала для него через сито какой-то ингредиент, необходимый для приготовления чернил. Значение 'просеивать' для глагола *сѣяти* и его дериватов зафиксировано словарями [SJS, III: 385; IV: 390; СлРЯ XI–XVII, 20: 217; 24: 113–114].

(40) **Гѣ по^{мо}зи | рабоу св(о)|емоу М[и]|хаилоу** (Нояб. Тип-91, л. 35, правое поле). Запись сопровождается гаплографической ошибкой во фразе «огнь | прѣлестънии попали^{ла}ѣста» (35r₄): буквы *лае* были пропущены писцом и вписаны над строкой под единым округлым титлом.

(41) **Гѣ мо|зи раба | своего | помилоу|[и] (!)** (Нояб. Тип-91, л. 40 об., левое поле,верху). Ср. текст записи (45). Запись находится напротив пометки: в слове «озаряющи» (40v₁) последняя буква замарана, а слева от нее вписано узкое *e*.

девять строк л. 9 октябрьской минеи, что неверно: эти строки написаны поверх смытого или выцветшего древнего текста почерком конца XIV или начала XV в. (как и несколько букв в начале двух последних строк соседнего л. 8 об.).

²⁰ Следует сказать, что инициалы во всех рукописях лазаревских миней выполнялись самими писцами, что можно заметить по сменам облика инициалов на границах почерков.

²¹ Нельзя исключать, что Городеном была переписана начальная часть атрибутируемого Якову Домке текста сентябрьской минеи, до того места, где начинаются многочисленные маргиналии Якова Домки.

(42) **Г̃и** - (...) | **ст** (...) (Нояб. Тип-91, л. 41, правое поле). Под буквами *ст* находятся буквы (*лр?*), по-видимому, написанные другими чернилами и другим почерком. Вероятно, запись относится к гаплографическому пропуску слога: слово «содъ» исправлено на «с̃ъ^{содъ}» (41r₁). Впрочем, запись находится чуть ниже ошибки.

(43) (Ги) **помо[з]** (Нояб. Тип-91, л. 46 об., левое поле). Запись брошена. От буквы *з* написана только верхняя горизонталь.

(44) (Г) **и мз** (Нояб. Тип-91, л. 46 об., левое поле, ниже предыдущей записи). Ср. текст следующей записи.

(45) **Г̃и мо|зи ра|ба сво|го (!) по|мило|вати** (Нояб. Тип-91, л. 54 об., левое поле). Запись была сделана в связи со сменой пера в строке 54v₃, как отметил еще В. Ягич [1886: XVI].

(46) **Г̃и помо|зи рабоу** (Нояб. Тип-91, л. 54 об., левое поле).

(47) (Г) **Г̃и** | **по** (м) | **о** | **зи** | (р) | **а** | **боу** | **-вомоу (!)** | (Д) **ала** | **т** | **е** (Нояб. Тип-91, л. 68 об., левое поле). Конъектуру (Д) *ала* | *т* | *е* предложил И. А. Шляпкин, связавший этот текст с двумя надписями-граффити Даляты на стенах новгородского Софийского собора²², которые позднее были опубликованы А. А. Медынцевой [1978: 105, 258–259 (рис. 86–87)] под №№ 157–158. Надпись № 158 «Далата п̃саль̃ слова» сопровождает два красивых инициала «В», что вне всякого сомнения указывает на причастность Даляты к книжному делу. Позднее в соборе были выявлены еще две надписи с именем *Далата* [Гиппиус, Михеев 2013: 160–161]. По-видимому, Далата был клириком Софийского собора.

Бросается в глаза отличие этой записи от всех остальных записей Михаила: имя написано крупнее остального текста и с разрядкой. Нельзя исключать, что оно было приписано софьянином Далятой к краткой молитве Михаила, не содержавшей первоначально никакого имени, подобно многим его записям.

Гипотетически можно было бы представить, что Далата был одним из двух безымянных писцов ноябрьской минеи. Впрочем, различия книжного и эпиграфического письма не позволяют проверить это предположение.

(48) **Г̃и** | **помо|зи рабоу** | **свомоу (!) Ми** | **х** | **аиль а ми** | **р** | **ъскы Бѣ** | **-ына а про** | **(с) [ти] те ма** | **(-) грѣш [ъ] на** | **аго {о} и оуны** | **{а} лааго · | и**

²² Эта конъектура была предложена И. А. Шляпкиным 29 марта 1895 г. в докладе об итогах изучения надписей Софийского собора, осуществленного им в январе того же года по поручению Императорской Археологической комиссии (Институт истории материальной культуры РАН, научный архив, рукописный отдел, ф. 1, д. № 237 (1894–1911 гг.) «О поручении И. А. Шляпкину составления описания древних настенных надписей, сохранившихся в Новгородских церквах», л. 17). Через 120 лет к той же конъектуре независимо пришла А. А. Медынцева [2016: 415–416; 2017: 63].

недостоинаго (Нояб. Тип-91, л. 89 об., левый верхний угол). Запись при начальной части службы свв. Гурию, Самону и Авиву.

От первой буквы в шестой строке, то есть третьей буквы мирского имени писца Михаила, видна правая часть в виде 7. И. И. Срезневский [1882: 86], Е. Ф. Карский [1928: 289] и Е. В. Уханова [2009: 223, 235 (прим. 84)] читали здесь букву *д*, а В. Ягич [1886: XIII] — *л*. При этом В. Ягич предлагал реконструировать имя как *Бълына* (впоследствии это имя встретилось в берестяной грамоте № 351 XIII в.), а Е. В. Уханова — как нигде более пока не зафиксированное имя *Бъдына*²³. Между тем 7-образный знак в почерке писца Михаила не соответствует ни облику *д*, ни облику *л*, ни облику другой мыслимой на этой позиции буквы.

Назначение первых букв восьмой и десятой строк не вполне ясно. От первой буквы в восьмой строке виден только правый край, который мог принадлежать *г*, *т* или *лъ*. Вероятно, это была буква *г*, то есть первая буква в слове <грѣшьнаго> / <грѣшьнааго> была написана дважды, как и буквы *а* и *о*: [г]грѣш[ъ]на[а]гоо. Ср. утроенное *а* в слове *оунѣ|алаа-го*. (При этом нельзя забывать, что удвоение *а* в окончаниях членных форм прилагательных исконно.)

Молитва Михаила варьирует текст записи (30) Якова Домки в сентябрьской минее. Интересно, что почерк Михаила очень близок к почерку Якова. Возможно, Михаил был учеником Якова.

(49) **Гѣ по** (Нояб. Тип-91, л. 89 об., верхнее поле, справа от предыдущей записи).

(50) **Гѣ помози** (Нояб. Тип-91, бисерным почерком внутри строки 89v₂). Перед текстом стоит несколько непонятных значков.

На л. 89 об. писец сделал помарки сразу в шести строках подряд: с третьей по восьмую. Этим, по-видимому, вызвано появление здесь сразу трех покаянных молитв, включая самую пространную запись Михаила и его первую запись внутри строк (над первой из помарок).

(51) **Гѣ простите м:|а събл** (Нояб. Тип-91, мелким почерком внутри строки 102r₆). Данная запись ранее не издавалась. Последняя буква вписана вплотную к орнаментальному росчерку (ср. [Ягич 1886: XXIV] о подобных росчерках). Буквы *събл* — это недописанная форма глагола *съблазнити* или *съблазнитися* (ср. (34) и (35) записи Якова Домки в

²³ Древнерусскому языку известны имена на *Бѣд-*: ср. *Бѣда*, *Бѣдняга* и *Бѣдунѣ* и патроним *Бѣдовѣ* в словаре Н. М. Тупикова [1903], а также многочисленные имена на *Бед-* в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского [1974: 31]. Возможность присоединения антропонимического суффикса *-ына* к субстантивным основам подтверждается существованием имени *Лбына* (или *Лбыня*), встретившегося в берестяных грамотах №№ 5 и 20 из Старой Руссы, а также косвенными данными современных фамилий *Бобынин*, *Гузынин*, *Пузына*, *Пупынин* и т. п. Ср. [Зализняк, ДНД: 331; Васильев 2012: 132–137] об именах на *-ына*.

Сент. Тип-84). Либо писец начал писать неверную букву и переправил ее на орнаментальный росчерк, а затем приписал молитву о прощении, либо он извинялся здесь за какую-то другую ошибку (на этой странице они есть и выше и ниже).

Писцу Лаврентию, возможно, принадлежит запись в апрельской минее:

(52) **Лавр[а] псал[ъ]** (*Апр. Тип-110*, л. 73 об., нижнее поле). Запись была выполнена бисерным почерком, частично смыта. Видимость букв не улучшается в ультрафиолетовых лучах.

Более уверенно атрибутируется Лаврентию следующая запись:

(53) **Ѧ|+|Ѡ|Ѣ|Ѥ|Ѧ|ѧ|Ѩ | Ѧ|ѧ|Ѩ|+|л|Ѣ | Ѧ|н|о|г|о**, то есть «Лаврентии псалъ много» (*Апр. Тип-110*, л. 104, правое поле, в столбик). Аналогичным образом, в столбик, выполнена запись Матфея (57) в августовском томе, однако начертание букв *л*, *Ѣ* и, в особенности, *и* с отходящей влево засечкой слева внизу позволяют идентифицировать руку писца Лаврентия. Запись находится в конце очередного короткого участка, написанного почерком Лаврентия. Возможно, запись носила иронический характер, так как в действительности Лаврентий переписал лишь незначительную часть апрельского тома.

Сотрудничавшему с Лаврентием писцу Матфею принадлежит запись (54) в январской минее и шесть маргиналий в августовском томе.

(54) **толико бл^ѣ стихѣрь · | Ѡв(·:~** (*Янв. Тип-99*, л. 103 об., левое поле, в округлой рамке). Запись почти полностью смыта. Вероятно, уже после смывания записи из пергамена был вырезан шестиконечный крест на треугольной голгофе, верхняя лопасть которого срезала точки между буквой *Ѡ* и тильдой в третьей строке записи. Перевод: 'Стихир было только две'. Часть страницы была оставлена пустой и заполнена текстом только во второй пол. XIV в., когда, по-видимому, и была смыта древняя запись о неполноте текста в протографе.

(55) **спси Ги лоуди ли** (*Авг. Тип-125*, л. 5 об., верхнее поле).

(56) **спси Ги люди сво (!) блг^ѣви до** (*Авг. Тип-125*, л. 6, нижнее поле). Недописаны слова «своя» и «достояние». Ср. маргиналии (61), (63), (64), (66–68) в сентябрьской минее.

(57) **о | Г|и | п|о|с|п|ѣ|ш|и | р|а|б|о|у | с|в|о|е|м|ж | М|а|т|ѣ|Ѡ|Ѣ|ю | ·|:|~** (*Авг. Тип-125*, л. 20, правое поле, в столбик). Титло изображено над *г*, касаясь *о*.

(58) **писахъ на Борисовъ днь ·:~** (*Авг. Тип-125*, л. 64, нижнее поле).

(59) **жже тѣ[м]...^ѣ** (*Авг. Тип-125*, л. 95, нижнее поле).

(60) **† оухъ тѣщю не доко[ш]и хъ бо ·д̄· канѣ^ѣ · а поль ·д̄· не дѣлѣ псавъ ·:~** (*Авг. Тип-125*, л. 99, нижнее поле). Предпоследняя буква

первой строки выглядит как *ш* или *щ*. Читаемая таким образом форма *доко[ш]и|хъ* или *доко[щ]и|хъ* не дает никакого смысла. По-видимому, Матфей собирался написать слово *доконьчашъ* — аорист первого лица единственного числа от глагола *доконьчати*, использованного им незадолго до этого в выходной записи (72) в конце июльского тома.

Перевод: 'Ох, грустно: я ведь не [закончил] четырех канонов, хотя писал три с половиной недели'. Возможно, Матфей называет *канон* весь текст службы за один день (впрочем, в словарях такое значение не представлено). Если эта запись понята мною верно, Матфей сокрушается о том, что переписывал медленнее, чем по канону в неделю²⁴.

С принадлежащими Матфею записями (55) и (56) в августовском томе содержательно пересекаются маргиналии (61–64), (66–68) в сентябрьской минее.

Писцу начальной части сентябрьской минеи предположительно можно атрибутировать две записи:

(61) **спси Ги люди с(--)** (*Сент. Тип-84*, л. 4 об., верхнее поле, по центру, у верхнего края); **и б[л]** (там же, левое поле, слева от первой строки основного текста). Перед нами зачало «Спаси, Господи, люди своя и благослови достояние твое», подробнее о котором пойдет речь в комментарии к записи (67). Справа от видимых букв первой части записи на пергамене пятно, в котором могли уместиться буквы «воа». Буква *л* во второй части записи недописана.

(62) **спс · пи Ги** (*Сент. Тип-84*, л. 6, верхнее поле, слева). Первая буква — малый инициал. Вероятно, перед нами искаженный текст того же зачала. Возможно, он написан кем-то другим, однако цвет чернил основного текста и записи совпадает.

В. Ягич [1886: VIII] предположил, что первая тетрадь сентябрьской минеи была написана взамен утраченного или поврежденного текста конца XI в. — в XIII в. Будучи общепризнанной²⁵, данная гипотеза, насколько мне известно, пока не подвергалась необходимой проверке ни с палеографической, ни с лингвистической точки зрения.

Следующие семь записей выполнены другим древним почерком:

(63) **на та оупованиѣ възложи|хъмо ча|нниа да не втъпа** (*Сент. Тип-84*, л. 21 об., верхнее поле). Перед нами записанный в бытовой орфографии богородичен второго гласа на утрени понедельника. Недописано слово «отъпадемъ». Ср. совр. церк.-слав. текст: «На тя упование, Богородице, возложихомъ, чаяния да не отпадемъ, спаси насъ отъ бѣдъ,

²⁴ Служба 28 августа заканчивается на л. 103, а служба 25 августа начинается на л. 84 об., следовательно, Матфей переписал менее 15 листов за 24–25 дней.

²⁵ [СК XI–XIII 198: 46–47, № 7; Каталог ЦГАДА 1988: 37–38, № 4].

помощнице недоумѣмымъ, и сопротивныхъ совѣты разори: ты бо еси наше спасение, благословенная».

(64) **на т|а о** (*Сент. Тип-84*, л. 28, верхнее поле, слева). Ср. предыдущую запись.

(65) **а б в г д е ж з з и к л м н о п о р с т о у о х ѿ ц | ч ш щ ъ ы ѣ 8 ю х а** (*Сент. Тип-84*, л. 69 об., верхнее поле). Как заметил А. А. Зализняк [1999: 554], на месте буквы *п* написано «по», то есть начало ее названия — «покой». Первая строка азбуки наведена другим писцом, искавшим начертания букв, в особенности, буквы «зело», измененной с «з» на «е». Возможно, запись была наведена тем писцом, который оставил пробы пера на лл. 28 и 82 (вероятно, в XIII в.).

(66) **спси Гї люди** (*Сент. Тип-84*, л. 70, верхнее поле, слева). См. следующую запись.

(67) **спси Гї люди сво|а и благослови | достоаиіе сво|е да боуди князю на|шемоу** (*Сент. Тип-84*, л. 70, верхнее поле, справа). А. А. Гиппиус [2007: 44], датировавший эту запись XII в., использовал ее как аргумент в пользу связи церкви Св. Лазаря с князем и княжеским окружением. Между тем перед нами начало службы (тропарь первого гласа) на попразднство Воздвижения (15 сентября), с изменением молитвы за императоров на князя. Ср. зачало «спси Гї люди своа» в основном тексте минеи (92r₃) и совр. церк.-слав. текст: «Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояние твое, побѣды благовѣрнымъ царемъ на сопротивныя даруя и твое сохраняя крестомъ твоимъ жительство».

(68) **спси Гї люди своа** (*Сент. Тип-84*, л. 86, верхнее поле). Приписка к службе на Воздвижение 14 сентября.

(69) **Гї помоз** (*Сент. Тип-84*, л. 94 об., на правом (внутреннем) поле страницы, справа от седьмой строки основного текста).

4. Милятино евангелие и Лазаревский (Сковородский) паремейник

Как заметил еще Н. В. Волков [1897: 33], с новгородским Лазаревым монастырем связано происхождение Милятина евангелия (РНБ, Ф.п.1.7), первый писец которого называет себя попом «у Святого Лазаря» и указывает свое имя — *Дѣмѣка*. В. Л. Янин [1982: 57–61] предложил отождествить этого Домку с писцом сентябрьской и октябрьской минеи из Лазарева монастыря Яковом Домкой²⁶, но не стал самостоятельно сопоставлять почерки Домок, оставив это занятие на суд палеографов.

²⁶ Это ошибочное отождествление первым, как кажется, сделал А. А. Покровский [1916: 74], упомянувший «время, когда для этого монастыря работали священник того же монастыря Домка и Городен».

Мнения специалистов на этот счет разделились. В пользу тождества почерков выступили Б. И. Осипов [1986: 147–148] и Е. В. Уханова [2009: 216–221]. Б. И. Осипов считал главными чертами сходства наличие покрытий над буквами *е, ю, о, с*, и начертание *ц* со смещенным хвостом²⁷. Согласно Е. В. Ухановой [2009: 221], в минее и евангелии совпадают начертания букв *а, в, ж, з, к, л, м, т, у, х, ч, щ, ъ, ѵ*²⁸. Против тождества двух почерков, не предпринимая их побуквенного сопоставления, выступили Л. В. Столярова [1998: 208–209] и Н. Н. Розов [1999: 66, прим. 20].

В действительности первый почерк Милятина евангелия (рис. 3) идентичен другому почерку типографских миней, а именно первому почерку январской миней (см. рис. 2)²⁹, а также второму почерку Лазаревского (Сковородского) паремейника, которым выполнен текст на лл. 57а–89с и 115а–126д, то есть около шести тетрадей рукописи (см. рис. 1)³⁰. Ср. характерные начерки букв *а, д, ж, з, м, р, ѵ, щ* и др. (табл. 1).

Таблица 1. Сопоставление почерков Якова Домки и попа Домки

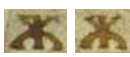
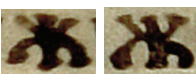

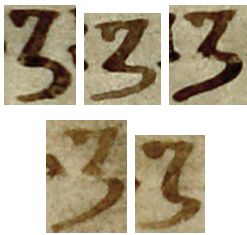
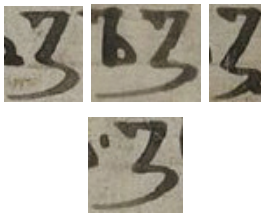

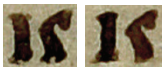

	Яков Домка	1 писец Янв. Тип-99	2 писец паремейника Тип- 50	поп Домка (Милят.)
А				
ЇѦ				
Б				
В				
Г				

²⁷ При этом исследователь выделил и существенное различие: в евангелии отсутствует начертание *ѧ* «с наклоном рожек вправо». Нельзя не отметить, что почти все буквы в палеографической таблице Б. И. Осипова [1986: 148] изображены искаженно.

²⁸ Ср. также [Мольков 2014б].

²⁹ См. воспроизведение первого почерка Милятина евангелия в статье Е. В. Ухановой [2009: 217 (ил. 5)]. Добавлю, что разлиновка листов, переписанных этим писцом, выполнена одинаково (за исключением дополнительных вертикальных надрезов для обозначения границ столбцов в большеформатном Милятином евангелии): ср. схемы 1 и 13 на табл. 1 в работе Е. В. Ухановой [2009: 226].

³⁰ 1-м писцом выполнен текст на лл. 1а–56д и 103а–114д, а 3-м писцом — на лл. 89д–102д. (Согласно О. А. Князевской [1993], лл. 103а–114д написаны 4-м почерком.)

	Яков Домка	1 писец Янв. Тип-99	2 писец паремейника Тип- 50	поп Домка (Милят.)
Д				
Е				
Ю				
Ж				
З				
З				
И				
Ө				
Ї, I				
К				
Л				
М				
Н				

	Яков Домка	1 писец <i>Янв. Тип-99</i>	2 писец паремейника <i>Тип-50</i>	поп Домка (<i>Милят.</i>)
ѣ	нет (?)		нет (?)	
о				
п				
р				
с				
т				
у				
ѣ				
ф				
х				
ѣ		нет (?)		нет ³¹

³¹ Ср. перечень графем, использованных попом Домкой: [Мольков 2014а: 22].

	Яков Домка	1 писец Янв. Тип-99	2 писец паремейника Тип- 50	поп Домка (Милят.)
Ѡ, ѡ				
Ц				
Ч				
Ш				
Щ				
Ъ				
Ы				
Ь				
Ѣ				
Ж		нет (?)		
ЇЖ	нет (?)		нет (?)	
Ю				
Ѧ				

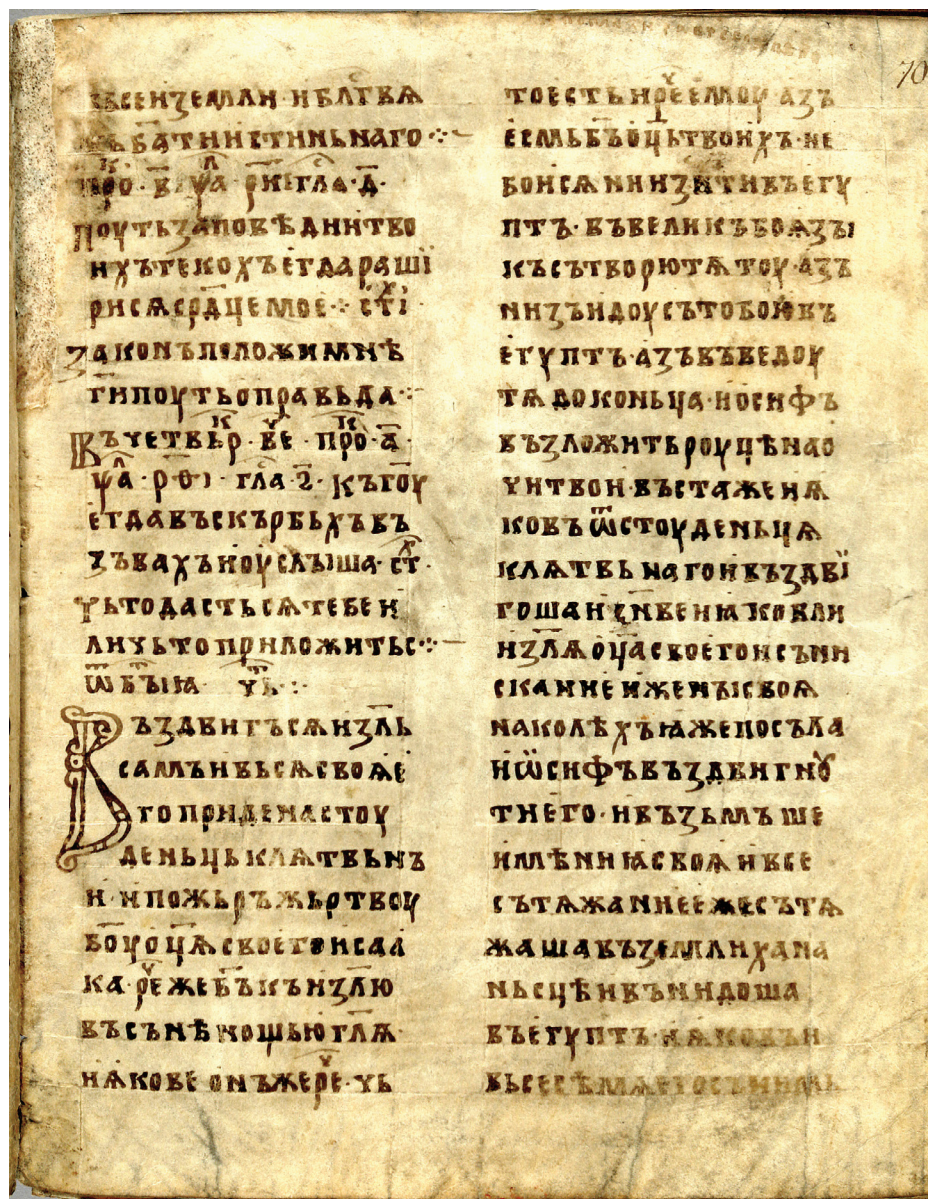

Рис. 1. Лазаревский (Сковородский) паремейник Тип-50, л. 70

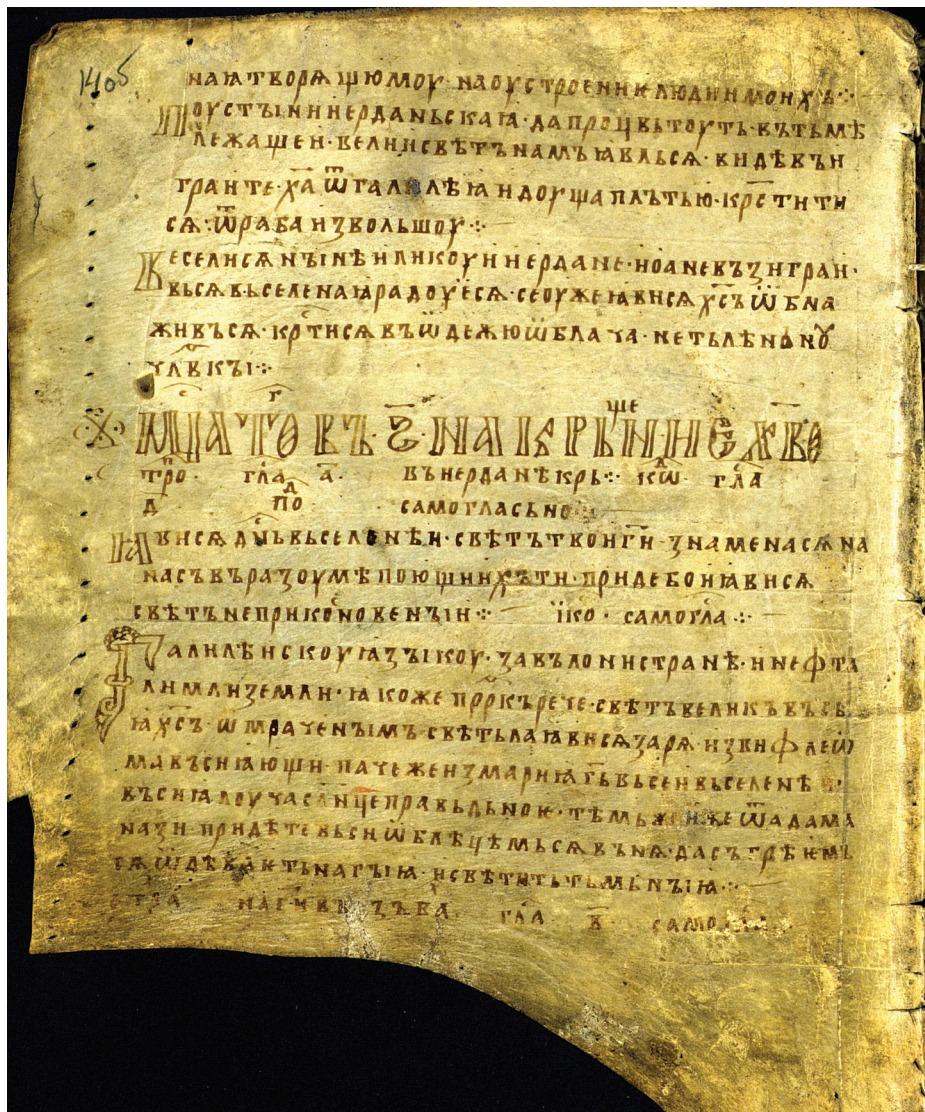

Рис. 2. Январская минея Янв. Тип-99, л. 14 об.

Таким образом, по иронии судьбы одно из предположений В. Л. Янина было подтверждено тем, что было найдено опровержение другого: поп Домка действительно работал над типографскими минеями, но писец Милятина евангелия поп Домка и Яков Домка, переписавший сентябрьский и октябрьский тома, — это два разных человека.

Почерк евангелия и паремейника отличается от почерка январской минеи деталями начертания букв *ю*, *у*, *ѳ*, *х* и *ѹ*, а также заметным левым наклоном букв. Вряд ли такие отличия могли быть вызваны только разницей формата рукописей и особенностями очинки писцом перьев, поэтому следует думать, что между написанием минеи и двух других рукописей лежит существенная временная дистанция. Инициалы попа Домки в январской минее выполнены менее уверенной рукой, чем в Лазаревском паремейнике и, в особенности, в Милятином евангелии (ср. инициалы на рис. 1–3), что позволяет сделать вывод о первичности миней по отношению к евангелию и паремейнику. При этом к почерку январской минеи ближе почерк паремейника, чем евангелия (ср. начертания букв *а*, *я*, *ѡ*, *з*, *к*, *л*, *н*, *ч*, *а*), поэтому весьма вероятно, что паремейник был написан до евангелия.

Орфография попа Домки, подробно описанная Г. А. Мольковым [2015; 2018: 9–52], пробно сопоставлена мною с орфографией первого писца январской минеи, где для этого обследованы лл. 2–3, и второго писца Лазаревского паремейника — на примере лл. 57–58. Орфография минеи заметно отличается от двух остальных памятников использованием диграфа *оу* после шипящих и *ѹ* (в евангелии и паремейнике в обоих случаях пишется *ю*) и графемы *у* в роли *ю*, что объединяет ее с другими почерками лазаревских миней [Голышенко 1982: 10, 12, 14–15]. В остальном же орфография трех памятников совпадает³².

Выходная запись священника Домки счастливым образом сохранилась на последнем листе Милятина евангелия:

(70) Помошю **Хвою** на|писашася · **ѡти** | **бѡвидьци** ап̑ли · **д̑** |
еуан̑глисти · **Ѳоан̑** · | и **Матѡеи** · **Лоука** · и | **Марк̑** · **Амин̑** · **Въ** |
голодьноѹ **лѣто** на|писахъ **еуан̑глие** · и | ап̑ль · **обоѡ** **одиномъ** | **лѣ̑** ·
дѣмька · по̑ · **оу** **ѡтго** | **Лазора** · **поа** · **а** **пове**лѣ^н**нємь** · **Милатино**мь
Лоукиницъмь и | **криль** **обоѡ** **книгы** | **на** **ѡписание** **собѣ̑** **ї** на | **сѡдравикъ**
амин̑ · ∴~ (Милят., 160d_{13–28}).

³² В Лазаревском паремейнике следует отметить частое использование сокращенной записи корня *зъл-* без редуцированного, а в январской минее — форму им. ед. *превысокои* (Янв. Тип-99, 2Г₁₉) с западноболгарским окончанием *-ои*. Вероятно, эти орфограммы восходят к южнославянским протограммам (ср. [Кривко 2015: 178–179] о флексии *-ои* в древнерусских текстах).

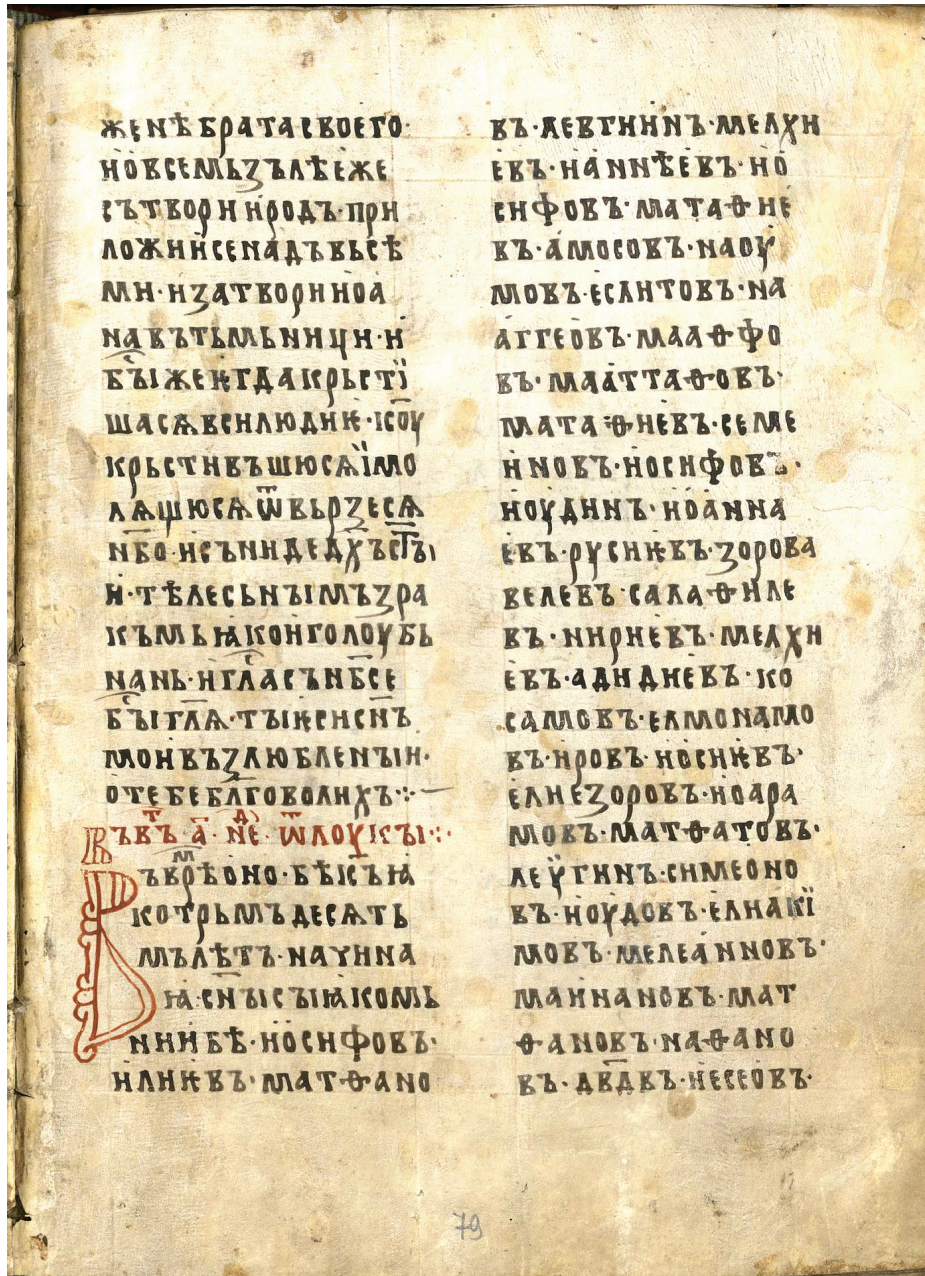

Рис. 3. Милятино евангелие (РНБ, Ф.п.І.7), л. 79 (фотография с сайта nlr.ru)

Возможно, *Дѣмѣка* — это не мирское, а крестильное имя лазаревского попа, гипокористика от *Дѣмитръ*.

Имя *Милята* встречается еще в двух ранних новгородских источниках: в краткой надписи-граффито *Мила|та* (с лигатурой *та*) на стене Софийского собора³³ и в берестяной грамоте № 675 с усадьбы 3 Троицкого раскопа сер. XII в., адресованной богатому новгородцу Миляте, занимавшемуся дальней торговлей с Киевом и Суздалем и, судя по месту находки грамоты, жившему в Людином конце.

Л-причастие «криль» без связки указывает на 3-е лицо [Зализняк, ДНД: 143], то есть этот глагол описывает действия Миляты, а не Домки. А. А. Зализняк [1986: 174] переводит слова «и криль» как «и он (Милята Лукинич) оплатил (выкупил)». А. А. Гиппиус [2007: 40] выбирает значение «выкупил» для глагола «криль», однако здесь более подходит перевод «оплатил», так как отсутствует указание, для какой цели рукопись могла быть *выкуплена* Милятой.

Итак, запись можно перевести следующим образом: «С помощью Христовой была написана [эта книга] — святые боговидцы апостолы, четыре евангелиста: Иоанн и Матфей, Лука и Марк. Аминь. В голодный год написал я евангелие и апостол (обе [книги] — в один год) — Домка, священник, служащий у Святого Лазаря, — а по поручению Миляты Лукинича, и он оплатил обе книги себе на спасение [в будущей жизни] и на здоровье [в этой]. Аминь».

Е. В. Уханова [2009: 227] высказала предположение о тождестве с первым почерком январской минеи почерка записи на л. 30 в сентябрьской минее:

(71) мѣца септѣмбра на Захаринѣ днѣ | переставилеса Коузма Домашька (*Сент. Тип-84*, л. 30, нижнее поле). Приписка к тексту службы на день св. Захарии — 5 сентября. В слове *Захаринѣ* сочетание <ии> записано стяженно.

В «Сводном каталоге» данная запись датирована XV в. [СК XI–XIII 1984: 46, № 7]. Поздним признаком здесь является начертание буквы *e* с поднятым вверх язычком, которое позволяет датировать запись временем не ранее XIV в.

Запись выполнена чернилами, сходными по цвету с чернилами, использованными попом Домкой в январской минее. Между тем, почерк попа Домки и запись о смерти Кузьмы Домашки различаются начертаниями букв *з*, *л*, *р*, *ѣ*, *а* (ср. особенно *з* и *р*) и не могут быть признаны вариантами почерка одного человека. Почерк записи напоминает почерк ноябрьской минеи *Нояб. Тип-92* из Сковородского монастыря (очень

³³ Надпись процарапана непосредственно над известным граффито № 145 по нумерации А. А. Медынцева [1978: 97–100], на столбе лестничной башни.

близкий к почерку попа Домки), однако и в этом случае говорить о тождестве почерков нет оснований.

Итак, ко второй группе лазаревских миней (за январь, февраль, апрель, июль и август) примыкают Милятино евангелие и паремейник *Тип-50*, в написании которых принимал участие один из писцов январской минеи — лазаревский поп Домка. Как уже говорилось выше (см. § 1), этот паремейник, за которым в научной литературе закрепилось наименование *Сковородский*, попал в монастырь Арх. Михаила на Сковородке в конце XVI или XVII в., а до того принадлежал Лазареву монастырю, в котором служил поп Домка, то есть эта рукопись по праву может называться *Лазаревским паремейником*. Милятино евангелие тоже можно предположительно связывать с библиотекой Лазаревской обители: согласно В. Л. Янину [1982: 62], именно оно скрывается за словами «евангелие харатейное» в посвященной Лазареву монастырю части Описи Новгорода 1617 года.

5. К реконструкции истории создания лазаревских миней, евангелия и паремейника

В 1897 г. Н. В. Волков выдвинул гипотезу о существовании в Лазаревом монастыре скриптория. Исследователь считал, что Матфей и Лаврентий были священнослужителями монастыря Воскресения Лазаря [Волков 1897: 32–33]. В свою очередь А. А. Покровский предположил, что «Матфей и Лаврентий жили и писали рукописи в то же время, когда для этого монастыря (Лазаревского. — С. М.) работали священник того же монастыря Домка и Городен», то есть писцы Милятина евангелия и миней за первые месяцы богослужебного года [Покровский 1916: 74]. Предположение Н. В. Волкова о Лазаревом монастыре как крупнейшем новгородском скриптории активно поддержали и развили В. Л. Янин [1982], Л. В. Столярова [1998: 193–221; 2010: 169–207] и Е. В. Уханова [2009]³⁴.

Доступные сведения о месте написания и об изначальном предназначении «Лазаревых книг» существенно ограничены сохранностью их последних листов, где могли располагаться выходные записи.

Вопрос о том, где и для каких новгородских церквей были написаны минеи из Лазарева монастыря, Милятино евангелие и Лазаревский паремейник, следует поделить на несколько частей.

Наиболее уверенный ответ можно дать на первый вопрос: для какой церкви были написаны тома за январь–август?

Выходная запись Матфея в конце июльского тома гласит:

³⁴ Гипотезу о существовании скриптория при монастыре или церкви Св. Лазаря поддержали также А. Г. Бобров [2001: 23], А. А. Гиппиус [2007], А. Е. Мусин [2010: 193–194], Р. Н. Кривко [2013: 161], Т. В. Гимон [2014], А. А. Турилов [2014] и Ю. А. Артамонов [2019: 12–13].

(72) † азъ грѣшныи Матѣѣи начахъ писати · кѣнигы | сиа · а Лавренѣи · доконьца · не азъ бо своею хждост[и]ю написахъ · и братъ · нѣ силою стѣла Трца (!) · Оца · и Сна и Стго Дха | нына и присно и въ вѣкы вѣмъ аминъ · иг҃мениа повелѣнїемъ · а стѣмъ Лаз[а]рь^м млт[вою] · а Бмъ · [и] стою Бцею сътажано ∴ (Июл. Тип-121, 52v₈₋₁₂). Эта запись сделана мелким почерком на последнем листе, после основного текста, написанного почерком Матфея.

Поверхность пергамена в некоторых местах утрачена из-за потертости листа. Над словом *вѣмъ* <вѣкомъ> пергамен потерт. Возможно, здесь были надстрочные буквы, которые утрачены. Более всего пострадала последняя строка записи. Обращение к оригиналу подтвердило реконструированное А. А. Гиппиусом [2007: 38–39] чтение конечной части записи: «а Бмъ и стою Бцею сътажано». Слово перед этим сильно повреждено, но безальтернативно читается как «млтвою» (с точкой-спиритусом над почти затертой конечной ю).

Перевод: «Я, грешный Матфей, начал писать эту книгу, а Лаврентий закончил. Не я своим ничтожеством написал [ее] с братом, но благодаря силе святой Троицы: Отца и Сына и Святого Духа (ныне и присно и во веки веков, аминь), по поручению игуменьи, [при помощи] святого Лазаря, [его] молитвой. Богом и святой Богородицей оплачено».

Вопреки тексту выходной записи конец июльского тома написан Матфеем, а основная часть дошедшей до нас рукописи — Лаврентием. Впрочем, первая половина июльского тома не сохранилась, поэтому нельзя исключать, что она была написана Матфеем.

Матфей называет Лаврентия «братом», следовательно, они были либо кровными братьями, либо монахами. Учитывая использование ими только христианских имен, предпочтительна вторая версия.

Последние слова записи — «а Бмъ и стою Бцею сътажано» — А. А. Гиппиус интерпретировал как заявление, что «писавшие трудились не за деньги, а бесплатно, “Христа ради”» [Гиппиус 2007: 39]. Между тем нельзя не отметить, что глагол *сътажати* в выходных записях и ктиторских надписях всегда означает ‘дать средства на устройство, на сооружение чего-либо’ [Срезневский, III: 857; СлРЯ XI–XVII, 28: 231].

Итак, тома миней за январь–август предназначались для женского Лазаревского монастыря.

Для какой церкви было написано Милятино евангелие? В выходной записи попа Домки (70) упоминается только одна церковь — св. Лазаря, поэтому думать, что евангелие было написано для какого-то иного новгородского храма, как предположил А. А. Гиппиус [2007: 40], нет никаких оснований. Упоминаемый в записи Милята Лукинич, вероятно, был ктиторм Лазаревского монастыря.

Когда были написаны Милятино евангелие и Лазаревский паремейник? Палеография, орфография и язык Милятина евангелия были недавно тщательнейшим образом рассмотрены Г. А. Мольковым [2014a; 2015; 2018: 9–52], что позволило ему датировать этот памятник первой половиной XII в. В первом почерке Лазаревского паремейника, на лл. 26–34, многократно встречается архаичное начертание буквы ψ в виде креста, однако на других листах это начертание отсутствует. В том же почерке встречаются случаи проявления редуцированных в сочетаниях с плавными: *верхоу* (За₁₆), *сто|лпъникоу* (109d_{3–4}), *столпъ* (111d₁₉), *сѣмерте|нъ* (113a_{7–8}). Столь причудливое соединение архаичных и инновационных особенностей может объясняться тем, что первый писец паремейника скопировал архаичное начертание ψ из своего протографа. Вероятно, это был молодой писец, в диалекте которого процесс падения редуцированных зашел уже очень далеко. Итак, судя по всему, Милятино евангелие и Лазаревский паремейник были написаны во второй четверти — середине XII в. Учитывая указание попа Домки на написание евангелия в *голодный год*, следует думать, что оно было написано во время катастрофического для Новгорода голода 1127–1128 гг.³⁵

Когда были написаны минеи за январь–август? Орфографию и язык миней Матфея и Лаврентия обстоятельно изучил Р. Н. Кривко, который выявил в них и архаичные, и инновационные черты. В ранних работах он был склонен датировать второй комплект лазаревских миней второй-третьей четвертью XII в. [Кривко 2005; Idem 2007: 237–243], однако позже вернулся к традиционной датировке концом XI — нач. XII в. [Кривко 2015: 56–62; Idem 2016: 138–142]³⁶. Так как работа над минеями за январь–август велась за несколько лет до написания Милятина евангелия и Лазаревского паремейника (см. § 4), то следует ориентировочно датировать ее первыми десятью-пятнадцатью годами XII в.

Монастырь Св. Лазаря возник не позднее этого времени, так как его игуменья упоминается в выходной записи июльской минеи.

Для какой церкви были написаны в 1095–1097 гг. три первых тома миней? Из выходной записи Якова Домки в сентябрьской минее следует, что он писал «Святой Госпоже Богородице»:

**(73) Азъ грѣшныи рабѣ бжїи недостойныи Дѣмъка | написахъ
книгы сиа · Стѣи Гжѣ Бцѣ · {л}а (?) вче (?) | братиѣ Ба са боаче ·**

³⁵ Традиционно считается, что голод бушевал в Новгороде и в 1137 г., когда, согласно летописи, осьминка великая стоила 7 резан. Что бы ни значила *осьминка великая*, ее цена несопоставима с той, которой достигала осьминка ржи (по-видимому, 1/8 дежи ржи) во время катастрофы 1127–1128 гг.: сначала она стоила полгривны, а затем гривну.

³⁶ Ср. также работу И. Х. Тота [1981] с датировкой февральской минеи первой половиной XII в.

азъ бо есмь грѣшнѣ невѣ|жа · да напѣсахъ бес показаниа въ своихъ грѣ|сѣхъ погружень · дажь въ на полъ обраще криво а все (Сент. Тип-84, 176v₂₄₋₂₇). Запись, начинающаяся с инициала, находится внизу последней страницы последней, 22-й тетради рукописи. Конец выходной записи либо не был дописан, либо утрачен: возможно, ее завершение находилось на листе, наклеенном на внутреннюю сторону нижней крышки недошедшего до нас переплета.

В конце 25-й строки (второй строки записи) все исследователи читали «да ѿче» с не вполне естественным в этой позиции словом «да». Судя по всему, это место подверглось правке: первая буква темного участка выглядит как *л* или *д* с недописанными ножками, над *а* и под левой частью *w* видны неясные тонкие смытые (?) штрихи. Учитывая последующую звательную форму *братию*, логично думать, что Домка хотел начать фразу с союза и обращения: «А отъче», однако механизм произведенной им правки не поддается точной реконструкции.

Перевод: «Я, грешный раб божий, недостойный Домка, написал эту книгу Святой Госпоже Богородице. О отец (?) и братия, боящиеся Бога! [А (?)] ведь я — грешный невежа, да написал без наставления (или: без руководства), потонувший в своих грехах. Если [кто], служа по ней, найдет ошибку, то всё (?) * [пусть исправляет, а не клянет меня]»³⁷.

Выходная запись Якова Домки в октябрьской минее сохранилась существенно хуже, но и в ней упоминается Богородица:

(74) сѣаѣ Бѣе помагаи | рабоу своему Дѣмѣкѣ на мѣнага | лѣта аминѣ · простите мѣ грѣшнаго (Октяб. Тип-89, 127v₁₈₋₂₀). Запись, начинающаяся со строки малых инициалов, доходит до конца страницы, правый нижний угол которой сильно загрязнен. В конце последней строки могли стоять точки, которые угадываются на загрязненной поверхности пергамента. Вероятно, запись продолжалась на не дошедшем до нас следующем листе рукописи — последнем листе данной тетради.

Большинства богородичных церквей Новгорода заведомо еще не существовало в конце XI в., поэтому оправданно желание исследователей точно определить заказчика миней по словам Якова Домки. А. А. Покровский [1916: 68] полагал, что писец подразумевал под «Святой Госпожой Богородицей» Софийский собор. По мнению В. Л. Янина [1982: 57], Яков Домка имел в виду соседний с Лазаревым Зверин монастырь (совр. Покровский), а согласно А. Г. Боброву [2001: 26–27], это была церковь Благовещения на Городище, заложенная Мстиславом Великим спустя почти десять лет (!) в связи с рождением его старшего сына³⁸.

³⁷ Ср. [Птенцова 2014] о значении последней фразы.

³⁸ Добавлю, что гипотетически в конце XI в. уже могли существовать церкви Введения Богородицы на Прусской улице (первое упоминание — 1290 г.) и Десятинный монастырь Рождества Богородицы (1327 г.).

Предположения А. А. Покровского и А. Г. Боброва сомнительны ввиду заурядности оформления лазаревского минейного комплекта.

Альтернатива, предложенная В. Л. Яниным, существенно привлекательнее. Женский монастырь Богородицы «в Зверинце» впервые упоминается уже под 1148 г., когда от удара молнии загорелась его церковь. Постоянное летописание появляется в Новгороде в 1110-е гг., и уже с 1117 г. в нем регулярно отмечаются факты основания новых монастырей, поэтому основание монастырей, впервые упоминаемых в летописи как уже существующих в XII в., следует предпочтительнее относить ко времени до начала регулярного ведения летописи. Таких монастырей оказывается всего три: Юрьев, Богородицы в Зверинце (совр. Покровский Зверин) и Духов, который впервые упомянут в летописи под 1162 г. Последние две обители располагались неподалеку от Лазарева монастыря, на ограниченном участке между северными окраинами Неревского конца и речкой Гзенью (древнее название — *Къземля*). Где-то «у Зверинца на Кземли» в 1069 г. Глеб Святославич с новгородцами разбил наступавшего на город Всеслава Полоцкого. А. А. Гиппиус [2012: 134] предположил, что Зверин монастырь был основан в память о победе над Всеславом³⁹. В принципе, все три древних монастыря из этой местности можно как-то связывать с событиями 1069 г. Весьма вероятно, что Зверин и Духов монастыри уже существовали в 1090-е гг.⁴⁰

Учитывая участие лазаревского попа Домки в работе над январской минеей, евангелием и паремейником, нельзя исключать, что минеи за январь–август, Милятино евангелие и Лазаревский паремейник были созданы в Лазаревом монастыре. Впрочем, поп Св. Лазаря мог переписывать книги для своей церкви и где-то в ином месте, где были подходящие протографы.

Данные для ответа на вопрос о месте написания миней за три первых месяца богослужебного года слишком скудны. Для решения этого вопроса существенны обращение Якова Домки к братии и, вероятно, к отцу (возможно, к игумену и монахам?) в выходной записи (73)

³⁹ Место для Юрьева монастыря, традиционно связываемого исследователями с Ярославом Мудрым, в крещении — Георгием, по-видимому, тоже было выбрано не случайно: он построен между двумя резиденциями Ярослава — Ракомом и Городищем.

⁴⁰ Исторической топографии данной части Новгорода посвящены специальные статьи Д. А. Петрова [1999] и М. А. Несина [2017]. Как показал шурф Г. М. Штендера [1991: 91] в северо-западной части апсиды церкви Николы Белого, ко времени строительства этого храма в начале XIV в. здесь накопилось 40 см культурного слоя с керамикой XII–XIII вв. Ср. также [Петрова et al. 2000: 131] о траншеях М. И. Петрова 1993 г. на территории Лазарева монастыря.

сентябрьской минеи (впрочем, начало этого обращения приходится на темное место данной записи) и вероятное упоминание Даляты, который, по-видимому, был клириком Софийского собора, в молитвенной записи (47) в ноябрьской минее.

Если Матфей и Лаврентий (и Яков Домка?) были монахами, то проще всего предположить, что они были постриженниками какого-то мужского монастыря, располагавшего комплектом миней студийской редакции, которые тиражировались там для других новгородских обитателей. Это мог быть либо знаменитый Юрьев монастырь, либо расположенный неподалеку от Лазарева и Зверина монастырь Сошествия Святого Духа на апостолов, т. е. Троицы⁴¹. Не этим ли было вызвано упоминание Троицы в выходной записи Матфея (72) в конце июльской минеи? Как уже было отмечено, А. А. Гиппиус предложил истолковывать слова Матфея «Богъмъ и святою Богородицею сътяжано» как заявление о бесплатной работе Матфея с Лаврентием «Христа ради». Принятие этой версии не позволяло бы считать упоминание в этом же тексте Троицы доказательством того, что Матфей и Лаврентий были монахами Духова монастыря. Впрочем, нельзя быть уверенными, что под Богом и Богородицей Матфей не мог подразумевать Духов и Зверин монастыри, посвященные именно Богу и Богородице.

* * *

Итак, в середине — второй половине 1090-х гг. в пока что неустановленном новгородском скриптории писался комплект миней, от которого сохранились тома за три первых месяца богослужебного года.

⁴¹ Ср. гипотезу Е. В. Ухановой [2007: 81], связывающей Типографский устав рубежа XI–XII вв. с Духовым монастырем. Здесь придется сделать пространное отступление. Совсем недавно Ю. А. Артамонов [2019: 12–13] высказал предположение, что Лазарев монастырь мог быть одновременно и женским, и мужским. В подтверждение исследователь воспроизвел из работы Л. В. Столяровой [1998: 195; 2010: 173] известие о совместном присутствии монахов и монахинь на службе в новгородской церкви Св. Лазаря, которое читается в Эрмитажном списке Московского летописного свода конца XV в. под 6875 (1367) г.: «Того жъ лета июля въ 23 бысть громъ страшень и избии Новгородцевъ в церкви в святомъ Лазори, черньцевъ и черницъ, на вечерни, а иных по селом избии» [ПСРЛ, 25: 394]. Это известие находится между упоминанием о походе Булат-Тимура на Нижегородское княжество и сообщением о посольстве новгородцев к Дмитрию Ивановичу. Между тем, в параллельном тексте других летописей Лазоревская церковь локализуется не в Новгороде, а в Городец [ПСРЛ, 4/1: 293–294; 8: 14–15; 11: 9; 16: 93; 18: 106; 42: 133]. Вероятно, Городец был заменен на Новгород из-за соседства с известием о новгородском посольстве, а также, возможно, из-за соседства с известием о бегстве новгородцев (то есть нижегородцев) по Волге к Городцу во время татарского набега [ПСРЛ, 15/1: 119]. При этом на более ранней стадии редактуры 20 июля было по ошибке заменено на 23-е: «июла-ѣ-громъпобиль» → «июлавъ-ѣ-побильгромъ», неверная дата Московского летописного свода конца XV в. повторяется в Симеоновской и Воскресенской летописях.

Основными писцами томов за сентябрь, октябрь и ноябрь были Яков Домка и Михаил, оставившие в них многочисленные записи. Вероятно, эти рукописи предназначались для женского монастыря Богородицы в Зверинце. Через некоторое время эти минеи, по крайней мере два первых тома, оказались в соседнем женском Лазаревом монастыре. Вместе с ними там же длительное время хранились тома за январь, февраль и апрель, которые были написаны единовременно, приблизительно в 1100–1115 гг., и, по-видимому, уже для самого Лазарева монастыря. К тому же «второму комплекту» относятся и дошедшие до нас минеи за июль и август, в первой из которых имеется запись о ее написании для монастыря Св. Лазаря. В написании второго лазаревского минейного комплекта принимали участие братья, то есть, по-видимому, монахи, Матфей и Лаврентий, а также еще один носитель имени *Дѣмъка*. Этот Домка, которого ранее ошибочно путали с Яковом Домкой, позднее участвовал в переписывании как минимум трех важных рукописей. Он был основным писцом Милятина евангелия, возможно, тоже предназначавшегося для Лазарева монастыря. В выходной записи в евангелии Домка сообщил, что он был попом у Св. Лазаря и что писал евангелие и несохранившийся апостол в голодный год, то есть, по-видимому, в 1127–1128 гг. Еще одной рукописью, частично написанной попом Домкой, является древнейший славянский паремейник Типографского собрания под № 50, который можно называть *Лазаревским паремейником* по его старому месту хранения. Место написания второго комплекта миней, а также евангелия, апостола и паремейника попа Домки тоже неизвестны. Возможно, это был древний мужской монастырь Сошествия Святого Духа на апостолов, располагавшийся неподалеку от Зверина и Лазарева монастырей.

Изложенная реконструкция истории рассмотренных рукописей наглядно представлена в табл. 2.

Таблица 2. Реконструкция истории рукописей

Рукопись	Писцы	Важнейшие записи до 1679 г.	Датировка
<i>Сент. Тип-84</i>	Яков Домка и др.	запись (73) с обращением к братии и со словами «я написал эту книгу Святой Госпоже Богородице»	ок. 1095 г.
<i>Октяб. Тип-89</i>	Яков Домка, Михаил и др.	запись (16) с датой 26 марта 6604 г. запись (13) «Святого Лазаря миня...» XIII–XIV вв.	1096 г.
<i>Нояб. Тип-91</i>	Михаил и др.	запись (29) с датой 6605 г. маргиналия (47) почерком Михаила с молитвой за [Д]аляту проба пера (28) XVI в. с упоминанием игумена Никольского монастыря	1096–1098 г.
<i>Янв. Тип-99</i>	поп Домка, Матфей	–	ок. 1100– 1115 гг.
<i>Февр. Тип-103</i>	Матфей, Лаврентий	–	
<i>Апр. Тип-110</i>		запись (9) «миня <...> Святого Лазаря» XV в.	
<i>Июл. Тип-121</i>		запись (72) «... Не я [Матфей] своим ничтожеством написал [эту книгу] с братом [Лаврентием], но благодаря силе святой Троицы: Отца и Сына и Святого Духа <...> по поручению игуменьи, [при помощи] святого Лазаря, [его] молитвой. Богом и святой Богородицей оплачено»	
<i>Авг. Тип-125</i>	Матфей	–	
<i>Милят.</i>	поп Домка и др.	запись (70) «С помощью Христовой была написана [эта книга] <...> В голодный год написал я евангелие и апостол (обе [книги] — в один год) — Домка, священник, служащий у Святого Лазаря, — а по поручению Миляты Лукиничя...»	вероятно, 1127– 1128 гг.
паремейник <i>Тип-50</i>	поп Домка и др.	запись (23) лазаревского дьячка Ивана XVI/XVII в.	вероятно, ок. 1120–1125 гг.
триодь <i>Тип-138</i>	др.	–	?
стихирарь <i>Тип-147</i>	= параклитик <i>Тип-80</i>	запись (11) лазаревского попа Оксентия XIV в.	?

Где написана	Куда написана	XIII–XIV вв.	XV в.	XVI в.	XVII в.
?	Зверин монастырь (?)	?			Лазарев монастырь
		Лаз.	Лазарев монастырь (?)		
		?		Лаз. (?)	Сковородский монастырь
Духов монастырь (?)	Лазарев монастырь (?)				Лазарев монастырь
				Лаз.	
	Лазарев монастырь	?			Лазарев монастырь (?)
	Лазарев монастырь (?)				
	?				Лазарев, а затем Сковородский монастырь
?	?	Лаз.	Лаз. (?)		Лазарев монастырь
?	?				

Приложение 1. Распределение экстратекстов по рукописям (с указанием их сохранности), типам и авторам

Рукописи	Сохранность	Писцы	Экстратексты		
			выходные записи	маргиналии писцов	другие
<i>Сент. Тип-84</i>	+	А; Яков Домка (с вкраплениями В и У)	Яков: (73)	А: (61–62); Яков: (30–37)	(1); (71); (63–69)
<i>Октяб. Тип-89</i>	без 2-й – 3-й тетрадей	Яков Домка (с вкраплением Михаила)	Яков: (15–16); (74)	Яков: (38)	(2); (13–14); (17–19)
<i>Нояб. Тип-91</i>	без 1-й тетради	Михаил (с вкраплениями В и Д); В	В: (29)	Михаил: (39–51)	(24); (27–28)
<i>Янв. Тип-99</i>	без 1-й и 5-й тетрадей, без конца	поп Домка; Матфей	–	Матфей: (54)	(3)
<i>Февр. Тип-103</i>	без 1-й пол.	Матфей (с вкраплениями Лаврентия)	–	–	(4)
<i>Апр. Тип-110</i>	+		–	Лаврентий: (52–53)	(5); (9–10); (12)
<i>Июл. Тип-121</i>	без 1-й пол.	Лаврентий (с вкраплениями Матфея)	Матфей: (72)	–	–
<i>Авг. Тип-125</i>	без 1-й и 4-х посл. тетрадей	Матфей	–	Матфей: (55–60)	–
<i>Милят.</i>	без нач. и конца (посл. лист сохранился)	поп Домка (с вкраплением 3-го писца); 2-й писец	поп Домка: (70)	–	–
паремейник <i>Тип-50</i>	без 1-й тетради, неск. листов в середине и конца	поп Домка и еще три писца	–	–	(21–23)
триодь <i>Тип-138</i>	без одной тетради	неизв. писец	–	–	(6)
стихирарь <i>Тип-147</i>	значит. утраты	писец <i>Тип-80</i> и <i>Тип-147</i>	–	–	(7), (11)
октоих <i>Соф-122</i>	незначит. утраты	неизв. писцы	–	–	(8)
служебник <i>Соф-622</i>	без нач. и конца	неизв. писцы	–	–	(20)
<i>Нояб. Тип-92</i>	незначит. утраты	неизв. писец	–	–	(25)
<i>Ил.</i>	без конца и неск. листов в середине	бывший поп Илья	–	–	(26)

Сокращения

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург)

Соф. — Собрание рукописей библиотеки новгородского Софийского собора (фонд 728) в РНБ

Тип. — Собрание рукописей библиотеки Московской синодальной типографии (фонд 381) в РГАДА

Библиография

Рукописи

Авг. Тип-125

Тип., № 125. Служебная минея на август. Пергамен, 4°, 112 л. Рукопись изучена de visu.

Фотокопия: rgada.info/kueh.

Апр. Тип-110

Тип., № 110. Служебная минея на апрель. Пергамен, 4°, 110 л. Рукопись изучена de visu.

Фотокопия: rgada.info/kueh, издание в разночтениях к др. рукописи: [Christians, Rothe 2010; 2011; 2014].

Ил.

Тип., № 131. Праздничная минея (Ильина книга). Пергамен, 4°, 145 л. По

факсимильному изданию [Ильина книга 2006: 1–290]. Наборное издание: [Ильина книга 2005].

Июл. Тип-121

Тип., № 121. Служебная минея на июль. Пергамен, 4°, 52 л. Рукопись изучена de visu.

Фотокопия: rgada.info/kueh.

Милят.

РНБ, Ф.п.1.7. Полноапракосное евангелие (Милятино евангелие). Пергамен, 1°, 160 л. По

фотокопии на сайте РНБ: nlr.ru/manuscripts. Издание: [Мольков 2018].

Нояб. Тип-91

Тип., № 91. Служебная минея на ноябрь. Пергамен, 4°, 174 л. Рукопись изучена de visu.

Фотокопия: rgada.info/kueh, издание: [Ягич 1886].

Нояб. Тип-92

Тип., № 92. Служебная минея на ноябрь. Пергамен, 4°, 204 л. По фотокопии на сайте

РГАДА: rgada.info/kueh.

Октяб. Тип-89

Тип., № 89. Служебная минея на октябрь. Пергамен, 4°, 127 л. Рукопись изучена de visu.

Фотокопия: rgada.info/kueh, издание: [Ягич 1886].

Сент. Тип-84

Тип., № 84. Служебная минея на сентябрь. Пергамен, 4°, 176 л. Рукопись изучена de visu.

Фотокопия: rgada.info/kueh, издание: [Ягич 1886].

Соф-122

Соф., № 122. Изборный октоих. Пергамен, 4°, 163 л. Рукопись изучена de visu.

Описание: [СК XI–XIII 1984: 268, № 284].

Соф-622

Соф., № 622. Служебник. Бумага, 4°, I+64 л. Рукопись изучена de visu.

Описание: byzantinorossica.org.ru/sof-catalog/622/622_0.html (авторы: Т. И. Афанасьева, Е. В. Крушельницкая, О. В. Мотыгин, А. С. Слуцкий).

Тип-50

Тип., № 50. Лазаревский (Сковородский) паремейник. Пергамен, 1°, 126 л. Рукопись изучена de visu. Описания: [Каталог ЦГАДА 1988: 119–121, № 46; Князевская 1993; 1999; СК XIV 2002: 641–643, № д48].

Тип-80

Тип., № 80. Нотированный параклитик. Пергамен, 4°, 169 л. Рукопись изучена de visu. Фотокопия: rgada.info/kueh.

Тип-138

Тип., № 138. Цветная триодь. Пергамен, 1°, 173 л. Рукопись изучена de visu. Фотокопия: rgada.info/kueh.

Тип-147

Тип., № 147. Нотированный стихирарь постный и цветной. Пергамен, 1°, 142 л. Рукопись изучена de visu. Фотокопия: rgada.info/kueh.

Февр. Тип-103

Тип., № 103. Служебная минея на февраль. Пергамен, 4°, 55 л. Рукопись изучена de visu. Фотокопия: rgada.info/kueh. Издание в разночтениях к др. рукописи: [Rothe 2006; Christians, Rothe 2009].

Янв. Тип-99

Тип., № 99. Служебная минея на январь. Пергамен, 4°, 119 л. Рукопись изучена de visu. Фотокопия: rgada.info/kueh.

Литература

Артамонов 2019

Артамонов Ю. А., Двойные монастыри Древней Руси, *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 1 (75), 2019, 10–14.

Бобров 2001

Бобров А. Г., Монастырские книжные центры Новгородской республики, *Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри*, С.-Петербург, 2001, 3–123.

Васильев 2012

Васильев В. Л., *Славянские топонимические древности Новгородской земли*, Москва, 2012.

Веселовский 1974

Веселовский С. Б., *Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии*, Москва, 1974.

Волков 1897

Волков Н. В., *Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI–XIV веков и их указатель* (= Памятники древней письменности, СХХIII), [С.-Петербург], 1897.

Гимон 2014

Гимон Т. В., Книги Лазаревы, *Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия*, Москва, 2014, 400–401.

Гиппиус 2007

Гиппиус А. А., К вопросу о новгородском Лазаревском скриптории рубежа XI–XII в., *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 1 (27), 2007, 36–44.

— 2012

Гиппиус А. А., Соперничество городских концов как фактор культурной истории Новгорода XII–XIII вв., *Споры о новгородском вече: Междисциплинарный диалог: Материалы «круглого стола». Европейский университет в Санкт-Петербурге. 20 сентября 2010 г.*, С.-Петербург, 2012, 121–135.

Гиппиус, Михеев 2013

Гиппиус А. А., Михеев С. М., О подготовке свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора, *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г.: Доклады российской делегации*, Москва, 2013, 152–179.

Гольштенко 1982

Гольштенко В. С., Немаркированный знак у в ранних восточнославянских рукописях, *История русского языка: Памятники XI–XVIII вв.*, Москва, 1982, 3–29.

Грковић 1986

Грковић М., *Речник имена Бањског, Дечанског и Призренског властелинства у XIV веку*, Београд, 1986.

Дополнения 1859

Дополнения к Актам историческим, 7, С.-Петербург, 1859.

Зализняк 1986

Зализняк А. А., Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения, Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте*, [VIII:] (Из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.), Москва, 1986, 89–219.

— 1999

Зализняк А. А., О древнейших кириллических абecedариях, *Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова*, Москва, 1999, 543–576.

— 2000

Зализняк А. А., Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, Янин В. Л., Зализняк А. А., *Новгородские грамоты на бересте*, X: (Из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование, Москва, 2000, 134–429.

—, ДНД₂

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг.*, Москва, 2004.

Ильина книга 2005

Крысько В. Б., лингвистическое изд., подг. греческого текста, комм., словоуказатели, *Ильина книга: Рукопись РГАДА, Тип. 131*, Москва, 2005.

— 2006

Верещагин Е. М., подг., *Ильина книга: Древнейший славянский богослужебный сборник: Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинейно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием*, Москва, 2006.

Каталог ЦГАДА 1988

Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР, в 2-х частях, Москва, 1988.

Князевская 1993

Князевская О. А., Древнерусская рукопись паремийника XII–XIII в., *Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти профессора Г. А. Хабургаева*, Москва, 1993, 30–34.

— 1999

Князевская О. А., Древнейший список Паремийника (первая половина XII в., РГАДА, ф. 381, оп. 1, № 50), *Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян: тезисы докладов международной научной конференции (Москва, 23–24 ноября 1999 г.)*, Москва, 1999, 44–46.

Кривко 2005

Кривко Р. Н., Уточнение датировки древнейшего списка славянской служебной минеи за август, *Лингвистическая герменевтика. Вып. 1: К 70-летию доктора филологических наук, профессора Игоря Георгиевича Добродомова*, Москва, 2005, 90–110.

— 2007

Кривко Р. Н., Язык и текст древнейших славянских служебных миней за август, *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit: Beiträge einer internationalen Tagung. Bonn, 7.–10. Juni 2005* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 117 = Patristica Slavica, 15), Paderborn, München, Wien, Zürich, [2007], 236–270.

— 2013

Кривко Р. Н., Новгородские служебные минеи, *Большая российская энциклопедия*, 23: Николай Кузанский — Океан, Москва, 2013, 161–162.

— 2015

Кривко Р. Н., *Очерки языка древних церковнославянских рукописей*, Москва, 2015.

— 2016

Кривко Р. Н., Орфография рукописи как свидетельство текстологической преемственности, *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 9: История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова, Москва, 2016, 124–148.

Крысько 2018

Крысько В. Б., Экстратексты древнерусских рукописей: пролегомены к изданию, *The oldest linguistic attestations and texts in the Slavic languages*, Vienna, 2018, 191–211.

Лозовая 2009

Лозовая И. Е., *Древнерусский нотированный Параклит XII века: Византийские источники и типология древнерусских списков*, Москва, 2009.

Макарий 1860

Архимандрит Макарий, *Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях*, 1, Москва, 1860.

Медынцева 1978

Медынцева А. А., *Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: XI–XIV века*, Москва, 1978.

— 2016

Медынцева А. А., Автографы писцов-каллиграфов из новгородской Софии (рубеж XI–XII вв.), *Краткие сообщения Института археологии*, 244, 2016, 408–424.

— 2017

Медынцева А. А., Художники-живописцы, строители и писцы-каллиграфы новгородской Софии в первые полвека ее существования (итоги исследований надписей-граффити), *Памятники средневековой археологии Восточной Европы: к юбилею Марины Дмитриевны Полубояриновой*, Москва, 2017, 48–68.

Мольков 2014a

Мольков Г. А., *Лингвистическое и палеографическое исследование древнерусской рукописи Милятино евангелие (РНБ, Ф.п.1.7)*, (дис. ... кандидата филологических наук, С.-Петербург, 2014).

— 2014b

Мольков Г. А., Развитие орфографической системы новгородского писца Домки (на примере оформления флексии творительного падежа единственного числа в мужском и среднем роде), *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 3 (57), 2014, 21–30.

— 2015

Мольков Г. А., Язык и письмо Милятина евангелия, *Acta linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований*, 11, 3, 2015, 683–742.

——— 2018

Мольков Г. А., подг., *Милятино евангелие. Рукопись РНБ, Ф.п.1.7. Лингвистическое издание. Указатели. Исследование*, Москва, С.-Петербург, 2018.

Мусин 2010

Мусин А. Е., Церковная организация средневекового Новгорода в XI в., *Новгородская земля в эпоху Ярослава Мудрого*, Великий Новгород, 2010, 155–197.

Несин 2017

Несин М. А., Топоним «Зверинец» / «Зверинцы» в XI–XVII вв. по данным новгородских источников, *Valla*, 3 (5), 2017, 1–13.

Новгородская I летопись

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Москва, Ленинград, 1950.

Опись 1617 г.

Янин В. Л., Бычкова М. Е., подг. публ. к изд. и вступ. ст., *Опись Новгорода 1617 года*, 1, Москва, 1984.

Осипов 1986

Осипов Б. И., *Милятино евангелие: Датировка, графика, орфография, пунктуация, Фонетика и письмо: межвузовский сборник научных трудов*, Устинов, 1986, 145–158.

Петров 1999

Петров Д. А., К вопросу о древнейшей топографии и административном статусе части территории Новгорода, расположенной на берегу ручья Гзень, Петров Д. А., *Проблемы исторической топографии Новгорода* (= Общество историков архитектуры. Архив архитектуры, X = Новгородские древности, 4), Москва, 1999, 4–21.

Петрова et al. 2000

Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Попов В. А., Силаева Т. В., Топография пригородных монастырей Новгорода Великого, *Новгородский исторический сборник*, 8 (18), 2000, 95–157.

Покровский 1916

Покровский А. А., *Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обзор пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей Библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ*, Москва, 1916.

ПСРЛ, 4/1

Полное собрание русских летописей, 4/1: Новгородская четвертая летопись, Петроград, 1915.

———, 8

Полное собрание русских летописей, 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку, С.-Петербург, 1859.

———, 11

Полное собрание русских летописей, 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью, С.-Петербург, 1897.

———, 15/1

Полное собрание русских летописей, 15, Изд. 2-е, 1: Рогожский летописец, Петроград, 1922.

———, 16

Полное собрание русских летописей, 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки, С.-Петербург, 1889.

———, 18

Полное собрание русских летописей, 18: Симеоновская летопись, С.-Петербург, 1913.

———, 25

Полное собрание русских летописей, 25: Московский летописный свод конца XV века, Москва, Ленинград, 1949.

———, 42

Полное собрание русских летописей, 42: Новгородская Карамзинская летопись, С.-Петербург, 2002.

Птенцова 2014

Птенцова А. В., *Даждь въ на пол обраще криво...* о союзе даже и статусе конструкции да + презенс в древнерусских текстах, *Русский язык в научном освещении*, 2 (28), 2014, 180–190.

Розов 1999

Розов Н. Н., *Русские мастера рукописной книги: (К 1000-летию русской книги)*, С.-Петербург, 1999.

Савва 1859

Архимандрит Савва, Письмо к редактору, *Известия Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности*, 7, V, 1859, 371–373.

СК XI–XIII 1984

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв., Москва, 1984.

СК XIV 2002

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии: XIV век, 1: (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская), Москва, 2002.

СлРЯ XI–XVII

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, 1971–2015–.

Срезневский, I–III

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, I–III, С.-Петербург, 1893–1903.

——— 1882

Срезневский И. И., *Древние памятники русского языка и письма (X–XIV веков). Общее повременное обозрение*, 2-е изд., С.-Петербург, 1882.

СРНГ

Словарь русских народных говоров, 1–2, Москва, Ленинград, 1965–1966, 3–26, Ленинград, 1968–1991, 27–49–, С.-Петербург, 1992–2016–.

Столярова 1998

Столярова Л. В., *Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах*, Москва, 1998.

——— 2000

Столярова Л. В., *Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков*, Москва, 2000.

——— 2010

Столярова Л. В., Глава 7. Центры изготовления книг в Древней Руси, Столярова Л. В., Каштанов С. М., *Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.)*, Москва, 2010, 169–244.

Тот 1981

Тот И. Х., Служебная миния на месяц февраль первой половины XII в. (Предварительное сообщение), *Acta Universitatis szegediensis de Attila József nominatae. Supplementum. Dissertationes slavicae = Slavistische Mitteilungen = Материалы и сообщения по славяноведению. История, литература, язык и искусство восточных славян в XI–XVII вв.*, Szeged, 1981, 140–162.

Тупиков 1903

Тупиков Н. М., *Словарь древнерусских личных собственных имен*, *Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического Общества*,

- VI, 1903, 58–915. (Отдельный оттиск с другой нумерацией страниц: С.-Петербург, 1903. Репринтное издание: Москва, 2005.)
- Турилов 2014
Турилов А. А., Скрипторий, *Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия*, Москва, 2014, 749.
- Уханова 2007
Уханова Е. В., Древнерусские списки Студийского устава и проблема богослужения Древней Руси XI–XIII вв., *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung. Bonn, 7.–10. Juni 2005* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 117 = Patristica slavica, 15), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2007, 74–103.
- 2009
Уханова Е. В., О становлении новгородского книгописания в XI — начале XII в., *Хризограф. 3: Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи. Труды международной конференции. Москва, 5–7 сентября 2005 г.*, Москва, 2009, 204–237.
- Штендер 1991
Штендер Г. М., Исследования и реставрация церкви Николы Белого в Новгороде, *Реставрация и архитектурная археология: Новые материалы и исследования*, Москва, 1991, 89–109.
- ЭССЯ
Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд, 1–41–, Москва, 1974–2018–.
- Ягич 1886
Ягич И. В., *Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г.* (= Памятники древнерусского языка, I), С.-Петербург, 1886.
- Янин 1982
Янин В. Л., Новгородский скрипторий рубежа XI–XII вв. Лазарев монастырь, *Археографический ежегодник за 1981 год*, Москва, 1982, 52–63.
- Christians, Rothe 2009
Christians D., Rothe H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat Februar: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition. Tl. 3: 20. bis 29. Februar* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 120 = Patristica Slavica, 17), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2009.
- 2010
Christians D., Rothe H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat April: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 165 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition. Tl. 1: 1. bis 9. April* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 124 = Patristica Slavica, 19), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2010.
- 2011
Christians D., Rothe H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat April: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 165 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition. Tl. 2: 10. bis 19. April* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 127 = Patristica Slavica, 21), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2011.
- 2014
Christians D., Rothe H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat April: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 165 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische*

Edition. Tl. 3: 20. bis 30. April (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 129 = Patristica Slavica, 22), Paderborn, 2014.

Rothe 2006

Rothe H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat Februar: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition.*

Tl. 2: 10. bis 19. Februar (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 113 = Patristica Slavica, 13), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2006.

SJS

Slovník jazyka staroslověnského, I–IV, Praha, 1966–1997.

SSNO, Index a tergo

Indeks a tergo do Słownika staropolskich nazw osobowych (= Prace Instytutu języka polskiego, 87), Kraków, 1993.

References

Artamonov Yu. A., Double Monasteries in Old Rus', *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 1 (75), 2019, 10–14.

Bobrov A. G., Monastyrskie knizhnye tsentry Novgorodskoi respubliki, *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi: Severnorusskie monastiri*, St. Petersburg, 2001, 3–123.

Christians D., Rothe H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat Februar: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition. Tl. 3: 20. bis 29. Februar* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 120 = Patristica Slavica, 17), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2009.

Christians D., Rothe H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat April: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 165 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition. Tl. 1: 1. bis 9. April* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 124 = Patristica Slavica, 19), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2010.

Christians D., Rothe H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat April: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 165 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition. Tl. 2: 10. bis 19. April* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 127 = Patristica Slavica, 21), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2011.

Christians D., Rothe H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat April: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 165 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition. Tl. 3: 20. bis 30. April* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften und der Künste, 129 = Patristica Slavica, 22), Paderborn, 2014.

Gimon T. V., *Knigi Lazarevy, Drevniaia Rus' v srednevekovom mire: Entsiklopediia*, Moscow, 2014, 400–401.

Gippius A. A., K voprosu o novgorodskom Lazarevskom skriptorii rubezha 11–12 v., *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 1 (27), 2007, 36–44.

Gippius A. A., Sopernichestvo gorodskikh kontsov kak faktor kul'turnoi istorii Novgoroda 12–13 vv., *Spory o novgorodskom veche: Mezhdisciplinarnyi dialog*, St. Petersburg, 2012, 121–135.

Gippius A. A., Mikheev S. M., O podgotovke svoda nadpisei-graffiti Novgorodskogo Sofiiskogo sobora, *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavianskikh narodov. Istorii slavistiki: 15 Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov*, Moscow, 2013, 152–179.

Golyshenko V. S., Nemarkirovannyi znak u v rannikh vostochnoslavianskikh rukopisiakh, *Istorii russkogo iazyka: Pamiatniki 11–18 vv.*, Moscow, 1982, 3–29.

Grković M., Rečnik imena Banjskog, Dečanskog i Prizrenskog vlastelinstva u XIV veku, Belgrade, 1986.

Knyazevskaya O. A., *Drevnerusskaia rukopis' paremiinika 12–13 v., Issledovaniia po slavianskomu istoricheskomu iazykoznaniiu*, Moscow, 1993, 30–34.

Knyazevskaya O. A., *Drevneishii spisok Paremiinika (pervaia polovina 12 v., RGADA, f. 381, op. 1, № 50), Rol' bibleiskikh perevodov v razvitiu literaturnykh iazykov i kul'tury slavian*, Moscow, 1999, 44–46.

Krivko R. N., Utochnenie datirovki drevneishego spiska slavianskoi sluzhebnoi minei za avgust, *Lingvisticheskaia germenevtika. 1: K 70-letiiu doktora filologicheskikh nauk, professora Igoria Georgievicha Dobrodomova*, Moscow, 2005, 90–110.

Krivko R. N., Sprache und Text der ältesten Gottesdienstmenäen für August, *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit: Beiträge einer internationalen Tagung. Bonn*,

7.–10. Juni 2005 (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 117 = *Patristica Slavica*, 15), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2007, 236–270.

Krivko R. N., *Novgorodskie sluzhebnye minei, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia*, 23, Moscow, 2013, 161–162.

Krivko R. N., *Ocherki iazyka drevnikh tserkovno-slavianskikh rukopisei*, Moscow, 2015.

Krivko R. N., Orfografiia rukopisi kak svidetel'stvo tekstologicheskoi preemstvennosti, *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, 9: Istoriya russkogo iazyka i kul'tury, Moscow, 2016, 124–148.

Krysko V. B., Ekstrateksty drevnerusskikh rukopisei: prolegomeny k izdaniyu, *The oldest linguistic attestations and texts in the Slavic languages*, Vienna, 2018, 191–211.

Lozovaya I. E., *Drevnerusskii notirovannyi Paralit 12 veka: Vizantiiske istochniki i tipologiia drevnerusskikh spiskov*, Moscow, 2009.

Medyntseva A. A., *Drevnerusskie nadpisi novgorodskogo Sofiiskogo sobora: 11–14 veka*, Moscow, 1978.

Medyntseva A. A., Autographs of scribes-calligraphers from the cathedral of St. Sophia in Novgorod (end of the 11th – early 12th centuries), *Brief Communications of the Institute of Archaeology*, 244, 2016, 408–424.

Medyntseva A. A., Khudozhniki-zhivopistsy, stroiteli i pistsy-kalligrafy novgorodskoi Sofii v pervye polveka ee sushchestvovaniia (itogi issledovaniia nadpisei-graffiti), *Pamiatniki srednevekovoi arkhologii Vostochnoi Evropy: k iubileiu Mariny Dmitrievny Poluboiarinovoi*, Moscow, 2017, 48–68.

Molkov G. A., Development of the Novgorodian Scribe Domka's Orthographic System (on the example of spelling of the Instrumental Singular Flexion in Masculine and Neuter Gender), *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 3 (57), 2014, 21–30.

Molkov G. A., Language and script of the Miljatinogospel, *Acta linguistica Petropolitana: Transactions of the Institute for Linguistic Studies*, 11, 3, 2015, 683–742.

Musin A. E., Tserkovnaia organizatsiia srednevekovogo Novgoroda v 11 v., *Novgorodskaiia zemlia v epokhu Iaroslava Mudrogo*, Veliky Novgorod, 2010, 155–197.

Nesin M. A., The Place-Name 'Zverinetz' or 'Zverintzy' in 11th to 17th-Century Novgorodian Sources, *Valla*, 3 (5), 2017, 1–13.

Osipov B. I., Miljatinogospel: Datirovka, grafika, orfografiia, punktuatsiia, *Fonetika i pis'mo: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*, Ustinov, 1986, 145–158.

Petrov D. A., K voprosu o drevneishei topografii i administrativnom statuse chasti territorii Novgoroda, raspolozhennoi na beregu ruch'ia Gzen', Petrov D. A., *Problemy istoricheskoi topografii Novgoroda*, Moscow, 1999, 4–21.

Petrova L. I., Ankudinov I. Yu., Popov V. A., Silaeva T. V., Topografiia prigorodnykh monastyrei Novgoroda Velikogo, *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 8 (18), 2000, 95–157.

Ptentsova A. V., Dažь vь nja poja obrjašče kri-vo... on the conjunction daže and the status of the "da + praesens" construction in old Russian, *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (28), 2014, 180–190.

Rothe H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat Februar: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau* (GIM). *Historisch-kritische Edition*. Tl. 2: 10. bis 19. Februar (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 113 = *Patristica Slavica*, 13), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2006.

Rozov N. N., *Russkie mastera rukopisnoi knigi*, St. Petersburg, 1999.

Shtender G. M., Issledovaniia i restavratsiia tserkvi Nikoly Belogo v Novgorode, *Restavratsiia i arkhitekturnaia arkhologii: Nove materialy i issledovaniia*, Moscow, 1991, 89–109.

Stolyarova L. V., *Drevnerusskie nadpisi 11–14 vekov na pergamentnykh kodeksakh*, Moscow, 1998.

Stolyarova L. V., *Svod zapisei pistsov, khudozhnikov i pereplechikov drevnerusskikh pergamentnykh kodeksov XI–XIV vekov*, Moscow, 2000.

Stolyarova L. V., Glava 7. Tsentry izgotovleniia knig v Drevnei Rusi, Stolyarova L. V., Kashtanov S. M., *Kniga v Drevnei Rusi (11–16 vv.)*, Moscow, 2010, 169–244.

Tot I. H., Sluzhebnaia mineia na mesiats fevral' pervoi poloviny 12 v. (Predvaritel'noe soobshchenie), *Acta Universitatis szegediensis de Attila József nominatae. Supplementum. Dissertationes slavicae = Slavistische Mitteilungen*, Szeged, 1981, 140–162.

Turilov A. A., Skriptorii, *Drevniaia Rus' v srednevekovom mire: Entsiklopediia*, Moscow, 2014, 749.

Uhanova E. V., Altrussische Handschriften des Studitischen Typikons und der Gottesdienst in der Alten Rus' vom 11.–13. Jh., *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung. Bonn, 7.–10. Juni 2005* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 117 = *Patristica slavica*, 15), Paderborn, München, Wien, Zürich, 2007, 74–103.

Uhanova E. V., O stanovlenii novgorodskogo knigopisaniia v 11 – nachale 12 v., *Hrizograf*, 3: *Srednevekovye knizhnye tsentry: mestnye traditsii i mezhregional'nye sviazi*, Moscow, 2009, 204–237.

Vasiliev V. L., *Slavianskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli*, Moscow, 2012.

Veselovsky S. B., *Onomastikon: Drevnerusskie imena, prozvišcha i familii*, Moscow, 1974.

Yanin V. L., Novgorodskii skriptorii rubezha 11–12 vv. Lazarev monastyr', *Arkheograficheskie ezhegodnik za 1981 god*, Moscow, 1982, 52–63.

Zaliznyak A. A., Novgorodskie berestiane gramoty s lingvisticheskoi tochki zreniia, Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, [8:] (Iz raskopok 1977–1983 gg.). Kommentarii i slovoukazatel' k berestianym gramotam (iz raskopok 1951–1983 gg.), Moscow, 1986, 89–219.

Zaliznyak A. A., O drevneishikh kirillicheskikh abetsedariakh, *Poetika. Istoriiia literatury. Lingvistika*, Moscow, 1999, 543–576.

Zaliznyak A. A., Paleografia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie, Yanin V. L., Zaliznyak A. A., *Novgorodskie gramoty na bereste*, 10: (Iz raskopok 1990–1996 gg.), Moscow, 2000, 134–429.

Zaliznyak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt. 2-e izd., pererab. s uchetom materiala nakhodok 1995–2003 gg.*, Moscow, 2004.

Савва Михайлович Михеев, кандидат исторических наук

старший научный сотрудник;

Институт славяноведения Российской академии наук,

119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А;

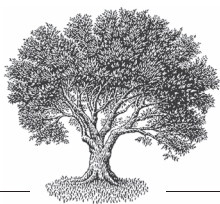
Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС,

119571 Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 3

Россия / Russia

mikheev@gmail.com

Received March 23, 2019

Subject-tracking and Topic Continuity in the Church Slavonic Translation of the Story of Abraham and His Niece Mary

Dieter Stern

Ghent University
Ghent, Belgium

Установление субъекта и непрерывность темы в церковнославянском переводе Слова об Авраамии и его племяннице Марии

Дитер Штерн

Гентский университет
Гент, Бельгия

Abstract

The present article addresses issues of referentiality and text cohesion in a Church Slavonic narrative text. Starting with the specific problem of referential conflict as formulated by Kibrik [1987], issues of tracking personal participants in a narrative text are broadly explored in order to arrive at a rationale for the construction of cohesive text interpretation through topic continuity in subject position. The article takes an interpretative text-based approach of close-reading and argues for participant tracking to be dependent on text genre and general cultural prerequisites of text reading and interpretation rather than on systemic grammatical features of language. It is also hinted at the possibility that medieval narrative text genres (like the Byzantine-Slavic

Цитирование: Штерн Д. Установление субъекта и непрерывность темы в церковнославянском переводе Слова об Авраамии и его племяннице Марии // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 57–86.

Citation: Stern D. (2019) Subject-tracking and Topic Continuity in the Church Slavonic Translation of the Story of Abraham and His Niece Mary. *Slověne*, Vol. 8, № 2, p. 57–86.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.2

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

hagiographic genre being explored in this paper through the specimen of the Story of Abraham and Mary) may adhere to a type of narrative construction which places more responsibility on the reader-listener than on the narrator.

Keywords

topic continuity, Church Slavonic, hagiography, Bđinski sbornik

Резюме

В статье исследуются вопросы референциальности и непрерывности темы в одном церковнославянском тексте — в Слове об Авраамии и его племяннице Марии. Исходя из особой проблематики референциального конфликта, разработанной Кибриком [1987], вопросы идентификации и установления личных участников повествования трактуются более широко, благодаря чему оказывается возможным моделировать общие предпосылки интерпретативного построения непрерывности темы. На основе целостного подхода к отдельному тексту автор приходит к выводу, что установление участников повествования зависит не от системного устройства языка, но от жанровых свойств текста и общекультурных знаний слушателя-читателя. Предполагается, что средневековые повествовательные жанры (такие, в частности, как славяновизантийская агиография, анализируемая в настоящей статье) принадлежат к такому повествовательному типу, который перекладывает ответственность на расшифровку текста с повествователя на слушателя-читателя.

Ключевые слова

непрерывность темы, церковнославянский язык, агиография, Бдинский сборник

1. Introduction

There is probably no narrative text, which does not have to address the basic technical problem of keeping the figures and items, or technically spoken the topics it introduces apart throughout the narrative. This problem of language processing and text interpretation has been addressed as referential ambiguity or conflict [Kibrik 1987; 2011: 62–67], and it is this type of interpretive insecurity, which inspired this article. On reading the story of Abraham of Qidun and his niece Mary (AQM), which provides the basis for our analysis, a modern reader will find keeping track of the story's figures, though there are not a lot of them, time and again a daunting task, though in the end it turns out that at no point throughout the story ambiguity really prevails.

For the readers of this article, who will, as a rule, not be acquainted with the story of Abraham and Mary, a short summary of its plot will be useful in order to be able to follow the argument. Late in life Abraham, a 4th century hermit in the Syrian desert, took charge of the daughter of his recently deceased brother, a girl of 7 years by the name of Mary. Abraham makes up his

mind to raise her as a hermit and teach her the essentials of a hermit's life. Mary followed Abraham's example in all respects, but by the time she came of age, her outward beauty attracted the attention of a young man pretending to be a hermit too. This scoundrel succeeded in seducing Mary to commit with him an act of 'dirty impiety'. After having committed her sin, Mary repents and leaves her cell out of shame, unbeknownst to her uncle. In a long monologue she bewails her fate and argues that now that she failed so utterly she could never expect to find forgiveness and grace anymore, neither from her uncle nor from God. As if to stress her utmost degradation she enters a brothel to become a whore. Only two days after Mary left him, Abraham came to realise through a dream that his niece is no longer with him. He then asks the help of an acquaintance to go and find out her whereabouts. After two years her secret abode is discovered and made known to Abraham, who in the guise of a soldier leaves his cell to go and bring Mary back. In the seclusion of a private chamber within the brothel, Abraham makes his true identity known to his niece, who bursts into tears and will not believe that there still is hope for her. Finally, she returns with her uncle to the hermitage. Both lead henceforward a life in strictest austerity.

2. What's in a topic?

For any figure or item being introduced into a text to become a topic, specificity and individual identifiability are required. Individuation in narrative context is prototypically linked to properties like animacy as a prerequisite for becoming a protagonist, i.e. becoming a binding and focal element determining the cohesion of the narrative. Accordingly, abstract concepts are less prone to individuation than animate referents (ideally namable individuals acquiring personhood). Therefore, inanimate abstract concepts, inanimate concrete entities, animate entities, and namable persons show accordingly increasing likelihood of becoming promoted to the status of continuous topic within narrative discourse. The highest probability for acquiring topicality is found with fully individuated and namable persons, which are treated by the anthropocentric human cognition as more prototypical compared to other types of referents [Kibrik 2011: 4, 406]. It should also be noted that topic, subject, and agentive case role are prototypically correlated [Givón 1983: 20–23]. This correlation is intrinsically motivated: agents keep the story going; in order to do so they will have to appear continuously throughout the story, which will make them topical. Both properties are causally interlinked and find their common formal expression as subjects. This means that subjects typically code acting topics, as opposed to non-acting topics, which are usually being coded in other syntactic roles.

As for namable persons, an additional line should be drawn between actors on the scene and persons not directly or only marginally involved in the evolu-

tion of the plot being reported.¹ The first rank certainly highest in topicality by dint of their capability of acquiring true protagonisthood [Kibrik 2011: 406]. As ‘thematic’ participants [Levinsohn 1978: 75], i.e. as participants around whom a paragraph or episode is organized, they will usually initiate episodic action and perform mostly in subject position throughout the episode. We assume protagonisthood to operate at different narrative levels (text vs. episode within the text), which may interact in determining the prominence of a participant. Especially in hagiographic texts, like AQM, there is a very pronounced difference between figures being identified in the title or rubric as the saint for whose sake the text was written, and all remaining figures. The first may be supposed to be present throughout the whole narrative and dominate most episodes, while the latter are usually restricted to a limited number of episodic sequences within the narrative. The saint functioning as the nominal hero of the whole narrative is not only a ubiquitous actor on the scene, he or she is also the one through whose eyes the reader-listener will enter the story. This singles him or her out as the one person being closest to the audience, which means that he or she more than any other participant will be on the audience’s mind and therefore will need explicit referencing less than anyone else. Within AQM the role of most prominent protagonist is clearly assignable to the titular saint of the story, i.e. Abraham, but his niece Mary acquires a role almost equal to his as a co-protagonist. Both protagonists are in fact the only figures which will continue their presence across episode boundaries, whereas all remaining figures are restricted to just one episode. Abraham’s higher rank in protagonisthood in relation to Mary may possibly be gleaned from the fact that he is the only participant who repeatedly enters new episodes by way of unmarked zero² referencing (see below, section 3.2, on episode boundaries).

Though topicality may be least likely for inanimate (abstract and concrete) referents, it cannot be excluded for them on principled grounds. But it appears that within the narrative of AQM all inanimate nouns (abstract as well as concrete) appear to be non-topical, or more correctly only punctually topical in the sense that they are never anaphorically referred to throughout the narrative and thus never form continuing topics. Could it be that within the narrative hagiographic genre to which AQM belongs, zero anaphora is reserved for persons, or

¹ Major vs. minor participants according to Levinsohn [1978: 69] or participants vs. props according to Grimes [1975: 43–45].

² In the discussion that follows the least marked option for subject coding in Old or Church Slavonic (henceforward just CSL without differentiation between the two) will be persistently addressed as zero anaphora and the like. Speaking of zeros is, however, in our case not exactly true. As so many other European languages, CSL codes obligatorily referential information about subjects on the verb through personal desinences. True zero anaphora would imply that no information is provided at all, like e.g. in Japanese or Chinese. Other terms have been suggested, such as ‘bound pronoun’ as opposed to ‘free pronoun’ [Kibrik 2011], or gramm-index [Haspelmath 2013: 206–207].

even more narrowly for actors on the scene? As a matter of fact all cases of zero (subject) anaphora in AQM refer to acting persons, which means that only these acquire topical status within the narrative. The conclusion that referencing in AQM is not sensitive to inanimate subjects may also be gleaned from the fact that intervening inanimate subjects, i.e. subjects that visibly interrupt reference chains, never effect the choice of more explicit means of referencing. Continuing acting topics are resumed regularly by zero after intervening inanimate subjects, the latter being ignored or skipped as possible referencing sites.

Not all persons that make their appearance in AQM acquire true protagonist-hood. Of the 19 persons or groups of persons that are mentioned throughout AQM only 6 temporarily take on the role of interactants on the scene of reported events. Accordingly, they become subject to referencing by zero – or occasionally also pronominal – anaphora. All of these second-degree protagonists, except the devil, take their part in the unfolding of the plot on the immediate scene of action. The devil, but interestingly enough not God, becomes topical for being assumed to play an active part behind the scene and governing the sequence of events. In a way he thus appears more real than God by way of personal commitment to immediate action in this world. Ultimately, a basic requirement for topicality within the narrative hagiographic genre is direct involvement in the plot, and the more central a figure's position in the plot is, the more likely he or she will be referred to by zero anaphora.³ This is not to mean that protagonist-hood determines zero reference in a way that it is predicted by and reserved to this status. It is rather that high percentages of zero referencing are indicative of protagonist-hood that is brought about by a dominant presence on the scene, which in its turn causes a high activation status throughout the narrative. We also assume that in cases of referential conflicts being solved by identifying one of the competing participants by means of nominal resumption, it will be the less topical referent that will undergo nominalization.⁴

3. Tracking subjects in AQM⁵

3.1. Subject tracking devices: zeros, pronouns and nouns

A fully-fledged functional linguistic device for participant tracking would require that formal means for keeping topics apart are made available throughout, irrespective of the potential for ambiguity. For such a system iconicity may be expected to hold, as specified by Givón [1983: 18] for topic marking.

³ This confirms the general findings made by Marslen-Wilson, Levy & Tyler [1982].

⁴ This assumption is strongly suggested by the material for referential conflict presented and discussed by Kibrik [1987: 132].

⁵ The analysis that follows is in part indebted to the insights gained from extensive discussions with Joachim Gaelens during a course on a pertinent topic at the University of Ghent in the academic year 2016–17. In the meantime, Joachim Gaelens completed

The more accessible a topic is to the reader-listener, the less phonetically marked will be its formal trace and vice versa. The least marked form imaginable, viz. zero anaphora is accordingly iconically associated with the best accessible topic imaginable, viz. an immediately continuing topic with no potentially competing topic around. Beyond this general principle of iconicity, each language will show its own preferences to apply the variety of referencing alternatives available by either over- or undercoding continuing topics. It appears that modern colloquial English storytelling appears to operate on strict rule-like assumptions about the scope of referential means. Thus, pronouns and zeros are regularly interpreted to generally refer back to the closest nominal antecedent, which results in a fairly predictable and regular use of lexically specific anaphoric elements [Marslen-Wilson et al. 1982: 352–354]. In stark contrast to this, CSL – at least as represented in AQM – seems to tend very clearly to the undercoding end with no particular preferences for the reference of unmarked anaphors. CSL appears to operate on the basis of a low-cost default-system, which will activate marked forms only very sparingly. The default for given topic resumption is zero anaphora for all cases of same-subject (with or without intervening non-topical different subject), but also for different-subject situations, if narrative and commonsense knowledge and/or indexical cues⁶ are sufficient to identify the participant.⁷ Nominal resumption (NR) is used for the introduction of topics-to-be and reactivation of remote topics. Remoteness seems to be treated in terms of episodic prominence of a protagonist rather than a measurable distance in words. Thus, the speaker of a lengthy stretch of monologue will be resumed, as he ends his monologue and remains the acting person of the immediately following sentence of the narrative proper, by zero anaphora irrespective of the number of the intervening

an MA thesis on the topic, in which he took a somewhat different stance and approach [2017]. Both the MA thesis and the present paper reflect our joint work on and discussion of the AQM-text. Without this inspiring collaboration the article in its present form would not have been possible, for which I wish to express my gratefulness to Joachim Gaelens. My gratitude also goes to the participants of the 12th Meeting of Paleoslavists at Vienna on September 29–30, 2017, especially to Florian Wandl, who commented on the presentation of my findings and provided additional hints for the final elaboration of this paper.

⁶ By indexical cues we mean formal cues which allow for the identification of referents, but which do not serve primarily participant tracking. Kibrik [2011, ch. 8 & 9] treats these indexical cues as ‘referential aids’. A typical feature of this type of cues is that their availability cannot be counted on in every situation which would require disambiguation. For example, morphology specifying gender helps a lot where concurring prominent topics happen to be opposed by different gender, but in the case of two competing referents having the same gender the reader-listener will be left all by him- or herself.

⁷ In this respect, CSL resembles Chinese, for which Li & Thompson [1979: 322] observe that non-occurrence of anaphoric arguments is the unmarked case, which may be expected anywhere anytime. It is full resumptive forms which require explanation.

sentences/utterances, as long as both monologue and subsequent action form part of the same episode within the narrative. It is as if intervening passages of direct speech were skipped, as it were, in participant tracking on the level of the narrative. Even with longer intervening stretches of direct speech like Mary's lament after having been seduced, zero anaphora will be employed, if the subject of the sentence resuming the narrative is coreferential with the author of the utterance. As the subject of a sentence which immediately precedes direct speech is, as a rule, the speaker of the utterance itself, it is quite obvious that, though the narrative flow itself is being interrupted, the referent remains in the focus of the reader-listener's attention as the person delivering the speech. More often than not, the speech event itself will contain direct and indirect hints as to the identity of the speaker, thus reinforcing his or her status as the most prominent topic entity with the reader-listener. Once again it becomes evident that it is not so much a discrete formal subject unity which is being referred to.

Pronominal resumption (PR) in subject position is restricted to a very small set of narrowly delimited cases. There being no 3rd person subject pronouns proper in CSL, the only resource to resort to for anaphoric referencing consists of the deictic pronouns *сѣ*, *тѣ* and *онѣ*.⁸ Throughout AQM there is only one instance of *тѣ* and two cases of *сѣ* being used als resumptives in subject position:

- (1) Разоумнымъ и бо и дѣховнымъ *сѣ* дивна соуть, испльн же ползе и покаѣнїа [BS fol. 1r].

*For the wise and spiritual these things are wonderful, full of benefits and penitence.*⁹

⁸ Vaillant [1964: I, 141, §93] identifies *тѣ* as filling in the paradigmatic gap in the nominative for anaphoric *ѹ* as an emphatic form. Contrary to this, Leskien [1969: 98, § 78] makes *онѣ* fill in the same gap in his paradigm of anaphoric *ѹ*, without further comment. Lunt [2001, 63, § 4.25] combines both claims by stating that the "function as third person pronoun [in the nominative] is taken by a demonstrative, usually *тѣ* 'that one', less often *онѣ* 'that one yonder'." Bielfeldt [1961: 148] is the only one to assert a true paradigmatic gap for the nominative of the anaphoric pronoun. Judging from our observations on AQM neither *тѣ*, nor *онѣ* can in any meaningful way be described as a regular suppletive within the paradigm of anaphoric *ѹ*, *ѹ*20. See also Kibrik [2011: 260] who clearly states that the only reduced referential devices for subject position are verbal desinenes. Večerka, Keller & Weiher [1993: 51–59] identify and discuss several instances of *тѣ*, *сѣ* and *онѣ* used as "semantically neutral" anaphoric subject pronouns. They conclude that in all cases the three demonstratives preserve part of their deictic function, so that they cannot be considered part of the 3rd person pronoun paradigm.

⁹ All translations are taken from Sebastian Brock's rendering of the Syriac original [Brock & Harvey 1987: 29–36], which by and large is remarkably close to the Slavic text, so that only few adaptations had to be made to make his translation fit the Slavic text. The Slavic text is available in print as a facsimile edition [Dujčev 1972: 1r–17v] and a regular print edition [Scharpé, Vyncke 1973: 43–55]. For a digital edition of the Bdiniski sbornik version of AQM see <http://bdinski.obdurodon.org/>.

- (2) *внѣ же разоумѣвъ ꙗко то еи есть быти ...* [BS fol. 6r]

He, being convinced that this was she ...

- (3) *се бо честь ꙗко неприязниинаа.* [BS fol. 13r]

This belongs to the Evil One.

In none of the three cases is there a formal antecedent, with which the deictic would agree in gender and number. All three forms are neuter. From this it can already be gleaned that the reference is generic rather than specific. The neuter plural deictic *си* in (1) happens in fact to be cataphoric rather than anaphoric, referring to the whole of the story which is going to be told. The neuter singular *мо* in (2) refers to the description of Mary given to Abraham by his acquaintance. Neither reference is topical in any possible sense of the word. Unlike these two cases, the neuter singular *се* in (3) indeed refers back to the fairly discrete unit *мало злата и ризы* ('a little gold and clothing') introduced a few sentences earlier. Thus, (3) is the only case which qualifies as topical in the broad sense of identifying a unit that is at least in theory capable of becoming a topic entity within the narrative. It ought to be noted that this is also the only case throughout the narrative, where a non-animate unit is referred back to.¹⁰ For the rest, the deictics *съ* and *мъ* are used only attributively within nominal expressions such as *блаженный съ* or *блаженная та*, in which contexts they deictically support resumption, but are not themselves primarily resumptive.

As for the deictic *онъ*, independent use in subject position is restricted to two areas of application: (a) to mark off the respondent to a summons in adjacency pairs,¹¹ and (b) in contrasting comparisons, where *онъ* is regularly opposed to correlative *самъ*. Contrasting comparisons represent a very small and specific subset of the wider array of narrative situations requiring disambiguation of some kind in order to keep track of the main participants. Though contrasting comparisons testify to the utilisation of pronominals for obviation, this can at best be called embryonic.

In adjacency pairs there is, as a matter of fact, no primary disambiguation problem at hand. Principally, once the identity of the interlocutors has been determined nominally in the starting sequence of a conversation, the rigid pattern of the recurrent schema of summons and response organized in adjacency pairs will structurally define the identity of the interlocutors throughout the rest of the conversation. Only with longer sequences of dialogic exchanges the reader-listener would run the risk of losing track of who is saying what,

¹⁰ This is in line with the observation of Večerka, Keller & Weiher [1993: 58] that *се* seems to be the only pronoun capable of representing inanimate subjects.

¹¹ This specific usage has also been observed for other CSL texts by Večerka, Keller & Weiher [1993: 55].

especially if the conversation does not consist of easily identifiable speech act categories like e.g. questions and answers, which neatly reproduce the underlying summons-response schema on the visible/hearable surface. In conversations being embedded in the narrative, the deictic *онъ* primarily safeguards the visualization of this basic underlying structure of the dialogue, thus helping the reader-listener to keep track of the dialogue structure and by the same token of the identity of who is saying what.

In AQM dialogues are embedded into the narrative by means of *verba dicendi* applied on the narrative level to mark off the beginning of direct speech. As the embedded dialogue starts, the sentence heading the dialogue introduces both interlocutors either nominally or anaphorically depending on their topical status within the episode of which the dialogue forms part. In (4) Abraham (ABR) is introduced as the summoner by means of a zero anaphora, because he happens to be a prominent topic already.¹² There is even same subject reference in relation to the immediately preceding sentence. The inn-keeper (*hos*), however makes his first appearance on the scene and is accordingly introduced nominally as a respondent.

- (4) *всклабив же се рече* Ø (ABR) *къ гостинникоу* (*hos*): [BS 7r]
He spoke to the tavern keeper with a smile:

In (5) the summoner MAR is introduced nominally as *дъвица*, because this sentence marks also the beginning of a new episode after a long intervening commentary, thus requiring the protagonists to be reactivated by nominal referencing. Note also that the respondent is in this case not indicated in the opening sentence as indirect object of the *verbum dicendi*, but instead by an admittedly unspecific vocative phrase in the speech event itself:

- (5) *по възвеселѣнии же ихъ рече* *дъвица* (MAR):
“господине (abr), вьниди на ложе да поспивѣ тоу.” [BS 10r]
After they had chatted together, the girl said: “Please come into my bedroom so that we can sleep together.”

¹² The persons or groups of persons appearing throughout AQM are: Abraham (ABR), his niece Mary (MAR), Abraham's brother and Mary's father (BRA), Mary's other relatives (REL), the monk who seduces Mary (MON), Abraham's relative who is sent to find out about the whereabouts of Mary (REC), the inn-keeper (HOS), all of them being immediately involved in the ongoing plot, Abraham's friend Efraim (EFR), who is supposed to exist on the level of the reality of the plot, but who acquires no acting part in it because of his physical absence from all scenes of action, God (GOD) and the Devil (DIA) who perform as metaphysical actors behind the scene, the symbolic figures of the evil serpent (SER), the pure dove (COL) and the ravenous wolf (LUP), who make their appearance in Abraham's visions as well as in his moral judgements, and finally idealized or literary figures invoked for purposes of illustration, comparison and judgement, viz. the ideal shepherd (PAS), the ideal scout (SPY), the biblical namesake of Abraham (ABR1), Lot (LOT) and the kings (REG) from whose grip Lot was liberated.

Once both interlocutors have been identified, a rigid pattern for the subsequent adjacency pairs is being observed, as long as the conversational flow is not interrupted by additional narrative elements or comments, which may cause nominal reactivation of one or both interlocutors. In cases where no specific conditions prevail, the summoner is referred to by zero anaphora and the respondent by *онъ* by default, as in the following example of a second turn-taking in a conversation between ABR and MAR:

(6) Гѣа Ø (ABR) ки (mar):

“На мнѣ грѣхъ твои, чедо моѣ. {...}”

Wна (MAR) же ре[̑] къ нѣмоу (abr):

“Аще вѣси, ѡко моего се покаѣти {...}” [BS 12v]

He said to her: “My daughter, I have upon myself your wrongdoing. {...}” She said to him: “If you know (for sure) that I can repent, {...}.”

The default assignment of zero anaphora for the summoner and of *онъ* for the respondent operates on the basis of metaphorical deixis. Zero anaphora as unmarked form can be taken to be inherently maximally proximate, whereas distal *онъ* ‘that one yonder’ marks the extreme opposite in terms of deixis. It is, as if the reader-listener looks at the dialogue (and possibly also at the surrounding scenery) from the perspective of the summoner, who by initiating the dialogue becomes the focal center of it.¹³ Accordingly, being the starting point of the adjacency pair, the summoner himself is visualized as being close to the reader-listener, while the respondent is located at some metaphoric distance from him. It is the same metaphoric use of deixis, which is at the bottom of obviation. In languages having obvatives these will usually be opposed to so-called proximate forms [Payne 1997: 212–213; Kibrik 2011: 311–312]. Proximates represent participants which are more central to the story and therefore closer to the reader-listener, whereas obvatives will mark participants of minor importance to the story and hence to the reader-listener as well. As Marianne Mithun [1996: 146] puts it, “the proximate participant is the one from whose point of view events are presented.” Her description neatly fits the distinction of proximate zero anaphora as opposed to obvative *онъ* observed for the sequencing of dialogue exchanges in AQM. Thus, there are indeed formal means of obviation in CSL, but their use is severely restricted. AQM offers only one example in which *онъ* appears to be used obvatively outside of the direct speech sequencing domain:

¹³ The assumption that the reader-listener is as the experiencer of the story spatio-temporally involved in the story by taking on the role and perspective of the story’s acting figures, especially that of the main protagonist, is supported by findings within the field of cognitive linguistics (see e.g. Zwaan [2003: 43–44] on ‘spatial region’ and ‘perspective’, and 55 for further references).

(7a) Шедше тоу абиѣ посланны (REC) оувѣдѣ извѣсто ѡ нѣи (mar), видѣвъ Ø (REC) же ю самоу (mar).

(7b) Пришедъ Ø (REC) же повѣда Ø (REC) ємоу (abr) сице коегожѡ знамениа начрътаниѣ.

(7c) *Шнѣ* (ABR) же разоумѣвъ ѡко то єи (mar) єсть быти, ре^ѣ Ø (ABR) же прїнести ємоу (abr) воиньскоую подобоу, кон же и ѡроужик, и ѡ^ѣврѣзь Ø (ABR) дверце хизини, и излѣзе Ø (ABR), ѡблѣкъ Ø (ABR) се въ воиньскыи ѡбразъ. [BS 6r]

Having gone, the man, who was being sent, found out about her and saw her, whereupon he returned and gave him (Abraham) an outline of each sign (of her whereabouts). Convinced that this was she, he asked to have brought to him an outfit of soldier's clothing, a horse and weaponry, and then he opened the door of his home and went out, having put on the military dress.

But this again is a dialogue sequence, clearly recognizable from the verba dicendi (first turn: *новѣда* > second turn: *Ѡнѣ* же ... ре^ѣ), the only difference being its making use of reported rather than direct speech.

It looks like CSL has not worked out any generally applicable device to cope with referential ambiguity outside sentence limits beyond possibly the fundamental opposition of nominal resumption (NR) vs. zero anaphora. Within the admittedly narrow confines of AQM, none of the deictics discussed can be considered as freely available anaphoric elements for subject position being employed to build up meaningful functional oppositions with zero anaphora on the one hand and NR on the other. Besides, CSL seems to treat the risk of subject ambiguity very negligently into the bargain.¹⁴ NR appears not to be used in a regular and systematic way to effectively prevent ambiguity, let alone to minimize its risk. The basic formal contrast between nominal and zero subject resumption reflects a rough differentiation between proximate or prominent topics, which would not need explicit reference, and distal and remote topics, that can be expected to be reactivated by NR. The prototypical environment for zero anaphora would accordingly consist of same subject environments, whereas NR ought to prevail in different subject environments. This is reflected to some degree in the numerical distribution of zero vs. nominal anaphora throughout the text of AQM:

¹⁴ On comparing CSL to the nine case studies presented in Givón [1983] CSL turns out to represent a rather extreme case. Japanese is the only language which deals with topic discontinuity in a similarly restrictive way as CSL. Both languages employ zero anaphora as a default device, restricting the use of stressed independent subject pronouns to the very limited subset of contrastive expressions. It must, however, also be emphasized that CSL unlike Japanese has obligatory person marking for subjects on verbs, that in the end makes it much less elliptic than Japanese, which really seems to be a very extreme case [Hinds 1983: 49–50].

Reference	zero anaphora	pronominal resumption (PR)	nominal resumption (NR)
Same Subject	168 (96%)	4 (2.3%)	3 (1.7%)
Different Subject	42 (47%)	16 (17%)	32 (36%)
All subject contexts ¹⁵	210 (79%)	20 (8%)	35 (13%)

Whereas same subject environments very clearly confirm the proximate interpretation of zero anaphora, the picture is less clear for different-subject environments. PR being restricted to a few rigidly defined contexts of application, one would at least expect a marked preponderance of NR with different subject environments. The actual numerical dominance of zero anaphoras over NR would run counter to expectations derived from a proximate-distal interpretation of the contrast of both formal devices. As a matter of fact, eight occurrences of zero anaphora may indeed be subtracted from the list. For these cases it can be shown that the immediately preceding subject is nontopical and may be discounted as a potential point of reference, so that ultimately accessibility may be assumed to be no lower than in a same subject environment proper. This is illustrated by the following sequence of subject switches from the prominent topic entity MON – i.e. the monk who is about to seduce Mary – to nontopical COR back again to MON. It should also be noted that MON is present in (8b) as well, so that the chain of reference remains even formally intact:

(8a) Видоваше Ø (MON) же и блаженоую сию дверцами, иже (MON) бывъ неистовъ хотѣше Ø ки бесѣдовати.

(8b) ѿкоже бо пламень раждеже се срѣце (COR) кго (mon) неистовныѣ любве.

(8c) Желая Ø (MON) же еѣ довольно врѣме ѿко лѣто едино, дондеже раслабыть свои помысль. [BS 3r-v]

He also happened to see the blessed girl time and again through the door, and fell in love with her and wanted to keep company with her. His heart burned like a flame because of his mad desire (for her). He longed for her quite some time, until he succeeded in softening her firm resolve.

¹⁵ The marginality of pronouns for 3rd person subject marking in CSL (AQM) can be gleaned from a comparison with the distribution of the same categories in narrative discourse in Modern Greek, a prodrop language which at least has a specific, i.e. non-deictic 3rd person subject pronoun. The scores for ellipsis range from 37.8% to maximally 59.1% in the stories investigated by Georgakopoulou. Pronouns are found in 19.5–26.5 % of all occurrences [Georgakopoulou 1997: 111]. According to Olson [1977] and Chafe [1982] low rates of explicitness, such as found in CSL (AQM) would correlate with oral rather than written text production. It remains, however, to be shown whether their claims about explicitness in relation to mode of production are universally applicable across time and cultures.

The resulting ratio of 34 null subjects against 32 cases of NR, however, does still not satisfy expectations of a clear-cut functional division. It goes without saying that NR constitutes a quite awkward and cumbersome instrument for smooth and efficient participant tracking; due to that avoiding its use and reducing it to the least possible quantity would appear quite natural [Kibrik 2011: 51; Gordon et al. 1993]. What appears to emerge in the end is rather suggestive of a non-system with zero anaphora as the default for all situations, and NR being used only sparingly to meet the most basic requirements of supporting the reader-listener in his efforts to create text cohesion. The following discussion should accordingly focus on how AQM manages to grant an unambiguous reading of the narrative by providing means and cues to track participants for every subject position in the text. Can it be shown that NR will occur primarily where ambiguity of subject reference is seriously at stake? Or is the use of NR determined by other factors? And what risks does the writer-narrator take in order to keep the congestion, which is likely to be caused by a too ample use of NR, as low as possible? Can it be shown that NR is employed to effectively reduce ambiguity and at the same time avoid congestion? And are there possibly other conditions, like episodic structure, text layering, and change of narrator footing, requiring NR? Let us first have a look at a complete episodic unit in order to arrive at a general idea how referent identity is constructed in a typical scene of AQM:

- (9a) Бѣ же нѣкто име имѣк чрьньскою (MON), иже (MON) хождаше къ блаженному
ѣко виною полезною съ тыщаникъмъ многомъ.
- (9b) Видоваше Ø (MON) же и блаженую сию (mar) дверцами, иже бывъ неистовъ,
хотѣше Ø (MON) ки (mar) бесѣдовати.
- (9c) ѣкоже бо пламень раждеже се срѣце (COR) кго (mon) неистовныкъ любве.
- (9d) Желая Ø (MON) же еѣ (mar) довольно врѣме ѣко лѣто єдино, дондеже
раслабыть свои помысль.
- (9e) И вѣврьши (MAR) дверце хызыкы и изиде Ø (MAR) к нѣмъ (mon).
- (9f) И wskврьни Ø (MON) ю (mar) скврьннимъ безаконикъмъ.
- (9g) По сътворени же грѣховнѣмъ оужасе се помысль кѣ (mar).
- (9h) И растръзавши (MAR) рызи своѣ бѣаше Ø (MAR) се по лицу и хотѣше Ø
(MAR) се сама оудавити вѣ печалы. (3r-v)

Now there was a man who was nominally a monk, who used to come regularly and visit the blessed Abraham with considerable enthusiasm on the pretext of some useful design. He also happened to see the blessed girl time and again through the door, and fell in love with her and wanted to keep company with her. His heart burned like a flame because of his mad desire (for her). He longed for her quite some time, until he succeeded in softening her firm resolve and the girl eventually opened the door of

her cell and came out to him. He bespattered her with the mud of his lust. Once this sinful episode had taken place, stupefaction seized hold of her mind. She tore off her garment, and beat her face and wanted to strangle herself in grief.

The sequence (9a–h) comprises the episode of Mary’s seduction by a monk. It is characterised by a high level of interaction between two prominent participants, the monk (MON) and Mary (MAR) requiring a rapid succession of subject switches as the action unfolds. These occur from (9d) to (9e), where MAR takes the leading role from MON, then immediately again from (9e) to (9f), where MON takes over again, and finally again from (9f) to (9h), where the episode is concluded by MAR bewailing her sad fate. Zero anaphora is used throughout for both participants. NR is not employed anywhere in order to keep both protagonists apart. Keeping track of what is going on seems to depend largely on grammatical clues, which one intuitively expects to be fewer in prodrop languages, like CSL, compared to a language requiring pronouns in subject position. The essential difference between pronominal and zero anaphora lies in the abundance of formal indexical cues supplied to find one’s way through the maze of the ongoing interaction, which is usually richer with pronouns than with desinences [Grimes 1975: 49]. Whereas zero anaphora will provide no indexical cue other than the information on person and number supplied by the verb desinences, pronominal resumption additionally offers gender information as a cue for identification. Both interactants being singular, gender would be the only feature to keep them apart. Though the prodrop language CSL completely misses out on providing gender information for the subject position, the text is still replete with formal gender cues, viz. on conjunctive participles as well as on nonsubject resumptive pronouns. Thus, the feminine ending of the preterite active participle *и҃въръзши* in (9e) helps to identify the subject as does the masculine resumptive pronoun *к ѣмѹ* in the same sentence, though in a less straightforward manner. Knowing that the person towards whom the action is directed is masculine, i.e. MON, Mon cannot possibly be the agent of the sentence occupying the subject position marked by zero, so it must be MAR.¹⁶ Of course, these cues are rather accidental and are not specifically meant to help to identify subjects. But somehow, they can be relied upon to be present more often than not in a way that renders a specifically designed tool for referential subject disambiguation unnecessary in most cases.

Unfortunately, AQM does not provide episodic material where number and gender cues prove insufficient. At the same time, the seduction scene also underscores the rigid cultural restrictions on admissible types of interactive encounters. In a way, cultural restrictions put severe limits on the theoretically

¹⁶ This type of inference based on logical exclusion has been termed ‘the engagement factor’ by Kibrik [2011: 294].

possible diversity of interactive configurations. In the end, however, it is not so much the restrictiveness of culture with its diminishing effect on the variety of possible scenarios, which could lead to referential conflict. What is more is the prescriptive nature of culture, which proffers a rich choice of prefabricated and regularly reproduced default patterns for interactive encounters. In the end, successful participant tracking might be safeguarded at a very different level, indeed: the nominal labels identifying both participants provide the reader-listener with moral judgements, which determine his or her expectations and allow him or her to assign each of the two participants an almost stereotypical dramatic role, that can be associated with prototypical actions. The visiting monk is introduced by the ironic description of ‘someone who goes by the name of a monk’, thus implying that he is a cheater who pretends to be a monk. On the basis of this description the reader-listener will assign the visiting monk the role of the trickster, an agent of evil and a tool of the devil, whereas Mary being called ‘that blessed one’ takes on the complementary role of the honest and unsuspecting victim. All of the verbal actions occurring throughout the episode can be assigned in a prototypical manner to either role. Tricksters initiate action (*видоваше, хотъше бесъдовати, wskвъръни*), they are easily aroused by immoral desires (*бывъ неистовъ, раждеже се срѣце юго, желаа*). Victims are made by tricksters to do things they had no prior intention of doing (*въврѣзъши дверце, изиде as a consequence of раслабыть помысль юю*), and doing things contrary to their original intention. Only they will have a reason to feel regret in the end about what has been actually happening (*оужасе се помысль юю, растрѣзавши рызи, бѣаше се по лицу, хотъше се оудавити*). The identity of the co-occurring participants will thus be largely determined by a culturally available schema or script [Schank, Abelson 1977; van Dijk, Kintsch 1983: 47–49; Givón 1992: 15]. It should be noted that for cultural scripts to operate as a participant tracking device it is required that the events reported do not move beyond prototypical patterns of (inter)action. We therefore assume that sudden and unexpected turns will require more specific means of participant identification. The more a particular text or text genre sticks to established and commonly known patterns of (inter)action – and hagiography does so to a remarkable degree – the more will scripts be available to help participant tracking.

This and other episodes teach us that in many instances there is no real need for a device of participant tracking,¹⁷ which would formally instantiate a referential conflict filter, suggested as a universal cognitive device by Kibrik [2011: 63–64], and it may be assumed that CSL does not provide for any

¹⁷ At least this is true for AQM. Most episodic events within AQM do, however, not involve more than two interacting parties. Though confusion of referents is possible even with two interactants, the issue of referential conflict becomes obviously the more pressing the more interactants get involved [Grimes 1975: 34].

reliable, i.e. strictly formalized device of anaphoric referencing in cases of referential conflict. It leaves the reader-listener all to him- or herself to make sense of the narration and construct it as a cohesive whole. The reader-listener of the CSL translation of AQM is required to be equipped with a rich cultural knowledge about literary figures and types, and the capability to apply them on the spot by simultaneously decoding the plot and assigning it an interpretation at a deeper, mostly moral level. At the same time, he or she is expected to keep track of all events of the story so as to be able to situate every single event being reported in the larger framework of the unfolding plot.¹⁸ Cultural and narrative knowledge, however, presupposes an experienced public that will be able to make sense of a story with as little grammatical or other formal support as possible. The presence of linguistic features and the forms they take, and the ways they are applied would thus appear to be dependent on genre properties, where genre is understood as a specific textual format, that is subject to specific social and cultural conditions. It is these conditions, which act as patterns and horizons of expectations in restricting referential choices.

Reference, as it is seen at work in the seduction episode, does not operate on the level of grammar, not even of language. What we called zero anaphora up to this point may turn out to be no anaphora at all, but just absence of formal reference where it is not needed, because cohesion is constructed by fitting the narrated events into a ready-made framework of cultural and situational expectations as well as common knowledge. Thus, there would be no reference chain, which links all the zero elements to their antecedents.¹⁹ What we see instead, is a process of sorting and classifying events according to culturally determined role patterns or scripts, and assigning them to the acting protagonists, accordingly. Cohesion becomes here more than anywhere else apparent as a construct or product of the interpreting reader-listener, who takes it for granted that texts are coherent much in the same way as in conversation the interlocutors will assume that every contribution is relevant with respect to the purpose or direction of the conversation.²⁰ Cohesion in the passage above is literally created out of nothing, linguistically speaking.

Episodes like the one analysed above do not form an exception within AQM: there are others very much like it, but usually grammatical indices and knowledge of the narrative situation are sufficient to deal with them. Only

¹⁸ For a similar analysis of a specimen of narrative discourse which arrives at basically the same conclusions, see Marslen-Wilson, Levy & Tyler [1982: 362–364].

¹⁹ For a similar assessment of zero anaphora see Marslen-Wilson, Levy & Tyler [1982: 365], who argue that zeros, rather than triggering a referent retrieval procedure, signal that no retrieval is needed, since there is no alternative referent choice.

²⁰ This refers to Grice's cooperative principle. For a lucid treatment of this principle see also Clark [1996: 140–153]. Halliday & Hasan express the same view, saying that "we insist on interpreting any passage as text if there is the remotest possibility of doing so" [1976: 23].

occasionally will there occur minor cases of pending identification, where the reader-listener will have to go ahead within the text in order to be able to identify the reference of a subject retrospectively, as in (10):

- (10) И оумоливъ Ø (ABR) нѣкого оужикоу (rec) своѣго посла Ø (ABR) тамо, да извѣсто оувѣсть Ø (ABR?/REC?) ѡ нѣи и знаменаѣть Ø (REC) мѣсто гдѣ ходитъ Ø (MAR). [BS 6r]

He asked a certain relative and sent him there to find out about her and to indicate the place where she was residing.

Judging from the contents and structure of the first part of the sentence both ABR and REC are grammatically possible referents for the expression *извѣсто оувѣсть* ‘that he may find out the truth’, and using the zero form—or, for that, the infinitive as in our English translation—leaves the identity of who actually is meant to be the subject reference, open. Knowledge of the narrative situation does not help either: it is the relative who is being sent to inquire about Mary, but only for the ultimate goal of Abraham’s finding out the truth about her. There would be in fact no way of coming to know the subject reference, were the expression *извѣсто оувѣсть* ‘to find out about her’ to stand by itself. However, the expression is conjoined with *знаменаѣть мѣсто* ‘that he may indicate the place’ in a coordinate construction, and the reference of conjoined verbs must be the same. For *знаменаѣть мѣсто* the identity of the referent can be decided on the basis of the narrative situation. It is the relative and not Abraham who goes on the reconnaissance mission, and so it can only be him who is in a position to identify Mary’s whereabouts. Thus, only on reading-listening further will the reader-listener come to know the identity of the referent. This is, of course, a minor case, which, even if the identity would be left pending, could in no way impede the comprehension of the story as a whole.

Since identification of referents, as discussed here, operates on the verbatim level of utterances, the resolution of pending identity may be supposed to be limited by the short-term memory buffer [Givón 1992: 44–45]. It has been shown that verbatim expressions do not pass into long-term memory on hearing or reading them, and the capacity of this buffer is said to comprise no more than one or two clauses. Pending identity within the confines of a sentence should therefore not cause any disruptive effects on text processing, whereas beyond the sentence limit it is technically irresolvable, unless retrieval of verbatim expressions outside the memory buffer is safeguarded, as is the case only with written texts being read privately by an individual instead of being recited to an audience.

It turns out that the available formal contrast between zero forms and nouns is not employed systematically to solve the problems of referential

conflict. There is only one case throughout AQM, where NR could be argued to solve a referential conflict:

(11a) Съ ним (abr) же бдѣше и поаше Ø (MAR) и ꙗкоже самъ (ABR) въз²ръжаше се, такожѣ и ѡна (MAR) присно прѣдспѣющи въ чрьноризьчѣстѣмъ ѡбразѣ тыцаше се съвршити всѣ дѣтели.

(11b) Ибо множицею *блажени* (ABR) съ слѣзами молаше се бѣоу (god) ѡ нѣи (mar), да би имѣла Ø (MAR) мысль свою къ нѣмоу (god) и да не привежет се Ø (MAR) никакоиже земльнѣи вещи, понеже бо бѣ ѡцѣ еѣ (BRA) имѣникъ довольно ѡставиль. [BS 1v-2r]

She used to keep vigil and sing with him and, just as he practiced abstinence, so too she strove to attain to the perfection of his deeds, constantly excelling in her hermit's life. The blessed man would frequently supplicate God on her behalf, asking that she direct her mind to him (God) and not get entangled by any of the world's attractions, now that her father had left her ample money.

By formally opposing ABR as *самъ* to MAR as *она* by way of a contrasting comparison in (11a), both ABR and MAR acquire an equal activation status, so that both qualify equally for the main clause subject position in (11b). On the face of it, NR here seems to serve the task of helping the reader-listener decide who in fact fills in the subject slot. But then there is a clear indexical cue (*ѡ нѣи*), which is sufficient to determine the identity of the subject referent, so there is no true referential conflict. Perhaps, the case at hand ought to be treated as a special case of coping with formally induced equal activation, deriving from contrasting procedures as in (11a), which will form a barrier for referential choice by forcing the reader to choose between the two opposing referents put on offer by means of the contrastive comparison. A somewhat similar effect of formally induced equal activation might also be argued to be brought about by absolute constructions which exhibit a partial referential overlap with the subject of the main clause:

(12) И вышедъшима же има (ABR/MAR), видѣ Ø (ABR) ѡдръ высокъ настланъ. (10r)
When both had entered, he saw a large bed made up.

Though absolute constructions usually are not involved in referencing procedures, in this special case the partial overlap of the referent of the absolute construction and the main clause may be expected to induce an interpretation of the subject of the absolute construction as a set of alternatives to choose from. In this case, however, the formally induced equal choice does not work as a barrier. Referential choice is in this particular case determined by protagonist-hood. ABR is a continuing prominent topic of the preceding sentences, and zero reference is chosen accordingly. The equal choice does not block access to the preceding discourse. Though it is tempting to treat (11a)–(11b)

in terms of either a true or a formally induced referential conflict, on closer consideration it turns out to be a rather murky case.

What then is the function of the contrast between nominal and zero forms, if any? There is one quite obvious context where a noun rather than a zero form ought to be used, and this is the introduction of a new topic-to-be into the text. This will more often than not take place in subject position, but it does not need to. Of course, the number of personal agents that become topical in AQM is very limited indeed, so this specific function cannot account for all cases of nominal reference. Apart from that, introducing new topics cannot count as NR.

The functions NR serves can best be gleaned from the role of the two most prominent topical figures of the story, viz. the title figures ABR and MAR. For ABR only 14 cases of NR could be identified, and for MAR the number is even lower with only 4 cases. The quite specific domain of adjacency pairs, where NR is employed to identify the summoner and the respondent at the beginning of a conversation, accounts for 4 of all 18 cases.

In two cases there occurs a shift from the narrative to the comment level as in the short comparison in (13) embedded into the ongoing plot:

- (13) *ѿкоже бо пастирь, егда вобрѣщетъ овче погибшею, съ радостію възьметъ ю на рамо своею, тако и блажени (ABR^{hyp}) ра^аук се идѣше. [BS 13v]*

Like a shepherd, once he has found his sheep that has gone astray, takes it happily on his shoulders, the saint went happy at heart.

The shift to the comment level implies also a shift of the role of Abraham. Though ABR figures in (13) also as an acting person, he becomes at the same time the object of contemplation for the narrator, who changes his footing from reporting events to contextualizing them and their participants into a higher moral-metaphysical framework. Accordingly, the protagonists will change their role to objects of metaphysical reflection. Change of footing from narration to commentary causes also a break in sequentiality of the reported events and can be argued to affect conjoinability as defined by Li & Thompson [1979: 329–330], thereby triggering the use of a marked form of resumption. We assume that this change of footing, which interrupts the narrative flow, triggers NR even with prominent topics that dominate the scene into which the comment is embedded. A somewhat similar case is presented by resumption by means of descriptive items, as is the case in (14):

- (14) *Бѣста же дѣни дѣва ишыла по ошѣствии блаженна (mar), въ нѣд же видѣ Ѧ (ABR) видѣникъ, дѣвѣ же лѣтѣ, иже сътвори кромѣ юго (abr) дѣщерыши юго (MAR). [USP 301r]*

Now the two days that passed since her departure and in which he saw the visions, became two years, which his niece spent abroad.

Note that MAR is already nominally introduced as an adnominal adjunct in the first part of the sentence, so there is no need for NR at the end of it, where zero anaphora instead of the nominal expression *дѣщерьши юго* would suffice. In fact, the nominal form is used here to convey a short comment. By using *дѣщерьши юго* instead of just applying the default nominal reference *блаженная* (*эталонная форма* 'labelling form' see below), the particular responsibility that Abraham assumes for Mary as his relative is being stressed. In this case, as in many others, nominal resumption is used to provide a comment and control the moral interpretation of the events by highlighting specific aspects or properties of the referent.²¹ Commentary functions involving change of footing or descriptive items account for another four cases.

On the face of it remoteness seems to come into play in the use of resumptive *стры же* in (15b) for ABR, who temporarily has ceded the role of main protagonist on the scene to MAR:

(15a) Прилежно же чрьноризьчествоваше Ø (MAR) по всемоу чрьньчеству юго.

(15b) Веселаше же се стры (ABR) же, виде ю (mar) доброе прилежанье, слезы и смѣренную мудрость, безмѣлвыи и кротость и любовь, юже имѣше Ø (MAR) къ боу.

(15c) ꙗ. лѣ̃ чрьноризьчествова Ø (MAR) съ нимъ ꙗко агница чѣтаа, и голоубыца несквръннаа. [BS 2v]

Willingly she trained herself in all the excellent ways of her blessed uncle. Her uncle delighted to see her fine intention, her tears and her humble wisdom, her quiet and gentle nature and her love, which she had for God. For twenty years did she lead a hermit's life with him, being like a chaste lamb and a spotless dove.

But then, at this point ABR is not as remote as would make his reactivation necessary. He ceded his lead role to MAR only shortly before, though, of course, the aboutness of the scene has changed with MAR taking over. Instead of Abraham's solicitousness about Mary's becoming a true hermit, it is now Mary's eagerness to follow her uncle that is being highlighted. It appears that zero referencing is reserved to the person who is the subject of the theme or aboutness of the passage at hand. Within this context, ABR is assigned the role of supplying a comment on this overarching theme. He is in fact not even an actor on the scene, but assumes the role of giving a commentary aside. Thus, ABR is not just demoted to the position of a secondary protagonist, he temporarily loses his protagonisthood as such. We assume that zero reference is indeed reserved to actual protagonists, so that non-protagonists would have to be marked nominally.

²¹ This use of nominal anaphora is reminiscent but not identical to the phenomenon of metaphorical anaphors as treated by Helge Skirl [2007].

Neither remoteness nor referential conflict with SER/DIA could be invoked to account for NR by *блажєныи* in (16c). ABR has been introduced by the same nominal expression *блажєны* only in (16a), and as a matter of fact, he is the only person present at the location of the narrative scene reported in (16a–c):

(16a) Прилоучившоу же се семоу єи (mar), видѣ видѣниє блажєны (ABR), страшнаа змиа (ser) велика зѣло, мръзка ѡбразомъ, шоумеща (ser) крѣпостию, изышедшаа (ser) ѡ мѣста своєго и пришедша (ser) до кєлик єго (abr).

(16b) И ѡбрѣтъ Ø (SER) голоубицу (col), поглыти Ø (SER) ю (col), и паєы възврати Ø (SER) се въ мѣсто своє.

(16c) Въспреноув же се ѡ сна блажєныи (ABR) и ѡскрѣбѣ Ø (ABR) зѣло и плаєа Ø (ABR) се горѣ, єда оубо гонєниє възвигнєть сотона (DIA) на єтю црєковъ и многєы ѡставитъ Ø (DIA) ѡ вѣры, или разорєниє боудєть црєквы. [BS 5r–v]

After this had happened to her, he (Abraham) had a dream: he beheld a huge serpent disgusting to look at and hissing in a fearsome way. On leaving its lair it came toward his cell. It found there a dove, swallowed it up, and went back to its lair. When the blessed man awoke, he was much troubled and started weeping bitterly. “Perhaps Satan is going to stir up persecution against the Holy Church and alienate many from the faith, or maybe there will be schisms in the church (of God).”

The proper interpretation of the scene would certainly not be impeded, if *блажєныи* in (16c) would be replaced by zero. What induces the use of NR in this case, remains a bit of a riddle. It appears to have to do with the switch from the level of reported narrative reality to the reality of the dream and then back to the narrative, which would license rather than enforce the use of NR in this case. The switch of levels could then be treated as a subepisodic shift with (16c) marking an event boundary. In the light of the somewhat similar constellation of figures in (17a–b) this interpretation ought, however, to be taken with a grain of salt:

(17a) И паєы по двюу дєнию видѣ Ø (ABR) тогожде змиа (ser) изыше^аша (ser) ѡ мѣста своєго, и пришедша (ser) въ хизиноу къ нємоу (abr), подложивша (ser) же под нозѣ блажєнаго (abr) главоу свою, и расѣдша се (ser), и ѡбрѣтєни быти голоубици (BS 5v) ѡнои (COL) въ чрєвѣ еєѡ (ser).

(17b) простьр’ же блѣжєныи (ABR) роукоу и приєтъ Ø (ABR) ю живоу не имоуцєу скєрєны. [NBKM 299, 116r]

Then once again, two days later, he saw the same serpent leave its lair and come toward his house, whereupon it placed its head beneath the blessed man’s feet; the serpent was then ripped open, and there, safe and sound was found the dove in its belly. The blessed man stretched out his hand and took his relative, who was unharmed.

As in (16c) the resumptive nominal *блажены* in (17b) is preceded by a scene in which SER/DIA adopts a leading role, though within a dream sequence. This time, however, *блажены* in (17b) forms part of the dream sequence, so that no boundary effect can be claimed here. Perhaps, a shift of the major acting protagonist's role from SER/DIA to ABR must be assumed to account for NR in both cases: thus, dramatic role patterns rather than remoteness or referential conflict appear to control the referential choice.

The only case in which remoteness, i.e. the need to reactivate an otherwise prominent topic that happens to have been absent from the narrative for a longer stretch of text, applies appears to be (16a), which reintroduces ABR as a main protagonist after his effectively being absent from the scene as an active participant for a significant stretch of text.

Kibrik [2011: 38–39] observes that NR will, as a rule, make use of one fixed expression (*étalonnaja forma*) throughout any one text instead of employing a wide range of different descriptive labels. This appears also to be true for NR in AQM, though it must be pointed out here that this is probably not a universal discourse feature. There are, in fact, culturally defined literary genres which will require constantly changing reference labels for poetic reasons, like the stylistic feature of *kenning* in Old Norse alliterative Skaldic poetry [Fidjestøl 1974]. Looking once again at our main protagonist Abraham, we find the following nominal identifiers for him. After having been introduced as *блаженнии аврами* in the title²² and once again as *аврамѣи* at the outset of the story, he is being uniformly referred to as *блаженнии* in 10 out of a total of 14 cases of nominal subject resumption. In two cases he is referred to by the expression *стрыи юе*. In both cases, Abraham is interacting with Mary, so that the expression seizes upon the opportunity to stress their specific blood relationship. The remaining two cases consist of complex NPs which are clearly meant to provide an evaluative comment on the doings of Abraham reported in the respective sentences (*самъ тѣ дивнии мужь, иже в .ѿ. лѣтъ чрьньчства своѣго не въкуси хлѣба* 'that very same miraculous man who during 50 years of his monk's life did not eat (even) a piece of bread'). An interesting feature which holds also for the other main protagonist, his niece Mary, is that NR never makes use of the proper name as identifier. Further research ought

²² It should be noted that proper names, being semantically void, do not establish the identity of a referent by themselves as would regular lexical entities. They are informative about the referent to the extent that only they are anchored somehow to the wider context of the narrative on their first appearance in the text. This can be and often is done by some kind of introductory description [Marslen-Wilson et al. 1982]. In the case of hagiography, rubrication of the saint as the main protagonist in the title serves as an anchor for the reference of his proper name. As the protagonists of hagiographic texts all belong to the same class of people (saints), the title 'saint' may be considered as functionally fully equivalent to the proper name of the saint, so that both proper name and title could be used interchangeably.

to sort out whether this is possibly a general stylistic feature of the hagiographic genre, or at least of part of its tradition.

3.2. Episodes as boundaries for referencing

It is commonly held that the demarcation of units, such as episode boundaries, typically involves explicit referential forms [Hinds 1977; Levinsohn 1978; Longacre 1979; Georgakopoulou 1997: 114; Kibrik 2011: 405]. The basic defining requirement for paragraphs is thematic unity [Longacre 1979: 118–120]. Narrative episodes, which can be seen as genre-specific instantiations of the more generic concept of paragraph, require in addition to thematic unity: unity of time, place and main protagonists. Episode transitions will therefore usually involve a change in at least one of these parameter settings [Longacre 1979: 118]. The start of a new episode within the narrative, though it does not involve recalibration of the reference coordinates or change of footing, as is the case with direct speech and commentary asides, requires reintroduction of topics by means of reactualisation strategies. It is not so much that episode breaks would make former topics remote, but rather that every episode has to define the scene of action including its protagonists all over again, because it cannot be taken for granted that protagonists from preceding episodes will automatically participate in the new episode. Explicit referencing (mostly nominal) appears to be required at the first mention of an already established prominent topic. In AQM, however, it appears that nominal resumption at episode boundaries is restricted to topic entities entering the scene for the first time within the narrative or after a period of absence from the preceding episode(s), as in (18), when ABR re-enters the scene in the Dream Episode after the completion of the Seduction Episode, where he played no part in:

(18=16a) Прилоучившоу же се семоу еи, видѣ видѣникъ *блаженъ* (ABR), страшнаа змиа велика зѣло, мръзъка ѿбразомъ, шоумеща крѣпостию, изышедшаа w мѣста своѣго и пришедша до кѣликъ єго. (5r)

After this had happened to her, the saint had a dream: he beheld a huge serpent disgusting to look at and hissing in a fearsome way. On leaving its lair it came toward his cell.

Both types can be qualified either as new topics-to-be or as remote topics, which would both require nominal (re)introduction, anyway. If the figure in question happens to be the most prominent topic entity in the immediately preceding episode, zero anaphora is used instead to introduce a protagonist, as at the beginning of the Reconnaissance-episode in (19d)²³:

²³ The use of zero anaphora across episode boundaries is found in two other cases within the text; in all three episodes ABR is the only acting figure. These findings are at odds with claims that episode boundaries will enforce full reference, “even if the referent was recently mentioned” [Kibrik 2011: 405]. For a somewhat similar statement about

(19a) Въздвиге Ø (ABR) же гласъ свои, глагола Ø (ABR) съ слъзми:

He raised his voice in tears, and said:

(19b) “Съпасе вьсего мира, Христе, възврати агницю твою Марию въ оградоу жизньюую, да не сънидеть старость моя съ печалию въ адъ.

(19c) Не прѣзри молѣния моѣго, господи, нѣ посъли благодѣтъ твою въскорѣ, да изъметь ю изъ оустъ змиѣвъ.” [USP 301в]

O Christ Savior of the world, return the lamb Mary to the fold of your flock that I may not go down to hell full of grief in my old age.

Do not turn aside my request, Lord; rather, send your grace at once and deliver her from the serpent's mouth.

EPISODE BOUNDARY

(19d) Бѣста же дѣни дѣва, ишѣла по ошѣствии блаженна, въ нѣ же видѣ Ø (ABR) видѣниѣ, дѣвѣ же лѣтъ, иже сътвори кромѣ юго (abr) дѣщерши юго. [USP 301г]

Now the two days that had passed since her departure and in which he saw the visions, became two years which his niece spent abroad.

In this particular case, the choice of zero anaphora may have been additionally favored under the impact of the same subject resumption rule which holds for resumption following intervening direct speech sequences. ABR appears at this stage of the sequence of episodic events as the only continuing topic entity, anyway, so zero anaphora would appear a natural choice for referring back to him. It looks like the rules for introducing protagonists into an episode are very much the same as hold for prominent vs. remote/new topics in general, which would ultimately mean that episode boundaries do not define a specific subset. An important qualification must, however, be placed on this possible claim. The unusually high degree of protagonist-hood of ABR, which can be seen as a characteristic feature of hagiographic narratives, may account for the permissibility of zero referencing across episode boundaries in this case, so that specific rules may still be applicable to less prominent figures.

paragraph boundaries, see Longacre [1979: 118]: “Lack of back reference is indicative, therefore, of a paragraph boundary”, which would exclude zero anaphora, but also some types of absolute constructions which mark an episode break by means of a discourse topic anaphora referring back to the events of the preceding episode as being completed. See also Ariel [1991: 448]. See, however, Levinsohn who states for the Inga language of Colombia: “Between episodes in which the cast and roles of major participants vis-à-vis each other remain constant {...} reference to the participant(s) involved is zero” [1978: 95, see again 97]. An obvious way out in order to save this general claim would be that the episode boundaries in question were assigned incorrectly. In fact, the only protagonist within these episodes is ABR, so that a case could be made for treating the events in question as part of just one episode. Apart from the risk of circularity, however, which this revision of our structure assignment would run, the episodic structure is strongly suggested by a time lapse of two years between the Dream- and the Reconnaissance-Episode and the insertion of a longer praising comment between the Reconnaissance- and the Rescue-Episode.

4. Conclusion

The findings of our study of the CSL translation of the Story of Abraham and his niece Mary (AQM) are by and large corroborated by Eckhoff & Meyer's [2011] quantitative study into null subjects in OCS, performed on the PROIEL corpus. The general tendency of undercoding subjects appears thus not so much a specific feature of hagiographic narratives or even more narrowly of AQM, but seems to reflect a quality of OCS/CSL itself. This statement should, however, come with a warning not to misconstrue it as specifying a feature of a language system. In saying that CSL displays a strong tendency to undercode referents in subject position, we treat CSL not so much as an autonomous linguistic system, but as a cultural tool which – in the way it is applied – reflects the culturally determined attitudes of its users with respect to what they consider proper communicative behaviour.

In our study we have opted for an experiential approach which not only brings into focus the reader-listener and his or her efforts to make sense of what he or she reads or hears, but which at the same time frames participant tracking as part of the more general cultural technique of reading. We hope to have also been able to show that undercoding practices of communication, though, of course, asking a lot from the reading interpreter, can be taken very far indeed without any serious threat of a major communicative breakdown. This is possibly the point where genre comes into play. Hagiography takes protagonisthood to extremes by putting an exceptionally strong focus on the figure of the saint. Much of the text of a saints' life will stage the saint and his thoughts and actions as the one and only figure which deserves full attention, leaving little room for true interaction (especially more complex situations involving more than two interactants). As a matter of fact, the strong personal focus of hagiographic writing is directly reflected in the distribution of participants over the available subject slots within the narrative portions of the text. 94, i.e. 44.6% out of a total of 210 subject slots, are occupied by ABR. AQM, however, is exceptional among hagiographic writing in allowing for a complimentary protagonist alongside the saint, i.e. MAR who occupies 75 (35.6%) of all subject positions. Another 6.8% go to non-animate nontopical subjects, so that only 13% remain for minor protagonists. It should be quite obvious how this genre-specific personal focus makes referential conflict almost a non-issue for subject-tracking. The impact of genre properties may also be gleaned from the treatment of topic continuity across episode boundaries. It could be shown that universalist claims of episode boundaries requiring marked forms of topic resumption do not hold for saints in saints' lives, due to their particularly marked protagonisthood.

Undercoding, as attested in participant tracking in AQM, ultimately shows language to be no more than an admittedly highly useful and potent

expedient to communication. However, it is certainly not a kind of grammar machine that provides for the technically exact transmission of thought, by providing, e.g., for the exact coding and decoding of participants.²⁴ Though CSL confirms universally observed features of dealing with the construction of cohesion through tracking continuing topics throughout a text, by going through the experience of a modern reader trying to come to grips with an individual text composed in a remote past there emerges a distinct feeling for the specific manner in which medieval Slavic text production dealt with the needs and expectations of its audience, which starkly contrasts with those of modern Western European readers. Clearly, CSL tends to Kibrik's 'egoistic' end as it comes to taking care of the reader, but the term itself – apart from its undesirable connotations – somehow seems to miss an important point. Undercoding as a common practice is not about some kind of personal deficiency or even cognitive impairment, it is rather about the culturally agreed 'proper' style and manner of telling a story in writing. This makes techniques of participant tracking a feature of culture more than anything else.

List of actants appearing in the examples

ABR	Abraham
COL	pure dove of Abraham's dream vision
COR	heart
DIA	devil
GOD	god
HOS	innkeeper
MAR	Mary
MON	monk who seduces Mary
REC	scout sent by Abraham to find Mary
SER	evil serpent of Abraham's dream vision
Ø	zero

Capital letters mark actants in subject position, small letters those in none-subject position.

Bibliography

Source manuscripts

BS

Bdinski Sbornik, Ghent University Library ms. 408, date given in colophon 1360, but probably a later copy from the first decades of the 15th century. Facsimile edition: Dujčev 1972.

USP

Uspenskij Sbornik, GIM Uspenskij 4/1063, end 12th-beginning 13th century. Edition: Kotkov 1971.

²⁴ See Roy Harris' [1981] critique of what he terms the telementation fallacy.

NBKM 299

Paraenesis, Bulgarian National Library ms. 299(2), anno 1592. Description: Conev 1910, vol. 1, 228–233.

Literature

Ariel 1991

Ariel M., The function of accessibility in a theory of grammar, *Journal of Pragmatics*, 5 (16), 1991, 443–463.

Bielfeldt 1961

Bielfeldt H. H., *Altshawische Grammatik*, Halle an der Saale, 1961.

Brock, Harvey 1987

Brock S. P., Harvey S. A., *Holy Women of the Syrian Orient*, Berkeley, Los Angeles, London, 1987.

Chafe 1982

Chafe W. L., Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature, *Spoken and Written Language: Exploring Orality and Literacy*, D. Tannen, ed. Norwood NJ, 1982, 35–53.

Clark 1996

Clark H. H., *Using Language*, Cambridge, 1996.

Conev 1910

Conev B., *Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София*, 1, Sofia, 1910.

Dujčev 1972

Dujčev I. S., ed., *Bdinski Zbornik. Ghent Slavonic Ms 408, A.D. 1360*. Facsimile edition, London, 1972.

Eckhoff, Meyer 2011

Eckhoff H., Meyer R., *Conditions on null subjects in Old Church Slavonic, a contrastive view*. Paper presented at the 20th International Conference on Historical Linguistics, Osaka, July 25, 2011.

Fidjestøl 1974

Fidjestøl B., Kenningsystemet: Forsøk på ein lingvistisk analyse, *Maal og Minne*, 1974, 5–50.

Gaelens 2017

Gaelens J., *Reference and topic continuity in Old Church Slavonic narrative texts. A case study based on the Bdinski Sbornik*. MA thesis, University of Ghent, 2017.

Georgakopoulou 1997

Georgakopoulou A., *Narrative Performances. A study of Modern Greek storytelling*, Amsterdam–Philadelphia, 1997.

Givón 1983

Givón T., Topic Continuity in Discourse: An Introduction, *Topic Continuity in Discourse. A quantitative cross-language study*, T. Givón, ed., Amsterdam–Philadelphia, 1983, 1–41.

——— 1992

Givón T., The grammar of referential coherence as mental processing instructions, *Linguistics*, 1 (30), 1992, 5–55.

Gordon et al. 1993

Gordon P. C., Grosz B. J., Gilliom L. A., Pronouns, names and the centering of attention in discourse, *Cognitive Science*, 3 (17), 1993, 311–347.

Grimes 1975

Grimes J. E., *The Thread of Discourse*, The Hague–Paris, 1975.

Halliday, Hasan 1976

Halliday M. A. K., Hasan R., *Cohesion in English*, London, 1976.

Harris 1981

Harris R., *The Language Myth*, London, 1981.

Haspelmath 2013

Haspelmath M., Argument indexing: a conceptual framework for the syntactic status of bound person forms, *Languages across Boundaries. Studies in Memory of Anna Siewierska*, D. Bakker, M. Haspelmath, eds., Berlin, Boston, 2013, 197–226.

Hinds 1977

Hinds J., Paragraph structure and pronominalization, *Papers in Linguistics*, 10, 1977, 77–99.

——— 1983

Hinds J., Topic continuity in Japanese, *Topic Continuity in Discourse. A quantitative cross-language study*, T. Givón, ed., Amsterdam, Philadelphia, 1983, 43–93.

Kibrik 1987

Кибрик А. А., Механизмы устранения референциального конфликта, *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах*, А. Е. Кибрик, А. С. Нариньяни, ред., Москва, 1987, 128–145.

——— 2011

Kibrik A. A., *Reference in Discourse*, Oxford, 2011.

Kotkov 1971

Успенский сборник XII-XIII вв., под ред. С. И. Коткова, Moscow, 1971.

Levinsohn 1978

Levinsohn S. H., Participant reference in Inga narrative discourse, *Anaphora in discourse*, J. Hinds, ed., Edmonton, 1978, 69–135.

Leskien 1969

Leskien A., *Handbuch der altpbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache*, 9th ed., Heidelberg, 1969.

Li, Thompson 1979

Li Ch. N., Thompson S. A., Third-person pronouns and zero-anaphora in Chinese discourse, *Syntax and Semantics*, 12: *Discourse and Syntax*, T. Givón, ed., New York, 1979, 311–335.

Longacre 1979

Longacre R. E., The paragraph as a grammatical unit, *Syntax and Semantics*, 12: *Discourse and Syntax*, T. Givón, ed., New York, 1979, 115–134.

Lunt 2001

Lunt H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th ed., Berlin, New York, 2001.

Marslen-Wilson et al. 1982

Marslen-Wilson W., Levy E., Tyler L. K., Producing interpretable discourse: the establishment and maintenance of reference, *Speech, Place and Action. Studies in Deixis and Related Topics*, R. J. Jarvella, W. Klein, eds., Chichester, New York, 1982, 339–378.

Mithun 1996

Mithun M., Overview of general characteristics, *Handbook of North American Indians*, 17: *Languages*, I. Goddard, ed., Washington D.C., 1996, 137–157.

Olson 1977

Olson D. R., From utterance to text: The bias of language in speech and writing, *Harvard Educational Review*, 47, 1977, 257–281.

Payne 1997

Payne Th. E., *Describing Morphosyntax*, Cambridge, 1997.

Schank, Abelson 1977

Schank R., Abelson R., *Scripts, goals, plans and understandings*, Hillsdale NJ, 1977.

Scharpé, Vyncke 1973

Scharpé J. L., Vyncke F., *Bdinski zbornik. An Old-Slavonic Menologium of Women Saints (Ghent University Library Ms. 408, A.D. 1360)*, Bruges, 1973.

Skirl 2007

Skirl H., Metaphorical anaphors. A phenomenon of the semantics-pragmatics interface, *Anaphors in Text. Cognitive, formal and applied approaches to anaphoric reference*, M. Schwarz-Friesel, M. Consten, M. Knees, eds., Amsterdam, Philadelphia, 2007, 103–119.

Vaillant 1964

Vaillant A., *Manuel du vieux slave*, 2nd ed., Paris, 1964.

van Dijk, Kintsch 1983

Dijk T. A. van, Kintsch W., *Strategies of discourse comprehension*, New York, 1983.

Večerka et al. 1993

Večerka R., Keller F., Weiher E., *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax, 2: Die innere Satzstruktur*, Freiburg im Breisgau, 1993.

Zwaan 2003

Zwaan R. A., The immersed experienter: toward an embodied theory of language comprehension, *The Psychology of Learning and Motivation*, 44, 2003, 35–62.

References

Ariel M., The function of accessibility in a theory of grammar, *Journal of Pragmatics*, 5 (16), 1991, 443–463.

Bielfeldt H. H., *Altslawische Grammatik*, Halle an der Saale, 1961.

Brock S. P., Harvey S. A., *Holy Women of the Syrian Orient*, Berkeley, Los Angeles, London, 1987.

Chafe W. L., Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature, *Spoken and Written Language: Exploring Orality and Literacy*, D. Tannen, ed., Norwood NJ, 1982, 35–53.

Clark H. H., *Using Language*, Cambridge, 1996.

Dijk T. A. van, Kintsch W., *Strategies of discourse comprehension*, New York, 1983.

Dujčev I. S., ed., *Bdinski Zbornik. Ghent Slavonic Ms 408, A.D. 1360*. Facs. ed., London, 1972.

Fidjestøl B., Kenningsystemet: Forsøk på ein lingvistisk analyse, *Maal og Minne*, 1974, 5–50.

Georgakopoulou A., *Narrative Performances. A study of Modern Greek storytelling*, Amsterdam-Philadelphia, 1997.

Givón T., The grammar of referential coherence as mental processing instructions, *Linguistics*, 1 (30) 1992, 5–55.

Givón T., Topic Continuity in Discourse: An Introduction, *Topic Continuity in Discourse. A quantitative cross-language study*, T. Givón, ed., Amsterdam, Philadelphia, 1983, 1–41.

Gordon P. C., Grosz B. J., Gilliom L.A., Pronouns, names and the centering of attention in discourse, *Cognitive Science* 17, 3, 1993, 311–347.

Grimes J. E., *The Thread of Discourse*, The Hague–Paris, 1975.

Halliday M. A. K., Hasan R., *Cohesion in English*, London, 1976.

Harris R., *The Language Myth*, London, 1981.

Haspelmath M., Argument indexing: a conceptual framework for the syntactic status of bound person forms, *Languages across Boundaries. Studies in Memory of Anna Siewierska*. D. Bakker, M. Haspelmath, eds., Berlin, Boston, 2013, 197–226.

Hinds J., Paragraph structure and pronominalization, *Papers in Linguistics*, 10, 1977, 77–99.

Hinds J., Topic continuity in Japanese, *Topic Continuity in Discourse. A quantitative cross-language study*, T. Givón, ed., Amsterdam, Philadelphia, 1983, 43–93.

Kibrik A. A., Mechanisms of Referential Conflict Removal, *Modelirovanie iazykovoi deiatel'nosti v intellektual'nykh sistemakh*, A. E. Kibrik, A. S. Naryani eds., Moscow, 1987, 128–145.

Kibrik A. A., *Reference in Discourse*. Oxford, 2011.

Kotkov S. I., ed., *Uspenskii sbornik 12th–13th c.*, Moscow, 1971.

Leskien A., *Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache*, 9th ed. Heidelberg, 1969.

Levinsohn S. H., Participant reference in Inga narrative discourse, *Anaphora in discourse*, J. Hinds, ed., Edmonton, 1978, 69–135.

Li Ch. N., Thompson S. A., Third-person pronouns and zero-anaphora in Chinese discourse, *Syntax and Semantics*, 12: *Discourse and Syntax*, T. Givón, ed., New York, 1979, 311–335.

Longacre R. E., The paragraph as a grammatical unit, *Syntax and Semantics*, 12: *Discourse and Syntax*, T. Givón, ed., New York, 1979, 115–134.

Lunt H. G., *Old Church Slavonic Grammar*, 7th ed., Berlin, New York, 2001.

Marslen-Wilson W., Levy E., Tyler L. K., Producing interpretable discourse: the establishment and maintenance of reference, *Speech, Place and Action. Studies in Deixis and Related Topics*, R. J. Jarvella, W. Klein, eds., Chichester, New York, 1982, 339–378.

Mithun M., Overview of general characteristics, *Handbook of North American Indians*, 17: *Languages*, I. Goddard, ed., Washington D.C., 1996, 137–157.

Olson D. R., From utterance to text: The bias of language in speech and writing, *Harvard Educational Review*, 47, 1977, 257–281.

Payne Th. E., *Describing Morphosyntax*, Cambridge, 1997.

Schank R., Abelson R., *Scripts, goals, plans and understandings*, Hillsdale NJ, 1977.

Scharpé J. L., Vyncke F., *Bdinski zbornik. An Old-Slavonic Menologium of Women Saints (Ghent University Library Ms. 408, A.D. 1360)*, Bruges, 1973.

Skirl H., Metaphorical anaphors. A phenomenon of the semantics-pragmatics interface, *Anaphors in Text. Cognitive, formal and applied approaches to anaphoric reference*, M. Schwarz-Friesel, M. Consten, M. Knees, eds. Amsterdam, Philadelphia, 2007, 103–119.

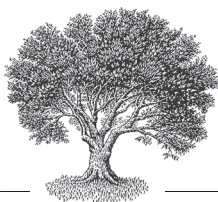
Vaillant A., *Manuel du vieux slave*, 2nd ed., Paris, 1964.

Večerka R., Keller F., Weiher E., *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax, 2: Die innere Satzstruktur*, Freiburg im Breisgau, 1993.

Zwaan R. A., The immersed experienter: toward an embodied theory of language comprehension, *The Psychology of Learning and Motivation*, 44, 2003, 35–62.

Dieter Stern, Professor, Doctor
Universiteit Gent
Fakulteit Letteren en Wijsbegeerte
Vakgroep Talen en Culturen
Blandijnberg 2
9000 Gent
België / Belgium
dieter.stern@ugent.be

Received March 29, 2019

Старшие виды
месяцесловов
Иерусалимских
уставов в русской
книжности XV в.:
становление
и развитие
репертуара
памятей

**Ирина Михайловна
Грицевская**

Новосибирск, Россия

Menology of the
Jerusalem Typicon in
the Russian Manuscripts
of the 15th Century:
The Early Formation
and Development of
the Repertoire of the
Commemorations of
Saints

Irina M. Gritsevskaya

Novosibirsk, Russia

Резюме

В работе изучается развитие репертуара памятей святым из месяцесловов Иерусалимских уставов, распространявшихся по русским рукописям в двух различных редакциях, восходящих к одной и той же южнославянской версии. Всего к исследованию привлечено 75 русских списков Иерусалимского устава XV–XVII вв. В результате сравнения русских уставов с базовой

Цитирование: Грицевская И. М. Старшие виды месяцесловов Иерусалимских уставов в русской книжности XV в.: становление и развитие репертуара памятей // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 87–112.

Citation: Gritsevskaya I. M. (2019) Menology of the Jerusalem Typicon in the Russian Manuscripts of the 15th Century: The Early Formation and Development of the Repertoire of the Commemorations of Saints. *Slověne*, Vol. 8, № 2, p. 87–112.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.3

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

южнославянской версией выделены месяцесловы *Старших видов*, характерные для обеих редакций и содержащие минимальное количество дополнительных памятней по сравнению с имевшимися в ранних южнославянских списках. Определено, что *Старшие виды* восходят не напрямую к южнославянской версии, но к *Инвариантной редакции*, общей для всех месяцесловов данного типа.

Ключевые слова

Иерусалимский устав на Руси, месяцеслов, русские и славянские святые

Abstract

This work examines the development of the repertoire of the commemorations of saints contained in the Menologies of the Jerusalem Typicon. There were two different recensions spread in the Russian manuscripts, both related to the same South Slavic translation of the Sabbas Typicon. The study is based on 75 Russian manuscripts of the Jerusalem Typicon dated from 15th to the 17th century. Based on comparison with the basic South Slavic version, the author has discovered the *Older type* of Menologies, seen in both recensions and containing the smallest number of additional commemorations compared to the early South Slavic manuscripts. It was established that the *Older type* does not go back directly to the South Slavic translation, instead being derived from the *Invariant recension* common to all Menologies of this type.

Keywords

The Jerusalem Typicon in Rus', Menology, Russian and Slavic saints

Месяцесловы, как и ряд других средневековых справочных текстов, являются многослойными, разновременными и чрезвычайно сложными источниками. Восходя к мартирологам первых веков христианства, они сопутствуют жизни церкви на всем ее протяжении и включают в себя множество информационных слоев, свидетельствующих о различных культурных, политических, религиозных событиях и противостояниях, о возникновении, развитии и смене идеологий, о войнах и катастрофах.

Месяцеслов как особый тип текста, отражающий систему церковных праздников и особенности почитания святых, являлся одним из стержневых элементов в древнерусской книжности. В соответствии с месяцесловами строились такие сборники, как Прологи, Минеи служебные и четьи, Кондакари, Стихирари, Торжественники.

Месяцесловы на Руси представлены в целом ряде версий, существующих как отдельно взятые своеобразные тексты (в Уставах, Евангелиях, Апостолах, Псалтырях и пр.), так и в скрытом виде в четьих и служебных книгах, принадлежащих минейному кругу. В одном и том же типе книг могли находиться месяцесловы разных типов. Например, Евангелия могли содержать как доиерусалимские, так и Иерусалимские

месяцесловы. Данная работа посвящена изучению репертуара месяцеслова Иерусалимского устава в тех версиях, которые были известны на Руси начиная с XV в. На настоящем этапе работы мы ограничиваемся лишь исследованием месяцеслова из Устава, не касаясь в большинстве случаев вариантов развития памятника в рамках Евангелий, Апостолов, Псалтырей, Часословов и пр. Такое ограничение обусловлено тем, что Иерусалимский месяцеслов в зависимости от типа книг имел особую специфику, и, вероятно, особый генезис, вплоть до различия переводов, что нуждается в специальном исследовании.

Изучению бытования и развития уставных месяцесловов на Руси посвящались исследования начиная с XIX в.¹ Ключевым этапом в изучении памятника является труд архиепископа Сергия (Спасского) [Сергий 1875: 136–138; Idem 1901: 187–194]. Рассматривая историю славянских переводов текста, он выделил ряд видов, на основании которых позднее И. Д. Мансветов создал свою систематизацию редакций славянского Иерусалимского устава. Сергей (Спасский) рассмотрел ряд славянских, в том числе и русских, списков уставных месяцесловов и сравнил их с имеющимися в греческих Иерусалимских уставах. Это сравнение привело архиеп. Сергия к выводу, что «в синаксарях уставов иерусалимских славянских, равно как и греческих, очень мало разностей» [Idem 1901: 192]. Развитие двигалось лишь в направлении постепенного наращивания числа славяно-русских памятней: например, если в уставе, принадлежащем «древнейшей славянской редакции» (ГИМ, Син. 328) имеется лишь 6 русских памятней, то в устав XVI в. (ГИМ, Син. 388(336)) включены 36 русских памятней и праздников [Ibid.: 193]. Архиеп. Сергей (Спасский) предположил, что появление Иерусалимского устава на Руси связано с деятельностью митрополита Киприана.

Славянские Иерусалимские уставы рассмотрены в капитальном труде И. Д. Мансветова [Мансветов 1885: 269–304], им выявлены и описаны четыре редакции памятника, три из которых бытовали на Руси². Как архиеп. Сергей, так и И. Д. Мансветов обратили внимание на запись на ранних списках устава, указывающую на самоназвание книги: «Око церковное» (Рум. 445, Казань 3643). Такие уставы были отнесенных И. Д. Мансветовым к III редакции. Согласно этой записи, данная версия устава была составлена в 1401 г. неким «грешным Афанасием» в Константинопольском монастыре Богородицы Перивлепты в 1401 г.³ Имеются многочисленные публикации и обсуждения этой записи и личности Афанасия [Сергий 1875 : 137; Вздорнов 1968: 176–177, 191–192;

¹ Подробный обзор см.: [Лосева 2001:12–23].

² И. Д. Мансветов писал о шести редакциях, однако охарактеризовал только четыре.

³ Запись впервые опубликована А. Х. Востоковым [Востоков 1842: 710–711].

Idem 1980: 78,83; Прохоров 1988a; Idem 1988b; Клосс 2009; Турилов 2009]. Большинство исследователей связывали личность «грешного Афанасия» с Афанасием Высоцким (старшим), учеником Сергия Радонежского и сподвижником митрополита Киприана. Известно, что Афанасий Высоцкий уехал вместе с Киприаном в Константинополь, где купил себе келью в Студийском монастыре [ПСРЛ, 11: 81; ПСРЛ, 15: 107]. В некоторых списках «Ока церковного» есть переделки этой записи, связанные с местом возникновения не архетипа, а конкретных рукописей [Мансветов 1885: 275].

Отметим значимую для изучения истории иерусалимского месящеслова книгу О. В. Лосевой, посвященную русским месящесловам XI — начала XV вв. Основным предметом изучения исследовательницы были месящесловы из Евангелий и Апостолов, при этом отмечены различия в типах месящесловов из разных книг. По наблюдениям О. В. Лосевой, месящесловы из Евангелий отличаются от включенных в Апостолы; и те и другие отличны от месящесловов в Прологах. Автор указывает на наличие в Евангелиях конца XIV — начала XV вв. нескольких типов месящесловов, «ориентировавшихся» на новый Иерусалимский устав, хотя и не останавливается подробно на их особенностях [Лосева 2001: 35].

В настоящее время активная работа по изучению месящесловов различного типа в южнославянских рукописях ведется болгарскими исследователями [Христова-Шомова 2008; Eadem 2012c; Eadem 2012a; Дограмджиева 2010]⁴.

Важную работу по выявлению переводов Иерусалимского устава и их связи с греческими источниками провел А. М. Пентковский [Пентковский 1988; Idem 1993; Idem 2004]. Им был выявлен целый ряд переводов на церковнославянский язык, выполненных в XIII–XIV вв., два из которых были определены им как 1-й и 2-й болгарские. Древнейший список 1-го болгарского перевода — *Jer. 13*; сюда же отнесен болгарский список *ЦИАИ 201*. Древнейший список 2-го болгарского перевода — Черепишский типик (*ЦИАИ 44*); к нему же отнесены два ранних сербских списка: *Тих. 476* (2-я четв. XV в.) и Данилчев типик (1416 г.). Еще два перевода определены как сербские (Никодимов и Романов) и один — как русский (один из древнейших списков — *Син. 329*). Относительно дальнейшего развития памятника на Руси в XV–XVII вв. А. М. Пентковским была высказана мысль, что все русские версии, вплоть до издания 1682 г., основывались на 2-м болгарском переводе, возникшем, по мнению исследователя, в круге Евфимия Тырновского во второй половине XIV в.

⁴ Труды И. Христовой-Шомовой, посвященные месящесловам, нашли отражение в материалах сайта Encyclopedia Slavia Sanctorum [ESS].

В последнее время датировка Черепишского типика была пересмотрена сербским исследователем В. Савичем [Савић 2014], показавшим, что рукопись создана в XVI в. и носит следы сербского происхождения. В. Савич также назвал древнейший список типика, содержащий тот же перевод, что и в Черепишском типике, — это сербская рукопись из Печской патриархии № 103, датируемая последним десятилетием XIV в.

К сожалению, у нас нет возможности привлечь к сравнению месящесловы из Печского и Данилчева типиков, и о них мы можем судить лишь по данным В. Савича. По его мнению, Черепишский и Печский типики весьма близки. Эти два списка, по наблюдениям исследователя, роднит целый ряд специфических особенностей, в том числе отсутствие дополняющих византийский месящеслов славянских памятней⁵. В отличие от этих двух списков в Данилчевом типике присутствует память Саввы Сербского на 14 января.

По нашим наблюдениям, в *Тих.* 476 также включена память Саввы Сербского. Месящеслов в *Тих.* 476 весьма близок к Черепишскому типiku, однако отличается от него следующими чертами: помимо памяти Саввы Сербского содержит память Илариону Новому на 28 марта, которой нет в Черепишском типике. Однако в *Тих.* 476 нет памяти Павла иже в Латре на 15 декабря и преподобного Виссариона на 6 июня (эти памяти имеются в Черепишском месящеслове), а на 12 мая вместо памяти Германа Константинопольского читается память Мефодия Константинопольского. Это последнее чтение является уникальным среди всех доступных нам месящесловов Иерусалимских уставов.

Отсутствие славянских дополнений указывает на архаичность месящеслова как Печского типика, так и Черепишского типика, несмотря на более позднее время написания последнего. В этом они схожи с другим древнейшим славянским списком типика, версия из которого классифицирована А. М. Пентковским как 1-ый болгарский перевод — *Jer.* 13. Месящесловы в *Jer.* 13 и в Черепишском типике, по нашим наблюдениям, весьма близки (хотя имеют ряд характерных различий⁶),

⁵ Как сербскую черту месящесловов В. Савич отмечает наличие на 12 января памяти святых мучеников Ермила и Стратоника. Однако необходимо отметить, что имена этих святых встречаются во всех без исключения списках Иерусалимского устава (в том числе и в русском переводе, и в независимых от типиков переводах месящесловов из Евангелий), и принадлежат греческому оригиналу, а не являются славянским дополнением.

⁶ Отметим репертуарные различия между Черепишским типиком и *Jer.* 13. В *Jer.* 13 включены памяти обоим отцам из Латры, как Павлу на 15.12, так и Арсению на 13.12, есть памяти Иллариону Новому на 28.03 и Виссариону на 06.06; нет памятней обоим Акакиям (на 7.05 и 7.07), нет памяти Великому Трусу на 26.10. В остальном состав памятней одинаков.

и, предположительно, должны быть отнесены к одному и тому же переводу, прошедшему дополнительную правку по греческому оригиналу⁷.

Несмотря на то, что в целом система переводов Иерусалимского устава, предложенная А. М. Пентковским, после передатировки Черепишского типика нуждается в доработке, остается неизменным тот факт, что именно эта версия месяцеслова, каково бы ни было ее происхождение, весьма близка к виду текста, легшему в основу русских уставных месяцесловов XV–XVII вв. В дальнейшем она будет обозначаться нами как *Черепишская версия*. В *Черепишскую версию* не было включено ни одной славянской памяти⁸.

Одну из двух восходящих к *Черепишской версии* редакций (а именно IV редакцию по классификации И. Мансветова) А. М. Пентковский обозначил как «основную» [Пентковский 1988: 42; Idem 1993: 222]. Уставы III редакции («Око церковное»), как считает этот исследователь, не выполняли роль регулятора богослужения, но являлись только дополнительным справочным пособием.

Тезис о происхождении III и IV редакций от той же южнославянской версии был поддержан Т. В. Пентковской [Пентковская 2018а: 86–101], сравнившей литургическую терминологию в различных уставах: по Черепишскому типичу, а также по III и IV редакции (по рукописям РГАДА, ф. 381, № 143 и Усп. 5п.).

Уже И. Д. Мансветов отмечал, что между III и IV редакциями существует яркое структурное различие, по которому в большинстве случаев (за исключением некоторых особых вариантов, а также поздних видов) их можно легко распознать. Помимо месяцеслова и триодной части, в III редакции («Око церковном») имеется 67 общецерковнослужебных глав, а в IV редакции — 44 общецерковнослужебные главы⁹. В дальнейшем III редакция будет называться здесь *редакцией 67 глав*, а IV редакция — *редакцией 44 глав*. Поскольку именно этими двумя редакциями представлен основной массив текстов Иерусалимского устава на Руси в XV–XVII вв., то они вместе будут обозначаться нами как *Основной тип* Иерусалимского устава на Руси.

Необходимо отметить, что, помимо уставов *Основного типа*, в конце XIV — начале XV вв. на Руси распространялись (в весьма ограничен-

⁷ Данное предположение касается только текста месяцесловов. Соотношение переводов и версий в других частях устава нами не рассматривалось.

⁸ Согласно Черепишскому типичу, в *Черепишской версии* было всего 468 памятей: сентябрь — 51 память, октябрь — 41, ноябрь — 47, декабрь — 31, январь — 49, февраль — 32, март — 31, апрель — 31, май — 36, июнь — 33, июль — 41, август — 42. При подсчете учитывались предпразднства и попразднования. Не учитывались праздники, не закрепленные за определенной датой.

⁹ Архиеп. Сергей (Спаский) пишет о 125 главах, характерных для данной редакции (1 вступительная глава, 44 общецерковнослужебные главы и 80 Марковых глав) [Сергий 1901: 188].

ном числе списков) и иные версии Иерусалимского устава. Одна из них, уже упоминавшаяся выше, является самостоятельным русским переводом с греческого и в настоящее время известна в небольшом количестве списков конца XIV — нач. XV вв., в частности, в *Син.* 329 [Пентковская 2018а: 37]. А. М. Пентковский полагает, что данная версия возникла в процессе литургической реформы митрополита Алексия [Пентковский 1993: 217–228]. Также известны еще две русские версии южнославянских переводов: Типикон из РГАДА, *ф.* 381, № 45, являющийся переделкой версии, имеющейся в *Jer. 13* [Пентковская 2018а: 7], и Типикон *Фекула-6*, представляющий собой особый вариант *Черепишской версии* [Пентковская 2018а: 102–127]. В этих уставах месящесловы развивались по особой схеме, и в настоящей работе они не рассматриваются специально. Данные как этих версий, так и из различных болгарских и сербских типиков в дальнейшем привлекаются нами только для сравнения.

Материал для сравнения предоставляет также месящеслов в Псалтыри с воследованием (так называемой «Киприановой псалтыри»), имеющей запись о написании ее Киприаном (*МДА 142*). Псалтырь этого типа, как считают исследователи, действительно была создана при участии Киприана. Хотя она и возникла после его смерти, однако представляет собой сделанную на Руси точную копию киприановой рукописи [Чешко 1982: 91]¹⁰. По нашим наблюдениям, месящеслов из этой Псалтыри можно отнести к версии *Jer. 13* с дополнениями по другим источникам.

Исследование списков XIV — начала XVII вв. Иерусалимских уставов показывает, что *Основной тип* в дальнейшем имел на Руси очень широкое распространение, причем количество списков обеих редакций отличается незначительно. В связи с этим ни одну из этих редакций, вопреки мнению А. М. Пентковского, нельзя считать «основной» или «второстепенной».

В настоящее время найдено 36 списков, принадлежащих к *редакции 67 глав*, и 33 списка, принадлежащих к *редакции 44 глав*. Анализ месящесловов в этих списках показывает, что среди наиболее ранних копий обеих редакций имелись несколько уставов с совершенно устойчивым репертуаром месящеслова, а также с устойчивым характером формулировок памятей. Известен целый ряд таких уставов для каждой из редакций. Месящесловы этих уставов включают минимальное количество

¹⁰ Вариант текста, представленный в Киприановой псалтыри, позволяет предположить, что в качестве источника Киприан использовал не только святогорскую редакцию Псалтыри (приписываемую тому же старцу Иоанну, которому, предположительно, принадлежит также и самый ранний перевод Иерусалимского устава), но и более поздние источники, в том числе и Псалтырь типа Норовской [Чешко 1982: 91–92; Афанасьева et al. 2015: 21–26].

русских и южнославянских памятней, и будут обозначаться нами как *Старший вид* обеих редакций (см. Приложение).

Для выяснения генезиса месяцесловов *Старшего вида* было проведено сопоставление текстов обеих редакций с месяцесловом *Черепишской версии*.

Это сопоставление выявило ряд различий между *Черепишской версией* и двумя редакциями *Старшего вида*. Данные различия можно разделить на два класса.

К первому классу относятся различия, одинаковые для обеих редакций, ко второму классу — различия, характерные лишь для одной из редакций.

Различия первого класса: *Инвариантная редакция*,
общая для редакций 67 и 44 глав

Существование различий первого класса свидетельствует об имевшейся промежуточной, *Инвариантной редакции*, к которой восходили обе дошедшие до нас редакции. Перечислим памяти, которые включались в обе редакции, но отсутствовали в *Черепишской версии*:

- 13.10 / 14.10 — преп. Параскевы [Епиватской];
- 15.10 — преп. Евфимия Нового [Солунского];
- 27.11 — преп. Палладия [Елеонопольского];
- 29.11 — преп. Акакия иже в Лествице;
- 26.1 — перенесение мощей преп. Феодора Студийского;
- 3.5 — преп. Феодосия Печерского;
- 9.5 — перенесения мощей св. Николая Мирликийского;
- 12.06 — преп. Петра Афонского;
- 5.07 — преп. Афанасия Афонского;
- 15.7 — св. князя Владимира, «самодержца Русской земли»;
- 24.7 — св. мч. князей Бориса и Глеба.

Существование *Инвариантной редакции*, к которой восходят данные дополнения, подтверждается также и тем, что во всех без исключения списках исследуемых месяцесловов формулировка этих новых памятней совершенно одинаковая.

Сравним этот комплекс памятней с имеющимися в различных славянских уставных месяцесловах, а также в доиерусалимских месяцесловах, как уставных, так и включенных в книги иных типов (Апостолы, Евангелия). Также к сравнению привлекается Киприанова псалтырь, поскольку ее данные могут пролить свет на позицию митрополита Киприана в вопросах церковного календаря.

Таблица 1

	Доиерусалимские месяцесловы ¹¹	<i>Jer. 13</i>	ЦИАИ 201 ¹²	Киприанова псалтырь (МДА 142)	Черепишская версия по Черепишскому типичу и <i>Тих. 476</i>	Сербские переводы ИУ <i>F.n.I.26</i> и по Никодимову типичу ¹³	РГАДА ф. 381, № 45 ¹⁴	<i>Фекула-6</i> ¹⁵	Русский перевод ИУ (по <i>Син. 329</i>)	<i>Редакция ИУ 67 глав</i>	<i>Редакция ИУ 44 глав</i>		
преп. Параскева 13/14.10	+	14.10	+	14.10				+	13.10	+	14.10	+	13.10
Евфимий Новый 15.10				+				+		+		+	+
преп. Палладий 27.11				+						+		+	+
преп. Акакий в Лествице 29.11				+				+	+	+		+	+
Перенесение мощей Феодора Студийского 26.01	+								+	+		+	+
преп. Феодосий Печерский 3.05	+							+	+	+		+	+
Пренесение мощей св. Николая 9.05	+						+	+	+	+		+	+

Учитываются указания разных редакций Студийско-Алексиевского устава [Пентковский 2001: 171–193], а также доиерусалимских месяцесловов Евангелий и Апостолов. Данные доиерусалимских месяцесловов приведены согласно монографии О. В. Лосевой [Лосева 2001], а также по материалам сайта Encyclopedia Slavia Sanctorum [ESS].

¹² Та же версия текста, что и в *Jer. 13*. 1-й болгарский перевод по классификации А. М. Пентковского.

¹³ *Никодимов типик* по публикации Мирковича [Мирковић 2007].

¹⁴ Согласно классификации А. М. Пентковского, русская версия 1-го болгарского перевода.

¹⁵ Согласно классификации А. М. Пентковского, русская версия 2-го болгарского перевода.

	Донерусалимские месяцесловы	<i>Jer. 13</i>	<i>ЦИАИ 201</i>	Киприанова псалтырь (МДА 142)	<i>Черепишская версия по Черепишскому типикону и Тих. 476</i>	Сербские переводы ИУ <i>Fl. I.26</i> и по Никодимову типикону	РГАДА ф. 381, № 45	<i>Фекула-6</i>	Русский перевод ИУ (по <i>Син. 329</i>)	<i>Редакция ИУ 67 глав</i>	<i>Редакция ИУ 44 глав</i>
преп. Петр Афонский 12.06				+		— ¹⁶			+	+	+
преп. Афанасий Афонский 5.07				+		+ ¹⁷			+	+	+
Св. князь Владимир 15.07	+							+	+	+	+
Св. мученики Борис и Глеб 24.07	+						+	+	+	+	+

Таким образом, памяти *Инвариантной редакции* уставного месяцеслова лишь отчасти перекликаются с памятями в доиерусалимских и ранних Иерусалимских месяцесловах.

Как видно из таблицы, постоянным компонентом как неуставных месяцесловов разных видов, так и ранних уставных месяцесловов являются 4 русские памяти (мученикам Борису и Глебу на 24 июля, князю Владимиру на 15 июля, Феодосию Печерскому на 3.05 и Николаю Мирликийскому на 9.05). Однако могли ли эти месяцесловы быть непосредственным источником, откуда *Инвариантная редакция* черпала материал? Против этого свидетельствует тот факт, что в ранних месяцесловах состав добавочных памятей часто намного разнообразнее, нежели в *Инвариантной редакции*. Так, в *Син. 329*, помимо отмеченных в таблице, имеются еще памяти: Покрову (1.10), Петру митрополиту

¹⁶ Эта память встречается в неуставных ранних сербских месяцесловах, а именно в месяцесловах Апостолов (например, *НБКМ 88*; *Спиридонов Апостол*). См. материалы сайта Encyclopedia Slavia Sanctorum [ESS].

¹⁷ В *Никодимовом типике* нет, имеется лишь в *Fl. I.26*. Эта память достаточно часто встречается в неуставных ранних сербских месяцесловах, а именно в месяцесловах Апостолов и Евангелий (например, *НБКМ 88*; *НБКМ 24*). См. материалы сайта Encyclopedia Slavia Sanctorum [ESS].

(20.12), Кириллу Катаонскому (14.02), Протерию архиепископу (28.2), Артемию Солунскому (24.3), Борису и Глебу (2.05). В Типике Фекулы имелись памяти св. Пятницы (28.10), Стефана Сурожского (15.12), Петра митрополита Московского (20.12), Леонтия Ростовского (23.05). В Типике РГАДА отметим наличие памяти Леонтия Ростовского (23.05) и Филофеи [Поливотской] (28.05). В Иерусалимском месяцеслове Киприановой псалтыри, привлеченной нами для сравнения, помимо ряда памятей, аналогичных *Инвариантной редакции* и отмеченных в таблице, имелся также целый ряд южнославянских памятей.

Достаточно многочислен славяно-русский репертуар памятей в доиерусалимских неуставных месяцесловах. О. В. Лосевой перечислено 19 русских памятей, встречающихся в исследованных ею Евангелиях и Апостолах.

Однако, несмотря на богатство и разнообразие славянских и русских памятей в предшествующих версиях месяцесловов, в *Инвариантной редакции*, как показано в таблице, количество их весьма скудно — всего четыре русских и одна славянская. Эти памяти, а также память на перенесение мощей Феодора Студита (26.01) были чрезвычайно распространены, их включение может диктоваться не столько наличием конкретного источника, сколько сложившимися на Руси к началу XV в. традициями богослужения. Представляется, что нет смысла искать их непосредственный источник.

Инвариантная редакция, как видно из таблицы, включала также и ряд памятей, не известных ни по южнославянским переводам Иерусалимского устава, ни по доиерусалимским месяцесловам, хотя отчасти и включавшихся в ранние русские Иерусалимские месяцесловы, а также в южнославянские неуставные месяцесловы. Это афонские памяти (Петр и Афанасий Афонские на 12.06 и 5.07, Евфимий Новый на 15.10), а также «книжные» монашеские памяти преп. Палладию (27.11) и Акакию иже в Лествице (29.11). Сравнивая формулировки этих памятей, можно отметить, что в месяцесловах из Киприановой псалтыри, Типикона Фекулы и *Основного типа* они практически одинаковы, а в русском переводе из *Син. 329* иные. Это доказывает несомненную связь трех первых видов месяцеслова.

Вызывает вопрос память преп. Параскевы на 13/14 октября. Несмотря на отсутствие титулования, понятно, что имеется в виду Параскева Епиватская (Новая, Тырновская, Сербская), поскольку на этот день не указаны византийские тезоименитые святые. Отметим, что во время, близкое к составлению Афанасием его версии устава в 1401 г., после осады и взятия Тырнова в 1393 г., происходили драматические события, сопутствующие перенесению мощей Параскевы из Тырнова в

Видин и позже в Сербию и описанные Григорием Цамблаком¹⁸. Возможно, включение этой памяти в русские уставные месящесловы обусловлено актуализацией культа, связанной с этими событиями. В *редакциях 44 глав* и *67 глав* календарная дата памяти различна, при этом в изменении дат на три дня в октябре (числа 12, 13, 14) участвуют две памяти: не только преподобной Параскевы, но и Козмы Майумского.

Представим изменения позиций этих двух памятей в месящеслове в таблице.

КМ — память Козмы Майумского; ПП — память преподобной Параскевы.

Таблица 2¹⁹

	<i>Иер. 13</i>	<i>ЦИАИ 201</i>	Киприанова псалтырь	<i>ЦИАИ 44 и Тих. 476</i>	<i>РГАДА ф. 381, № 45</i>	Сербские переводы ¹⁹	<i>Фекула-6</i>	Русский перевод ИУ Син. 329	<i>Редакция 67 глав</i>	<i>Редакция 44 глав</i>
12 окт.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	КМ
13 окт.	—	—	—	—	—	—	ПП	—	—	ПП
14 окт.	КМ	ПП	ПП	КМ	—	КМ	КМ	КМ ПП	КМ ПП	

В таблице видны колебания датировки обоих праздников и взаимосвязь их календарной позиции. Представляется, что первичным было отнесение этих памятей на 14 октября (в тех случаях, когда они вообще присутствовали). В южнославянских версиях в каждом из месящесловов присутствует лишь одна из этих памятей. Во всех русских версиях присутствуют обе (кроме *РГАДА ф. 381, № 45*, где обе памяти отсутствуют). Наиболее архаичными среди русских версий представляются варианты, в которых эти памяти отнесены на 14 октября. В более поздних версиях их начинают разносить по разным дням (возможно, для разгрузки 14 октября, переполненного в литургическом отношении). В

¹⁸ А. И. Яцимирский полагал, что Сказание о перенесении мощей Параскевы было написано Григорием Цамблаком в течение двух последних лет XIV в. [Яцимирский 1904: 45].

¹⁹ По *Ф.п.1.26* и по *Никодимову типику* [Мирковић, 2007: 836].

Типике Фекулы память Параскевы отнесена на 13 октября. В *редакции 44 глав* задача разгрузить 14 октября продолжена, и память Козме Майумскому перенесена на 12 октября.

Из представленных данных следует, что *Инвариантная редакция*, помимо устойчивого корпуса памятей из *Черепишской версии*, включала традиционные для русского богослужения и обязательные памяти, хотя и не все из числа «*conditio sine qua pop*» (например, сюда не вошел такой праздник, как Покров Богородицы на 1 октября, что может свидетельствовать о том, что составитель находился вне круга русского богослужения). Источник появления этих памятей в большинстве случаев не имеет смысла искать: они были чрезвычайно распространены. Иное дело — ряд монашеских памятей, также вошедший в *Инвариантную редакцию*. Эти памяти были неизвестны доиерусалимским месяцесловам, и в ранние Иерусалимские месяцесловы вошли лишь частично.

Различия второго класса: специфика месяцесловов
из *редакций 67 и 44 глав*

Далее необходимо обсудить различия между месяцесловами, относимые нами ко второму классу, т. е. такие различия, которые не являются общими для обеих изучаемых редакций, но составляют их специфику. Такие различия представлены в следующей таблице (см. таблицу 3).

Анализ таблицы позволяет сделать следующие выводы:

- перечисленные памяти в целом редки в южнославянской традиции уставных месяцесловов, за исключением памятей Саввы Сербского и Лазаря Галисийского, входившего в самые ранние сербские уставные месяцесловы²⁰; а также памяти Арсения иже в Латре, характерной для версии *Jer. 13* и восходящих к ней *ЦИАИ 201* и Киприановой псалтыри;

- некоторые памяти нерегулярно включались в доиерусалимские славянские месяцесловы, а также в неуставные южнославянские месяцесловы;

- месяцеслов Киприановой псалтыри систематически содержит чтения, свойственные только *редакции 44 глав*, что показывает очевидную связь месяцесловов;

- в ранних русских месяцесловах некоторые памяти из этого перечня также встречаются, хотя и нерегулярно.

Вызывает вопросы включение имени св. Афанасия патриарха Царьграда в *редакцию 67 глав*. Дело в том, что все константинопольские патриархи (кроме впавших в ересь и ведших неподобающий образ жизни)

²⁰ Отметим, что уже для ранних неуставных сербских Иерусалимских месяцесловов (в Апостолах, см. напр., *НБКМ 88*; *НБКМ 89*) нормативной является также память Арсения Сербского. См. материалы сайта Encyclopedia Slavica Sanctorum [ESS].

Таблица 3

		Доиерусалимские месяцесловы ²¹	Jer. 13 и ЦИАИ 201	Киприанова псалтырь	Черепицкая версия (ЦИАИ 44 и Тих. 476)	Сербские переводы ИУ ²²	РГАДА ф. 381, № 45	Фекула-6	Русский перевод ИУ (по Син. 329)	Редакция 67 глав	Редакция 44 глав
Редакция 67 глав	Священномученик Садоф и с ним 1280 мучеников, мученых при царе Савории в Персиде 19.10	ⲡ ²³								+	
	Афанасий патриарх Царьграда 24.10									+	
	Арсений иже в Латре 13.12		+	+						+	
	Артемий Солунский 24.03	ⲡ ²⁴							+	+	
	Варвар разбойник 6.05									+	
	мученик Ермий 31.05	ⲡ ²⁵								+	
Редакция 44 глав	Козма и Дамиан Аравийские 17.10	+ ²⁶									+
	Арсений Сербский 28.10			+							+
	Петр митрополит 21.12			+					+		+
	Савва Сербский 14.01	+		+	+ ²⁷	+			+		+
	Лазарь Галисийский 17.07			+		+			+		+

²¹ Учитываются указания разных редакций Студийско-Алексиевского устава [Пентковский 2001: 171–193], а также доиерусалимских месяцесловов Евангелий и Апостолов, данные из которых приведены согласно монографии О. В. Лосевой [Лосева 2001], а также по материалам сайта Encyclopedia Slavia Sanctorum [ESS].

²² По *Ф.л.1.26* и по *Никодимову типику* [Мирковић, 2007: 836].

²³ В месяцеслове Остромирова евангелия на эту дату имеется запись: «ⲉⲧⲧⲟ ⲙⲓⲛⲕⲁ ⲙⲓⲛⲟⲥⲁ ⲉⲑⲥⲕⲟⲗⲁ ⲕⲁⲑⲣⲓⲥⲕⲁ ⲓ ⲓⲛⲉ ⲥⲱ ⲛⲓⲙⲱ 120 ⲉⲧⲧⲱⲭ ⲓ ⲡⲉⲣⲥⲓⲉ ⲡⲓ ⲥⲁⲱⲣⲉ ⲡⲓⲣⲓ». Аналогичная память (ⲉⲧⲧⲟ ⲙⲓⲛⲟⲥⲁ ⲉⲑⲥⲕⲁ ⲓ ⲓⲛⲉⲭ 120 ⲓ ⲡⲉⲣⲥⲓⲉⲭ) имеется в среднеболгарском апостоле начала XIV в. *НБКМ № 882*. И. Христова-Шомова считает, что данная запись могла возникнуть как контаминация двух памятней (Миасона Кипрского и Садоха Персидского) [Христова-Шомова 2012b].

канонизировались по смерти, и их имена, согласно уставу Великой церкви, незамедлительно включались в византийские месяцесловы. Однако с вытеснением устава Великой церкви большинство поздних константинопольских иерархов вовсе перестало упоминаться [Лосева 2001: 47, 60]. Последним упоминаемым в *Черепишской версии* патриархом был Мефодий, умерший в 847 г., в связи с этим появление в русском месяцеслове патриарха Афанасия, скончавшегося в 1315 г., требует объяснения. Архиеп. Сергей (Спасский) объяснил появление этой памяти тезоименитством с Афанасием из монастыря Богородицы Перивлепту, составителем русской версии устава. Однако реальным видится иное объяснение, связанное с нуждами Московской кафедры, в интересах которой, вероятно, работал составитель. Известно, что именно патриарх Афанасий поставил на митрополичий престол Петра Московского, став, таким образом, истоком святости Московской митрополии.

В *редакции 44 глав* имя первого московского митрополита Петра названо уже напрямую.

Неясно включение в месяцеслов 67 глав памяти св. Садофа (Садока), персидского мученика. Возможно, ее появление связано с каким-то определенным текстом, поскольку при его имени в некоторых списках возникает пояснение: «...егда мучим святитель Христов святой Садоф, тогда рече: верую Богу моему, яко христьяне имут раз взяти мощи моя и иже аще призовет Бога имени моего ради, спасение обрящет».

Артемий (или Артемон) Солунский — еще один святой, имя которого по непонятным в настоящее время мотивам появляется в исследуемом нами месяцеслове. Считается, что это имя — искажение имени Артемона Селевкийского, именование которого в славянских и в некоторых греческих месяцесловах было неправильно понято и переделано на «Солунский» [Заец, Сусленков 2008]. Отметим, что эта память появлялась и в других ранних версиях: в доиерусалимских евангелиях, в русском переводе Иерусалимского устава из *Син. 329*.

В целом добавления, появившиеся в *редакции 67 глав*, достаточно хаотичны и, как кажется, не могут дать определенной картины, характеризующей составителя.

Рассмотрим специфические памяти *редакции 44 глав*.

Помимо указанных в таблице добавлений, здесь имеются и пропуски некоторых памятней, содержащихся в *Черепишской версии* и в

²⁴ В доиерусалимских месяцесловах этот святой именуется Артемоном.

²⁵ Во всех доиерусалимских месяцесловах на 31 мая указан лишь один св. Ермий (апостол или мученик), только в редакции 67 глав на эту дату указаны два святых по имени Ермий: «Ст҃га апла їерміа. Ст҃га мк їерміа».

²⁶ Память в доиерусалимских месяцесловах крайне редка, известна лишь по среднеболгарскому евангелию начала XIV в. *Q.n.I.59*.

²⁷ Только в *Тих. 476*.

редакции 67 глав, что, возможно, свидетельствует о происхождении от иного варианта этой же версии. Это следующие памяти:

11.11 — мученицы Стефаниды;

29.11 — мученика Филумена;

1.06 — «другого» мученика Иустина;

4.08 — преподобномученицы Евдокии.

В отличие от косвенных указаний *редакции 67 глав*, здесь, как было уже сказано, указание на Петра митрополита дается напрямую, что свидетельствует об усилении промосковского характера месяцеслова. Как известно, святой Петр, скончавшийся в 1326 г., был погребен в Москве и стал первым канонизированным иерархом Московской кафедры. Почитание его являлось ключевым для Москвы. Общецерковное почитание митроп. Петра было установлено в 1339 г. А. М. Пентковский считает, что наличие в уставе рубрик киприановой службы Петру свидетельствует о причастности этого иерарха к созданию месяцеслова [Пентковский 1993: 235].

Представим формулировки памяти митроп. Петра в различных ранних версиях Иерусалимского устава²⁸:

Таблица 4

<i>Редакция 44 глав</i>	Киприанова псалтырь	Фекула-6	Арх. Д. № 3 (Устав <i>редакции 67 глав</i>)	<i>Син. 329</i>
21 декабря	21 декабря	20 декабря	20 декабря	20 декабря
В той же день иже во святых отца нашего Петра нового чюдотворца митрополита святейшиа митрополия Руския. (<i>имеются богослужбные указания</i>).	В ты ж день преставися всесвященный архиепископъ богоспасенаго града Киева и всая Руси Петр митрополит в лето 6934. Пас церковь Божию лет 18 и 6 месяць. (<i>помет о службе нет</i>).	В ть ж день преставися святый митрополить московский Петр всея Руси. (<i>помет о службе нет</i>).	<i>Запись на полях вне основного текста:</i> В той же день 20 преставися святый великий святитель митрополит Петр Киевский и всея Руси.	В той же день преставися преосвященный митрополит Петр всея Руси в 3 часа нощи в лето 6834. Пас церковь Божию лет 18 и месяци 6 и положен бысть в граде Москве в церкве Успения святыя Богородица иже бе сам создал. И подають исцеления честныя его мощи и до сего дне приходящим с верою (<i>помет о службе нет</i>).

²⁸ Цитаты приводятся в упрощенной орфографии, выносные внесены в строку, титла раскрыты.

Примечательно различие в формулировках памяти. В *Син. 329* Петр еще не назван святым²⁹. Именно в *редакции 44 глав* впервые митрополит Петр представлен как канонизированный святой. Записи, существовавшие до этого, в том числе и в Киприановой псалтыри, скорее представляют собой записи о смерти, являясь возможным более ранним этапом канонизации. Исходя из этого, можно предположить, что чтения Киприановой псалтыри возникли ранее чтений устава 44 глав.

Для месяцеслова из *редакции 44 глав*, как показано в таблице № 3, характерны две сербские памяти. Однако могут ли они свидетельствовать о прямом участии митрополита Киприана в составлении? Наличие только двух южнославянских памятей — Саввы и Арсения Сербских — как раз вызывает сомнение в причастности Киприана к работе над данным месяцесловом. В месяцеслов Киприановой псалтыри, помимо памятей, совпадающих с *Основным типом*, включались также указания на целый ряд южнославянских, в первую очередь болгарских святых: Иоанна Рыльского (19.10), Иллариона Меглинского (21.10), Симеона Сербского (13.02), Кирилла Словенского (14.02), Иоакима Сарандипорского (16.08). При этом нельзя не отметить почти полное отсутствие русских памятей (за исключением Петра митрополита) в той же Псалтыри.

Тем не менее, как уже отмечалось выше, между месяцесловом из Киприановой псалтыри и месяцесловом *редакции 44 глав* существует несомненная связь, несмотря на базовое различие (происхождение от двух разных болгарских версий). Эта связь нуждается в дальнейшем исследовании. С одной стороны, варианты памятей и их календарная приуроченность (например, Петру Московскому, Параскеве Епиваской) в Псалтыри более архаичны, нежели в *редакции 44 глав*. С другой стороны, показательна связь Киприановой псалтыри именно с *редакцией 44 глав*, а не с *Инвариантной редакцией*. Можно предположить, что месяцеслов Псалтыри испытал влияние варианта месяцеслова, промежуточного между инвариантным и тем, что имеется в *редакции 44 глав*.

Таким образом, в русской книжности в начале XV в. появляются две редакции Иерусалимского устава, ориентированные на *Черепишскую версию* и имеющие более или менее выраженную промосковскую направленность. Старшие списки обеих редакций — *Старший вид* — содержат абсолютно устойчивые месяцесловы с минимальным набором русских памятей. Сравнение месяцесловов *Старшего вида* с текстом *Черепишской версии* показывает два класса добавлений: общих для

²⁹ Аналогичная формулировка памяти имеется также в месяцеслове Часослова, изданного в 1491 г. в Кракове Швайпольтом Фиолем (см. об этом: Пентковская 2018b: 152–154).

обеих редакций и характерных лишь для одной из них. Наличие общих для редакций добавлений позволяет сделать вывод о существовании не дошедшей до нас *Инвариантной редакции*, лежащей в основе обеих редакций.

Старший вид редакций без изменений и дополнений переписывался вплоть до 3-й четверти XV в. Однако необходимо отметить, что уже на раннем этапе развития месяцесловов *Основного типа* возникают также его расширенные виды, дополняющие минимальный набор русских и славянских памятей. Самым ранним и стабильным дополнением являлся праздник Покрова Богородицы на 1 октября. Имеется ряд списков, включающих лишь эту дополнительную память. Для *редакции 67 глав* можно назвать два списка 1-й половины XV в. с таким минимальным расширением: *РНБ F.I.25, F.I.27*. Для *редакции 44 глав* укажем список устава *Син. 331*³⁰. Отметим также, что еще один из старших списков месяцеслова *редакции 67 глав* (БАН, *Арх. Д. № 3*) невозможно отнести к архаичному *Старшему виду*. Хотя в нем еще нет памяти Покрову, однако уже появились две другие русские памяти: Леонтию Ростовскому и Сергию Радонежскому³¹.

На протяжении XV–XVII вв. число подобных дополнений, расширяющих *Старший вид* уставных иерусалимских месяцесловов, нарастало. В изданных в первой половине XVII в. на Московском печатном дворе уставах, завершающих развитие памятника, имеется около 150 добавленных праздников, как русских, так и имеющих иное, самое разнообразное происхождение. Исследованию этапов развития и расширения русских уставных месяцесловов во 2-й половине XV–XVII вв. должно быть посвящено особое исследование. Отдельную работу также планируется посвятить локализации изученных списков месяцесловов, что позволит проанализировать пути распространения их на Руси.

³⁰ В данном списке месяцеслова имеются утраты. Например, утрачены листы, содержащие памяти на май. В связи с этим невозможно сказать с полной уверенностью, не было ли в данном месяцеслове и других добавленных памятей.

³¹ Своеобразная версия месяцеслова, по-видимому, возникшая в результате контаминации обеих редакций уставного месяцеслова, включена в Острожскую Библию. Помимо чтений, характерных для Старшего вида *редакции 44 глав* и *67 глав*, сюда включена лишь память Покрову на 01.10.

Приложение

**Списки Иерусалимских уставов *Основного типа*,
содержащих месяцесловы *Старшего вида*:***Редакция 67 глав*

1. Рум. 445. 1428 г.
2. Казань 3643. 1429 г.
3. РГАДА ф. 381, № 143. 1-я четв. XV в.
4. Муз. 3496. 1-я пол. XV в.
5. Син. 678. 1-я пол. XV в.
6. Щук. 315. 1466 г.

Редакция 44 глав

1. Усп. 5. п. Около 1423 г.
2. Пог. 286. Серед. XV в.
3. Тит. 1377. Серед. XV в.
4. Соф. 1142. Серед. XV в.
5. Рог. 731. 3-я четв. XV в.
6. Барс. 1134, кон. 1-й трети XV в.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

БАН – Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург)

Барс. – ГИМ, собр. Барсова

ГИМ – Государственный Исторический музей (Москва)

Казань – Научная библиотека Казанского университета (Казань)

МДА – РГБ, собрание Московской Духовной Академии

Муз. – ГИМ, Музейное собрание

НБКМ – Национальная библиотека им. Св. Кирилла и Мефодия (София)

Пог. – РНБ, собрание Погодина

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГБ – Российская государственная библиотека (Москва)

РНБ – Российская национальная библиотека (С.-Петербург)

Рог. – РГБ, Рогожское собрание

Рум. – РГБ, собрание Румянцева

Син. – ГИМ, Синодальное собрание

Соф. – РНБ, Софийское собрание

Тит. – РНБ, собрание Титова

Тих. – РНБ, собрание Тиханова

Усп. — ГИМ, Успенское собрание

Фекула — Хиландарская исследовательская библиотека Государственного университета штата Огайо, Коллекция Фекулы

Щук. — ГИМ, собрание Щукина

ЦИАИ — Церковно-исторический и архивный институт при Болгарской патриархии (София)

Библиография

Южнославянские списки Иерусалимского устава, рассмотренные в статье

Ф.п.1.26

Санкт-Петербург, РНБ, Ф.п.1.26, серб., 1-я пол. XIV в. Романов (2-й сербский) перевод. [Пентковский 2004: 166; Пентковская 2018а: 31].

Jer. 13

Jerusalem, Orthodox Patr. Slav. 13, болг., 70-е годы . XIV в. (датировка К. Ивановой). По классификации А. М. Пентковского, 1-й болгарский перевод. Фотокопия предоставлена Хиландарской исследовательской библиотекой, США, Огайо. [Matejic 1992: 351; Пентковский 2004: 164; Пентковская 2018а: 6-29; Христова-Шомова 2008: 125–168].

Никодимов типик

Никодимов (1-й сербский) перевод Иерусалимского устава, издание по утраченной рукописи из Народной библиотеки в Белграде. [Мирковић 2007; Мансветов 1885: 266–267; Пентковский 2004: 165].

Тих. 476

Санкт-Петербург, РНБ, собр. Тиханова, № 476, серб., 2-я четв. XV в. (датировка Ж. Левшиной). По классификации А. М. Пентковского, сербская версия 2-го болгарского перевода. [Пентковский 2004: 168; ПС: 1727]. Текст принадлежит Черепишской версии.

ЦИАИ 44

София, ЦИАИ № 44 («Черепишский типик»), болг. Традиционная датировка: кон. XIV в. [Спространов 1900: 71–73]. Датировка В. Савича: середина XVI в. [Савић 2014]. По классификации А. М. Пентковского, 2-й болгарский перевод Иерусалимского устава [Пентковский 2004: 167; Пентковская 2018а: 6–29]. Текст принадлежит Черепишской версии.

ЦИАИ 201

София, ЦИАИ № 201, болг., кон. XIV в. По классификации А. М. Пентковского, 1-й болгарский перевод [Стойменов 2006: 126–129; Пентковский 2004: 164; Пентковская 2018а: 6–29].

Русские списки Иерусалимского устава, рассмотренные в статье

Ф.1.27

Санкт-Петербург, РНБ, Ф.1.27, 1-я пол. XV в. Иерусалимский устав. [Гранстрем 1953: 73; ПС: 1716].

БАН Арх. Д. № 3

Санкт-Петербург, БАН, Архангельское собр., Д. №3, 1422–25 гг. [Пергаменные рукописи БАН: 192–203; ПС: 53]

Барс. 1134

Москва, ГИМ, собр. Барсова, № 1134, кон. 1-й трети XV в. Пасхалия с 1421/2 гг. Филлигрань: Колокол, Лихачев, № 941, 1429 г. [ПС: 1704].

Казань 3643

Казань, Научная Библиотека Казанского университета, № 3643, 1429 г. [Вздорнов 1980: 78; Мансветов 1885: 275; ПС 75].

Муз. 3496

Москва, ГИМ, Музейное собрание, № 3496, 1-я пол. XV в. [Вздорнов 1980: 87; ПС: 1711].

Пог. 286

Санкт-Петербург, РНБ, собрание Погодина. № 286, серед. XV в. [Погодин 1988: 203–204; ПС 1725].

РГАДА, ф. 381, № 45

Москва, РГАДА, ф. 381 № 45, 2-я пол. XIV в. По классификации А. М. Пентковского, русская версия 1-го болгарского перевода Иерусалимского устава [Каталог ЦГАДА, 2: 318–320; Пентковский 2004: 164; Пентковская 2018а: 7].

РГАДА ф. 381, № 143

Москва, РГАДА ф. 381, собрание Синодальной типографии, № 143, 1-я четв. XV в. [Каталог ЦГАДА: 352–355; Пентковская 2018а: 86–101; ПС: 1728].

РНБ F.I.25

Санкт-Петербург, РНБ, F.I.25, около 1412 г. [Гранстрем 1953: 62; ПС: 27; Мансветов 1885: 275].

Рог. 731

Москва, РГБ, ф. 247, Рогожское собрание, № 731, 3-я четв. XV в. [ПС: 1701].

Рум. 445

Москва, РГБ, ф. 256, собрание Румянцева, № 445, 1428 г. [Востоков, 1842: 710–711; Вздорнов 1980: 83; Пентковский 1988; ПС 72; Мансветов 1885: 275].

Син. 329

Москва, ГИМ, Синодальное собрание, № 329, кон. XIV в. Русский перевод. [Горский, Невоструев, 1869: 282–288; Вздорнов 1980: 34; Мансветов 1885: 273–274; Пентковский 1993: 220; Пентковская 2018а: 57–85].

Син. 331

Москва, ГИМ, Синодальное собрание, № 331, 1437–1438 гг. [Горский, Невоструев, 1869: 306–314; Вздорнов 1980: № 28; Пергаменные рукописи ГИМ 1965: 206; Мансветов 1885: 280; Конявская 2007; ПС: 96].

Син. 678

Москва, ГИМ, Синодальное собрание, № 678, 1-я пол. XV в. [Пергаменные рукописи ГИМ, 1965: 225–226; Мансветов 1885: 275; ПС 1713].

Соф. 1142

Санкт-Петербург, РНБ, Софийское собрание, № 1142, серед. XV в. Филигранные рукописи: Oshenkorf, XIII, №№ 202 (1447), 207 (1450, 1451), 208 (1444–1445) [Pissard 1966]. Данные филигранные аналогичны комплексу филигранных из новгородских миней середины XV в. [Новгородские рукописи 1989, №248].

Тит. 1377

Санкт-Петербург, РНБ, собрание Титова, № 1377, серед. XV в. [Титов 1901, № 142; ПС 1726].

Усп. 5п

Москва, ГИМ, Успенское собрание, № 5п, около 1423 г. [Пергаменные рукописи ГИМ, 1965: 226; Пентковский 1988; Пентковская 2018а: 86–101; ПС: 1715].

Фекула-6

Огайо, Государственный университет, Хиландарская исследовательская библиотека, Коллекция Фекулы, № 6, 10-20-е годы XV в. (микрофильм). Иерусалимский устав. По классификации А. М. Пентковского, особая русская версия 2-го болгарского перевода [Matejić 1983: 43–48; Пентковский 2004: 168; Пентковская 2018а: 102–127].

Щук. 315

Москва, ГИМ, собрание Щукина, № 315, 1466 г. [Яцимирский 1897: 14–16; ПС 182].

Прочие рукописи, упомянутые в статье

Q.n.I.59

Санкт-Петербург, РНБ, Q.n.I.59, нач. XIV в., Евангелие апракос краткий [Гранстрем 1953: 84].

МДА 142

Москва, РГБ, ф.173.1, собрание Московской Духовной Академии, № 142, рус., 2-3 четв. XV в., Киприанова псалтырь. [Князевская, Чешко 1980: 284; Афанасьева et al. 2015: 21–26].

НБКМ 24

София, НБКМ, № 24, серб., кон. XIV – начала XV веков, Четырехголосие. [ESS].

НБКМ 88

София, НБКМ, № 88, серб., 1362 г., Последовательный Апостол. [ESS].

НБКМ 89

София, НБКМ, № 89, серб., XIV в., Последовательный Апостол. [ESS].

НБКМ 882

София, НБКМ, № 882, болг., нач. XIV в., Среднеболгарский Апостол краткий апракос. [ESS].

Спиридоновский апостол

Рылский монастырь, № 1/15, болг., 1503 г. Апостол краткий апракос. [ESS].

Электронные базы данных

ESS

Encyclopedia Slavia Sanctorum (<http://www.eslavsanct.net>; last access on: 12.12.2019).

Литература

Matejić 1983

Matejić M., *Slavic Manuscripts from the Fekula Collection: a. Description*, Columbus, 1983.

Matejić 1992

Matejić P., Thomas H., *Catalog: Manuscripts on Microform of the Hilandar Research Library (The Ohio State University)*, 1–2 (= Series Catalogorum, 3), Columbus, Ohio, 1992.

Piccard 1966

Piccard G., *Die Ochsenkopfwasserzeichen*, Stuttgart, 1966.

Афанасьева et al. 2015

Афанасьева Т. И., Козак В. В., Мольков Г. А., Соколов Е. Г., Шарихина М. Г., Языковые инновации в переводах, связанных с именем Киприана, *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*, 1, 2015, 13–38.

Вздорнов 1968

Вздорнов Г. И., Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв., *Труды отдела древнерусской литературы*, 23, Ленинград, 1968, 172–198.

——— 1980

Вздорнов Г. И., *Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII–начала XV веков*, Москва, 1980.

Востоков 1842

Востоков А. Х., *Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума*, С.-Петербург, 1842.

Горский, Невоструев 1869

Горский А. В., Невоструев К. И., *Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки*, 3/1, Москва, 1869.

Гранстрем 1953

Гранстрем Е. Э., *Описание русских и славянских пергаменных рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина*, Ленинград, 1953.

Дограмаджиева 2010

Дограмаджиева Е., *Месецословните четива в славянските ръкописни евангелия (X–XVII в.)*, Кирило-Методиевски студии, 19, София, 2010.

Заец, Сусленков 2008

Заец О. Н., Сусленков В. Е., Артемон, *Православная энциклопедия*, 3, Москва, 2008, 465–466.

Иосиф 1882

[Иосиф, иером.], *Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии*, Москва, 1882.

Каталог ЦГАДА

Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв, хранящихся в ЦГАДА СССР, 1/2, Москва, 1988.

Клосс 2009

Клосс Б. М., Афанасий Высоцкий (старший), *Православная энциклопедия*, 4, Москва, 2009, 59–60.

Князевская, Чешко 1980

Князевская О. А., Чешко Е. В., *Рукописи митр. Киприана и отражение в них орфографической реформы Евфимия Тырновского, Търновска книжовна школа*, 2, София, 1980, 282–292.

Конявская 2007

Конявская Е. Л., *Суд над тверским епископом Евфимием и поставление на епископскую кафедру Арсения, Средневековая Русь*, 7, Москва, 2007, 317–338.

Лихачев 1899

Лихачев Н. П., *Палеографическое значение бумажных водяных знаков*, 1–2, С.-Петербург, 1899.

Лосева 2001

Лосева О. В., *Русские месяцесловы XI–XIV веков*, Москва, 2001.

Мансветов 1885

Мансветов И. Д., *Церковный устав (Типик) и его образование и судьба в греческой и русской церкви*, Москва, 1885.

Мирковић 2007

Мирковић Л., *Типик архиепископа Никодима*, Београд, 2007.

Новгородские рукописи 1989

Новгородские рукописи XV в.: исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград, 1989.

Пентковская 2018a

Пентковская Т. В., *Переводы Иерусалимского типикона в славянской традиции. Лингвистический аспект*, Москва, 2018.

— 2018b

Пентковская Т. В., К вопросу об источниках месящеслова в составе Часослова Швайпольта Фиоля 1491 г., *Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды. Опыт и перспективы*, 2, Казань, 2018, 152–154.

Пентковский 1988

Пентковский А. М., [Церковные уставы Древней Руси и некоторые проблемы изучения памятников письменности традиционного содержания] *Круглый стол: 1000-летие христианизации Руси, Советское славяноведение*, 6, 1988, 39–43.

— 1993

Пентковский А. М., Из истории литургических преобразований в Русской церкви в третьей четверти XIV столетия, *Символ*, 29, 1993, 217–238.

— 2001

Пентковский А. М., *Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси*, Москва, 2001.

— 2004

Пентковский А. М., Иерусалимский устав и его славянские переводы в XIV столетии, *Проводите през XIV столетие на Балканите. Доклады от международна конференция (София, 26–28 юни 2003)*, София, 2004, 153–171.

Пергаменные рукописи БАН

Бубнов Н. Ю., Лихачева О. П., Покровская, сост., В. Ф. Покровская, ред., *Пергаменные рукописи библиотеки Академии Наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI–XVI веков*, Ленинград, 1976.

Пергаменные рукописи ГИМ

Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Голышенко В. С. Описание пергаменных рукописей Государственного исторического музея, 1, *Археографический ежегодник за 1964 год*, Москва, 1965, 135–235.

Погодин 1988

Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог, 1, Ленинград, 1988.

Прохоров 1988a

Прохоров Г. М., Афанасий, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2/1, Ленинград, 1988, 79–81.

— 1988b

Прохоров Г. М., Афанасий Русин, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2/1, Ленинград, 1988, 88–89.

ПС

Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР, Москва, 1986.

ПСРЛ, 11

Полное собрание русских летописей, 11: *Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью*, С.-Петербург, 1897.

ПСРЛ, 15

Полное собрание русских летописей, 15: *Рогожский летописец*, Петроград, 1922.

Савић 2014

Савић В., Чрепишки типик и његово место међу српским типичима, *Црквене студије*, 11, Ниш, 2014, 577–600.

Сергий 1875

Сергий (Спасский), *Полный месяцеслов Востока*, 1, Москва, 1875.

——— 1901

Сергий (Спасский), *Полный месяцеслов Востока*, 1, изд. 2-е, Владимир, 1901.

Спространов 1900

Спространов Е., *Опис на ръкописите в библиотеката при Св. Синод на Българската църква в София*, София, 1900.

Стойменов 2006

Стойменов Н., *Первый болгарский перевод Иерусалимского Устава (XIV в.)*. (диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия, Сергиев Посад, 2006).

Титов 1901

Титов А. А., *Описание славяно-русских рукописей, находящихся в собрании члена-корреспондента Общества любителей древней письменности А. А. Титова*, 1/2, С.-Петербург, 1901.

Турилов 2009

Турилов А. А., Афанасий Русин, *Православная энциклопедия*, 4, Москва, 2009, 68–69.

Христова-Шомова 2008

Христова-Шомова И., Йерусалимският типик от библиотеката на Гръцката православна патриаршия в Йерусалим, *Jews and Slavs*, 20, 2008, 125–168.

——— 2012a

Христова-Шомова И., Византийските богослужебни устави и техните славянски съответствия, *Старобългарска литература*, 45-46, 2012, 116–143.

——— 2012b

Христова-Шомова И., Календарът на Остромировото евангелие като свидетелство за историята на славянските богослужебни книги, *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*, 1/2, 2012, 39–65.

——— 2012c

Христова-Шомова И., *Служебният апостол в славянската ръкописна традиция*, 2: *Изследване на синаксарите*, София, 2012.

Чешко 1982

Чешко Е. В., Об афонской редакции славянского перевода псалтыри в ее отношении к другим редакциям, Е. И. Демина, Е. В. Чешко, Д. Иванова-Мирчева, А. Минчева, ред., *Язык и письменность среднеболгарского периода*, Москва, 1982, 60–93.

Яцимирский 1897

Яцимирский А. И., *Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина*, 2, Москва, 1897.

——— 1904

Яцимирский А. И., *Григорий Цамблак: Очерк его жизни, административной и книжной деятельности*, С.-Петербург, 1904.

References

Afanasyeva T. I., Kozak V. V., Molkov G. A., Sokolov E. G., Sharikhina M. G., Language Innovations in Manuscripts Attributed to Cyprian the Metropolitan, *Slověne. International Journal of Slavic Studies*, 1, 2015, 13–38.

Cheshko E. V., Ob Afonskoi redaktsii slavianskogo perevoda Psaltyri v ee otноshenii k drugim

redaktsiiam, E. I. Demina, E. V. Cheshko, D. Ivanova-Mircheva, A. Mincheva, eds., *Iazyk i pis'mennost' srednebolgarskogo perioda*, Moscow, 1982, 60–93.

Dogramadzhieva E., Mesetsoslovnite chetiva v slavyanskite rukopisni evangeliya (X–XVII vv.), *Cyrillo-Methodian Studies*, 19, Sofia, 2010.

Granstrem E. E., ed., *Opisanie russkikh i slavyanskikh pergamennykh rukopisei Gosudarstvennoi Publichnoi biblioteki imeni M. E. Saltykova-Shchedrina: Rukopisi russkie, bolgarskie, moldovlakhyskie, serbskie*, Leningrad, 1953.

Hristova-Shomova I., *Sluzhebniat apostol v slavianskata rukopisna traditsiia. 2: Izsledvane na sinaksarite*, Sofia, 2012.

Hristova-Shomova I., The Byzantine Service Typika and Their Slavonic Replicae, *Starobulgarska literatura*, 45–46, 2012, 116–143.

Hristova-Shomova I., The Calendar of the Ostromir Gospel as Evidence of the History of the Slavonic Liturgical Books, *Slověne. International Journal of Slavic Studies*, 1/2, 2012, 39–65.

Hristova-Shomova I., Yerusalmiskiat tipik ot bibliotekata na Gratskata pravoslavna patriarshiya v Yerusolim, *Jews and Slavs*, 20, 2008, 125–168.

Kloss B. M., Afanasii Vysotskii (starshii), *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 4, Moscow, 2009, 59–60.

Kniazevskaya O. A., Cheshko E. V., Rukopisi mitr. Kipriana i otzrazhenie v nikh orfograficheskoi reformy Evfimiia Tyrnovskogo, *Tarnovska knizhovna shkola*, 2, Sofia, 1980, 282–292.

Konjavskaja E. L., The trial on the Euthymius the Bishop and nomination Arsenij on the bishop's throne, *Srednevekovia Rus'*, 7, Moscow, 2007, 317–338.

Loseva O. V., *Russkie mesiatseslovy XI–XIV vekov*, Moscow, 2001.

Matejić M., *Slavic Manuscripts from the Fekula Collection: a. Description*, Columbus, 1983.

Matejić P., Thomas H., *Catalog: Manuscripts on Microform of the Hilandar Research Library (The Ohio State University)*, 1–2 (= Series Catalogorum, 3), Columbus, Ohio, 1992.

Mirković L., *Tipik arhiepiskopa Nikodima*, Beograd, 2007.

Pentkovskaya T. V., K voprosu ob istochnikakh mesiatseslova v sostave Chasoslova Shvaipol'ta Fiolia 1491 g., *Lingvokul'turologicheskie issledovaniia razvitiia russkogo iazyka v usloviakh politnicheskoi sredy. Opyt i perspektivy*, 2, Kazan, 2018, 152–154.

Pentkovskaya T. V., *The Translations of the Jerusalem Typicon in Slavic Tradition: The Linguistic Aspect*, Moscow, 2018.

Pentkovskiy A. M., Ierusalimskii ustav i ego slavianskie perevody v XIV stoletii, *Prevodite prez XIV stoletie na Balkanite. Dokladi ot mezhdunarodna konferentsiia (Sofia, 26–28 iuni 2003)*, Sofia, 2004, 153–171.

Pentkovskiy A. M., Iz istorii liturgicheskikh preobrazovaniy v Russkoi tserkvi v tret'ei chetverti XIV stoletii, *Simvol*, 29, 1993, 217–238.

Pentkovskiy A. M., *Tipikon patriarkha Aleksii Studita v Vizantii i na Rusi*, Moscow, 2001.

Pentkovskiy A. M., [Tserkovnye ustavy Drevnei Rusi i nekotorye problemy izucheniia pamiatnikov pis'mennosti traditsionnogo sodержaniia], *Kruglyi stol: 1000-letie khristianizatsii Rusi, Sovetskoe slavovedeniye*, 6, 1988, 39–43.

Piccard G., *Die Ochsenkopfwasserzeichen*, Stuttgart, 1966.

Prokhorov H. M., Afanasii Rusin, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2/1, Leningrad, 1988, 88–89.

Prokhorov H. M., Afanasii, *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2/1, Leningrad, 1988, 79–81.

Savić V., Črepiški tipik i njegovo mesto među srpskim tipicima, *Crkvene studije*, 11, Niš, 2014, 577–600.

Shchepkina M. V., Protaseva T. N., Kostiukhina L. M., Golyschenko V. S., *Opisanie pergamennykh rukopisei Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia*, 1, *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1964 god*, Moscow, 1965, 273–309.

Turilov A. A., Afanasii Rusin, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 4, Moscow, 2009, 68–69.

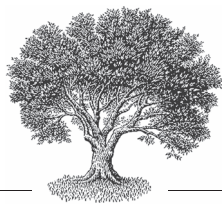
Vzdornov G. I., *Iskusstvo knigi v Drevnei Rusi: Rukopisnaia kniga Severo-Vostochnoi Rusi XII – nachala XV vekov*, Moscow, 1980.

Vzdornov G. I., Rol' slavianskikh monastyrskikh masterskikh pis'ma Konstantinopolia i Afona v razvitiu knigopisaniia i khudozhestvennogo oformleniia russkikh rukopisei na rubezhe XIV–XV vv., *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 23, Leningrad, 1968, 171–198.

Zaets O. N., Suslenkov V. E., Artemon, *Pravoslavnaia entsiklopediia*, 3, Moscow, 2008, 465–466.

Грицевская Ирина Михайловна, доктор филологических наук
г. Новосибирск
Россия / Russia
irgri@inbox.ru

Received February 1, 2019

К вопросу о происхождении прозвища *Логофет* у Пахомия Серба*

Зоя Николаевна Исидорова

независимый исследователь
С.-Петербург, Россия

On the Origin of the Epithet *Logothetes* Used by Pachomius the Serb

Zoia N. Isidorova

independent scholar
St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье представлены результаты поиска случаев использования прозвища Логофет при имени знаменитого агиографа и гимнографа XV в. Пахомия Серба среди известных к настоящему времени надписаний, авторских подписей и акростихов в его собственных или переписанных им текстах, а также в произведениях, не сохранившихся в автографах. Собранные данные показывают, что Пахомий подписал прозвищем Логофет только свои ранние произведения — Похвальное Слово Варлааму Хутынскому и два канона Службы Знамению. Эти тексты были написаны в конце 1430-х гг. во время пребывания Пахомия в Новгороде. Выявленная закономерность заставляет отказаться от предположений о связи этого прозвища с писательской или летописной деятельностью Пахомия. Наиболее вероятной представляется версия А. А. Турилова о том, что это прозвище означало некую должность, которую тот занимал. Однако время и место создания произведений позволяют связать эту должность не с вероятной службой Пахомия у печского патриарха Никона в Сербии, как предполагал Турилов, но либо

* Выражаю сердечную признательность Т. Б. Карбасовой, которая прочитала первоначальный вариант этой статьи и высказала ряд ценных замечаний.

Цитирование: Исидорова З. Н. К вопросу о происхождении прозвища *Логофет* у Пахомия Серба // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 113–139.

Citation: Isidorova Z. N. (2019) On the Origin of the Epithet *Logothetes* Used by Pachomius the Serb. *Slověne*, Vol. 8, № 2, p. 113–139.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.4

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

с его положением при новгородском архиепископе Евфимии II, либо со службой у митрополита Исидора. Гипотеза о связи Пахомия с Исидором позволяет объяснить знакомство Пахомия с архиепископом Евфимием и получение от него заказов на написание текстов для важных новгородских религиозных праздников. Она также объясняет отказ Пахомия от этого прозвища в дальнейшем. В приложении к статье даны таблицы, где представлены известные к настоящему моменту авторские надписания, подписи и акrostихи Пахомия, а также примеры надписаний из текстов, атрибутируемых Пахомию, но не найденных в автографах.

Ключевые слова

Пахомий Логофет, Пахомий Серб, архиепископ Евфимий II, митрополит Исидор, Новгород, Похвальное Слово Варлааму Хутынскому, Служба Знамению иконы Божией Матери, акrostих

Abstract

The article presents the results of the search regarding the epithet *Logothetes* used with the name of the renowned fifteenth-century hagiographer and hymnographer Pachomius the Serb in texts stating his authorship, his signatures, and acrostics found in his works or texts that he copied. The data show that Pachomius used this epithet only in signing his early works — the Panegyric of Barlaam of Khutyn and two canons of the Service for the icon of Our Lady of the Sign, all composed at the end of the 1430s in Novgorod. This makes unlikely the previously suggested connection of this epithet with Pachomius's fame as a writer or his work as a chronicler. The most plausible interpretation is that it designated some office held by Pachomius, as proposed by A. Turilov. However, the time when and the place where these works were composed suggest that it might not be an office in the service of the Patriarch Nikon of Peć in Serbia, but some office at the service of the Archbishop of Novgorod Euthymius II or the Metropolitan of Kiev Isidore. The hypothesis of Pachomius's connection with Isidore allows us to explain how he made the acquaintance of Euthymius II and received commissions from him to write texts for the important Novgorodian religious feasts, and also the dropping of this epithet later on. The article is supplemented by tables presenting all currently known Pachomius's signatures and acrostics and examples of signatures found in texts attributed to Pachomius but not known in author's manuscripts.

Keywords

Pachomius Logothetes, Pachomius the Serb, Archbishop Euthymius II, Metropolitan Isidore, Novgorod, Panegyric of Barlaam of Khutyn, Service for the icon of Our Lady of the Sign ("Znamenie"), acrostic

Пахомий, известный автор многочисленных церковных служб, житий святых и похвальных слов, работавший в Новгороде и Троице-Сергиевом монастыре в середине — второй половине XV в., известен по надписаниям его произведений, акrostихам канонов и подписям в переписанных им книгах с двумя прозвищами: Серб и Логофет. Первое имеет

отношение к его происхождению и не вызывает вопросов, а второе до сих пор не нашло удовлетворительного истолкования, хотя попытки объяснить его исследователями предпринимались. Около десяти лет назад А. А. Турилов выступил с двумя гипотезами о возможной причине, по которой Пахомий мог использовать прозвище Логофет. Согласно одной из них, Пахомий таким образом упоминал о своей службе начальником канцелярии (логофетом) у одного из светских или духовных правителей в Сербии. По расчетам Турилова, вероятнее всего, это мог быть печский патриарх Никон, умерший в 1435 г. Вторая гипотеза основывается на другом значении слова 'логофет': Турилов утверждает, что оно может переводиться с греческого на славянский как 'словоположник' и Пахомий мог получить это прозвище за свою литературную деятельность. Как признает ученый, при крайне скудных сведениях о биографии Пахомия, твердых оснований ни для одной из этих гипотез нет [Турилов 2009: 94 и примеч. 62]. Еще одна гипотеза была предложена совсем недавно А. В. Духаниной, которая связала прозвище Логофет с вероятным участием Пахомия в составлении летописей [Духанина 2015: 571]. Названные предположения, однако, не были основаны на анализе использования Пахомием прозвища Логофет в ряду других слов и выражений, которыми он себя определял, и специального исследования этого вопроса не проводилось. Задача настоящей статьи — восполнить этот пробел. В первой части представлены данные о том, в каких текстах и когда Пахомий использовал прозвище Логофет, и на основании сделанных наблюдений проанализированы гипотезы Турилова и Духаниной о происхождении этого прозвища. Вторая часть посвящена изложению новой гипотезы относительно использования Пахомием прозвища Логофет, которая учитывает сделанные в результате исследования выводы и опирается на данные других источников по истории XV в.

Прозвище Логофет в произведениях Пахомия

Предлагаемое исследование использования Пахомием Сербом прозвища Логофет основано на сохранившихся в автографах надписаниях составленных им текстов (канонов служб, житий и похвальных слов), акростихах в написанных им канонах, а также подписях Пахомия в переписанных им книгах. В автографах с надписаниями Пахомия известны: 1) Похвальное Слово Варлааму Хутынскому, 2) и 3) два канона Знамению в Службе Знамению, 4) один из канонов Службы Борису и Глебу и 5) Житие Сергия Радонежского. Авторские списки текстов, посвященных Варлааму Хутынскому, Знамению и Борису и Глебу, были недавно идентифицированы и изучены с точки зрения кодикологии и

палеографии М. А. Шибаевым в сборнике-конволюте *Соф.* 429, когда-то принадлежавшем церкви Сергия Радонежского¹ на владычном дворе в Новгороде [Карбасова et al. 2019: 171–177]. Результаты исследования филигранных в тетрадах с текстами циклов, посвященных Варлааму Хутынскому и иконе Знамения, а также комплекс лингвистических особенностей показывают, что циклы были написаны приблизительно в одно время. Хотя по филиграммам точная датировка затруднительна, лингвистические данные позволили Ж. Л. Левшиной сделать вывод о том, что тексты обоих циклов были написаны в самый ранний период деятельности Пахомия на Руси — в конце 1430-х — начале 1440-х гг. [Ibid.: 177–180]². Автограф текста Жития Сергия Радонежского, датируемый началом 1440-х гг., был обнаружен также Шибаевым в сборнике-конволюте из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря *Соф.* 1248 [Шибаев 2008]. Акrostихи Пахомия сохранились в канонах служб Антонию Печерскому, Стефану Пермскому и на перенесение мощей митрополита Петра [Яблонский 1908: 172, 190, 193; Спасский 1949/2008: 125; Седова 1993: 132; Духанина 2017: 94]. Подписи в автографах находятся в переписанных Пахомием книгах: это сборник Слов Симеона Нового Богослова *ТСЛ180* (л. 103об.)³, Апостол толковый *ТСЛ116* (л. 167)⁴ и Псалтирь толковая *МДА23* (л. 225об.)⁵. Все три рукописи происходят из библиотеки Троице-Сергиева монастыря. Прозвища при имени Пахомия из названных выше источников сведены в Таблицу I в Приложении к этой статье, где они расположены в хронологическом порядке.

Помимо названных, наиболее достоверных источников, в нескольких текстах, атрибутируемых Пахомию, но не известных в автографах, есть надписания, а также предисловия или послесловия, в которых Пахомий говорит о себе, используя те или иные прозвища. Это Служба Сергию Радонежскому, каноны служб Никону Радонежскому, архиепископу Евфимию Новгородскому, Кириллу Белозерскому, Савве Вишерскому, Михаилу Черниговскому, послесловие к Житию архиепископа Евфимия Новгородского, Вторая Пахомиевская (по Т. Б. Карбасовой [Карбасова et al. 2019: 182]) редакция Жития Варлаама Хутынского, Житие митрополита Алексия, Похвальное Слово на Покров. Поскольку

¹ Владельческие записи находятся на последнем листе в *Соф.* 429 (л. 201об.).

² Наблюдения Ж. Л. Левшиной о графико-орфографических особенностях текста Жития Варлаама Хутынского в *Соф.* 429 справедливы и для текстов Знаменского цикла в этом сборнике. Рукопись *Соф.* 429 была хорошо известна В. Яблонскому, но он не осознавал, что это автограф [Яблонский 1908: 115, 123, 145, 153].

³ Запись впервые указана В. О. Ключевским [1871: 119–120, примеч. 1].

⁴ Запись впервые указана И. Некрасовым [1871: 55].

⁵ Запись впервые указана В. О. Ключевским [1871: 119–120, примеч. 1].

при переписывании тексты претерпевали изменения, нет ничего удивительного в том, что надписания Пахомия и прозвища при его имени внутри текста тоже могли меняться, что мы и наблюдаем в ряде случаев⁶. В связи с этим, прозвища, употребляемые при имени Пахомия в таких текстах, не могут рассматриваться как несомненно пахомиевские. Тем не менее их тоже необходимо было учесть, т. к. в некоторых из них могли сохраниться авторские чтения. Упоминаемые в литературе примеры надписаний из атрибутируемых Пахомию текстов, для которых не найден автограф, собраны в таблице II в Приложении. Список не претендует на полноту, но отражает все известные в надписаниях и приписках варианты прозвищ и других дополнений к имени Пахомия. Так как в настоящем исследовании меня интересовало только прозвище Логофет, работа с текстами, не известными в автографах, ограничивалась именно его поиском. Сразу отмечу, что было обнаружено всего три не известных в автографах надписания с этим прозвищем. Поскольку есть все основания не считать их авторскими, они не включены в таблицу, но будут описаны в статье особо.

Ключевую роль в этом исследовании сыграли упомянутые выше открытия автографов ранних новгородских циклов, посвященных Варлааму Хутынскому и Знамению, в рукописи *Соф. 429*, потому что если до сих пор нам были известны автографы и акростихи Пахомия с прозвищами Серб и «Святыя Горы» (см. таблицу I в Приложении), то теперь мы имеем автографы с надписаниями, в которых Пахомий использует прозвище Логофет. Обнаружение автографа Службы, Жития и Похвального Слова Варлааму Хутынскому в рукописи *Соф. 429* важно еще и потому, что в самой ранней датированной рукописи, где имеются эти тексты, в ноябрьской служебной минее *Соф. 191* 1438 г., ни один из этих текстов не имеет надписания. Между тем, Житие Варлаама Хутынского в рукописях *Соф. 429* и *Соф. 191* представляет собой более раннюю редакцию Жития, чем известная в рукописях не ранее конца XV в. редакция, в некоторых списках которой имеются варианты надписаний с именем Пахомия, но без прозвища Логофет⁷. На основании отсутствия надписания текстов в *Соф. 191* Л. А. Дмитриев даже отказывал Пахомию в авторстве Жития в этой редакции, полагая, что она была составлена до

⁶ Яблонский приводит варианты надписаний для Жития митрополита Алексия, Жития Кирилла Белозерского, Похвального Слова Покрову Богородицы, канонов Службы Сергию Радонежскому, Службы Стефану Пермскому, Службы Кириллу Белозерскому и указывает, что особенно много разных надписаний у канонов в ряде списков Службы Михаилу и Федору Черниговским [Яблонский 1908: 75, 87, 124, 127–128, 154–155, 174, 185, 190].

⁷ Например, список в рукописи *СПБИБ-310* (издана фототипическим способом Э. А. Гордиенко [2010: 227–638]). Другие варианты надписания списков этой редакции Жития Варлаама Хутынского опубликованы Яблонским [1908: 21–22].

Пахомия, а ему принадлежит только редакция с надписанием [Дмитриев 1973: 24]. Однако находка автографа Цикла, посвященного Варлааму Хутынскому, в *Соф.* 429 подтвердила авторство Пахомия в отношении и этой ненадписанной редакции [Карбасова et al. 2019: 180–182]⁸. Кроме того, для Похвального Слова Варлааму, которое не надписано в минее *Соф.* 191, было установлено наличие авторского надписания в *Соф.* 429, и мы получили пример того, как переписчики текстов Пахомия могли опускать авторское надписание⁹. Теперь известно, что и сам Пахомий не всегда надписывал свои тексты, а в циклах, состоящих из службы, жития и похвального слова, мог надписать лишь один или два из них. Таким образом, отсутствие надписания не может служить основанием для отказа Пахомию в авторстве того или иного произведения, и именно автографы показывают, какое надписание использовал сам Пахомий и вообще было ли в тексте изначально какое-либо надписание.

Значение найденного автографа Жития Сергия Радонежского в *Соф.* 1248 для исследования вопроса о прозвищах Пахомия состоит в том, что этот имеющий авторское надписание список сочинения, над которым Пахомий работал в Троице-Сергиевом монастыре, датируется началом 1440-х гг. [Шибяев 2008: 292–293]. Таким образом появилась возможность сопоставить надписания Пахомия в сочинениях, созданных им в Новгороде в конце 1430-х гг., с надписанием текста, появившимся в Троице-Сергиевом монастыре вскоре после переезда Пахомия из Новгорода в Троице-Сергиев монастырь¹⁰. До этой находки были известны только две подписи Пахомия от 1440-х гг., где он использовал прозвища, причем обе находятся не в его собственных сочинениях, а при текстах, которые он переписывал. Все остальные наши источники — службы с акростихами и еще одна подпись в переписанной Пахомием книге — датируются более поздним временем: концом 1450-х — началом 1470-х гг.. Кроме того, в том же списке Жития Сергия Радонежского в

⁸ В ранее опубликованной работе Карбасова показала текстуальное единство Жития Варлаама Хутынского в редакции, представленной в *Соф.* 191, и Похвального Слова ему же, а также наличие общих чтений, литературных формул и «идей» в Житии Сергия Радонежского, что позволило ей утверждать авторство Пахомия относительно этой редакции Жития Варлаама Хутынского, которую она предложила назвать Первой Пахомиевской редакцией [Карбасова 2016].

⁹ Как отмечает Карбасова, надписание имеется во всех ранних списках Неминейного варианта Пахомиевской редакции Похвального Слова Варлааму Хутынскому, к которому принадлежит *Соф.* 429, в то время как текст в *Соф.* 191 представляет собой Минейный вариант этой редакции [Карбасова 2018: 6, прим. 4]. Э. А. Гордиенко отказывала Пахомию не только в авторстве ранней редакции Жития Варлаама Хутынского, но также в авторстве Службы и Похвального Слова этому святому на основании отсутствия надписания этих произведений в пергаменной ноябрьской минее *Соф.* 191 [Гордиенко 2010: 133].

¹⁰ О времени перемещений Пахомия см. ниже.

Соф. 1248 есть Послесловие Пахомия, в котором он, говоря о себе, использует при своем имени прозвища. Это единственный известный автограф подобного текста, и поэтому он тоже был привлечен к исследованию и рассматривается здесь в ряду наиболее достоверных источников.

Рассмотрим теперь, в каких текстах Пахомия встречается прозвище Логофет. Как видно из таблиц в Приложении, встречается оно только в трех случаях: в Похвальном Слове Варлааму Хутынскому и в двух канонах Службы Знамению. Все тексты сохранились в авторских списках, объединенных в сборнике-конволюте *Соф. 429*. На полях этой рукописи почерком Пахомия, коричневыми чернилами основного текста или киноварью заголовков сделаны следующие надписания: *сѣноинока пахѣмѣа логофета* (Похвальное Слово Варлааму Хутынскому, л. 49)¹¹, *Твораніе сѣноинока пахѣмѣа логѣфета* (первый канон Знамению, л. 161об.)¹² и *логѣфета* (второй канон Знамению, л. 162)¹³. Все тексты относятся к циклам, посвященным новгородским святыням, и были созданы во время пребывания Пахомия в Новгороде в конце 1430-х гг., вероятно, по заказу архиепископа Евфимия II. Уже летом 1438 г. Цикл, посвященный Варлааму Хутынскому, был включен в пергаменную ноябрьскую mineю, написанную по повелению Евфимия для Софийского собора — *Соф. 191* [Шварц 1989: 23; Карбасова 2016: 3–57]. Поскольку читающаяся там сейчас на 27 ноября пахомиевская Служба Знамению оказалась позднейшей вставкой [Гордиенко 2010: 123, 125; Карбасова et al. 2019: 186], Знаменский цикл Пахомия в эту mineю включен, по-видимому, не был. Вероятно, к лету 1438 г. Пахомий либо еще не закончил работу над Знаменским циклом, либо даже не начинал ее. Может быть, Цикл еще даже не был заказан Пахомию, потому что, если бы такой текст был в планах, для него, вероятно, оставили бы место в minee *Соф. 191*. Автограф Знаменского цикла в *Соф. 429* отразил, как мне представляется, последний этап работы Пахомия над этими текстами: несколько раз на полях или над строкой он добавлял отдельные слова или целые фразы (л. 154, 158об., 161, 166об., 177, 194, 197, 199об.), надписания канонов тоже были вставлены на полях (л. 161об. и 162). В позднейших известных списках текстов Цикла внесенные Пахомием в *Соф. 429* дополнения находятся внутри текста. В большинстве случаев сохранялись при

¹¹ Фраза написана на верхнем поле над заголовком киноварью того же оттенка и тем же почерком, что и заголовок [Карбасова et al. 2019: 173].

¹² Написано на нижнем поле, после знака сноски коричневыми чернилами основного текста, инициал и знак сноски сделаны киноварью того же оттенка, что и в остальном тексте. Знак сноски относится к первому канону.

¹³ Надписание сделано на правом поле, рядом с заголовком второго канона, теми же чернилами, что и основной текст. Инициал выделен киноварью того же оттенка, что и в остальном тексте.

последующем копировании и надписания этих ранних новгородских текстов, в которых Пахомий использовал прозвище Логофет.

Таким образом, прозвище Логофет появляется в авторских надписаниях Пахомия только три раза и только в ранних новгородских текстах, которые датируются концом 1430-х — началом 1440-х гг. При этом, заметим, в надписаниях с прозвищем Логофет Пахомий не использует никаких других определений, кроме упоминания о своем священническом и монашеском чине — «священноинок». Интересно также, что в надписаниях текстов этого времени и локализации не обнаружено и никаких других характерных для Пахомия вариантов прозвищ, таких как Серб или «Святыя Горы».

Единственное известное нам авторское надписание раннего периода без прозвища Логофет — надписание канона Службы Борису и Глебу, которое находим в том же сборнике *Соф.* 429. Оно содержит имя в родительном падеже: $\text{п}\hat{\alpha}\text{м}\hat{\iota}\alpha$, над первым слогом которого написано: $\hat{\alpha}^{\times}$ (л. 71). Возможно, это часть слова «таха» [Ibid.: 174], хотя отсутствие первой буквы непонятно, так как оба слова полностью написаны киноварью, т. е. первая буква не могла пропасть из-за того, что писавший оставил место для киноварного инициала и позже забыл его написать. Слово «таха» Пахомий действительно использовал в дальнейшем. В автографах оно встречается в тексте Послесловия к Житию Сергия Радонежского *Соф.* 1248: $\text{С}\hat{\iota}\alpha$ же азъ смѣрени таха ѿермонахъ пахоміе (л. 374) и в подписи к переписанной им в 1458–1459 г. Толковой Псалтири в сборнике МДА23: $\text{р}\hat{\delta}\text{ко}\hat{\iota}\text{ю}$ послѣднаго въ $\text{с}\hat{\iota}\text{п}\hat{\iota}\text{нои}\hat{\nu}\text{о}\hat{\iota}\text{ц}\hat{\epsilon}\text{х}\hat{\iota}$ таха ѿермонаха пахоміа сербина (л. 225об.). Духанина пишет, что, согласно А. А. Пичхадзе и Б. Л. Фонкичу, слово $\text{т}\hat{\alpha}\chi\hat{\alpha}$ характерно для подписей греческих грамот и представляет собой часть уничижительной формулы со значением ‘как бы’, ‘типа’ [Духанина 2015: 437, примеч. 231]. Однако в обоих приведенных случаях слово «таха» находится в сочетании со словом «иеромонах», после которого идет имя, в то время как в надписании канона Борису и Глебу в *Соф.* 429 оно должно было оказаться непосредственно перед именем, что необычно, но предложить лучшее объяснение для него пока не получается.

В надписаниях других сохранившихся в автографах сочинений Пахомия, в текстах, где он говорит от своего имени, в приписках, которые он оставил в переписанных им в Троице-Сергиевом монастыре книгах, а также в акростихах составленных им канонов он сам нигде больше не использует прозвище Логофет. Уже в надписании автографа Жития Сергия Радонежского начала 1440-х гг., близкого по форме надписанию Похвального Слова Варлааму Хутынскому и первого канона Знамению, Пахомий на место прозвища Логофет ставит новое прозвище: $\text{с}\hat{\iota}\text{п}\hat{\iota}\text{нои}\hat{\nu}\text{о}\hat{\iota}\text{к}\hat{\omega}\hat{\mu}$ пахоміемъ $\text{с}\hat{\tau}\hat{\iota}\alpha$ горы [*Соф.* 1248: л. 329]. В этом надписании он

впервые упоминает о своем афонском прошлом, причем в сопоставлении с близкими по форме новгородскими надписаниями смена прозвищ особенно хорошо заметна. В словах о себе в Послесловии к Житию Сергия Радонежского и в подписи после переписанных им в 1442–1443 г. Слов Симеона Нового Богослова Пахомий начинает использовать разные традиционные уничижительные формулы: *смѣрени таха їермонахъ* [Соф. 1248: л. 374], *Мнѣгѣгѣрѣшнии пѣсѣднѣгѣ* [ТСЛ180: л. 103об.], а в подписи под переписанным им текстом Апостола с толкованиями называет себя просто монахом Пахომием [ТСЛ116: л. 167]. Примерно с конца 1450-х гг. в надписаниях, акростихах и подписях упоминание о принадлежности к афонскому монашеству нередко заменяется на этноним «сербин» и всевозможные определения и прозвища варьируются в разных сочетаниях: *посѣднѣаго въ сѣиноиоцѣхъ таха їермонаха пахѣоміа сербіна* (подпись: [МДА23: л. 225об.]); «...рукою многогрешнаго Пахомія иже от Святыя Горы» (акростих канонов Службы Антонию Печерскому: [Солов. 518: л. 120об.–122об.]); «...рук(ою) многогрешнаго Пахомія сербіна» (акростих канонов Службы на перенесение мощей митрополита Петра, цит. по: [Спасский 1949/2008: 125¹⁴]); «...рукою многогрѣшнаго и непотребнаго си раба Пахомія сербіна» (акростих канонов Службы Стефану Пермскому, цит. по: [Яблонский 1908: 190; Духанина 2017: 94]¹⁵).

Что касается надписаний, не известных в автографах Пахомия, то в рукописях и в литературе удалось обнаружить только три, причем весьма специфических, случая, когда появлялось прозвище Логофет. Первый — надписание канона Службы Варлааму Хутынскому в сборнике Соф. 429. В то время как весь текст Службы Варлааму Хутынскому в Соф. 429 является автографом Пахомия, там нет его авторского надписания, но на нижнем поле л. 16об., где начинается канон Варлааму, другим почерком и более черными чернилами добавлено: *Творение свѣщеніиока . пахѣміа логофѣта*. Тем же почерком и чернилами на обороте последнего листа с текстом Похвального Слова Знамению (л. 201об., он же последний лист в сборнике), сверху сделана запись, в которой тоже упоминается Пахомий с прозвищем Логофет. В данном случае очевидно копирование каким-то писцом авторского надписания первого канона Знамению в той же рукописи (л. 161об.). Вероятно, запись была сделана после того, как разные блоки, составляющие эту рукопись, были переплетены вместе. Два других случая представлены в надписаниях произведений, которые не имели такового в ранних списках. Это Житие архиепископа Иоанна и Слово на перенесение мощей митрополита Петра. Надписания обнаруживаются только в некоторых поздних списках этих

¹⁴ Акростих впервые полностью указан Ф. Г. Спасским.

¹⁵ А. В. Духанина включает в акростих слово «си», которого нет у Яблонского.

произведений XVI–XVII в. и носят явно искусственный характер. Ни одно из них нельзя признать за оригинальное пахомиевское¹⁶.

¹⁶ Одно из них находится в указанном Ключевским списке XVII в. Жития Иоанна, архиепископа новгородского, принадлежавшем А. Шахову. В отличие от надписаний остальных списков Жития архиепископа Иоанна, где нет упоминания имени Пахомия, в этом списке к заглавию прибавлены следующие слова: «... списано бысть священноинокомъ Пахомиемъ, иеромонахомъ и Логофетомъ, иже отъ Святыя Горы» [Ключевский 1871, 127 и прим. 2]. Как видим, в этом надписании соединяются разные прозвища Пахомия. Похож на него и другой случай — надписание в некоторых поздних списках Сказания или Слова на перенесение мощей митрополита Петра, где читается следующее: «... списано киръ священноинокомъ Пахомиемъ Логофетомъ Святыя Горы». В литературе упоминаются два таких списка: 1) *Соф. 1424* (л. 250), который был впервые указан Яблонским и датирован у него XVII в. [Яблонский 1908, 142]; Р. А. Седова датирует этот список второй половиной XVI в. [Седова 1993: 127]; 2) *Егор. 921* (л. 578), который был найден Седовой и датирован ею также XVI в. [Ibid.].

Очевидно, составившие эти надписания книжники XVI–XVII в. были хорошо знакомы с разными вариантами надписаний в произведениях Пахомия, как раннего новгородского периода, так и более поздних. Для этих надписаний были выбраны те прозвища Пахомия, которые в глазах их составителей придавали Пахомию наивысший авторитет, связывая его с Византией и Афоне. Чтобы подчеркнуть заслуги Пахомия составитель надписания в Слове о перенесении мощей митрополита Петра предпослал созданной им конструкции греческий титул «кир», т. е. «господин», который был бы совершенно невозможен, если бы надписание составил сам Пахомий, придерживавшийся традиционных практик монашеских книжников. Ср. приводимый Г. И. Вздорновым пример использования слова «кир» русским монахом Евсевием-Ефремом, жившим в 1420-е гг. в Константинополе и на Афоне. В своем послесловии к переписанному им переводу одного из слов Максима Исповедника Евсевий уважительно называет «киром» переводчика Иакова, а себя, наоборот, уничижительно «убогим» и «непотребным» [Вздорнов 1968: 178]. Спасский указывает два канона, надписанные якобы автором, монахом Михаилом, имени которого предпослан титул «господин»: «Канон и творение господина монаха Михаила Нового» (Служба князю Константину Муромскому и чадам его) и «Другой канон чудотворцем, творение господина Михаила монаха» (Служба Петру и Февронии Муромским). Примечательно, что в первом каноне все заимствовано из канонов других авторов, а из второго канона Спасский не нашел источников только для пяти тропарей [Спасский 1949/2008: 420]. Вероятно, здесь либо мы имеем дело с психологическим казусом, либо надписания были сделаны каким-то почитателем компилятора. Еще один пример использования слова «кир» в неавторском надписании списка одной из редакций Жития Кирилла Белозерского в рукописи РНБ-996 (л. 26) см. у Яблонского [1908: 87].

Предполагаю, что составителями надписаний в *Соф. 1424*, *Егор. 921* и в упомянутой В. О. Ключевским рукописи А. Шахова могли быть новгородские книжники. Во всяком случае, это в высшей степени вероятно для рукописи из Софийского собрания *Соф. 1424*. Именно в новгородской традиции наименование Логофет имело шансы прочно закрепиться за Пахомием благодаря распространению в Новгороде его ранних произведений с таким прозвищем, о чем, как уже отмечалось выше, говорит подавляющее большинство списков текстов Знаменского цикла, где сохранялись надписания с прозвищем Логофет, и позднейшие списки Похвального Слова Варлааму Хутынского (например, список в рукописи *СПБИБИ-310*, которую О. А. Абеленцева датирует последней четвертью XVI в. [Абеленцева 2010: 219]). О прочной связи прозвания «Логофет» с именем Пахомия в современной православной среде свидетельствует название мужского хора «Пахомий Логофет» (<http://feosobor.ru/sluzhenija/choir/pahomij-logofet/>).

Таким образом, обнаруживается связь использования Пахомием прозвища Логофет с определенным временем и местом — конец 1430-х, возможно, самое начало 1440-х гг., Новгород, — а также его отказ от этого прозвания после переезда в Троице-Сергиев монастырь, и последнее обстоятельство, конечно, требует объяснения. Если следовать первой гипотезе Турилова, можно было бы предположить, что, упоминаемая в ранних произведениях о своей высокой должности в Сербии, Пахомий рассчитывал таким способом прибавить себе авторитета в тот период, когда он был еще мало известен на Руси. Тот факт, что отказ от упоминания должности логофета произошел вместе с переездом, можно объяснить сменой окружения: из владычного двора в Новгороде, где прошлая служба у печского патриарха могла придать ему веса, Пахомий переселился в монастырь с несколько отличной от архиерейских кругов системой ценностей. Именно в троицких книгах он начинает употреблять уничижительные формулы «многогрешный», «последний во иноцех», «таха иеромонах» и ассоциировать себя с Афоном.

Вторая предложенная Туриловым гипотеза выглядит в свете выявленной хронологии прозвищ Пахомия совсем неубедительно. Получается, будто в самом начале своей литературной деятельности Пахомий представлял себя маститым автором, а потом, получая то и дело заказы на оригинальные сочинения и прославившись, он вдруг стал скромнее, отказался от пышного греческого наименования и более к нему не возвращался. По-видимому, слово «логофет» все-таки не имело в данном случае отношения к литературному труду, тем более что непонятно, кто вообще мог дать его Пахомию.

Подобное возражение можно адресовать и версии Духаниной о связи прозвища Логофет с деятельностью Пахомия как летописца. Участие Пахомия в составлении летописей отстаивал еще А. А. Шахматов [1899]¹⁷, однако вопросы о том, когда, где и над какими именно летописями, реальными или гипотетическими, работал Пахомий, до сих пор остаются дискуссионными. Обнаруженная закономерность в использовании Пахомием прозвища Логофет может быть связана в рамках гипотезы Духаниной только с предполагаемым Шибаевым участием Пахомия в составлении Новгородско-Софийского свода в конце 1430-х гг. [Шибаев 2012: 94–95]. Однако, если гипотезы и Шибаева и Духаниной верны, остается непонятным, почему позже Пахомий никогда не использовал прозвище Логофет, хотя, как утверждает ряд исследователей, он

который существует в Петербурге, на бывших землях Великого Новгорода, хотя, конечно, нельзя утверждать, что название этого хора связано именно с новгородской традицией XV–XVII вв..

¹⁷ Позднейшими исследователями мнение А. А. Шахматова было признано ошибочным [Творогов 1989: 500].

участвовал в составлении летописей и в более поздний период [Бобров, Введенский 2017: 140–143; Горский 2003].

Таким образом, из трех предложенных объяснений прозвища Логофет лишь первую гипотезу Турилова, которая интерпретирует слово «логофет» как должность в канцелярии, можно попытаться сочетать с установленной зависимостью использования Пахомием этого прозвища от времени и места и отказом от него после отъезда из Новгорода в начале 1440-х гг. Однако нельзя не отметить, что предпочтение, которое Пахомий, находясь в Новгороде, оказывал прозвищу Логофет перед упоминанием о своей связи с Афоном, вызывает недоумение, если принять во внимание концепцию А. Г. Боброва о «святогорской» ориентации архиепископа Евфимия II [Бобров 2001: 197]. Действительно, именно на время игуменства Евфимия в Лисицком монастыре и начала его архиепископства (1420-е — начало 1430-х гг.) приходится появление явных следов влияния Афона на новгородскую книжность [Вздорнов 1968: 179; Турилов 2012: 523]¹⁸, и в этих обстоятельствах можно было бы ожидать, что именно связь с Афоном, а не служба у печского патриарха, могла послужить авторитету Пахомия. Тем не менее об Афоне он в этот период молчит, считая, по-видимому, должность логофета более значимой для своей идентификации. Если отказаться от гипотезы о службе Пахомия у печского патриарха, можно допустить, что словом «логофет» Пахомий перевел название некой должности, которую он занимал в Новгороде, например, дьяка при архиепископе Евфимии II. Прекращение использования прозвища Логофет следует объяснять в этой версии концом работы Пахомия на архиепископа Евфимия в связи с отъездом из Новгорода.

Эти гипотезы, однако, не исчерпывают возможные варианты интерпретации прозвища Логофет в надписаниях ранних новгородских произведений Пахомия. Полагаю, что продуктивным подходом для решения этой проблемы может оказаться сопоставление установленных к настоящему времени фактов о начальном периоде пребывания Пахомия на Руси с известиями из более широкого круга источников о событиях и лицах того времени. Осознавая умозрительный характер таких построений, рискну тем не менее предложить свою гипотезу, позволяющую как объяснить использование Пахомием прозвища Логофет, так и осветить обстоятельства его появления в Новгороде.

¹⁸ Предполагаемой «святогорской» ориентацией Евфимия А. Г. Бобров объясняет приезд в Новгород и самого Пахомия. Ключевую роль она играет и в концепции исследователя о позиции Евфимия в отношении Унии с католической церковью [Бобров 2001: 197–198, 211–212]. Однако построения Боброва относительно антилатинской позиции архиепископа Евфимия II критикует О. А. Абеленцева [2009: 137–144], а Г. И. Вздорнов доказывает вынужденность обращения Новгорода и Твери к Афону, а не к Константинополю [Вздорнов 1968: 181].

Гипотеза

Благодаря записи, оставленной игуменом Дионисием в минее *Соф. 191*, можно не сомневаться в том, что в 1438 г. Пахомий уже находился в Новгороде, потому что к августу, а, скорее всего, к началу лета этого года им уже были написаны Служба, Житие и Похвальное Слово Варлааму Хутынскому, которые находим в этой рукописи. Сколько времени провел Пахомий в Новгороде до этого момента, неизвестно. Едва ли он пробыл там больше года, поскольку, помимо текстов, посвященных Варлааму Хутынскому, Пахомий трудился в Новгороде над Знаменским циклом, который, однако, к августу 1438 г. еще не был готов и в минею *Соф. 191* не попал. Недавнее пребывание Пахомия на Руси выдают и графико-орфографические особенности автографов тех же циклов в *Соф. 429*. Следовательно, Пахомий мог появиться в русских землях в 1436–1437 гг. Оказавшись в Новгороде в эти годы, Пахомий, по-видимому, должен был сразу приступить к выполнению заказов архиепископа Евфимия, чтобы уже к лету 1438 г. представить Цикл текстов, посвященных Варлааму Хутынскому.

Позднее, когда в 1460-х гг. Пахомий снова оказался в Новгороде и по просьбе нового архиепископа — Ионы — составлял Житие недавно умершего владыки Евфимия, в послесловии к этому тексту Пахомий написал несколько личных слов признательности Евфимию за то, что тот позаботился о нем («... с любовью [...] приять и милостивное показа о мнѣ») в ту пору, когда Пахомий только что пришел в Новгород со Святой Горы, и был совсем чужим в городе («... никому же мене ведущю...») [*Погод. 851: л. 358об.*]¹⁹. Возникает вопрос: мог ли безвестный афонский иеромонах быть не просто доброжелательно принят новгородским архиепископом, но и сразу же получить от него заказ на составление текстов, посвященных главным новгородским святыням? Это представляется маловероятным, тем более что в ту пору Пахомий еще плохо владел древнерусским изводом церковнославянского языка²⁰. Стоит также учесть, что после того как в начале 1440-х гг. Пахомий осел в Троице-Сергиевом монастыре, все разъезды книжника были связаны с поручениями или приглашениями, о чем он сам говорил в предисловиях к

¹⁹ Цит. по: [Яблонский 1908: 81].

²⁰ См. наблюдения Ж. Л. Левшиной об автографе Жития Варлаама Хутынского в рукописи *Соф. 429* [Карбасова et al. 2019: 179–180]. В орфографии текстов Знаменского цикла в *Соф. 429* тоже обнаруживается преобладание характерных южнославянских и сербских черт. В некоторых случаях видны попытки Пахомия привести написание в большее соответствие с восточнославянскими правилами. В текстах встречается также много примеров гиперкоррекции, которые говорят о том, что Пахомий старался писать в соответствии с восточнославянскими нормами, но пока еще плохо владел ими.

написанным в этот период текстам²¹. То есть Пахомий как будто не стремился менять место жительства без основательных причин. Поэтому представляется маловероятным, чтобы он изначально отправился в незнакомый город без приглашения и без определенной цели.

Исходя из географии путешествия Пахомия с юга на север, наиболее вероятно, что сначала он оказался в Москве. В пользу этого предположения говорит и то, что, уехав из Новгорода на рубеже 1430-х – 40-х гг., он, по-видимому, сразу и надолго осел в Троице-Сергиевом монастыре, где тоже сразу получил заказ на Службу и Житие Сергия Радонежского²². Вероятно, Пахомий знал о монастыре раньше, а может быть, и успел побывать там до поездки в Новгород. Предполагаю, что кто-то должен был рекомендовать Пахомия новгородскому архиепископу. Пахомий мог иметь к Евфимию какое-то письмо, однако более вероятным представляется личное знакомство Евфимия с Пахомием во время пребывания архиепископа в Москве летом 1437 г. Известно, что весной 1437 г., после Пасхи, в Москву из Константинополя приехал новопоставленный митрополит Исидор и через несколько месяцев, летом того же года, новгородский владыка Евфимий отправился в Москву на встречу с ним [ПСРЛ 3: 419]. Время поездки Евфимия в Москву вполне соответствует предполагаемому времени появления Пахомия в Новгороде. Познакомившись с Пахомием в Москве, Евфимий мог пригласить его в Новгород написать тексты, посвященные Варлааму Хутынскому, Знамению и, возможно, поработать над новгородской летописью. Завершив работу по заказу Евфимия, Пахомий мог вернуться в Москву и обосноваться в Троице-Сергиевом монастыре.

Совпадение времени, когда Пахомий появляется в русских землях, с прибытием в Москву митрополита Исидора, позволяет поставить вопрос об их знакомстве. Допустимо предположить, что свое путешествие на Русь Пахомий совершил вместе с митрополитом Исидором, и тогда

²¹ Так, например, в предисловии к Житию архиепископа Евфимия и послесловии к Житию Саввы Вишерского Пахомий сообщает, что писал их по заказу новгородского архиепископа Ионы, а из предисловия к Житию Кирилла Белозерского узнаем, что в Кирилло-Белозерский монастырь Пахомий ездил для сбора сведений о жизни преподобного по поручению великого князя Василия Васильевича и митрополита Феодосия [Яблонский 1908: 80–81, 85, 95–96]. Карбасова отмечает, что свидетельства Пахомия о заказчиках текстов появляются только в более поздних его произведениях: Второй редакции Жития митрополита Алексея, Второй редакции Жития Варлаама Хутынского, Житии Саввы Вишерского, Житии Кирилла Белозерского [Карбасова 2017: 118].

²² Исходя из датировки списка Первой Пахомиевской редакции Жития Сергия Радонежского в рукописи *ТСЛ746*, Б. М. Клосс полагает, что Пахомий приехал в Троице-Сергиев монастырь уже в 1438 г. [Клосс 1998: 129, 161]. Эту дату, однако, ставит под сомнение В. А. Кучкин, который считает, что список *ТСЛ746* следует датировать не концом 1430-х гг., а примерно серединой 1450-х [Кучкин 2002: 100–101]. По-видимому, этот вопрос требует дополнительного исследования.

именно последний мог рекомендовать Пахомия новгородскому архиепископу. В рамках этой гипотезы мне видятся два варианта возможной связи Пахомия с Исидором: совместное путешествие на Русь с разными целями или служба Пахомия у митрополита.

Конечно, специфика миссии Исидора — его активная роль в проведении Ферраро-Флорентийского собора и заключении унии — заставляет задуматься о возможном идеологическом конфликте между Пахомием и митрополитом, что могло бы препятствовать их более или менее прочной связи. Особенно актуален вопрос об идеологической совместимости Пахомия и Исидора для второго варианта гипотезы — службы Пахомия у митрополита. Против идеологической совместимости или хотя бы терпимости Пахомия по отношению к задачам митрополита Исидора по организации военной помощи Константинополю ценой догматического примирения Восточной православной церкви с церковью Римской, как будто говорит афонское прошлое Пахомия. Большинство монастырей на Афоне, уже в 1430 г. занятом турками-османами, негативно относилось к идее унии и отказалось признавать буллу папы Евгения IV. Тем не менее, двое из трех афонских делегатов на Ферраро-Флорентийский собор — игумен Великой Лавры и настоятель Ватопедского монастыря — подписали ее [ПЭ 4: 117]. Учитывая, что Пахомий по неизвестным нам причинам с Афона уехал и даже не упоминал о нем в своей репрезентации в надписаниях в ранний период своего пребывания на Руси, его личная позиция могла быть какой угодно. Она могла также измениться со временем. Это обстоятельство стоит иметь в виду, поскольку исследователи атрибутируют Пахомию несколько текстов, где Ферраро-Флорентийский собор и митрополит Исидор выставлены в самом неприглядном свете.

Среди таких произведений два варианта Чуда «О прозвитере и о муже, бывших в Латинских странах», один из которых читается в Пространной редакции Жития Сергия Радонежского (редакции Е по В. Яблонскому [1908: 48]), составленной в XVI в. Духанина, опубликовавшая текст и исследование этой редакции Жития Сергия Радонежского, отмечает компилятивный характер Пространной редакции и пишет, что источник варианта Чуда «О прозвитере» в ней неизвестен [Духанина 2015: 62 и примеч. 60]. Другой вариант этого Чуда находим в редакции Жития Сергия, которая была обнаружена Б. М. Клоссом. Исследователь назвал ее «Третьей» редакцией и атрибутировал Пахомию [Клосс 1998: 129, 168]. Клосс также поддержал высказанную еще в 1878 г. гипотезу А. С. Павлова о том, что Пахомий был автором «Слова о составлении осьмаго собора» и «Слова избрана от святых писаний, еже на латыню» (далее — «Слово на латыню») [Павлов 1878: 99–102, 106–108]. В пользу

такой атрибуции Клосс приводит примеры лексических параллелей между «Словом на латыню» и «Третьей» редакцией Жития Сергия Радонежского, прежде всего, упомянутого выше Чуда «О прозвитере» [Клосс 2001: 158–160]. Вслед за этим А. А. Горский предположил, что Пахомий мог быть и автором краткой редакции «Слова избрана от святых писаний, еже на латыню», вошедшей в Московский великокняжеский свод 1479 г. [Горский 2003: 90]. Однако еще в 1995 г. Е. В. Белякова, тщательно сопоставившая содержание «Слова на латыню» и летописных повествований об обстоятельствах установления автокефалии русской церкви, отметила разную трактовку событий в этих текстах [Белякова 1995: 292]. Вызывают вопросы и аргументы, приводимые Павловым и Клоссом²³. Проблема авторства всех этих произведений требует более серьезного исследования, и в настоящий момент уверенность в атрибуции их Пахомию кажется преждевременной. Тем не менее, даже если будет доказано, что все эти тексты или хотя бы один из них принадлежат Пахомию, нельзя исключить, что его отношение к Исидору изменилось после возвращения митрополита с Ферраро-Флорентийского собора.

Итак, допустимо предположить, что Пахомий мог отправиться на Русь в составе свиты нового митрополита, получив при нем место

²³ Атрибуцию «Слова о съставлении осьмого собора» Павлов обосновывает, в частности, совпадениями с текстом Чуда «О прозвитере» из Жития Сергия Радонежского, известного А. С. Павлову по Пространной редакции и существенно отличающимся от текста Чуда в «Третьей» редакции, обнаруженной и опубликованной Клоссом. Все примеры лексических совпадений «Слова на латыню» с текстом Жития Сергия Радонежского, которые приводит Клосс, взяты только из «Третьей» редакции Жития Сергия, прежде всего из того же Чуда «О прозвитере», хотя есть примеры и из других текстов той же редакции [Клосс 2001: 159, 171, примеч. 32–39]. «Третью» редакцию Жития Клосс считает более ранней, чем редакции В и Д по В. Яблонскому, при этом датировка редакции 1442 г. у Клосса основывается исключительно на вольной интерпретации фрагмента из похвалы Сергию, завершающей то же самое Чудо «О прозвитере Семионе» (см. критику этого основания датировки Шибаевым [2006: 57]). Между тем, все самые ранние списки редакции, которые называет Клосс, относятся к 1530-м гг. Ни одного из приводимых им примеров нет в тексте автографа Жития Сергия Радонежского в *Соф. 1248*, где находится текст, близкий редакции В по Яблонскому, «Четвертой» по Клосу (описание и публикацию текста Жития Сергия по *Соф. 1248* см. в: [Шибаев 2008]). В редакции Д по Яблонскому («Пятая» по Клосу) в рассказе о нашествии Мамая перед словом «князь», которое относится к Дмитрию Донскому, вместо эпитета «великий» [*Соф. 1248*: л. 357] действительно появляется слово «великодржавный» [*ТСЛ762*: л. 113], но ни разу не используется слово «царь», как в «Третьей» редакции [Клосс 1998: 404]. Между тем, именно на якобы широком использовании этого слова Пахомием основывают свою атрибуцию А. С. Павлов [1878: 100–101] и Б. М. Клосс [2001: 159]. Неубедительно выглядит и аргумент Павлова о наличии «сербизмов» и необычных для русской литературы слов в тексте «Слова еже на латыню» [Павлов 1878: 102]. Тот же аргумент выдвигался А. А. Шахматовым в пользу атрибуции Пахомию Сербу Хронографа Русского [Шахматов 1899: 204], что не помешало позднейшим исследователям признать ее ошибочной и датировать сам хронограф XVI в. [Творогов 1989: 500].

логофета. Славянское происхождение Пахомия, его обученность книжному письму, владение церковно-славянским (хоть и в сербском изводе) и, вероятно, греческим языком²⁴ делало его подходящим кадром для канцелярии митрополита-грека. Одновременно мы получаем объяснение греческого названия должности. Прибыв вместе с Исидором в Москву весной 1437 г., Пахомий уже летом мог быть представлен архиепископу Евфимию. Он мог приехать в Новгород с Евфимием или чуть позже с Исидором, поскольку уже 9 октября того же года Евфимий торжественно встречал Исидора в Новгороде. Пробыв там почти два месяца, Исидор отправился в Псков и находился там семь недель, после чего уехал на Ферраро-Флорентийский собор [ПСРЛ 3: 419]. Не исключено, что Пахомий мог побывать с Исидором и в Пскове, но потом, по приглашению Евфимия или в качестве представителя митрополита, сохраняя свою должность логофета, мог вернуться в Новгород и, ожидая возвращения Исидора, заняться там составлением богослужебных текстов по заказу новгородского владыки²⁵. Должностью логофета при канцелярии действующего русского митрополита можно объяснить и отсутствие в текстах Пахомия конца 1430-х гг. упоминания о его афонском прошлом, поскольку в этот период определяющим для его положения в новгородском обществе был статус иеромонаха и логофета митрополита.

Время отъезда Пахомия из Новгорода тоже логично вписывается в дальнейшие действия митрополита Исидора. На основании приписки, оставленной Пахомием на л. 103об. в сборнике *ТСЛ180*, известно, что к 1442 или 1443 г., когда была сделана эта запись, Пахомий уже находился в Троице-Сергиевом монастыре. Таким образом, Пахомий мог вернуться в Москву в 1441 г., когда туда из Литвы приехал митрополит Исидор

²⁴ Гречизм «таха», который встречается в авторских подписях и надписаниях Пахомия, показывает его знакомство не только с богослужебными и другими церковными текстами, но и с греческой документацией (см. объяснение этого слова выше). Кроме того, Пахомию приписывается перевод с греческого так называемого Пророчества о судьбах «Семихолмного»: «Стиси хризизми. Надписание, начертано от неких святых прозорливых отец, изображено еллинска художества знамении и на мрамори ископано над гробом святого Константина, пръваго царя христианскаго, во граде Никомидийстем. Переведесе на руский язык от священноинока Пахомиа Святыя горы» [Прохоров 1989: 176].

²⁵ Мысль о том, что появление Пахомия на Руси как-то связано с Ферраро-Флорентийским собором уже высказывалась в литературе. Как пишет Турилов, несколько исследователей, в частности Дж. Сп. Радоичич, отождествляли Пахомия с его тезкой — игуменом афонского сербского монастыря Св. Павла, который участвовал в Ферраро-Флорентийском соборе. Турилов справедливо критикует эту гипотезу на том основании, что Пахомий никогда не называл себя игуменом или «бывшим игуменом» [Турилов 2009: 94]. Установленный на основании датировки трудов и автографов Пахомия факт его присутствия в Новгороде в конце 1430-х — начале 1440-х гг. является еще одним аргументом против такого отождествления.

[ПСРЛ 3: 421], или несколько раньше. Возможно, в ожидании приезда митрополита Пахомий жил в Троице-Сергиевом монастыре, где начал работу над Житием Сергия Радонежского. Однако дальнейшая судьба митрополита Исидора оставила Пахомия без покровителя и без работы. Тем не менее он не уехал из Московского княжества, но обосновался в Троице-Сергиевом монастыре. Причины называть себя логофетом у Пахомия теперь не было, и он перешел к использованию более традиционных для монашеских писателей и переписчиков формул, а свою идентичность стал выражать через упоминание о пребывании, а возможно также, пострижении и рукоположении, на Афоне, и через свое этническое происхождение. Учитывая новые обстоятельства, Пахомий, если он был в 1437 г. в свите Исидора, теперь мог избегать напоминания о своей связи с опальным митрополитом, отсюда предполагаемое умолчание об обстоятельствах его прибытия на Русь в послесловии к Житию архиепископа Евфимия.

* * *

Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что использование Пахომием прозвища Логофет ограничено временем и местом: это Новгород в конце 1430-х гг., и это ранние тексты, посвященные новгородским святыням — Варлааму Хутынскому и иконе Знамение. Зависимость использования прозвища Логофет от времени и места не позволяет связывать его с писательской или летописной деятельностью Пахомия, скорее приходится предполагать, что это была должность, которую он занимал. Возможно, используя это наименование, Пахомий имел в виду свою прежнюю службу у печского патриарха, как предположил Турилов, или это была должность, в которой он состоял в русских землях в конце 1430-х — начале 1440-х гг. либо при дворе новгородского архиепископа Евфимия II, либо на службе у митрополита Исидора. Предположение о том, что Пахомий мог быть принят Исидором на службу в качестве секретаря-переводчика, позволяет объяснить греческое название его должности и обстоятельства появления сербского книжника на Руси, его знакомство с архиепископом Евфимием и получение от него заказа на написание текстов, посвященных новгородским святыням. Однако следует еще раз отметить, что предложенное построение остается гипотезой, которая нуждается в подтверждении.

Таблица I

**Надписания и подписи Пахомия Сербя (Логофета)
в автографах и акростихи с его именем**

Надписания и подписи в автографах			
Дата	Запись	Текст	Рукопись ¹
до августа 1438	сѣноинока паѣмѣа логофета	Похвальное Слово Варлааму Хутынскому	Соф. 429, л. 49 ²
1438–1442	Твораніе сѣноинока пахомѣа логѡфета	1 канон Службы Знамению	Соф. 429, л. 161об. ³
1438–1442	логѡфета	2 канон Службы Знамению	Соф. 429, л. 162 ⁴
1437–1442	α̅ϥ паѣмѣа	Канон Службы Борису и Глебу	Соф. 429, л. 71 ⁵
1442–1443	Мнѣгѡгрѣшни и пѣсѣѣнегѡ пахѡмѣе въ лѣ̅̅ ѿ̅̅ ѿ̅̅	Слова Симеона Нового Богослова	ТСЛ180, л. 103об. ⁶
1440-е	сѣписано сѣноиноковѣ пахомѣемъ сѣа горы	Житие Сергия Радонежского	Соф. 1248, л. 329 ⁷
1440-е	Сѣа же азъ смѣрени таха їермонаха пахомѣе	Житие Сергия Радонежского	Соф. 1248, л. 374 ⁸
после нач. 1440-х ⁹	моѣ пахѡмѣиѡ	Апостол толковый	ТСЛ116, л. 167 ⁶
1458–1459	Сѣписана въ̅̅ [...] рѣкою послѣднаго въ сѣноиноцѣхъ таха їермонаха пахѡмѣа сербина въ лѣ̅̅ ѿ̅̅ ѿ̅̅	Псалтирь толковая	МДА23, л. 225об. ⁶

¹ Местоположение записи и цвет чернил указаны в примечании к шифру рукописи.

² На верхнем поле над заголовком, все киноварью того же оттенка, что и заголовок.

³ На нижнем поле, после знака сноски, инициал киноварью.

⁴ На правом поле, рядом с заголовком, инициал киноварью.

⁵ На правом поле, рядом с заголовком, все киноварью.

⁶ В конце текста, все киноварью.

⁷ На нижнем поле первого листа, все киноварью.

⁸ В тексте, авторское послесловие, инициал киноварью.

⁹ Точно датировать ту часть сборника, в которой находится Апостол, затруднительно. Идентифицированные Клоссом филигрны на бумаге, на которой Пахомий писал текст Апостола, имеют разброс в датировке от 1413–1442 г. (Литера А под крестом) и 1435–1438 г. (Голова единорога) до 1452–1456 г. (Змея). Сам Клосс датирует рукопись 1443–1445 гг. [Клосс 1998:173], что, как известно, уже вызвало возражения [Кучкин 2003]. Тем не менее, за исключением филигрны «Змея» (если Клосс верно ее идентифицировал), все остальные позволяют датировать список Апостола 1440-ми гг. или, во всяком случае, не раньше начала 1440-х гг.

Акrostихи канонов служб, известные в настоящее время в полном виде ¹⁰		
Дата	Акrostих	Текст
1460–1462 ¹¹	... рукою многогрешнаго Пахомия иже от Святыя Горы	каноны Службы Антонию Печерскому
после 1472 ¹²	... рук(о)ю многогрешнаго Пахомия сrbина ¹³	каноны Службы на перенесение мощей митрополита Петра
1470–1473 ¹⁴	... рукою многогрѣшнаго и непотребнаго си раба Пахомия сербина ¹⁵	каноны Службы Стефану Пермскому

Таблица II

**Примеры надписаний из текстов, атрибутируемых
Пахомию Сербу (Логофету), автограф которых не найден**

Дата	Надписание ¹⁶	Текст
не ранее 1440 ¹⁷	1) творение священноинока Пахомия ¹⁸ 2) творение ермонаха Пахомия Святыя Горы ¹⁹	Служба Сергию Радонежскому
не ранее 1440 ²⁰	творение Пахомия ермонаха иже от Святыя Горы ²¹	канон Службы Никону Радонежскому

¹⁰ Все известные акrostихи Пахомия были впервые названы еще Яблонским [Яблонский 1908: 172, 190, 193]. Здесь они цитируются в упрощенной орфографии по статье Духаниной [Духанина 2017: 94]. Возможно, некоторые акrostихи были утрачены в результате позднейших переделок служб. Так, например, Яблонский пишет, что в первоначальном варианте Службы митрополиту Ионе, возможно, был акrostих: [Яблонский 1908: 183].

¹¹ [Ibid.: 18, 172].

¹² [Ibid.: 192].

¹³ Яблонский и Седова указывают этот акrostих, но без последнего слова: [Ibid.: 193; Седова 1993: 132]. Слово «сrbина» обнаружил Спасский: [Спасский 1949/2008: 125].

¹⁴ Датировка дана по двум разным записям из Списков Службы Стефану Пермскому, которые цитирует Духанина [Духанина 2017: 94].

¹⁵ Духанина включает в акrostих слово «си», которого нет у Яблонского. Она цитирует акrostих по рукописи *Вяз. 10* (л. 126об.–127об.) [Ibid.: 94].

¹⁶ Надписания даются в упрощенной орфографии. Источники цитирования и упоминания в литературе даются в примечании к каждой записи.

¹⁷ Служба Сергию Радонежскому датируется временем после переезда Пахомия из Новгорода в Троице-Сергиев монастырь [Яблонский 1908: 16; Духанина 2015: 589]. Другой датировки в литературе нет.

¹⁸ *ТСЛ116*, л. 401об.

¹⁹ *Соф. 390*, л. 77 [Яблонский 1908: 154].

²⁰ Служба Никону Радонежскому датируется временем после переезда Пахомия из Новгорода в Троице-Сергиев монастырь. Яблонский считает, что она была написана до составления Жития Никона, которое он датирует 1450-ми гг. [Ibid.: 69–70, 162]. Другой датировки в литературе нет.

²¹ *Соф. 410*, л. 34. [Ibid.: 162].

Дата	Надписание	Текст
1455–1462 ²²	составлено [...] иерѣмонахом Пахомиемъ ²³	Вторая редакция Жития митрополита Алексея
1460-е ²⁴	... смиренны таха ерѣмонах Пахомие серѣбинъ, пришедъшу ми от Святыя Горы... ²⁵	послесловие к Житию архиепископа Евфимия
1460-е ²⁶	творение Пахомия иже от Святыя Горы ²⁷	канон Службы архиепископа Евфимию Новгородскому
1460-е ²⁸	смѣреннаго иермонаха Пахомия иже от Святыя Горы ²⁹	Похвальное Слово на Покров (надписание)
1460-е	... рукою грѣшнаго ермонаха Пахомия, иже от Святыя Горы сербина ³⁰	Похвальное Слово на Покров (постскрипtum)
1460-е ³¹	творение священноинока Пахомья ³²	канон Службы Савве Вишерскому
1463–1474 ³³	1) творение Пахомия иермонаха Святыя Горы ³⁴ 2) творение Пахомия сербина ³⁵	канон Службы Кириллу Белозерскому
1470–1473 ³⁶	1) сложил [...] ермонах Пахомии сербинъ ³⁷ 2) рукою многогрѣшнаго священноинока Пахомия, от Святыя Горы сербина ³⁸	Служба Стефану Пермскому

²² [Карбасова 2017: 118].

²³ Солов. 518, л. 258об.–259 [Яблонский 1908: 75]. Там же В. Яблонский приводит еще один вариант надписания с тем же самоназванием.

²⁴ [Яблонский 1908: 82–83].

²⁵ Погод. 851, л. 358об. [Яблонский 1908: 81].

²⁶ В. Яблонский предполагает, что Служба архиепископу Евфимию была написана Пахомием тогда же, когда и Житие [Яблонский 1908: 169]. Другого мнения в литературе нет.

²⁷ Солов. 518, л. 81об. Надписание указано впервые Яблонским, но процитировано у него по более позднему списку [Яблонский 1908: 170].

²⁸ [Яблонский 1908: 127].

²⁹ КБ19, л. 1 [Яблонский 1908: 127]. Шибаев полагает, что это надписание в КБ19 могло быть скопировано с какого-то автографа Пахомия [Шибаев 2013: 290, 292].

³⁰ КБ19, л. 9 [Яблонский 1908: 127].

³¹ Яблонский предположил, что Службу Савве Вишерскому Пахомий написал во время «вторичного пребывания в Новгороде» [Яблонский 1908: 181].

³² Солов. 518, л. 161об.–162 [Яблонский 1908: 180].

³³ [Яблонский 1908: 177].

³⁴ КБ158, л. 257.

³⁵ РГИА-803, л. 67 [Яблонский 1908: 174].

³⁶ Датировка дана по двум разным записям из списков Службы Стефану Пермскому, которые цитирует Духанина. Одну из них указывает Яблонский [1908: 189–190]. Записи не являются авторскими, но, по мнению Духаниной, даты в записях и указания исторических лиц, при которых была составлена Служба Стефану Пермскому, скорее всего соответствуют реальным [Духанина 2017: 94].

<i>после 1472</i> ³⁹	1) творение ермонаха Пахомья сербина иже от Святыя Горы ⁴⁰ 2) творение тарха ⁴¹ ермонаха Святыя Горы, Пахомия ⁴² 3) творение негли ⁴³ иеромонаха Святыя Горы, Пахомия ⁴⁴	канон Службы Михаилу Черниговскому
<i>не ранее 1484</i> ⁴⁵	творение Пахомия сербина ⁴⁶	Житие архиепископа Моисея

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва), Отдел рукописей и старопечатных книг

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва), Отдел рукописей

РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург), Отдел рукописей

СПБНИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Библиография

Источники

Рукописи

Вяз. 10

РНБ, собр. П. П. Вяземского, Q, № 10, Сборник житий святых, кон. XV — нач. XVI в.

Егор. 921

РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 921, Сборник, XVI в.

КБ19

РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 19/1258, Минея четья на октябрь («Ветшаная минея»), посл. четв. XV в.

³⁷ РГИА-582, л. 272 об. Запись упоминается А. И. Никольским, Яблонским, Спасским [Духанина 2017: 94].

³⁸ *Увар. 184*, л. 365 [Духанина 2017: 94].

³⁹ [Духанина 2015: 589].

⁴⁰ *Солов. 518*, л. 15–15об.

⁴¹ Типичная ошибка, встречающаяся в рукописях. Должно быть: «таха». Есть также вариант «тара». У Яблонского указан также вариант такого же надписания, но без этого слова [Яблонский 1908: 185].

⁴² *КБ445*, л. 124об. [Яблонский 1908: 185].

⁴³ Спасский указывает, что это слово означает «как будто» [Спасский 1949/2008: 421, прим. 1]. И. И. Срезневский приводит два примера из Ефремовской Кормчей, где словом «некли» («некъли») переведено греческое слово *τάχα* [Срезневский 1895, 371–372]. Возможно, в этом варианте надписания это перевод слова «таха» из надписания того же канона, помещенного здесь под № 2.

⁴⁴ [Спасский 1949/2008: 421].

⁴⁵ [Ключевский 1871: 148–149].

⁴⁶ *Соф. 460*, л. 265 [Яблонский 1908: 105].

КБ158

РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 158/415, Канонник, XVI–XVII вв.

КБ445

РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 445/702, Трефологий, XVI в.

МДА23

РГБ, ф. 173.1 (собр. библиотеки Московской Духовной Академии), № 23, Псалтирь толковая и Евангелие толковое, конец 1450-х гг.

Погод. 851

РНБ. Погод. 851, Сборник житий и служб, сер. XVI в.

РГИА-582

РГИА. Ф. 834. Оп. 1. № 582, Сборник богослужебный, кон. XV — нач. XVI вв.

РГИА-803

РГИА. Ф. 834. Оп. 1. № 803, Сборник избранных служб, XVI в.

РНБ-996

РНБ. Q. I. № 996, Сборник агиографический, XVI в.

Солов. 518

РНБ. Соловецкое собр. № 518/537, Минея новым чудотворцам, 1494 г.

Соф. 191

РНБ, Софийское собр., № 191, Служебная минея на ноябрь, 1438 г.

Соф. 390

РНБ, Софийское собр., № 390, Трефолой, нач. XVI в.

Соф. 410

РНБ, Софийское собр., № 410, Сборник служб русским святым, втор. пол. XV в.

Соф. 429

РНБ, Софийское собр., № 429, Сборник-конволют, кон. 30-х — нач. 40-х гг. XV в.

Соф. 460

РНБ, Софийское собр., № 460, Сборник агиографический новгородский, нач. XVII в.

Соф. 1424

РНБ, Софийское собр., № 1424, Сборник, втор. пол. XVI в.

ТСЛ116

РГБ, ф. 304.1 (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 116, Апостол толковый с прибавлениями. XV в.

ТСЛ180

РГБ, ф. 304.1 (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 180, Симеона Богослова и аввы Дорофея книги с прибавлениями, 1443–1445 гг.

ТСЛ746

РГБ, ф. 304.1 (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 746, Сборник, XV в.

ТСЛ762

РГБ, ф. 304.1 (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 762, Сборник, XV в.

Увар. 184

ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 184, Службы славянским и русским святым, нач. XVI в.

Издания

ПСРЛ 3

Полное собрание русских летописей, 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва, 2000.

Соф. 1248

РНБ, Софийское собр., № 1248, Сборник-конволют, 40-е–50-е гг. XV в.; описание и публикация текста Жития Сергия Радонежского: [Шибяев 2008: 290–319].

СПБII-310

Архив СПБII РАН, Колл. 238. Оп. 1, № 310, Сборник, посл. четв. XVI в.; по изд.: [Гордиенко 2010].

Литература

Абеленцева 2009

Абеленцева О. А., *Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви*, Москва, С.-Петербург, 2009.

——— 2010

Абеленцева О. А., Археографическое описание сборника Архив СПБII РАН. Колл. 238. Оп. 1. № 310, Э. А. Гордиенко, *Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житиях и мистериях XII–XVI вв.*, Москва, С.-Петербург, 2010, 219–224.

Белякова 1995

Белякова Е. В., Учреждение автокефалии русской церкви в политической мысли XV–XVI вв., *Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. IX Международный Семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» (Москва, 29–31 мая 1989 г.)*, Москва, 1995, 288–302.

Бобров 2001

Бобров А. Г., *Новгородские летописи XV в.*, С.-Петербург, 2001.

Бобров, Введенский 2017

Бобров А. Г., Введенский А. М., Летопись Авраамки: проблемы изучения, *Русская литература*, 4, 2017, 126–142.

Вздорнов 1968

Вздорнов Г. И., Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв., *Труды Отдела древнерусской литературы*, 23, Ленинград, 1968, 171–198.

Гордиенко 2010

Гордиенко Э. А., *Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житиях и мистериях XII–XVI вв.*, Москва, С.-Петербург, 2010.

Горский 2003

Горский А. А., Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х гг. XV века, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4 (14), 2003, 87–93.

Дмитриев 1973

Дмитриев Л. А., *Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.*, Ленинград, 1973.

Духанина 2015

Духанина А. В., подг. текста, сост, комм., *Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция)*, Москва, Брюссель, 2015.

——— 2017

Духанина А. В., Атрибуция Пахомию Сербу старшего проложного Жития Стефана Пермского, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4 (70), 2017, 93–106.

Карбасова 2016

Карбасова Т. Б., Цикл текстов, посвященных Варлааму Хутынскому, в Минее Софийского собрания № 191, *Очерки феодальной России*, 19, Москва, С.-Петербург, 2016, 3–57.

——— 2017

Карбасова Т. Б., Пахомий Серб в работе над Агиографическим циклом митрополита Алексея, *Сборник в честь В. К. Зиборова* (= Опыты по источниковедению, 5), С.-Петербург, 2017, 106–151.

——— 2018

Карбасова Т. Б., Похвальное Слово Варлааму Хутынскому и его источники, *Вестник церковной истории*, 3/4 (51/52), 2018, 5–28.

Карбасова et al. 2019

Карбасова Т. Б., Левшина Ж. Л., Шибаев М. А., Житие Варлаама Хутынского в автографе Пахомия Серба, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 66, С.-Петербург, 2019, 171–196.

Клосс 1998

Клосс Б. М., *Избранные труды*, 1: *Житие Сергия Радонежского. Рукописная традиция. Жизнь и чудеса. Тексты*, Москва, 1998.

——— 2001

Клосс Б. М., *Избранные труды*, 2: *Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков*, Москва, 2001.

Ключевский 1871

Ключевский В. О., *Древнерусские жития святых как исторический источник*, Москва, 1871.

Кучкин 2002

Кучкин В. А., О древнейшем списке Жития Сергия Радонежского, *Поволжье и сопредельные территории в Средние века* (= Труды Государственного исторического музея, 135), Москва, 2002, 96–107.

——— 2003

Кучкин В. А., Антиклоссицизм, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4 (14), 2003, 106–109.

Некрасов 1871

Некрасов И., *Пахомий Серб, писатель XV века*, Одесса, 1871.

Павлов 1878

Павлов А. С., *Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян*, С.-Петербург, 1878.

Прохоров 1989

Прохоров Г. М., Пахомий Серб, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2: *Вторая половина XIV – XVI в., 2: Л–Я*, Ленинград, 1989, 167–177.

ПЭ 4

И. В. Т., Афон, *Православная энциклопедия*, 4, Москва, 2002, 103–122.

Седова 1993

Седова Р. А., *Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси*, Москва, 1993.

Спасский 2008

Спасский Ф. Г., Акrostихи и надписания канонических русских миней, *Idem, Русское литургическое творчество*, Москва, 2008, 403–433.

Срезневский 1895

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам*, 2, С.-Петербург, 1895.

Творогов 1989

Творогов О. В., Хронограф Русский, *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2: Вторая половина XIV – XVI в., 2: Л–Я, Ленинград, 1989, 499–505.

Турилов 2009

Турилов А. А., Культурные связи Московской Руси и Сербии в XIV–XVI вв., *Москва – Сербия. Белград – Россия: Сборник документов и материалов*, 1: Общественно-политические связи XVI–XVIII вв., Москва, Белград, 2009, 78–115.

— 2012

Турилов А. А., Восточнославянская книжная культура конца XIV – XV в. и «второе южнославянское влияние», Idem, *Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики*, Москва, 2012, 519–555.

Шахматов 1899

Шахматов А. А., Пахомий Логофет и хронограф, *Журнал Министерства народного просвещения*, 1 (321), 1899, 200–207.

Шварц 1989

Шварц Е. М., *Новгородские рукописи XV в.: Кодикологическое исследование рукописей Софийско-Новгородского собрания ГПБ*, Москва, Ленинград, 1989.

Шибает 2006

Шибает М. А., Житие Сергия Радонежского и Новгородско-Софийский свод, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1 (23), 2006, 53–58.

— 2008

Шибает М. А., Авторский вариант Жития Сергия Радонежского, *Труды Отдела древнерусской литературы*, 58, С.-Петербург, 2008, 290–319.

— 2012

Шибает М. А., Владимирский полихрон и Новгородско-Софийский свод, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2 (48), 2012, 83–95.

— 2013

Шибает М. А., *Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века. Историко-кодикологическое исследование*, Москва, С.-Петербург, 2013.

Яблонский 1908

Яблонский В., *Пахомий Серб и его агиографические писания*, С.-Петербург, 1908.

References

Abelentseva O. A., *Mitropolit Iona i ustanovlenie avtokefalii Russkoi tserkvi*, Moscow, St. Petersburg, 2009.

Abelentseva O. A., Arkheograficheskoe opisanie sbornika Arkhiv SPbII RAN. Koll. 238. Op. 1. № 310, E. A. Gordienko, *Varlaam Khutynskii i arkhiepiskop Antonii v zhitiiax i misteriiakh XII–XVI vv.*, Moscow, St. Petersburg, 2010, 219–224.

Belyakova E. V., Uchrezhdenie avtokefalii russkoi tserkvi v politicheskoi mysli XV–XVI vv., *L'eredità romano-co[n]stantinopolitana nella Russia medioevale: idea del potere e pratica politica*, IX Mezhdunarodnyi Seminar istoricheskikh issledovanii "Ot Rima k Tre'temu Rimu" (Moskva, 29–31 maia 1989 g.), Moscow, 1995, 288–302.

Bobrov A. G., *Novgorodskie letopisi XV veka*, St. Petersburg, 2001.

Bobrov A. G., Vvedensky A. M., Avraamka's Chronicle: Research Issues, *Russian Studies in Literature*, 4, 2017, 126–142.

Gordienko E. A., *Varlaam Khutynskii i arkhiepiskop Antonii v zhitiiax i misteriiakh XII–XVI vv.*, Moscow, St. Petersburg, 2010.

Gorskiy A. A., Pakhomii Serb i velikokniazheskoe letopisanie vtoroi poloviny 70-kh gg. XV veka, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 4 (14), 2003, 87–93.

Dmitriev L. A., *Zhitiinye povesti Russkogo Severa kak pamiatniki literatury XIII–XVII vv.*, Leningrad, 1973.

Dukhanina A. V., ed., *Zhitie Sergiia Radonezhskogo (Prostrannaia redaktsiia)*, Moscow, Brussels, 2015.

Dukhanina A. V., Ascription of the Stephan the Perm prolog life to Pachomius Logothetes, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 4 (70), 2017, 93–106.

Karbasova T. B., Tsikl tekstov, posviashchennykh Varlaamu Khutynskomu, v Minee Sofiiskogo sobraniia № 191, *Ocherki feodal'noi Rossii*, 19, Moscow, St. Petersburg, 2016, 3–57.

Karbasova T. B., Pakhomii Serb v rabote nad Agiograficheskim tsiklom mitropolita Alekseia, *Sbornik v chest' V. K. Ziborova* (= Opyty po istochnikovedeniiu, 5), St. Petersburg, 2017, 106–151.

Karbasova T. B., Encomium on Barlaam of Khutyn and its sources, *Vestnik tserkovnoi istorii*, 3/4 (51/52), 2018, 5–28.

Karbasova T. B., Levshina Zh. L., Shibaev M. A., Pachomius the Serb's Autograph of the Life of Barlaam of Khutyn, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 66, St. Petersburg, 2019, 171–196.

Kloss B. M., *Izbrannye trudy*, 1: *Zhitie Sergiia Radonezhskogo. Rukopisnaia traditsiia. Zhizn' i chudes. Teksty*, Moscow, 1998.

Kloss B. M., *Izbrannye trudy*, 2: *Ocherki po istorii russkoi agiografii XIV–XVI vekov*, Moscow, 2001.

Kuchkin V. A., O drevneishem spiske Zhitia Sergiia Radonezhskogo, *Povolzh'e i sproved'nye territorii v srednie veka* (= Proceedings of State historical museum, 135), Moscow, 2002, 96–107.

Kuchkin V. A., Antiklossitsizm, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 4 (14), 2003, 106–109.

Sedova R. A., *Sviatitel' Petr mitropolit Moskovskii v literature i iskusstve Drevnei Rusi*, Moscow, 1993.

Shvarts E. M., *Novgorodskie rukopisi XV v.: Kodikologicheskoe issledovanie rukopisei Sofiisko-Novgorodskogo sobraniia GPB*, Moscow, Leningrad, 1989.

Shibaev M. A., Zhitie Sergiia Radonezhskogo i Novgorodsko-Sofiiskii svod, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 1 (23), 2006, 53–58.

Shibaev M. A., Avtorskii variant Zhitia Sergiia Radonezhskogo, *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 58, St. Petersburg, 2008, 290–319.

Shibaev M. A., Vladimirsky Polychron and Novgorod-Sofiiskiy Code, *Old Russia. The Questions of Middle Ages*, 2 (48), 2012, 83–95.

Shibaev M. A., *Rukopisi Kirillo-Belozerskogo monastyrja XV veka. Istoriko-kodikologicheskoe issledovanie*, Moscow, St. Petersburg, 2013.

Spasskii F. G., Akrostikhi i nadpisaniia kanonov russkikh minei, Idem, *Russkoe liturgicheskoe tvorchestvo*, Moscow, 2008, 403–433.

Turilov A. A., Kul'turnye svyazi Moskovskoi Rusi i Serbii v XIV–XVI vv., Moscow – Serbia, Belgrade – Russia. A collection of documents, 1: *Obshchestvenno-politicheskie svyazi XVI–XVIII vv.*, Moscow, Belgrade, 2009, 78–115.

Turilov A. A., Vostochnoslavianskaia knizhnaia kul'tura kontsa XIV – XV vv. i "vtoroe iuzhno-slavianskoe vliianie", Idem, *Mezhslavianskie kul'turnye svyazi epokhi srednevekov'ia i istochnikovedenie istorii i kul'tury slavian*, Moscow, 2012, 519–555.

Vzdornov G. I., Rol' slavianskikh monastyrskikh masterskikh pis'ma Konstantinopolia i Afona v razvitii knigopisaniia i khudozhestvennogo oformleniia russkikh rukopisei na rubezhe XIV–XV vv., *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 23, Leningrad, 1968, 171–198.

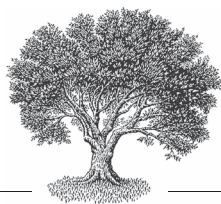
Зоя Николаевна Исидорова, независимый исследователь

С.-Петербург

Россия / Russia

zoe.isid@gmail.com

Received September 3, 2019

Храна и аксиология според два текста в молдовски сборник *Ms.Slav. BAR 649* от XVI век*

**Марияна Цибранска-
Костова**

Институт за български език, БАН
София, България

Пища и аксиология в двух текстах молдавского сборника *Ms.Slav. BAR 649*, XVI века

**Марияна Цибранска-
Костова**

Институт болгарского языка БАН
София, Болгария

Резюме

Статията разглежда два диетични календара с псевдоатрибуция на цар Соломон в молдовския Тулчански сборник, XVI век, от Библиотеката на Румънската академия в Букурещ. Техният оригинален текст на стара кирилица се възпроизвежда за пръв път. Авторката си поставя задачата да изведе семантиката на хранителните предписания като проява на аксиологични критерии на средновековния човек, повлияни от медицински, естественонаучни, предсказателни, битови познания и практики, както да проследи езиковите особености и функцията на текстовете. Един немаловажен въпрос е как техният жанр и тематика ги вписват в състава на сборници със смесен състав от типа „монашески енциклопедии“. Затова с особено внимание се

* Това изследване се осъществява по Проект ДО 02/5 от 24.07.2018 „Езикова и етнокултурна динамика на традиционните и нетрадиционни ценности в славянския свят“ в рамките на Програмата ERA.Net.RUS Call 2018 (проект #472–LED–SW).

Цитиране: Цибранска-Костова М. Храна и аксиология според два текста в молдовски сборник *Ms. Slav. BAR 649* от XVI век // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 140–162.

Citation: Tsibranska-Kostova M. (2019) Food and Axiology According to Two Texts in the 16th century Moldavian miscellany *Ms.Slav. BAR 649*. *Slověne*, Vol. 8, № 2, p. 140–162.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.5

разисква жанровата им специфика и отношението към типове храни като амалгама от антични медицински представи и средновековни рационални схващания, които, за разлика от други текстове, не се ръководят от нормите на християнския култ и поста. Изразява се хипотеза за принципите на компилацията и ролята на антропонима Соломон като свързващ елемент в различни части на сборника. Обособяването на локален молдовски тип сборници със смесен състав, към който принадлежи *BAR 649*, позволява да се проследи как се съхраняват забележителни произведения на среднобългарската книжнина, как се наследява и продължава културата на сборниците, характерна през XIV–XV в. за Балканите.

Ключови думи

Тулчански сборник, диетични календари, аксиология на храната

Резюме

В статията разглеждат се два диетически календара с псевдоатрибуцией царя Соломона в молдавском Тулчанском сборнике XVI века из Библиотеки Румынской Академии в Бухаресте. Тексты воспроизводятся в первый раз в оригинале на старой кириллице. Автор ставит перед собой задачу выявить семантику диетических предписаний как проявление аксиологических критериев средневекового человека под влиянием медицинских, естественнонаучных, прогностических, повседневных знаний и практик, а также проанализировать языковые особенности и функции текстов. Важным вопросом является то, как их жанр и содержание вписываются в сборники смешанного состава типа монашеских энциклопедий. Поэтому особое внимание уделяется их жанровой специфике и отношению к пище. Здесь усматривается смешение античных медицинских представлений и средневековых рациональных концепций, которые, в отличие от других текстов, не регулируются нормами христианского культа и поста. Выражается гипотеза о принципах компиляции и роли антропонима Соломон в качестве связующего элемента в разных частях сборника. Формирование локального молдавского типа сборников смешанного состава, к которому относится *BAR 649*, позволяет проследить, как сохранились замечательные произведения среднобългарской литературы, как унаследована и продолжена культура сборников, характерная для XIV–XV веков на Балканах.

Ключевые слова

Тулчанский сборник, диетические календари, аксиология пищи

Ръкопис *BAR Ms. slav. 649* (нататък *BAR 649*) от втората четвърт на XVI в., известен като Тулчански сборник, или сборник на Манчо Джуджов от Панагюрище¹, може с пълно право да се нареди сред най-зна-

¹ Наречен е Тулчански, защото е намерен от И. Богдан в българското читалище „Съгласие“ в румънския град Тулча в Северна Добруджа; негов притежател през XIX век е панагюрецът Манчо Джуджов, който оценява ръкописа като истинска находка, както личи от оставените думи: „Боже, старобългарска ръкописна летопис и други разни...“. Притежателят е оставил пространни записи с факти

чимите притежания в богатата ръкописна сбирка на Библиотеката на Румънската академия на науките. Дългоочакваната поява на третия том от Описа на сбирката на П. Панаитеску, допълнен и осъвременен от З. Михаил, го прави още по-интересен за широката научна аудитория, защото заслужено му отрежда доста пространно научно описание [Catalogul 2018: 64–68]. Ценността на ръкописа е преди всичко в поместения в него Тулчански препис от среднобългарския превод на Манасиевата хроника [Яцимирский 1905: 839–842; Велинова 2013: 18; Bogdan 1922; Лихачев et al. 1988: 90–94; Mircea 2005: 129]. Може само да се съжалева, че актуализацията на библиографията в Описа не е направена последователно и редица приноси към историята на самия сборник и към отделни текстове в състава му не са цитирани в справочния апарат. Описанието обаче дава представа за един типичен молдовски сборник конволют, компилиран от разнообразни източници, сред които водещата роля на среднобългарската книжовна традиция трудно би могла да бъде оспорена [най-актуален коментар и типологизация на *BAR 649* у Miltenova 2018: 112–114, 132]. Установено е, че той се състои от две различни части. Първата на ff. 2–47 (ff. 2–36 и ff. 37–47 са подвързани в обратен ред) на пръв поглед няма център и обема общо 17 разножанрови текста, изписани с два различни почерка: богат апокрифен раздел, въпросо-ответни фрагменти от св. Атанасий Александрийски и особено интересен препис на известния антилатински полемичен текст *Прение на Панагийот с Азимит*, който започва със сатирично въведение за Михаил Палеолог [Mircea 2005: 186; Деминцев 2015]. Отделни текстови единици от тази първа част, като Атанасиевият фрагмент, са изписани с почерк, много напоящ този на преписвача на Манасиевата хроника. Едно бъдещо прецизно палеографско-кодикологично изследване би могло да се произнесе по-категорично върху тази, засега само хипотеза. Втората част на ръкопис *BAR 649* (ff. 48–246) също е с разнообразен състав, но се оформя особен фокус около хронографското изложение на всемирната история не само заради присъствието на препис на Манасиевата хроника, но и заради молдовски летопис с хронология от 1359 до 1506 г., въведен в обращение от И. Богдан под името Летописец от Бистрица [Bogdan 1895: 34–48 издание на оригиналния текст; 49–78 превод на румънски и бележки]. Подобни летописи се съдържат и в други сборници с молдовски произход от същата епоха [Deletant 1980: 7–8; Kulhavý 2014: 36]. При това съвременните дескриптори отбелязват факта, че и двете съставни части на конволюта по водни знаци на хартията

от семейната история. И. Богдан е първият, който прави описание на ръкописа, въведен под името *Codicele dela Tulcea* в знаменитото му изследване от 1895 г. [Bogdan 1895: 4–11].

се датират от първите две десетилетия на XVI в., долна граница 1505 и горна 1516 г. [Лихачев et al.. 1988: 90], което би могло да означава, че в настоящия си вид компилацията е събрана на едно място съзнателно, а не случайно, за удовлетворяване на определени нужди на засега неустановен манастирски скрипторий. Молдовската книжнина и особено тази от манастира Нямц, пример за която е и сборник *BAR Ms. slav 636* в същото книгохранилище, доказва, че в продукцията от сборници през първата половина на XVI в. се включват образци от антологичен тип, от типа *монашески енциклопедии*, с необичайно богато съчетание на догматически, юридически, историко-хронографски, антиеретически, общоморализаторски и апокрифни съчинения. Някои от тях имат известни поръчители и изпълнители [за *BAR Ms. slav 636* вж. Билярски, Цибранска-Костова 2015]. Съставите на сборниците оправдават една основна идейна тенденция в княжеството през целия XVI в. — политическо укрепване и утвърждаване на властта посредством борбата с всякакви еретически отклонения. Това е трайна характеристика в политиката на молдовските владетели [Joudiou 2002; Crăciun 2003–2004], защото географско-териториалната близост на Молдова с католически страни, като Полша, Литва, Унгария, и заплахата от османската власт са обективни фактори, изострящи необходимостта от „сплотяване на православните сили“ и „утвърждаване на православието като господстваща идеология в Молдавия“ [Русев, Давидов 1966: 13, 20]. Към същата комплексна цел обаче, косвено или пряко, са насочени и други текстове, в които основен предмет е всекидневният живот на християнина.

Вниманието ми в следващите редове ще бъде насочено към два кратки текста от *BAR 649* със следните оглавления: ѿ прѣмѣдрѣсти соломѣна. ѡуказъ како ѡсти въ вса мѣа: ѿ дръгое прѣмѣдрѣсти соломѣнѣ. аще хѡщеши члѣе. зрѣвъ бити. Те са поместени на ff. 28r–28v, непосредствено преди популярен вариант на провиденциална литература без оглавление, който съдържа елементи на Гръмник и Трусник (Сеизмологион) със Зодиак. Именно той е по-обемният текст на листовите от 28v до началото на следващата текстова единица на f. 31r. Няма пряка връзка с предходните текстове. Досега не е открояван в съществуващите описи на Тулчанския сборник. Тази важна корекция на досегашните описания за пръв път е предложена от авторите на електронния сайт *Repertorium of Old Bulgarian Literature and Letters* [нататък Реперториум]. Тук, наред с изследваните два текста от *BAR 649*, се посочват още два южнославянски ръкописа, насочващи към първия от тях. Единият е небезизвестният Тиквешки сборник от XV в. (понастоящем в Националната библиотека „Св. Св. Кирил и Методий“ в София, *НБКМ 677*), голяма част от който е издадена в оригинал от Начо Начов [Начов 1892–1894]

и подложена на различни преводи и изследвания [Илиева и др. 2010]. Тиквешкият сборник съдържа само първата текстова единица на f. 1–2, но тъй като хартията на това място е повредена, Начов не успява да разчете цялостен текст и говори за „откъслек“ от отделни срички и думи, условно наречен от него „правила за живота“ [Начов 1894: 94–95]. Не е възстановено и оглавлението. В Реперториума същата текстова единица е въведена под заглавието *Правила за живота през 12-те месеца*. Разчетени са следните изречения за инципит и експлицит: Начало: Мѣа сѣтврѣа на чтѣ втро прѣз все годѣ. мѣа вктѣврѣа и маенѣа глави; Край: Мѣа августа ..щина свѣра не нажѣ. топла ѣстива варѣи се. то и все съблюди и не бои се єзе ницю.. Вторият сравнителен препис в Реперториума е от Призренския сборник от третата четвърт на XVI в., ръкопис Rs 36 в Белградската народна библиотека². В него отново е налице само първият фрагмент в съвършено различна текстова среда [Штавланин-Ђорђевић и др. 1986: 68–72, ff. 3v–5r]. Оглавление: А се вт прѣмудрости Соломона єже како развирати ѣстѣа.. Инципит: мѣць сѣктврѣа ѣди и пи млеко...; Експлицит: или очиболѣж втѣ находа. От казаното дотук следва изводът, че първият текстов фрагмент от BAR 649 познава редакционни различия. Текстовете от BAR 649 досега не са публикувани в оригинал. Още през 1994 обаче А. Милтенова и А. Кирилова ги включват в новобългарски превод в антологията от средновековни лековници и амулети [Милтенова, Кирилова 1994: 27–28, 129]. Използвани и коментирани са и в други изследвания [СтбЛ 1992: 22; Георгиев 2015: 136; Чолова 1988: 288].

Основните ми цели в настоящата публикация са не само едичионни, но и следните две:

1. Да изведе семантиката на хранителните предписания като проява на аксиологични критерии на средновековния човек, повлияни от медицински, естественонаучни, предсказателни, битови познания и практики.

2. Да проследя езиковите особености и функцията на текстовете и да отговоря на въпроса как техният жанр и тематика ги вписват в състава на сборници със смесен състав от типа „монашески енциклопедии“. Теоретичното разглеждане на терминологията и комплекса текстови и структурни маркери, които обуславят класификацията на сборниците със смесен състав на Балканите, излиза от рамките на настоящата статия. Най-нови виждания по тези въпроси се излагат в цитираната книга на А.Милтенова [Miltanova 2018: 23, 131–146].

² За възможността да ползвам микрофилм от интересуващите ме листове на този ръкопис, притежание на Библиотеката на Българската академия на науките, изразявам признателност на проф. А. Милтенова.

1. Текстовете в *BAR 649*

BAR 649, f. 28r-v. ѿ прѣмѣдрѣсти соломѣна. оуказъ како ѣсти въ вса мѣа:~
 се. Вѣкоушаи мѣко на глѣднѣ ѣтробѣ и вѣрачуетъ та ѿ дни, прѣзъ вѣсѣ
 гѣнѣ. ѿ. Вароуи са бана и мѣенѣ глѣвы, понѣ зачнетъ са въ тебѣ вѣога. и нежиты
 до годинѣ вѣбѣѣтъ са въ тебѣ. нѣ. Вароуи са лоука чеснѣвата. на третѣхъ
 годинѣ сипѣнѣа бѣдѣ или гѣбы ѣвѣтъ са. дѣ. Вароуи са зелѣа кѣпоустѣ. дѣ на
 лѣто ѿгнѣнѣ ѣзѣ не имаши, и трѣскѣ. гѣ. Вѣно на глѣднѣ ѣтробѣ вѣкоушаи
 да зѣи вѣтри тобоѣ не ѣбѣѣтъ за годинѣ. фѣ. Съ ѿцѣтомъ вѣсѣко варенѣ
 вѣкоушаи. и добро ти бѣдѣ. Сѣнь свои не скажи, на зѣо ти бѣдѣ. мѣ. Вароуи
 са рѣпы дѣ не зѣаѣ ѣза въ тебѣ зѣчнетъ са. и пѣтои година ѣбѣѣтъ са. ар.
 маи. Вароуи са ноги и глѣвы дѣ не срѣнаѣ ѣза. за двѣ годинѣ ѣбѣѣтъ са въ
 тебѣ. юнѣ. Вѣдѣ пѣи на глѣднѣ ѣтро и вѣрачуетъ та ѿ вѣсѣго. и вѣно съ вѣдоѣ пѣи
 да не дропы ѿкасаѣ. ѣоунѣ. (sic!). Вароуи са топлаѣ ѣстѣа и ѣпѣнѣѣвши ѣжѣ,
 да не ѿгнѣнѣа до бѣдѣши (вероятно от прил. огнѣнѣнъ и да бѣдѣши). аггѣ.
 вѣоцѣа свѣра не ѣжѣ. нѣ цѣо либо ѿ вѣра ѣжѣ и топла ѣстѣа вароуи са, тѣ вѣсѣ
 събѣѣ, чѣѣ, не бои са никѣѣ ѣзѣ:~³.

ѿ дѣругѣ прѣмѣдрѣсти соломѣнѣ. ѣще хѣѣѣши чѣѣ. зѣавѣ бити
 Мѣа гѣнарѣ. ѣ. днѣ. Вѣно бѣзвѣдно испи на начтѣ сѣѣѣ. Мѣа фѣвѣрѣа
 цѣкѣа не ѣжѣ. Мѣа мѣрта. слѣка ѣжѣ. и пѣи. Мѣа априлѣ. рѣпѣа не ѣжѣ. Мѣа
 маѣа ноги и глѣвѣ не ѣжѣ ѿвѣа. Мѣа юнѣа кѣта ютра вѣдѣ пѣи. начтѣ сѣѣѣ. Мѣа
 юлѣа кѣ женѣ дѣ се не прикоснѣши. Мѣа аѣта зелѣнѣа и слѣзѣна дѣ не ѣси. ѣ кѣрѣ
 пѣсти. Мѣа сѣтѣврѣа. сѣра мѣко испи начтѣ сѣѣѣ. Мѣа ѿктѣврѣа прѣза не не ѣжѣ.
 Мѣа нѣѣврѣа въ бѣа дѣ не вѣлѣзиѣшѣ. Мѣа дѣѣврѣа. бѣла зелѣа не ѣждѣ:~

1.1. *Оглавлението.* Разбира се, Премъдрост Соломонова в настоящите примери е псевдоепиграф, който цели да натовари прескрипциите с авторитета на едноименната книга от Стария Завет [Библия 1982: 755–772]. В старозаветния библейски текст премъдростта е поливалентен символ на отношението между човека и Бога; аксиологичен център, около който гравитира всичко, тя „през всичко преминава и прониква“ (Прем 7:24). В изследваните текстове отношението към храненето е част от праведния начин на живот, от отношението към битието и неговите блага, защото те са Божие дело. Както се казва в Премъдрост Соломонова: „Той е създал всичко за битие и всичко в света е спасително...“ (Прем 1:14). Текстовете свързват представата за доброто с храната и така християнската парадигма, изградена основно от абстрактни

³ Месец юли не е посочен вероятно по погрешка и двойно изписване на юни. За удобство рубрикуаторите за месеците тук се поместват преди предписанието. В оригинала те са в киновар на маргиналните странични полета.

категории, се обогатява с конкретния жизнен опит от ежедневието. Доколкото определени хранителни практики са полезни или вредни за здравето, двата фрагмента попадат в полето на примерите за средновековно лечителство. Тяхната жанрова природа обаче е по-сложна. Те неслучайно са определени най-общо като „правила за живота“. От една страна, безспорно са проява на средновековна диететика и се нареждат до по-ранни образци на този тип литература. Най-ранният запазен славянски образец на тази тема е известен от Симеоновия сборник по Светославовия препис от 1073 г., където се разполага на f. 251r–v. Отнася се до храната и хигиената през различните месеци и се приписва на Йоан Дамаскин. Отдавна е в научно обращение в оригинал и новобългарски превод [Симеонов сборник 1993: 695; Милтенова, Кирилова 1994: 6; Павлов 2001: 130; СтбЛ 1992: 332; Чолова 1988: 288; Тържество на словото 1995: 239–240; Георгиев 2015: 136]. Различни медицински жанрове са широко разпространени във византийската книжнина и имат свои изявени представители в лицето на медицинския трактат на Симеон Сет, лекар и учен от XI в., и на диетичния календар на Хиерофил Софиста, обикновено датиран от XIII в. ([Бенчева 2018: 15–22; английски превод на Хиерофиловия календар в: [Dalby 2010: 161–169]). В западноевропейската литература наследници на гръко-римската и латино-арабската медицинска култура са в апогей от XIII в. насетне под общото название *regimen sanitatis* [Adamson 2004: 4]. Строго диетичните предписания в Тулчанския препис нито са изчерпателни, нито системни и не покриват съвременното съдържание на термина диететика — наука за правилното и целесъобразното хранене на организма, в частност при заболявания [Бенчева 2018: 3]. Те са фрагментарни и поставят акцент само върху отделни практики; повлияни са от антични и средновековни медицински схващания, мирогледни религиозни и аксиологични критерии. Както ще се види, повтарят популярен модел на византийски диететикон. В основата им стои преводната матрица на византийски образец. От друга страна, на места предписанията се разпростират върху общи хигиенни и морални норми, например, забраната за полово общуване през юли във втория фрагмент. Макар много кратки, те имат претенцията да обемат хронологически период от време — една цяла година, и вътрешно да се структурират с указания за всеки отделен месец. В първия организацията на времето е по църковната година от септември до август, а във втория — по традиционен хронологически принцип от януари до декември. Календарният признак ги доближава до профетиконите и образците на провиденциалната книжнина, още повече че някои техни предписания са превантивни и предсказват какви нежелателни заболявания могат да произтекат при неправилна

консумация. Като тях са проява на така наречената *неканонична, низова християнска, народна християнска култура*, в обема на която се включват и текстове с енциклопедична стойност за ежедневиия живот на човека и непрекъснатата му връзка с космоса и природата. В научната класификация подобни текстове спадат към популярното народно четиво (*liber popularis, trivialis, vulgaris*).

Най-точно фрагментите следва да се определят като *диетични календари* (синоними диететикони, диететолози) — самостоятелен жанр на средновековната диететика и лечителство, който наследява античните представи за зависимостта между храненето, хигиенните норми на живот и астрономическото време. На този фон псевдоатрибуцията на Соломон (965–928 пр. н. е; 3 Цар 11:42), когото познаваме едновременно като еврейски цар и пророк, натоварва с допълнителен авторитет предписанията. Макар с първоначален библейски произход етимонът *προφήτης* ‘вестител на боговете, пророк’ е дал начало на цял раздел в популярното народно четиво и на богата номинативна традиция, която регламентира безспорните истини, мъдрости и начала, в случая в диететиката.

Заслужава да се отбележи използването на още един популярен номинативен модел в заглавието на първия текст: *оуказъ како ѿсти въ вса мѣа*. Лексемата *оуказъ* ‘поука, наставление, доказателство’ [СтБР 2: 1049–1050] обикновено се отнася до наративни или въпросо-ответни текстове с поучителен и разяснителен характер, например Разумника — Указ. Тук отново има за цел да изложи и докаже някаква истина, в случая свързана с храненето. Самият факт, че в оглавленията и на двата фрагмента е налице ограничаващият префикс *ѿ прѣмѣдрѣсти соломѣна*, допуска предположението, че това са фрагменти от по-цялостен комплекс или дори цикъл, свързан със същата псевдоатрибуция. Във всеки случай триадата премъдрост, Соломон и правилата за храненето на човека се свързват в органично единство.

1.2. *Аксиологичната ос на храните и напитките.* Бинарността е неделима част от аксиологията, възприемането на положителното и отрицателното. Тя създава полета отляво и отдясно на неутралната ос, в които в настоящия случай се разполагат полезните и вредните храни, напитки и хранителни практики. Този двусъставен модел е основен за езиковото съзнание, поради това е опростен и се отличава с повтораемост. Информацията от двата текста може да се обобщи по следния начин:

Изцяло с положителна конотация са напитките и нито една от споменатите не е вредна. Трите най-често срещани са вода, мляко и вино. Прави впечатление, че дори добавянето на оцет във варените ястия и

варивата се препоръчва като полезно за здравето. Трите основни напитки са универсален лек срещу определени заболявания при следната зависимост.

1 текст: Млѣко на гладнѣ жѣробѣ — срещу болестта дѣна. Най-вероятно така е названа подагратата, за която същият номинант е употребен още в Синайския евхологий [СтбР 1: 452]; по-малко вероятно е да става въпрос за чревно заболяване, съпроводено с метеоризъм, както сочат Милтенова и Кирилова [Милтенова, Кирилова 1994: 153]; Вода на гладнѣ жѣробѣ — лек срещу всяка болест; Вино на гладнѣ жѣробѣ — предпазва от зли ветрове за една година. Под вѣтрѣ тук се разбират ставни и костни заболявания на крайниците. Вино съ водѣ — срещу болести по белите дробове. В Призренския сборник има аналогично предписание: вино мешано с ѿмѣ да не дѣропѣсѣ срещу да не дѣропы ѿкасашь в BAR 649, предвидено за юни. Възможното визирано заболяване е водният плеврит, което се предотвратява по описания начин. Повтарящата се формула е на гладнѣ жѣробѣ „на гладен стомах“; само на едно място в първия фрагмент е налице на глѣнѣ жѣро (в гр. ἄτρον, abdomen, корем). Формулата може да се тълкува и като съкратен вариант на по-честото изписване, но е напълно възможно да е употребена старобългарската дума жѣро ‘черен дроб’, с производни жѣрѣнѣ, жѣрѣнѣ ‘чернодробен’ [Макаријоска 2011: 63].

2 текст: Паралелно на горния, във втория текст се препоръчва вино безводно, вода и млѣко да се пият сутрин на гладно, като оформящата формула този път е въведена чрез израза на начѣ сѣце ‘на празен стомах’; разнотечене в Тиквешкия сборник според разчетените срички на чѣс жѣро, в Призренския сборник на чѣс сѣце (според български диалектен материал от Бурел, Софийско, *наштѣсѣце*; наречието е с праславянски произход и се извежда от формулата на тѣштѣ сѣдьце — ДА) [Селимски 2016: 109–110]. Известно е, че лексемата сѣдьце може да означава и стомах, следователно няма съмнение, че формулите за приемане на течности „на гладно“ са еквивалентни [Макаријоска 2011: 53–57]. Не е спомената нито една конкретна болест, но има съвпадение между двата текста във времето на някои прескрипции. Такава е препоръката всяка сутрин през юни да се пие вода на гладно. Общата положителна конотация произтича от пречистващия характер на течностите, особено на водата. Употребата на вино и мляко на гладно може да се отдаде на представата за техните предпазни и хранителни свойства, а не на полезността на практиките, които съвременните медицински теории отричат. Млякото на гладно е имало очистителен ефект, полезен при заболяването подагра, а консумацията на вино е укрепваща, имуностимулираща и особено ефикасна срещу простудни заболявания. Затова

логично пиенето му на гладно се препоръчва през студения зимен месец януари. Употребата на мляко на гладно съвпада с медицински представи във византийската литература, че то трябва да се консумира преди друга храна, за да не загние [Бенчева 2018: 79].

Номенклатурата на храните в двата текста не е особено богата. Не се споменават цели групи продукти и култури: зърнените, видовете месо, риба и др. Не е споменат нито един плод. Преобладават зеленчуците в суров вид. В отрицателното семантично поле на вредната консумация попадат следните, подредени по азбучен ред:

Зѣлиѣ (капоуста) — предизвиква огнища и треска през лятото, названи *огнѣна ѡза*, *трѣска* в *BAR 649*, *огнѣната ѣнѣза* в Призренския препис, а в Тиквешкия сборник едва се разчита вариантът *трѣсавица*. Обикновено лексемата **зѣлиѣ** обозначава изобщо някакъв зеленчук. Във втория текст я срещаме именно в това значение, защото се забранява храненето със сурови зеленчуци през август. В първия тя има за синоним *капоуста* ‘главесто зеле, зеленчук от семейство кръстоцветни’, който е регистриран още в Симеоновия сборник от 1073 г., а днес думата е запазена само в български диалекти, но не и в книжовния български език (БЕР 2: 225). Във втория текст синоним на зелето е и словосъчетанието *бѣло зѣлиѣ*, чиято употреба се забранява през декември. Тези предписания са добре познати от византийски диетични календари не само заради трудносмилаемия характер на зеленчука, както би помислил съвременникът, а заради антично-средновековната представа за ролята на хуморите, или течностите, в човешкото тяло. През есенните и зимните месеци преобладават студенината и влагата, а този зеленчук може допълнително да повиши лошите течности в кръвта [Георгиев 2015: 136].

Лѡукѣ *чесноватъ* ‘чесън’ — употребата му води до поява на болестите *сипаниѣ* ‘сипаница, шарка’ и *гѣба* ‘гъба’, както до днес в диалектите е наречена болестта *проказа*, *лепра*, съответно *гѣбав* ‘прокажен, болен от болестта гъба, проказа’ (РБЕ). Възможно е в случая да се има предвид и друго кожно заболяване с обрив. Сипаницата е свързана с комплекс народни вярвания, включително кулинарния код да не се вари на огън храна и да не се коли животно [Георгиева 1993: 169]. Изследванията върху храната в Европа, Балканите и Средновековна България доказват, че всички зеленчуци от семейство лукови са много разпространени, а за апотропейните и магическите функции на чесъна в европейски мащаб е писано много. Вярва се, че този “*theriac of poor*” лекува цяла палитра болести: от главобол до чума и ухапване от змия [Adamson 2004: 6]. Той е универсално противодействие на зли сили, вампири, зли очи, магии и се използва широко в ритуални практики. Носи се като амулет на шията. Затова ограничаването му в храната трябва да се схваща като

предписание против прекомерност с една особена конотация — чесънът има затоплящ и изсушаващ ефект. В тълкуванията на Гален върху Хипократово учение през зимата се увеличават слюзта и флегмата в тялото, затова трябва да се консумират затоплящи храни [СтбЛ 1992: 210]. Именно този му характер е в основата на вярването, че чесънът може да предизвика похот [Adamson 2004: 6].

Празъ — консумацията е забранена през октомври. Това е един от най-популярните представители на семейство лукови със същите свойства като чесъна.

Рѣпа — води до поява на зла болест, която се проявява до петата година. Консумацията ѝ се забранява през пролетните месеци, основно април. Срещу *вароуи са рѣпы* в *BAR 649* Призренският препис предлага чѣваи се ѿ рѣдокви. Лексемата *рѣдокъ* е засвидетелствана още в глаголическия лекарственник от Синайския манастир за означение на кочана, твърдата подземна част на растение [СтбР 2: 1313], което може да се асоциира с ряпата. *Рѣдъкы*, *рѣдокъва* може да означаи и тип маруля, салатата, подобно на *бръдокъва* [Mikl. 1977: 808], затова стои въпросът дали е налице първичното разнотечене или негово преосмисляне. Предписанието много напомня забраната на ряпата в диететикона от Симеоновия сборник и би следвало да приемем, че и в Тулчанския препис се означава същият зеленчук.

Рѣпии ‘репей’ или ‘ряпа’ — забранена храна през април във втория фрагмент от *BAR 649*. В превода на А. Кирилова и А. Милтенова тук отново стои ряпата, но начинът на изписване *репеа* не изключва възможността да се възстанови името на тревисто растение, а не ряпата, за която се говори в първия текст. Много стара писмена фиксация на думата *рѣпии* засвидетелства глаголическият Псалтир на Димитър Олтарник от XI в. от манастира „Св. Екатерина на Синай“ (СтбР 2: 1313). Репеят е кореноплодно тревисто растение и с лечебни, и с противоположни действия върху човека заради силни алергени. Коренът му е признат лек в народната медицина. Докато в глаголическия лекарственник е използван като билка и лекарство, като храна нашият текст ограничава консумацията му. Това е един от примерите за така наречените треви и корени, различни според географския регион, с които се е хранел средновековният човек [Аризанова 2009: 11]. Във втория текст съвсем ясно се посочва, че трябва да се избягва консумацията през август на зелени салати, зеленина, злак, *зеленѣа да не ѣси*.

Цвѣкло — забраната за консумиране на *свекълъ* през февруари, както в Тулчанския препис, е налице в диететикона от Симеоновия сборник — *σεύτλου μὴ φάγῃς* [Симеонов сборник 1993: 155; 2015: 1154–1155; СтбЛ 1992: 333]. Цвеклото е разпространен продукт със свойства на билка

в народната медицина. Тук се посочва като кореноплодно растение за храна, каквото наистина е било основно кръмното цвекло.

От направения преглед става ясно, че най-често се споменават кореноплодните зеленчуци от семейство кръстоцветни — зеле, ряпа, цвекло, и от семейство лукови праз и чесън. Това съответства на хранителните навици на Балканите, в Югоизточна Европа и по-специално сред българите, за които тези храни са основни. Споменаването им е доказателство за популярност и честа употреба до степен, че техни изображения са запазени във фрески по черкви и манастири [Павлов 2001: 25]. Византийските диететолози основават прескрипциите за въздържане от тези зеленчуци върху няколко фактора: острия вкус, който се асоциира с треска, стомашни заболявания и с представите, че в сурово състояние могат да доведат до произвеждане на лоши течности в организма, главоболие и други негативни ефекти; не са особено хранителни и могат да предизвикат отслабване [Хрисимов 2012: 203–204; Hrisimov 2018; Бенчева 2018: 98]. Те нямат изконно отрицателна конотация. Ограничаването им с медицинска и диетична цел най-вероятно е свързано с идеята за умереност при ползване на земните блага, а в същото време се спазват утвърдени предписания във византийските диетични календари и техните преводни славянски съответствия.

Месото практически отсъства от Тулчанските диететикони, с изключение на едно сходно предписание и в двата текста: Вѣроуи сѧ ногы и главы дѧ не срѣнаа ѡза. за два гóдинѣ обрѣцет сѧ въ тебѣ — Мѣа маѡа ноги и главы не ѡжѣ ѡвчѧ; разнотечене в Призренския сборник мѣъ маи. нóзе и глави дѧ не ѡдѣешѣ дѧ не срѣчна ѣнза зѧч'нет' се въ тебѣ. Съпадението между текстовете позволява да се изясни, че под забрана попада използването за храна на овнешки или агнешки главички и крачета. То се потвърждава и при сравнение с календара от Симеоновия сборник, където стои порсѧте не ѡжѣ за гр. *ποδοκέφαλα μὴ φάγῃς* [Симеонов сборник 1993: 135; 2015: 1154; в превода на Ц. Ралева и П. Янева в СтбЛ 1992: 332, 491 „не яж свинско“; у Чолова 1988: 288 погрешно схванато като „просо не яж“]. Византийската диететика има същото предписание да не се консумира месо от животни през пролетните месеци април и май, нито карантия [Бенчева 2018: 22]. Други изследвания доказват, че овчето месо не е било сред най-консумираните и овцете са използвани предимно за добиване на мляко и вълна [Павлов 2001: 8]. Интересна е прогностиката за развиване на сърдечна болест, ако това се наруши — неясно какво точно заболяване се има предвид, но то е назовано с общата лексема за болест във всички използвани източници ѡза < ѡса. Не може да се отмине чисто лингвистичният въпрос, че в Призренския препис думата се изписва с разложен назализъм ѣнѣза, едно ярко доказателство за стара българска подложка.

Във втория диететолог през август се забранява храненето със зеленѣа и слезѣна. В съществуващия новобългарски превод двете съществителни са преведени със „зеленина и далак“ ([Милтенова, Кирилова 1994: 28; далак, слезка за стб. слезѣна, σπλήν — [Mikl.1977: 857, 862]). Отново сравнението с диететикона в Симеоновия сборник, където ясно стои и гръцкото съответствие *λάχανα*, поставя въпрос кое разнотелно е първично: дали да се потвърди изискването карантия да не се консумира през топлите месеци, т.е. да е настъпило преосмислане, или да се приеме основното предписание “Не яж сурови зеленчуци” [Симеонов сборник 1993: 161; 2015: 1154; СтбЛ 1992: 491].

Забраната за употреба на топли ястия, в смисъл готвени, преминали топлинна обработка, но без да се уточнява дали са варива, печено и т.н., обхваща летните месеци юли и август. Само в първия текст се споменава варѣниѣ, най-общо варена храна, която се препоръчва през февруари смесена с оцет. И тази практика е добре позната на византийските диетични календари.

1.3. Независимо че основна тема на двата диететикона са храните и напитките, тъй като основният ефект е превантивен медицински, те дават сведения и за болести [Макаријоска 2011: 184–249]. Някои от тях бяха вече споменати. В първия текст се изброяват следните названия: вѣлогъ, гѣба, дѣна, нежитъ, огнѣнаѣ ѡзѣ, срьдѣчѣнаѣ ѡзѣ, зѣлъ вѣтрѣ, трѣска. В това отношение той многократно надраства информацията от първия старобългарски диетичен календар, обвързвайки храненето с болестите в една аксиологична верига. Например, връзката между заболяванията вѣлогъ, нежитъ (в значение на болест по венците и зъбите, понякога схващана и като мигрена: [Милтенова, Кирилова 1994: 159]) и къпането позволява названията да се схващат именно като простудни, грипни или вирусни, типични за студените есенно-зимни месеци. От медицинските практики само вторият текст въвежда пускането на кръв и го препоръчва през август. В двата текста се говори за общохиgienни и морални норми, които нямат пряко отношение към болестите и храните. Тяхното присъствие оправдава назоваването на тези текстове *правила за живота*, но не отнема природата им на *диетични календари*, защото обичайно за самия жанров образец е да се коментират по-широки явления от ежедневието. За тяхното обяснение са необходими много по-богати сведения от строго медицинските. Споменатите общи предписания са:

— Да се избягва споделянето на сънища през февруари поради зло въздействие върху човека;

— Полово въздържание през юли. Само тази препоръка е обща с диетичния календар от Симеоновия сборник, където стои гърцизмът *αφροδισια* ‘любовни, плътски наслади’ [Симеонов сборник 1993: 13].

— Да не си миеш главата и да се въздържаши от баня през октомври. Обичайното застудяване през този есенен месец е в основата на гигиенната норма.

— През ноември се препоръчва да не се влиза в битка.

1.4. Глаголи и изрази — аксиологични копули в текстовете. В бинарността участват и именно-предикативни изрази, които разделят практиките на положителни и отрицателни. Универсални формули са *Добро ти бѣдѣ — зло ти бѣдѣ*, които изграждат само най-обща представа за вредна или полезна практика. В много случаи вредността на храната или напитката ще се прояви след време, т.е. диететолозите имат прогностичен характер при неспазване на дадено предписание. С аксиологична натовареност са оформящи глаголи. В първия фрагмент това са *варовати*, *врачевати*, *въкоушати*, *съблуксти*, *въздържати* са, чести са повелителните конструкции на глаголите *ѣсти* и *пити* в положителна или отрицателна форма. Тези езикови елементи се подлагат на редактиране според средата на преписване и определено могат да подпомогнат локализацията на даден препис. Така например при сравнение между *BAR 649* и Призренския сборник се оформя двойката *варовати* са — *чувати* са 'пазя се, бягам от, избягвам нещо', първият от които се среща в редица писмени текстове и е книжовен вариант срещу разговорното му и диалектно съответствие. Въпреки краткостта си тези текстове дават основа за съставяне на глосари на средновековната кулинарна терминология и лечителството.

2. Мястото на диетичните календари в *BAR 649*

2.1. Соломон в други текстове от *BAR 649*. Сборниците със смесен състав представляват мозайка от различни текстове, между които на пръв поглед няма нищо общо. Името на Соломон се среща на още едно място в първата част на сборника, а присъства и във втората. По тази причина ми се струва, че може да определим антропонима като ключова връзка между отделни кратки текстове с определени функции, които са събрани на едно място. В първата част на конволюта е налице апокрифният фрагмент *оуказъ ѱалтирю како бысть въ мори* (ff. 25r–26r), в който не само се повтаря номинативният модел с думата *указ*, но главен герой отново е Соломон. Наративът разказва със средствата на алегорията как Псалтирът бил в морето 70 години, откъдето го взел Соломон, понеже ангел му се явил и предрекъл, че ще хване 151 риби, с които ще нахрани света. В по-различна версия тази история е част от старозаветния апокриф как Давид написа Псалтира, разпространяван в редица сборници, включително в Тиквешкия [СтБЛ 1982: 103, 304; Miltenova 2018: 189–202]. Посланието на текста е ясно: както Соломон изпълва света с псалмите на

своя баща, така апостолите от Новия Завет разнасят Божията вяра из вселената.

Във втората част на *BAR 649* за връзка между преписа на Манасиевата хроника и молдовския летопис служи текстът *ѣрлмстїи црїе. иже црѣтѣоваша въ їсли*, ff. 236r–237r. Той е специфично нейно обкръжение в Тулчанския препис. Функцията му е утвърждаването на божествената предопределеност на властта чрез представянето на примери от еврейската история. Тъй като царете са назовани йерусалимски, а не юдейски, може да се предположи семантичен акцент върху идеята за трансформация и приемственост между старозаветните символи и новозаветните християнски, Йерусалим / божественият Небесен Йерусалим, тезата Израил / Новият Израил и др. [Билярски 2005]. Историческото предание, летописната хронографска история на света имат особено място в молдовските сборници от XVI в. и са пряко свързани с формирането и отстояването на идентичност в княжеството. Летописите в техни представители са изследвани специално от Д. Настасе, който формулира тезата за приемственост и продължаване на имперската идея в княжествата отвъд Дунава (особено в Молдова) чрез съчетаване на различни исторически наративи. Въпреки че тяхната крайна цел е християнската парадигма на властта, присъствието на владетелите на Израил и Юдея има своето място, утвърждавайки месианистичната идея за богоизбрания народ [Năstase 1981: 23–30]. Молдовските летописи са компилативни, а обкръжаващата ги текстова среда е разнообразна. Не може обаче да не се открие обща типология в молдовските сборници от типа на *BAR 649*, *BAR 636*, в които старозаветната история се представя чрез различни тестове, но с еднаква цел. Така например в *BAR 636* е налице подробен списък на първите йерусалимски патриарси без оригинално заглавие (f. 206v); обща тенденция за двата сборника е задължителното включване на старозаветни апокрифи, различни за всеки от сборниците и с различно предназначение към общата идейна насока. *Заветът на Авраам* в *BAR 636* е ветхозаветен апокриф, който разказва за последните дни от живота и за кончината на патриарх Авраам с послания за правната ориентация на средновековното общество, божията справедливост и човешкото правосъдие. *BAR 649* включва *Словото на Даниил пророк за съня на цар Навуходоносор* и др. [Bogdan 1895: 8; Catalogul 2018: 64; Miltenova 2018: 113]. Тази, условно казано “старозаветна”, линия в различни молдовски сборници със сходна хронология и локализация оправдава присъствието на „ветхозаветния субстрат и огромното му значение в менталната сфера и политическата идеология на Византийската империя“ [Деминцев 2015: 388]. Бих добавила, че при рецепцията в славянската книжнина се запазва същият принцип.

Старозаветната история, герои, четива стават аксиологични маркери за културноисторическа памет, алегорични и символни послания.

Краткият исторически наратив в *BAR 649* обхваща генеалогията на еврейските царе според книги Царства на Стария Завет от първия помазан цар Саул [1 Цар 10:1–2] до юдейския цар Седекия, ослепен и отведен в плен от Навуходоносор II при завземането на Йерусалим. Тези факти са известни от редица византийски летописи, включително от самата Хроника на Константин Манасий в нейния славянски превод [Лихачев и др. 1988: 118–119]. Сведения за 20 царе на Юдея и Израил са поместени с годините на управлението им в Кратката хронография на патриарх Никифор в Симеоновия сборник [Тържество на словото 1995: 252]. В преписа от *BAR 649* ерлмстїи црїе. иже црѣтвѡваша въ їсли със Соломон се свързват следните факти:

— Той е посочен за трети цар на Израил и приемник на своя баща Давид: по дѣдѣ же црѣтвѡва соломѡ снѣ єго. м. лѣ.

— Второто му споменаване е в следния откъс: по ѡзаза же възцри єзекиа снѣ єго. кѡ. лѣ. иже съкрѣши мѣкѡ зѡмїа. и чари соломѡновы, при нѣ же и правѣни. тови бѣ. В този откъс прави впечатление споменаването на идола на медната змия. Според библейската легенда в Чис. 21:6 Бог Йехова повелява на Мойсей да направи медна змия и да я увие като знаме, за да предпази народа на Израил при прехода от Египет към Ханаан. Редом до този символ са поставени *чаровете на Соломон*. Известни са легендарните сведения за толерантността му към идолите и старите езически богове; за уменията му да общува с животните, разбирайки езика им; за познанията му върху растителния свят „от кедръра в Ливан до исопа по стените“ (3 Цар 4: 29–34, Библия 1982: 375); натрупаните богатства от различни части на света [Петрова 2016].

— Третото споменаване на Соломон е във финалния откъс: и възниде навуходоносоръ въ градъ и изнесоша скровища црѣва и гнѣ и златїа съсѣды аже сътвори соломѡнъ въ црѣкви гни.. Става въпрос за разрушаването на Йерусалимския храм през лятото на 586 г. пр. н. ера от вавилонския цар Навуходоносор II и името на създателя на Първия храм е неизбежна историческа отправка.

2.2. Конотации. От позициите на казаното присъствието на два дитетични календара в *BAR 649*, надписани с името на Соломон, е проява на същите конотати, с които образът е познат на народното четиво в редица апокрифни цикли и които, за разлика от Давидовия код за идеалния владетел, се свързват с точно определени качества със зададен библейски прототип в описанието на царуването на Соломон в Трета книга Царства: безпрецедентна мъдрост, справедливост, прагматични универсални съвети за здравето и живота. Затова ще повтори работната

си хипотеза, че независимо че е конволют, е възможно в Тулчанския сборник на Манчо Джуджов *съзнателно* да са обединени и събрани на едно място отделни отломъци или части от два различни ръкописа. Докато в други молдовски ръкописи принципите на компилацията са по-ясно доловими поради концентрацията на определени текстови блокове — исторически, догматически, апокрифни, църковно-юридически и др. в *ядрото* на сборниците, тук е по-трудно те да се установят категорично. Но в Тулчанския сборник конволют малките текстове присъстват с напомнянето, че християнската история на човечеството е амалгама от тази на владетелите, царствата, на светите мъже на Църквата, но и на обикновения праведник, без който не може да съществуват самото християнско предание и памет. Може да обобщим, че една вътрешноструктурна линия в молдовските сборници е оформянето на тяхната *периферия* чрез изписването на по-обемни или по-кратки разностранови текстове с фокус върху живота на отделния християнин. Културноисторическият им код съпътства основните идейни послания и книжовни акценти. В началото на BAR 636 такива текстове са: Указанието как подобава да живее християнинът на f. 11v, оформен в императив под наслов ѿ аплѣкихъ оуставъ како подѡбаеть жити хртїанинѡ. В него се разширява темата за десетте Божии заповеди със силен нравоучителен елемент от ветхозаветната история, както личи от следната текст проба: Законодѡвцѡ Мѡѡсѡв рѣкшѡу інѡтѡ. сѣ дѡ прѣ лицемъ вашнмъ пѣтъ жнзнн н пѣтъ смрътн. н потомъ нзверѡ полезное. да жнвъ бѣдешн. Включен е начин за изчисляване на Пасха в следната кратка пасхалия (ff. 16v–17r): Пасхалїа ѡбрѣтена на прѣстенн клеопѡтрннѣ. вѣнегѡ ѡсновѡніа полѡгаахѣ стѣпа кѡнстантіна блѡгочстїиваго. Сѡмотрн ѡтѡврїн мѡн кога ѣ дї, н ѡ того днѣ ѡктоврїева съчтѡ рѣв днн. н тоѡ ѡбращешн непѡгрѣшено днѣ стѣж пѡсхы:~ (повече у [Билярски, Цибранска-Костова 2015]). В най-широк аспект календарният принцип е константен организатор на времето с много дълбока символика от чистата житейска прагматика до историческото и литургическото време.

В заключение бих искала да подчертая, че молдовските сборници от типа на BAR 636 и BAR 649 имат динамична история, а бележките в тях говорят за пространствено преместване в различна етническа среда. Това е свидетелство за общността и интеркултурната взаимност на балканските народи и техните съседи. Именно в рамките на обмена и съхраняването на общ модел за християнски начин на живот трябва да се оценяват диетичните предписания в BAR 649, които нямат директно отношение към религиозните хранителни норми на култа и поста. В тях полезното е биосоциална ценност, храна и здраве се свързват в рационална за тогавашните разбиращения зависимост. На фона на засиления

интерес към храната и храненето в последните години от най-различни аспекти — археологически, антропологически, литературен и др.⁴, стоят проблемите:

1. Диетичните календари да се изследват в сложната им интертекстова зависимост с медицински, пенитенциални, апокрифни и др. образци в славянската, византийската и латинската традиция за установяване на типологическите параметри на жанровия тип;

2. Да се търси пресечната точка между писмения текст, предхристиянското и фолклорното съзнание, народната митология и медицина;

3. Както бе показано, дори отделни предписания от двата календара в *BAR 649* предполагат още търсения и сравнения, за да се установят първичната езикова форма и съдържание, какво се е променило и защо: смяна на превеждания образец, смяна на кулинарния код и възприемането, преписвачески трансформации и др. Краткостта на жанровия тип, натрупването на елементарни формули *яж — не яж, пий — не пий* предполагат подвижност, а едно добавено или пропуснато „не“ може да промени смисъла на нормата (типичен пример е позицията на млякото в преписа от Симеоновия сборник и Тулчанските календари). Безспорно двата текста в *BAR 649* са доразвили старобългарския преводен диететикон от Симеоновия сборник и съвпадат с него в редица норми. Тяхна особеност е приемствеността с по-стари образци, възпроизвеждането на текстови свидетелства от липсващи или слабо документирани звена във филиацията. Те са проява на синкретизма на средновековната култура и превръщането на писмения текст в аксиологичен регулатор на процеси в обществото, менталността и индивидуалния човешки живот. Това обяснява активното участие на представители на клира и монашеството в компилирането на сборниците дори когато става въпрос за общи хранителни и хигиенни норми. Молдовските земи са своеобразна *контактна зона* на книжовни влияния от юг, северозапад и североизток, което на практика означава, че тук се кръстосват южнославянско и руско, според някои изследователи и украинско влияние [Deletant 1980: 4]. Езикът на Тулчанския сборник е тема за отделно проучване, но е очевидно, че в него доминира среднобългарската двуюсова и двуерова писмена норма със смесване на носовки, характерна като цяло за Молдова, а в много текстове се откроява изконната домашна южнославянска и българска лексика (например *ѡплѣнѣши, ѡнѣмѣшѣ, ѡгъхѡшѣ, зѡница* ‘дъга’, наред с възможно руско влияние в примери като *залаа словоь* ‘заля с олово’, рефлексът *а-іа* и др.)

⁴ Тук нямах за цел да предложа изчерпателна библиография по темата, която стремглаво нараства. Сред последните приноси ще посоча само тематичния брой № 4 от 2018 г. на сп. „Българска етнология“ *Храна и публичност*.

Ктиторството на молдовските владетели за водещите манастири Нямц, Путна, Бистрица и др. спомага да се съхранят забележителни произведения на среднобългарската писменост и книжнина и да се обособи локален тип сборници със смесен състав, продължителни на *културата на сборниците*, характерна през XIV–XV в. за Балканите.

Съкращения на използваните ръкописи

BAR Ms. Slav. 636

Молдовски сборник, завършен на 9 август 1557 г., по времето на молдовския господар Александру Лъпушнеану (1552–1561 и 1564–1568) и при сучавския митрополит Григорий II, изписан от ръката на йеродиакон Иларион, ученик на този митрополит, по всяка вероятност в манастира Нямц. Съхранява се в Biblioteca Academiei Române (BAR) в Букурещ [Catalogul 2018: 43–47]. Ръкописът е използван *de visu*. Той е обект на изследване в колективна монография под печат на Ив. Билярски и М. Цибранска-Костова.

BAR Ms. Slav. 649

Тулчански сборник от първата четвърт на XVI век в Biblioteca Academiei Române (BAR) в Букурещ [Catalogul 2018: 64–68]. Ръкописът е използван *de visu*.

НБС Rs 36

Призренски сборник от третата четвърт на XVI в. в Народната библиотека на Сърбия в Белград. Според дескрипторите преписвачът на изследваните текстове е с македонско потекло [Штавланин-Ђорђевић и др. 1986: 68–72]. Използван по микрофилм в Библиотеката на Българската академия на науките в София.

НБКМ 677

Тиквешки сборник от XV в. в Националната библиотека „Св. Св. Кирил и Методий“ в София. Издаден от Н. Начов [Начов 1892–1894].

Библиография

Аризанова 2009

Аризанова С., Храната на средновековните български монаси (по данни на агиографската книжнина от XIII–XIV век), *История*, 4, 2009, 9–18.

Бенчева 2018

Бенчева Й., *Хранене и диететика във византийско-балканския свят X–XV век*, Дисертация за присъждане на научната степен „доктор“, София, СУ „Св. Климент Охридски“, 2019.

БЕР 1–8–

Български етимологичен речник, 1–8–, София, 1971/2017–.

Библия 1982

Библия, сиреч Книгите на Свещеното писание на Ветхия и Новия Завет, Издава Св. Синод на Българската църква, София, 1982.

Билярски 2005

Билярски Ив., От мифа к истории или от степи к Израилю, *Зборник радова Византолошког института*, XLII, 2005, 7–22.

Билярски, Цибранска-Костова 2015

Билярски Ив., Цибранска-Костова М., Славянски ръкопис *BAR Ms. Sl. 636*, XVI в., от Библиотеката на Румънската академия в Букурещ, *Археографски прилози*, 37, 2015, 107–155.

Велинова 2013

Велинова В., *Среднобългарският превод на Хрониката на Константин Манасий и неговият литературен контекст*, София, 2013.

Георгиев 2015

Георгиев М., *Старобългарска медицина*, София, 2015.

Георгиева 1993

Георгиева И., *Българска народна митология*, Второ преработено издание, София, 1993.

ДА

Архив на Секцията за българска диалектология и лингвистична география в Института за български език на БАН.

Деминцев 2015

Деминцев М., Древнеруският памфлет на Михаила VIII Палеолога в свете герменевтичского анализа, *Зборник радова Византолошког института*, ЛП, 2015, 381–391.

Илиева и др. 2010

Илиева Л., Петков П., Перчеклийски Л., *Тиквешки сборник – средновековни български новели*, Благоевград, 2010.

Лихачев и др. 1988

Лихачев Д., Дуйчев И., Салмина М., *Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манасии в славянских литературах*, София, 1988.

Макаријоска 2011

Макаријоска Л., *Лексиката од областа на историјата на медицината*, Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Посебни изданија, 70. Скопје, 2011.

Милтенова, Кирилова 1994

Милтенова А., Кирилова А., *Средновековни лековници и амулети*, София, 1994.

Начов 1892–1894

Начов Н., Тиквешки ръкопис, *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина*, София, 1892 (8), 389–418; 1893 (9), 86–160; 1894 (10), 69–193.

Павлов 2001

Павлов Ив., *Присъствия на храненето по българските земи през XV–XIX век*, София, 2001.

Петрова 2016

Петрова С., *Соломон и мъдростта на вековете*, София, 2016.

РБЕ

Речник на българския език онлайн, Институт за български език <<http://www.ibl.bas.bg>> (посетен на 08.04.2019).

Реперториум

Repertorium of Old Bulgarian Literature and Letters <<http://www.repertorium.obdurodon.org>> (посетен на 19.03.2019 г.).

Русев, Давидов 1966

Русев П., Давидов А., *Григорий Цамблак в Румъния и в старата румънска литература*, София, 1966.

Селимски 2016

Селимски Л., *Етюди по етимология и ономастика*, Велико Търново, 2016.

Симеонов сборник 1993–2015

Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.), под общата ред. на П. Динеков, 1: *Изследване и текст*, София, 1991; 2: *Речник-индекс*, София, 1993; 3: *Гръцки извори*, София, 2015.

СтбЛ 1982–1992

Стара българска литература, 1: *Апокрифи*, състав. и ред. Д. Петканова, София, 1982; 5: *Естествознание*, под ред. на А. Милтенова, София, 1992.

СтбР 1–2

Старобългарски речник, под ред. на Д. Иванова-Мирчева, 1, София, 1999; 2, София, 2009.

Тържество на Словото 1995

Тържество на словото. Златният век на българската книжнина, Летописи, жития, богословие, риторика, поезия, съст., ред. и ком. Кл. Иванова и С. Николова, София, 1995.

Хрисимов 2012

Хрисимов Н., *Храната в Първото българско царство, Стандарти на всекидневието през Средновековието и Новото време*, сборник материали от Първа и Втора научни кръгли маси, ред. К. Мутафова, Н. Христова, И. Иванов, Г. Георгиева, В. Търново, 2012, 201–232.

Чолова 1988

Чолова Цв., *Естественонаучните знания в Средновековна България*, София, 1988.

Штавланин-Ђорђевић и др. 1986

Штавланин-Ђорђевић Љ., Гроздановић-Пајић М., Цернић Л., *Опис ћирилских рукописа народне библиотеке Србије*, 1 (=Народна Библиотека Србије. Опис јужнословенских рукописа, 2), Београд, 1986.

Яцимирский 1905

Яцимирский А., *Славянские и русские рукописи румынских библиотек*, С.-Петербург, 1905.

Adamson 2004

Adamson M. W., *Food in Medieval Times*, London, 2004.

Bogdan 1895

Bogdan I., *Cronice inedite atingătoare de istoria Românilor*, București, 1895.

Bogdan 1922

Bogdan I., *Cronica lui Constantin Manasses. Traducere mediobulgară, Făcuta pe la 1350*, București, 1922.

Catalogul 2018

Panaiteescu P., Mihail Z., *Catalogul manuscriselor slavo-române și slave din Biblioteca Academiei Române*, 3: *Partea I-A*, București, 2018.

Crăciun 2003–2004

Crăciun M., *Tolerance and Persecution. Political Authority and Religious Difference in Late Medieval Moldavia*, *Colloquia. Journal of Central European History*, 10–11, 2003–2004, 5–58.

Dalby 2010

Dalby A., *Tastes of Byzantium. The Cuisine of a Legendary Empire*, London, New York, 2010.

Deletant 1980

Deletant D. J., *Slavonic Letters in Moldavia, Walachia and Transylvania from the 10th to the 17th cc.*, *Slavonic and East European Review*, 58, 1, 1980, 1–21.

Hrissimov 2018

Hrissimov N., *Food of Plant Origin in the Life of Early Medieval Bulgarians (End of 7th – Beginning of 11th Century)*, *Studia Ceranea*, 7, 2017, 59–77.

Joudiou 2002

Joudiou B., *La réaction orthodoxe face aux étrangers dans les principautés roumaines au XVIe siècle, Migrations et diasporas méditerranéennes X^e–XVIe siècles*, M. Balard et A. Ducellier, eds., Paris, 2002, 240–249.

Kulhavý 2014

Kulhavý A., *Mezi nepochopením a opovržením. Moldavské církevněslovanské kroniky očima rumunské vědy*, *Porta Balkanica* VI, 2, 2014, 32–43.

Mikl. 1977

Miklosich F., *Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum*. Emendatum auctum, Reprint, Wien 1862–1865. Neudruck der Ausgabe. Wien, 1977.

Miltenova 2018

Miltenova A., *South Slavonic Apocryphal Collections*, Sofia, 2018.

Mircea 2005

Mircea I., *Répertoire des manuscrits slaves en Roumanie. Auteurs byzantins et slaves*, Sofia, 2005.

Năstase 1981

Năstase D., Unité et continuité dans le contenu de recueils manuscrits dits «miscellanées», *Cyrrilomethodianum*, 5, 1981, 22–48.

Mariyana Tsibranska-Kostova

Institute for Bulgarian Language, BAS

Food and Axiology According to Two Texts in the 16th century Moldavian miscellany Ms.Slav. BAR 649

Abstract

The article focuses on two dietary calendars with pseudo-attribution to Tsar Solomon in the 16th-century Moldavian Tulcea Miscellany from the Library of the Romanian Academy in Bucharest. Their original text in Old Cyrillic is reproduced for the first time. The author sets the task to reveal the semantics of food prescriptions as a manifestation of the axiological criteria of the medieval man, influenced by medical, naturally scientific, predictive, daily knowledge and practices, as well as to trace the language peculiarities and functionality of the texts. An important issue is how the texts' genre and themes fit into the mixed-content miscellanies of a type of monastic encyclopedias. Therefore, their genre specificity is discussed, with particular attention to the attitude towards food. This attitude appears to be an amalgam of ancient medical and medieval rational concepts, which, unlike other texts, are not guided by the norms of the Christian worship or fast. A hypothesis is made about the principles of the compilation in the miscellany and the role of the anthroponym Solomon as a linking element in different parts of it. The establishing of a local Moldavian type mixed-content miscellanies to which BAR 649 belongs, allows to clarify how remarkable works of the Middle Bulgarian literature were kept and how the culture of miscellanies, typical for the Balkans in the 14th–15th centuries, was inherited and continued.

Keywords

Tulcea miscellany, dietary calendars, food axiology

References

Adamson M. W., *Food in Medieval Times*, London, 2004.

Arizanova S., Khranata na srednovekovnite bulgarski monasi (po dannii na agiografskata knizhnina ot XIII–XIV vek), *Istoriia*, 4, 2009, 9–18.

Biliarsky Iv., Ot mifa k istorii ili ot stepi k Izrailiu, *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 42, 2005, 7–22.

Biliarsky Iv., Tsibranska-Kostova M., Slavianski rukopis BAR Ms. Sl. 636, XVI v., ot Bibliotekata

na Rumunskata akademiiia v Bukureshch, *Arheografski prilozii*, 37, 2015, 107–155.

Bogdan I., *Cronica lui Constantin Manases. Traducere mediobulgară, Făcuta pe la 1350*, Bucharest, 1922.

Cholova Tsv., *Estestvenonauchnite znaniia v Srednovekovna Bulgariia*, Sofia, 1988.

Crăciun M., Tolerance and Persecution. Political Authority and Religious Difference in Late Medieval

Moldavia, *Colloquia. Journal of Central European History*, 10–11, 2003–2004, 5–58.

Dalby A., *Tastes of Byzantium. The Cuisine of a Legendary Empire*, London, New York, 2010.

Deletant D. J., Slavonic Letters in Moldavia, Wallachia and Transylvania from the 10th to the 17th cc., *Slavonic and East European Review*, 58, 1, 1980, 1–21.

Demintsev M., Drevnerusskii pamflet na Mikhaila VIII Paleologa v svete germenevticheskogo analiza, *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, LII, 2015, 381–391.

Georgiev M., *Starobulgarska meditsina*, Sofia, 2015.

Georgieva I., *Bulgarska narodna mitologija*, Vtoro preraboteno izdanie, Sofia, 1993.

Hrissimov N., Food of Plant Origin in the Life of Early Medieval Bulgarians (End of 7th-Beginning of 11th Century), *Studia Ceranea*, 7, 2017, 59–77.

Ilieva L., Petkov P., Perchevski L., *Tikveshki sbornik – srednovekovni bulgarski noveli*, Blagoevgrad, 2010.

Joudiou B., La réaction orthodoxe face aux étrangers dans les principautés roumaines au XVIe siècle, *Migrations et diasporas méditerranéennes X^e–XVIe siècles*, M. Balard et A. Ducellier, eds., Paris, 2002, 240–249.

Khrisimov N., Khranata v Piervoto bulgarsko tsarstvo, *Standarti na vsekidnevieto prez Srednovekovieto i Novoto vreme*, K. Mutafova, N. Khristova, I. Ivanov, G. Georgieva, eds., Veliko Tarnovo, 2012, 201–232.

Kulhavý A., Mezi nepochopením a opovržením. Moldavské církevněslovanské kroniky očima rumunské vědy, *Porta Balkanica* 6, 2, 2014, 32–43.

Likhachev D., Duichev I., Salmina M., *Srednebolgarskii perevod Khroniki Konstantina Manassii v slavianskikh literaturakh*, Sofia, 1988.

Makarijoska L., *Leksikata od oblasta na istorijata na medicinata*, Institut za makedonski jazik „Krstе Misirkov“. Posebni izdanija, 70. Skopje, 2011.

Miklosich F., *Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum*. Emendatum auctum, Reprint, Wien 1862–1865. Neudruck der Ausgabe. Wien, 1977.

Miltenova A., Kirilova A., *Srednovekovni lekovnitsi i amuleti*, Sofia, 1994.

Miltenova A., *South Slavonic Apocryphal Collections*, Sofia, 2018.

Mircea I., *Répertoire des manuscrits slaves en Roumanie. Auteurs byzantins et slaves*, Sofia, 2005.

Năstase D., Unité et continuité dans le contenu de recueils manuscrits dits «miscellanées», *Cyrillo-methodianum*, 5, 1981, 22–48.

Panaiteescu P., Mihail Z., *Catalogul manuscriselor slavo-române și slave din Biblioteca Academiei Române*, 3: *Partea I-A*, Bucharest, 2018.

Pavlov Iv., *Prisustviia na khranenetoto po bulgarskite zemi prez XV–XIX vek*, Sofia, 2001.

Petrova S., *Solomon i mudrostta na vekovete*, Sofia, 2016.

Rusev P., Davidov A., *Grigorii Tsamblak v Rumunija i v starata rumunska literatura*, Sofia, 1966.

Selimsky L., *Etiudi po etimologija i onomastika*, Veliko Tarnovo, 2016.

Štavljanin-Dorđević Lj., Grozdanović-Pajić M., Cernić L., *Opis ćirilskih rukopisa Narodne biblioteke Srbije*, 1 (=Narodna Biblioteka Srbije. Opis južnoslovenskih rukopisa, 2), Belgrade, 1986.

Simeonov sbornik (po Svetoslavoviia prepis ot 1073 g.), P. Dinekov, ed., 1: *Izsladvane i tekst*, Sofia, 1991; 2: *Rechnik-indeks*, Sofia, 1993; 3: *Grietski izvori*, Sofia, 2015.

Stara bulgarska literatura, 1: *Apokrifi*, D. Petkanova, ed., Sofia, 1982; 5: *Estestvoznanie*, A. Miltenova, ed., Sofia, 1992.

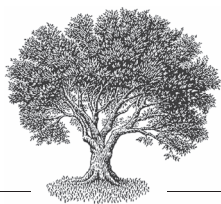
Starobulgarski rechnik, D. Ivanov-Mirchev, ed., 1, Sofia, 1999; 2, Sofia, 2009.

Tierzhestvo na slovoto. Zlatniiat vek na bielgarskata knizhnina, Letopisi, zhitiia, bogoslovie, ritorika, poeziiia, Kl. Ivanov i S. Nikolov, eds., Sofia, 1995.

Velinova V., *Srednobulgarskiiat prevod na Khronikata na Konstantin Manasii i negoviiat literaturni kontekst*, Sofia, 2013.

Марияна Петрова Цибранска-Костова, доктор на филологическите науки
професор, в Института за български език на БАН,
София 1619, бул. Шипченски проход, № 52, бл. 17
България / Bulgaria
m.tsibranska@gmail.com; tzibran@abv.bg

Received 24 May, 2019

«Русский автор» в 1739 году: Г. З. Байер, И. И. Тауберт и формирование русского школьного канона*

**Андрей Александрович
Костин**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономи-
ки»; Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
С.-Петербург, Россия

**Татьяна Владимировна
Костина**

Санкт-Петербургский институт
истории РАН
С.-Петербург, Россия

“Russian author” in 1739: Gottlieb Bayer, Ivan Taubert and the First Steps of Russian School Literary Canon

Andrei A. Kostin

National Research University Higher
School of Economics; Institute of Russian
Literature (Pushkin House) of the
Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Tatiana V. Kostina

St. Petersburg Institute of History of
Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Резюме

В 1730-х гг. в Петербургской академии наук велась разработка учебных про-
грамм для гимназии, которые позволили бы сделать ее учебным заведением,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований: проекты 17-06-00288-ОГН и 18-013-00595.

Цитирование: Костин А. А., Костина Т. В. «Русский автор» в 1739 году: Г. З. Байер, И. И. Тауберт и
формирование русского школьного канона // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 163–197.

Citation: Kostin A. A., Kostina T. V. (2019) “Russian author” in 1739: Gottlieb Bayer, Ivan Taubert and the
First Steps of Russian School Literary Canon. *Slověne*, Vol. 8, № 2, p. 163–197.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.6

This is an open access article distributed under the Creative
Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

готовящим специалистов не только для Академии наук, но и шире — для различных родов государственной службы, где было востребовано знание немецкого и русского языков. По Регламенту Г. В. Крафта (1739) гимназия не просто сохраняла разделение на немецкое и латинское отделения. Преподавание в немецкой школе выстраивалось так, что курсы представляли собой завершённый круг наук, в котором обучение русскому стилю было не менее значимым, чем овладение немецким. Визионерски конструируя классы, где в равной степени смешивались бы ученики с различными родными языками, Академия наук создавала билингвальный корпус учебных пособий, позволявший вести обучение одновременно на немецком и русском языках (и обучать им).

Важнейшим элементом этого комплекса оказывался впервые формально вводимый в русскую школьную программу «русский (по аналогии с латинским/греческим) автор». Эту ключевую позицию заняла изданная в 1736–1737 гг. по-немецки и переведённая в 1737 г. И. И. Таубертом «Азовская история» Г. З. Байера. Анализ комплекса школьных пособий, предлагавшихся Регламентом Крафта, а также книготорговой практики Академии наук начала 1740-х гг. показывает, что этот выбор не был случайным — он согласовывался со взглядами читающей русской публики (а также сотрудников Академии наук) на структуру вербального производства. Маргинальное положение стихотворных текстов в этой структуре и вместе с тем внимание ее акторов к вопросам стиля ставят вопрос о возможности исторического нарратива о русской литературе 1730-х гг., в центре которого оказывались бы коллегиальная работа переводчиков Российского собрания и содержание всей совокупности издававшихся Академией наук книг — не только на русском языке.

Ключевые слова

Г. З. Байер, И. И. Тауберт, XVIII век, Петербургская академия наук, история учебных пособий, теория литературы, история литературы в России, билингвальность

Abstract

In the 1730s, the administration of the St. Petersburg Academy of Sciences redesigned the program of study at the Academy's gymnasium. Their goal was to create an institution capable of preparing specialists not only for the Academy itself, but also for the civil service, which required people educated in both Russian and German. The regulation (*reglament*) developed by Georg Krafft in 1739, besides preserving the previous division of the gymnasium into Latin and German departments, redesigned the instruction offered by the German department to form a full curriculum, in which Russian-style instruction was as important as mastering the German language. This visionary project put together classes in which pupils whose native language was Russian would study in the same classroom as students whose native language was German, which led the Academy to develop a corpus of bilingual (German/Russian) textbooks. A key element of the syllabus was the study of "a Russian author" (analogous to the well-developed system of "reading authors" in European Latin schools), the first time this method had been introduced in a Russian school. Gottlieb Siegfried Bayer's "Azov History" (*Begebenheiten von Azow*, 1736–37), translated into Russian by Ivan Taubert (1737), was chosen as the set text. The

whole syllabus provided by Krafft's 1739 gymnasium regulation, as well as the book-selling practice of the Academy in the early 1740s, makes it clear that the selection of Bayer's book was not coincidental — it corresponded well to the Russian reading public's ideas about proper verbal composition. The marginal status of verse (poetry) in this structure, combined with the actors' attention to questions of style, provide the basis for a new narrative for Russian literary history of the 1730s, centered around the collective work of the translators of the under-studied Russian Society (*Rossijskoe sobranie*), established in 1735. Such a narrative would consider the whole catalogue of books published by the Academy, whether in Russian or in other languages.

Keywords

Gottlieb Siegfried Bayer, Ivan Taubert, 18th century, Russia, St. Petersburg Academy of Sciences, school book history, literary history, historical narrative, bilingualism

В 2015 г. в публикации «Регламента Гимназии при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге» Г. В. Крафта (1739) [Костин, Костина 2015] нам приходилось обращать внимание на то, что этот документ важен в том числе как одно из первых свидетельств о введении в практику школьного образования в России традиции чтения образцового русского автора — по аналогии с устоявшейся (при всем различии и изменчивости канонов) и во многом формировавшей европейскую культуру практикой «чтения автора» в школьном курсе освоения латинского языка и стиля [Curtius 1948 (с последующими переизданиями и переводами); Ong 1959; Black 2001; Green 2009].

Регламент Крафта, в основном определявший учебную программу гимназии Академии наук, по-видимому, вплоть до 1748 г., когда она перешла под управление И. Э. Фишера¹, недвусмысленно указывал, что старшие ученики немецкого отделения гимназии («немецкого главного класса») наряду с геометрией, арифметикой, географией, «универсальной историей и генеалогией» и «катехизмом греческого исповедания» должны были проходить «немецкого автора и разговоры» (с 8 до 10 часов утра в понедельник, вторник, четверг и пятницу) и «русского автора и письма» (также с утра в среду и субботу). Вместе с тем Регламент не указывал, какие именно тексты должны составлять содержание курса, — в этом отношении текст программы немецкого отделения

¹ Известно, что 13 августа 1742 г. Крафт представлял другой Регламент [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 17. Л. 1 об.], менявший, по-видимому, структуру Гимназии: в объявлениях о лекциях 1742 г. она уже описывалась как восьмиклассная. Однако текст этого Регламента пока разыскать не удалось. Набор пособий, использовавшихся в гимназии, между тем оставался неизменным вплоть до передачи дел Фишеру в 1748 г. (см. ниже).

гимназии не отличался от расписания «латинского главного класса», где в третьем классе из четырех предлагалось читать «легкого автора классического», а во втором и первом (старших) — более сложных «авторов классических» [Костин, Костина 2015: 241–245]. Ответ на вопрос о том, на каких текстах строилось изучение «авторов» в немецком отделении Академической гимназии в конце 1730-х гг., как представляется, важен не только для истории этого учебного заведения, но и для лучшего понимания литературной ситуации в России в конце правления Анны Иоанновны.

(Не)классический «автор»

Комментируя текст Регламента Крафта, мы предположили, что «определявший содержание курса русского языка В. Е. Адодуров во 2-й половине 1730-х гг. мог считать образцовым русским автором лишь А. Д. Кантемира» [Костин, Костина 2015: 261], и в качестве наиболее вероятного текста предложили видеть выполненный Кантемиром перевод «Разговора о множестве миров» Б. Фонтенеля. Коллеги (специалисты по истории, истории литературы и языка XVIII века), которым мы задавали вопрос о том, что может скрываться в данном случае под «русским автором», несмотря на разнообразие предлагаемых имен (Кантемир, Тредиаковский, Феофан Прокопович, Гавриил Бужинский и др.), сходились с нами во мнении, что под «автором» следует понимать «писателя»: автора сочинений в жанрах, традиционно в наше время рассматриваемых в курсе истории литературы (ораторская проза, поэзия — сатиры, оды, стихи на случай, драматургия и пр.). Вновь найденные документы, связанные с Регламентом Крафта, показывают, что это не так, — мы должны составить более четкое представление не только о практике «чтения автора» в школе 1730-х гг., но и о том, чем была в России «литература» в переходный период от петровской (преимущественно рукописной или направляемой верховной властью печатной) словесности к «собственно литературе» (особенно позднего) елизаветинского царствования, включающей систему конкурирующих государственных типографий и достаточно обширную группу «писателей» в понимании, близком к современному, взаимодействующих в форме книжных и журнальных публикаций, на театральной сцене или в рукописной полемике.

Готовя к изданию русский текст Регламента 1739 г., мы не учли, что одна из его редакций (немецкая, 1738 г., обозначенная нами сигатурой А) включает в себя после основного текста ряд приложений, в том числе — «Каталог книг, которые по указанию Регламента должны использоваться в Гимназии» (*Catalogus der Bücher, die nach Bezeige des*

Reglement in dem *Gymnasio* sollen gebraucht werden²). Среди 36 номеров этого списка пять позволяют с полной ясностью понять, какие пособия предполагалось использовать в занятиях по русскому и немецкому стилю в старшем классе немецкого отделения гимназии:

10. *Russische Gespräche*, sind fertig.
11. *Russischer Author*, Übersetzung der *Historie* von Azow.
12. *Teutscher Author*, Samlungen der Russischen *Historie*.
13. *Russische Briefe*, davon soll eine Samlung übersetzt werden.
14. *Teutsche Briefe* von Neukirch.³

Таким образом, ответ на вопрос о том, что представлял собой «автор» немецкого отделения академической гимназии в 1738 г., оказывается однозначным: вершиной освоения как немецкого, так и русского стиля оказывалось чтение «Азовской истории» Г. З. Байера — соответственно, в немецком оригинале и русском переводе, выполненном И. И. Таубертом⁴.

Чтобы понять, как текст, заметно отличающийся от современных стандартных представлений о «литературе», занял в гимназическом курсе эту позицию, представляется нужным рассмотреть как школьный, так и более широкий читательский контекст его бытования.

Учебные пособия академической гимназии конца 1730-х гг.:
билингвальный комплекс

Распределение готовых к использованию в классе, переведенных (на русский язык) и оригинальных немецких текстов в перечне, приложенном к Регламенту Крафта, позволяет уверенно говорить о том, что занятия русским и немецким стилем не предполагали разделения аудитории на учеников, для которых тот или иной язык не был родным: вместе с «русским автором» должно было использоваться одно из эпистолярных пособий Б. Нейкирха и «собрание русских писем»; вместе с «немецким автором» — четырехязычные «Школьные разговоры»,

² При передаче немецкого текста здесь и далее сохраняется орфография источника. Язык немецкоязычных документов академической гимназии 1730-х гг. предполагал многочисленные иноязычные вставки, для которых и в рукописных документах, и в печатных книгах использовалась иная графика. Для сохранения этого графического разнообразия здесь и далее иноязычные вставки приводятся курсивом.

³ «10. Русские разговоры, готовы; 11. Русский автор, перевод Азовской истории. 12. Немецкий автор, Собрание российской истории. 13. Русские письма, сборник которых следует перевести. 14. Немецкие письма, Нейкирха» (пер. А. Костина). СПбФ АРАН. Р. 1. Оп. 70. № 5. Л. 82. Ср.: [Костина, Кирикова 2018: 207–209].

⁴ См. прим. 22, 23, 24.

подготовленные М. Шванвицем на основании пособия И. Ланге и изданные Академией наук в 1738 г.⁵

Сказанное, как представляется, позволяет увидеть, что подбор учебных пособий в немецком классе академической гимназии по Регламенту Крафта определялся возможностью использовать их билингвально — так, чтобы в распоряжении учеников оказывались дублирующие друг друга русские и немецкие тексты. Требование это распространялось не только на пособия по языковым курсам, но и, по-видимому, на все курсы программы (начало работы над которой приходится на 1737 г. и связано с вызванной пересмотром недорослей образовательной реформой [Федюкин 2014]). Названия курсов начальных классов гимназии⁶ показывают, что изучение русского и немецкого языков (а также основ латинской грамотности) проходило в одних классах и параллельно. К сожалению, из пособий по чтению (азбук), единообразно указанных в приложении к Регламенту Крафта как отпечатанные (1. *Rusisches ABC Buch, ist bereits vorhanden*; 3. *Teutsches ABC Buch, ist bereits vorhanden*; 7. *Lateinisches ABC Buch ist bereits vorhanden*), относительно надежно можно атрибутировать только русскую азбуку — «Юности честное зеркало»⁷. Скорее всего, тексты использовавшихся латинской и немецкой

⁵ Подробнее о пособиях в приложении к Регламенту см. в работе: [Костина, Кирикова 2018]. В статье не учтены важные работы Г. Кейперта [Keipert 1994a; Keipert 1994b].

⁶ В нижнем классе: «читать по-русски, по-немецки и по латыни», «начало русской и немецкой грамматики», «писать по-русски, по-немецки и по-латыни»; в среднем классе: «русская и немецкая грамматика», «русские и немецкие переводы», «русские и немецкие разговоры».

⁷ Изданные Академией наук «Азбуки немецкия и латинския» упоминаются в соответствующих каталогах начиная с 1731 г. [Winter 1953: вкл. м. 196–197; Беляев 1896: 5; Verzeichnis 1739: A2r]. В каталоге академических изданий 1731 г. значатся только латинская и немецкая азбуки, продающиеся по 8 коп.; в каталоге 1735/1736 г. — латинская по 8 коп., а также немецкая и французская, по 10 коп. каждая; наконец, в каталоге 1739 г. — латинская, немецкая и французская азбуки, по 10 копеек каждая. Продажа по новой цене означает, что немецкая и латинская азбуки выпускались Академией наук в 1730-х гг. по меньшей мере дважды каждая. Из этих пособий по «Сводному каталогу книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке» предположительно удается идентифицировать лишь латинскую азбуку (№ 10) [Сводный каталог 1984: 17]. Неясна датировка петербургской немецкой азбуки, описанной под № 8. В качестве русской азбуки могла использоваться как азбука-восьмилистка, так и букварь в составе «Первого учения отроком» Феофана Прокоповича, однако следует учитывать, что оба пособия предлагали обучение только церковному алфавиту. Двухязычный букварь «Начало писмен детям к наставлению на латинском языке», предлагающий также только церковный шрифт для русского языка, впервые изданный в 1724 г. и переизданный из-за исчерпания запасов в 1739 г., распространялся по епархиальным семинариям [Описание 1913: 246–248]. Русская азбука, создание которой было поручено 7 июля 1738 г. Российскому собранию Корфом [Пекарский 1870: 640], по-видимому, не была подготовлена. Использование «Юности честного зеркала» (несохранившегося

азбуки отличались от этого учебника; однако в случае с другим элементарным пособием — прописями — можно предполагать связанность содержаний немецкого и русского варианта.

На необходимость издать три прописи указывает приложение к Регламенту 1739 г.: «2. *Russische Vorschriftten*... 4. *Teutsche Vorschriftten*... 8. *Latinische Vorschriftten*»; во всех трех случаях добавлено: «... in Kupfer gestochen, sollen gestochen werden»⁸. Начальная версия Регламента была обсуждена Конференцией Академии наук к 24 ноября 1738 г., впоследствии работа над ним шла до лета 1739 г.; немецкий список Регламента, содержащий перечень учебных пособий, предположительно датируется концом 1738 г. Упоминаемые здесь латинские и немецкие прописи были выгравированы и отпечатаны к марту 1739 г. и поступили в распоряжение гимназии в апреле; 1 апреля Крафт предлагал «таковыя прописи на русском языке сделать», на что академическая Канцелярия приняла решение: «для русских прописей сыскать искуснаго письму человека из иностранной коллегии, и как прислан будет, то по правописанию его гридировать доски»; отпечатаны они были не позже марта 1740 г. [Материалы IV: 85–86, 356–357]⁹. К сожалению, экземпляры этих прописей, — в реестрах досок гравировальной палаты числившихся как «учебная азбука российская и немецкая» или «учебная азбука словесная, российская и немецкая» (на 23 или 26 листах 4°) [Материалы V: 533; Материалы IX: 465], — не сохранились или неизвестны. Можно предполагать, что по содержанию в текстовой части они предлагали одинаковый материал.

Если в случае с элементарными пособиями по чтению и письму билингвальный характер учебных текстов немецкой гимназии гипотетичен, то для основных учебников немецкой гимназии он становится очевидным.

академического издания 1737 или известного 1740 г. [Луппов 1976: 133–134]) в качестве азбуки устанавливается по описанию библиотеки инспектора гимназии, зафиксированному в перечне, составленном в марте 1748 г. при передаче этой должности от П.-Л. Леруа к И.-Э. Фишеру ([Материалы IX: 119]). Примечательно, что в 1737 г., незадолго до приема в гимназию грузинских царевичей князей Багратионов, в Академии наук была издана грузинская и русская азбука (гражданского шрифта), включавшая в том числе элементарный материал для чтения на латинском и немецком языках.

⁸ «2. Русские прописи ... 4. Немецкие прописи ... 8. Латинские прописи вырезанные на меди; следует вырезать». В каталоге досок, хранившихся в Гравировальной палате Академии наук в 1790-х гг., под № 57 упоминаются 11 листов русских и 6 листов немецких форшрифтов; публикаторы каталога предположительно идентифицируют их с прописями из пособия Ф. И. Янковича де Мириево «Прописи, расположенные по правилам Руководства к чистописанию» (СПб., 1782); см.: [Гравировальная палата 1985: 178, 192].

⁹ Изданные Академией наук прописи отсутствуют в каталоге академических книг 1739 г. и появляются в каталоге 1740 г., причем «*Vorschriftten Teutsche, Französische, und Lateinische* 45 Cop.» упомянуты среди вышедших книг, а «*Russische Vorschriftten*» — среди книг, готовящихся к изданию. [Verzeichnis 1739; Verzeichnis 1740: [11–12]].

Как уже сказано выше, билингвальный аспект виден уже из названий курсов младших классов (в нижнем классе: «Начало русской и немецкой грамматики»; в среднем классе: «Русская и немецкая грамматика», «Русские и немецкие переводы», «Русские и немецкие разговоры»). И хотя в случае с грамматическим курсом мы, по-видимому, имеем дело с преподаванием по пособиям, различавшимся для этих языков, более важным представляется тот факт, что пособия эти оказывались двуязычными; каждый из двух языков преподавался одновременно как родной и иностранный. «Немецкая грамматика» Шванвица и в ее начальном издании (1730), и во втором, существенно отредактированном В. Е. Адодуровым (1734), и в последующих представляла собой двуязычное издание и, соответственно, могла использоваться как русско-, так и немецкоязычными учениками. Точно так же билингвально, по-видимому, строилось преподавание русской грамматики. Список пособий, приложенный к Регламенту Крафта 1739 г., включает «5. *Rusische Grammatic, ist bereits vorhanden*»¹⁰, — в качестве «готовой» (напечатанной) грамматики речь здесь может идти только о составленном Адодуровым приложении к Вейсманову лексикону — «*Anfangs-Gründe der Rußischen Sprache*» (1731); между тем известно, что в 1738–39 гг. курс читался в том числе по-русски для русскоязычных учеников, причем в редакции, заметно более полной, чем краткие «*Anfangs-Gründe*» [Успенский 1975]¹¹.

Взаимосвязанность пособий русской и немецкой частей курса видна и в предметах, названных в Регламенте 1739 г. «переводами» и «разговорами». В последнем случае (в немецкоязычной редакции этот предмет назван «*Rusische und Teutsche dialogi*») пособием оказывались, скорее всего, переведенные на русский язык Шванвицем и изданные впервые в 1738 г. на четырех языках (русский, латинский, немецкий, французский) «Школьные разговоры» (*Tirocinium dialogicum*) Ланге¹². Что касается «переводов» как составной части языкового курса («*Leichte Versiones*», как они названы в немецкоязычной редакции Регламента), то использовавшиеся для них пособия остаются неизвестными, однако можно с уверенностью говорить, что тексты для переводов не различались для русско- и немецкоязычной частей аудитории¹³.

¹⁰ «5. Русская грамматика, уже готова»; ср.: «6. *Teutsche Grammatic, ist bereits vorhanden*».

¹¹ В свете выявленного параллельного изучения русской и немецкой грамматик учениками Академической гимназии приобретают особое значение наблюдения Г. Кайперта о взаимовлиянии теоретического аппарата грамматик Шванвица и Адодурова [Keipert 1983].

¹² См. прим. 6.

¹³ Можно предположить, что в качестве пособия использовались «Смешанные речи» (предположительно созданные И. Паузе на основании учебников Г. В. Лудольфа, Я. Коменского и Й. Ланге), поступившие в продажу в конце

Билингвальность учебных пособий немецкой части гимназии Академии наук особенно заметна в предметах старшего класса. Дублирование русского и немецкого текстов предполагалось здесь не только курсами языка и стиля (русский/немецкий автор; письма; разговоры, — см. об этом выше), но и курсами «Арифметики» и «Геометрии», «Географии», «Универсальной истории и генеалогии». Три из них были подготовлены по-немецки профессорами Академии наук и переведены ее сотрудниками (география и геометрия Крафта; арифметика Эйлера¹⁴). Аналогично задуманное пособие по истории («15. *Universal Historie, nebst der Genealogie; soll bey der Academie verfertigt werden, nebst einem Anhang von der Mythologie*»¹⁵), составление которого академическая Канцелярия в начале 1739 г. поручила Я. Штелину [Материалы IV: 57], не было осуществлено. Пособием, использовавшимся в немецкой гимназии для курса истории, с начала 1739 г. стало «*Einleitung zur Universalhistorie*» Г. Кураса [Ibid.: 56] (первое изд. — Berlin, 1723), к 1746 г. переведенное С. С. Волчковым («Введение в генеральную историю»; СПб., 1747). Это пособие сменило использовавшийся на протяжении 1730-х гг. учебник И. Гюбнера «*Kurtze Fragen aus der politischen Historia*» [Кирикова, Костина 2018: 198–200, 203].

Билингвальность курса и билингвальность аудитории

Анализ уставных документов академической гимназии и личного состава ее учеников позволяет установить, как к 1738 г. в этом учебном заведении сложился во многом визионерский билингвальный курс.

В 1735 г. гимназия Академии наук была разделена на два отделения — «немецкий» и «латинский» главные классы, различные прежде

1730-х гг. [Keipert 1999; Костина, Кирикова 2018: 201–202]. Книга (возможно, продававшаяся недопечатанной, т. к. полного комплекта печатных листов неизвестно) составлена из фраз, представленных параллельно на русском и немецком языках, причем в учебных целях сложные предложения разбивались на составляющие их простые. В курсе латинской школы элементарные тексты для перевода черпались, по-видимому, в разделе с краткими извлечениями исторических фрагментов из античных авторов, включенном в пособие «*Compendium Grammaticae Latinae, Oder: Kurtzer Auszug Aus der grösseren Lateinischen Grammatica Marchica*» (первое изд. — Berlin, 1716), составлявшее основу для курсов латинской школы академической гимназии и переведенное позже В. И. Лебедевым.

¹⁴ «*Kurtze Einleitung zur mathematischen und natürlichen Geographie*» (1738; «Краткое руководство к математической и натуральной географии» в пер. Ф. Эмме — 1739) и «*Kurtze Einleitung zur theoretischen Geometrie*» (1740; «Краткое руководство к теоретической геометрии» в переводе И. Голубцова — 1748); «*Einleitung zur Rechen-Kunst*» (1738–1740; «Руководство к арифметике» в пер. В. Е. Адодурова — 1740).

¹⁵ «15. Всеобщая история с генеалогией, следует приготовить при Академии, с приложением Мифологии».

всего не по языку, но по цели образования [Костин, Костина 2015: 224]. Латинская гимназия, по большому счету, готовила детей, которые после ее окончания должны были переходить в университет; немецкая давала общее образование, не предполагавшее дальнейшее занятие «науками». Между тем обучение в обеих «школах» обязывало к изучению латинского языка: ученики младшего и среднего немецких классов проходили этот курс (по 4 аудиторных часа из 26 в неделю), «понеже и тем, которые немецкому языку весьма себя вдать пожелают, латинского языка некое знание иметь полезно будет». В общей системе немецкие классы оказывались подготовительным этапом к латинской школе, безусловным требованием к поступлению в которую было знание немецкого языка («тот только принят будет, кто немецкий язык хотя посреднему знать будет, дабы учителя, учащего по немецки, понимать мог») [Материалы II: 654–665, 670–680]. Регламентом 1739 г. эта структура гимназии в целом сохранялась; более того, с уничтожением нижнего латинского класса — квинты — количество аудиторных часов немецкого главного класса, на которых могла преподаваться латынь, увеличивалось — соответственно до 10 и 6 в нижнем и среднем классах. Квалификационным требованием для поступления в латинскую школу становилось знание не только немецкого, но и латинского языка («не принимать никого кроме тех, которые уже по-латыне читать и писать умеют, а о немецком языке то наперед разумеется») [Костин, Костина 2015: 243].

При всей кажущейся преемственности двух регламентов ужесточение требований для зачисления в латинскую школу не было лишь косметическим изменением. Петровский «Проект» 1724 г. о создании Академии наук встраивал создающуюся в ее составе гимназию в систему подготовки ученых; эту специфику учитывали все уставные документы учебных заведений Академии до принятия ее Регламента 1747 г. Организация особого (не связанного с научной карьерой и ориентированного на дворян) отделения гимназии, составляющая основу институциональных поисков руководства Академии в 1730-х гг. в области образования, требовала интеллектуальных усилий по интерпретации основного уставного документа, вполне оформившихся лишь в Регламенте Крафта. Показательны здесь изменения, введенные этим документом относительно преамбулы предшествующего регламента, «Формулы гимназии» 1735 г.

В «Формуле гимназии» единственной целью ее существования объявляется («Gymnasium ... ea fini est institutum»), «чтоб честные юноши, свободным наукам обучавшиеся, могли достигнуть до познания наук академических», но допускается оговорка, что «понеже не всякие

разумы до науки способны суть, а некоторые до высоких наук и допустить не надлежит, однако ж и тем, которые в иное жития состояние вступить имеют, будет в гимназии место, что и они от сего наставления (ab hac institutione. — А. К., Т. К.) не малую пользу воспринять могут» [Материалы II: 670]¹⁶. Академия в этой системе становится единственной инстанцией, определяющей способность обучающихся в гимназии детей быть допущенными к кругу высших наук; тем, кто не желает или не имеет способности к такому обучению, предлагается получить пользу от простого соприкосновения с установленной школой «свободных наук». При сохранении большинства содержательных элементов «Формулы» Регламент Крафта меняет саму логику преамбулы. Подготовка к университетскому курсу объявляется лишь «главным намерением» (Haupt-Absicht) гимназии, при этом в качестве самостоятельной дополнительной цели (Neben-Absicht) описывается другая модель образования, существование которой определяется не способностями учеников и экспертизой преподавателей, но внешней по отношению к Академии наук институцией: «притом не надлежит оставлять и другого также полезного намерения [Neben-Absicht. — А. К., Т. К.], а именно: понеже из родителей некоторые склонности не имеют, а другие и не в состоянии детей своих при науках содержать, но токмо желают, чтоб они какому-нибудь языку или одной какой науке, которая б им в будущем состоянии их жития некоторую пользу приносить могла, обучены были, то надлежит и сие их желание удовлетворять, что весьма легко учиниться может, а особливо ежели первое [т. е. подготовка к университетскому курсу, Haupt-Absicht. — А. К., Т. К.] на добром основании учреждено» [Костин, Костина 2015: 240; ср. СПбФ АРАН. Р. I. № 70. Л. 60 об.]. Существенно более важной, чем высокие требования к зачислению в латинскую школу, оказывалась возможность для учащихся немецкой школы (их родителей) самостоятельно определить набор изучаемых языков, выбрав специализацию (немецко-латинскую «научную» или немецко-русскую «полезную») с момента зачисления в школу [Костин, Костина 2015: 239–240]. Регламент 1739 года, таким образом, устанавливал правомочность нелатинской школы «полезных наук» в составе гимназии, отвечая на запрос родителей учеников или конструируя его.

¹⁶ Ср.: «Cum autem non omnia ingenia ad eruditionem apta sunt, quaedam etiam ab optimarum artium studiis depelli praestat: erit tamen in Gymnasio iis quoque locus, qui aliud vitae genus ingressuri sunt, quos nihilo minus ab hac institutione haud exiguum utilitatem capturos esse apparet» (букв. пер.: «Поскольку не все умы способны к эрудиции, а некоторые даже следует от изучения высших наук удерживать, будет в Гимназии место и тем, кому надлежит вступить в иной род жизни, которым подобает получить от этого установления [порядка подготовки к высшим наукам. — А. К., Т. К.] немалую пользу») [Материалы II: 654].

Как позволяет судить созданная Т. В. Костиной база данных академических гимназистов [Костина 2018], изменения в статусе немецкой школы и структуре классов привели к существенным изменениям в национальном составе немецкой школы в составе гимназии. До 1738 г. немецкая школа была преимущественно учебным заведением для русскоязычных детей, желавших освоить немецкий язык; дети из нерусскоязычных семей поступали в нее очень редко (за пять лет, с 1734 по 1738 г., только 32 человека из 282¹⁷, т. е. немногим больше 10%). Наоборот, с 1739 по 1741 г. дети из нерусскоязычных семей составили более трети из поступивших (51 из 141; в 1739 г. – 23 из 40, более половины). Билингвальный характер перечня учебных пособий, приложенного к немецкому списку Регламента, относящемуся к 1738 г., показывает, что подобный национальный состав учеников немецкой гимназии в 1739 г. сложился не случайно, но планировался создателями Регламента. Немецкий класс был прежде всего школой иностранного языка: в одном классе и под руководством одного учителя русскоязычные дети учились немецкому языку, немецкоязычные — русскому (а братья Иван и Ионафан Багратионы и сын пленного шведского капрала Карл Бергстрем, по-видимому, — обоим). При том, что Регламент допускал освобождение ученика от изучения одного из преподающихся языков, порядок этот был экстраординарным: «понеже ... усмотрено, что как ... не всех русских детей ... к учению немецкого языка, так и не всех иноземческих детей к учению российского языка принудить можно, то в рассуждении сих обоих языков оставляется на волю инспектора Гимназии, которых учеников ... он от того уволить хочет» [Костин, Костина 2015: 242]. Нормальным (строящимся на естественном «принуждении») предполагалось изучение обоих языков, при этом, как можно судить по III статье Регламента, несмотря на сохранение названия «немецкого главного класса», основным для этой школы оказывалось изучение русского языка: «всем молодым людям, которые в оной приняты будут, кроме русского и немецкому языку обучаться» (*neben der Ruischen auch die Teutsche Sprache zu erlernen*) [Костин, Костина 2015: 239–240; СПбФ АРАН, Р. I, Оп. 70, № 5, л. 61].

В этой системе чтение «русского автора» (и соответствующего ему немецкого) оказывалось ключевым предметом курса, и выбор текста имел существенное значение.

Выбор «русского автора»: альтернативы и ориентиры

Как можно было заметить из приведенного обзора учебных пособий, предлагавшихся Регламентом Крафта, упор в нем делался не просто на

¹⁷ Данные приведены по состоянию базы данных на 8 декабря 2019 г.

билингвальность курсов, но на учебники, подготовленные и изданные Академией наук. Текст, выбранный в этой ситуации создателями программы для чтения в качестве «немецкого» и «русского автора» («Азовская история» Байера/Тауберта), представляет особый интерес. Несмотря на ограниченность репертуара изданных Академией наук к 1739 г. книг, предлагавших читателю возможность параллельного чтения русского и немецкого текстов, он включал все же более десятка заглавий [ср.: Verzeichnis 1739]. Здесь были и отдельные научные издания сотрудников Академии наук («О мерянии земли» Делиля; «О солнечных часах» Брюкнера), и краткая энциклопедия универсальных знаний («Расположение учений ... Петра Второго» Г. Бильфингера, включающее в том числе написанное Феофаном Прокоповичем краткое наставление в христианском законе), и сочинения, связанные с политическими событиями, церемониальной жизнью и праздниками двора (описание коронационной церемонии Анны Иоанновны и различные дипломатические акты), в том числе поэтические (хореическая ода Тредиаковского на взятие Данцига и те окказиональные немецкие панегирики, в переводе которых создавался силлабо-тонический русский стих [Алексеева 2005: 91–159]); и, наконец, периодические издания, позволявшие отобрать для чтения тексты любого из перечисленных типов: русские и немецкие календари, «Ведомости» и «Примечания» на них.

Несмотря на все это разнообразие книг, брошюр и листов, включавших в том числе и тексты, которые могли бы быть отобраны в современную историко-литературную хрестоматию, для чтения в гимназии был выбран текст иного типа — пространное историческое сочинение, обосновывающее право России на недавно отвоеванные у Турции приазовские территории, вписывающее историю этих земель (и владеющей ими Российской империи) в контекст истории универсальной, — с древними скифами, войнами Александра Македонского и Юлия Цезаря, торговой экспансией Генуи, европейскими завоеваниями монголов и становлением Османской империи, подводящими к завоеванию Азова войсками Петра I в 1696 г. и его потере после Прутского похода 1711 г.

Чтобы увидеть школьную логику в этом выборе учебного пособия (предпочтении «истории» «литературе»), представляется важным посмотреть на то, каких «авторов» предлагалось читать ученикам академической гимназии в курсах французского и латинского языков, круг учебных пособий для которых не был ограничен билингвальными требованиями «немецкого главного класса» (и кругом изданий Академии наук). Наиболее показателен здесь пример с французским «автором». Приложение к Регламенту Крафта предлагает для этого предмета только одну книгу, «Les règles de la vie civile» Ж.-Б. Бельгарда (первое издание —

Paris, 1693). Это сочинение представляет собой поздний образец «зеркала государя» — свод правил поведения, обращенный к «политичной» жизни двора и проиллюстрированный краткими примерами из истории (в политической литературе, распространившейся в России в петровское и постпетровское время, наиболее близкими оказываются «Увещения и приклады политические» Юста Липсия в переводе Симона Кохановского). Чтение «автора» в этой системе предполагало, таким образом, подчинение занимательности нравоведению, предпочтение фрагментированных фабул — единому сюжету, а «историчности» — вымыслу.

С этой точки зрения, по-видимому, следует смотреть и на отбор авторов для «латинского главного класса», где чтение классиков распадалось на три ступени. На первой (третий класс) изучался «лехкий латинский классический автор»; приложение к Регламенту показывает, что автором этим оказывался Корнелий Непот [Кирикова, Костина 2018: 198–199, 202, 204, 208]. Предпочтение Непота Цезарю, наблюдаемое по истории учебных пособий Академии наук 1730-х гг., а также другим использовавшимся в то же время в Европе авторам для начального чтения (письма Цицерона; латинские басни Эзопа и др.) достаточно показательно: выбирается автор, хотя и не отличающийся изысканностью слога, но сопровождающий изложение отчетливой, в том числе политической, моралью; предлагающий читателю собрание небольших по объему и не связанных между собой биографий. На второй ступени (второй класс) читались «несколько трудный классический автор» и «лехкий латинский стихотворец». Это были, соответственно, Юстин (заметно фрагментированное, особенно в поздних книгах с их формулой перерыва «Dum haec in X geruntur, interim...», идущее от одной яркой выписки из источника к другой повествование, а не значительно более цельные и риторически нагруженные истории Тита Ливия или Квинта Курция) и «Тристий» Овидия (фрагментарные lamentации отлученного от двора поэта, соответствующие установке на «историчность» автора и использование мифологии только в качестве декорума, а не основы повествования, чем вызвано, по-видимому, их предпочтение «Метаморфозам»¹⁸). Наконец, на высшей ступени (первый класс) толковались

¹⁸ Стоит заметить, что чтение «Тристий» и «Писем с Понта» (а не «Метаморфоз») в качестве учебного пособия было нормальным и для немецких иезуитских школ в XVI–XVIII вв. (см. по указателю в: [Pachtler 1894]), и для учебных заведений А. Франке в Галле, на которые во многом ориентировалась учебная программа академической гимназии в 1730-х гг. ([Geschichte 1896: 262]; о значении пиеизма для языковых курсов Академии наук см.: [Keipert 1987]). В чтении Непота как начального автора латинского курса петербургская гимназия также, по-видимому, следовала за Галле [Geschichte 1896: 258–259, 280]), между тем в иезуитских программах этот автор появлялся лишь в единичных программах не раньше 1735 г.

«трудный латинский классический автор и стихотворец» — избранные речи Цицерона и Вергилий; только на этой стадии обучения, представляющей собой, по сути, подготовительный класс университета, ученик (готовый к профессиональной подготовке ученого) допускался к целостному эпическому рассказу и чтению утонченной связанной риторической речи.

«Азовская история» Байера соответствовала всем отмеченным требованиям. Составленная из написанных разрозненно, объединенных лишь общим местом действия (северное Причерноморье) фрагментов, распадающихся на отдельные самостоятельные элементы¹⁹, подчеркнуто историчная, твердая в моральной оценке исторических персонажей, эта книга идеально подходила для изучения в качестве «лучшего автора» немецкой гимназии.

После Регламента: «Азовская история» как учебный текст

«Азовская история» была написана Байером в связи с важнейшим эпизодом Русско-Турецкой войны 1735–1739 гг. — осадой и взятием Азова в мае 1736 г. войсками под командованием П. П. Ласси²⁰. Оригинал на немецком языке был опубликован сначала как цикл статей в «Sammlung Rußischer Geschichte»²¹, а затем отдельной книгой²². Она стала одним из последних трудов Байера. В 1737 г. он собирался вернуться на родину и даже отослал в Кенигсберг свою библиотеку, но не успел выехать и

¹⁹ Ср. содержание книги, соответствующее названиям статей, напечатанных в нескольких выпусках «Sammlung Rußischer Geschichte» (см. прим. 22).

²⁰ Осада началась 8 (19) мая 1736 г. Наиболее раннее известие о запросе Байером материалов по истории Азова (русской рукописи «об азовской экспедиции» из собрания И. В. Паузе) относится к 12 мая; 16 июля он передавал в академическую Канцелярию вторую главу сочинения [Протоколы 1897: 269, 278, 280–281, 286]. 25 сентября 1736 г. архив Иностранной коллегии в Москве предоставил Академии наук справку в связи с работой Байера над историей Азова [СПбФ АРАН. Р. III. Оп. I. № 84]

²¹ [Bayer G. S.]: a) Alte Azowische und Crimische Begebenheiten // Sammlung Rußischer Geschichte. 1736. St. 1. Bd. 2. S. 36–80; b) Azow unter den Genuesern, Tatern und Türcken // Sammlung Rußischer Geschichte. 1737. Bd. 2. St. 2. S. 81–103; c) Azow unter den Cosacken // Sammlung Rußischer Geschichte. 1737. Bd. 2. St. 2. S. 104–125; d) Was Azows halben bis 1695 vorgefallen // Sammlung Rußischer Geschichte. 1737. Bd. 2. St. 2. S. 126–178; e) Belagerung und Eroberung von Azow im Jahr 1695 und 1696 // Sammlung Rußischer Geschichte. 1737. Bd. 2. St. 3. S. 179–255; f) Anhang // Sammlung Rußischer Geschichte. 1737. Bd. 2. St. 3. S. 256–270.

²² [Bayer G. S.] Begebenheiten von Azow wie selbiges lange vor Christi Geburth von den Griechen erbauet und bewohnt worden, welche Völcker es sonsten zu verschiedenen Zeiten besessen, wie es samt den umliegenden Ländern vor alters unter Rußland gestanden, hernach in Polowzische, Genuesische und Türckische Hände gerathen, und wie es endlich von Rußland wieder erobert worden, in einem kurtzen Zusammenhange verfasst. St. Petersburg: Aus der Buchdruckerey der Academie der Wissenschaften, [1736]. 242 с., [2] л. табл., план.

скончался в Петербурге в феврале 1738 г. [Пекарский 1870: 192]. Выполненный Таубертом русский перевод «Краткой истории ... Азова», напечатанный в 1738 г., вышел уже после смерти автора²³.

Для понимания контекста создания «Азовской истории» и ее появления среди школьных текстов важно, что Байер по заключенному с ним в 1725 г. контракту был назначен в Академию не только профессором древностей и языков восточных, но и руководителем учебного процесса юношества, т. е. Академической гимназии [Материалы I: 150]. Не удивительно поэтому, что наряду с Х. Гольдбахом, Л. Эйлером и Г. В. Крафтом он входил в состав комиссии, которая была собрана 26 августа 1737 г. «для лутчаго при Академии в гимназиях порядка и учреждения, о содержании учеников и обучении» [Материалы III: 470]. Результатом деятельности этой комиссии и стал доработанный Крафтом «Регламент Академической гимназии» 1739 г.

Точный тираж первых изданий «Азовской истории» пока не установлен, но представление о нем можно получить из отчета типографии за 1737 г. В нем было сказано, что уже напечатано 1200 экземпляров книги «Замлунк, Собрание всяких до Российской истории принадлежащих известий», т. е. журнала, в этом году по большей части и состоявшего из «Азовской истории»; 500 экземпляров книги «История Азовская»; и что в обеих типографиях, русской и немецкой, «ныне печатается... Гистория Азовская на русском и немецком» [Летописи 1863: 28 (3-й пар.)]. О тираже немецкого издания можно судить по тому, что к концу 1752 г. в академической книжной лавке оставалось нераспроданными 893 экземпляра [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 6. № 23. Л. 30–35].

О том, что пособие в гимназии сразу же начали использовать на практике, мы можем судить по его заказам для учеников в книжной лавке Академии наук. В 1739 г. экземплярами «Азовской истории» награждали учеников немецкого класса, показавших лучшие успехи на экзаменах 3–5 мая²⁴. Часть экземпляров почти все время находилась у инспектора гимназии в запасе («в архиве при Гимназии»), что обнаруживалось в 1744 г. при передаче дел от Крафта к Мессеру (3 экз. на рус. яз.), в 1748 г. при передаче от Леруа к Фишеру (10 экз. на нем. и 15 на рус. яз.) и в 1750 г. при отчете Фишера перед Канцелярией (8 экз. на

²³ [Байер Г. 3.] Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу. Переведено с немецкаго языка чрез И. К. Тауберта, Академии Наук Адъюнкта. В Санктпетербурге: При Императорской Академии Наук, 1738. 284 с., план.

²⁴ В немецкой гимназии шесть учеников (Иван Сердюков, Сергей Ахчурин, Петр Ушаков, Михаил Соймонов, Василий Горохов, Иван Орлов) получили экземпляры «Азовской истории» в 8° или «Русские разговоры» в 8° [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 47. Л. 176 об.].

нем. и 13 экз. на рус. яз.) [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 87. Л. 291; Материалы IX: 119, Материалы X: 461]. Известно, что два экземпляра, русский и немецкий, наряду с картами и другими учебными пособиями, в 1748 г. находились непосредственно в немецких классах гимназии, в которых они и использовались [Материалы IX: 122].

Использование книги в Академической гимназии (собственно «чтение автора») предполагало высокий уровень владения немецким языком, достигавшийся только к высшему классу немецкой гимназии. По-видимому, подтвержденный 24 июня 1747 г. «Регламент Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге» вместе с новым штатом не способствовали сохранению уровня подготовки учеников в немецком языке. Гимназии теперь полагался только один преподаватель немецкого, а главное, объявлялось, что «учители все обучать должны на русском языке» [Уставы 1975: 52].

17 марта 1748 г. ректором Академической гимназии был назначен Фишер. Леруа, бывший до этого инспектором и не вносивший новаций в педагогическую практику, остался в ней преподавателем высшего французского класса [СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 594. Л. 36]. В первое время своего ректорства Фишер, по-видимому, планировал придерживаться налаженной системы преподавания. В июне 1748 г. по его запросам ученикам из книжной лавки Академии наук в числе прочего дважды выдавались экземпляры «Азовской истории» [Idem. Л. 71, 81]. Однако уже 10 сентября Фишер докладывал в рапорте в Канцелярию: «В гимназии не имеется годного автора, ибо Азовская история ученикам очень тяжела, а Разговоров Ланговых в книжной лавке нет. Того ради сим представляю, чтоб повелено было вновь напечатать оные Ланговы разговоры или, ежели соблаговолено будет, те разговоры, которые господин профессор Крузиус на латинский язык перевел, в печать отдать» [Материалы IX: 404]. Тогда он вернул в книжную лавку 20 экземпляров «Азовской истории» (по 10 русских и немецких), пояснив, что «оных книг в книжной лавке нет, а у меня их за излишком явилось» [Ibid.].

Тем не менее, и в последующее десятилетие «Азовская история» продолжала находиться среди учебных пособий, использовавшихся в Академической гимназии. Так, профессор С. К. Котельников, назначенный инспектором гимназии 6 апреля 1761 г., обнаружил книгу среди пособий, имеющих у учителей и учеников [Владимиров 1867: 37].

Разрозненные косвенные данные позволяют предполагать, что учебник использовался не только в Академии наук, но и в частном преподавании, а также в других учебных заведениях. Так, известно, что в августе 1741 г. В. Н. Татищев при отъезде в Астрахань взял из книжной лавки Академии наук книги, которые, судя по наличию в списке 5

экземпляров «Юности честного зеркала», намеревался использовать в учебном процессе. Среди них была и «Азовская история» [Материалы IV: 720].

Новый всплеск в использовании «Азовской истории» как учебника был связан с переизданием русского варианта в 1768 г. в количестве 606 экземпляров [Самарин 1998: 79]²⁵. В том же 1768 г. разошлось 126 экземпляров книги, в 1769 г. еще 81, а в 1770 г. еще около 100, после чего наметилось снижение спроса [Ibid.]. Можно полагать, что «Азовскую историю» в эти годы начали использовать, помимо Академической гимназии, и в других учебных заведениях. Сохранились экземпляры «Азовской истории» (1768), на которых имеются маргиналии, показывающие вероятное использование книги в обучении²⁶.

«Азовская история» и ее читатели

Учебный узус книги, однако, должен рассматриваться лишь в связи с ее общим положением среди русских изданий первой половины XVIII века. Как представляется, статус «Азовской истории» для читающей публики в момент выхода и следующее за ним десятилетие был чрезвычайно высоким. Об этом говорит не только то, что книга входила в библиотеки столичной элиты (зачастую не в одном экземпляре) [Луппов 1976: 174–175; Байбунова 1996: 421–429] или то, что за первые десять лет первое издание было распродано почти полностью²⁷. Наиболее явно это позволяет увидеть известный эпизод 1742–1743 гг., когда сотрудники Академии наук были вынуждены отбирать в книжной лавке книги, которые могли бы частично возместить им более года не выплачивавшееся жалование (заявления содержали мотивировки бедственного состояния просителей, близкие такому: «наг и бос, но и дневною пищею с великою нуждою пробавляюся» [Материалы V: 794]). Эта ситуация заставляла делать выбор в пользу ликвидного товара: книг, которые — в реальности или воображении заявителей — можно было продать быстро и с наименьшей уценкой. Как показывают индивидуальные и

²⁵ Переиздание «Азовской истории» в 1768 г. было связано, скорее всего, с политическими событиями — началом Русско-Турецкой войны 1768–1774 гг.

²⁶ См., например, экз. БАН № 23607, содержащий многочисленные учебные пробы пера, в т. ч. немецкого шрифта. Многочисленные пометы разного характера, в т. ч. ученические, содержатся на экз. РНБ 138/143 («Сия задача / Сия задача»; «бежить волкъ / вылупя жопу / бежить волкъ»; «бежить упираетца / за каждая хватаица / якобы дондеже / надо всеми насмехаица»; «[заклеено экслибрисом]ъ вылупилъ глаза» и др., написанные разными почерками).

²⁷ В 1749 г. в книжной лавке оставалось всего 29 экз. и не было продано ни одного. В 1750 г. было продано 12 экз., в 1751 г. 1 экз., а в 1752 г. 9 экз.; 3 экземпляра в эти же годы выданы безденежно «в поднос» высокопоставленным особам [Самарин 1998: 78].

коллективные прошения, в наибольшей степени этим критериям отвечали переиздания базовых законодательных актов — «Уложение ... Алексея Михайловича» (1737) с «Генеральным регламентом» (1735; два издания запрашивались в паре) и выпущенный в октябре 1743 г. сборник «Указы ... Екатерины Алексиевны и ... Петра Второго», а также (в заметно меньшей степени) элементарный учебник «Юности честное зерцало» (1740). Эти книги оказывались достаточно надежным платежным средством; они составляют более 75% от общего числа экземпляров, запрошенных у канцелярии Академии наук ее сотрудниками.

Лишь три других издания, предлагавшихся книжной лавкой, также вызывали бесспорный стабильный спрос — два перевода Волчкова («Флоринова экономия» [1738] и «Грациан. Придворной человек» [1741/1742]), а также (и прежде всего) «Азовская история» Байера/Тауберта²⁸. Важными здесь оказываются не только общие количественные показатели (на протяжении нескольких месяцев несколько человек находят возможность продать заметное число экземпляров вышедшей пять лет назад книги — при том, что большая часть продукции, предлагаемой в книжной лавке, не вызывает интереса), но и характеристики отдельных заказов и их соотношение. Так, случаи повторного запроса того же издания во всем корпусе прошений устанавливаются, помимо законодательной и учебной литературы, только для этих трех книг. Они оказываются не только наиболее востребованными читателями, но во многом организуют вокруг себя все остальные академические издания. Из всех наиболее часто заказываемых книг «Флоринова экономия», «Азовская история» и «Грациан» по сочетаемости уступают лишь «уложению с регламентом», оказываясь более «универсальными», чем продававшиеся лучше «Юности честное зерцало» и «Указная книга». В случае с учебным контекстом бытования «Азовской истории» интересно прошение наборщика (в иерархии типографских служителей выше стоял только корректор) Ивана Сидорова от 29 июля 1743 г.,

²⁸ Распределение запрошенных экземпляров на ограниченном материале рассмотрено С. П. Лупповым [Луппов 1976: 133]. Нами использованы данные, опубликованные в «Материалах для истории Императорской академии наук» [Материалы V: 434, 435, 441, 448, 523, 536, 601, 602, 779, 780, 787–790, 793, 794, 800, 801, 807–809, 856, 857, 886–889, 892, 894–897, 912–914, 916–918, 936, 989 793–794] и несколько архивных дел (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 75, 81, 82; Оп. 6, № 10). Еще два издания, запрошенные более чем 5% заявителей, — «Руководство к арифметике» Л. Эйлера (скорее всего, русский перевод Адодурава 1740 г., а не немецкий оригинал) и перевод «Разговоров о множестве миров» Кантемира (1740) — не обнаруживают такого важного критерия стабильного спроса, как повторяющийся заказ, сделанный тем же заявителем; почти все случаи заказа «Разговоров о множестве миров» связаны с одним групповым прошением и объясняются, возможно, спорной рыночной установкой одного из заявителей (см.: [Материалы V: 779–780]).

запрашивавшего «Вейсманов лексикон, Разговоры четвероязычные, Азовская история, на немецком, да Уложение с регламентом» [Материалы V: 793–794]. За исключением стандартных книг по законодательству, этот заказ следует интерпретировать, по-видимому, как связанный с обучением немецкому языку: «Вейсманов [немецко-латинско-русский] лексикон» и «Четырехязычные школьные разговоры» Ланге были стандартными пособиями как в академической гимназии, так и за ее пределами. В других случаях (когда запрашивалось русское издание «Азовской истории») учебный характер заказа не устанавливается²⁹.

Статус «Азовской истории» среди русских книг первой половины XVIII в. подтверждается и известным перечнем полюбившихся «мещанам» книг в предисловии Н. И. Новикова к 3-му изданию «Живописца» (1775): «у нас те только книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям, по незнанию их чужестранных языков, нравятся [...] В подтверждение сего моего мнения служат те книги, кои от просвещенных людей никакого уважения не заслуживают и читаются одними только мещанами; сии книги суть: “Троянская история”, “Синопсис”, “Юности честное зеркало”, “Совершенное воспитание детей”, “Азовская история” и другие некоторые» [Новиков 1951: 96]. Примечательно здесь не только то, что вышедшее к тому времени по-русски лишь дважды сочинение Байера попадает в этот перечень зайцем, — в ряду изданий, выпускавшихся по-русски четырьмя и более тиснениями. Новиков конструирует современную ему литературу и читателя, противопоставляя их активно присутствующим в читательском опыте книгам прошлых эпох. Сопоставляя после трех книг Петровского времени труды двух важнейших переводчиков 1730-х гг., Новиков показывает (возможно, невольно), что два издания таубертова перевода из Байера стоят четырех тиснений труда Волчкова (стоит учитывать, что в новиковском «Опыте исторического словаря о русских писателях» (1772) Волчков не упоминается, а Тауберт охарактеризован как автор двух «достойных похвалы» предисловий и переводчик «многих полезных книг»). Владельческие записи на экземплярах «Азовской истории» не позволяют прочитывать «мещанство» читателей из новиковской характеристики как строгий социальный маркер: вплоть до конца XVIII в. сословно идентифицируемые владельцы оказываются исключительно дворянами или духовными лицами в чине по меньшей мере архимандрита³⁰. «Просвещенность» отличной от «мещан» груп-

²⁹ Другие случаи заказа иноязычных изданий единичны и также не могут быть связаны с учебным контекстом.

³⁰ См., помимо лиц, упомянутых в работе А. Ю. Самарина, владельцев петербургских экземпляров: казанский помещик Андрей Крупетской (БАН № 23077; изд. 1738 г.; записи включают краткую семейную летопись 1773–1778 гг.,

пы читателей описывается Новиковым как неумение различить среди «головных уборов» книгу и пудру, а выходящим многими изданиями «мещанским» противопоставлены книги не столько «хорошие и полезные», сколько не находящие покупателя («хорошие и полезные» лишь «в число сих последних ... попались»). Эта сложная конструкция одновременно вычлняет в книжной продукции первой половины XVIII в. наиболее заметные с точки зрения книжного рынка 1770-х гг. памятники; наделяет их — через метонимию «мещанства» — положительными качествами соответствия здравому смыслу; приписывает им вместе с тем — через нее же — устарелость и низкий социальный капитал по несоответствию более поздней подлинной «просвещенности»; и наконец, конструирует идеального нового (элитарного) читателя, который будет читать «хорошие и полезные книги», обладая одновременно здравым смыслом «мещанина» и интересом к плодам истинного «просвещения». Таким образом, в середине 1770-х гг. «Азовская история» продолжала восприниматься как ключевое издание первой половины века, отталкиваясь от которого можно было конструировать новую словесность.

Этот статус сыграл, по-видимому, наряду с политической актуальностью³¹ свою роль в последнем переиздании книги в 1782 г. Между тем ее постепенная архаизация, отмеченная Новиковым, повлияла на неудачу этого издания. Его тираж составлял, скорее всего, 800 экземпляров³². Не вызывает сомнения, что в момент выхода книга вызывала интерес у книгопродавцев [Зайцева 2005: 103] и, по-видимому, хорошо

в т. ч. о записи сына в полк); белгородский помещик [?] Андрей Федорович Семенов (БАН № 23078д; изд. 1738 г.); Семен Марин, а также М., А. и В. Стромилковы, из которых последний замечает: «Как начал вспоминать себя/ так помню эту книгу, вместе с Иппокреной» (РНБ 3/866; изд. 1768 г.; здесь же — запись: «Из кн. [?] Эммина»); архиепископ ярославский Антоний (Знаменский) (РНБ 139/21; изд. 1782 г.; запись 6 апр. 181 г.); епископ тверской Гавриил (Петров) (РНБ: РЗФ 18 в. 3/866а); архимандрит Иверского монастыря Авраамий (РНБ 138/125; изд. 1738 г.; экземпляр поднесен послушником Александром-Невского монастыря стряпчим Иваном Коверевым 3 янв. 1746 г.).

³¹ Выход третьего издания можно соотнести с ситуацией весны-лета 1782 г., когда в связи с новостями об активных попытках Турции отстранить от власти в Крыму Шахин Герая русская сторона начала готовить включение полуострова в состав империи.

³² В бумагах академической канцелярии и комиссии, а также типографии и книжной лавки найти данные за 1782 г. о печатании и поступлении книги в продажу не удалось. Единственное исключение — упоминание в рапорте фактора типографии Лыкова за май-июнь 1782 г. о том, что в эти два месяца (как следует из других документов, либо с 1 по 7 мая, либо с 20 по 30 июня) было набрано «к истории азовской титула четверть листа, в большую осьмушку из разных литер» (т. е. два листа в 8°, — шмуцтитул и титул) и запечатано 200 листов, т. е. отпечатано 800 экземпляров. [СПбФ АРАН. Ф. 3, оп. 4, № 58/1, л. 57 об. — 58; № 60/1, л. 13–18]. Уверенно можно говорить, что книга печаталась не ранее 1781 г., поскольку этим годом датирована использованная для нее бумага.

расходилась в первые два года — до того, как после присоединения Крыма в 1783 г. книжный рынок наполнился актуальной литературой о новых приазовских и черноморских территориях. После 1784 г. в год удавалось продать в среднем не более 5 экземпляров³³. Проблемы с реализацией подтверждает обилие сохраняющихся в библиотеках неразрезанных экземпляров. К концу 1780-х гг. «Азовская история» перешла из разряда актуальных сочинений, формирующих культуру, в архив.

«Азовская история» и историко-литературный нарратив

Сделанные наблюдения позволяют, наконец, генерализовать кейс с введением «Азовской истории» в школьную программу как образцового «автора» и попытаться использовать его для корректировки представлений о литературной ситуации в России 1730–1740-х гг.

Сложившийся в настоящее время историко-литературный нарратив лишь на первый взгляд безболезненно инкорпорирует 1730-е гг. в общий рассказ о литературе в России XVIII в. Взгляд на «петровское время», ищущий в сочинениях этой эпохи «явлений», подготавливающих «становление новой русской литературы»; включение 1730-х гг. в крупные хронологические блоки, захватывающие 1740-е, 50-е, 60-е гг. (с использованием или без унифицирующей категории «классицизма»), позволяющее пройти первое десятилетие скороговоркой, чтобы осмыслить период через более поздние высказывания; построение нарратива о 1730-х гг. на авторах, относительно легко поддающихся ассимиляции в рассказе о конвенциональной «литературе» (Феофан Прокопович, Кантемир, Тредиаковский), — все эти гладкие ходы возможны только при опоре на готовое, увиденное из современности понятие «литературы» (отделенной от языка, истории, науки, политики и пр.)³⁴.

Следует заметить, что подобное готовое понимание «литературы» применительно к 1730-м гг. лежит в основе даже наиболее глубоких и аналитически заостренных исследований, посвященных этому периоду. Так, В. М. Живов в своем итоговом труде, назвав главку, посвященную работе грамматистов Академии наук в конце 1720 — начале 1740-х гг., «Нормализация языка и утверждение роли литературы», проведя мысль через череду чрезвычайно тонких и убедительных разборов, удачно

³³ В 1784 г. в петербургской книжной лавке Академии наук оставалось 154 экз. «Азовской истории»; в 1789 г. возвращено из лавки на склад 121 экз., а к 1794 г., после возвращения нераспроданных книг из московской академической лавки, на складе оказалось 391 экз.; в 1796, 97 и 98 гг. было продано соответственно 5, 5 и 6 экземпляров [Зайцева 2005: 113; Зайцева 1984: 162–163].

³⁴ Отсылаем читателей к достаточно показательным историко-литературным трудам, появившимся в последние десятилетия: [Николаев 1996; Клейн 2010; Бухаркин 2013; Kahn, Lipovetsky, Reyfman, Sandler 2018].

показал во всей его сложности движение «нормализации» языка, оставляя между тем «литературу» этого периода почти не рефлекслируемым термином. Общая схема главы предполагает, что к концу 1720-х гг. академические переводчики создают «новый идиом», который «получает первые атрибуты литературного языка — кодифицированность и [...] элементы нормализованности». В. М. Живов отмечает при этом «следующий существенный момент: никакого отношения к литературе данное развитие не имеет, оно совершается вне всякой связи с литературным процессом и реализуется в текстах, которые даже при расширительном понимании не могут быть названы литературными». Задачи создания «новой литературы, т. е. литературы, непосредственно ориентированной на европейские образцы» и «академической нормализации» объединяются и становятся взаимным процессом после выхода в свет «Езды в остров любви» Тредиаковского (1730), что проявляется, в частности, в том, что академическая грамматика (в изводе «Anfangs-Gründe» Адодурова 1731 г.) кодифицирует «литературный язык» как особый регистр языка. Общий поиск регламентированного языка приводит наконец к концепции ««славенороссийского» языка», реализующейся прежде всего в «литературе», после того как «со второй половины 1730-х годов [...] усилиями Тредиаковского, а несколько позже Ломоносова и Сумарокова составляется минимальный корпус образцовых (претендующих на образцовость) текстов» [Живов 2017: 1000–1025].

Нельзя не отметить эффектность неявной монтажной склейки, делающей возможным при подобном разговоре о литературе скачок от первой печатной книги Тредиаковского к ситуации 1740-х гг. Возникающая здесь иллюзия литературной (поэтической) континуальности строится на наборе конвенциональных представлений, не уникальных для Живова, проявляющихся, однако, в этом труде очень отчетливо. Заслуживающая внимания «литература» описывается им апофатически, через очерчивание границ того, что не соответствует «литературному» «даже при самом расширительном толковании»: «различные математические, географические, физические и анатомические трактаты <[.]> обзор происшествий в мире и описание интересных явлений в природе» [Живов 2017: 1000]. В центре этой структуры располагаются «стихи», явления «новой [европейской] литературы», жанрово упорядоченные и ориентированные на готовые (переосмысляемые) европейские модели. Необходимость для разговора о подобной «литературе» некоторой «критической массы» таких «стихов» необходимо смещает содержательный разговор о ней в 1740-е гг.

Кейс с появлением в 1738 г. «Азовской истории» в гимназической программе в качестве «автора» заставляет, как представляется, пересмотреть

основы этого внутренне непротиворечивого нарратива. Приложение к гимназическому регламенту Крафта показывает, что вербальная культура Академии наук к концу 1730-х гг. обладала набором текстов, созданных этой институцией и воспринимавшихся людьми, причастными к ней, как образцовые. Бесспорны ли в таком случае попытки искать «образцовые сочинения» только среди «стихов»? Возможно ли описание литературной ситуации рубежа 1730/40-х гг., помещающее «стихи» в те позиции культурного поля, какие отводились им акторами в эту эпоху, а не структурами, сформировавшимися позднее? Допустимо ли предположить, что эта вербальная культура строилась на различиях, отличных от положений школьной поэтики?

Следует прежде всего заметить, что «стихи» не занимали, по-видимому, в этой культуре не только центрального, но и доминирующего положения. В апреле 1743 г., пытаясь поправить финансовое положение Академии наук через распродажу залежавшихся на складе книг, управлявшая Академией комиссия разработала проект сенатского указа (подписан А. К. Нартовым и Волчковым), который в случае принятия обеспечивал бы массовую продажу академических изданий учреждениям и частным лицам. Репертуар академических изданий описывался здесь тематически как с одной стороны оригинальная юридическая, а с другой — переводная историческая, экономическая и нравоучительная литература³⁵, т. е. неявным образом заметная часть репертуара — ученые книги профессоров Академии и ее поэтическая продукция — оказывалась неназванной, ей отводилось (как и в рассмотренном выше случае с заказами академических служащих на книги) периферийное, маргинальное место. И если «ученые» сочинения заслуживают все же отдельного внимания в одном из пунктов (предлагается перевести на русский язык все вышедшие после 1728 г. тома «Комментариев» и «от профессоров [...] другие книги»), то поэтические издания размываются в разряде «других книг». То, что издания Академии наук представлены в проекте как прежде всего переводные книги, могло бы быть объяснено биографией одного из его составителей, Волчкова, наиболее активного русского переводчика 1730/40-х гг. Между тем гомологичность (в терминологии П. Бурдьё) проекта и прошений академических служащих 1743 г. позволяет предположить, что Академия наук перечисляла здесь

³⁵ «Дабы [...] коллегии [...] канцелярии, комиссии, ратуши, таможни и всякаго звания судебныя места, во-первых, указныя, как главныя до их должности надлежащия книги, [...] но [и] историческия, экономическия, художественныя [здесь — связанные с «художествами», прикладные. — А. К., Т. К.], нравоучительныя и другия, при академии с европейских языков на российской язык переведенныя [и] напечатанныя [...] книги [...] сами брали» [Материалы V: 640–641; ср.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 76. Л. 271–274 об. и пред.]

свои заметные издания, пользующиеся наибольшим читательским спросом, упоминание которых не вызвало бы возражений при прохождении документа через вышестоящую инстанцию. Поэтическая продукция Академии наук в 1743 г. не заслуживала упоминания.

Продвигаясь от этой точки к началу 1730-х гг., мы будем сталкиваться с явлениями, говорящими о маргинальном положении поэзии едва ли не чаще, чем со свидетельствами ее уверенного существования и развития. Лакуна в оригинальном стихотворном творчестве Тредиаковского между 1735 и 1742 гг. [Харер 2004: 26; Алексеева 2005: 128]. Постепенное снижение панегирической активности немецкоязычных академических стихотворцев от 1736 к 1740 гг. [Погосян 1997: 55-60]. Отказ в 1738 г. от практики поэтического перевода немецких панегириков (переход от поэтических переводов Тредиаковского к прозаическим — Адодурова) [Алексеева 2005: 138–139]. Противоречие между предложенной Тредиаковским в 1735 г. программой деятельности Российского собрания и известной практикой занятий этого органа, за работу которого с 1736 г. отвечал, по-видимому, единолично Адодуров³⁶. Взгляды которого на язык и литературу вряд ли обоснованно могут рассматриваться как вполне соответствующие декларациям Тредиаковского, в том числе начиная с самых ранних свидетельств.

В. М. Живовым остроумно и, скорее всего, справедливо отмечено, что появление в России 1730-х гг. новой вербальной культуры маркируется появлением в прилагавшихся к Вейсманову лексикону «*Anfangs-Gründe der Russischen Sprache*» (1731) оговорки о существовании особого поэтического («*in Versen*») языка, допускающего отступление от норм стандартного речевого употребления (можно предполагать, что эта оговорка была связана с необходимостью учитывать в описании языка поэтическую практику Тредиаковского) [Живов 2017: 1016]. Зафиксированная грамматикой дифференциация языка не означала, однако, ни беспроblemного сосуществования «естественного» и «поэтического» языков, ни тем более признания за языком «стихов» иерархически доминирующего положения. Показательно, что изданная М. Гренингом

³⁶ Противопоставление видной (прежде всего по речи при открытии) работы Тредиаковского в Российском собрании и признающегося почти не существовавшим труда в рамках общества других его членов оказывается общим для исследователей, даже если они радикально различно решают вопрос о роли Тредиаковского в создании общества: «Тредиаковский институционализировал лишь самого себя» [Живов 2002: 573]; «Поставленные им перед членами Собрания задачи сформулированы, очевидно, им самим, и трудно сказать, встретил ли он сочувствие слушателей» [Алексеева 2009: 577]. Основные сведения о работе Российского собрания сообщены П. П. Пекарским [1870: 524–525, 638–641] и Ю. Х. Копелевич [1977: 150–154]; из позднейших работ представляет интерес исследование Е. Г. Пивоварова [2018]. См. также прим. 40.

русская грамматика (1750), отражающая, по-видимому, текст грамматического курса, составленного Адодуровым к концу 1730-х гг., не упоминает о поэтических вольностях ни в разделе, восходящем к соответствующему месту «Anfangs-Gründe», ни в других случаях. Кодификация альтернативной поэтической нормы в 1731 г. могла означать не столько полновесное признание прав стихового узуса, сколько помещение его в зону резервации, предписание ему подчиненного и сомнительного положения, которое к концу 1730-х гг. могло получить маргинальный статус. Практика главного академического стихотворца 1730-х гг. могла быть для других сотрудников Академии, занятых работой над языком, отклонением от нормы, тем, на что можно было смотреть со стороны и не считать относящимся к основам вербальной культуры³⁷.

Из периферийного положения поэзии (панегирической поэзии, так как издательская практика Академии наук конца 1730-х гг. не знает иной) не следует, однако, что профессора и академические переводчики не считали важным создание и поддержание системы различий, ограничивающей нормативную область вербального производства, отделяющую «способных» авторов от «неспособных» и вырабатывающую свои нормы публичного говорения. Включение «Азовской истории» в школьную программу в качестве образцового текста позволяет увидеть результат подобного отбора и сделать предположение о его основаниях, выходящих за границы школьного узуса. Гимназистам предлагалось не просто заниматься по одному из немногих трудов Академии наук, доступных для билингвального чтения. «Автором» (русским и немецким) оказывалось сочинение, воспринимавшееся и сотрудниками Академии наук, и публикой на рубеже 1730/40-х гг. как вершинное сочинение институции, создававшей в России современную вербальную культуру. В одном ряду с этой книгой выступали другие труды Российского собрания, переводы Адодурова, Эмме, Тауберта, Шванвица и Волчкова (стоит помнить, что выходившие в печать переводы Российского собрания, несмотря на указание персональной ответственности, были плодом коллегиальной работы³⁸). Безотносительно четких

³⁷ Между тем одним из заметных следствий «открытия» академических 1730-х гг., сделанного во второй половине XX в. преимущественно лингвистами, стало очевидное изменение статуса Тредиаковского, который в последние десятилетия в русскоязычной академической традиции, по большому счету, стал персонифицировать эту эпоху [Николаев 2004: 178–179]. Можно предполагать, что этому новому статусу способствовало не только обилие эксплицитных, теоретических или претендующих на теоретичность высказываний Тредиаковского о языке и словесности в России, но и его поэтическая практика, автоматически воспринимаемая как «литература».

³⁸ Степень участия членов Российского собрания в работе этой конференции прослеживается по коллективному отчету сотрудников Академии наук 1737 г. Данные здесь характеристики показывают и коллегиальную ответственность за

представлений о том, как эти авторы конструировали поле квалифицированного производства вербальных текстов, история литературы в России не только 1730-х гг., но и следующих десятилетий будет по меньшей мере неполной.

Одной из важных особенностей комплекса учебных пособий академической гимназии, предложенного Регламентом Крафта в 1738 г., оказывался отказ от переводов, созданных в петровское время. На место географии Гюбнера, изданной в 1719 г. и использовавшейся в гимназии вплоть до 1738 г., приходит география Крафта в переводе внештатного члена Российского собрания Эмме³⁹. Вместо составленных М. Шафировым на основании переводов из пособий К. Д. фон Штилера и А. Бозе «Прикладов, как пишутся комплементы разные на немецком языке» [Полонский 2013] вводится эпистолярное пособие Нейкирха⁴⁰, предлагавшего, в отличие от пособий, использованных Шафировым, не

выпускаемые Академией переводы, и различную степень вовлеченности членов в их обсуждение, и иерархичность его членов. Адодуrow: «свои труды читает в российском собрании, а притом слушает всяких переводов, которые другая читают, и старается, чтоб оныя переводы на российском языке исправно в печать выходили». Тауберт: «содержит в российском собрании протокол, читает в оном свои собственные переводы, и в исправлении от других прилагаемых переводов свое мнение объявляет». Эмме: «бывает трижды в неделю в российском собрании, читает свои труды или чтения других переводов слушает и в поправлении оных помогает». Тредиаковский: «при российском собрании ... он свои труды читает и других переводы слушает». Шванвиц: «читает свои дела в Российском собрании, а притом и других чтения слушает». Волчков: «бывает с вышеозначенными в Российском собрании». Сотрудники Академии наук с официальным статусом «переводчиков» (И. С. Горлицкий, И. А. Толмачев) не упоминают о своем участии в работе конференции [Летописи 1863: 22–26; Материалы III: 572–580]. Разделение обязанностей между «переводчиками» и прочими членами Российского собрания как не имеющими и имеющими голос при «исправлении переводов» неявно следовало из уставного документа этого органа, распоряжения И. А. Корфа от 14 марта 1735 г.: «переводчикам сходитьсь ... и иметь между собой конференцию, снося и прочитывая все, кто что перевел, и иметь тшание в исправлении российского языка в случающихся переводах, чего ради в оных конференциях присутствовать ... Тредиаковскому ... Адодуrowу и ... Швановичу» [Материалы II: 633].

³⁹ Атрибуция перевода «Краткого руководства к математической и натуральной географии» 1739 г., вышедшего без указания имени переводчика, И. И. Голубцову, воспроизведенная в том числе «Сводным каталогом русской книги гражданской печати XVIII века», восходит к ошибочной отсылке П. П. Пекарского на перевод другого труда Крафта, действительно выполненного Голубцовым [Пекарский 1870: 464; Смирдин 1828: 305, № 3953]. Переводчик устанавливается на основании сводного отчета о работах сотрудников Академии наук в 1737 г. [Летописи 1863: 25; Материалы III: 576]. Об участии Ф. И. Эмме, советника Камер-коллегии, впоследствии президента Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел, в трудах Российского собрания см.: [Материалы II: 696, 828; Материалы IV: 553, 583; Материалы V: 22].

⁴⁰ Каталог 1738 г. немецких книг, продающихся в книжной лавке Академии наук, наиболее информативный для реконструкции набора учебных пособий академической гимназии, указывает только один учебник Нейкирха — «Anweisung zu Deutschen Briefen» (Leipzig, 1721).

образцы канцелярского или салонного языка, но ориентированный на французскую модель эпистолярный стиль, имитирующий «естественную» разговорную речь [Nickisch 1994: 79–80]⁴¹. Место переведенного еще в конце 1720-х гг. пособия по арифметике — «Сокращения математического ко употреблению его величества императора всея России» — заняла арифметика Л. Эйлера в переводе Адодуrowa. «Школьные беседы» М. Кордье в качестве элементарной латинской хрестоматии были заменены на «Школьные разговоры» Ланге, переведенные Шванвицем. Сменялись и пособия, которые будут переведены теми же бывшими членами Российского собрания только в 1740-х гг.: на место не переведшейся, но использовавшейся с начала 1730-х гг. истории Гюбнера пришел учебник Кураса, а латинская грамматика («донат») И. Рения сменилась новейшей прусской «Grammatica Marchica», основанной на введенной в академическую гимназию еще в 1735 г. грамматике Ланге.⁴²

Важно понимать при этом, что новым в пособиях Регламента 1738 г. было не только содержание, но и иные способы подачи материала и нарративные рамки. Так, катехистичная форма учебников Рения и Делия сменялась монологичным изложением Ланге, Крафта, и Эйлера, а с другой стороны, пособие Гюбнера, использовавшее вопросы лишь для вычленения связных главок, менялось строго катехистичным учебником Кураса, делившим изложение вопросами на мельчайшие подробности⁴³. За счет монологичности и иерархичной упорядоченности через параграфы, перечни и списки «правил» эти пособия приобретали характер законодательного акта (особенно показателен здесь вводимая в курс латинской школы академической гимназии «Grammatica Marchica», создававшаяся для унификации преподавания в прусских школах). Отказ от «старого» (неурегулированного) языка переводов петровского времени оказывается в этом контексте очень важной, но лишь одной из составляющих более общего процесса изменения вербальной культуры, в котором литературное, языковое, политическое и пр. взаимосвязаны и не дифференцируемы без заметных содержательных потерь.

⁴¹ Между тем, к концу 1739 г. издания книги Шафирова 1708, 1712 и 1725 гг. все еще имелись в книжной лавке Академии наук [Луппов 1976: 138]. Скорее всего, на основании пособия Нейкирха русское «собрание писем» должен был создать Адодуrow [Материалы IV: 57, 87, 482].

⁴² Подробную информацию об учебных пособиях Академии наук 1720/30-х гг. см. в статье: [Костина, Кирикова 2018].

⁴³ Так, первый вопрос Гюбнера, «Как разделяется время сего мира?» превращается у Кураса в четыре — «Как долго существует этот мир?»; «Что случилось в нем самого удивительного?»; «Как лучше всего разделить время?»; «Как именно?» [Hübner 1730: 1; Curas 1730: 1]. Стремление к максимальной вопросной раздробленности — отличительная особенность немецкой школьной традиции в курсах истории в первой половине XVIII в. (см.: [Jacobmeyer 2011: 31–34]).

Академические переводчики 1730-х гг. конструировали нормативный язык через во многом фикциональное «естественное» употребление (вовсе не равнозначное *'usage'* «хорошего общества»), что само по себе не требовало создания «литературы», ядром которой оказывались бы «стихи», тем более — жанр оды с его напряженными отношениями между вербальной тканью воображения и реальным миром. Ключевое для курса немецкого стиля в академической гимназии эпистолярное пособие Нейкирха отказывалось от «нынешнего вкуса двора» и «обычая» как источников, учащих искусству писать и говорить, в пользу не ведающих ошибок «разума» и «природы», приобщение к которым (в числе шести основных добродетелей пишущего) требовало не столько вербальных навыков «ясности и краткости», сколько нравственного дисциплинирования: быть благопристойным, учтивым, искренним, осмотрительным и помнить о своем состоянии⁴⁴. Точно так же «Школьные разговоры» Ланге оказывались не только пособием для усвоения грамматики и лексики чужого языка, но и средством овладеть нормативными речевыми оборотами в «естественных» ситуациях общения, отмеченных теми же качествами благопристойности, разумности и дисциплины, в том числе на уровне атомарных речевых актов. Внимание к *Redens-Arten*, «речам», отдельным оборотам и фразам, существующим до и помимо целостной коммуникации в «естественных» речевых ситуациях⁴⁵, объединяло и учебную практику академической гимназии, особенно в классах стиля, и работу Российского собрания⁴⁶.

⁴⁴ «Ich habe bey diesem wercke nicht so wohl auf die regeln der schule, als auf den heutigen geschmack des hofes, nächst diesem auf die gewohnheit, und vor allen dingen auf die natur gesehen. Der geschmack des hofes kan sich zuweilen vergehen; die gewohnheit kan entweder schädlich oder thöricht seyn; die wahre vernunft aber, und die natur betrügen niemahls [...] Schreibet er für sich, so hat er an seiner seiten folgendes in acht zu nehmen: Erstlich, muß er deutlich und kurtz, zum andern, ehrbar, drittens, höflich, vierdtens, aufrichtig, fünfften, bedachtsam und fürsichtig, sechstens, in allem nach seinem zustande schreiben» [Neukirch 1727: 3–6].

⁴⁵ Подобные вырванные из «разговоров» реплики составляют, например, большую часть выпущенного Академией наук в продажу около 1737 г., но созданного, по-видимому, около 1733 г. сборника «Смешанные речи», где друг за другом могут следовать такие фразы: «383. Не очюнь крепко за веревку тяни, чтоб она не порвалась. 384 Купи сукна, да вели твое платье починить. 385 Принеси мне шесть бутылок вина, одну за другою. 386 Этими ножницами можешь ты резать бумагу, а не кожу. 387 Вот тебе платье поплоче, которое ты по всяк день (или, за все) носить можешь, чтоб тебе другога, которое гораздо дороже, на долее стало» [Vermischte Redens-Arten: 38].

⁴⁶ Форма коллективных трудов Адодурова, Тауберта и Эмме в Российском собрании, описываемая ими как «старается, чтоб оныя переводы на российский языке исправно в печать выходили», «в исправлении от других прилагаемых переводов свое мнение объявляет», «чтения других переводов слушает и в поправлении оных помогает» (см. прим. 40), не могла не предполагать работы прежде всего над установлением нормативных соответствий русских «речей» иноязычным.

Несмотря на отсутствие деклараций и манифестов, этот мало заметный труд переводческой конференции с вниманием к «естественному» языку нормативной действительности, проявляющемуся в «письмах» и «разговорах», делал возможной структуру словесности, в которой художественной альтернативой располагающим в центре историческим сочинениям вроде «Азовской истории» оказывались не только стихи, но и, например, такой жанр как разговоры. Связанный с работой Российского собрания В. Н. Татищев (его примечания к «Российской истории» в 1739–1741 гг. перевел активно участвовавший в работе переводческой конференции Эмме [Андреев 1994 (=1962): 25–26]) был автором не только «Разговора двух приятелей» (1733), но и, как установлено С. С. Польским⁴⁷, переработки важных для рукописной традиции начала царствования императрицы Елизаветы «Солдатских разговоров» (1743). Напомним, что еще в конце 1740-х гг. лейпцигская серия «Разговоров в царстве мертвых» Д. Фассмана⁴⁸ будет упомянута Ломоносовым в его Риторике как важнейшее сочинение современной европейской литературы, а сам жанр разговора удостоится особой главы, включающей два самых пространных перевода этой книги (из Эразма и Лукиана).

Рассматривая вербальную культуру России 1730-х гг. с этой точки, можно увидеть, что ее дальнейшее поэтическое развитие (через условную триаду Тредиаковского-Ломоносова-Сумарокова) было лишь одним из потенциальных путей. Доминирование в русской печатной «литературе» 1740–50-х гг. поэтических (или говорящих о поэзии) текстов может быть оценено как история не только приобретений, но и потерь. Далекой перспективой развития структуры вербального производства, в которой остро актуальные «разговоры» не менее важны, чем «стихи», могла стать та описывающая современную действительность через «письма» и «разговоры» фикциональная словесность, которая в западноевропейском контексте первой половины XVIII в. вела к конструированию вербальности буржуазного общества, — от журналов Дж. Аддисона и Р. Стиля до романов С. Ричардсона и мещанской драмы. С отказом от «разумности» художественного языка, разрабатывавшейся переводчиками Российского собрания, в пользу парения оды и экзотизированной трагедии печатная оригинальная русская словесность на несколько десятилетий оказалась лишена предполагавшейся практикой 1730-х гг. «натуральной» составляющей.

⁴⁷ Ссылаемся на его доклад «“Солдатские разговоры” (1743) и жанр диалога в русской литературе 1720–1740-х гг.», прочитанный 21 июня 2019 г. в Санкт-Петербурге на круглом столе «1730-е: истории о литературе».

⁴⁸ О ее значимости для России первой половины XVIII в. см.: [Скворцова 2017].

Библиография

Алексеева 2005

Алексеева Н. Ю., *Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках*, С.-Петербург, 2005.

——— 2009

Алексеева Н. Ю., Комментарии, В. Тредиаковский. *Сочинения и переводы как стихами, так и прозою*, С.-Петербург, 2009, 501–654.

Андреев 1994 (=1962)

Андреев А. И., Труды В. Н. Татищева по истории России, *Татищев В. Н. Собрание сочинений*, 1, Москва, 1994, 5–38 (репринт издания 1962 г.).

Байбурова 1996

Байбурова Р. М., Богатый дворянский дом 40-х годов XVIII века. Внутреннее устройство, убранство, вещи (на примере братьев Кантемиров), *Памятники культуры: новые открытия*, 1994, Москва, 1996, 409–444.

Беляев 1896

Беляев И. С., *Издания Академии наук в 1736 г.*, Москва, 1896.

Бухаркин 2013

Бухаркин П. Е., *История русской литературы XVIII века (1700–1750-е годы)*, С.-Петербург, 2013.

Владимиров 1867

Владимиров В. В., *Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. XVIII столетие*, 1, С.-Петербург, 1867.

Гравировальная палата 1985

Гравировальная палата Академии наук XVIII века, М. А. Алексеева, Ю. А. Виноградов, Ю. А. Пятницкий, сост., Ленинград, 1985.

Живов 2002

Живов В. М., Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков, Живов В. М., *Разыскания в области истории и предистории русской культуры*, Москва, 2002, 557–637.

——— 2017

Живов В. М., *История языка русской письменности*, 2, Москва, 2017.

Зайцева 1984

Зайцева А. А., Ассортимент книжной лавки Академии наук в конце XVIII в., *Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII вв.*, Ленинград, 1984, 140–164.

——— 2005

Зайцева А. А., *Книжная торговля в Санкт-Петербурге второй половины XVIII века*, С.-Петербург, 2005.

Кирикова, Костина 2018

Кирикова О. А., Костина Т. В., Учебные книги в гимназии Академии наук 1730-х гг., *Детские чтения*, 1, 2018, 195–220.

Клейн 2010

Клейн Й., *Русская литература в XVIII веке*, Москва, 2010.

Копелевич 1977

Копелевич Ю. Х., *Основание Петербургской академии наук*, Ленинград, 1977.

Костин, Костина 2015

Костин А. А., Костина Т. В., «Регламент Гимназии при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге» Г. В. Крафта 1739 г. и его подготовка, *Регулярная академия учреждена будет... Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века*, Москва, 2015, 219–263.

Костина 2018

Костина Т. В., База данных «Гимназисты и студенты учебных заведений Академии наук 1725–1805 гг.» как инструмент исследования межпоколенной социальной мобильности, *Миллеровские чтения-2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия*, С.-Петербург, 2018, 484–493.

Летописи 1863

Летописи русской литературы и древности, 5, Тихонравов Н., изд., Москва, 1863.

Луппов 1976

Луппов С. П., *Книга в России в послепетровское время. 1725–1740*, Ленинград, 1976.

Материалы [II, III, IV, V, IX, X]

Материалы для истории Императорской академии наук, 2, С.-Петербург, 1886; 3, 1886, 4; 1887, 5, 1889; 9, 1897; 10, 1900.

Николаев 1996

Николаев С. И., *Литературная культура Петровской эпохи*, С.-Петербург, 1996.

——— 2004

Николаев С. И., Тредиаковский в исследованиях последних десятилетий, В. К. Тредиаковский: К 300-летию со дня рождения, С.-Петербург, 2004, 172–179 [= *Чтения Отдела русской литературы*, 3].

Новиков 1951

Новиков Н. И., *Избранные сочинения*, Москва, Ленинград, 1951.

Описание 1913

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода, 19, С.-Петербург, 1913.

Пекарский 1870

Пекарский П. П., *История Императорской академии наук в Петербурге*, 1, С.-Петербург, 1870.

Пивоваров 2018

Пивоваров Е. Г., К истории создания Российского собрания Академии наук, *Социология науки и технологий*, 4, 2018, 5–21.

Погосян 1997

Погосян Е., *Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг.*, Тарту, 1997.

Полонский 2013

Полонский Д. Г., Первый русский печатный письмовник и его роль в формировании эпистолярной культуры Нового времени, *Стародруки і рідкісні видання в університетській бібліотеці*, Одесса, 2013, 244–260.

Протоколы 1897

Протоколы заседаний Конференции императорской Академии Наук с 1725 по 1803 года, 1, С.-Петербург, 1897.

Самарин 1998

Самарин А. Ю., *Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII–XVIII в.)*, Москва, 1998.

Скворцова 2017

Скворцова Е. А., Иллюстрации к «Разговору в царстве мертвых замечательного русского царя Петра Великого и ужасного тирана Ивана Васильевича II» (Ивана Грозного) Д. Фассмана (1725) как инструмент конструирования представлений о России в Европе, *Slověne = Словъне*, 2, 2017, 276–309.

Смирдин 1828

Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная, С.-Петербург, 1828.

Успенский 1975

Успенский Б. А., *Первая русская грамматика на родном языке. Доломоновский период отечественной русистики*, Москва, 1975.

Уставы 1975

Уставы Академии наук СССР, Москва, 1975.

Федюкин 2014

Федюкин И. И., «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг., *Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского*, Москва, 2014, 83–142.

Харер 2004

Харер К., Василий Тредиаковский и Якоб Штелин (Реформа русского стихосложения и немецкие академические поэты), В. К. Тредиаковский: к 300-летию со дня рождения, С.-Петербург, 2004, 20–32.

Black 2001

Black R., *Humanism and Education in Medieval and Renaissance Italy. Tradition and Innovation in Latin Schools from the Twelfth to the Fifteenth Century*, Cambridge, 2001.

Curas 1730

Curas H., *Einleitung Zur Universal-Historie*, Berlin, 1730.

Curtius 1948

Curtius E. R., *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*, Bern, München, 1948.

Geschichte 1896

Geschichte der Erziehung vom Anfang an bis auf unsere Zeit, 4, 1, Stuttgart, 1896.

Green 2009

Green I., *Humanism and Protestantism in Early Modern English Education*, Burlington, 2009.

Hübner 1730

Hübner J., *Kurtze Fragen aus der Politischen Historia*, 1, [Leipzig], 1730

Jacobmeyer 2011

Jacobmeyer W., *Das deutsche Schulgeschichtsbuch. 1700–1945*, 1, Berlin, 2011.

Kahn, Lipovetsky, Reyfman, Sandler 2018

Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S., *A History of Russian Literature*, Oxford, 2018.

Keipert 1983

Keipert H., Die Petersburger “Teutsche Grammatica” und die Anfänge der Russistik in Rußland, *Studia slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch*, Freidhof G., Kosta P., Schütrumpf M., hrsg., 3 (= Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert), München, 1983, 77–140.

——— 1987

Keipert H., Der Fremdsprachenunterricht in der Frühzeit des Petersburger Akademie-Gymnasiums, *Polata Knigopisnaja*, 16, 1987, 68–82.

——— 1994a

Keipert H., Die “Colloquia scholastica” von Joachim Lange, *Aufklärung und Erneuerung. Beiträge zur Geschichte der Universität Halle im ersten Jahrhundert ihres Bestehens (1694–1806)*, Hanau, Halle, 1994, 225–233.

——— 1994b

Keipert H., Vasilij Lebedev und sein Sokrašćenie grammatiki latinskoj (S.-Peterburg 1746), *Res slavica. Festschrift für Hans Rothe zum 65. Geburtstag*, Paderborn, München, 1994, 117–133.

——— 1999

Keipert H., Ein unbekannter früher Druck der Petersburger Akademie-Typographie, *Zeitschrift für slavische Philologie*, 58, 2, 1999, 255–291.

Neukirch 1727

Benjamin Neukirchs Anweisung zu Teutschen Briefen, Leipzig, 1727.

Nickisch 1994

Nickisch R. M. G., Briefsteller, *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*, 2, Tübingen, 1994, 76–86.

Ong 1959

Ong W. J., Latin Language Study as a Renaissance Puberty Rite, *Studies in Philology*, 56, 2, 1959, 103–124.

Pachtler 1894

Ratio studiorum et institutiones scholasticae Societatis Jesu per Germaniam olim vigentes collectae concinnatae a G. M. Pachtler, 4, Berlin, 1894.

Vermischte Redens-Arten

Vermischte Redens-Arten in Rußischer und Teutscher Sprache verfasst = *Смешенные речи на немецком и русском языке сочиненные*, [C.-Петербург, 1730–e].

Verzeichnis 1739

Verzeichnis derjenigen Bücher, die bis hieher bey der Kayserlichen Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg durch eigenen Verlag gedruckt werden und im Buchladen zu finden sind, St. Petersburg, 1739.

Verzeichnis 1740

Verzeichnis derjenigen Bücher, die bisher bey der Kayserlichen Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg durch eigenen Verlag gedruckt worden und im Buchladen zu finden sind, St. Petersburg, 1740.

Winter 1953

Winter E., *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*, Berlin, 1953.

References

Alekseeva M. A., Vinogradov Yu. A., Pyatnitskiy Yu. A., eds., *Graviroval'naia palata Akademii nauk XVIII veka*, Leningrad, 1985.

Alekseeva N. Yu., *Russkaia oda. Razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vekakh*, St. Petersburg, 2005.

Alekseeva N. Yu., *Kommentarii, V. Trediakovskii. Sochineniia i perevody kak stikhami, tak i prozoiu*, St. Petersburg, 2009, 501–654.

Andreev A. I., Trudy V. N. Tatishcheva po istorii Rossii, *Tatishchev V. N. Sobranie sochinenii*, 1, Moscow, 1994, 5–38.

Bayburova R. M., *Bogatyi dvorianskii dom 40-kh godov XVIII veka. Vnutrennee ustroistvo, ubranstvo, veshchi (na primere brat'ev Kantemirov)*, *Pamiatniki kul'tury: novye otkrytiia*, 1994, Moscow, 1996, 409–444.

Black R., *Humanism and Education in Medieval and Renaissance Italy. Tradition and Innovation in Latin Schools from the Twelfth to the Fifteenth Century*, Cambridge, 2001.

Bukharkin P. E., *Istoriia russkoi literatury XVIII veka (1700–1750-e gody)*, St. Petersburg, 2013.

Curtius E. R., *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*, Bern, München, 1948.

Fedyukin I. I., «Chest' k delu um i okhotu razhdaet»: reforma dvorianskoi sluzhby i teoreticheskoe osnovy soslovnnoi politiki v 1730-ye gg., *Gisatorii rossiskie, ili Opyty i razyskaniia k iubileiu Aleksandra Borisovicha Kamenskogo*, Moscow, 2014, 83–142.

Green I., *Humanism and Protestantism in Early Modern English Education*, Burlington, 2009.

Jacobmeyer W., *Das deutsche Schulgeschichtsbuch. 1700–1945*, 1, Berlin, 2011.

Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S., *A History of Russian Literature*, Oxford, 2018.

Keipert H., Die Petersburger «Teutsche Grammatica» und die Anfänge der Russistik in Rußland, *Studia slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch*, Freidhof G., Kosta P., Schütrumpf M., hrsg., 3 (= Lomonosov und grammatische Beschreibung im 18. Jahrhundert), München, 1983, 77–140.

Keipert H., Der Fremdsprachenunterricht in der Frühzeit des Petersburger Akademie-Gymnasiums, *Polata Knigopisnaja*, 16, 1987, 68–82.

Keipert H., Die «Colloquia scholastica» von Joachim Lange, *Aufklärung und Erneuerung. Beiträge zur Geschichte der Universität Halle im ersten Jahrhundert ihres Bestehens (1694–1806)*, Hanau, Halle, 1994, 225–233.

Keipert H., Vasilij Lebedev und sein Sokraščenie grammatiki latinskoj (S.-Peterburg 1746), *Res slavica. Festschrift für Hans Rothe zum 65. Geburtstag*, Paderborn, München, 1994, 117–133.

Keipert H., Ein unbekannter früher Druck der Petersburger Akademie-Typographie, *Zeitschrift für slavische Philologie*, 58, 2, 1999, 255–291.

Kharer K., Vasilij Trediakovskii i Yakob Shtelin (Reforma russkogo stikhoslozheniia i nemetskoe

akademicheskie poety), V. K. Trediakovskii: *k 300-letiiu so dnia rozhdeniia*, St. Petersburg, 2004, 20–32.

Kirikova O. A., Kostina T. V., Uchebnye knigi v gimnazii Akademii nauk 1730-kh gg., *Detskie chteniia*, 1, 2018, 195–220.

Klein Y., *Russkaia literatura v XVIII veke*, Moscow, 2010.

Kopelevich Yu. Kh., *Osnovanie Peterburgskoi akademii nauk*, Leningrad, 1977.

Kostin A. A., Kostina T. V., "Reglament Gimnazii pri Imperatorskoi akademii nauk v Sankt-Peterburge" G. V. Krafta 1739 g. i ego podgotovka, *Reguliarnaia akademiia uchrezhdena budet... Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka*, Moscow, 2015, 219–263

Kostina T. V., Baza dannykh "Gimnazisty i studenty uchebnykh zavedenii Akademii nauk 1725–1805 gg." kak instrument issledovaniia mezhpokolennoi sotsial'noi mobil'nosti, *Millerovskie chteniia-2018: Preemstvennost' i traditsii v sokhranении i izuchenii dokumentalnogo akademicheskogo nasledii*, St. Petersburg, 2018, 484–493.

Lupпов S. P., *Kniga v Rossii v poslepetrovskoe vremia*. 1725–1740, Leningrad, 1976.

Nickisch R. M. G., Briefsteller, *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*, 2, Tübingen, 1994, 76–86.

Nikolaev S. I., *Literaturnaia kul'tura Petrovskoi epokhi*, St. Petersburg, 1996.

Nikolaev S. I., Trediakovskii v issledovaniiaakh poslednikh desiatiletii, V. K. Trediakovskii: *K 300-letiiu so dnia rozhdeniia*, St. Petersburg, 2004, 172–179 [= *Chteniia Otdela russkoi literatury*, 3].

Novikov N. I., *Izbrannye sochineniia*, Moscow, Leningrad, 1951.

Ong W. J., Latin Language Study as a Renaissance Puberty Rite, *Studies in Philology*, 56, 2, 1959, 103–124.

Pivovarov E. G., K istorii sozdaniia Rossiiskogo sobraniia Akademii nauk, *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 4, 2018, 5–21.

Pogosyan E., *Vostorg russkoi ody i reshenie temy poeta v russkom panegirike 1730–1762 gg.*, Tartu, 1997.

Polonskiy D. G., Pervyi russkii pechatnyi pis'movnik i ego rol' v formirovanii epistoliarnoi kul'tury Novogo vremeni, *Starodruki i ridkisi vydannia v universytets'kii bibliotetsi*, Odessa, 2013, 244–260.

Samarin A. Yu., *Rasprostranenie i chitatei' pervykh pechatnykh knig po istorii Rossii (konets XVII – XVIII v.)*, Moscow, 1998.

Skvortcova E. A., Illustrations to "Gespräche in dem Reiche derer Todten zwischen dem vortreflichen Moscovitischen Czaar Petro Magno und dem grossen Tyrannen Ivan Basilowiz II" (Peter the Great and Ivan the Terrible) by David Fassmann (1725) as an Instrument of Constructing a Picture of Russia, *Slověne = Slověne*, 2, 2017, 276–309.

Uspenskij B. A., *Pervaia russkaia grammatika na rodnom iazyke. Dolomonosovskii period otechestvennoi rusistiki*, Moscow, 1975.

Winter E., *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*, Berlin, 1953.

Zaytseva A. A., Assortiment knizhnoi lavki Akademii nauk v kontse XVIII v., *Kniga i knigotorgovlia v Rossii v XVI–XVIII vv.*, Leningrad, 1984, 140–164.

Zaytseva A. A., *Knizhnaia torgovlia v Sankt-Peterburge vtoroi poloviny XVIII veka*, St. Petersburg, 2005.

Zhivov V. M., Pervye russkie literaturnye biografii kak sotsial'noe iavlenie: Trediakovskii, Lomonosov, Sumarokov, *Zhivov V. M., Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury*, Moscow, 2002, 557–637.

Zhivov V. M., *Istoriia iazyka russkoi pis'mennosti*, 2, Moscow, 2017.

Андрей Александрович Костин, канд. филол. наук

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

доцент кафедры сравнительного литературоведения и лингвистики;

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,

ведущий научный сотрудник

190069 Россия, Санкт-Петербург, наб. Канала Грибоедова, д. 121, каб. 302–303

akostin@hse.ru

Татьяна Владимировна Костина, канд. ист. наук

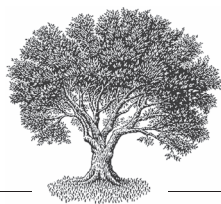
Санкт-Петербургский институт истории (Дом Н. П. Лихачева) РАН,

научный сотрудник Научно-исторического архива и группы источниковедения

197110 Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д.7.

tatianav.kostina@gmail.com

Received April 7, 2019

К истории создания
«Российской
грамматики»
М. В. Ломоносова:
хронология,
варианты,
сотрудники

**Наталия Владимировна
Карева**

Институт лингвистических исследова-
ний РАН

**Евгений Григорьевич
Пивоваров**

Санкт-Петербургский филиал Институ-
та истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН
С.-Петербург, Россия

To the History of
M. V. Lomonosov's
"Russian
Grammar":
Chronology,
Versions,
Collaborators

Natalia V. Kareva

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences

Evgeny G. Pivovarov

Institute for the History of Natural
Sciences and Technology, Russian
Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia

Резюме

В статье сделана попытка обобщить и уточнить информацию об изыскани-
ях М. В. Ломоносова в области грамматики русского языка и сочинения им
знаменитой «Российской грамматики». Авторы восстанавливают хронологию

Цитирование: Карева Н. В., Пивоваров Е. Г. К истории создания «Российской грамматики»

М. В. Ломоносова: хронология, варианты, сотрудники // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 198–216.

Citation: Kareva N., Pivovarov E. (2019) To the history of M.V. Lomonosov's "Russian Grammar":
Chronology, Versions, Collaborators. *Slověne*, Vol. 8, № 2, p. 198–216.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.7

написания этого текста и последующей работы над ним, рассматривают события, предшествовавшие выходу книги в свет, обсуждают ее редакции, упоминавшиеся в работах предшественников. В настоящее время исследователи знают о по меньшей мере четырех рукописных версиях «Грамматики», ни одна из которых до сих пор не выявлена. Возможно, они были утрачены. В архиве Российской академии наук сохранились только относящиеся к грамматике черновые записи, известные в XIX и первой половине XX в. как «Рукопись 112», а после публикации в 7-м томе «Полного собрания сочинений» Ломоносова получившие название «Материалы к Российской грамматике». В статье анализируются две части манускрипта, очевидно, написанные не Ломоносовым: 1) списки слов и черновики разделов о различных частях речи и 2) замечания к отдельным параграфам «Российской грамматики». Сравнение почерков возможных ассистентов и рецензентов Ломоносова показывает, что И. С. Барков не мог, как полагали ранее, быть составителем первой части. Вторая же, скорее всего, написана одноклассником и коллегой Ломоносова по Академии А. С. Барсовым.

Ключевые слова

М. В. Ломоносов, «Российская грамматика», И. С. Барков, А. С. Барсов, Академия наук

Abstract

The paper is an attempt to review and clarify data concerning Mikhail Lomonosov's grammar studies and especially the history of his famous "Russian Grammar". The authors lay out the timeline of its creation and publication. They describe the main steps on its way from the author to the reader and discuss evidence of its manuscript versions. Scholars know of at least four handwritten copies, none of which survive or have been identified. Only a few related drafts known as "Manuscript 112" or "Materials to the Russian Grammar" are available in the archive of the Russian Academy of Sciences (published in volume 7 of his Lomonosov's Complete Works). The article examines two parts of this manuscript which were apparently written not by Lomonosov: 1) lists of words and drafts of sections devoted to different parts of speech; 2) comments on some paragraphs of the "Russian Grammar". Comparison of handwriting samples shows that the first part was not, as previously suggested, written by Lomonosov's long-time assistant and copyist Ivan Barkov, while the second part was probably written by Lomonosov's classmate and fellow worker at the Academy Aleksey Barsov.

Keywords

Mikhail Lomonosov, "Russian Grammar", Ivan Barkov, Aleksey Barsov, Academy of Sciences

Намерение написать «Российскую грамматику» возникло у Ломоносова, по всей видимости, во второй половине 1740-х гг., когда он живо интересовался вопросами орфографической кодификации, писал отзывы на составляемые в Академии наук словари и, вероятно, сам работал

над «лексиконом первообразных слов российских» [Макеева 1961]. Именно в это время ученый начал собирать грамматические материалы. В начале 1750-х гг. он занимался их систематизацией. Сам же текст «Российской грамматики» был завершен в 1755 г. Эта хронология основывается на рапорте Ломоносова 1756 г. президенту Академии наук К. Г. Разумовскому:

По ордеру Вашего Сиятельства вѣлено всѣмъ Академическимъ Профессорамъ и Адъюнктамъ чтобы репортовали Вашему Сиятельству о своихъ трѣдахъ и 8пржненіяхъ въ Наукахъ съ 1751 года по нынѣ. Въ силу онаго репортуя, что съ того времени до нынѣшняго числа по моей Профессіи и въ другихъ Наукахъ я учинилъ погодно.

Въ 1751 годѣ [...] въ Словесныхъ Наукахъ [...] Собранныя прежде сего матеріи къ сочиненію Грамматики зачалъ приводить въ порядокъ [...].

Въ 1753 годѣ [...] въ Словесныхъ Наукахъ [...] для Россійской Грамматики привелъ глаголы въ порядокъ [...].

Въ 1755 годѣ [...] въ Словесныхъ Наукахъ [...] большую часть Грамматики привелъ къ концу, которая въ нынѣшнемъ годѣ печатью къ концу приходитъ [СПбФ АРАН, ф. 20, оп. 3, № 55, л. 18–20].

Из «Протоколов заседаний конференции Императорской Академии наук» же следует, что к середине лета 1755 г. грамматика была едва доведена до середины. Об этом свидетельствует запись от 31 июля:

31 Jul. Praesentibus Prof. Müller, Prof. Lomonosoff, Prof. Grischoff. 1) Lomonosowius monstravit grammaticam Russicam a se concinnatam, nec tamen prorsus ad umbilicum perductam, rogans ut scriba sibi detur, qui illam in album describat [Протоколы Академии наук: 333]¹.

Переписывать «Российскую грамматику» было поручено копиисту И. С. Баркову. 12 сентября 1755 г. он послал в канцелярию Академии наук рапорт следующего содержания:

Потребно мнѣ на переписку Россійской Грамматики, сочиненной гѣдно Совѣтнику и Профессору Ломоносову, шесть дестей галазской пишей бумаги; того ради си репортуя, что повелѣно было оное число бумаги мнѣ выдать [СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 203, л. 109].

Требуемое количество бумаги было выдано [СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 203, л. 110], и Барков за неделю переписал грамматику. 20 сентября 1755 г. Ломоносов поднес рукопись вел. кн. Павлу, о чем рапортовал 17 октября 1755 г.:

¹ «Ломоносов показал "Российскую грамматику", им составленную, однако не доведенную вполне до половины, и попросил себе писца, чтобы переписал грамматику начисто [перевод наш. — Н. К., Е. П.]».

[...] вчерашняго числа на всерадостное торжества [так в рукописи. — Н. К., Е. П.] рождения его императорскаго высочества г^сд^ря великаго князя павла петровича с позволения его сиятельства ака^{де}мии на^бк^т президента удостоился я поднести его высочеству переписанн^ю ему руссiскую грамматику, мною сочиненную, которая милостивѣйше принята, а его сиятельство г^сд^нь президентъ по словесному моему докладу, изволил^т мнѣ приказать подать о томъ в канцелярію репортъ чтобъ оную гра^мматик^Ѹ напечатать прежде втораго тома моихъ сочиненій. того ради при семъ прилагаю оную въ чернѣ, и прош^Ѹ приказать переписать побѣлѣе, чтобы набирать было способнѣе. для ^Ѹкрашенія помян^нтой гра^мматики прилично напереди поставить грьдорованной листъ, котораго при семъ сообщаю идею² [СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 204, л. 211].

К рапорту прилагалась еще одна рукопись грамматики «в черне» и проект гравированного фронтисписа [СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 204, л. 212; Ломоносов 2011: 725]. Канцелярия поручила Баркову еще раз переписать грамматику набело, а после распорядилась отпечатать ее в количестве 1200 экземпляров:

приказали он^ю грамматику переписать на бело копист^Ѹ иван^Ѹ барков^Ѹ, а какъ онымъ переписана б^Ѹдетъ набрать в типографіи такими литерами, и в такой форма^т какъ онъ г^сд^нь ломоносовъ пожелаетъ, и по набраніи на печатать на алеѳандриской бумаге дватцать пять, на заморской коментарной сто, да на рѸскай коментарной гончаровой тысячу семдесятъ пять, всего тысячу двести е^Ѹмпляро^Ѹ, а межд^Ѹ темъ по идеи ево г^сд^на ломоносова грьдорованном^Ѹ лист^Ѹ з^Ѹдѣлать рисѸнокъ мастер^Ѹ гриммелю, а какъ з^Ѹдела^н б^Ѹдетъ по оному со апробаціи его г^сд^на ломоносова на грьдоровать мастер^Ѹ соколов^Ѹ на медной доске, котор^Ѹю б^Ѹде у него в наличности нетъ взяты у медника цынка, и по нагрьдорованіи на печатать толикое жъ число е^Ѹмпляровъ и на такой же б^Ѹмаге какъ о томъ показано выше сего, а б^Ѹмаг^Ѹ на то выдать о^Ѹ наборщика ивана ильина записавъ в росходъ с роспискою, и по напечатаніи во что та грамматика совсемъ обойдется о томъ мастер^Ѹ соколов^Ѹ наборщикамъ розе и ильин^Ѹ подать в канцелярію репортъ, и о томъ к ни^м и къ г^сд^нѸ совѣтник^Ѹ ломоносов^Ѹ послать ордеры [СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 466, л. 348–348об.; см. также СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 204, л. 213–213об.].

К началу ноября 1755 г. типография приступила к набору рукописи. Сохранился рапорт наборщика И. Ф. Розе в Канцелярию Академии наук. Он заказывал вырезать в пунсонной палате «абиссинские или ефиопские» и «еврейские слогии» для «Российской грамматики». К рапорту были приложены рисунки с их изображением:

присланная при ордерѣ въ типографію для напечатанія сочиненная коллежски^м совѣтникомъ и профессоромъ господиномъ Ломоносовымъ руссiская

² Подчеркнутые фрагменты (слова *я*, *идею* и приставка *пре-*) вписаны другими чернилами, по всей видимости, рукой Ломоносова.

грамматика, въ которой находится нѣсколько Абиссинскихъ или Ефіопскихъ слоговъ которые канцелярію академіи наукъ покорно прошу дабы соблаговолено было приказать оныя слогѣ въ пунсонной палатѣ вырѣзать, а оныя слогѣ суть слѣдующіе кои при семъ и изображаются: но и впредь ежели какіе слогѣ въ оной книгѣ случатся, также приказано было бѣ, [не утруждая вдаль канцелярію академіи Наукъ репорта^м] вырѣзывать [СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 205, л. 7–7об.].

В. Н. Макеева отмечает, что в известном по первой публикации тексте «Российской грамматики» изображения «абиссинских» и «еврейских» слогов нет — есть только краткое упоминание о них в § 37 [Макеева 1961а: 54]. Расхождения, по всей видимости, объясняются тем, что Ломоносов продолжал вносить изменения в рукопись в течение всего 1756 г. Известно, что в январе 1756 г. рукопись находилась в типографии. Об этом свидетельствует рапорт Розе от 15 января 1756 г.:

наборщикъ розе репортомъ о^бявилъ, для печатанія ^{де} росіискіи грамматики потребно донесколку литеръ цицери курсивѣ съ акцентами, а оны^х де въ типографіи не находится, да и пунсоновъ на нихъ нѣ вырезано: и требовалъ чтобъ на оныя литеры пунсоны вырезать по приложе^нно^{му} при томъ изображенію въ пунсонной полатѣ; приказали о вырезаніи на означенныя литеры пунсоновъ къ по^ммастерью краюхину послать ордеръ, а по вырѣзаніи тѣхъ пунсоны велеть отдать для пробыванія въ матрицы и отливки литеръ по^ммастерью полянову, о чемъ и ономѣ поляновѣ дать ордеръ же, а розе о семъ для ведома о^бявить [СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 525, л. 51].

Однако уже в начале февраля рукопись была взята из типографии и отдана Ломоносову для доработки — 9 февраля 1756 г. секретарь Академической конференции профессор Г. Ф. Миллер сообщал в рапорте, что Барков снова переписывает «Российскую грамматику» дома у Ломоносова:

Генваря 29^г дня конференціи г^днъ секретарь и пр^офессоръ ми^ллеръ доношениемъ объявилъ опредѣленной ^{де} при конференціи кописѣ иванъ барковъ находится беспрестанно для писма у господина совѣтника и профессора ломоносова, а при конференціи ежедне^нно слѣдуютъ дѣла, для которыхъ росіискій кописѣ необходимо надобенъ, и требовалъ чтобъ кописѣ баркова возвратить на прежнѣе место или опредѣлить въ место ег^оу кого др^{уг}ова иск^снаго писца дабы в настоящихъ дѣлахъ не было остановки; приказали — кописѣ баркова оставить при совѣтникѣ господинѣ ломоносовѣ, ибо онъ барковъ переписываетъ у него сочиненн^ю имъ господиномъ ломоносовымъ росіискіи грамматикѣ, а вмѣсто ево в конференцію для переписки учены^х дѣлъ и прочаго опредѣлить находящагося при библиотекѣ кописѣ семена корелина, о чемъ к ассесору^у и ынтеръ библиотекаря г^днѣ таубертѣ и к немѣ г^днѣ профессорѣ ми^ллерѣ послать ордера [СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 525, л. 78].

Только в мае 1756 г. типография приступила к набору «Российской грамматики»; работа длилась около полугода. Наконец, 9 января 1757 г. в Канцелярию пришел рапорт от Розе о том, что печатание завершено:

по ордеру канцелярии академии наук³ октября 21 дня прошлаго 1755 года подъ № 1824. напечатано въ типографіи сочиненной коллежски^м совѣтникомъ и профессоромъ господиномъ Ломоносовымъ россійской грамматики состоящей изъ тринадцати листовъ съ половиною, тысяча двѣсти экземпляровъ, въ томъ числѣ на средне^м александріиской дватцать пять, на заморской коментарной сто, да на руской коментарной тысяча семдесятъ пять экземпляровъ [СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 204, л. 223].

Несмотря на то что грамматика вышла в январе 1757 г., на титульном листе было указано, что она издана в 1755 г. 13 января Ломоносов получил авторский экземпляр — сохранилась расписка на немецком: «Ein Exemplar von meiner Grammatic auf meine Rechnung. 13 jan. 1757. Lomonosow»³ [СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 204, л. 232]. В конце января тираж был сдан в книжную лавку:

по ордеру канцелярии академии наукъ генваря 30 дня подъ № 192 отдано изъ типографіи россійской грамматики сочиненной коллежски^м совѣтникомъ и профессоромъ господиномъ ломоносовымъ въ книжную лавку комисару збо-ромирскому, а имянно на александріиской бумагѣ одиннатцать, на заморской коментарной восемдесятъ пять, да на руской коментарной тысяча пяддеся^{ть} шесть экземпляровъ [СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 204, л. 228–228об.].

Сливив вышедшие при жизни Ломоносова экземпляры, П. П. Пекарский и М. И. Сухомлинов заметили, что издание «Российской грамматики» с обозначением 1755 г. на титульном листе существовало в нескольких вариантах [Пекарский 1873: 587; Ломоносов 1898: 37 втор. паг.]. В 1950-е гг. в связи с подготовкой Академического полного собрания сочинений Ломоносова (далее — АПСС) Г. П. Блок и Макеева снова обратились к этому вопросу и пришли к выводу, что существовало пять незначительно различающихся между собой наборов, датированных 1755 г., но вышедших в период с 1757 по 1787 гг. [Блок, Макеева 1951]. Не останавливаясь подробно на деталях исследования, отметим, что, по мнению Макеевой, существовало не только несколько выпусков, но и несколько рукописей грамматики [Макеева 1961а: 54, 56].

Просмотренные нами архивные материалы подтверждают это предположение. Существовало не менее четырех рукописей «Российской грамматики»: 1) черновик, который в июле 1755 г. был представлен академическому собранию; 2) скопированная Барковым грамматика,

³ «Один экземпляр моей грамматики на мой счет. 13 января 1757 г. Ломоносов» [перевод наш. — Н. К., Е. П.].

поднесенная вел. кн. Павлу; 3) белой экземпляр, сделанный Барковым перед ее подачей в типографию; 4) еще одна рукопись, над которой он трудился у Ломоносова в январе 1756 г. Очевидно, эти документы не были идентичными. Их выявление позволило бы представить, как происходило редактирование текста на финальном этапе работы, однако, к сожалению, до настоящего времени они не найдены. В распоряжении исследователей имеются только относящиеся к грамматике черновые записи Ломоносова [СПбФ АРАН, ф. 20, оп. 1, № 5], известные в XIX и первой половине XX в. как «Рукопись 112», а после публикации в АПСС [Ломоносов 1952: 595–760] получившие название «Материалы к Российской грамматике».

Они собраны в фолиант, состоящий из 158 листов. В него включены заметки Ломоносова 1744–1757 гг., связанные с грамматическими и лексикографическими изысканиями, а также тексты начала 1760-х гг., не имеющие отношения к словесным наукам, — черновики естественнаучных сочинений, стихотворные наброски и проч. Тематическая и хронологическая разнородность входящих в одно архивное дело документов связана с тем, что «Материалы» формировались уже после кончины Ломоносова. Собрание грамматических заметок ученого должно было войти в «музей» Г. Г. Орлова. Отбором и систематизацией рукописей занимались адъюнкты Г. В. Козицкий и Н. Н. Мотонис [Кулябко 1977: 100]. Эти документы спустя почти полвека были переплетены в сборник. Бумага переплета датируется 1817 г., и, соответственно, до этого времени рукописи могли как добавляться в коллекцию, так и изыматься из нее [Кулябко, Бешенковский 1975: 92].

Помимо тематической и хронологической разнородности входящих в архивное дело документов, обращает на себя внимание тот факт, что в «Материалах» есть листы, написанные не Ломоносовым. Выше мы с сожалением отметили, что утрата рукописей «Российской грамматики» не позволяет современным исследователям проследить этапы редактирования текста, увидеть, как корректировались формулировки, выбирались примеры и совершенствовалась грамматическая терминология. Однако документы из собрания СПбФ АРАН Ф. 20. Оп. 1. № 5 позволяют получить некоторое представление о том, как в конце 1740 — начале 1750-х гг. шла работа по отбору и систематизации грамматического и лексического материала, как редактировался текст в 1755–1756 гг. и кто помогал Ломоносову в этой работе.

Во-первых, более десяти листов — списки слов и черновики разделов о местоимении, наречии, предлоге, союзе, междометии — написаны рукой неизвестного лица с пометами и добавлениями Ломоносова [СПбФ АРАН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 61–66об., 69–78об., 120–121об., 124–

125об., 135–135об., 137–143об., 145–146]. Вероятно, эти записи относятся к концу 1740-х гг., когда собирался и систематизировался языковой материал и шла работа над лексикографическими проектами. При публикации в АПСС Макеева охарактеризовала грамматические заметки «неизвестного помощника» Ломоносова как переложение на русский язык грамматики Смотрицкого [Ломоносов 1952: 908]. Однако с этим мнением нельзя согласиться — автор заметок принимал самостоятельные решения как в области систематизации языкового материала, так и в области используемой терминологии. Он предложил оригинальную классификацию «значений» союзов, отличающуюся от систем Смотрицкого и Ломоносова⁴. Более того, именно этот «помощник» в первый раз употребил термин *предложный падеж*⁵, которым мы пользуемся и поныне.

Имя автора записей до сих пор не установлено [Ломоносов 2011: 800–801]. Г. Н. Моисеева предположила, что материалы из «Рукописи 112» копировались Барковым [Моисеева 1971: 43]. Мы сопоставили почерк автора заметок в «Материалах» с образцами скорописного почерка Баркова — в первую очередь с его «Краткой российской историей» [СПбФ АРАН, р. II., оп. 1, № 28, л. 101–110об., 113–118об.]; см. об этой рукописи: [Кулябко, Соколова 1965] — и пришли к выводу, что почерк имеет совпадения с почерком Баркова в способе начертания некоторых букв, однако есть и стабильные различия, не дающие возможности утверждать, что именно он был тем самым «неизвестным помощником», собиравшим для Ломоносова материалы⁶.

⁴ Г. Кайперт первым отметил, что классификация союзов в «Материалах к Российской грамматике» отличается от предложенной в «Российской грамматике»; также он обратил внимание на терминологическую новацию в «Материалах» — наименование *соответственное*, использованное для обозначения союзов *но, хотя, однако* и проч. [Keipert 1987: 262, 264]. Мы хотели бы подчеркнуть, что рассматриваемый раздел о союзе в «Материалах» написан не Ломоносовым, а его «помощником» (СПбФ АРАН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 143), что было учтено при публикации в АПСС [Ломоносов 1952: 756–757], на которую ссылается Г. Кайперт.

⁵ Традиции наименования этого падежа в грамматиках «доломоносовского» периода посвящена статья Кайперта [Keipert 1991]. Отмечая, что термин *предложный падеж* был введен в «Российской грамматике», он обращает внимание на употребление в «Материалах к Российской грамматике» его латинского аналога — наименования *casus praepositionis*, что связывается с влиянием трудов французской школы Пор-Рояль, а также подготовленных Й. Л. Фришем и Й. Я. Виппелем изданий грамматики Й. Бёдикера [Keipert 1991: 284–286]. В свою очередь, хотим отметить, что первое употребление русского варианта термина *casus praepositionis* — *предложный падеж* — находится в «Материалах» на листе, написанном почерком «помощника» Ломоносова [СПбФ АРАН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 142об.; Ломоносов 1952: 756].

⁶ Фотокопии листов с записями «неизвестного помощника» Ломоносова опубликованы Г. Н. Моисеевой [Моисеева 1971: 46–47]; листы с образцами

Во-вторых, еще два листа «Материалов» [СПбФ АРАН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 122–123] содержат замечания — советы, исправления и добавления — к отдельным параграфам «Российской грамматики» (§ 299, 300, 303, 305, 307, 310, 312, 313, 318, 320, 322, 323, 325, 327, 333, 340, 346). В АПСС они были опубликованы в комментарии [Ломоносов 1952: 881–882], причем отмечалось, что, вероятно, «неизвестный рецензент» был уроженцем Москвы, так как в замечаниях он ссылается на московскую норму⁷. Мы также хотели бы отметить свободное использование им глагольной терминологии⁸, а также тот факт, что «рецензент» предлагает Ломоносову свои варианты и задает ему вопросы⁹.

В ходе работы в СПбФ АРАН нами было установлено, что эти замечания написаны почерком, имеющим совпадения с образцами почерка [СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 103, л. 79–80, 95, 297, 378; ф. 3, оп. 1, № 100, л. 25–25об., 68, 157, 246, 267 и др.] Алексея Степановича Барсова (1718 — 25 мая 1763 [Модзалевский 1937: 389]). В статье мы публикуем три документа — один из листов с правкой «неизвестного рецензента» из «Материалов» и два рапорта Барсова в канцелярию Академии наук. Сопоставление почерков, которыми написаны эти документы, позволяет сформулировать вывод о том, что именно Барсов написал замечания к «Российской грамматике», попавшие в конволют с черновыми материалами Ломоносова.

Документы 1 и 2 — рапорты Барсова в академическую канцелярию, датированные 1748 и 1755 гг., — написаны аккуратным ровным почерком без исправлений или помарок:

въ Канцелярію Академіи Наукъ репортъ

По присланномъ изъ канцеляріи Академіи Наукъ сего Іюля 5 дня подъ № 943 въ типографію ордеръ велѣно въ книгъ называемѣю военной уставъ допечатать пропавшіе въ бывшей пожаръ дватцать четыре листа которой допечатки два листа уже и набрано; а понеже оной книги по отсылкѣ въ военнѣю коллегію въ книжной лавкѣ останется только шесть сотъ экземпляровъ которые весма скоро продадѣтся для тово что оной книги весма много спрашиваютъ. Того ради канцеляріи Академіи Наукъ покорнѣйше симъ представляю не соблаговолено ли бѣдетъ оныхъ дватцати четырехъ листовъ приказать напечатать сверхъ

скорописного почерка Баркова представлены в статье Е. С. Кулябко и Н. В. Соколова [Кулябко, Соколова 1965: 203, 204, 205, 209, 211, 212].

⁷ Например: «Глаголы *лачу, лакалѣ; мачу, макалѣ* въ Москвѣ употребляются *лочу, локалѣ; мочѣ, мокалѣ*» [СПбФ АРАН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 122].

⁸ «*Колебаю* не употребителенъ токмо отъ него прошедшее однократное *поколебалѣ* употребительно; а *колебнуулѣ* отъ глагола *колеблю*» [СПбФ АРАН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 122].

⁹ «§ 335 Не прикажете ли прибавить *гну, гнутѣ*» [СПбФ АРАН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 123].

оно⁸ допечатки еще одинъ заво<д>ъ или два; ибо за наборъ сихъ дватцати четырехъ листовъ брать не надобно бѣдетъ потомъ что оное разложено уже напрежн<?> книгъ, а прочіе тритцать три листа можно междѣodomостей додѣлать. Юля дня 1748 года Корректо⁹ Алеѣѣй Барсовъ [СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 103, л. 95].

въ канцелярію Академіи Наукъ репортъ

въ прошломъ 1754 годѣ напечатано въ разныя мѣсяцы и чѣсла комедіантскихъ цеттелей комедіантѣ Петрѣ Герфердингѣ на собственной его бѣмагѣ четвертошныхъ сорокъ, за наборъ которыхъ надлежитъ взять съ каждой по пятидесяти копѣекъ за напечатаніе по полушкѣ того въ каждой по семидесяти пяти копѣекъ всего пятьдесятъ рублей которыхъ деньги нынѣ взяты и присемъ вносятся. Корректо⁹ Алеѣѣй Барсовъ. Октября 31 дня 1755 года [СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 205, л. 24].

В Документе 3, вложенном в папку с «Материалами к Российской грамматике», есть исправления, зачеркивания и вставки:

§ 294 Кончащіеся на *плю* премѣняють *лю* на *алъ* кромѣ неупотребительнаго *емлю*, *нялъ*. Не прибавить ли еще глаголовъ *топлю*, *топилъ*, *куплю*, *купилъ*¹⁰.

Ко § 295 Не прибавить ли еще *бѣлю*, *бѣлилъ*, *даблю*, *давилъ*¹¹.

§ 298 Кромѣ *брызжу*, *брызгалъ* и пр. не прибавить ли еще *рѣжу*, *рѣдилъ*, то есть рѣдко садилъ¹².

§ 300 Глаголы *лачу*, *лакалъ*; *мачу*, *макалъ* въ Москвѣ употребляются *лочу*, *локалъ*; *мочѣ*, *мокалъ*. *Гогочу* имѣетъ *гоготалъ* и пр. не прибавить ли *плачу*, *платилъ*, *плочу*, *плотилъ*, *брычѣ*, *брычалъ*¹³.

§ 302 написано *брешу* имѣетъ *Брехалъ*; по моему мнѣнію сей глаголъ надлежитъ до 301 § изыятія, послѣ *нашѣ* *пахалъ* поставить *брешу*, *брехалъ*, а въ 302 вымарать¹⁴.

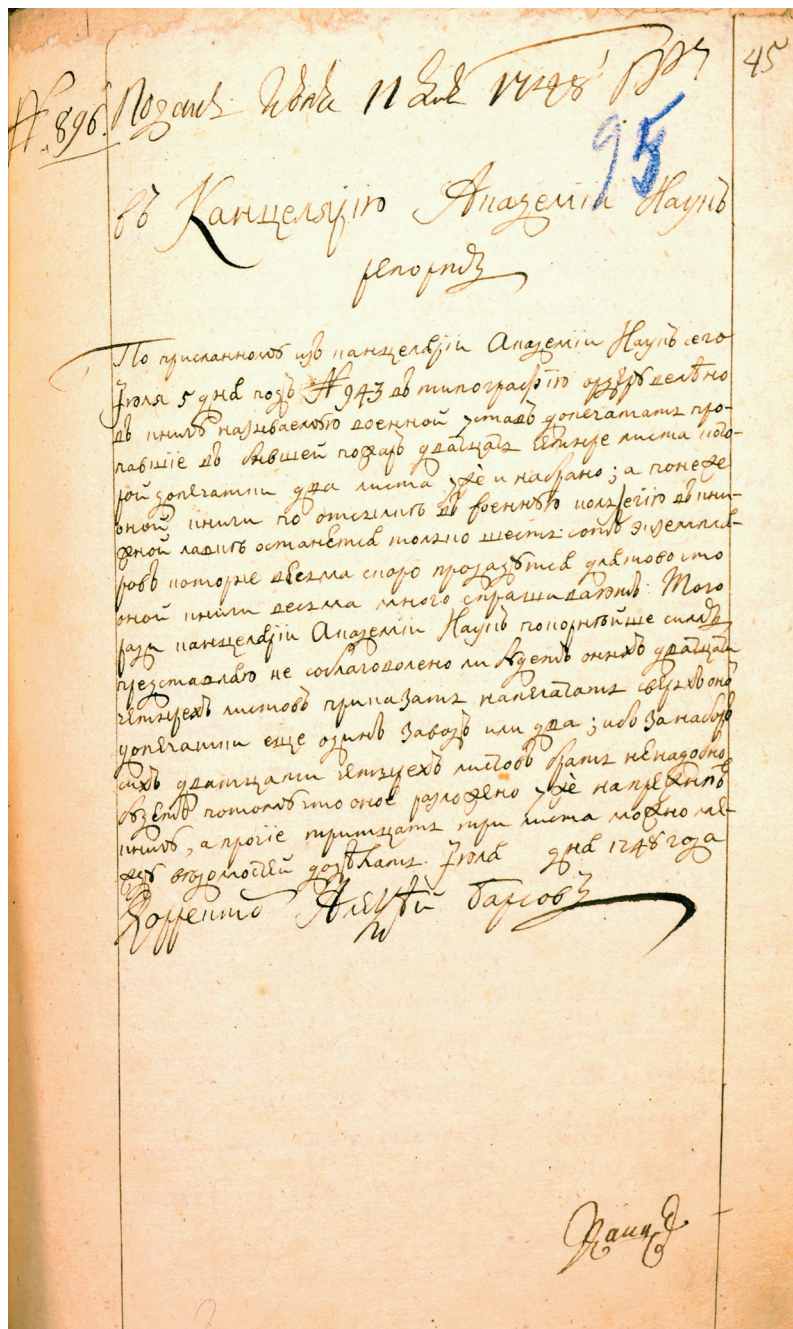
¹⁰ В печатном варианте «Российской грамматики» нумерация параграфов изменена и данный параграф расширен: «§ 299 Кончащіеся на *блю*, *млю*, *плю* переменяють *лю* на *алъ*, напр.: *дремлю*, *дремалъ*; *колеблю*, *колебалъ*; *треплю*, *трепалъ*, кроме неупотребительнаго *емлю*, *нялъ*» [Ломоносов 1952: 486, 881].

¹¹ В печатном варианте «Российской грамматики»: «§ 300 *Полю* имеетъ *пололъ*; *колю*, *кололъ*; *стелю*, *сталалъ*; *брю*, *брюлъ*; *орю*, *оралъ*; *порю*, *поролъ*; *шлю*, *слалъ*» [Ломоносов 1952: 486, 881].

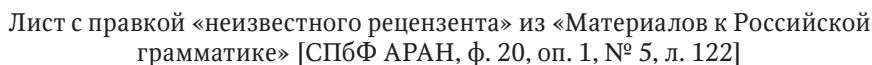
¹² Ломоносов не учел добавления «рецензента». См. в «Российской грамматике»: «§ 303 *Жу* переменяется на *залъ*: *вяжу*, *вязалъ*; *лижу*, *лизалъ*; *кажу*, *казалъ*; *мажу*, *мазалъ*; *нижу*, *низалъ*; *рѣжу*, *рѣзалъ*, кроме: *брызжу*, *брызгалъ*; *гложу*, *глодалъ*; *ржу*, *ржалъ*; *строжу*, *строгалъ*» [Ломоносов 1952: 487, 881].

¹³ Эти замечания о московской норме не были отражены в печатном варианте «Российской грамматики»: «§ 305 *Чу* переменяется в *калъ*: *кличу*, *кликалъ*; *лачу*, *лакалъ*; *мачу*, *макалъ*; *мычу*, *мыкалъ*; *плачу*, *плакалъ*; *скачу*, *скакалъ*; *тычу*, *тыкалъ*; *гогочу* имеетъ *гоготалъ*; *лепечу*, *лепеталъ*; *мечу*, *металъ*; *прячу*, *пряталъ*; *хочу*, *хотѣлъ*» [Ломоносов 1952: 487, 881].

¹⁴ Замечание «рецензента» было отклонено Ломоносовым. В «Российской грамматике» пары примеров *пашу*, *пахалъ* и *брешу*, *брехалъ* находятся в разных

Рапорт А. С. Барсова в Канцелярию Академии наук (июль 1748 г.)
[СПБФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 103, л. 95]

§ 305 Глаголь *Хвастаю* прошедшее однократное имѣеть *схвасталъ*, а не *хваснулъ*; а глаголь *Хвощу* то есть *бью*, *Хвоснулъ*. Глаголь *Гребу*, имѣеть *Гребнулъ* а не *Гренулъ*, а глаголь *Гремлю*, *Гряннулъ*. Глаголь *лопаю* (ѣмъ) *слопалъ*, ежели же (трескаю) *Лопнулъ*. Глаголы л[...] *локнулъ*, *мочу*, *мокнулъ*. *Колебаю* не употребителенъ токмо отъ него прошедшее *сове*роднократное *поколебалъ* употребително; а *колебнулъ* отъ глагола *колеблю*.

ibid. Ежели *чхаю*, *чхнулъ*, то надлежитъ написать и глагола *мгаю*, *мгнулъ*, а по моему мнѣнію лучше писать *чихаю*, *чихнулъ*, *мигаю*, *мигнулъ*, что и употребительнѣе¹⁵ [СПбФ АРАН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 122].

Все три документа написаны высоковыработанным почерком, имеющим незначительно выраженный правосторонний наклон.

При сопоставлении документов мы отметили ряд общих признаков в написании букв: 1) написание лигатуры *ѣ* с правым крюком, выдающимся за край строки; 2) отрывное написание *ш* в четыре штриха; 3) отрывное написание *ц* в три штриха с загнутым вправо и вверх хвостом, выдающимся за нижний край строки; 4) написание *я* как *а* с характерной высокой петлей в надстрочной части; 5) отрывное написание букв *л* и *м* с острыми углами, левый штрих в ряде случаев имеет начало выше верхней границы строки; 6) написание *з*, сходное с написанием цифры 3; 7) отрывное написание строчной буквы *к* в виде двух не соединенных между собой вертикальных черт, правая из которых имеет снизу крюк, загнутый вправо, а также отрывное написание заглавной *К* с развитой подстрочной частью; 8) написание *ъ* в один штрих с мачтой, выдающийся за верхний край строки.

Кроме перечисленных признаков, для трех документов характерно употребление двух вариантов написания буквы *т* — как современно-го курсивного и как курсивного *г* с выдающейся над строкой и нависающей над предыдущей буквой левой частью, а также двух вариантов написания буквы *в* — в виде квадрата и с петлями, нижняя из которых иногда выдается за край строки. Эти совпадающие признаки дают основания утверждать, что публикуемые документы написаны одним и тем же человеком и, таким образом, Барсова следует считать «неизвестным рецензентом», составившим замечания к «Российской грамматике».

параграфов: «§ 306 *Шу* — на салъ: *пишу*, *писалъ*; *пляшу*, *плясалъ*; *тешу*, *тесалъ*; *чешу*, *чесалъ*, кроме: *машу*, *махалъ*; *пашу*, *пахалъ*. § 307 *Брешу* имеет *брежалъ*; *ищу*, *искалъ*; *плещу*, *плескалъ*, *скрежещу*, *скрежеталъ*; *свищу*, *свисталъ*; *трепещу*, *трепеталъ*; *хлещу*, *хлесталъ*» [Ломоносов 1952: 487, 881].

¹⁵ Эти замечания о некорректных, по мнению «рецензента», формах прошедшего однократного от некоторых глаголов не были учтены Ломоносовым. См. в «Российской грамматике»: «Прошедшее однократное имеют следующие глаголы: [...] *колебаю*, *колебнулъ*; *лопаю*, *лопнулъ* [...] *хвастаю*, *хваснулъ* [...] *чхаю*, *чхнулъ*; *мигаю*, *мигнулъ* [...] *гребу*, *гренулъ* [...] *лочу*, *локнулъ*; *мочу*, *мокнулъ* [...]. Кроме сих мало сыщется» [Ломоносов 1952: 488–489, 881–882].

К сожалению, о нем известно очень немного. Он родился в семье священника. Его дед, Кирилл Алексеевич, родом из Ярославля, служил в «Троицкой церкви, что в Троицкой, в Москве» [Смирнов 1855: 217]. Родным братом его отца был литератор, переводчик и педагог, директор Синодальной типографии Алексей Кириллович Барсов, сын которого Антон впоследствии также стал автором известной грамматики русского языка [Тоболова 1993: 28].

На протяжении пяти лет Алексей Степанович Барсов учился в Славяно-греко-латинской Академии. В «Реестре Еллиногреческой школы [...]» за 1730 г. упомянут «Алексей меньший Барсов, без жалования на своем коште» [Описание документов Синода, 10: стлб. 1329]. К 1735 г. подросток прошел четыре низших класса Академии. В декабре того же года вместе с одиннадцатью другими учениками он выехал из Москвы в Петербург для того, чтобы стать студентом академического университета [Описание документов Синода, 15: стлб. 505–508]. Вскоре, как известно, два самых одаренных из них — Ломоносов и Д. Виноградов — были отправлены в Германию. Остальные же продолжили совершенствовать свои знания в академической гимназии. 16 ноября 1736 г. академик Г. З. Байер так нелицеприятно аттестовал новых студентов:

Я [...] присланныхъ изъ Москвы въ академію наукъ учениковъ по ихъ классамъ и каждого порознь свидѣтельствовавъ и слѣдующее усмотрѣлъ. Изъ сунтаксимы: Алексѣй Барцовъ [sic! — Н. К., Е П.], Никита Поповъ, Михайла Гавриловъ (каждому по 17 лѣтъ). По лѣтамъ сихъ людей о дальнемъ успѣхѣ въ наукахъ никакой надежды имѣть не можно, потому что они въ такіе свои годы грамматическаго фундаменту весьма немного получили, и ежели имъ въ гимназій учиться, то прежде вступленія въ латинскія школы, надобно имъ по нѣмецки знать, для того, что въ оныхъ классахъ все нѣмецкіе профессеры. На которое ученіе нѣмецкаго языка надобно имъ, по крайней мѣрѣ, годъ [...] [МАН, 3: 239].

Согласно «Генеральному списку учеников» академической гимназии за 1736 г. в ее «верхнем классе» оказались В. Лебедев, Я. Виноградов, Я. Несмеянов, И. Голубцов, А. Чадов, П. Шишкарёв, С. Старков, Н. Попов и Барсов [Ibid.: 299, 303]. Условия их жизни были крайне тяжелы — они недополучали положенных им денег, страдали от голода, холода, отсутствия нормальной одежды [Ibid.: 299, 303, 704–705; МАН, 4: 4, 23, 206–207, 344 и др.]. По истечении пятилетнего обучения все студенты были проэкзаменованы: 13 мая 1740 г. проводившие «апробацию» академики доносили:

Понеже высокимъ правительствующаго сената указомъ отъ 31-го марта сего 1740-го году повелѣно обрѣтающихся при академіи наукъ московскихъ

студентовъ въ ихъ наукахъ освидѣтельствовать [...], — того ради академія наукъ, по силѣ высокоупомянутаго указа, упомянутыхъ московскихъ студентовъ въ присутствіи наибольшихъ академическихъ профессоровъ трикратно, [...], экзаменовала, а при томъ случаѣ слѣдующее усмотрѣно: [...] Алексѣй Барсовъ въ наукахъ не далекъ, въ языкахъ еще не силенъ, а и во нравѣ своемъ посредственъ; а отъ рожденія имѣетъ 21 годъ [...]. О сихъ студентахъ пріемлетъ академія наукъ смѣлость всепокорное свое мнѣніе представить, что [...] Барсовъ можетъ въ другіе не такъ важные переводы, или для управления печатныхъ на российскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкѣ книгъ и другихъ вещей употребленъ быть [МАН, 4: 396–397].

Вскоре после этого «освидетельствования» Барсов был принят на работу в Академию наук. 12 апреля 1740 г. ее «главный командир» И. А. Корф приказал ему «быть корректором в российской типографии, которому над оной смотрение иметь, и жалование ему производить маяя с 1-го сего 1740-го году, по сту по осьмидесят рублей в год» [Ibid.: 367]. В этот период Академия наук вела обширную издательскую деятельность, книготорговля стала одной из важнейших доходных статей академического бюджета. Богато изданные тома были прекрасным подношением для высоких покровителей Академии, и И. Д. Шумахер мастерски владел этой «дипломатией книгами». Контроль над типографией, словолитной, гравировальной, переплетной мастерскими и книжными лавками был одним из основных факторов, определявших его влияние в Академии.

Борьба партий, разразившаяся в Академии после воцарения Елизаветы, не могла не затронуть Барсова. А. К. Нартов, добившийся у императрицы назначения следствия над Шумахером, попытался вывести типографию из-под его надзора. 18 апреля 1743 г. он распорядился:

Понеже академіи наукъ совѣтникомъ, господиномъ Нартовымъ, усмотрѣно, что въ находящихся при академіи русской и нѣмецкой типографіяхъ печатаются присланные изъ правительствующаго сената разные о государственныхъ дѣлахъ указы и протчія случающіяся важныя дѣла, а понеже въ той типографіи, за множествомъ полатъ, дверей немалое число, такожь и въ окошкахъ рѣшетокъ нѣтъ, отчего не безъ опасности быть можетъ, — того ради [...] определено: до сдѣланія настоящихъ рѣшетокъ, въ тѣхъ полатахъ лишнія двери запереть и запечатать накрѣпко, чтобъ входъ и выходъ имѣли въ одніи двери, а окна бы не раскрывали, по тому жъ запереть и запечатать академическою и корректора Барсова и подмастерья Яковлева печатями. Чего ради къ тѣмъ дверямъ поставить особливаго солдата, съ перемѣною на часы, на три смѣны трехъ челоуѣкъ, чтобъ какъ пойдутъ типографскіе служители изъ типографіи домой, то бѣ часовой солдатъ ихъ осматривалъ, не вынесено ль кѣмъ чего будетъ, и ежели кто что унесетъ, таковыхъ приводить въ канцелярію, съ которыми поступлено будетъ по указомъ [МАН, 5: 634].

По-видимому, симпатии Барсова в данном случае были не на стороне партии «академии наук советника». В ответном рапорте 29 апреля 1743 г. он выдвинул целый ряд возражений против новых правил работы типографии [Ibid.: 639–640]. Оправданный следственной комиссией Б. Г. Юсупова Шумахер вознаградил верного служащего. 8 ноября 1744 г. он получил повышение — был назначен смотрителем над типографией и фигурною палатою [МАН, 8: 200, 217, 454, 570–571, 737]. Свидетельством напряженной работы Барсова в эти годы стали сотни рапортов, записок и доношений, хранящихся в архиве Академии наук [СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 100, л. 39, 67–70, 124, 135, 240–244, 267–269; № 101, л. 21–24, 109, 225, 225об., 353; № 103, л. 80, 95, 297, 378; № 104, л. 174, 176; № 105, л. 7, 194, 223, 269; № 106, л. 193, 212; № 108, л. 95, 142, 282; № 109, л. 37, 39, 112, 256об.–259; № 110, л. 118, 193, 234об., 238, 242, 318, 354, 496; № 115, л. 409–413, 116, 321–324 и др.]. Большинство из них посвящены изданию новых книг. Например, 8 марта 1746 г. Барсов составил «в канцелярию Академии наук репорт» о «печатании переведенной профессором господином Ломоносовым с латинского на российский язык книги вольфианской экспериментальной физики» [СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, № 100, л. 25–25об.].

Мы предполагаем, что составленные Барсовым замечания и дополнения к «Российской грамматике» относятся к концу 1755 — началу 1756 гг., когда текст уже был готов и редактировался. Очевидно, что Барсов, коренной москвич, соученик Ломоносова, представитель династии филологов, переводчиков и справщиков, обладал необходимыми знаниями и опытом, чтобы квалифицированно судить о сочинении своего коллеги. Дальнейшая судьба Барсова, надеемся, привлечет внимание исследователей. Мы же ограничимся только теми фактами из его биографии, которые свидетельствуют в пользу нашей гипотезы о том, кем мог быть «неизвестный рецензент» «Российской грамматики».

Сокращенные названия архивов

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

Библиография

Блок, Макеева 1951

Блок Г. П., Макеева В. Н., Первые издания «Российской грамматики» Ломоносова, Ломоносов. *Сборник статей и материалов*, 3, Москва, Ленинград 1951, 350–356.

Кулябко 1977

Кулябко Е. С., *Замечательные питомцы Академического университета*, Ленинград, 1977.

Кулябко, Соколова 1965

Кулябко Е. С., Соколова Н. В., И. С. Барков — ученик Ломоносова, Ломоносов. *Сборник статей и материалов*, 6, Москва, Ленинград, 1965, 207–216.

Кулябко, Бешенковский 1975

Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б., *Судьба библиотеки и архива Ломоносова*, Ленинград, 1975.

Ломоносов 1898

Ломоносов М. В., *Сочинения: с объяснительными примечаниями акад. М.И. Сухомлинова*, 4, С.-Петербург, 1898.

— 1952

Ломоносов М. В., *Полное собрание сочинений*, 7: Труды по филологии, 1739–1758 гг., Москва, Ленинград, 1952.

— 2011

Ломоносов М. В., *Полное собрание сочинений*, 7: Труды по филологии 1739–1758, Москва, 2011.

Макеева 1961

Макеева В. Н., М.В. Ломоносов — составитель, редактор и рецензент лексикографических работ, *Вопросы языкознания*, 5, 1961, 109–114.

— 1961a

Макеева В. Н., *История создания «Российской грамматики» М.В. Ломоносова*, Москва, Ленинград, 1961.

МАН, 1–10

Сухомлинов М. И., ред., *Материалы для истории Императорской Академии наук*, 1–10, С.-Петербург, 1885–1900.

Модзалевский 1937

Модзалевский Л. Б., сост., *Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР: Научное описание*, Москва, Ленинград, 1937.

Моисеева 1971

Моисеева Г. Н., *Ломоносов и древнерусская литература*, Ленинград, 1971.

Описание документов Синода

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, 1–50, С.-Петербург, 1868–1914.

Пекарский 1873

Пекарский П. П., *История Императорской Академии наук в Петербурге*, 2, С.-Петербург, 1873.

Протоколы Академии наук

Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года, 2: 1744–1770, С.-Петербург, 1899.

Смирнов 1855

Смирнов С. К., *История Московской славяно-греко-латинской академии*, Москва, 1855.

Тоболова 1993

Тоболова М. П., *Антон Алексеевич Барсов*. Москва, 1993.

Чистович 1868

Чистович И. А., *Феофан Прокопович и его время*, С.-Петербург, 1868.

Keipert 1987

Keipert H., Traditionsprobleme im grammatischen Fachwortschatz des Russischen bis zum Ende des 18. Jahrhunderts, *Die Welt der Slaven*, 32 (2), 1987, 230–301.

— 1991

Keipert H., Bezeichnungsmotive für den Präpositiv im Slavischen, *Festschrift für Johannes Schröpfer zum 80. Geburtstag* (= L. Auburger, P. Hill, Hrsg.), München, 1991, 277–290.

References

- Blok G. P., Makeeva V. N., Pervye izdaniia "Rossiiskoi grammatiki" Lomonosova, *Lomonosov. Sbornik statei i materialov*, 3, Moscow, Leningrad, 1951, 350–356.
- Keipert H., Bezeichnungsmotive für den Präpositiv im Slavischen, *Festschrift für Johannes Schröpfer zum 80. Geburtstag* (= L. Auburger, P. Hill, Hrsg.), München, 1991, 277–290.
- Keipert H., Traditionsprobleme im grammatischen Fachwortschatz des Russischen bis zum Ende des 18. Jahrhunderts, *Die Welt der Slaven*, 32 (2), 1987, 230–301.
- Kuliabko E. S., Beshenkovsky E. B., *Sud'ba biblioteki i arkhiva Lomonosova*, Leningrad, 1975.
- Kuliabko E. S., Sokolova N. V., I. S. Barkov — uchenik Lomonosova, *Lomonosov. Sbornik statei i materialov*, 6, Moscow, Leningrad, 1965, 207–216.
- Kuliabko E. S., *Zamechatelnye pitomtsy Akademicheskogo universiteta*, Leningrad, 1977.
- Makeeva V. N., *Istoriia sozdaniia "Rossiiskoi grammatiki" M. V. Lomonosova*, Moscow, Leningrad, 1961.
- Makeeva V. N., M. V. Lomonosov — sostavitel', redaktor i retsenzent leksikograficheskikh rabot, *Voprosy iazykoznaniiia (Topics in the Study of Language)*, 5, 1961, 109–114.
- Modzalevsky L. B., ed., *Rukopisi Lomonosova v Akademii nauk SSSR: Nauchnoe opisaniie*, Moscow, Leningrad, 1937.
- Moiseeva G. N., *Lomonosov i drevnerusskaia literatura*, Leningrad, 1971.
- Tobolova M. P., *Anton Alekseevich Barsov*, Moscow, 1993.

Наталья Владимировна Карева, кандидат филологических наук

старший научный сотрудник

Института лингвистических исследований РАН

199053, С.-Петербург, Тучков пер., д. 9

Россия / Russia

natasha.titova@gmail.com

Евгений Григорьевич Пивоваров, доктор исторических наук

ведущий научный сотрудник

Санкт-Петербургского филиала

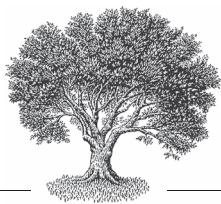
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

199034, С.-Петербург, Университетская наб., д. 5

Россия / Russia

pivovaro@mail.ru

Received 15 February, 2019

Поэтическая
фразеология
перевода
А. С. Пушкина
«Из А. Шенье»:
источники и
контексты

The Poetic
Phraseology of
Pushkin's translation
"From A. Chénier":
Sources and
Contexts

Елена Валерьевна Кардаш

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
С.-Петербург, Россия

Elena V. Kardash

Institute of Russian Literature (Pushkin
House), Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Резюме

Статья содержит подробное исследование поэтического языка стихотворения Пушкина «Из А. Шенье» («Покров, упитанный язвительною кровью...»), представляющего собой перевод 1-го фрагмента идиллий А. Шенье «Ceta, mont ennobli par cette nuit ardente...» («Эта, гора, освященная той пылающей ночью...») из собрания 1819 г. Сюжетные, образные и лексико-семантические различия перевода и оригинала служат отправной точкой для верификации, уточнения и расширения литературных источников и контекстов пушкинского стихотворения, введенных к настоящему моменту в научный оборот. Историко-литературный анализ показывает, что переводческие новации Пушкина не восходят непосредственно к античным источникам, как

Цитирование: Кардаш Е. В. Поэтическая фразеология перевода А. С. Пушкина «Из А. Шенье»: источники и контексты // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 217–238.

Citation: Kardash E. V. (2019) The Poetic Phraseology of Pushkin's translation "From A. Chénier": Sources and Contexts. *Slověne*, Vol. 8, № 2, p. 217–238.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.8

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

утверждалось ранее, но обусловлены, прежде всего, их французскими переложениями и сюжетными адаптациями, входившими в круг чтения поэта (в их числе — выполненный А. Банье прозаический перевод «Метаморфоз» Овидия, 15-я книга романа Фенелона «Приключения Телемака», 2-я книга поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай»). Кроме того, статья демонстрирует тесную генетическую и типологическую связь языка перевода с рядом литературных образов и поэтических «формул», устойчиво ассоциированных к началу 1830-х гг. с изображением мучительной любовной страсти и батального неистовства. Сложный палимпсест аллюзий, выявляемых в процессе анализа, связывает пушкинский перевод в первом случае с 3-й книгой «Георгик» Вергилия, поэмой Томсона «Времена года» и шире — с традиционной элегической топикой «любовного безумия» (репрезентативными примерами служат 35-я элегия Шенье из собрания 1819 г. «Hier, en te quittant, enivré de tes charmes...» («Вчера, когда я покинул тебя, опьяненный твоими чарами...») и стихотворение Пушкина «Мечтателю»), а во втором — со стихотворением И. И. Дмитриева «Ермак». Подчеркивая разнообразие стилистических и семантических оснований, предположительно обуславливающих выбор переводчиком фразеологического инструментария, автор статьи рассматривает пушкинский текст как одну из множества репрезентаций устойчивой для первой трети XIX в. поэтической топики.

Ключевые слова

Пушкин, Шенье, смерть Геракла, поэтический перевод, формульный язык, поэтическая топка конца XVIII — первой трети XIX века

Abstract

This article extensively explores the poetic language of Pushkin's poem "From A. Chénier" ("The cover, soaked by caustic blood..."), which is a translation of A. Chénier's eclogue "Ceta, mont ennoblí par cette nuit ardente...". The differences between plots, images and lexical-semantic components of the original text and the translation constitute the material for verification, revision and expansion of currently known literary sources and contexts of Pushkin's poem. Philological and literary analysis shows that Pushkin's translation novelties are not rooted directly in antique sources, as previously alleged, but stem from their French translations or more or less distant literary adaptations that Pushkin read and knew well (the list includes A. Banier's prosaic translation of Ovid's "Metamorphoses" and the 15th book of Fénelon's "The Adventures of Telemaque"). The article also demonstrates close genetic and typological links between the poetic language of Pushkin's translation and a range of contemporary literary images and poetic "formulas" that were traditionally used for depicting excruciating amorous passion and battle frenzy. The complicated palimpsest of allusions links Pushkin's translation in the first case to the 3rd book of Virgil's "Georgics", Thomson's "Seasons" and, in a broader context, to the elegiac topos of "amorous folly" (see Chénier's "Hier, en te quittant, enivré de tes charmes..." and Pushkin's "To a Dreamer"), and in the second case — to I. I. Dmitriev's poem "Ermak". Emphasizing the diversity of stylistic and semantic grounds for the translator's choice of phraseological toolkit, the article regards Pushkin's text as one of the multiple literary representations of poetic topos typical for the first third of the 19th century.

Keywords

Pushkin, Chénier, death of Heracles, poetic translation, formulaic language, poetic topoi of the end of the 18th — the first third of the 19th centuries

Стихотворение Пушкина «Из А. Шенье» («Покров, упитанный язвительною кровью...») — вольное переложение 1-го фрагмента идиллий «*C'est, mont ennobli par cette nuit ardente...*» («Эта, гора, освященная той пылающей ночью...») из сборника А.-М. де Шенье 1819 г. [Chénier 1819: 69; см. также: Модзалевский 1910: 192, № 736; ПимЛ 2004: 384–385]. Работа над переводом была начата в 1825 г.¹, однако поэт оставил ее и возобновил лишь спустя десять лет, завершив 20 апреля 1835 г. В отсутствие внетекстовых данных, проясняющих историю создания произведения, исследователи уделяют пристальное внимание стилистическим, образным и фразеологическим отличиям переложения от оригинала: поиск и выявление источников переводческих новаций традиционно рассматривается как способ его историко-литературной контекстуализации². Основную задачу настоящей статьи составляет верификация, уточнение и расширение контекстов пушкинского перевода, введенных к настоящему моменту в научный оборот.

1. Покров кентавра, вой, исторженные пни

Излагая историю смерти Геракла, Шенье выпускает из нее картину мучений героя — одну из ключевых составляющих античных интерпретаций сюжета³ и значительного числа его позднейших переработок. Пушкин в переводе восполняет лауну, изображая героя мечущимся в

¹ Первоначальный черновой автограф стихотворения (ПД 76) датируется 1825 г. на основании пометы над позднейшим беловым текстом перевода «Из А. Шенье» в автографе ПД 206, а также по бумаге № 72, которой Пушкин, по данным Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского, пользовался в период работы в Михайловском в 1824–1825 г. Ранее была принята более узкая датировка автографа январем — июнем 1825 г. [Сандомирская 1978: 95] в соответствии с предложенной Т. Г. Цявловской датировкой записанного на нижней части того же полулиста отрывка « — Вот Коцит, вот Ахерон...» [Пушкин 1937–1959, 2: 380, 1157], которая на сегодняшний день признана несостоятельной (см. комментарий А. С. Бодровой к «Наброскам к замыслу о Фаусте» [Пушкин 1999–2019, 3(1): 982]).

² Точечное сравнение оригинала и перевода см.: [Морозов 1909: 576; Любомудров 1901: 26; Владимирский 1939: 326]; их более или менее подробное структурно-семантическое сопоставление см.: [Сандомирская 1978: 92–97; Григорьева 1981: 155–159; Кузнецов 1991: 117–119, 121–124].

³ Прежде всего, это трагедии Софокла «Трахинянки» и Псевдо-Сенеки «Геркулес на Эте», а также поэма Овидия «Метаморфозы» (Ovid. Met. IX, 100–272). Об античных источниках пушкинского сюжета см., например: [Любомудров 1901: 26; Гельд 1923: 44; Кузнецов 1996: 120–121].

агонии и ярости. По мнению Г. Г. Гельда, поэт в данном случае ориентировался на «Метаморфозы» Овидия [Гельд 1923]⁴. Это наблюдение, в целом справедливое, требует, однако, уточнения. Аргументируя свои выводы, Гельд обращался к латинскому тексту поэмы; Пушкин же, как известно, воспринимал античную литературу преимущественно сквозь призму французских переложений [ПиМЛ 2004: 25, 28]. На протяжении XVIII — первой трети XIX в. «Метаморфозы» переводились на французский язык неоднократно. В библиотеке Пушкина имелся прозаический перевод Антуана Банье⁵ (Banier, 1673–1741) [Ovide, 1–2; Модзалевский 1910: 304, № 1232]; по версии В. Б. Сандомирской (не находящей, впрочем, фактических оснований), поэту мог быть знаком и первый полный стихотворный перевод Сент-Анжа (псевдоним Анжа-Франсуа де Фаро), с 1801 по 1808 г. выдержавший четыре издания [Сандомирская 1978: 91–92]. Следует учитывать также, что к «Метаморфозам» как к сюжетному источнику обращались и другие авторы, чьи произведения, наряду с поэмой Овидия, входили в круг пушкинского чтения.

Из числа указанных Гельдом переключек между стихотворением «Из А. Шенье» и латинским текстом «Метаморфоз» наименее убедительно выглядят фразовые параллели между ст. 1–2 пушкинского перевода и стихами 134 и 153 9-й книги поэмы Овидия (ср.: «Покров, упитанный язвительною кровью, / Кентавра мстящий дар...» [Пушкин 1937–1959, 3(1): 382] — «calido velamina tincta cruore 'одежду (покров), окрашенную горячей кровью — лат.', «inbutam Nesseo sanguine vestem 'напитанную кровью Несса одежду — лат.'» (Ovid. Met. IX, 134, 153) [Гельд 1923: 45–46]). Дело не в том, что они неточны: важнее, что они не уникальны. Так, близкое пушкинскому описанию рокового «покрова» обнаруживается не только в поэме Овидия, но и в истории смерти Геракла, изложенной в 15-й книге хорошо известного поэту романа Фенелона «Приключения Телемака» («Les Aventures de Télémaque», 1699) [ПиМЛ 2004: 338]: «Cette tunique, pleine du sang venimeux du Centaure... 'Эта туника, полная (пропитанная) ядовитой (язвительной) кровью кентавра... — фр.'» [Fénélon, 2: 129], — хотя и в данном случае формулировки совпадают лишь частично. Не вполне корректной представляется также попытка возвести к латинскому тексту «Метаморфоз» образ воющего Геракла, отсутствующий в идиллии Шенье (ср.: «Се — ярый мученик, в ночи скитаясь, воет...» [Пушкин 1937–1959, 3(1): 382] — «Im-

⁴ Поддержано: [Сандомирская 1978: 91–92, 99]. Наблюдения и выводы Г. Г. Гельда, с глухой отсылкой к его статье в составе общего перечня литературы вопроса, воспроизведены также в монографии: [Schneider 2005: 143–147].

⁵ Пользуюсь случаем поблагодарить О. А. Проскурина за указание имени переводчика, не обозначенного в источнике.

⁶ Здесь и далее перевод мой, если не указано иное.

plevitque suis nemorosam vocibus Oeten. ‘наполняет криками поросшую лесами Эту. — *лат.*’, «Saepe illum gemitus edentem, saepe frementem... ‘То издает мычание (воет), то шумит... — *лат.*’ (Ovid. Met. IX, 165, 207) [Гельд 1923: 45]). Здесь опорой Пушкину-переводчику, скорее всего, послужил не оригинал Овидия, а его французские переложения: слово «вой» используют и Банье, и Сент-Анж, описывая стенания героя («On le voyoit frémir de rage, pousser d’horribles hurlemens... ‘Видели, как он содрогается от ярости, издает ужасный вой... — *фр.*’ [Ovide, 2: 306]; «Et remplit tout l’Eeta d’un hurlement terrible. ‘И оглашает Эту ужасным воем. — *фр.*’ [Saint-Ange, 3: 145]). Второй цитированный фрагмент соответствует 165-му стиху девятой книги «Метаморфоз», который приведен в примечании переводчика [Ibid.: 211–212], с восхищением отмечая лаконичность, точность и силу образа Овидия по сравнению с многословным описанием той же сцены Фенелоном: тем самым образ «воюющего» Геракла у Сент-Анжа акцентируется.

Продолжая рассуждение, можно предположить, что французская версия «Метаморфоз» отчасти подготовила и использование словосочетания «исторженные пни» в 7-м стихе пушкинского перевода. Оно отсутствует у Шенье, в оригинальном тексте Овидия и в переложении Сент-Анжа, где Геракл «повергает» («стелет») на землю, «ломает», валит и «гнет» стволы⁷. Соответствующий образ обнаруживается в переводе Банье: «...quelquefois même déraciner les plus gros arbres... ‘...иногда даже вырывает с корнем самые большие деревья... — *фр.*’ [Ovide 1799, 2: 306]. В этой трактовке, впрочем, нет ничего необычного: на протяжении XVIII — начала XIX вв. к ней прибегает ряд французских переводчиков «Метаморфоз»: П. Дю Рие [Du Ryer, 3: 27], Ж.-Г. Дюбуа-Фонтанель [Du-bois-Fontanelle, 3: 20], М.-Г.-Т. Вильнав [Villeneuve, 3: 304]. Кроме того, о выкорчеванных деревьях неоднократно упоминается и в других литературных обработках мифа о смерти Геракла, входивших в круг чтения

⁷ «Saepe illum ... / [...] / Sternentemque trabes, irascentemque videres / Montibus... ‘Часто его [...] можно было увидеть и повергающим наземь стволы, и гневающимся на горы... — *лат.*’, «At tu, Iovis inclita proles, / Arboribus caesis, quas ardua gesserat Oete; / Inque pyram structis, arcus, pharetramque capaces, / [...] / Ferre jubes Poeante satum... ‘А ты, славный потомок Юпитера, когда сломаны деревья, которые порождает высокая Эта, и когда они сложены в погребальный костер, велишь лук и просторный колчан [...] носить сыну Пеанта... — *лат.*’ (Ovid. Met. IX, 207–210, 229–233); «Tantôt vous l’eussiez vu [...] briser les troncs offerts à sa colère... ‘То вы видели его [...] в гневе ломающим стволы на своем пути... — *фр.*’, «Des troncs sont abattus: et ton bûcher s’élève. ‘Стволы повалены, и твой костер возвышается. — *фр.*’ [Saint-Ange, 3: 139, 141]; «Il brise tes forêts: ta cime épaisse et sombre / En un bûcher immense amoncèle sans nombre / Les sapins résineux que son bras a ployés. [Он ломает твои леса: на твоей густой и темной вершине / Нагромождены без счету в огромный костер / Смолистые ели, согнутые его рукой. — *фр.*» [Chénier 1819: 69]; перевод Сандомирской см.: [Сандомирская 1978: 91].

Пушкина. В частности, этот образ использует Дж. Мильтон во второй книге «Потерянного рая» («Paradise Lost», 1667), сравнивая буйство адских ристалищ с яростью страдающего героя («Tel ce vainqueur fameux de l'antique Échalie, / Dans l'excès des douleurs, de ses terribles mains, / Hercule, de l'Éta déracinoit les pins... 'Так прославленный завоеватель древней Ойхалии, / В безмерных муках чудовищными руками, / Геракл вырывал с корнем сосны на Эте... — *фр.*'» [Milton, 1: 206]⁸) и Фенелон в «Приключениях Телемака» («Je le voyois déraciner sans peine, d'une main, les hauts sapins et les vieux chênes, [...] il assemble tous ces arbres qu'il vient d'abattre; il en fait un bûcher sur le sommet de la montagne... 'Я видел, как он вырывал с корнем без труда, высокие пихты и старые дубы, [...] он собирает все те деревья, которые он свалил; он складывает костер на вершине горы... — *фр.*'» [Fénélon, 2: 131–132].

В комментарии В. Э. Вацуро и В. А. Мильчиной к переводу «Из А. Шенье» [Вацуро, Мильчина 1989: 630] справедливо отмечалась вероятная генетическая связь «исторженных пней» с еще одним значимым для Пушкина произведением, соотнесенным с геракловским мифом лишь опосредствованно. Речь идет о 23-й песне поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» («Orlando furioso», ок. 1502–1532)⁹. Здесь герой в жестоком приступе ревности впадает в неистовство и мечется по лесу, срывая с себя доспехи и одежду, оглашая ревом горы и сокрушая деревья: «Quivi fe' bien de le sue prove eccelse, / Ch'un alto pino al primo crollo svelse. / E svelse dopo il primo altri parecchi, / [...] / E fè il simil di querce e d'olmi vecchi, / Di faggi e d'orni, e d'illici, e d'abeti... '...Такова его проба сил, / Что рывком он рвет сосну о корнях, / За сосной другую и третью, / [...] / И дубы, и вязы, / Буки, ясени, яворы и ели... — *итал.*'» («Orlando furioso», XXIII, 133:7–8; 134:1–4; перевод М. Л. Гаспарова см.: [Ариосто 1993: 446–447]). Поэма Ариосто была хорошо знакома Пушкину: он читал ее и в оригинале, и во французских переложениях, а в 1826 г. перевел 100–112 октавы 23-й песни, предшествующие сцене безумия («<Из Ариосто «Orlando furioso»> («Пред рыцарем блесит водами...»)) [ПиМЛ 2004: 33–35; ПЭ, 2: 214–217]. Кроме того, поэт, вероятнее всего, видел перевод цитированного фрагмента, сделанный К. Н. Батюшковым:

⁸ Ср. в оригинале: «As when Alcides, from Echalia crown'd / With conquest, felt the envenom'd robe, and tore / Through pain up by the roots Thessalian pines... 'Подобно тому как Алкид, увенчанный завоеванием Ойхалии / Ощущал воздействие отравленного покрова и вырывал / От боли фессалийские сосны с корнями... — *англ.*'» (Paradise Lost, II, 542–544; [Milton 1829: 35]). Пушкин читал Мильтона во французских переводах (в том числе и в цитированном переводе Делиля), а с конца 1820-х гг. имел возможность прочесть «Потерянный рай» и по-английски [ПиМЛ 2004: 203–205].

⁹ О связи «Неистового Роланда» с геракловским мифом, и, прежде всего, с трагедией Сенеки «Геркулес в безумье» см., например: [Ascoli 1987: 46–69].

«Десница его вырывает с корнями высокую сосну [...]; исторгает одно за другим то вяз, то липу, то вековой дуб...» [Батюшков 1817: 27]. Можно даже с осторожностью предположить, что именно ему Пушкин был обязан эпитетом «исторженные», который использовал лишь однажды — именно в переводе «Из А. Шенье» [СЯП, 2: 269–270].

2. Тигр и бык

Приведенные выше примеры достаточно уверенно очерчивают образный и фразеологический контекст, в который вписан пушкинский перевод. Вместе с тем очевидно, что обозначенные параллели — это «общие места», к 1830-м гг. прочно связанные в литературной традиции с геракловским сюжетом¹⁰.

Более интересной представляется еще одна пушкинская переводческая новация — образ, очерченный в 6-м стихе «Из А. Шенье»: «Стопами тяжкими вершину Эты роет» [Пушкин 1937–1959, 3(1): 382]. Гельд, читавший этот текст как уподобление Геракла копытному животному, усматривал здесь неточную реминисценцию эпизода «Метаморфоз», где страдающий герой сравнивается с раненым быком, который, агонизируя, мечется в тщетных поисках обидчика: «...perque altam saucius Oeten / Haud aliter graditur, quam si venabula taurus / Corpore fixa gerat, factique refugerit auctor. '...раненый, по высокой Эте / Идет не иначе, как бывает, когда бык / влачит застрявшие в теле метательные снаряды, а виновник сделанного уже бежал. — лат.» (Ovid. Met. IX, 204–206) [Гельд 1923: 45].

Это наблюдение, однако, кажется не вполне корректным. Гельд, очевидно, ориентировался на современное ему научное издание античной поэмы. Между тем, в XVIII — начале XIX в. авторитетным считался свод произведений Овидия, подготовленный Николаем Гейнзием (Amsterdam, 1659–1661) и воспроизведенный вместе с примечаниями Питером Бурманом (Amsterdam, 1727) [Richmond 2002: 457–459; Possanza 2009: 322–323]. Здесь в соответствующем эпизоде «Метаморфоз» предпочтение отдано варианту, в котором Геракл уподоблен не быку («taurus»), а тигру («tigris») [Ovidius, 2: 642]. Этот выбор отражают и перечисленные выше французские переложения поэмы: из пяти переводчиков лишь самый ранний, Дю Рие (чей перевод впервые вышел в свет в 1704 г.),

¹⁰ В предыдущем разделе я намеренно ограничилась текстами, которые почти наверняка были знакомы Пушкину. Замечу, однако, что и чисто типологические параллели к упомянутым фрагментам обнаруживаются с той же легкостью: к примеру, о «даре» кентавра и о деревьях, выкорчеванных могучей рукой героя, упоминается в дифирамбической поэме Ш.-М. Тевено «Геракл на горе Эты»: «Elle envoie au héros ce don ensanglanté, / Par Nessus expirant à ses mains présenté. 'Она отправляет герою окровавленный дар, / Отданный ей в руки умирающим Нессом. — фр.'»; «Sous l'effort de son bras, les pins arrachés roulent. 'Под напором его руки валятся вырванные из земли сосны. — фр.'» [Théveneau 1801: 26, 31].

сравнивает Геракла с быком; остальные четверо, включая Банье и Сент-Анжа, упоминают тигра. Именно этот вариант, по всей вероятности, видел и Пушкин.

Разумеется, бык и в этом случае не исключался полностью из поля зрения читателей. В ряде изданий он фигурирует в текстологических примечаниях к «Метаморфозам» (см., например: [Ovidius 1822–1827, 4: 101]); жертвенному быку Геракл уподобляется и в соответствующем эпизоде трагедии Псевдо-Сенеки «Геркулес на Эте», ориентированном на поэму Овидия¹¹. Маловероятно, что Пушкин внимательно читал «Метаморфозы» в оригинале, а сведения о его знакомстве с трагедией Псевдо-Сенеки отсутствуют. Вместе с тем, как уже упоминалось, поэт хорошо знал роман Фенелона «Приключения Телемака», где в сцене гибели Геракла также упомянуты быки — правда, не сраженные смертельным ударом, а ревущие во время весеннего гона: «...les taureaux les plus furieux qui auroient mugi dans leurs combats, n'auroient pas fait un bruit aussi affreux '... самые яростные быки, которые ревут во время своих сражений, не могли бы произвести такого ужасного шума — *фр.*'» [Fénélon, 2: 130]. Учитывая сказанное выше, этот фрагмент можно отнести к числу вероятных — хотя и по-прежнему гипотетических — источников пушкинского образа.

3. Кровь и яд

Переключка между Пушкиным и Фенелоном, разумеется, носит исключительно ассоциативный, а не текстуальный характер: в цитированном эпизоде «Приключений Телемака» быки не роют землю. Вместе с тем интерпретация Фенелона, акцентирующая эротическую подоплеку истории смерти Геракла, опосредствованно включает в спектр контекстов пушкинского перевода еще один известный сюжет. Это описание весеннего буйства природы в третьей книге «Георгик» Вергилия — автора, без сомнения, знакомого Пушкину [ПМЛ 2004: 76–79]. Здесь упоминаются быки, покорные чарам Венеры. Они бьются друг с другом, потрясая леса могучим ревом, и побежденный, терзаясь гневом и жаждой мести, обрушивает удары на древесные стволы и роет копытами землю (Georg. III, 220–234). Цитирую соответствующий фрагмент во французском переводе Жака Делиля, впервые опубликованном в 1769 г. и к началу работы Пушкина над переводом «Из А. Шенье» выдержавшем более десятка переизданий: «Furieux, il s'exerce à venger ses affronts,

¹¹ См., например, во французском переводе Ж.-М.-Л. Купе: «...il tombe, il remplit le ciel d'une clameur horrible: comme un taureau blessé emportant avec lui le fer mortel, fait trembler de ses mugissemens les voûtes du temple... '...он падает; он наполняет небеса ужасным воплем: так раненый бык, несущий в своем теле смертельный клинок, потрясает мычанием храмовые своды... — *фр.*'» [Sénèque, 2: 354].

/ De ses dards tourneux il attaque des troncs; / Son front combat les vents, son pied frappe la plaine, / Et sous ses bonds fougueux il fait voler l'arène. 'В ярости он упражняется, чтобы отомстить за свои обиды, / Он атакует стволы своими кручеными копьями, / Его лоб сражается с ветрами, его стопа ударяет равнину, / И песок вздымается под его мощным скоком... — *фр.*'» [Virgile 1812: 245]. Тот же образ использует Джеймс Томсон в «весенней» части поэмы «Времена года» («The Seasons», 1726–1730), описывая быка, «глубоко опаленного» («deep-scorch'd») пламенем ревности, охваченного яростью и страстью («the raging passion»), атакующего стволы деревьев («He seeks the fight; and, idly butting, feigns / His rival gor'd in every knotty trunk... 'Он ищет битвы; и, наугад ударяя, воображает / В каждом узловатом стволе израненного соперника... — *англ.*'»); сражаясь, животные режут и роют ногами землю: «...the bellowing war begins: / Their eyes flash fury; to the hollow'd earth, / Whence the sand flies, they mutter bloody deeds... '...начинается режущая битва; / Их глаза вспыхивают яростью; взрывающей земле, / Откуда взлетает песок, они бормочут о кровавых деяниях... — *англ.*'» [Thomson 1820: 30–31]. Рев, ломающиеся деревья, взрывающаяся почва — все эти детали упомянуты и в описании ярости Геракла в стихотворении «Из А. Шенье». Их дополняет еще один атрибут: «быстрый яд», бегущий в крови героя.

Цитированное выше английское издание «Времен года» Томсона 1820 г. имелось в библиотеке Пушкина; соответствующие страницы разрезаны [Модзалевский 1910: 349, № 1436]. Первоначально, однако, поэт, освоивший английский язык лишь к началу 1830-х гг., читал поэму по-французски [ПиМЛ 2004: 335]. Из четырех переводов XVIII — начала XIX в., которые гипотетически могли иметься в его распоряжении, в двух (стихотворном — Ж. Пулена и прозаическом — Н. Фремона де Бомона), быки впадают в буйство под действием яда («Il sent naître en son sein la noire jalousie; / Il cherche les combats, et ce poison fatal / Dans un arbre voisin lui fait voir un rival... 'Он чувствует, как в его груди рождается черная ревность; / Он ищет битвы, и роковой яд / Заставляет его видеть противника в ближайшем дереве... — *фр.*'» [Poulin, 2: 65]; «...telle est la violence du poison qui enfle ses veines, et porte la rage dans son coeur '...такова неистовая мощь яда, который раздувает его жилы и несет ярость в его сердце — *фр.*'» [Fremin de Beaumont 1807: 40–41]). Словоупотребление переводчиков обусловлено традицией: прочная ассоциативная связь яда и любовных чар закрепляется уже в античной литературе, где в ряде текстов акцентируется созвучие слова «venenum» («яд», «отрава») и имени богини любви «Venus» («Венера»)¹². Один из ярких примеров —

¹² Примеры и избранную библиографию вопроса см., например: [Butler, Owen 1914: 135; Snyder 1980: 106–107; Courtney 2013: 300]. В литературе конца XVIII —

«Энеида» (Аен. I, 689) Вергилия, где Венера просит Амура, принявшего облик Аскания, внушить Дидоне любовь к Энею; оружие Амура — яд, проникающий в кровь, воспаляющий ее и лишаящий жертву рассудка¹³. Отсылка к этому образу имеется в хронике Шекспира «Генрих VI» (ч. 2, акт 3, сц. 2), причем первоначальный французский перевод П. Летурнера, опубликованный в конце XVIII в., восстанавливает поэтическую фразеологию источника, отсутствующую в оригинале: «Combien de fois ai-je-fatigué la voix de Suffolk [...] d'enchanter mon oreille, comme ce jeune enfant qui faisoit couler le poison dans les veines d'une Reine éperdue d'amour...? 'Сколько раз я докучала Саффолку, заставляя его напрягать голос [...] и чаровать мой слух, подобно младенцу, который побуждал яд бежать по жилам царицы, потерявшей голову от любви...? — *фр.*'» [Shakespeare 1781: 125]. Мотивы бегущего в крови яда, пожирающего огня и безумия объединяются в рамках устойчивого для литературы XVIII — XIX в. топоса роковой всепоглощающей страсти. Клод Жозеф Дора, описывая переживания влюбленного, чья жизнь полностью зависит от взгляда, жеста и слова возлюбленной, уподобляет его состояние истступлению («Plongé dans un délire, excusable peut être, / De mes sens égarés je n'étois plus le maître. 'Поглощенный истступлением, возможно, простительным, / Я больше не владею своим утраченным рассудком. — *фр.*'»); разум героя отравлен («...quel funeste poison / Embrâsoit tout mes sens, et troublait ma raison. '...какой роковой яд / Воспламенил все мои чувства и помутил мой разум. — *фр.*'»), а в жилах пылает пламя («Le feu de passions, allumé dans mes veines... 'Пламя страстей, зажженное в моих жилах... — *фр.*'») [Dorat 1780: 70, 71]. К тому же языку прибегает Огюстен Прево в пьесе «Жертвы честолюбия» (акт 1, действ. 1): «...l'amour est un poison qui coule dans nos veines, quand la raison ne guide point nos pas. Eh! quel est le mortel qui, en vous voyant, ne brûlerait de la flamme la plus pure? '...любовь — это яд, который бежит в наших жилах, когда разум отказывает нам в руководстве. Ах! какой же смертный, увидев вас, не вспыхнет самым чистым пламенем? — *фр.*'» [Prévost 1801: 5]. Существенно, что в подобных случаях речь зачастую идет именно о несчастной любви,

начала XIX в. эта ассоциация — типичное «общее место»; в русской поэзии эпохи словосочетания «яд любви», «любовный яд» или «сладкий яд» устойчивы: см., например, сказку Я. Б. Княжнина «Улисс и его спутники» (1783), драматический отрывок Е. Ф. Розена «Видение Тасса» (1828), стихотворения А. С. Хомякова «Желание покоя» (1825), А. И. Полежаева «Черные глаза» (1834).

¹³ См. во французском переводе Ж. Делиля: «Mon fils, glisse en secret ton poison dans son cœur. 'Сын мой,пусти незаметно свой яд в ее сердце'». [Virgile 1804: 185]. Ср. в русском переводе В. Петрова: «Дидону заразить любовью я сужу; / Любовью зельною, всяк час сильнее жгущей, / Никоим божеством смягчитись немогущей. / <...> / Потщись во грудь ее вдохнуть огонь любви / И сладкий яд по всей распространить крови» [Вергилий 1781: 51–52]; издание имелось в библиотеке Пушкина [Модзалевский 1910: 23, № 76].

превратившейся в муку¹⁴. В помянутых выше «Временах года» Томсона гармоничной любви противопоставлена разрушительная страсть: сердце героя отравлено ядом ревности, его пожирают жгучее страдание и изматывающая ярость («But through the heart / Should jealousy its venom once diffuse... / [...] / [...] Ten thousand fears / [...] / [...] eat him up / With fervent anguish, and consuming rage. 'Но в сердце / Стоит ревности разлить свой яд... / [...] / [...] Десять тысяч страхов / [...] / [...] / Его снедают / Жгучим томлением и пожирающей яростью. — *англ.*'» [Thomson 1820: 40–41]). Во французском переводе Пулена описание отличается большей лаконичностью и, соответственно, концентрацией характерных образов, среди которых имеется и «быстрый яд» (словосочетание, встречающееся и в переводе «Из А. Шенье» [Пушкин 1937–1959, 3(1): 382]): «C'est un visage sombre, une joue enflammée / D'une horrible fureur par l'enfer allumée. / Le malade infecté d'un rapide venin, / Des plaisirs effrayés voit fuir l'heureux essaim... 'Это мрачное лицо, щеки, пылающие / Ужасной яростью, воспламененной адом. / Больной, зараженный быстрым ядом, / Видит, как блаженство бежит прочь, вспугнутое роем счастливых... — *фр.*'» [Poulin, 2: 88–89].

Эта топика была прекрасно знакома Пушкину: поэт воспроизвел ее уже в раннем стихотворении «Мечтателю» (1818), где герой, утративший разум, страдая от обжигающего кровь яда, взывает к богам, моля об избавлении от мук: «О если бы тебя, унылых чувств искатель, / Постигло страшное безумие любви; / Когда б весь яд ее кипел в твоей крови... / [...] / Тогда б воскликнул ты к богам: / Отдайте, боги, мне рассудок омраченный...» [Пушкин 1999–2016, 2(1): 31]. С образом безумствующего, страдающего, ищущего гибели Геракла эта топика традиционно связана довольно прочно. Ядовитая кровь Лернейской гидры, которая сжигает человека изнутри, мутит разум и доводит до самоубийства, со времени античности ассоциировалась с черной желчью — источником меланхолии, разновидностью которой считалась и любовная мономания [Старобинский 2016: 25–26]. Она трактовалась как болезнь или описывалась в моралистических категориях — например, как преступление против института брака как одной из опор упорядоченного и надежного социального устройства (именно так, в частности,

¹⁴ Ср. мотивировку этого образа в следующем экскурсе в античную мифологию: «Ovide, en parlant des traits d'Amour, dit qu'il a deux sortes de flèches: celles d'or, qui produisent les desirs; celles de plomb, qui les repoussent: les unes sont trempées dans du miel, les autres dans du poison. Si le poison et le miel sont mêlés ensemble, les flèches d'Amour font éprouver à l'ame une douceur mêlée d'amertume. 'Овидий, описывая стрелы Амура, говорит, что у него имеется два рода стрел: золотые, которые пробуждают страсть, и свинцовые, которые ее отвращают: одни пропитаны медом, другие ядом. Если яд и мед смешиваются, стрелы Амура поражают душу сладострастием, смешанным с горечью. — *фр.*'» [Millin, 2: 10].

интерпретирует миф о гибели Геракла Фенелон¹⁵). Драматическая история непобедимого героя, освободившего мир от чудищ, но павшего жертвой разрушительной страсти, неоднократно находила воплощение в театральных сюжетах XVI–XVII вв. В этом контексте сюжет и образы трагедии Псевдо-Сенеки «Геркулес на Эте» допускали контаминацию с мотивами «Геркулеса в безумье» Сенеки. Так происходит, например, в пьесе Шекспира «Антоний и Клеопатра», где ярость, терзания несчастной страсти и стремление к самоубийству объединяются в монологе Марка Антония, потрясенного бегством Клеопатры во время сражения при Акции: «*La chemise de Nessus m'enveloppe. Alcide, ô toi, mon illustre ancêtre, enseigne-moi tes fureurs, que je lance comme toi Lychas sur les cornes de la lune, et prête-moi tes mains robustes qui soulevaient ton énorme massue, que je m'anéantisse moi-même.* 'Рубашка Несса окутывает меня. Алкид, о, ты, мой прославленный предок, научи меня своей ярости, чтобы я, подобно тебе, забросил Лихаса на лунные рога, и дай мне твои мощные руки, поднимавшие твою огромную палицу, чтобы я сразил себя само-го. — *фр.*'» [Shakespeare 1821: 161]¹⁶. В конце XVII — XVIII вв., с ростом популярности балета и оперы, в театральных постановках начинает акцентироваться именно эротическая составляющая геракловского мифа¹⁷. История гибели героя в этом смысле — не исключение: так, Ж.-Ф. Мармонтель в оперной трагедии «Умиравший Геркулес» («*Hercule mourant*», 1761 г.; музыка А. Доверня) дополняет историю страсти Геракла к Иоле и ревности Деяниры конфликтом отца и сына — Геракла и Гиласа, — добивающихся внимания Иолы. Лирический потенциал мифологического сюжета находит и соответствующее жанровое воплощение. Пример тому — 35-я элегия Шенье все из того же собрания

¹⁵ «...les maux que les dieux me font souffrir [...] sont justes; c'est moi qui les ai offensés; j'ai violé l'amour conjugal. Après avoir vaincu tant d'ennemis, je me suis lâchement laissé vaincre par l'amour d'une beauté étrangère: je péris; et je suis content de périr pour apaiser les dieux. '...страдания, которые боги заставляют меня выносить [...] справедливы; это я оскорбил их; я осквернил супружескую любовь. После того как я победил столько врагов, я сам оказался вероломно побежден любовью к иноземной красавице; я гибну; и я рад погибнуть, чтобы умиловить богов. — *фр.*'» [Fénélon, 2: 131].

¹⁶ Ср. в оригинале: «The shirt of Nessus is upon me: teach me, / Alcides, thou mine ancestor, thy rage: / Let me lodge Lychas on the horns o'th' moon, / And with those hands that grasped the heaviest club / Subdue my worthiest self» (IV, xii, 43–47). О чтении Пушкиным с марта 1824 г. пьес Шекспира в переводе Летуэрнера с поправками Гизо см.: [Летопись 1999, 1–4, 1: 385]. Предположения об интересе Пушкина к трагедии «Антоний и Клеопатра» в период работы над трагедией «Борис Годунов» см.: [Лотман 1995: 285–286; Перлина 2005: 109–125]. Позднее Пушкин приобрел соответствующее французское издание для личной библиотеки, см.: [Модзалевский 1910: 337, № 1389].

¹⁷ Подробнее об истории его сценических воплощений в XVI–XVIII вв. см.: [Soellner 1958: 316–321; Tobin 1976: 45–51].

1819 г. «Hier, en te quittant, enivré de tes charmes...» («Вчера, когда я покинул тебя, опьяненный твоими чарами...»). Это монолог влюбленного, которому страсть причиняет «безумные страдания» («douleurs insensées»), подобные мукам умирающего от раны животного: «Tel que le faon blessé fuit, court; mais dans son flanc / Traîne le plomb mortel qui fait couler son sang; / Ainsi là, dans mon cœur, errant à l'aventure, / Je porte cette belle, auteur de ma blessure. 'Как раненый молодой олень, убегает, мчится, но в боку / Несет смертельный свинец, от которого истекает кровью, / Так в своем мятущемся сердце / Ношу я образ прекрасной, причину моей раны. — *фр.*'» [Chénier 1819: 154, 155]¹⁸. Его терзания уподоблены мукам отравленного Геракла: «...je brûle. Un poison moins rapide / Sut venger le Centaure et consumer Alcide. '...я горю. Яд, менее быстрый, / Отомстил за кентавра и пожрал Алкида. — *фр.*'» [Ibid.: 154–155]. Цитированный фрагмент обнаруживает переклички с пушкинским текстом: в обоих случаях упомянуты месть кентавра и «быстрый яд» как ее орудие — детали, имеющиеся в переводе «Из А. Шенье», но отсутствующие в идиллии «Ceta, mont ennoblí par cette nuit ardente...».

4. Битва и агония

Вполне вероятно, что описанная топика действительно в некотором роде обусловила фразеологию стихотворения «Из А. Шенье». На это отчасти указывает ранний вариант ст. 4 пушкинского перевода «Се в пламенной <?> крови яд быстрый [побежал] — » [Пушкин 1937–1959, 3(2): 964]. «Пламень в крови» — устойчивый элемент топоса любовной страсти в русской поэзии XVIII — начала XIX в. [Григорьева 1981: 168]¹⁹. И вместе с тем, кажется, нет оснований думать, что сцена страданий Геракла принципиально акцентирует эротическую подоплеку мифологического сюжета. Против этого свидетельствуют все те же переводческие новации. Преамбула трагических событий на горе Эта отчетливо очерчена в первых стихах идиллии Шенье: «...l'infidèle époux d'une épouse imprudente / Reçut de son amour un présent trop jaloux... '...неверный супруг неразумной супруги / Получил от своей любви слишком ревнивый дар... — *фр.*'» [Chénier 1819: 69]. Пушкин в переводе, однако, не просто

¹⁸ Близкий образ Шенье использует и в элегии «Fanny, l'heureux mortel qui près de toi respire...» («Фанни, смертный, который рядом с тобой дышит счастьем...»), вошедшей в то же издание в раздел «Оды», под номером VII [Chénier 1819: 206–207]. На то, что Пушкин хорошо знал оба текста, указывает их удаленная (возможно, неосознанная) реминисценция в вариантах стихотворения «Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...» (1822); подробнее см.: [Пушкин 1999–2019, 2(2): 419, 884].

¹⁹ См., например: А. П. Сумароков «Песня» (1759), Н. П. Николаев «Песня» (1792), К. Н. Батюшков «Элизий» (1810) и «Источник» (1810), А. П. Бунина «Песнь смерти» (1812); перечень легко поддается расширению.

отказывается от предложенных ему оригиналом нравственно-оценочных эпитетов, но и редуцирует конфликт как таковой: в стихотворении упомянута лишь «ревнивая любовь» Деяниры как невольное орудие чужой мести. Эпитет «пламенной<?>» также остается в черновом варианте: в автографе 1835 г. Пушкин возвращается к ранее отвергнутому им эпитету «божественной»²⁰.

Иначе складывается история словосочетания «ярый мученик»: оно присутствует уже в автографе 1825 г. и без изменений добирается до публикации. Его функция — характеризовать степень неистовства и физического страдания героя. Не исключено, что тот же смысл имеет и с самого начала появляющийся рядом образ героя, роющего стопами землю. Дело в том, что на фразеологическом уровне 6-й стих перевода — особенно в варианте 1825 г. «...стопами Эту роет» [Пушкин 1937–1959, 3(2): 964] — по-видимому, имеет конкретный источник. Это описание битвы Ермака и Мегмет-Кула в стихотворении И. И. Дмитриева «Ермак» (1794): «Они в ручной вступили бой: / Грудь с грудью и рука с рукой; / От вопля их дубравы воют; / Они стопами землю роют; / Уже с них сыплет пот, как град; / Уже в них сердце страшно бьется, / И ребра обоих трещат...» [Дмитриев 1967: 80]. Возможно, заимствование было неосознанным. Стихотворение Пушкину откровенно не нравилось: ироническая отсылка к нему обнаруживается уже в «Послании В. Л. Пушкину» («Скажи, парнасский мой отец...», 1817) [Пушкин 1999–2016, 1: 274, 755]; 4 ноября 1823 г. поэт раздраженно реагирует на комплиментарную оценку «Ермака» П. А. Вяземским в предисловии к 6-му изданию «Стихотворений И. И. Дмитриева» (СПб., 1822–1823): «Ерм<ак> такая дрянь [что] мочи нет» [Пушкин 1937–1959, 13: 381; подробнее см.: Цейтц 1939: 387]). Именно поэтому, однако, текст Дмитриева имел все шансы удержаться в памяти Пушкина в качестве источника и поставщика фразеологического инструментария²¹. Актуализация же его в переложении неоклассической

²⁰ Не исключено, что использование эпитета «пламенной» в автографе ПД 76 обуславливалось потенциальной двусмысленностью словосочетания «nuit ardente» ('пылающая / пламенная / пылая ночь') в 1-м стихе идиллии Шенье: в языке французской литературы XVIII в. упомянутый эпитет мог приобретать как «возвышенные», так и эротические коннотации. Эта многозначность вполне осознавалась и даже, по-видимому, обыгрывалась Пушкиным в стихотворении «Недоконченная картина» (1819, 1828) — см. об этом: [Мазур 2001: 81–82]. В случае с переводом «Из А. Шенье», однако, эротическая семантика эпитета не реализуется в окончательном тексте стихотворения, а появление эпитета «божественной» на месте первоначального «пламенной», кажется, указывает на доминирующую позицию «возвышенной» интерпретации словосочетания «nuit ardente».

²¹ Поиск в Национальном корпусе русского языка показывает, что подобное словосочетание использовалось также в стихотворении М. В. Ломоносова «На Фридриха II, короля прусского» (1756) («Европа вся полна твоих перунов стоном, / Раздор рукой своей уж пламень воспалил / Ты Лейбцигски врата внезапно

идиллии могла обуславливаться стилистическим заданием: обращаясь к античной тематике и «высокому» сюжету, Пушкин, по всей вероятности, ориентировался на решения переводчика «Илиады» Н. И. Гнедича, охотно прибегавшего к лексическим славянизмам и архаизмам как к осознанному приему, позволяющему, по его представлениям, воспроизвести особенности поэтического языка исчезнувшей эпохи [Гнедич 1829, 1: III–IX; Сандомирская 1978: 95–97].

Не исключено, однако, что заимствованию поэтической фразеологии Дмитриева в пушкинском переводе способствовали и топические коннотации. В «Ермаке» стих «Они стопами землю роют...» включен в ряд образов, передающих предельное напряжение сил персонажей и ярость захватившей их смертельной битвы. Батальная топка играет ключевую роль и в цитированных выше фрагментах поэмы Вергилия, где одурманенные чарами Венеры быки в неистовстве взрывают песок копытами, и романа Фенелона, где животные режут, сражаясь друг с другом. Типологические параллели, как будто подтверждающие значимость этой топика для пушкинского текста, обнаруживаются легко: зверь или, что важнее для геракловского сюжета, полужверь-получеловек, режущий и роющий землю в ярости, отчаянии или агонии сражения или гибели — распространенный поэтический образ. Так, в описании inferнального войска в 4-й песне поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» разъяренный сатана, ополчающийся против христиан, уподоблен раненому и режущему в отчаянии быку, а сатир, призванный в inferнальное войско, роет копытом землю (цит. во французском переводе Ж.-Ф. де Лагарпа: «...dans son désespoir, / Tel qu'un taureau blessé qui répand l'épouvante, / Il exhale [...] sa rage mugissante... '...в отчаянии, / Подобно раненому быку, который сеет ужас, / Он изливает [...] свою режущую ярость... — *фр.*»; «L'un, satyre velu, du pied creuse la terre... 'Один, косматый сатир, копытом роет землю... — *фр.*» [La Harpe, 8: 415–416])²². В идиллии Шенье «Слепец» («L'Aveugle») из собрания 1819 г. в повествовании о битве героев с

разрушил, / Стопами роешь ты бесчувственные могилы, / Трепещут все, смотря твои надменные силы» [Ломоносов 1950–1983, 8: 616]), переводе сатирического послания «Королю прусскому» («Au Roi de Prusse», 1756), авторство которого приписывалось Вольтеру. Несмотря на то что это описание разрушительной мощи, агрессии и ярости также дает повод для топических аллюзий, обращение Пушкина к ломоносовскому тексту, опубликованному впервые лишь в конце XIX в. [Ibid.: 1057], маловероятно. Впрочем, поэт, без сомнения, был знаком с французским оригиналом (см. стих: «Malheureux! sous tes pas tu creuses des tombeaux... 'Несчастный! Своей поступью ты роешь могилы... — *фр.*» [Voltaire 1820: 62]; цитируемое издание имелось в библиотеке Пушкина, соответствующие страницы разрезаны [Модзалевский 1910: № 1493]), который, тем самым, может быть включен в долгий ряд типологических контекстов пушкинского перевода — в данном случае, однако, весьма удаленных.

²² О знакомстве Пушкина с творчеством Тассо см.: [ПМЛ: 2004: 325–328].

кентаврами на свадьбе царя лапифов Пирифоя упоминается «L'ongle frappant la terre... 'Копыто, бьющее землю... — *фр.*» [Chénier 1819: 31]; та же деталь используется и в описании умирающего кентавра («...son pied bat le sol qui doit être sa tombe. '...его нога ударила землю, которой суждено стать его могилой. — *фр.*» [Ibid.: 32]; отмечено: [Кузнецов 1996: 122])²³. Обозначенную семантику подчеркивает и эпитет «тяжкие», появляющийся в 6-м стихе в автографе в 1835 г.: в русском поэтическом словоупотреблении первой трети XIX в. «тяжкая стопа» подразумевает «тяжелую поступь» — образ, который ассоциируется одновременно и с физической мощью героя, и с силой его страдания [Григорьева 1981: 171]²⁴.

В подобном контексте образ яда, бегущего в крови героя, также может утрачивать устойчивые эротические коннотации. Ничто не мешает читать его не метафорически, а буквально — тем более что это вполне подтверждается традицией. Во французском литературном словоупотреблении XVII — XIX вв. упоминание яда, бегущего по жилам, составляет общее место, которое воспроизводится при описании действия отравы или болезни на человеческое тело. Героиня «Федры» («Phèdre», 1677) Ж.-Б. Расина произносит: «J'ai pris, j'ai fait couler dans mes brûlantes veines / Un poison que Médée apporta dans Athenes. 'Я приняла, я заставила бежать по моим пылающим жилам / Яд, который Медея привезла в Афины. — *фр.*» [Racine, 3: 147]; в «Персидских письмах» («Lettres persanes», 1721) Ш.-Л. Монтескье Роксана в 161-м письме предсказывает собственную смерть: «Je vais mourir; le poison va couler dans mes veines... 'Я скоро умру; яд побежит по моим жилам... — *фр.*» [Montesquieu, 5: 363]; в романе Ж. де Сталь «Коринна, или Италия» («Corinne, ou l'Italie», 1807; рус. пер. 1809–1810) Освальд обращается к подруге, заразившейся смертельной болезнью во время эпидемии: «...si le fatal poison coule dans tes veines, [...] je l'ai respiré sur ton sein» [Staël-Holstein, 3: 28] (ср. в русском переводе: «...если губительный яд течет в жилах твоих — то и я соединюсь с тобою! и я дышал тяжким твоим дыханием» [Сталь 1809, 5: 20]. Все названные

²³ Пушкин перевел 26 первых стихов «Слепца» за несколько лет до начала работы над стихотворением «Из А. Шенье» (см. набросок «Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...» (1822–1823) [Пушкин 1999–2016, 2(2): 126, 867–868]; т. е. текст был хорошо знаком поэту и, без сомнения, заслуживает здесь внимания; однако считать его непосредственным и принципиально значимым источником пушкинского словоупотребления, как это делает И. С. Кузнецов в упомянутой работе, кажется, нет оснований.

²⁴ Ср., например, в стихотворениях А. Ф. Мерзлякова «Благодать» (1805–1815): «Когда ж пройдем сей путь истертый / Несчастий тяжкою стопой...» [Мерзляков 1867, 2: 592; впервые: Вестник Европы. 1811. Ч. 59, № 17. С. 12–15], и С. П. Шевырева «Петроград» (1829): «Тяжкой движется стопой / Исполн — гранит упорный...» [Шевырев 1939: 71]), или в поэме М. Ю. Лермонтова «Боярин Орша» (1835–1836): «Ступени лестницы крутой / Под тяжкою ее стопой / Скрыпят...» [Лермонтов 1955–1957, 4: 12].

произведения были знакомы Пушкину [ПиМЛ, 2004: 212, 289–290, 318]²⁵. Что касается словосочетания «быстрый яд», то одно из его французских соответствий, «*venin prompt*», фигурирует в статье «Словаря Академии французской» как устойчивое в ряду других, имеющих буквальное значение («*Venin dangereux, mortel. Venin prompt. La venin de la vipère. 'Опасный, смертельный яд. Быстрый яд. Яд гадюки. — фр.'*» [Dictionnaire de l'Académie française, 2: 730].

Итак, как демонстрирует мое исследование, Пушкин в переводе «Из А. Шенье» трансформировал текст оригинала, ориентируясь не на античные произведения, а, прежде всего, на их французские переложения и адаптации. Поэтическая фразеология перевода генетически и типологически связана с рядом приобретших устойчивость к 1830-м гг. XIX в. образов и языковых «формул», ассоциированных с изображением мучительной любовной страсти и батального неистовства. В истории апофеоза Геракла обе эти темы традиционно предъявлены на сюжетном уровне: страсть Геракла к Иоле и ревность Деяниры; убийство Лихаса, совершенное отравленным героем в приступе ярости. В пушкинском тексте, однако, они свернуты и аккумулярованы на уровне поэтического языка, тогда как их сюжетные репрезентации либо отсутствуют, либо по сравнению с идиллией Шенье редуцированы. Существенно также, что заметно меняющая оригинал сцена мучений Геракла приобретает в пушкинском тексте специфический смысл: классический образ физического страдания дополняется здесь отчетливо выраженной аффективной семантикой; иными словами, фразеология поэтических новаций призвана маркировать не только боль героя, но и предельную степень его страсти — в образах, закрепленных литературной и поэтической традицией. Эта специфика, по-видимому, не случайна и обусловлена эстетическими функциями пушкинских переводческих новаций, описание которых, однако, составляет отдельную задачу, выходящую за рамки настоящей статьи²⁶.

²⁵ Сходное словоупотребление встречается и в упомянутом выше либретто Ж.-Ф. Мармонта «Умиравший Геркулес», где описана физическая агония героя (акт 4, сц. 4): «*Et le poison rapide a coulé dans son cœur. / Il tombe, il se débat en mordant la poussière / Des pleurs mêlés de sang inondent sa paupière: / Il se relève avec effort, / Il embrasse l'autel, il implore la mort. 'И быстрый яд побегал в его сердце. / Он падает, бьется, сраженный. / Слезы, смешанные с кровью, заливают глаза: / Он поднимается с усилием, / Он обнимает алтарь, молит о смерти. — фр.'*» [Marmontel, 7: 515]. Неизвестно, однако, был ли Пушкин знаком с этим текстом [см.: ПиМЛ 2004: 197–198]. В библиотеке поэта сохранилось 18-томное парижское собрание сочинений Мармонта 1818–1819 г. и однотомное парижское же собрание 1820 г., однако «Умиравший Геракл» в них отсутствует (впрочем, 9-й том 18-томника, содержащий драматические произведения, вообще не разрезан) [Модзалевский 1910: 282–283, № 1136–1137].

²⁶ Подробный анализ эстетической составляющей пушкинского перевода см.: [Кардаш (в печати)].

Библиография

Ариосто 1993

Ариосто Л., *Неистовый Роланд. Песни I – XXV*, пер. свободным стихом М. Л. Гаспарова, Москва, 1993.

Батюшков 1817

Батюшков К. Н., Исступление Орланда. Конец песни XXIII и начало XXIV, *Вестник Европы*, 17–18 (95), 1817, 17–29.

Вацуро, Мильчина 1989

Вацуро В. Э., сост., Вацуро В. Э., Мильчина В. А., коммент., *Французская элегия XVIII – XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры = L'Élégie française des XVIIIe – XIXe siècles traduite par des poètes russes de l'époque de Pouchkine*, Москва, 1989.

Вергилий 1781

Вергилий Марон П., *Еней: Героическая поэма*, пер. с лат. [В. П. Петровым], С.-Петербург, [1781].

Владимирский 1939

Владимирский Г. Д., Пушкин-переводчик, *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*, 4–5, 1939, 300–330.

Гельд 1923

Гельд Г. Г., По поводу стихотворения Пушкина «Из А. Шенье» (1825), *Пушкин и его современники: Материалы и исследования*, 36, 1923, 44–47.

Гнедич 1829

Илиада Гомера, пер. Н[иколаем] Гнедичем, 1–2, Санкт-Петербург, 1829.

Григорьева 1981

Григорьева А. Д., Язык лирики Пушкина 30-х годов, А. Д. Григорьева, Н. Н. Иванова, *Язык лирики XIX в.: Пушкин. Некрасов*, Москва, 1981, 154–172.

Дмитриев 1967

Дмитриев И. И., *Полное собрание стихотворений*, Ленинград, 1967.

Кардаш (в печати)

Кардаш Е. В., Поэтика агонии и практики гения: Перевод А. С. Пушкина «Из А. Шенье» как опыт эстетической рефлексии, *Русская литература*, 2020 (в печати).

Кузнецов 1991

Кузнецов И. С., А. С. Пушкин и А. Шенье: (Опыт характеристики поэтического своеобразие стихотворения «Покров, упитанный язвительною кровью...»), *Болдинские чтения*, [1989], 1991, 116–124.

——— 1996

Кузнецов И. С., «Из А. Шенье», *Временник Пушкинской комиссии*, 27, 1996, 120–122.

Лермонтов, 1–6

Лермонтов М. Ю., *Сочинения*, 1–6, Москва, Ленинград, 1955–1957.

Летопись, 1–4

Цявловский М. А., Тархова Н. А., сост., Я. Л. Левкович, отв. ред., науч. ред., *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина*, 1–4, Москва, 1999.

Ломоносов, 1–11

Ломоносов М. В., *Полное собрание сочинений*, 1–11, Москва, Ленинград, 1950–1983.

Лотман 1995

Лотман Ю. М., *Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий*, Санкт-Петербург, 1995.

Любомудров 1901

Любомудров С. И., *Античные мотивы в поэзии Пушкина*, 2-е изд., С.-Петербург, 1901.

- Мазур 2001
Мазур Н. Н., Пушкин и «московские юноши»: вокруг проблемы гения, Д. М. Бетеа, А. Л. Осповат, Н. Г. Охотин и др., ред., *Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования*, Москва, 2001, 54–105.
- Мерзляков, 1–2
Мерзляков А. Ф. *Стихотворения*, 1-2, Москва, 1867.
- Модзалевский 1910
Модзалевский Б. Л., *Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание*, С.-Петербург, 1910 [репр.: Москва, 1988].
- Морозов 1909
Морозов П. О., Примечания к стихотворениям 1825 года, А. С. Пушкин, *Собрание сочинений*, 3, С. А. Венгеров, ред., С.-Петербург, 1909, 557–580.
- Перлина 2005
Перлина Н., «Борис Годунов» и «Антоний и Клеопатра»: «Бывают странные сближения», *Русская литература*, 2, 2005, 109–125.
- ПиМЛ 2004
Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии» = Пушкин: Исследования и материалы, 18/19, Санкт-Петербург, 2004.
- Пушкин, 1–16
Пушкин А. С., Полное собрание сочинений, 1837–1937, 1–16, Москва, Ленинград, 1937–1959.
- Пушкин 1999–2019 –
Пушкин А. С., *Полное собрание сочинений и писем*, 1–3 (1), 7, Санкт-Петербург, 1999 – 2019 –.
- ПЭ, 1–3 –
Пушкинская энциклопедия: Произведения, 1–3 –, Санкт-Петербург, 2009–2017.
- Сандомирская 1978
Сандомирская В. Б., Переводы и переложения Пушкина из Шенье, *Пушкин: Исследования и материалы*, 8, 1978, 90–106.
- Сталь, 1–6
Сталь Ж., де, *Коринна, или Италия* / Сочинение госпожи Сталь-Голстейн, перевод с французского, 1–6, Москва, 1809.
- Старобинский 2016
Старобинский Ж., *Чернила меланхолии*, Москва, 2016.
- СЯП, 1–4
Словарь языка Пушкина, 1–4, Москва, 2000.
- Цейтц 1939
Цейтц Н. В., К истории неосуществленного замысла Пушкина об «Ермаке», *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии*, 4–5, 1939, 386–396.
- Шевырев 1939
Шевырев С. П., *Стихотворения*, вступ. статья, ред. и примеч. М. Аронсона, Ленинград, 1939.
- Ascoli 1987
Ascoli A. R., *Ariosto's Bitter Harmony. Crisis and Evasion in the Italian Renaissance*, Princeton, New York, 1987.
- Budelmann 2007
Budelmann F., The Reception of Sophocles' Representation of Physical Pain, *American Journal of Philology*, 4 (128), 2007, 443–467.

Butler, Owen 1914

Butler H. E., Owen A. S., eds., *Apulei apologia sive Pro se de magia liber*, Oxford, 1914.

Chénier 1819

Chénier A., de, *Oeuvres complètes*, Paris, 1819.

Courtney 2013

Courtney E., *A Commentary on the Satires of Juvenal*, Berkeley, California, 2013.

Dictionnaire de l'Académie française, 1–2

Dictionnaire de l'Académie française, revu, corrigé et augmenté par elle-même, 5e éd., Paris, 1822.

Dorat 1780

<Dorat C. J.>, *Les Victimes de l'amour, ou Lettres de quelques amans célèbres, précédées d'une pièce sur la mélancolie, et suivies d'un poème lyrique et autres pièces*, Paris, 1780.

Dubois-Fontanelle, 1–4

Ovide, *Les Métamorphoses d'Ovide*, trad. par J. G. Dubois-Fontanelle, 1–4, Paris, 1802.

Du Ryer, 1–4

Ovide, *Les Métamorphoses d'Ovide*, trad. en françois par Mr. Du-Ryer, 1–4, La Haye, 1728.

Fénélon, 1–4

Fénélon F., de, *Les aventures de Télémaque, fils d'Ulysse*, 1–4, Paris, 1796.

Fremin de Beaumont 1807

Thomson J., *Les Saisons, poème de Thompson*, trad. nouvelle, avec des notes par M. Fremin-Beaumont, Paris, 1807.

La Harpe, 1–16

La Harpe J. F., de., *Œuvres*, 1–16, Paris, 1820–1821.

Marmontel, 1–7

Marmontel J. F., *Œuvres*, 1–7, Paris, 1819–1820.

Millin, 1–2

Millin A. L., *Monumens antiques, inédits ou nouvellement expliqués*, 1–2, Paris, 1802–1806.

Milton, 1–3

Milton J., *Paradis perdu*, trad. par Jacques Delille, 1–3, Paris, 1805.

——— 1829

The Poetical Works of John Milton. To Which Is Prefixed the Life of the Author, London, 1829.

Montesquieu, 1–6

Montesquieu Ch.-L., de, *Œuvres de Monsieur de Montesquieu*, nouv. éd., rev., corr. et considérablement augm. par l'auteur, 1–6, Amsterdam, Leipsick, 1764.

Ovide, 1–7

Ovide, *Œuvres complètes d'Ovide, trad. en français... par Le-Franc de Pompignan*, 1–7, Paris, [1799].

Ovidius, 1–4

Publii Ovidii Nasonis Opera omnia 4 voluminibus comprehensa, J. Micylli, H. Ciofani, D. Heinsii notis, et Nicolai Heinsii curis secundis et aliorum in singulas partes, partim integris, partim excerptis, adnotationibus, cura et studio Petri Burmanni qui et suas in omne opus notas adjecit, 1–4, Amstelodami, 1727.

Ovidius 1822–1827

Ovidius Naso, Publius, *Opera omnia*, ex recensione P. Burmanni, 1–[8], Torino, 1822–1827.

Possanza 2009

Possanza M., *Editing Ovid: Immortal Works and Material Texts*, P. E. Knox, ed., *A Companion to Ovid*, Malden, Oxford, 2009, 311–326.

Poulin, 1–2

Thomson J., *Les Saisons de J. Thomson*, trad. en vers français par J. Poulin, 1–2, Paris, 1802.

Prévost 1801

Prévost Au., *Les victimes de l'ambition, drame en cinq actes, en prose*, Paris, 1801.

Racine, 1–4

Racine J., *Œuvres*, 1–4, Paris, 1817.

Richmond 2002

Richmond J., Manuscript Tradition and the Transmission of Ovid's Works, B. W. Boyd, ed., *Brill's Companion to Ovid*, Leiden, Boston, Köln, 2002, 443–483.

Saint-Ange, 1–4

Ovide, *Les Métamorphoses d'Ovide*, trad. en vers, avec des remarques, rev., corr. et aug. par M. Desaintange, 3ème éd., 1–4, Paris, 1808.

Schneider 2005

Schneider H., *Ovids Fortleben bei Puschkin*, Köln, 2005.

Sénèque, 1–2

Sénèque, *Théâtre de Sénèque*, trad. nouvelle, enrichie de notes historiques, littéraires et critiques, et suivie du texte latin, corrigé d'après les meilleurs manuscrits, par M. L. Coupé, 1–2, Paris, 1795.

Shakespeare 1781

Shakespeare W., *Shakespeare*, trad. de l'anglais, dédié au Roi, par M. Le Tourneur, 1–20, 12, Paris, 1776–1781.

——— 1821

Shakespeare W., *Œuvres complètes de Shakspeare*, 1–13, trad. de l'anglais par Letourneur, nouv. éd., rev. et corr., par F. Guizot et A. P[ichot], trad. de Lord Byron, 3, Paris, 1821.

Snyder 1980

Snyder J. M., *Puns and Poetry in Lucretius "De Rerum Natura"*, Amsterdam, 1980.

Soellner 1958

Soellner R., The Madness of Hercules and the Elizabethans, *Comparative Literature*, 4 (10), 1958, 309–324.

Staël-Holstein, 1–3

Staël-Holstein G., de., *Corinne ou L'Italie*, 8e éd., revue et corrigée, 1–3, Paris, 1819.

Théveneau 1801

Théveneau Ch.-M., Hercule au mont Eta: Poème dithyrambique, *Almanach des muses pour l'an IX de la république française*, Paris, 1801, 25–34.

Thomson 1820

Thomson J., *The Seasons*, Chiswick, 1820.

Tobin 1976

Tobin R. W., The Classical Herakles: Metamorphoses of the Hero, Ph. Crant, ed., *Mythology in French Literature*, Columbia, 1976, 38–53.

Villenave, 1–4

Ovide, *Les Métamorphoses d'Ovide*, trad. nouvelle avec le texte Latin... par M. G.-T. Villenave, 1–4, Paris, 1807.

Virgile 1804

Virgile, *L'Énéide, traduite par Jascque Delille*, 1, Paris, 1804.

Virgile 1812

Virgile, *Les Géorgiques de Virgile, traduit en vers français* par J. Delille; avec les notes et les variantes, Paris, 1812.

Voltaire 1820

Voltaire, *Pièces inédites ...*, imprimées d'après les manuscrits originaux, pour faire suite aux différentes éditions publiées jusqu'à ce jour, Paris, 1820.

References

- Ascoli A. R., *Ariosto's Bitter Harmony. Crisis and Evasion in the Italian Renaissance*, Princeton, New York, 1987.
- Budelmann F., The Reception of Sophocles' Representation of Physical Pain, *American Journal of Philology*, 4 (128), 2007, 443–467.
- Courtney E., *A Commentary on the Satires of Juvenal*, Berkeley, California, 2013.
- Grigorieva A. D., Iazyk liriki Pushkina 30-kh godov, Grigorieva A. D., Ivanova N. N., *Iazyk liriki XIX v.: Pushkin. Nekrasov*, Moscow, 1981, 154–172.
- Held H., *Po povodu stikhotvoreniia Pushkina "Iz A. Shen'e" (1825), Pushkin i ego sovremenniki. Materialy i issledovaniia*, 36, 1923, 44–47.
- Kuznetsov I. S., "Iz A. Shen'e", *Vremennik Pushkinskoi komissii*, 27, 1996, 120–122.
- Kuznetsov I. S., A. S. Pushkin i A. Shen'e. (Opyt kharakteristiki poeticheskogo svoebraziiia stikhotvoreniia "Pokrov, upitannii iazvitel'noi krov'iu..."), *Boldinskie chteniia*, [1989], 1991, 116–124.
- Lotman Yu. M., *Pushkin: Biography of the Writer; Articles and Notes, 1960-1990; Eugene Onegin: Comments*, St. Petersburg, 1995.
- Mazur N. N., Pushkin i "moskovskie iunoshi": Vokrug problemy geniia, D.M. Bethea, Ospovat A. L., Okhotin N. G., eds., *Pushkinskaia konferentsiia v Stenforde, 1999: Materialy i issledovaniia*, Moscow, 2001, 54–105.
- Perlina N., "Boris Godunov" i "Antonii i Kleopatra": "Byvaiut strannye sbližheniia", *Russkaya literatura*, 2, 2005, 109–125.
- Possanza M., *Editing Ovid: Immortal Works and Material Texts*, P. E. Knox, ed., *A Companion to Ovid*, Malden, Oxford, 2009, 311–326.
- Richmond J., Manuscript Tradition and the Transmission of Ovid's Works, B. W. Boyd, ed., *Brill's Companion to Ovid*, Leiden, Boston, Köln, 2002, 443–483.
- Sandomirskaya V. B., Perevody i perelozheniia Pushkina iz Shen'e, *Pushkin: Issledovaniia i materialy*, 8, 1978, 90–106.
- Schneider H., *Ovids vortleben bei Puschkin*, Köln, 2005.
- Shevvyrov S. P., *Stikhotvoreniia*, M. Aronson, ed., Leningrad, 1939.
- Snyder J. M., *Puns and Poetry in Lucretius "De Rerum Natura"*, Amsterdam, 1980.
- Soellner R., The Madness of Hercules and the Elizabethans, *Comparative Literature*, 4 (10), 1958, 309–324.
- Starobinski J., *Chernila melankholii*, Moscow, 2016.
- Tobin R. W., The Classical Herakles: Metamorphoses of the Hero, Ph. Crant, ed., *Mythology in French Literature*, Columbia, 1976, 38–53.
- Tseitss N. V. K istorii neosushchestvlenno go zamysla Pushkina ob "Ermake", *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii* 4–5, 1939, 386–396.
- Tsyavlovsky M. A., Tarkhova N. A., Levkovich Ia. L., eds., *Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina*, 1–4, Moscow, 1999.
- Vatsuro V. E., Milchina V. A., eds., *L'Elegie française des XVIIIe – XIXe siècles traduites par des poètes russes de L'époque de Pouchkine*, Moscow, 1989.
- Vladimirsky G. D., Pushkin-perevodchik, *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii*, 4–5, 1939, 300–330.

Елена Валерьевна Кардаш

кандидат филологических наук,

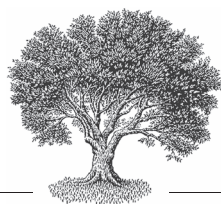
старший научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,

Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

theo.kardash@gmail.com

Received September 25, 2019

От зрителя к
зрителям: формы
капитализации труда
драматурга в первой
половине XIX века
(на примере пьес
А. Коцебу «Лейб-
кучер Петра III»
и Н. А. Полевого
«Параша Сибирячка»)*

From the Spectator to
Spectators: Forms of
Capitalization of the
Dramatist's Work in the
First Half of the 19th
Century ("Leib-kucher
Petra III" by August
von Kotzebue and
"Parasha Sibiryachka"
by Nikolai Polevoy)

**Андрей Сергеевич
Федотов**

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Andrey S. Fedotov

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-20003.

Цитирование: Федотов А. С. От зрителя к зрителям: формы капитализации труда драматурга в первой половине XIX века (на примере пьес А. Коцебу «Лейб-кучер Петра III» и Н. А. Полевого «Параша Сибирячка») // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 239–259.

Citation: Fedotov A. S. (2019) From the Spectator to Spectators: Forms of Capitalization of the Dramatist's Work in the First Half of the 19th Century ("Leib-kucher Petra III" by August von Kotzebue and "Parasha Sibiryachka" by Nikolai Polevoy). *Slověne*, Vol. 8, № 2, p. 239–259.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.9

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

Резюме

В статье пьеса Н. А. Полевого «Параша Сибирячка» (1840) анализируется как инструмент воздействия на императора Николая I. Сюжет пьесы в этом ракурсе может быть понят как прямое обращение к власти с просьбой о милости и изменении участи опального литератора. Работая над анекдотом из ранней истории александровского царствования, Полевой кодирует его в знаках николаевского властного сценария. Каждый из них должен был быть верно прочитан в императорской ложе. Замысел Полевого, однако, не осуществился, а создание «Парашы Сибирячки», несмотря на театральный успех и внимание со стороны царя, к радикальным изменениям в жизни автора не привело. В статье это объясняется кризисом самой патерналистской модели театральной экономики, в которой единственным источником капитализации творчества драматурга оставался высокий покровитель. Казус «Парашы Сибирячки» одновременно показывает, что и новые (условно — рыночные) механизмы театральной экономики, теоретически описанные самим Полевым, к началу 1840-х гг. в России сложиться не успели. В качестве вдохновившего Полевого прецедента и одновременно источника его экономической стратегии в статье предлагается рассмотреть пьесу А. фон Коцебу «Лейб-кучер Петра III» (1800) и невероятный биографический анекдот, связанный с ней. Сосланный в Сибирь немецкий драматург был возвращен в Петербург и осыпан милостями за пьесу, конструкция сюжета которой до некоторой степени напоминает «Парашу Сибирячку». Провал попытки Полевого разыграть «сценарий Коцебу» описывается в статье как симптом изменившихся экономических отношений в русском театре.

Ключевые слова

история русской литературы, история русского театра, культурная экономика, сценарии власти, Н. А. Полевой, А. фон Коцебу, Николай I, мелодрама, «Параша Сибирячка», «Лейб-кучер Петра III»

Abstract

In this article, Nikolai Polevoy's play "Parasha Sibiryachka" (1840) is analyzed as an instrument of influence on Emperor Nicholas I. The plot of the play in this perspective can be understood as a direct appeal to the authorities to grant mercy and change the fate of the disgraced writer. Polevoy encodes an anecdote from the early history of Alexander the First's reign into the signs of Nicholas the First's "scenario of power", expecting that each of these signs will be correctly read in the Emperor's box. However, Polevoy's plan did not come to fruition, and "Parasha Sibiryachka" did not lead to any radical changes in the life of its author, despite its theatrical success and attention from the tsar. The cause of this, as explained in the article, was the crisis of the paternalistic model of the theater economy, in which a high patron remained the only source of capitalization for the author's work. The case of "Parasha Sibiryachka" simultaneously shows that new (probably, market) mechanisms of the theater economy, which were theoretically described by Polevoy himself, had not yet taken shape in Russia by the beginning of the 1840s. The article proposes "Leib-kucher Petra III", an 1800 play by A. von Kotzebue, together with the incredible biographical anecdote associated with it, as both an inspiration for

Polevoy's strategy and the source of his play. The German playwright was sent to Siberia and then returned to Petersburg and showered with favors for his play, which somewhat resembles "Parasha Sibiryachka" on the levels of composition and plot. The failure of Polevoy's attempt to play the "Kotzebue scenario" is described in the article as a symptom of the changed economic relations in the Russian theater.

Keywords

history of Russian literature, history of Russian theatre, cultural economics, scenarios of power, Nicolay Polevoy, August von Kotzebue, Nicolas I, melodrama, "Parasha Sibiryachka", "Leib-kucher Petra III"

1

В неоконченной статье «О народной драме и о "Марфе Посаднице" М. П. Погодина» А. С. Пушкин писал о европейской драме, что она «родилась на площади и составляла увеселение народное». Затем она «оставила площадь и перенеслася в чертоги по требованию образованного, избранного общества» [Пушкин, 6: 360–361]. В России же, по мнению Пушкина, театр начался именно как развлечение для придворной элиты, а превращение его в народное искусство — дело будущего [Ibid.: 363]. Что бы ни стояло за этими формулами, перемещение из чертогов на площадь подразумевает кардинальные изменения в положении драматурга. Для Пушкина это в первую очередь перемены в интеллектуальной иерархии отношений пишущего для театра и его зрителей: «площадной» драматург управляет своей аудиторией, как паствой, властвует над умами, тогда как театральный писатель «чертогов» вынужден пресмыкаться перед просвещенными вельможами [Ibid.: 361–362].

Нельзя, однако, не заметить, что эти два воображаемых автора резко отличаются и по способу капитализации собственного труда. Придворный драматург полностью зависит от доброй воли высокого покровителя-мецената. «Народный» нуждается в сложных и одновременно надежных механизмах, обеспечивающих, во-первых, доходность театра, а во-вторых, справедливое распределение прибыли между всеми участниками производства спектакля. В первой половине XIX в. устаревание первой формы капитализации происходило интенсивнее, чем формирование механизмов второй. Разберем один случай, демонстрирующий эту тенденцию.

17 января 1840 г. в Александринском театре Санкт-Петербурга состоялась премьера новой пьесы Н. А. Полевого «Параша Сибирячка». Этот спектакль стал, судя по отзывам (см., например: [Кони 1840; Булгарин 1840; Хроника 1840, Белинский, 4: 17–18]), одним из главных событий театрального сезона 1839/40 гг. наряду с выступлениями балерины

Марии Тальони. В первой половине 1840-х гг. пьеса выдержала огромное количество представлений, а затем ее популярность постепенно пошла на спад¹. К концу николаевского царствования, как и прочие пьесы Полевого, она была практически полностью вытеснена из репертуара императорских театров.

С какой бы эстетической меркой мы ни подходили к драматургическому сочинению, «русская быль» (авторское жанровое определение) «Параша Сибирячка» должна быть оценена как текст вполне заурядный. В ней практически отсутствует интрига и действие, а резкое изменение в судьбе героев никак не вытекает из их собственных характеров и является случайным. Пьеса Полевого использует популярные мелодраматические ходы и рассчитана на эмоциональное соучастие зрительного зала, возможное только в эпоху расцвета слезной комедии и сентиментальной драмы. Напомним содержание «русской были».

В Сибири проживает семья Неизвестного, сосланного за совершенное 16 лет назад убийство. Неизвестный искренне раскаивается и клянет себя за то, что стал причиной горести и страданий своей жены и дочери Параша. Однажды в доме Неизвестного останавливается Прохожий, бывший на богомолье в Мангазее и возвращающийся домой в Киев. Неизвестный узнает в нем старого друга и сослуживца, следует мелодраматический диалог, из которого читатель, зритель, а заодно и прячущаяся за ширмой Параша узнают предысторию. Кроме прочего, выясняется, что у Неизвестного остался в России сын, но о судьбе его нет никаких вестей, а от Параша все эти годы скрывали правду. Прохожий советует другу просить милости у нового императора Александра I и обещает похлопотать сам. Затем Прохожий разговаривает с Парашей наедине, и та решительно объявляет, что пойдет до Москвы вместе с ним. В древнюю столицу путники приходят пешком незадолго до коронации Александра I. Попытки добиться справедливости через бюрократов, представителем которых выступает подьячий Писулькин, и влиятельных вельмож, старых знакомых Прохожего, оборачиваются неудачей. Тогда Параша решается на последнее средство. Во время коронационной процессии она бросается к ногам императора и добивается прощения для своего отца. Об этом мы узнаем из уст горожан, обсуждающих событие над обморочным телом Параша². Как только она приходит в себя, на сцену приводят ее отыскавшегося брата Лео-

¹ По данным репертуарной сводки «Истории русского драматического театра» [ИРДТ, 3: 291; ИРДТ, 4: 370], в 1840–1845 гг. «Параша Сибирячка» была 58 раз сыграна в Санкт-Петербурге и 26 раз в Москве. За почти вдвое больший период 1846–1861 гг. пьеса Полевого выдержала 23 представления в столице и 27 в Москве.

² Появление на сцене представителей царствующего дома, а тем более императора было строжайше запрещено цензурой. См. об этом недавнюю работу: [Зубков 2017].

нида, который жив и, судя по всему, вырос честным слугой отечества. В эпилоге Параша и Леонид приезжают в Сибирь, чтобы сообщить родителям радостную весть о помиловании. Неизвестный благословляет судьбу и Александра I.

Этот нехитрый сценарий позволял вставить в пьесу несколько прочувствованных верноподданнических монологов, а встреча Параша с Леонидом и затем воссоединение их с родителями призваны были повергнуть публику в слезы. Успех премьеры во многом был обеспечен игрой В. Н. Асенковой в заглавной роли и В. А. Каратыгина в роли ее отца, однако, по всей видимости, их игра не была единственной причиной популярности «Параша».

2

Диспропорция между простотой содержания пьесы и ее несомненно горячим приемом столичной публикой заставляла первых рецензентов, мемуаристов и немногочисленных исследователей искать объяснение успеха в неочевидных, не содержащихся в самом тексте «драматической были» факторах. Часть из них лежит на поверхности: пьеса эксплуатировала чрезвычайно популярный сюжет и рассматривалась как сценический вариант истории Прасковьи Григорьевны Луполовой, дочери ссыльнокаторжного, которая в 1804 г. добралась пешком до Петербурга из Ишима, добилась приема при дворе и пересмотра приговора отцу. Эта история легла в основу нескольких популярных произведений — романа французской писательницы М.-С. Коттен «*Élisabeth ou les Exilés de Sibérie*» (букв. «Елизавета, или Сибирские ссыльные»), написанного в 1806 г. и переведенного в 1807 г. на русский язык (см.: [Коттен 1807]), а затем многократно переизданного³, повести Кс. де Местра «*Prascovie ou La jeune Sibérienne*» («Прасковья, или Юная Сибирячка», 1815)⁴, оперы Г. Доницетти «*Gli esiliati in Siberia o sia Otto mesi in due ore*» («Восемь месяцев за два часа, или Ссыльные в Сибири», 1827). «Параша Сибирячка» Полевого, таким образом, обращалась к публике, уже хорошо знакомой с историей самоотверженной сибирячки. Полевой мог опускать подробности, просто реактуализируя в памяти зрителей обстоятельства этой истории⁵. «Параша Сибирячка» воспринималась как

³ Повесть переиздана в 1808, 1810, 1816, 1824 гг. См.: [Каталог, 2: 229–230].

⁴ На русский язык повесть была переведена в 1840 г. [Местр 1840]. Переводчик посвятил свое сочинение Полевому и прямо связал свою работу с впечатлением от «Параша Сибирячки». См. также короткую рецензию В. Г. Белинского, разбранившего перевод, но отдавшего решительное предпочтение повести де Местра перед пьесой Полевого: [Белинский, 4: 169–170].

⁵ В статье А. Л. Осовата анализируются эти и другие произведения, составляющие так называемый «Парашин текст». История о храброй девушке, отправляющейся

пусть и запоздавая, но зато отечественная художественная обработка известного сюжета и, с учетом моды на все отечественное в эту эпоху, была обречена на успех.

Учитывая хорошую разработанность истории литературных трансформаций сюжета о путешествии Луполовой, вопрос об интертекстуальных связях «Параши Сибирячки» Полевого мы намеренно оставляем в стороне. Несмотря на то что в нашей статье пойдет речь об одном из возможных претекстов пьесы, для нас гораздо важнее будет не сюжетное, а функциональное, инструментальное сходство произведений Полевого и Коцебу. Вопрос о смысле «Параши Сибирячки», таким образом, мы предлагаем рассмотреть не в литературоведческом, а скорее в социально-политическом ракурсе. Сам текст, соответственно, будет нас интересовать не как конечная цель, любопытный продукт некоторых производственных усилий, а как орудие, элемент в реализации экстра-литературной стратегии.

3

«Параша Сибирячка» была сочинением, обращенным не только к широкой публике, но и ко вполне конкретному зрителю — императору Николаю I. Многочисленные «патриотические» тирады персонажей в данном случае не были главным, хотя на определенном уровне вполне отвечали идеологическим установкам царя. Важнее другое: именно царь объявлялся в этой пьесе гарантом, инстанцией и изначальным источником справедливости. Притом дистанция между народом — Параша, напомним, деклассированная дворянка — и императором была показана как несущественная, а социальные барьеры как проницаемые. Здесь, кстати, имел место вполне очевидный расчет. В отличие от Александра I, избегавшего, как хорошо показал Р. Уортман, прямых контактов с широкой публикой, Николай I любил появляться среди народа, более того — прямой выход императора к толпе, властное, волевое подчинение толпы были одним из знаков николаевского правления [Уортман 2002: 394–397]. Здесь можно вспомнить поведение Николая I во время декабристского путча, обстоятельства его коронации или посещение Москвы во время эпидемии холеры. Т. е. фигурирующий в пьесе Александр I этой очень существенной чертой напоминал скорее Николая I.

Важно помнить, что у Полевого в это время есть веские причины для создания верноподданнической пьесы. После известной истории с закрытием «Московского телеграфа» Полевого за критику пьесы

в дальнейшее путешествие для того, чтобы ходатайствовать у монарха за близких, отразилась и в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина. См.: [Осповат 2007].

Н. В. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла» (1834)⁶ драматургу уже удалось добиться знаков царской милости за «Дедушку русского флота» (1838) и «Иголкина, купца новгородского» (1839). Вернуть прежний журналистский статус, а вместе с ним и капитал, однако, не получалось⁷. Воспоминания брата Полевого пестрят упоминаниями больших долгов и финансовых сложностей писателя в период после закрытия журнала. Отданные бесплатно для бенефисов разных артистов пьесы также не приносили дохода (см.: [Полевой 1934: 334, 345, 348–349]). В 1840-е гг. Полевой, как известно, бедствовал.

Ставка на «Парашу Сибирячку» была высокой, и она не оправдалась. Пьеса понравилась императору, который по распространенной легенде лично способствовал ее прохождению через цензуру⁸, но радикальных перемен в жизнь опального литератора она не внесла. Вряд ли неудача Полевого объясняется сложными отношениями Николая I к своему предшественнику (см., например: [Высочков 2003: 58–65]) и, соответственно, неудовлетворенностью императора именно содержанием «Парашы Сибирячки». На официальном уровне Александр I все равно оставался возлюбленным братом и небесным покровителем Николая I⁹. Кроме того, как мы попытаемся показать, пьеса транслировала скорее николаевские идеологемы, довольно легко считываемые.

Однако сама логика отношений царя с художником, в рамках которой предположительно пытался действовать Полевой, логика, по которой произведение может изменить статус автора в обе стороны (за оппозиционный текст — гонения, за верноподданнический — поощрение), в николаевское время работать перестала. Произведение более не рассматривается в качестве предмета торга между художником и властью. Поощрение императора остается лишь поощрением, конвертация его в статус, деньги и другие материальные блага становится

⁶ Этот сюжет вошел в классические исследования по истории русской цензуры. См.: [Скабичевский 2011: 240–244; Лемке 1909: 86–97; Вацура, Гиллельсон 1986: 140–165]. См. также воспоминания об обстоятельствах закрытия журнала в мемуарах Кс. А. Полевого: [Полевой 1934: 315–333].

⁷ За «Дедушку русского флота» Полевой получил бриллиантовый перстень. Об отношении Николая I к патриотическим пьесам Полевого см. в «Изломанном аршине», беллетризованной биографии писателя: [Лурье 2012: 327–335]. См. также: [Варнеке 1914: 473–474].

⁸ См.: [Каратыгин 2011: 285–286]. Кроме того, 22 января Полевой получил от А. Х. Бенкендорфа письмо, в котором сообщалось о пожалованном драматургу пособии в 2000 рублей ассигнациями в связи с его болезнью. Цитирующий это письмо М. К. Лемке допускает, что Полевой мог имитировать болезнь, см.: [Лемке 1909: 131–132].

⁹ Династический сценарий николаевского царствования, как показал Уортман, включал многочисленные акты увековечивания памяти Александра I, символически связывавшие Николая I с братом-предшественником [Уортман 2002: 357–362, 415–421].

заботой художника¹⁰. Мы видим свою задачу в том, чтобы указать на возможный источник ошибочной тактики Полевого.

4

Итак, речь пойдет об источниках не поэтики, а прагматики «Параши Сибирячки». В понимании этой прагматики мы в целом займем традиционную позицию и не будем учитывать новейшую оригинальную — и полемичную по отношению к традиции — трактовку С. А. Лурье [Лурье 2012: 332–335]. Тем не менее трактовка эта заслуживает упоминания.

Лурье справедливо указал, что призыв проявить милость к сосланному в Сибирь после 1825 г. значит совсем не то же самое, что значил бы такой же призыв ранее. Автор обратил внимание на то, что к тому моменту, когда Параша отправляется в путешествие, ее родители провели в ссылке уже 16 лет, т. е. почти столько же, сколько ссыльные декабристы к 1840 г. Иными словами, в «Параше Сибирячке» Лурье, вообще понимающий Полевого как человека вполне лояльного власти с самого начала, увидел акт гражданского мужества и прочел пьесу как единственное в своем роде прямое художественное обращение литератора к Николаю I с просьбой о милости к декабристам. Эта интерпретация, конечно, хорошо объясняет, почему судьба Полевого в целом не изменилась после премьеры: Николай I не любил ни непрошенных советов, ни лишних разговоров об участниках восстания 1825 г. Однако остается

¹⁰ Великолепный пример провалившейся попытки изменить собственную судьбу с помощью текста, адресованного Николаю I, приводит В. А. Мильчина. Дево Сен-Феликс, в прошлом артист Санкт-Петербургской французской труппы, в 1839 г. издал в Париже поэму «Николаида, или Царь и Россия», описывающую героические деяния императора. Поэма открывалась посвящением Николаю I, а ее автору был пожалован перстень ценой в 1500 рублей ассигнациями. Сен-Феликс, однако, полагал, что это только начало успеха: он отправил тираж в Россию, надеясь выручить 15–20 тысяч рублей, а до поступления прибыли просил предоставить ему театральный бенефис в Петербурге. Ни того, ни другого не случилось. Цензура потребовала внесения серьезных исправлений в уже отпечатанный текст, что фактически обесмыслило издательское предприятие, а в бенефисе французам было отказано. Стратегию Сен-Феликса В. А. Мильчина признает архаичной: «Манера письма Дево очень архаична. [...] Но еще более архаично присущее Дево общее понимание словесности как способа снискать благосклонность государя. В рамках этой системы ценностей автор сочиняет поэму в первую очередь ради того, чтобы прислужиться императору, получить в награду бриллиантовый перстень и право сыграть бенефис. Вся жизнь Дево — это та самая постоянная, неослабная погоня за протекцией, которая характеризовала литераторов XVIII столетия и была основным принципом литературной жизни в отсутствие литературного рынка» [Мильчина 2017: 346–347]. Соглашаясь с общим выводом исследовательницы, внесем небольшое уточнение. «Снискать благосклонность государя» при Николае I по-прежнему можно. Другое дело, что эта благосклонность не означает автоматически получения материальных благ, преференций и статусов. Симпатии императора стоят отдельно от бюрократических процедур.

непонятным, почему в таком случае этот «шифр» не сработал, а пьеса не была прочитана как голос в защиту политических ссыльных в либеральной среде первой половины 1840-х гг. и не избавила Полевого от репутации ренегата, предавшего прогрессивные убеждения молодости и перешедшего к штамповке пьес патриотического содержания. По крайней мере, если такой замысел у Полевого и был, приходится признать, что он полностью провалился.

Мы будем понимать «Парашу Сибирячку» более традиционно, т. е. как еще одну попытку Полевого обрести необходимое расположение властей, реанимировать собственную литературную карьеру, выбиться из числа проклятых и опальных литераторов. Эти попытки привели к формированию в демократической среде устойчивого образа Полевого-ренегата, отразившегося, например, в «Былом и думах» А. И. Герцена:

Мне было жаль его [Полевого. — А. Ф.], мне было стыдно, что я его огорчил, но вместе с тем я понял, что в его грустных словах звучал его приговор. В них слышался уже не сильный боец, а отживший, устарелый гладиатор. Я понял тогда, что вперед он не двинется, а на месте устоять не сумеет с таким деятельным умом и с таким непрочным грунтом. Вы знаете, что с ним было потом, — он принялся за «Парашу Сибирячку»... Какое счастье вовремя умереть для человека, не умеющего в свой час ни сойти со сцены, ни идти вперед. Это я думал, глядя на Полевого, глядя на Пия IX и на многих других!.. [Герцен, 8: 164].

Примечательно, что в качестве явного симптома отступничества и порajения Полевого Герцен называет именно «Парашу Сибирячку».

5

Эволюция творчества и политической позиции Полевого традиционно подается как история ренегатства, предательства, отказа от идеалов, сдачи позиций и т. д. Считается, что закрытие «Московского телеграфа» надломило Полевого, и через некоторое время он вступает в кооперацию с журнальным триумvirатом Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча и О. И. Сенковского, а также приступает к активному производству пьес в духе «Рука Всевышнего отечество спасла» Н. В. Кукольника. В диссертации Т. М. Маргулис убедительно показано, что никакого решительного идеологического перелома на самом деле не было, а миф о предателе Полевом порожден В. Г. Белинским и литераторами-демократами следующей литературной эпохи — А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским [Маргулис 1997].

В этой связи важным оказывается не вопрос о «переходе» Полевого к патриотическим драмам, потому что такого «перехода» не было, а

вопрос о том, как и почему Полевой в своем драматургическом творчестве подключается к ранее критиковавшейся им мелодраматической поэтике¹¹. Как мы попытались показать в другой работе, изменившееся отношение к мелодраме спровоцировано интересом Полевого к идеям Арну Фреми [Федотов 2016: 97–118], статью которого Полевой перевел для «Сына отечества» в 1838 г. (см.: [Фреми 1838]). Французский критик, противопоставив литературный театр народному, отдавал предпочтение последнему и видел секрет его успеха в готовности народного драматурга пожертвовать сложностью и даже эстетическим качеством пьесы. Автор должен быть понят и найти отклик у каждого из посетителей театрального зала, по определению неоднородного в социальном и интеллектуальном отношении. Статья Фреми, попросту говоря, легитимировала, разрешала и обосновывала существование «Параши Сибирячки» и театра Полевого вообще.

Не останавливаясь снова на этом вопросе, скажем только, что поворот к мелодраме неизбежно должен был привести к смене симпатий и творческих ориентиров. Образцовым автором мелодрам, отцом жанра в начале XIX в. считался Август Коцебу (см.: [Мельникова 2005: 69–117]), и Полевой действительно демонстрирует симпатию к этому автору в своих сочинениях рубежа 1830–1840-х гг. Перемену в отношении Полевого к немецкому драматургу чутко зарегистрировал Белинский. Рецензируя очередную книжку «Репертуара русского театра» за 1840 г., критик в частности пишет о «Моих воспоминаниях о русском театре и русской драматургии» [Полевой 1840a] Полевого:

Замечательнее всего в этом письме защита Коцебу, которого, говорит г. Полевой, «теперь сбили в грязь и сбросили с высокого пьедестала, на котором он стоял; над ним смеются и *кто* еще смеется?..» (стр. 4). Заметьте, что *кто* напечатано курсивом. Кто же этот таинственный кто? Не знаем, право, но очень хорошо помним, что первый начал нападать на Коцебу г. Полевой в своем «Телеграфе», в котором он преследовал всякий драматический опыт — от пьес кн. Шаховского до пьес г. Кукольника [Белинский, 4: 61–62].

Хотя принципиального значения это совпадение и не имеет, заметим, что на защиту Коцебу Полевой встает одновременно с премьерой «Параши Сибирячки».

6

«Параша Сибирячка» — пьеса в духе мелодраматического театра Коцебу, как мы уже показали выше. Однако у немецкого драматурга есть

¹¹ В том числе именно за мелодраматическую эффектность Полевой разбил «Руку всевышнего».

пьеса, связь которой с «Парашей Сибирячкой» столь сильна, что подталкивает к мысли о прямой работе Полевого с претекстом. Эта пьеса — драматический анекдот «Лейб-кучер Петра III», написанная предположительно между 1796 и 1799 г. В пьесе, как и у Полевого, счастье добродетельных, но терпящих бедствие подданных устраивается после того, как один из этих подданных обнаруживает решимость идти и просить заступничества прямо у государя. Заметим, что жанровые определения «драматический анекдот» и «русская быль» означают одно и то же отношение между фикциональным миром и реальностью, если учесть значение слова «анекдот» на рубеже XVIII–XIX вв.¹²

«Действие пьесы происходит»¹³ в начале царствования Павла I «в Санкт-Петербурге, на Васильевском острове, перед жилищем столярного мастера Леберехта — потомственного петербургского немца. Бывший лейб-кучер Петра III, Дитрих, ближайший и самый близкий друг Леберехта, узнает печальные новости из жизни его семьи: денежные дела Леберехта пришли в упадок, жена его тяжело больна, дочь Анюта мечтает о женихе — работнике Петре, а тот из-за отсутствия средств вынужден отправиться на заработки. В самом начале пьесы драматург концентрирует внимание на отчаянном положении героя, которого обделила судьба. Дитрих мучается над тем, как помочь Леберехту. В качестве советчика выступает сбитенщик Иван. Он советует Дитриху напомнить императору о своих заслугах — ведь он столько лет исправно возил Петра III! [...]. Дитрих отправляется во дворец. Минувя стадию развития, действие в следующей сцене достигает высшей точки и тут же эффектно завершается: Дитрих возвращается от царя», облаканный, «получив 20 тысяч рублей». Этих денег достаточно, чтобы обеспечить безбедную старость Дитриха и Леберехта, устроить брак Анюты и Петра и избавить последнего от необходимости искать деньги на стороне.

«Лейб-кучер», безусловно, не был творческим успехом Коцебу. Пьеса была переведена Н. С. Краснопольским и поставлена по-русски в 1800 г., но, выдержав несколько представлений, сразу вышла из репертуара [ИРДТ, 1: 450; ИРДТ, 2: 486]¹⁴. Она, правда, несколько раз переиздавалась — в 1800, 1802 и, что важно, — в 1824 г. (см.: [Репертуар,

¹² Ср. употребление слова анекдот в заглавии книги Я. Я. Штелина «Анекдоты о императоре Петре Великом» (1788), особенно в ее втором издании — «Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным» (1820; курсив наш. — А. Ф.). Такое же значение слова анекдот, указывающее на его не обязательно вымышленный характер, зафиксировано в словаре Даля: «короткий по содержанию и сжатый в изложении рассказ о замечательном или забавном случае; байка, баутка» [Даль 1863: 15].

¹³ Мы воспользуемся пересказом пьесы, предложенным в [Мельникова 2005: 50–55].

¹⁴ Пьеса была затем трижды повторена в Петербурге в феврале 1857 г., см.: [ИРДТ, 4: 343].

2: 615]). Последнее издание могло попасть в руки Полевому. Пьеса, однако, и не претендовала на читательский или зрительский успех, но создавалась с расчетом на внимание и симпатию одного-единственного читателя — императора Павла I.

Подчеркнем еще раз — поскольку «Лейб-кучера» ни в каком смысле нельзя назвать выдающейся пьесой, предположение, что Полевой, работая над «Парашей Сибирячкой», сознательно пытался сделать нечто похожее, крайне сомнительно. Мы настаиваем на том, что между работой Пушкина с шекспировскими хрониками в «Борисе Годунове», например, и работой Полевого с пьесой Коцебу нет ничего общего даже на типологическом уровне. Мы будем исходить из того, что Полевого заинтересовала не пьеса (или по крайней мере не только она), а весь биографический анекдот, связанный с ней. Напомним эту известную историю.

В 1800 г. Коцебу с семьей отправился из Веймара в Петербург, чтобы, как он сам об этом писал (см. ниже), повидаться с жившими в России взрослыми детьми. Прямо на границе Коцебу арестовали, видимо, по подозрению в связях с якобинцами, посадили в экипаж и увезли в неизвестном направлении. Через месяц изнурительнейшего путешествия ничего не понимавший Коцебу прибыл в город Курган Тобольской губернии. Спустя еще две недели туда же прискакал нарочный с требованием немедленно доставить Коцебу в Петербург. Добравшись из Сибири в столицу, Коцебу не только воссоединился с напуганным семейством, но и получил 20 тысяч рублей, поместье в Лифляндии, чин надворного советника, должность главы немецкого театра в Петербурге и обсыпанную бриллиантами табакерку из рук Павла I.

7

Невероятное, возможное только в павловской России путешествие настолько поразило Коцебу, что тот изложил его обстоятельства в особой книге — «Достопамятный год моей жизни, или Заточение в Сибирь и возвращение оттуда»¹⁵. Она вышла сначала по-немецки, но быстро была переведена и на русский язык: в 1806, а затем 1816 г. это сочинение издавалось в переводе В. С. Кряжева (см.: [Каталог, 2: 241]), и его содержание быстро стало общеизвестным анекдотом. В 1840 г., т. е. в год появления «Параши Сибирячки», в «Репертуаре русского театра», к которому Полевой имел самое непосредственное отношение и в котором была напечатана «Параша», вышла большая статья В. М. Строева о Коцебу [Строев 1840]. В ней многократно большими фрагментами

¹⁵ См. современное издание: [Коцебу 2001]. Анализ нарративных и жанровых особенностей текста см. в: [Печерская 2013].

цитировался «Достопамятный год». Полевой, безусловно, хорошо знал эту невероятную историю.

В «Достопамятном годе» Коцебу предпринимает попытку разобраться, что же привело к резкой перемене его участи, и предлагает следующее объяснение случившемуся. Пока Коцебу скакал в Сибирь, Краснопольский подал прошение о разрешении посвятить перевод «Лейб-Кучера» императору, и так пьеса попала на стол к Павлу I. Царя пьеса привела в умиление, он помиловал Коцебу и поступил с ним так же, как Петр III в пьесе поступил с потерпевшими бедствие подданными немцами, отсюда и 20 тысяч рублей, будто бы прямо подсказанные текстом пьесы.

Восхищение, испытанное императором, свидетельствовало, конечно, не только и не столько о его эстетических вкусах и предпочтениях, сколько о том, до какой степени вся символическая сторона его царствования была связана с Петром III. Как известно, любивший отца и испытывавший сложные чувства к матери Екатерине II, Павел I начал свое правление с в высшей степени знакового и показательного мероприятия. Он распорядился вынуть из могилы гроб Петра III и поставить его в одной церкви с гробом Екатерины II, создавая впечатление, будто оба скончались в один день, символически вычеркивая 34 года екатерининского правления. Так Павел I представил себя наследником не столько Екатерины II, сколько Петра III. Любое напоминание об этой настойчиво конструируемой преемственной связи с отцом (минуя Екатерину II), неизменно благосклонно принималось Павлом¹⁶.

В «Лейб-кучере» Дитрих был не просто верным слугой Петра III, очевидно выброшенным на обочину жизни в правление Екатерины, он еще и символически воссоединял отца и сына. Немецкий кучер не только возил Петра III, но и катал на прогулки маленького еще Павла Петровича. Сбитенщик Иван, советуемый Дитриху искать счастья у нового царя, также не забывает указать на эту связь. После того как Дитрих сообщает Ивану, что катал будущего императора, следует диалог:

Иван. Как? — Ты? — Вы? — Ах Боже мой! Для чего ж не сходите Вы к государю?

Дитрих. Я не имею столько смелости.

Иван. Знаете ли вы, с какою честью похоронил он тело Родителя своего? Как великолепно перевез он его из Невского во Дворец?

Дитрих. Любовь сыновняя была самая великолепная корона, какою только мог он украсить гроб своего родителя [Коцебу 1800: 24–25].

¹⁶ См. трактовку этих событий и убедительное психологическое объяснение действий Павла I в: [Песков 2005].

Такое точное попадание в главную болевую точку Павла I заставляло предполагать, что Коцебу специально сочинил «Лейб-кучера», чтобы добиться своего освобождения¹⁷. Эта точка зрения высказана уже у П. Н. Арапова [Арапов 1861: 141–142] и, видимо, была более или менее распространена и до его «Летописи русского театра». Сам Коцебу категорически ее отрицал, утверждая, что «Лейб-кучер» написан до событий «Достопамятного года», и он определенно говорил правду [Мельникова 2005: 52]. Однако не это принципиально для нашего сюжета. В конце 1830-х гг. Полевой мог вывести из всей этой истории простой вывод: опальный драматург может обрести благосклонность императора с помощью пьесы, в которой бы прямо рассказывалось, как должен себя вести монарх по отношению к невиновным, добродетельным и бесконечно несчастным, по недоразумению оказавшимся в опале подданным. Сама биография Коцебу подсказывала возможную последовательность действий, и пьеса здесь была только *инструментом*.

8

Разумеется, нельзя было подействовать на Николая I тем же способом, который сработал при Павле I. Поэтому историю нужно было полностью перекодировать, что и проделал Полевой. Страдающие немецкие бюргеры заменены русскими деклассированными дворянами. В начале «Параши Сибирячки», правда, появляются два тунгуса, которые ведут Неизвестного охотиться на медведя. Они — объект цивилизующего воздействия русских ссыльных, относящихся к аборигенам с необходимым уважением. (Параша хотя и сомневается в том, что тунгусы настоящие люди, тем не менее пытается разговаривать с ними по-тунгуски). Националистическая риторика «Параши Сибирячки», разумеется, вполне отвечала духу и языку эпохи в целом. Однако более пристального внимания заслуживает другая сторона пьесы. Рассмотрим важный эпизод. Когда Параша лежит без чувств у ног Александра I, в дело включается народ. Свидетель этой сцены рассказывает:

Тут всем, кто стоял, как будто господь слово дал, все за один голос: «Надежа государь! помилуй!» А кто на колени, кто ему в ноги! «За твоего отца *все просят* — я прощаю его!» — сказал государь... Братцы, други, русские люди! О, если бы в ту минуту могли вы видеть лицо его, слышать его... Она как услышала: «Прощаю!» — так и покатилась, а государю и проходу не дают! «Дайте! — говорят одни, — Пустите его: он *за нас* молиться идет!» [Курсив наш. — А. Ф.; Полевой 1840б: 21–22].

¹⁷ См., например, известную работу Л. Я. Гуревич по истории русского театра 1939 г.: [Гуревич 2012: 244].

Народ в этом эпизоде оказывается одновременно и источником легитимных решений, и объектом заступничества царя перед богом. Такая политическая конструкция для *павловского* времени была бы совершенно избыточна: император и был единственной инстанцией легитимности и сакрального, для других агентов в этом сценарии просто не было места. В *николаевское* же царствование с его идеей единомыслия царя и народа сцена милости попадала точно в цель¹⁸.

Павел I помогает Леберехту и Дитриху, потому что он справедливый и благодарный монарх, а мораль пьесы Коцебу заключается в том, что честная служба рано или поздно будет вознаграждена. Александр I милует Неизвестного, потому что царь — отец нации, почти в буквальном смысле слова. Метафора родительского отношения императора к подданным используется в «Параше Сибирячке», например, в сцене, где Танюша, дочь квартирной хозяйки, сообщает Параше о приезде Александра Павловича в Москву:

Танюша. Сегодня первый раз явится он нам всем в Кремле, когда из дворца пойдет молиться в Успенский собор.

Параша (трепеща). Разве все его могут видеть?

Танюша. Вот еще! Детям запретить видеть отца своего! Ведь он наш отец! [Полевой 1840б: 18]

Такая риторика, такое отношение к фигуре императора, отвечало, в терминологии Уортмана, не *александровскому*, а именно *николаевскому*, «династическому» властному сценарию. Ситуация «Лейб-кучера» переписывалась языком новой власти. В рамках этого сценария сам Александр I объявлялся заступником царствующего дома на небесах. И этот знак тоже был использован Полевым. Перед падением занавеса ошастливленный Неизвестный, как бы провидящий будущее, восклицал: «Благословенный! Да встретят тебя ангелы такую радость, когда ты будешь *наш ангел на небесах!*» [Курсив автора. — А. Ф.; Ibid.: 24], т. е. «когда ты умрешь». Эта реплика должна была тронуть в первую очередь зрителей в царской ложе, т. к. являлась прямой цитатой из письма императрицы Елизаветы, жены Александра I, к Марии Федоровне, матери Николая и Александра Павловичей: «Наш ангел на небесах, а я должна прозябать на земле» (письмо процитировано в: [Данилевский 1829: 28–29]). Формулировка «наш ангел на небесах» стала общепринятой в придворной среде.

Есть и еще один важнейший нюанс, отличающий «Парашу Сибирячку» от «Лейб-кучера»: в отличие от Леберехта и Дитриха, Неизвестный

¹⁸ Это единение, например, было значимой частью коронационных церемоний 1826 г. и их описаний. См.: [Уортман 2002: 371–375, 383–386].

в пьесе Полевого — настоящий преступник. Рискнем предположить, что дело тут уже в субъективных представлениях Полевого о своей вине и адекватных стратегиях защиты. В отличие от Коцебу, оценивавшего все произошедшее с ним как ужасное недоразумение, случайность и рассчитывавшего на справедливость и благоразумие власти, Полевой понимал, что в глазах николаевского правительства он был именно преступником и открыто трактовать случившееся с ним как ошибку было бы не только стратегически невыгодно, но и дерзко. Полевой не мог рассчитывать на справедливость, он рассчитывал на милосердие. Именно оно управляет судьбой Параши и ее родителей.

9

План Полевого, если мы реконструировали его верно, провалился. «Параша Сибирячка» не сработала так, как должна была сработать. Премьера пьесы не изменила положения драматурга. В бюрократизированном мире николаевской эпохи преступления оставались преступлениями, а заслуги — заслугами. И все-таки Полевой не терял надежды. Тексту пьесы, опубликованному вскоре после премьеры, Полевой предпослал стихотворное посвящение, в котором вновь намекал на то, что реакция главного зрителя была недостаточной. Пример подает не-названная дочь Николая I:

Когда моей Сибири отдаленной
Изображал раздолье я степей,
Леса, пустыни, девы вдохновенной
Святую мысли и подвиг — и Царей
Любовь и благодать... И тебя, Благословенный...
О, голос мой не тщетно слышен был. —
В сердцах других он отзыв находил

Я видел: дочь Владыки полусвета,
Прекрасная, как божья благодать,
Как светлая, святая мысль поэта,
Явилась нам страданью сострадать,
И плакала, как чистый ангел света, —
В тот светлый миг, как я благоговел —
Я говорить не мог и — не умел...
[...]

17 января 1840 [Полевой 1840б: 1]

Дочь «Владыки полусвета», «сострадающая страданью» Параши и ее родителей, задает тут необходимый уровень эмоциональной реакции и служит символическим примером отзывчивости для всех зрителей,

включая и сидящих в царской ложе. Проблема в том, что сочувствие и эмоциональное соучастие, которого пытался добиться от Николая I автор, сами по себе ничего более не значили.

Таким образом, «Параша Сибирячка» может быть прочитана как неудачная попытка разыграть при Николае I оправдательный сценарий Коцебу. Подчеркнем еще раз, что мы не имеем в виду прямую литературную работу Полевого с «Лейб-кучером» как с источником¹⁹. Коцебу с его пьесой выступают здесь не в качестве литературного предшественника, но в качестве яркой эмблемы тех финансово-административных стратегий в театральной сфере, которые могут помочь драматургу добиться материального успеха.

Соположение двух пьес и двух биографических историй, с ними связанных, вскрывает как отличие между двумя царствованиями — на уровне властных сценариев, бюрократических практик и политической риторики, — так и изменения в театральном поле, в первую очередь, в способах капитализации труда драматурга. При всей любви Николая I к театру, видимо, именно в его царствование в качестве источника авторитета, символического капитала, а затем и денег все настойчивее предлагала себя сама театральная публика. Парадокс Полевого в том, что, имея в руках эстетически сомнительную, но коммерчески перспективную программу Фреми, суть которой заключалась в построении театра для широкой публики, а не просвещенной элиты, драматург все-таки не оставляет попыток использовать пьесу как прямое послание императору. Обращение Полевого к «зрителю», а не «зрителям» было шагом не просто неудачным, но и архаичным.

Не следует, однако, считать Полевого наивным человеком, поставившим все на заведомо проигрышный план. Дело, во-первых, в том, что новые механизмы монетизации драматургического успеха к рубежу 1830–1840-х гг. сформироваться не успели. Полемика между Ф. В. Булгариным и Р. М. Зотовым 1841 г. будет во многом посвящена именно этой теме²⁰, и оба журналиста признают, что профессия драматурга малопривлекательна в материальном отношении. Театральный успех

¹⁹ Хотя при отмечавшемся выше интересе Полевого к немецкому мелодраматисту это кажется вполне возможным. Напомним наш главный аргумент в пользу того, что именно Коцебу, а не другие, хронологически более близкие истории о монаршей милости, вдохновили Полевого. В отличие от, например, «Руки Всевышнего», «Параша Сибирячка» может быть прочитана как прямое обращение с просьбой. Причем у Полевого существенно выше ставка, чем у других просителей, он ждет не просто бриллиантового перстня, а прямого и радикального изменения участи, судьбы. Фантастическая история Коцебу в этом смысле — ориентир гораздо более непосредственный, чем, например, свежий в 1840 г. сюжет о симпатии Николая I к гоголевскому «Ревизору».

²⁰ См. об этой полемике: [Федотов 2016: 67–76].

самого Полевого, по всей видимости, также не позволил ему выбраться из финансовой ямы после переезда в Петербург (ср. его восторженные рассказы об успехе, например, «Уголино» в театре²¹ и многочисленные свидетельства его бедственного положения в дальнейшем²²). Во-вторых, Полевой отдавал себе отчет в том, что его литературная судьба оказалась в руках высших имперских бюрократов, в частности, С. С. Уварова и симпатизировавшего драматургу А. Х. Бенкендорфа, однако возможности влиять на них к 1840-м гг., по всей видимости, были исчерпаны (ср. известное письмо брату Кс. А. Полевому, в котором рассказывается о провале попытки добиться через Бенкендорфа разрешения печататься под своим именем и о злорадстве Уварова по этому поводу²³). Император тут выступал последней инстанцией, у которой можно искать заступничества. Разумеется, не следует думать о «Параше Сибирячке» и как о единственной ставке Полевого. Он продолжает в это время активную литературную, журналистскую и редакторскую деятельность в попытках раздобыть средства для многочисленного семейства.

Трагедия Полевого в том, что он пытался заработать в театре тогда, когда патерналистские финансовые модели стремительно уходили в прошлое, а новые, рыночные, еще не сформировались в полной мере. Более или менее устойчиво они начнут работать только в следующую эпоху — эпоху Островского.

Библиография

Источники

Арапов 1861

Арапов П. Н., *Летопись русского театра*, С.-Петербург, 1861.

Белинский 1–13

Белинский В. Г., *Полное собрание сочинений в 13 томах*, Москва, 1953–1959.

Булгарин 1840

Ф. Б. <Булгарин Ф. В.>, *Параша Сибирячка*, русская быль в двух действиях с эпилогом. Сочинение Н. А. Полевого, *Северная пчела*, 48 (1 марта), 1840, 191.

Герцен 1–30

Герцен А. И., *Собрание сочинений в 30 томах*, Москва, 1954–1966.

Даль 1863

Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка. Часть первая: А–З*, Москва, 1863.

Данилевский 1823

Данилевский Н. В., *Дух венценосных супругов, в бозе почивающих императора Александра I и императрицы Елисаветы*, 3, Москва, 1829.

²¹ В письме Кс. Полевому от 21 января 1838 г. [Полевой 1986: 529–532].

²² Жалобами на безденежье буквально пестрит дневник писателя [Полевой 1888].

²³ Письмо от 20 декабря 1837 г.: [Полевой 1986: 520–527].

Каратыгин 2011

Каратыгин П. А., *Записки*, С.-Петербург, 2011.

Кони 1840

Ф.--ни <Кони Ф. А.>, Санктпетербургские русские театры, *Северная пчела*, 24 (30 января), 1840, 93–94.

Коттен 1807

Коттен С., *Елисавета Л**, или *Нещастия семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного. Истинное произшествие*, Москва, 1807.

Коцебу 1800

Коцебу А., *Лейб-кучер: Драматической анекдот*, С.-Петербург, 1800.

— 2001

Коцебу А., *Достопамятный год моей жизни. Воспоминания*, Москва, 2001.

Местр 1840

Ксаверий Местр <Местр, Кс. де>, *Молодая сибирячка: Истинное происшествие*, пер. с фр. А. Попова, С.-Петербург, 1840.

Полевой 1840а

Полевой Н. А., Мои воспоминания о русском театре и русской драматургии. (Письма к Ф. В. Булгарину), *Репертуар русского театра*, 2, 1840, 1–12 (втор. паг.).

Полевой 1840б

Полевой Н. А., Параша Сибирячка. Русская быль в двух действиях с эпилогом, *Репертуар русского театра*, 2, 1840, 1–24 (перв. паг.).

— 1888

Полевой Н. А., Дневник Н. А. Полевого (1838–1845), *Исторический вестник*, 31/3, 1888, 654–674; 32/4, 1888, 163–183.

— 1934

Полевой Кс. А., Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого, *Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов*, ред., вступ. ст. и комм. Вл. Орлова, Ленинград, 1934, 93–352.

— 1986

Полевой Н. А., *Избранные произведения и письма*, Ленинград, 1986.

Пушкин 1–10

Пушкин А. С., *Собрание сочинений в 10 томах*, Москва, 1963–1965.

Строев 1840

В. В. В. <Строев В. М.>, Август фон Коцебу, *Репертуар русского театра*, 12, 1840, 1–23 (третья паг.).

Фреми 1838

Фреми А., Критический вопрос о новейшей современной драме, пер. с франц. И. Бенигна <Н. А. Полевого>, *Сын отечества*, 6 (ноябрь–декабрь), 1838, 82–104.

Хроника 1840

Без подп., Хроника Санкт-Петербургских театров с 15 декабря 1839 года по 18 января 1840 года, *Репертуар русского театра*, 1/2, 1840, 1–8.

Литература

Варнеке 1914

Варнеке Б. В., *История русского театра*, 2-е изд., знач. доп., С.-Петербург, 1914.

Вацуро, Гиллельсон 1986

Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И., Сквозь «умственные плотины». Очерки о книгах и прессе пушкинской эпохи, 2-е изд., доп., Москва, 1986.

Высочков 2003

Высочков Л. В., *Николай I*, Москва, 2003.

Гуревич 2012

Гуревич Л. Я., *История русского театрального быта. От середины XVII до начала XIX века*, 2-е изд., Москва, 2012.

Зубков 2017

Зубков К. Ю., Иван Грозный на русской сцене 1860-х гг.: репрезентация монархической власти и драматическая цензура, в: *Цензура в России: История и современность: Сборник научных трудов*, 8, С.-Петербург, 2017, 91–111.

ИРДТ 1–7

История русского драматического театра, 1–7, Москва, 1977–1987.

Каталог 1–3

Сводный каталог русской книги. 1801–1825, 1–3—, Москва, 2000–2013—.

Лемке 1909

Лемке М. К., *Николаевские жандармы и литература 1826–1855*, С.-Петербург, 1909.

Лурье 2012

Лурье С. А., *Вороньим пером*, С.-Петербург, 2012.

Маргулис 2005

Маргулис Т. М., «*Литературная репутация Н. А. Полевого*» (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 1997).

Мельникова 2005

Мельникова С. И., *Коцебу в России*. С.-Петербург, 2005.

Мильчина 2017

Мильчина В. А., «*Французы полезные и вредные*»: надзор за иностранцами в России при Николае I, Москва, 2017.

Осват 2007

Осват А. Л., О некоторых сюжетных источниках «Капитанской дочки», *The Real Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin*, 1. (= *Stanford Slavic Studies*, 33), 2007, 85–99.

Песков 2005

Песков А. М., *Павел I*, 4-е изд., Москва, 2005.

Печерская 2013

Печерская Т. И., Вынужденная поездка в Сибирь, или Превратности судьбы А. Ф. Ф. Коцебу, *Литература путешествий: культурно-семиотические и дискурсивные аспекты. Сборник научных работ*, Новосибирск, 2013. С. 216–229.

Репертуар 1–2

Репертуар русской драмы, 1734–1920: библиографический указатель, 1–2—, Москва, 2015–2017—.

Скабичевский 2011

Скабичевский А. М., *Очерки истории русской цензуры. 1700–1863*, 2-е изд., Москва, 2011.

Уортман 2002

Уортман Р., *Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии*, 1, Москва, 2002.

Федотов 2016

Федотов А. С., *Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов*, Тарту, 2016.

References

- Fedotov A. S., *Russian Theatrical Magazine in the Cultural Context of the 1840s*, Tartu, 2016.
- Gurevich L. Ya., *History of the Russian theatrical life from the middle of the XVII to the beginning of the XIX century*, 2nd ed., Moscow, 2012.
- Kholodov E., Vsevolodskii-Gerngross V. N., eds., *Istoriia russkogo dramaticheskogo teatra*, 1–7, Moscow, 1977–1987.
- Lurie S. A., *Voron'im perom*, St. Petersburg, 2012.
- Melnikova S. I., *Kotzebue in Russia*, St. Petersburg, 2005.
- Milchina V. A., "Frantsuzy poleznye i vrednye": nadzor za inostrantsami v Rossii pri Nikolae I. Moscow, 2017.
- Ospovat A. L., O nekotorykh siuzhetnykh istochnikakh "Kapitanskoi dochki", *The Real Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin*, 1 (= Stanford Slavic Studies, 33), 2007, 85–99.
- Pecherskaya T. I., Vynuzhdennaia poezdka v Sibir', ili Prevratnosti sud'by A. F. F. Kotzebue, *Literatura puteshestvii: kul'turno-semioticheskie i diskursivnye aspekty*. Sbornik nauchnykh rabot, Novosibirsk, 2013. C. 216–229.
- Peskov A. M., *Paul I*, 4th ed., Moscow, 2005.
- Skabichevsky A. M., *Notes on the Censorship in Russia: 1700–1763*, 2nd ed., Moscow, 2011.
- Vatsuro V. E., Gillelson M. I., *Skvoz' "umstvennye plotiny". Ocherki o knigakh i presse pushkinskoi epokhi*, 2nd ed., Moscow, 1986.
- Vyskochkov L. V., *Nikolai I*, Moscow, 2003.
- Wortman R. S., *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, 2, Moscow, 2002.
- Zubkov K. Yu., Staging Ivan the Terrible in the 1860s: The Representation of Monarchic Power and the Theatre Censorship Apparatus, *Censorship in Russia: history and the present: collected papers*, 8, St. Petersburg, 2017, 91–111.

Андрей Сергеевич Федотов,

кандидат филологических наук, PhD,

преподаватель кафедры истории русской литературы

филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,

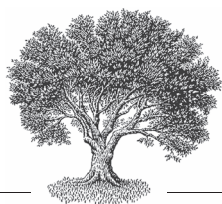
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, филологический

факультет, кафедра истории русской литературы (ауд. 958)

Россия/Russia

anfed86@icloud.com

Received February 8, 2019

Types of Modality in South Slavic Stative Reflexive-Dative Constructions

Liljana Mitkovska

FON University / Silesian University
Skopje, Republic of North
Macedonia / Katowice, Poland

Типы модальности рефлексивно-дативных конструкций состояния в южнославянских языках

Лиляна Митковска

Университет ФОН / Силезский университет
Скопье, Республика Северная Македония /
Катовице, Польша

Abstract

This paper analyses the constructions with a reflexive marker on the verb and a dative argument experiencing a state, such as necessity or craving/desire for something. They occur in all Slavic languages, with varied scope of distribution, but this research focuses on their use in South Slavic languages: Macedonian, Bulgarian and Bosnian/Croatian/Serbian (BCS), in which such constructions have a wide distribution. Although these types of clauses have been studied a lot, there are still contentious issues regarding their nature. Assuming that this particular combination of the reflexive marker with a dative argument represents a steady construction with specific formal properties we argue that its semantics cannot be computed from the meanings of the structures involved. The construction contains as part of its meaning a covert modal component of necessity, which cannot be explained as an inherited feature, neither from the reflexive, nor from the dative marker. Moreover, this component is of a more complex nature, ranging from a strong urge to inclination and craving. The main goal of

Citation: Mitkovska L. (2019) Types of Modality in South Slavic Stative Reflexive-Dative Constructions. *Slověne*, Vol. 8, № 2, p. 260–287.

Цитирование: Митковска Л. Типы модальности рефлексивно-дативных конструкций состояния в южнославянских языках // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 260–287.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.10

this paper is to investigate the nature and the origin of this modality. Adopting a Construction Grammar approach we assume that the specific semantic-pragmatic features of the construction are a result of particular constraints operating on the morpho-syntactic and semantic features of the constituent components.

Keywords

reflexive, dative, diathesis, modality, construction grammar, grammatical construction

Резюме

В статье рассматриваются конструкции с глагольным рефлексивным показателем и дативным аргументом, который обозначает лицо, испытывающее состояние потребности или желания чего-то. Эти конструкции встречаются во всех славянских языках с различной степенью распространенности, но в южнославянских языках они отличаются широким набором функций. В настоящей работе исследуется специфика данных конструкций в македонском, болгарском и сербском/хорватском/боснийском языках. Хотя рефлексивно-дативные структуры со значением состояния достаточно хорошо изучены в литературе, все еще существуют теоретические разногласия, связанные с их сущностью. Полагая, что особая комбинация рефлексивного маркера с дативным аргументом образует устойчивую конструкцию с определенными формальными свойствами, автор статьи доказывает, что значение конструкции не представляет сумму значений ее составляющих. Семантическая структура конструкции содержит скрытый модальный компонент, который нельзя рассматривать как унаследованный от рефлексивного или дативного маркера. Значения этого семантически сложного компонента движутся от физиологической потребности до склонности и желания. Главная цель статьи заключается в выявлении природы этой модальности и причин ее возникновения. Применяя теоретические принципы Грамматики конструкций, автор выдвигает предположение, что характерные семантико-прагматические свойства конструкции представляют собой результат воздействия определенных ограничений на морфосинтаксические и семантические свойства составляющих данной конструкции.

Ключевые слова

рефлексив, датив, диатеза, модальность, грамматика конструкций, грамматическая конструкция

1. Introduction

This paper examines a particular type of construction that consists of a reflexive marker on the verb and a dative argument. The sentences in (1) to (4) represent some typical examples. These constructions contain an activity verb in the base, but the composite meaning designates an internal state of the participant expressed in the dative. For this reason they are called Stative Reflexive-Dative Construction (SRDC) in this study.

- (1) Spava mi se. (BCS)¹ 'I feel like sleeping./I need to sleep.'
 sleep.3SG pron.1SG.DAT refl.
- (2) Ми се Гледа филм. (М) 'I feel like watching a film.'
 pron.1SG.DAT refl. watch.3SG film.SG.NOM
- (3) Не Му се влизаše вътре. (В) 'He had no desire to get in.'
 not pron.3SG.DAT refl. enter.3SG.PAST inside [Иванова 2016: 359]
- (4) Marku se pije kafa. (BCS) 'Marko feels like having
 Marko.SG.DAT refl. drink.3SG coffee.SG.NOM some coffee.' [Ilić 2013: 43]

This research focuses on its use in the South Slavic languages: Macedonian, Bulgarian and Bosnian/Croatian/Serbian. It is based on an analysis of examples collected from various sources (literature, press and interactive internet forums) in all three languages as well as on the data presented in works on this topic.

Various terms are used in the literature to name this pattern in South Slavic languages. In Bulgarian the traditional term is *желателни* 'volitional' [e. g., Пенчев 2001; Ницолова 2008; Джонова 2008; Иванова 2016; Иванова, Петрова 2017], but other terms are encountered as well, e. g., *оптативни* 'optative' in Димитрова [2015] or *импулсивни конструкции* in Савова [2018]. In Serbian linguistics they are often referred to as *модалне дативне конструкции* 'modal dative constructions' [e. g., Стипчевић 2015]. Works in English employ more complex terms reflecting a particular semantic or formal facet of the construction: Rivero [2004] calls it *Involuntary state construction*, Kallulli [2006] *Dative unaccusative construction—involuntary state reading* and Ilić [2013] *Dative anticausatives—modal necessity meaning*. Ivanova [2014] applies the term *Reflexive-with-Dative Construction* for both Russian and the formally similar Bulgarian construction. Similarly, in Pali [2010], focusing on Bosnian, the general term *Neizdiferencirane konstrukcije* 'non-differentiated constructions' (with a full verb) is used.

The paper is organised as follows: the next section presents the theoretical assumptions the analysis is based on, section 3 reports briefly on some previous studies of the construction, section 4 outlines the overall inner and outer properties of the SRDC and discusses the contributions of the two components, the reflexive and the dative, and section 5 focuses on types of modality along the continuum. Section 6 offers insights into some expansion tendencies of the construction, before finally the concluding remarks are presented in section 7.

¹ Examples are marked, depending on the language, with (B) for Bulgarian, (BCS) for Bosnian, Croatian or Serbian (as there is little difference in these languages regarding this construction) and with (M) for Macedonian. The sources for cited examples are given at each item; its absence means that the source is the author.

2. Theoretical background

SRDCs are found in a broad range of uses in all South Slavic languages, while in North Slavic there is a limited application of constructions that formally and functionally correspond to these South Slavic structures [e. g., Wierzbicka 1986; 1988, for Polish and Russian; Ivanova 2014; Иванова 2016, for Russian). The focus here is on the common characteristics in all considered languages, since they show similar tendencies in the development of the construction, even though there may be differences in the frequency of occurrence of particular extensions. The focus of this investigation is on the modal meaning(s) associated with this construction. We aim to determine the contribution of the component parts to the composite meaning of the SRDC and to explain the variability within the construction. To achieve this, we look at the syntactic constraints and the ways they are overridden, which clarifies the semantic extensions within the construction and helps understand their paths.

Following the principles of cognitive linguistics, more precisely the cognitive Construction Grammar views [as proposed by Goldberg 1995; Fried, Östman 2004; Fried 2007; Goldberg 2006; Langacker 2008; Hilpert 2014; Fried 2017, among others], we assume that SRDC represents a grammatical construction. In Construction Grammar, a “grammatical construction” represents the basic unit of grammatical analysis. It is understood as “a complex, multidimensional sign, not in the traditional sense of a syntagmatic string of words” [Fried 2017: 243]. Constructions are viewed as units of generalisations that speakers make across a number of encounters with linguistic forms [Hilpert 2014: 9]. Fried [2017: 248] also concludes that they are abstract linguistic units, “cognitive entities that articulate, in a schematic way, how a given pattern is typically produced and interpreted, while allowing for the fact that these ‘blueprints’ can be stretched in various ways, leading to permanent language variability and on-going change.” These conventionalised form-function units are based on general cognitive (categorising, attention allocation, inferencing, association, etc.) and communicative principles (relation between participants, subjective attitudes, face-saving strategies, information flow etc.).

As a construction, SRDC has specific formal properties and its semantic and discourse-pragmatic features cannot be computed as a simple sum of the meanings of the structures involved.² However, the constituent parts of a construction bring in characteristic features into the newly formed complex. Thus we claim that the syntax-semantic properties of SRDC can be explained as deriving from the combination of a relatively autonomous event, a meaning imposed by the reflexive marker *se*, with the component of affectedness, incorporated in the dative object, in combination with a particular set of features.

² Goldberg [1995: 4] defines them as form-meaning pairs, some aspects of which are not predictable from the component parts.

The non-canonical distribution of the participant roles along the syntactic positions, combined with the specific constraints on the verb and the participants involved in the situation, give rise to the special type of modality as the most significant feature of the SRDC. Such constraints also reveal the construction's relations to the formally identical neighbouring constructions.³

It should be noted that this modal component of SRDC is not of a uniform type. But how can the variation within the construction and its expansion tendencies be explained? Constructional analysis facilitates the understanding of variability within constructions. It deals with structural variation by acknowledging prototype organisation of categories and their ability to include elements the properties of which do not fit tightly in the formal scenario of the construction by imposing a characteristic interpretation on them, as explained for example in Fried [2007: 736]. The predicates entering the construction get adjusted to the meaning of the construction, some of their features being suppressed or changed, i. e., they are coerced towards the construction meaning [Hilpert 2014].⁴ However, the frequent use of certain type of predicates that do not fully match the construction meaning causes modification in the construction semantics thereby extending their interpretation in a certain direction [cf. Fried 2007: 736; Hilpert 2014⁵]. In this paper we set off to examine the continuum of modal meanings expressed by SRDC in South Slavic by applying the explained principles. We look at their formal and functional feature clusters in order to determine the extension tendencies of this construction. Before embarking on an analysis, a brief overview of some previous studies of this phenomenon is presented.

³ Each construction is usually part of a network of constructions with which it shares formal and semantic properties. As both the reflexive marker and the dative enter in a wide range of structures, there are many constructions that superficially display the same form as the SRDC, but differ from it in the type of predicates they allow and/or their basic argument structure, the role and/or semantics of the expressed argument and other structural and pragmatic properties. Though such relations are important for distinguishing the construction, this is beyond the scope of this paper and merits a separate investigation.

⁴ Explaining this phenomenon, Hilpert [2014: 17] cites Michaelis's definition of the principle of *coercion* as follows: "If a lexical item is semantically incompatible with its morphosyntactic context, the meaning of the lexical item conforms to the meaning of the structure in which it is embedded." Further on he gives examples of such adjustments at different levels arguing that "[t]hese examples indicate that speakers sometimes stretch the limits of what a constructional schema typically allows, thereby creating words that are not quite prototypical of a construction, but nonetheless licensed by it" [Hilpert 2014: 77]. Compare Goldberg [2006: 22].

⁵ Hilpert [2014: 196] uses the term 'host-class expansion' (following Himmelmann). It refers to the following process: "Over time, speakers may use a construction with a new meaning that is extended from an older one, as in the case of sentence-adverbial *hopefully*."

3. Previous studies

The stative reflexive-dative construction raises a number of complex questions from both structural and functional perspective. It has been studied within different linguistic theories and for different purposes. For instance, Rivero [2004] and Kallulli [2006] examine it as a Balkan and South Slavic feature from a formal point of view, pointing out its distinction from reflexive constructions of the type *Mi se isturi mlekoto* (M) ‘The milk spilled on me’ (meaning: I accidentally spilled the milk). They notice correctly that the latter construction expresses activity events marked as accidental, while SRDC has a modal, stative meaning. Ilić [2013] looks at the same two constructions in Serbian: *Marku se prosula kafa* ‘Mark accidentally spilled the coffee’ and *Marku se pije kafa* ‘Mark is craving coffee’, but her goal is to prove that causation and modality can arise in the same environment by providing “a principled, unified account of modality and causation in Serbian dative anticausatives using a typological, cognitive approach” [Ilić 2013: v]. This study is especially concerned with the origin and nature of the modal meaning in the stative construction.

Ivanova [Ivanova 2014; Иванова 2016: 358–367] compares what she calls ‘želatel’naja konstrukcija’ in Bulgarian (found also in other South Slavic languages) with the formally equal Russian reflexive-with-dative construction *Mne pri zakrytoj fortočke ploxo spitsja*. ‘My sleeping goes badly with the window closed’ [Ivanova 2014: 429], characteristic also of Polish and Czech. Though the two constructions considered share “the semantic component relating to the involuntary and inexplicable nature of the inclination towards the action” [Ibid.: 428], the author identifies a number of differences at all levels:⁶ crucially, the Russian construction contains a temporal component implying that the activity is currently going on, while the Bulgarian one is “related to the forthcoming action” [Ibid.: 428]; the Russian construction is subject to many formal restrictions, including the requirements on the type of predicates allowed, while the Bulgarian one is much less constrained. Nevertheless, Ivanova [2014: 430] finds points of overlap between the Russian and the Bulgarian constructions. In certain environments the Russian construction “in the discussed model can convey a desiderative meaning, along with its main meaning of the continuous action, that is, the meaning of an inclination of a human body towards the expressed action, similarly to Bulgarian *dreme mi se* ‘I am sleepy’, *plače mi se* ‘I feel like crying’.” In certain environments, as in example (5) from Ivanova [2014: 430], even other types of predicates can acquire a desiderative component. This is indicative of the possible developmental paths of the South Slavic SRDC.

⁶ The division between South and North Slavic regarding the use of the Reflexive-with-Dative dispositional construction is also discussed in Rivero [2004].

- (5) *Ženščiny ne vseгда ljubjat, kogda mužčinam ne streljaetsja, ne pišetsja, ne ljubitsja, ne stroitsja.* (V. Al'binin)
 'Women are not always approving of (the situation when) men do not feel like shooting, writing, loving, building.'

We find some broader and narrower approaches in the literature, i. e., the scope of the structures claimed to be similar to our SRDC varies depending on the authors' perspective, as do the criteria for determining specific construction properties and connections to the related constructions. Due to its dual nature there is also no general agreement how it should be treated: some authors present structures of the type of SRDC as a functional variety of the dative case [e. g., Антонић 2005; Минова-Ћуркова 1994: 192], while others treat them as a verbal morphosyntactic category, i. e., a type of reflexive constructions [e. g., ГСБКЕ 1983: 241–242, Тополињска 2008: 129].

In dative functions accounts, constructions of the type *spava mi se* (BCS) 'I feel like sleeping' are grouped with the experiencer dative uses. Sometimes, though, their relation to the similar constructions is not stated clearly, whether the authors take a global approach [Тополињска, Буžаровска 2011] or the structures are presented with a lot of granularity [Антонић 2005]. An exception is Palić [2010], who adopts a cognitive approach in his comprehensive study on Bosnian dative and presents the structure corresponding to SRDC as a member of the hierarchically organised network of constructions that contain a dative argument. Such treatment highlights the relations between the closely related constructions, as well as their specific formal and functional features that set them apart. SRDC is shown to be part of the experiencer-dative sub-category, closely related to other constructions of uncontrollable psycho-physiological processes and states. What makes it distinct from the other members of this group is the fact that the dative referent is a receiver of impulses the source of which is unknown [Palić 2010: 224], unlike those which can indicate the source of the state (e. g., *Dopada mi se ta knjiga* 'I like that book').⁷ But our SRDC is only one type of those constructions that express psycho-physiological processes and states of unidentified origin, so Palić [2010: 224] claims that they are distinguished chiefly by their semantic component of "predisposition/indisposition of the dative referent towards some activity or state".

When included within verb categories, this construction is considered a type of diathesis.⁸ In fact, the categories of case and diathesis are mutually

⁷ Palić [2010: 200, 221] calls the former 'neizdiferencirane konstrukcije' (non-differentiated constructions) and the latter 'izdiferencirane konstrukcije' (differentiated constructions).

⁸ The concept of diathesis was defined and thoroughly investigated in Russian linguistics, especially by Khrakovskii and Kholodovich [e. g., Храковский 1978, Холодович 1979,

related, as pointed out by Тополињска [1996], who defines diathesis as “the communicative hierarchy of propositional (predicate-argument) constructions in correlation with the surface form” [Ibid.: 6]. She argues that the term should be used broadly for various types of redistribution of event participants along the syntactic positions, i. e., to render different changes of the communicative hierarchy of arguments [Ibid.: 7]. Accordingly, examples such as *Pije mi se čaj* (BCS) ‘I feel like having a cup of tea’; *Spava mi se* (BCS) ‘I’m sleepy’ should be considered a way of demoting the primary human argument, which is usually the subject, to the dative position. She does not mention, though, that this demotion is usually accompanied by a semantic modification of the whole clause.

In traditional approaches, it is common to treat the SRDC basically as an impersonal construction⁹ [e. g., Гуржанов 1988; Иванова 2016], though it is admitted that there are also examples with an expressed subject, which is semantically an undergoer. Ницолова [2008: 240, 246], on the other hand, distinguishes between ‘*želatelni pasivni konstrukcii*’ and ‘*želatelni bezlični konstrukcii*’, noting their semantic closeness [Ibid.: 246]. However, as pointed out in Митковска [2011: 96], from a functional point of view such a distinction is not justified.

In some recent Bulgarian studies of the SRDC the focus shifted onto identifying its formal and functional features [Джонова 2008; Димитрова 2015; Савова 2018], with special emphasis on the constraints at all levels that regulate the use of the construction. The analysed attested examples give evidence for the widespread use of this construction in Bulgarian, but most of the features that reflect its complexity can more or less be attributed to the SRDC in the other South Slavic languages [cf. Palić 2010; Стипчевић 2015 for BCS], except for Slovenian [Uhlik, Žele 2018]. Relying on their findings as a starting point for our analysis and adopting a cognitive constructional approach this investigation tries to provide new insights into the use of SRDC by scrutinising the properties of its modal semantics. Despite their functional orientation, the mentioned authors rely partly on traditional views. For instance, Димитрова [2015: 26–27] claims that what she calls ‘optative construction’ is a result of a transformation of the complex clause with the verb *iskam* ‘want, wish’ (*Iskam da četa* ‘I want to read’) through the so called process of passivisation

Храковский 1981]. Khrakovskii [1981: 5] defines it as follows: “Each syntactic use of a lexeme is characterised with a particular correspondence of the ‘roles’ (=of the participants) of that lexeme and the arguments of the predicate wordform of the presented lexeme. For this correspondence the term diathesis has been adopted.” Geniušienė [1987] applies the principles of diathesis analysis in her typological study on reflexive constructions, adding a referential level.

⁹ This term refers to sentences without an expressed subject, the members of this class being determined on purely formal grounds. Thus it comprises quite a varied selection of structures.

signalled by the clitic *se*. The author rightfully notes that the construction is characterised by specific semantics which is not to be located in any of its components, but arises from the combination itself, which distinguishes it from all other structures that share the same form. However, the paraphrase strategy with *iskam* used to determine the scope of the construction is inappropriate for two reasons: first, different forms are always connected to difference in construal of a situation and may exhibit all kinds of semantic and discourse-pragmatic distinctions; second, it ignores the inevitable variability within each construction.

Another study that suggests some insightful solutions is CABOBA [2018], who also explains the constructions by a transformation procedure, but does not rely on a specific paraphrasing. She notes that the predicates used in SRDC (which she calls *impulsivni konstrukcii* ‘impulsive constructions’) may be of several types, ordered on a scale depending on the main participant’s control over the named activity, which also affects the type of the implied modality, called *želanie* ‘desire, craving’. On one end of the continuum are the physiological needs that arise from the actor’s body, but he/she has only a limited control over them (*hodi mi se do toaletnata* ‘I need to go to the toilet’) or they are totally uncontrollable (*kiha mi se* ‘I need to sneeze’).¹⁰ Next on the scale are the predicates denoting activities subject to minimal control (*pie mi se* ‘I’m thirsty’; *spi mi se* ‘I’m sleepy’). The other end of the scale is occupied by fully controlled activities (*hodi mi se na kino* ‘I feel like going to the cinema’), but the construction still presents a state of necessity attributed to the dative participant as independent of his/her will. The author notes that, though the source of the necessity remains obscure, the type of the inner state changes from one to the other end of the continuum in the sense that the participant gains control on its fulfilment. CABOBA [2018] also sets out to define the constraints that govern the use of the construction and comes to the conclusion that it is not easy to give a categorical answer, as the degree of acceptability of a predicate is often contingent on the context.

4. The construction

As already pointed out above, we consider SRDC an established construction in South Slavic languages with clearly defined formal and functional properties that distinguish it from other constructions with the same basic surface form. Constructions are complex units that display a cluster of features at each pole, which together make up the characteristic profile of the pattern. To analyse the SRDC we look in turn at its internal and external properties, trying

¹⁰ She includes here some verbs which express feelings, such as *gadi mi se* ‘I feel nauseated’ or *vie mi se svjat* ‘I am dizzy’, but no necessity or disposition. These are reflexive verbs that require a dative object, such as *dopada mi se tova* (B) ‘I like it’.

to identify the contribution of each component to the specific modal meaning typically associated with the construction. We will use the presentation conventions outlined in Fried [2017; 2007] and Fried, Östman [2004].

4.1 Overall features

The overall basic internal and external characteristics of the construction are summarised in Diagram 1. The internal structure comprises two elements: the reflexive construction and the dative argument. These are obligatory components.

The reflexive construction consists of a head verb which is constrained by aspect (only imperfective verbs expressing an ongoing, unbounded, atelic activity are permitted)¹¹ and the obligatory presence of an animate agent (preferably human) in its lexical-semantic frame. The reflexive clitic *se* functions here as a marker of some kind of redistribution of the typical arrangement of the arguments in the valence of the verb (more precisely, the verb agent is not expressed in subject position), but the reflexive construction itself does not receive an independent specific interpretation in this construction. Its schematic meaning is materialised only when it is paired with the dative argument. Thus the dative argument, predominantly human, is obligatory and is interpreted as an experiencer.

Stative Reflexive-Dative Construction			
<i>pragmatics</i> <i>semantics</i>	<ul style="list-style-type: none"> ▪ downtoning, softening/moderating the expression; ▪ activity event construed as a modal state, an attitude towards the expressed event; modal projection of the event named in the verb: necessity for the event's realisation; 		
<i>syntax</i>	<ul style="list-style-type: none"> ▪ perceived actor of the verb event presented as experiencer of the state; experiencer is exposed to a need/urge of inexplicable origin having no control over it; ▪ experience _{DAT}, (theme _{NOM}) 		
Reflexive Construction		Dative Argument	
<i>syntax</i>	head V transitive/intransitive	<i>phonology</i>	clitic SE
<i>semantics</i>	imperfective activity agent human>>anim	<i>syntax</i>	diathesis marker
		<i>semantics</i>	agent suppression
		<i>syntax</i>	B & M: Dat. clitic; (na+NP/ Dat. Pron)
			B/C/S: Dat. clitic/Dat.NP or Pron
		<i>semantics</i>	experiencer, no control human >>animate

Diagram 1. General properties of the Stative Reflexive-Dative Construction

¹¹ Prefixed verbs with phasal meaning are also possible, but the prefix operates on the construction, not on the verb. They code beginning or end of the modal state of necessity. For example *Mu se pripuši* (M)/*Pripušilo mu se* (BCS) means that the person has started feeling the need to smoke and *Othodi mi se* (B) means that I have stopped feeling like going. In fact, most of these prefixed verbs are not used out of the construction, there is no independent verb *pripuši* (M) / *pripušiti* (BCS) or *othodja* (B).

Thus syntactically the construction consists of a diathetically marked verb and a dative object expressing an experiencer.¹² The subject position is optionally realised, depending on the transitivity of the verb (cf. *mi se puši* (M) 'I feel like smoking'; *mi se pie kafe* (M) 'I feel like drinking coffee'), but the agent is blocked from it. Subject realisation plays no crucial role in the semantics of the overall structure. Accordingly, there is an obvious discrepancy between the syntax-semantic features of the head verb and predicate realisation in the construction: the reflexive marker on the verb has a deagentivising function, suppressing the agent (initiating argument of the verb) which results in a reduction of its valence; on the other hand, the dative constituent is not represented in the lexical-semantic frame of the verb. It does not feature in its base. This mismatch between the argument structure of the base verb and the event structure of the construction results in a specific meaning, which cannot be predicted from either of the constituent parts. Together they produce the characteristic semantic-pragmatic effects. We discuss further the relevant features that the SRDC inherits from the reflexive and from the dative markers and how they work together to give rise to its modal meaning.

4.2 The reflexive construction inheritance

All South Slavic languages considered have a range of *se*-constructions designating different degrees of suppression of the agent present in the lexical-semantic frame of the verb. This network is quite complex and fluid, hence the classifications vary a lot depending on how the authors treat the reflexive markers. In the comprehensive study on the Macedonian *se*-constructions in Митковска [2011], we claim that the diathetic marker *se* signals various degrees of departure from the canonical transitive event. It originates in the reflexive construction which represents a two-argument structure with co-referential participants (*Se vide (sebesi) vo ogledaloto* (M) 'She saw herself in the mirror'). "The separate classes of the Macedonian *se*-constructions represent different phases of the process of grammaticalisation of the reflexive pronoun: from an independent lexical item (in direct reflexive constructions) to a grammatical marker (in the reflexive passive constructions). They mark various types of diathesis, differentiated according to the semantic role of the subject referent." [Ibid.: 198] In what follows, subclasses are briefly described in the order they occupy on the grammaticalisation chain from the active to

¹² In all South Slavic languages other constructions with such a basic form are encountered, but they are never confused by the native speakers, as each of them is characterised with a particular cluster of structural, semantic and pragmatic features. For instance, the sentence *Ščupih mi se očilata* (B) 'My glasses broke' is interpreted as an accidental event, since SRDCs are incompatible with bounded events. However, ambiguity can in some rare cases occur, and then the interpretation depends on the wider context, as in the following example: *Dneska nekaj čupjat mi se činii* (B) 'Today somehow I break dishes' or 'Today somehow I feel like breaking dishes'.

the passive pole.¹³ Bulgarian and BCS *se*-constructions display very similar properties.

Subject reflexive constructions represent several different types, in which the subject referent has an active role in the event, but it is also the entity which undergoes the effects of the event. Unlike in direct reflexive constructions, these two aspects of the initial participant merge in one complex semantic role. The degree of participant differentiation varies depending on the lexical meaning of the verb and the nature of the referent, from more noticeably distinct: *se kape* (M) ‘bathe’, *se podgotvi* (M) ‘prepare’, to completely indistinguishable roles: *se svrti* (M) ‘turn round’, *se raduva* (M) ‘rejoice’.

Decausatives (other terms usually used are Anticausative or Unaccusative) express the event as occurring autonomously, the agent participant being completely absent from the profile of the construction, though it is part of the usual semantic frame of the base verb: *Vratata se otvori* (M) ‘The door opened’, *Zemlja se trese* (BCS) ‘The earth is shaking’. Decausatives profile the final phase of the designated event, abstracting the causal phase, or, as Fried [2007: 739] puts it (regarding the corresponding construction in Czech), they “recast a transitive event as a spontaneous change of state that is independent of any agent”. The participant in subject position is clearly an undergoer and typically inanimate, but it is nonetheless felt as controlling the autonomous event.

Agent defocusing (*se*-passive) constructions code the full chain of events, but demote the agent by not placing it in subject position. Though usually unexpressed it is always present in the semantics of the construction and thus can be added: *Mnogu zgradi se izgradija vo centarot na gradot od somnitelni firmi* (M) ‘Many buildings were built in the centre of the town by dubious companies.’ This construction puts emphasis on the event itself, much like the decausatives, but here the event is not presented as a spontaneous occurrence. They are similar to passive constructions and share many properties with them, so we suggest that the term *se*-passive or reflexive passive (which is sometimes used) is suitable.

In the transitional zone between decausative and reflexive passive constructions we find a range of constructions (known as **pseudo-passive or quasi-passive *se*-constructions**) in which the subject referent cannot be construed as acting spontaneously because they code activities that require human agent involvement. As a result, the predicate is reanalysed as a property. These implications combine with the imperfective aspect and result in

¹³ Reciprocal situations are also coded with a reflexive marker, but they are not part of the same cline. They involve typically two (and sometimes more) participants who are in symmetrical relation to one another and display a range of different degrees of participant distinguishability (*se mrizat megu sebe* (M) ‘they hate each other’; *se razdelija* (M) ‘they parted’).

various types of modal interpretations: potential (*Flekite od vino se čistat* (M) ‘Wine stains can be removed’), normative (*Tuk ne se puši* (B) ‘Smoking is not allowed here’) or simply generalising, bordering on *se*-passive (*U vreme posta riba se jede tokom vikenda* (BCS) ‘During fasting fish is eaten for the weekend’).

This short overview shows that *se* on the verb is associated with some non-canonical argument distribution: the agent is downgraded, while the subject (if present) is not interpreted as a causer. Since the verbs licensed by the SRDC code activities that require a human agent, the use of *se* on the verb signals that the construction cannot be interpreted in the canonical meaning of the head verb. In fact, it is related to some of the other reflexive constructions, which has often been noted in the literature. For instance, some authors consider the SRDC as a type of decausative (anticausative/unaccusative) construction [cf. Kallulli 2006; Ilić 2013], while others relate it to the *se*-passive [e. g., Димитрова 2015; Rivero 2004]. I suggest that the SRDC are neither a type of the unaccusative/anticausative, nor of the passive *se*-constructions, though they are close to both; instead they belong to the intermediate zone between the two, just like the pseudo-passive reflexive constructions (PPRC). Indeed, they share many properties:

- Both refer to generalisations over events, but not to actualised events;
- Both are typically used with verbs that require human agents;
- In both constructions head verbs of continuous activities are typically used, characterised by unboundedness, atelicity and durativity;
- Both constructions evoke some type of modal interpretation:
 - PPRC can express possibility, necessity, generality, depending on the lexical meaning of the verb and the situation with much ambiguity among the three, while
 - SRDC expresses need, urge, desire, disposition or a blend of these meanings, depending on the combination of the verb meaning with contextual and pragmatic features.

4.3 The dative case inheritance

The constituent marked by the dative case is used in a variety of contexts in Slavic languages (in fact, in many other European languages). In cognitively oriented accounts all distinct uses of a linguistic form are viewed as a network of more or less related constructions which are linked under a common schema.¹⁴ There have been a number of attempts to pinpoint the specifications of

¹⁴ We use the term ‘schema’ in the sense it is used in cognitively oriented theories. Langacker [2008: 17] explains this phenomenon in this way: “By schematization, I mean the process of extracting the commonality inherent in multiple experiences to

the dative schema in various Slavic languages. It is agreed that the prototypical role of the dative is a receiver and that its main extension is the so called 'free dative', which "includes beneficiaries of actions, possessors of objects and even interlocutors" [Janda 1993: 82]. Even though the free dative is not one of the core arguments, unlike the receiver, it codes the experiencer of the verb activity or state, which makes it again an affected entity. Another feature shared by all dative functions is a lack of control. Wierzbicka [1986: 419], regarding the use of the Polish dative, suggests that "the use of the dative implies a situation which is not controlled by a person Z, but which is likely (though not certainly) to have an effect on him". Similarly, Rudzka-Ostyn [1996: 355] claims that one of the most important functions of the dative is to mark the participant as an "unintended affective endpoint". According to Dąbrowska [1997], as well, the dative case is the grammatical exponent of the Target Person, a participant wh.o is affected by the actions and processes in his/her personal zone. This study on the Polish dative has influenced the scholarship on the dative in South Slavic [Pali 2010; Matovac, Tanacković Faletar 2010].

In view of this characterisation of the dative in Slavic it could be concluded that the dative contributes to SRDC the features of unintentionality, lack of control, and affectedness, which are incorporated in the composite meaning of the construction.

4.4 The composite meaning

The features incorporated in the reflexive verb form (agent suppression) and those in the dative constituent (unintentionality, lack of control, and affectedness) work together to form the characteristic meaning of the SRDC. It expresses an internal emotional state of the dative referent which is perceived as being caused by some inexplicable force. This is consistent with the basic meaning of the dative, which indicates that this emotional state is not controlled by the referent, who is exposed to it and cannot stop it¹⁵. As a result, an implicature arises that the referent has no responsibility for this state. On the other hand, the dative referent is the one that is supposed to carry out the activity designated in the verb. This implicature arises due to a conflicting relation between the verb semantics and its use with the reflexive marker *se*. The reflexive verb form indicates a generalised activity, without profiling an

arrive at a conception representing a higher level of abstraction." Thus a schema is an abstract sum of features that characterise a category and all members comply with it, but the members individually display specificities that elaborate the schema in different ways.

¹⁵ Similar statements have been made by other authors. For instance, Palić [2010: 198–235] maintains that this construction implies that there is no outside stimulus or force. It expresses emotional states the source of which cannot be distinguished from the experience. The dative is not, however, the initiator or instigator, the instigator remains undefined (if it exists at all). The experiencer is reduced to locus of the state.

initiator/agent while the verb designates activities that are normally carried out by people. Due to these lexical-semantic properties, the verb cannot be construed as an autonomous event (unlike causative predicates such as *skrši* (M) ‘break’). Prototypically referring to a human argument the dative is the best candidate in that environment to whom the activity can be ascribed. However, the incompatibility of the lexical meaning of the verb with the lack of control in the dative argument creates a claim of necessity which is reflected as a need, with various levels of intensity, imposed on the dative referent to carry out the activity designated in the verb.

The way a modal meaning arises in the SRDC is comparable to the attainment of modal meaning in pseudo-passives [cf. Митковска, Бужаровска 2011]. It is also caused by similar conflicting relations. Pseudo-passives, too, do not express an actual realisation of the event, but only some precondition for its realisation. As in the SRDC, the deagentivised predication is related to the only available argument (e. g., the place in *Tuk ne se puši* (B) ‘Smoking is not allowed here’ or the wine stains in *Fleki od vino se čistat* (M) ‘Wine stains can be removed’), but since it has no potential to carry it out, the predication is conceived of as its property through some modal assertion: this is such a place where one should not smoke; wine stains are not problematic as they can be removed. This interpretation is supported by the following claim by Ilić [(2013: 16)]: “I conclude that modal assertions, which make a statement about conditions for the event actualisation, arise as some kind of last resort interpretation, when no other assertion that makes a statement about the actual occurrence of the event can be made.”

It has been suggested by Davidse and Heyvaert [2007: 37] that the English pseudo-passive construction (they use the term ‘middle’) “can be interpreted as subjectification of the agentive-patientive relation between the lexical verb and the sole participant in an ergative intransitive clause.” We believe that this explanation can be applied for the corresponding structures in South Slavic languages as well. The predication is ascribed to the subject referent as its permanent attribute; if this referent is involved the speaker uses the construction to express possibility or necessity for the occurrence of an event. Moreover, the subjectification¹⁶ interpretation can also be applied to the SRDC. Since the predication is not interpreted as an activity carried out by the referent expressed in the dative, but as something to which this referent is compelled and may or may not fulfil it, this construction expresses the speaker’s assessment of the used verb agent’s internal need, urge or disposition to carry out the

¹⁶ This term is used in the sense suggested by Traugott [1995: 31]: “‘subjectification’ refers to a pragmatic-semantic process whereby ‘meanings become increasingly based in the speaker’s subjective belief state/attitude toward the proposition’, in other words, towards what the speaker is talking about.”

activity. This is a typical example of covert modal semantics [Abraham, Leiss 2012], which is concerned with the speaker's opinion or attitude towards the proposition and "the status of the proposition that describes the event" [Palmer 2001: 1]. The proposition in SRDC is definitely not factual, it provides information not about the named event, but about the referent's state in relation to the event.¹⁷ Thus we believe that the basic composite meaning of this pattern in South Slavic is the modal meaning of agent-oriented¹⁸ necessity, which cannot be ascribed to any of its constituents, i. e., neither the reflexive marker nor the dative are by themselves markers of necessity, but is implied by the pattern as a whole. Other authors have expressed similar opinions regarding the South Slavic SRDC. Shibatani [1999: 72–73] cites the Croatian sentence *Pilo mi se pivo* 'I felt like drinking beer' to show that an expression can have a meaning component that is not derivable from any word or morpheme it contains. In the same vein, Димитрова [2015: 27] states that "[t]he expression of the meaning 'desire that the denoted activity be completed' cannot individually be ascribed to any of the component elements of the optative construction."¹⁹ The same opinion regarding the source of the modal component in Serbian SRDCs is expressed by Стипчевић [2015: 178].²⁰ Thus we cannot agree with Palić [2010: 222] who attributes the modal semantics to the reflexive particle *se*: "Modality is in these constructions most often grammatically signalled by the modal particle *se*, which is not part of the verb lexeme, but is added later (during the generation of the construction)."²¹ There are *se*-constructions in all South Slavic languages, with or without a dative argument, which express no modality whatsoever.

¹⁷ "Modality is a linguistic category referring to the factual status of a proposition. A proposition is modalised if it is marked for being undetermined with respect to its factual status, i. e., is neither positively nor negatively factual" [Narrog 2012: 6].

¹⁸ According to Bybee, Perkins, Pagliuca [1994: 177], "[a]gent-oriented modality reports the existence of internal and external conditions on an agent with respect to completion of the action expressed in the main predicate." This also corresponds to what Narrog [2012: 9–10] calls 'participant internal modality (ability, physical necessity)': "a proposition is marked as necessity or ability with respect to someone's dispositions." He notes that ability expressions are far more commonly attested in languages than the necessity ones, explaining this by the fact that "the number of events that can be unambiguously understood as internal necessities are limited."

¹⁹ "Изразяването на семантиката 'желание да се извърши означеното действие' не може да се припише самостоятелно на нито един от елементите на опативната конструкция" [Димитрова 2015: 27].

²⁰ "Модалној семантици једнако доприноси и обавезни дативни номинал и обавезна речца *се*, која је овде маркер деагентивности" [Стипчевић 2015: 178].

²¹ "Modalnost је u ovakvim konstrukcijama najčešće i gramatiški obilježena prisustvom modalne čestice *se*, koja nije deo glagolske lekseme, nego je naknadno (prilikom oblikovanja konstrukcije) dodata [Ivić 1953], a usto ova čestica u konstrukcijama ove vrste ima i ulogu kvazitransitivatora" [Palić 2010: 222].

5. The continuum of control and necessity

We now turn to explaining the semantic variability displayed in SRDCs in South Slavic. The modal component of necessity is a distinguishing feature of this construction, but the mode of the modal component is viewed differently, contingent upon the type of event expressed in the predicate/base verb. It depends on the level of control a person can have over the realisation or non-realisation of the actual event, as noted by Савова [2018: 3–4] for Bulgarian. We claim that similar variability is at work in the other languages considered. Accordingly, the constructions can be placed on a continuum from most compelling physiological needs to activities that the person can freely choose to engage in, as shown in Diagram 2.

uncontrollable activities		fully controllable activities
<i>Physiological needs/impulses</i>	<i>Psycho-physiological urges</i>	<i>Psychological disposition/ craving</i>
(6) Повръща ми се. (B) 'I feel sick.'	(8) Ми се жаде. (M) 'I'm hungry.'	(10) Pleše mi se. (BCS) 'I'd like to dance.'
(7) Marku se piški. (BCS) 'Marko needs to pee.'	(9) Пуши ми се. (B) 'I feel like smoking.'	(11) Не ми се гледа филм. (M) 'I don't want to watch a film.'

Diagram 2. The continuum of modal meanings in SRDC

At the beginning of the continuum are such bodily activities for which the person does not have much choice and has to react immediately. They represent regular physiological activities performed by the body as a reaction to internal impulses, so the dative referent is objectively put in a compelling situation (examples 6 and 7). SRDCs with such verbs inform about a pressing, unconditional need for a future action which comes from some inner source that the dative referent cannot control. In that way the experiencer is void of responsibility for the physiological state. Consequently, this construction has a downtoning effect, since people are not comfortable to talk about such states. Bodily functions that are performed fully subconsciously, such as *krvavi* (M) 'bleed', *se poti* (M) 'sweat', *se ligavi* (M) 'drool', *raste* (M) 'grow', *diše* (M) 'breathe' do not normally occur in this construction, since they exclude human intervention. However, in certain contexts these verbs are acceptable, as in the following example by Савова [2018: 7]: *душа ми се чист въздух* (B) 'I crave for clean air', where the object makes the activity controllable—one can act willfully in order to be exposed to clean air.

Sometimes the expressions of certain bodily states, such as *mi se (z)gadi*, *mi se (s)maci* (M) 'I feel nauseous/sick', *mi se (s)vrti vo glavata* (M) 'I feel dizzy' (i. e., something happens in my head that makes me dizzy), are also included in

this group because they express uncontrollable events. However, they are both semantically and structurally different. Most importantly, unlike SRDCs, they are devoid of modality as they express feelings which are part of the lexical meaning of the verb, but no urge or need for future action. They are reflexive verbs that require a dative object whose role is rather patientive.²²

In the next stage, the verb semantics is associated with a physiological or psychological necessity, but the person can choose to opt out to some degree. The verbs used range from less to more controllable activities: compare the expressions in (12) with those in (13).

(12) Ми се спие/јаде. (M)	'I feel like sleeping/eating;
Пије ми се нека добра кафа. (BCS)	'I'd like some nice coffee.'
Смее/Плаче/Живее/Умира ми се. (B)	'I feel like laughing/crying/
living/dying.'
Не ми се брза. (M)	'I'm not in a hurry.'
(13) Не ми се работи/седнува/станува. (M/B)	'I don't feel like working/
seating/standing up.'
Trči/Viče/Svađa mi se. (BCS)	'I feel like running/shouting/
quarrelling.'

The clause informs of an urge the dative referent experiences, presenting it again as a kind of compulsion that comes from an inexplicable source in his/her body and out of the referent's range of control. Indefinite adverbs often reiterate such implicature (14).

- (14) На мен нешто не ми се работи днес. Не знам зашто. (B)
'I somehow don't feel like working today. I don't know why.'

As a consequence, the referent is presented as a passive experiencer, unintentionally exposed to the need for the head verb activity. Such implicatures tone down the subject's responsibility for the expressed urge and make this construction an effective pragmatic strategy. It is often used as a prompt for the interlocutor to help the experiencer satisfy the need (a request as in 15) and/or serves as an unassuming suggestion (example 16).

(15) А: Баш ми се пие кафе.	Б: Веднаш ќе направам. (M)
'I really feel like having a cup of coffee.'	'I'll make you some immediately.'
(16) А: Једе ми се.	Б: Идемо на ручак. (BCS)
'I am hungry.'	'Let's have lunch.'

²² For a similar view cf. Rivero [2004: 247– 248].

Furthermore, this construction is used to express an urge or craving for activities which are by no means physically or emotionally compelling, as the expressions in (17).

(17) Ми се чита/шета/зборува за тоа. (M)	'I feel like reading/walking/
talking about that'
Не ми се напуска родината. (B)	'I don't feel like leaving my
country'
Играе ми се тенис. (B)	'I feel like playing tennis'
Не пишу ми се поруке. (BCS)	'I don't feel like writing emails'
Не чека ми се више. (BCS)	'I don't feel like waiting'

Those are activities the need for which is subjective and people choose to do them willingly. Савова [2018: 4] correctly notes that verbs recruited in this subclass code activities that the agent consciously engages in for pleasure and satisfaction or willingly refuses to do so. This state is therefore interpreted as a desire or craving on the part of the experiencer. Nevertheless, even in such situations, by using this construction the speaker presents the desire as coming from some irresistible, inexplicable force from inside the person. Савова [2018: 4] equally claims that "in constructions of the type *hodi mi se na kino* the very need is a conscious subjective desire for experiencing pleasure that is controlled by the experiencer's will, but is presented as deagentivised and objective by means of the construction "verb + *mi se*."²³ This inference makes the semantic-pragmatic nature of the wish expressed by a SRDC quite different from an explicit expression with a verb of volition (*sakam* M, *iskam/šta* B, *hteti* BCS),²⁴ which is presented as conscious and intentional and thus could be interpreted as demanding and intrusive. The two varieties of the same proposition in examples in (18) would be appropriate in different situations.

(18) Сакам да одам на одмор во Грција.	Ми се оди на одмор во Грција. (M)
Hoću da idem na odmor u Grčku.	Ide mi se na odmor u Grčku. (BCS)
'I want to go to Greece on holiday.'	'I feel like going to Greece on holiday.'

Distancing the experiencer from the source of the necessity/desire and attributing it to an uncontrollable inner force SRDC can serve as a pragmatic means

²³ "при конструкции от типа на *ходи ми се на кино* самата потребност е осъзнато субективно желание за изпитване на удоволствие, което е контролирано от волята на експериментатора, но е представено като деагентивно и обективизирано чрез конструкцията 'глагол + *ми се*'." [Савова 2018: 4].

²⁴ The use of these verbs in SRDS is also worth discussing, but it will divert our attention from the main point of this paper. They are the only way SRDS can be used in Russian and Polish, for instance, to express less compelling necessity, but in South Slavic they are extensively used only in Bulgarian: Димитрова [2010; 2015] finds that *iska mi se/šte mi se* are the most frequent SRDC tokens in her data, while Palić [2010: 226] claims that *hoće mi se* is rare in Bosnian.

of shifting the proponent's responsibility to some outside force and thus avoiding imposition. Despite the common indeterminacy implicature, SRDC with verbs/predicates of the third subclass are clearly distinct from those in the other two groups as the referent, though presented as a passive bearer of the urge/need, still has some control over the satisfaction of the need.²⁵

This overview shows that a wide range of predicates can participate in the South Slavic SRDC, varying in the level of control the initiating participant of the base can exhibit. The continuum of predicates along which the experiencer gains control over the realisation of the named activity correlates with variation at the semantic pole of the construction. As the compelling nature of the activity eases up, the forceful necessity is modified to an urge, then to craving, desire or inclination. This conceptual continuum indicates that SRDC may have started as a means for expressing unconditional physiological needs and then spread by analogy to less compelling physiological and psychological needs but retained the initial meaning of an inner, inexplicable and uncontrollable source. This conclusion is supported by the fact that the more compelling activities are felt as more usual for SRDC and are the first to come to mind,²⁶ used also in other Slavic languages and varieties that do not accept the construction with the type of verbs at the right end of the continuum.²⁷

Another indication for such development may be the increase in subjectivity along the continuum. In works on grammaticalisation and language change such processes are known as subjectification, as defined by Elizabeth Closs Traugott. In her early works she explains the process in this way: "Over time, meanings tend to come to refer less to objective situations and more to subjective ones (including speaker point of view), less to the described situation and more to the discourse situation." [Traugott 1986: 540] The first part of this explanation refers to the semantic change of an expression from presenting the situation objectively (as is the real internal necessity with bodily impulses in SRDC) to presenting it from the speaker's perspective (as when using SRDC for implying inexplicable, forced necessity in expressions of will). The second part indicates that the newly acquired subjective implicatures may be employed in the discourse to indicate meanings that are not contained in the structure (such as suggestions or requests). This process was later termed

²⁵ "Следователно при конструкциите 'глагол + *ми се*' от тази група потребността (желанието) се представя като независима от експериентора, но удовлетворението на желаното действие не е независимо от неговата воля и възможности" [Савова 2018: 8].

²⁶ Стипчевић [2015: 180] assigns a prototypical status to the construction with verbs expressing physical and psychological needs.

²⁷ In Slavic languages where SRDC has a restricted use (e. g., Russian, Polish, Slovenian), only the first two subclasses are encountered, in many South Slavic regional dialects as well. The third phase seems to be a more recent development.

intersubjectification, to refer to “new encoding of meanings that express such types of speaker attention to addressee as consideration of face” [Traugott 2012: 558]. As discussed above, even in its basic uses SRDC serves as a pragmatically softening strategy. The inclusion of more varied predicates brings in more subjectivity in the construction meaning, thereby increasing its exploitation for discourse-pragmatic purposes. Thus it can be supposed that controllable events, giving rise to SRDCs at the higher level of subjectivity, enter the construction as a conceptual extension of SRDCs expressing less controllable events.

6. Coercion and extension—where is the construction going?

We noted in Diagram 1 that the aspect of the head verb of the SRDC is limited to activities characterised with unboundedness and atelicity [Kallulli 2006; Пенчев 2001]. Иванова [2016: 363–364] claims that “[f]or the Bulgarian construction, contrary to Russian, the feature “durative” appears to be irrelevant, as the whole structure refers to a future and not contemporaneous action. Consequently, predicates of momentary actions in imperfective are allowed: *Pribira mi se veče v k šti* (B) ‘I now feel like getting home.’” This is the case in all languages considered. Nevertheless, momentary events used in imperfective are coerced to activities, as observed by Kallulli [2006: 291]: “Specifically, I assume that imperfective morphology is an event functor that invariably shifts the event type of a predicate into a process.” Thus it is natural that such events adjust to the construction semantics.

Иванова [2016] further notes that non-durative verbs that are not permitted in SRDC usually lack control, intentionality, (e. g. *zaboravjam* ‘forget’ **He mi se забравяше повече*. (B) ‘I didn’t feel like forgetting any more’). Even though such verbs are not usually encountered in SRDC, they are used in some contexts, as in (19) and (20).

- (19) Забравя ми се за всичко и всички. (B)

‘I feel like forgetting everything and everybody.’

http://narisuvanaaa.blogspot.com/2013/06/blog-post_19.html

- (20) Zaboravlja mi se sve ružno. (BCS)

‘I want to forget all bad things.’

<https://www.scribd.com/document/342817664/stvari-koje-mi-se-rade-docx>

It seems that when momentary and stative verbs are used in this construction, they have a durative interpretation; often the context directs the interpretation to the corresponding meaning. For instance, emotions, which the person cannot control, are interpreted as emotional reactions which one can restrain to some degree. Compare the following examples.

- (21) Като ти се тъгува и реве, прави го. (B)
 ‘If you feel like being sad and crying, do it.’
<https://www.bg-mamma.com>
- (22) и ако ти се нервира оди замарај се со [...] глупи [...] професори. (M)
 ‘And if you feel like being irritated, go on and bother yourself with [...] stupid [...] professors.’ forum.kajgana.com
- (23) Kad ti se ljuti, ljuti se! (BCS)
 ‘If you feel like being angry, be angry.’
unutra-vani.blogspot.com/2017/04/tako.html

Савова [2018: 10–11] notes the importance of context in this process of re-interpretation. For instance, she finds that in the structure *Štom/Ako/Kato ti se P, P!* (B) ‘When/If you feel like P, P!’ many verbs that usually would not be expected to be felicitous in this construction, sound quite acceptable. This is confirmed by our data. It seems that the ‘encouragement to action’ discourse function of such expressions helps stative, non-intentional verbs gain in dynamicity and intentionality. Савова [2018: 16] offers a similar interpretation, i. e., that states can be accepted “in contexts that invite a semantic nuance of a mental activity and making an effort.”²⁸

It appears that reinterpretation in particular contexts enables the use of some sensations and processes in the human body that are usually considered unacceptable in SRDC. Димитрова [2015: 32–33] observes that “[v]erbs such as *boleduvam* ‘be ill’; *mržna* ‘freeze’; *treperja* ‘shiver’, which are marked with the feature [-control] and denote activities which are not realised wilfully, can occur in optative constructions.”²⁹ She gives the following examples:

- (24) Не пия лекарства, боледува ми се по-дълго, мързи ме да работя. (B)
 ‘I don’t take any medications, I feel like being sick longer, don’t feel like working.”
- (25) Вземам антибиотик, не ми се боледува дълго. (B)
 ‘I’m taking antibiotics, I don’t feel like being sick a long time.’ (don’t intend to)
- (26) Вземх такси, не ни се мрѝзнеше и не ни се трепереше повече на спирката. (B)
 ‘We took a taxi, had no intention to freeze and shiver at the bus stop any more.’

²⁸ “когато в семантиката на глагола се появи и сема за извършване на ментално действие, за полагане на усилие” [Савова 2018: 16] This is true for both affirmative and negated constructions, not just for the latter as Савова claims.

²⁹ “Глаголи като *боледувам*, *мрѝзна*, *треперя*, маркирани с признак [-контрол] и означаващи действия, които не се осъществяват по волята на човека, могат да образуват опитативни конструкции.”

- (27) И какво—губят ти се пари в казиното тази вечер? (B)
 ‘And what—you feel like losing money in the casino tonight?’

Иванова [2016: 364] offers the following explanation for such behaviour of these verbs: “The introduction of other uncontrollable processes into the Bulgarian “volitional” construction usually seems to be carried out in a preventive context, i. e., in cases where the subject of the discourse/experiencer takes some controlled action to prevent an undesired uncontrollable situation. (See examples 24 and 26 above, L.M.) [...] With a positive form, the whole situation is presented as controlled: the speaker is going to make an effort to enable the desired uncontrollable situation to take place (as in example 25 and 27 above, L.M.).”

The described phenomenon demonstrates the process of adjustment between the semantics of the new predicates that enter the construction and the semantics of the construction. As noted above, it goes in both directions: the predicate’s meaning gets coerced to fit in the construction’s requirements, but as more such predicates become customary the construction meaning may expand in a certain direction and develop new senses. It is obvious that SRDCs in examples (24–27) express no pressing urge or desire, but determination on the part of the experiencer. If the meaning of the unintentional predicate cannot be modified to resemble a controllable event, the modal meaning of necessity is directed not towards the referent’s urge to engage in the named event, but towards taking an action so that it is realised or, more often, not realised. The less frequent occurrence of such interpretations in the SRDCs, the need for more contextual clues and the lower level of acceptability by the speakers indicate that such meanings are of a more recent origin. Often the need for preventing negative effects is stronger and it is the negating contexts that take the forefront in the development of this construction in the described direction. Both Савова [2018] for Bulgarian and Стипчевић [2015] for Serbian note that the number and semantic diversity of the predicates used in negated SRDCs is higher than in the non-negated ones.

7. Concluding remarks

To sum up, the discussion in this paper shows that SRDC in the South Slavic languages considered exhibits modal semantics which cannot be attributed to any of its constituents, as neither the reflexive marker, nor the dative argument are by themselves modality exponents. It was shown that the described modal senses arise from the interplay of the properties of these parts and a cluster of specific structural and pragmatic features. It is also evident that this is a productive construction capable of accepting many different predicates. Its modal meaning is also adaptable. Depending on the context and co-text

of use, it is interpreted with various modal nuances from necessity and urge through need, craving, desire, inclination to determination. The meaning of the construal changes from more objective (genuine bodily impulses) to more subjective views on the dative participant's state. As the construction gets more subjectivised its pragmatic functions expand. Given that the analysis presented in this paper is based on introspection and observation of collected data, the conclusions about the direction of the expansion of SRDC's specific features in South Slavic languages should be considered hypotheses that can serve as the basis for future empirical research.

Bibliography

Abraham, Leiss 2012

Abraham W., Leiss E., Introduction, W. Abraham, E. Leiss, eds., *Covert Patterns of Modality*, Cambridge, 2012, 1–25.

Bybee et. al. 1994

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W., *The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world*, Chicago, 1994.

Dąbrowska 1997

Dąbrowska E., *Cognitive Semantics and the Polish Dative*, Berlin, New York, 1997.

Davidse, Heyvaert 2007

Davidse K., Heyvaert L., On the middle voice: An analysis of the English middle, *Linguistics*, 1 (45), 2007, 37–83.

Fried 2007

Fried M., Constructing grammatical meaning: Isomorphism and polysemy in Czech reflexivization, *Studies in Language*, 4 (31), 2007, 721–764.

——— 2017

Fried M., Construction grammar in the Service of Slavic Linguistics, and Vice Versa, *Journal of Slavic Linguistics*, 2 (25), 2017, 241–276.

Fried, Östman 2004

Fried M., Östman J-O., Construction Grammar: A thumbnail sketch, M. Fried, J-O. Östman, eds., *Construction Grammar in a cross-language perspective*, Amsterdam, 2004, 11–86.

Geniušienė 1987

Geniušienė E., *The typology of reflexives*, Berlin, New York, 1987.

Goldberg 1995

Goldberg A. E., *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*, Chicago, 1995.

——— 2006

Goldberg A. E., *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*, Oxford, 2006.

Hilpert 2014

Hilpert M., *Construction Grammar and its Application to English*, (= Edinburgh Textbooks on the English Language), Edinburgh, 2014.

Ilić 2013

Ilić T., *Modality and Causation in Serbian Dative Anticausatives: A Crosslinguistic Perspective* (A dissertation submitted to the graduate division of the University of Hawai'i, Manoa, 2013).

Ivanova 2014

Ivanova E., Reflexive-with-Dative construction in Russian and Bulgarian, D. Howard, T. Volodina, Y. Zhang, R. Green, eds., *ICELAIC 2014 Proceedings of the International Conference on Education, Language, Art and Intercultural Communication*, Zhengzhou, 2014, 427–431.

Janda 1993

Janda L., *A Geography of Case Semantics: The Czech Dative and the Russian Instrumental*. Berlin, 1993.

Kallulli 2006

Kallulli D., Unaccusatives with dative causers and experiencers: A unified account, D. Hole, A. Meinunger, W. Abraham, eds., *Datives and Other Cases: Between argument structure and event structure*, Amsterdam, 2006, 271–300.

Langacker 2008

Langacker R. W., *Cognitive grammar. A basic introduction*, Oxford, 2008.

Matovac, Tanacković Faletar 2010

Matovac D., Tanacković Faletar G., Semantička uloga efektora kao determinatora dativnih dopuna u neraščlanjenim jednostavnim rečenicama, M. Birtić, D. Brozović Rončević, eds., *Sintaksa padeža: Zbornik radova znanstvenog skupa s međunarodnim sudjelovanjem Drugi hrvatski sintaktički dani*, Zagreb, 2010, 163–178.

Narrog 2012

Narrog H., *Modality, subjectivity and semantic change: A crosslinguistic perspective*, Oxford, 2012.

Palić 2010

Palić I., *Dativ u bosanskome jeziku*, Sarajevo, 2010.

Palmer 2001

Palmer F. R., *Mood and modality*, 2nd ed., Cambridge, 2001.

Palmer 1998

Palmer F. R., *Mood and modality*, Cambridge, 1998.

Rivero 2004

Rivero M. L., Datives and the non-active voice. Reflexive clitics in Balkan languages, O. M. Tomić, ed., *Balkan syntax and semantics*, Amsterdam, 2004, 237–267.

Rudzka-Ostyn 1996

Rudzka-Ostyn B., The Polish dative. W. van Belle, W. van Langendonck, eds., *The Dative, 1: Descriptive Studies*, Amsterdam, 1996, 341–394.

Shibatani 1999

Shibatani M., Dative subject constructions twenty-two years later, *Studies in the Linguistic Sciences*, 29, 1999, 45–76.

Topolińska, Bužarovska 2011

Topolińska Z., Bužarovska E., The Balkan Dative revisited, *Studies in Polish Linguistics*, 6, 2011, 139–150.

Traugott 1986

Traugott E. C., From polysemy to internal semantic reconstruction. *Proceedings of the Twelfth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 12, 1986, 539–550.

——— 1995

Traugott E. C., Subjectification in grammaticalisation, S. Dieter, S. Wright, eds., *Subjectivity and Subjectification*, Cambridge, 1995, 31–54.

——— 2012

Traugott E. C., Pragmatics and language change, K. Allan, K. M. Jaszczolt, eds., *The Cambridge Handbook of Pragmatics*, Cambridge, 2012, 549–566.

Uhlik, Žele 2018

Uhlik M., Žele A., Brezosebne zgradbe v slovenščini: kontrastiva z drugimi južnoslovanskimi jeziki in ruščino, *Jezikoslovni zapiski*, 24, 2018, 99–112.

Wierzbicka 1986

Wierzbicka A., The meaning of a case: A study of the Polish dative, R. D. Brecht, J. S. Levine, eds., *Case in Slavic*, Columbus (Ohio), 1986, 386–426.

——— 1988

Wierzbicka A., *The semantics of grammar*, Amsterdam, 1988.

Антонић 2005

Антонић И., Синтакса и семантика падежа. Датив, П. Пипер, ур., *Синтакса савременога српског језика. Проста реченица*. Београд, 2005, 176–195.

ГСБКЕ 1983

Стоянов С., ред., *Граматика на съвременния български книжовен език. 2. Морфология*. София, 1983.

Гуржанов 1988

Гуржанов Г., Безличните реченици во македонскиот јазик во споредба со рускиот, *Македонистика*, 5, 1988, 3–69.

Джонова 2008

Джонова М., Аргументната структура на изреченията, съдържащи предикат с непряко допълнение експериментер от типа *сни ми се*, *Bulgaristica—Studia et Argumenta. Festschrift für Ruselina Nitsolova zum 65. Geburstag*, München, 2008, 230–239.

Димитрова 2010

Димитрова М., Българските опативни конструкции в езика и речта: някои наблюдения, *XV Державинские чтения: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики Материалы XXXIX Международной филологической конференции, 16–18 марта 2010 г., Санкт-Петербург*, 2010, 25–34.

——— 2015

Димитрова М., Опативните конструкции в съвременния български език: свобода и ограничения в образуването им, *Български език*, 3, 2015, 25–37.

Иванова 2016

Иванова Е. Ю., Безличные предложения с обязательным местоименным выражением экспериментера в болгарском языке, А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова, ред., *Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов* (= *Studia Philologica*), Москва, 2016, 332–368.

Иванова, Петрова 2017

Иванова Е. Ю., Петрова Г. М., Болгарские возвратные клитики *се* и *си*: омонимия, полисемия, синтаксис, *Вопросы языкознания*, 1, 2017, 74–104.

Минова-Ѓуркова 1994

Минова-Ѓуркова Л., *Синтакса на македонскиот стандарден јазик*, Скопје, 1994.

Митковска 2011

Митковска Л., *Македонските се-конструкции и нивните еквиваленти во англискиот јазик*, Скопје, 2011.

Митковска, Бужаровска 2011

Митковска Л., Бужаровска Е., Псевдо-пасивните рефлексивни конструкции во македонскиот јазик од типолошка перспектива, *Прилози*, 36, 1–2: *Прилози посветен на академик Зузана Тополињска*, 2011, 211–234.

Ницолова 2008

Ницолова Р., *Българска граматика. Морфология*, София, 2008.

Пенчев 2001

Пенчев Й., Едносъставни изречения, С. Коева, съст., *Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис*, Пловдив, 2001, 86–93.

Савова 2018

Савова Д., Синтактични конструкции с логически субект “глагол + ми се” в българския език, *Slavia Meridionalis*, 18, 2018, 1–21, DOI: 10.11649/sm.1652.

Стипчевић 2015

Стипчевић Б., Два типа модалних дативних конструкција с речцом *се*, *Српски језик*, 20, 2015, 173–193.

Тополињска 1996

Тополињска З., Падеж и глаголски род—две стратегије граматикализације између предиката и његових аргумената, *Јужнословенски филолог*, 52, 1996, 1–9.

——— 2008

Тополињска З., *Полски—македонски. Граматичка конфронтација*, 8: *Развиток на граматичките категории*. Скопје, 2008.

Холодович 1979

Холодович А. А., *Проблемы грамматической теории*, Москва, 1979.

Храковский 1978

Храковский В. С., ред., *Проблемы теории грамматического залога*, Ленинград, 1978.

——— 1981

Храковский В. С., ред., *Залоговые конструкции в разноструктурных языках*, Ленинград, 1981.

References

Abraham W., Leiss E., Introduction, W. Abraham, E. Leiss, eds., *Covert Patterns of Modality*, Cambridge, 2012, 1–25.

Antonić I., Sintaksa i semantika padeža. Dativ, P. Piper, ur., *Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica*. Beograd, 2005, 176–195.

Bybee J., Perkins R., Pagliuca W., *The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world*, Chicago, 1994.

Dąbrowska E., *Cognitive Semantics and the Polish Dative*, Berlin, New York, 1997.

Davidse K., Heyvaert L., On the middle voice: An analysis of the English middle, *Linguistics*, 1 (45), 2007, 37–83.

Dimitrova M., Bulgarskite optativni konstruksii v ezika i rechta: niakoi nabliudeniia, XV *Derzhavinskie chteniia: Sovremennye i istoricheskie problemy bolgaristiki i slavistiki. Materialy XXXIX Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii*, 16–18 marta 2010 g., Sankt-Peterburg, 2010, 25–34.

Dimitrova M., Optativnite konstruksii v suvremennii bulgarski ezik: svoboda i ogranicheniia v obrazuvaneto im, *Bulgarski ezik*, 3, 2015, 25–37.

Dzhonova M., Argumentnata struktura na izrecheniata, sudurzhashchi predikat s nepriako dopulnenie eksperientser ot tipa *spi mi se*, *Bulgaristica—Studia et Argumenta. Festschrift für Ruselina Nitsolova zum 65. Geburstag*, München, 2008, 230–239.

Fried M., Constructing grammatical meaning: Isomorphism and polysemy in Czech reflexivization, *Studies in Language*, 4 (31), 2007, 721–764.

Fried M., Construction grammar in the Service of Slavic Linguistics, and Vice Versa, *Journal of Slavic Linguistics*, 2 (25), 2017, 241–276.

Fried M., Östman J.-O., Construction Grammar: A thumbnail sketch, M. Fried, J.-O. Östman, eds., *Construction Grammar in a cross-language perspective*, Amsterdam, 2004, 11–86.

Geniušienė E., *The typology of reflexives*, Berlin, New York, 1987.

Goldberg A. E., *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*, Oxford, 2006.

Goldberg A. E., *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*, Chicago, 1995.

Gurzhonov G., Bezlichnye rechenitsi vo makedonskiot jazik vo sporedba so ruskiot, *Makedonistika*, 5, 1988, 3–69.

Hilpert M., *Construction Grammar and its Application to English*, (= Edinburgh Textbooks on the English Language), Edinburgh, 2014.

Ivanova E. Yu., Bezlichnye predlozheniia s obiazatel'nym mestoimennym vyrazheniem eksperientsera v bolgarskom iazyke, A. V. Zimmerling, E. A. Lyutikova, eds., *Clause Architecture in the Parametric Models: Syntax, Information Structure, Word Order*, (= Studia Philologica), Moscow, 2016, 332–368.

Ivanova E. Yu., Petrova G. M., Bulgarian reflexive clitics *se* and *si*: Homonymy, polysemy, syntax, *Voprosy jazykoznanija* 1, 2017, 74–104.

Ivanova E., Reflexive-with-Dative construction in Russian and Bulgarian, D. Howard, T. Volodina, Y. Zhang, R. Green, eds., *ICELAIC 2014: Proceedings of the International Conference on Education, Language, Art and Intercultural Communication*, Zhengzhou, 2014, 427–431.

Janda L., *A Geography of Case Semantics: The Czech Dative and the Russian Instrumental*, Berlin, 1993.

Kallulli D., Unaccusatives with dative causers and experiencers: A unified account, D. Hole, A. Meinunger, W. Abraham, eds., *Datives and Other Cases: Between argument structure and event structure*, Amsterdam, 2006, 271–300.

Kholodovich A. A., *Problemy grammaticheskoi teorii*, Moscow, 1979.

Khrakovsky V. S., ed., *Problemy teorii grammaticheskogo zaloga*, Leningrad, 1978.

Khrakovsky V. S., ed., *Zalogovye konstruksii v raznostrukturnykh iazykakh*, Leningrad, 1981.

Langacker R. W., *Cognitive grammar. A basic introduction*, Oxford, 2008.

Matovac D., Tanacković Faletar G., Semantička uloga efektora kao determinatora dativnih dopuna u neraščlanjenim jednostavnim rečenicama, M. Birtić, D. Brozović Rončević, eds., *Sintaksa padeža: Zbornik radova znanstvenog skupa s međunarodnim sudjelovanjem Drugi hrvatski sintaktički dani*, Zagreb, 2010, 163–178.

Minova-Gurkova L., *Sintaksa na makedonskiot standarden jazik*, Skopje, 1994.

Mitkovska L., Bužarovska E., Pseudo-Passive Reflexive constructions in Macedonian from a typological perspective, *Contributions*, 36, 1–2: *Prilozi posvete na akademik Zuzana Topolinska*, 2011, 211–234.

Mitkovska L., *Makedonskite se-konstruksii i nivnite ekvivalenti vo angliskiot jazik*, Skopje, 2011.

Narrog H., *Modality, subjectivity and semantic change: A crosslinguistic perspective*, Oxford, 2012.

Nicolova R., *Balgarska gramatika—Morfologia*, Sofia, 2008.

Palić I., *Dativ u bosanskome jeziku*, Sarajevo, 2010.

Palmer F. R., *Mood and modality*, 2nd ed., Cambridge, 2001.

Palmer F. R., *Mood and modality*, Cambridge, 1998.

Penchev J., Mononuclear sentences, S. Koeva, ed., *Suvremenni lingvistični teorii: Pomagalo po sintaksis*, Plovdiv, 2001, 86–93.

Rivero M. L., Datives and the non-active voice. Reflexive clitics in Balkan languages, O. M. Tomić, ed., *Balkan syntax and semantics*, Amsterdam, 2004, 237–267.

Rudzka-Ostyn B., The Polish dative. W. van Belle, W. van Langendonck, eds., *The Dative, 1: Descriptive Studies*, Amsterdam, 1996, 341–394.

Savova D., Syntactic structures with logical subject (of the type 'verb + *mu ce*') in the Bulgarian language, *Slavia Meridionalis*, 18, 2018, 1–21, DOI: 10.11649/sm.1652.

Shibatani M., Dative subject constructions twenty-two years later, *Studies in the Linguistic Sciences*, 29, 1999, 45–76.

Stipčević B., Dva tipa modalnih dativnih konstrukcija s rečom *se*, *Srpski jezik*, 20, 2015, 173–193.

Topolinska Z., Padež i glagolski rod—dve strategije gramatikalizacije između predikata i njegovih argumenata, *Južnoslovenski filolog*, 52, 1996, 1–9.

Topolinska Z., *Polski—makedonski. Gramatička konfrontacija. 8: Razvitok na gramatičkite kategorii*, Skopje, 2008.

Topolińska Z., Bužarovska E., The Balkan Dative revisited, *Studies in Polish Linguistics*, 6, 2011, 139–150.

Traugott E. C., From polysemy to internal semantic reconstruction. *Proceedings of the Twelfth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 12, 1986, 539–550.

Traugott E. C., Pragmatics and language change, K. Allan, K. M. Jaszczolt, eds., *The Cambridge Handbook of Pragmatics*, Cambridge, 2012, 549–566.

Traugott E. C., Subjectification in grammaticalisation, S. Dieter, S. Wright, eds., *Subjectivity and Subjectivication*, Cambridge, 1995, 31–54.

Uhlik M., Žele A., Brezosebne zgradbe v slovenščini: kontrastiva z drugimi južnoslovenskimi jeziki in ruščino, *Jezikoslovni zapiski*, 24, 2018, 99–112.

Wierzbicka A., The meaning of a case: A study of the Polish dative, R. D. Brecht, J. S. Levine, eds., *Case in Slavic*, Columbus (Ohio), 1986, 386–426.

Wierzbicka A., *The semantics of grammar*, Amsterdam, 1988.

Лилјана Митковска, доктор,

редовен професор

ФОН Универзитет

ул. Киро Глигоров бр. 5, 1000 Скопје

Република Северна Македонија / Republic of North Macedonia

liljana.mitkovska@fon.edu.mk

Received August 19, 2019

Византийское
послание
о поставлении
епископов и его
судьба на Руси
в XIII–XIV веках*

A Byzantine Epistle
on Bishop
Ordination and its
Text History in
Russia in the 13th–
14th Centuries

Мария Владимировна
Корогодина

Библиотека Российской академии наук
С.-Петербург, Россия

Maria V. Korogodina

Russian Academy of Sciences Library
St. Petersburg, Russia

Резюме

Восточнославянские списки Кормчей книги сохранили два фрагмента, представленные в виде толкований на постановление о четвертом браке императора Льва VI и на 71-е правило Карфагенского собора и посвященные одной тематике: рукоположению епископов и их перемещениям с одной кафедры на другую. Исследование текстов позволяет предположить, что фрагменты происходят из одного сочинения и были переведены с греческого языка.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-512-18006 Болг_а по теме «Миграция текстов в культурном пространстве Slavia Orthodoxa». Большое значение для меня имели помощь и советы К. В. Вершинина, С. А. Иванова, В. Б. Крысько и С. Ю. Темчина; на заключительном этапе подготовки исследования неоценимую помощь мне оказал Д. Г. Полонский. Всем им я приношу искреннюю благодарность.

Цитирование: Корогодина М. В. Византийское послание о поставлении епископов и его судьба на Руси в XIII–XIV веках // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 288–349.

Citation: Korogodina M. V. (2019) A Byzantine Epistle on Bishop Ordination and its Text History in Russia in the 13th–14th Centuries. *Slověne*, Vol. 8, № 2, p. 288–349.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.11

Рукописная традиция и особенности текста свидетельствуют о болгарском происхождении перевода. Сохранившийся в Кормчей книге текст, возможно, в своей основе имеет дополненное славянским книжником постановление Константинопольского собора первой половины XIII в., недошедшее в оригинале.

Сочинение попало в Киевскую митрополию вместе с Кормчей книгой в 1262 г. В конце XIII — начале XIV века оно постоянно привлекало внимание и подвергалось редактированию. Его переработки вошли в состав Мерила праведного и Власфимии. Вмешательство русских книжников приводило к различному толкованию текста: составитель Мерила праведного превратил текст в поучение об обязанностях епископов; создатель Власфимии ограничил права епископов, убрав разрешение переходить с одной кафедры на другую.

В приложениях публикуются исследуемые тексты по трем наиболее ранним каноническим компиляциям: Кормчей книге, Мерилу праведному и Власфимии.

Ключевые слова

Киевская митрополия, Кормчая книга, рукоположение епископа, Константинопольский патриархат, переводы с греческого на славянский

Abstract

The East Slavic copies of Nomocanon contain two unidentified fragments presented as commentaries on the Council of Constantinople's decree regarding the fourth marriage of Emperor Leo VI the Wise and on Canon 71 of the Council of Carthage. Both fragments address ordination of bishops and their translation between sees. The research suggests that the fragments come from the same source and were translated from Greek. The manuscript tradition and some features of the text indicate a Bulgarian origin of the translation. Probably the source was a non-extant decree by the Council of Constantinople from the first half of the 13th century expanded by a Slavonic scribe.

This work came to the Kiev Metropolis together with Nomocanon in 1262 and attracted constant attention and editing at the end of the 13th and in the 14th centuries. Its variants were included into two church legal miscellanea: Merilo Pravednoye and Blasphemia. Additions by Russian scribes gave different interpretations to the text. Thus, the editor of Merilo Pravednoye turned it into a sermon on bishops' duties, whereas the author of Blasphemia limited the authority of bishops by excluding a permission to move to another see.

The Supplements include the texts in question as found in the three earliest church legal compilations: Nomocanon, Merilo Pravednoye and Blasphemia.

Keywords

Kiev Metropolis, Nomocanon, bishop's ordination, Patriarchate of Constantinople, Slavonic translations from Greek

Одним из наиболее спорных вопросов, волнующих исследователей истории русской Церкви, является сфера практической применимости памятников канонического права [Тихомиров 1961a: 18; Щапов 1978: 249–250; Живов 2002: 227; Долгов 2013; Корогодина 2017, 1: 535–537; Вершинин 2019: 234–261]. Попытки решить его на основе русских материалов (вернее, их отсутствия): на основе судебных дел, опирающихся на каноническое право, или на основе языка, как нам представляется, не являются достаточными. Несомненно, следует учитывать также и то, насколько тот или иной вопрос, затрагиваемый в канонических правилах, волновал самих современников; насколько часто книжники: составители новых сборников по церковному праву, авторы поучений — обращались к тому или иному тексту, редактировали его, вносили в него изменения и поправки. Если с этой точки зрения взглянуть на тексты по церковному и гражданскому праву, в наибольшей полноте сохранявшиеся в Кормчих книгах, то можно обнаружить, что внимание к различным текстам распределялось далеко не равномерно. Некоторые тексты, в том числе большинство правил Вселенских и поместных соборов, оставались по сути неизменными, если не считать книжной правки, связанной с редакторской проверкой. В ходе проверки могли привлекаться иные редакции или переводы правил, что влекло за собой смысловые изменения, вносившиеся редакторами, но отнюдь не означало нового осмысления данного сюжета или особого внимания к нему. Напротив, ряд других текстов неизменно привлекал внимание книжников, что побуждало их дополнять эти сочинения новыми выписками, переосмысливать имеющийся текст, исключать некоторые фрагменты, приспособливать для новых компиляций по церковному праву. Это свидетельствует об актуальности данного вопроса и стремлении решить его на основе тех текстов, которые входили в состав канонических сборников.

1. Реконструкция сочинения о поставлении епископов

Одним из текстов, многократно подвергавшихся редактированию, является послание о поставлении и обязанностях епископов. Фрагмент сочинения, автор которого остается неизвестным, был присоединен к постановлению о четвертом браке имп. Льва VI, известному как «Томос единения». Это постановление, изданное в 920 г., вошло в Сербскую редакцию Кормчей книги — компендиум, составленный в Сербии на рубеже XII–XIII вв. Как известно, список Сербской редакции Кормчей книги, включавший «Томос единения», был переписан в 1262 г. по просьбе митр. Киевского Кирилла и прислан ему видинским деспотом Иаковом Святославом. Большинство текстов Сербской редакции было включено митр. Кириллом в новую каноническую компиляцию,

формировавшуюся в последней трети XIII в. Наряду с другими текстами, из Сербской редакции был выписан и «Томос единения»; при этом в его составе оказалась вставка из послания о поставлении епископов.

Вставка привлекала внимание исследователей с XIX в. Впервые выдержки из нее были опубликованы в первой половине XIX в. в Новом Саде [Јовановић 1841, 1: 89–93], однако научное изучение текста началось немного позже. К. А. Неволин предполагал, что текст найдется в одном из греческих списков *Τόμος ἐνώσεως*; А. С. Павлов считал вставку древнерусским сочинением [Неволин 1859: 424, прим. 66; Павлов 1897: 173–174]. В. Н. Бенешевич, опубликовавший вставной текст, указал, что дополнение присутствует только в восточнославянских списках Кормчей Сербской редакции: то есть в рукописях, восходящих к присланному из Бдина кодексу [РИБ, 6, 1908. Дополнение: 407–408]. Публикация ученого осталась неизвестна С. В. Троицкому, который полагал, что дополнение сделано при подготовке Печатной Кормчей 1653 г. [Троицки 1952: 91]. Дореволюционные исследования, по всей видимости, остались неизвестными А. И. Клибанову и Б. А. Рыбакову, считавшим вставку русским «памфлетом против церковной иерархии» [Клибанов 1960: 20–21; Рыбаков 1993: 163–164]. Несколько кратких замечаний о вставке высказал Я. Н. Щапов, который подтвердил ее отсутствие в южнославянских списках и предположил, что она находилась в рукописи, привезенной на Русь из Бдина [Щапов 1978: 151]. В дальнейшем к судьбе «Томоса единения» со вставным текстом обратился К. В. Вершинин, показавший значительные изменения, которые претерпел текст в составе Мерила праведного [Вершинин 2019: 157–161].

Наши наблюдения подтверждают, что ни в одном южнославянском списке в «Томосе единения» нет вставного текста. Таким образом, вставка является отличительной чертой восточнославянских обработок Номоканона XIV титулов: она присутствует во всех восточнославянских списках Сербской редакции и в Первоначальной русской редакции Кормчей, созданной при митр. Кирилле и включившей выписки из Сербской редакции; впоследствии она вошла во все русские редакции Кормчей XIV–XVII в. Присланный деспотом Иаковом Святославом кодекс не сохранился, однако болгарская рукопись была скопирована в 1284 г. по просьбе Рязанского еп. Иосифа¹. Это наиболее ранний список, содержащий вставку о поставлении епископов. По Рязанской Кормчей сочинение было опубликовано В. Н. Бенешевичем, который датировал его временем до 1284 г., опираясь на датировку рязанского списка, и полагал, что это фрагмент неизвестной императорской новеллы [РИБ, 6, 1908.

¹ *Fn. III.1.* Я. Н. Щапов полагал, что Рязанская Кормчая была переписана непосредственно с болгарского оригинала [Щапов 1978: 139–146].

Дополнение: 407–418]. Так же текст характеризовался Я. Н. Шаповым [1978: 151].

Вставка в «Томос единения» — не единственное дополнение, появляющееся в рязанской рукописи и повторяющееся затем в восточнославянских списках Кормчей книги. Еще одну вставку, также посвященную обязанностям епископов, мы встречаем в толковании на 71-е правило Карфагенского собора². На эту вставку обратили внимание А. И. Плигузов и Л. В. Мошкова, не знавшие о том, что она имеется уже в Рязанской Кормчей 1284 года; хотя исследователи по-разному датировали памятник, они не связали его с формированием восточнославянской ветви Сербской редакции Кормчей, а считали самостоятельным древнерусским или южнорусским сочинением [Плигузов 2002: 147; Мошкова 2005]. Подобно вставке в «Томос единения», данный фрагмент отсутствует в южнославянских списках Кормчей книги, сохраняясь только в восточнославянских списках Сербской редакции Кормчей и в поздних компиляциях XVI–XVII вв., созданных с привлечением Сербской редакции Кормчей книги. При подготовке новой канонической книги на Руси в последней трети XIII в. из-за сбивки в нумерации постановлений Карфагенского собора правило получило номер 70, а толкование было исключено, случайно или намеренно [Син132, л. 163а–163б]. Вставка в постановления Карфагенского собора была известна только по восточнославянским спискам Сербской редакции Кормчей вплоть до XVI в., когда к ней обратился Вассиан Патрикеев [Плигузов 2002: 147]. Именно этим, вероятно, объясняется недостаток внимания к ней на протяжении XIII–XV вв.

Сопоставление схолий к «Томосу единения» и к толкованию на *Карф. 71* доказывает единство их происхождения. В обоих фрагментах есть одинаковые рассуждения о поставлении епископов; тождественные формулировки и общая последовательность суждений не оставляют сомнений в том, что они принадлежат одному автору:

Вставка в «Томос единения»: <i>Ф.п.П.1, л. 350г–351а</i>	Вставка в толкование <i>Карф. 71</i> : <i>Ф.п.П.1, л. 123в</i>
таковѣхъ възводити на престолѣ въдовѣствующую цркви повелѣваемъ [...] и по всемъ томъ страдании · цѣло исповѣдание твоѣ вѣдѣть схранѣше · [...] таковѣхъ на бошини и лѣчшини степень възводити повелѣваемъ · бѣгодарениа же и чѣсти подати имъ многы · да и прочии окрѣтъ сущии	таковѣхъ оубо повелеваемъ · на престолѣ въдовѣствующаа цркви въвести · по дарѣ же чѣтью веложити и яко да и прочии оубо окрѣтъ соущии [...] цѣло исповѣ[да]нїе свое сънабѣдѣть [...] ѿ престола нхъ на нѣ лѣчшини възвести · [...] наоучѣшаа имъ подати чѣть

² На связь двух фрагментов обратила внимание Е. В. Белякова [2016: 88].

В обоих текстах мы находим личное обращение автора к своему адресату, на которое, по отношению к вставке в «Томос единения», обратил внимание еще В. Н. Бенешевич [РИБ, 6, 1908: 407]:

Вставка в «Томос единения»: вижѣ оубо (349а), видиши ли (351в)³.

Вставка в толкование *Карф. 71*: рци ми оубо тѣ. їже црѣвь бїю тѣиши вѣсхитити (122б), волю вашу гавїмь (122б), тѣ кока ради винѣ впоуцаеши женоу свою (122в), достоянїа стѣпа црѣвї іако пленнїцю вставїши (122в), повѣжъ оубо ми (122в), ни не боуди то шканѣи и сребролюбнѣ члѣче (122в).

Это позволяет предположить, что обе вставки являются фрагментами одного послания о поставлении епископов, несмотря на то, что их сейчас невозможно соединить в единый текст. Их местонахождение в Кормчей не является случайностью; они были сознательно и одновременно добавлены в качестве схолий именно к этим текстам. Об этом свидетельствует отсылка из вставки в «Томосе единения» к вставке в толкование *Карф. 71*: іакоже и карфагенскаго свора правило ·ѡ· повелѣваетъ. Очевидно, отсылка была сделана редактором Кормчей, а не принадлежит оригинальному тексту.

Первый же вопрос, который встает в связи с исследуемым текстом, связан с переводным или оригинальным характером сочинения, сохранившегося только в древнерусской традиции. Оба фрагмента изложены книжным языком, в котором отсутствуют лексические грецизмы; однако можно полагать, что послание происходит не из славянской языковой среды. В. Н. Бенешевич полагал, что текст является южнославянским переводом с греческого, опираясь на оборот *сѣтъ иже*, который, по мнению исследователя, является калькой ἔσθ' ὅτε или ἔστιν οἷ [РИБ, 6, 1908: 415].

Другим свидетельством переводного характера вставки В. Н. Бенешевич считал фразу: да не нѣкако расколѣи · и раздираниа вудѣтъ · вѣ стѣи сворнѣи црѣви · еже и вѣ послѣжъ о на самѣхъ сїиикѣ (349а). Ученый предположил, что предлог *о* возник вместо *от* из-за неправильного прочтения *περί* вм. *παρά* [РИБ, 6, 1908: 409–410]. Однако другие списки дают чтение *от*, так что это место трудно считать ошибкой переводчика⁴. Без сомнения, как с предлогом *о*, так и с предлогом *от* во фразе *о на самѣхъ сїиикѣ* с трудом улавливается смысл. Впрочем, этому чтению можно предложить иное объяснение, чем высказанное В. Н. Бенешевичем: возможно, оно является калькой с греческой фразы *περὶ ἡμῶς αὐτοὺς ἰερέας*, что должно было бы переводиться ‘как и сбылось потом

³ Далее в статье и в приложениях, если не оговорено специально, в круглых скобках приведены листы по рукописи *Ф.л.П.1*.

⁴ Перечень восточнославянских списков Сербской редакции Кормчей книги, включающих «Томос единения» со вставкой, см.: [Шапов 1978: 264–270, Корогодина 2017, 2: 31–54].

относительно нас, священников'. Иными словами, фраза действительно является не вполне удачным переводом, но не из-за неверного прочтения *περί* вм. *παρά*, а из-за неправильного восприятия предлога *ο*.

К этим наблюдениям можно добавить еще некоторые. Так, в пользу греческого происхождения текста говорит также искусная замена, которую произвел автор текста, цитируя библейский текст. В стихе из книги пророка Исаии «*καταλείψετε γὰρ τὸ ὄνομα ὑμῶν*» (Ис 65:15; 'оставите имя ваше') автор послания заменил слово *ὄνομα* графически похожим словом *νόμος*, что позволило ему сохранить узнаваемость цитаты, придав ей совершенно иной смысл: **ОСТАВИТЕ ЗАКОНЪ МОН · И ИСПОЛНИТЕ ВОЛЮ ВАШЮ** (351б).

Рассуждая о епископах, автор апеллирует к примеру Персии, Палестины и Египта, что было бы странно для славянского автора, но уместно для жителя Византийской империи. Репертуар текстов, привлекаемых автором, свидетельствует о его начитанности: он обращается к таким дидактическим сочинениям как толкования на псалмы Кирилла Александрийского⁵, послание Исидора Пелусиота к еп. Евсевию⁶. Небольшие парафразы из этих святоотеческих сочинений представляют собой скрытые отсылки к текстам, хорошо знакомым греческим читателям, но неизвестным в XIII в. в славянском переводе. Во втором фрагменте находится также цитата из Паренесиса Ефрема Сирина, но о ней речь пойдет ниже.

Текст изобилует выписками из библейских книг как из Нового Завета, так и из Ветхого. Особенно большие выписки были сделаны из Ветхого завета: из 26-й главы Левит и из 65-й главы Исаии. Их границы почти совпадали с чтениями паремий, так что выписка из пророка Исаии представала как часть паремии в четверг 6-й недели Великого поста; а выписка из книги Левит — как паремья на Новолетие. Однако это сходство было обманчивым: выписки из 26-й главы Левит включали стихи 25, 29, 31 (351в), которые отсутствовали в составе паремий [Prophetologium, 2, 1: 8–10; Ibid. 2, 2: 204–205]⁷. Они входили в симеоновский перевод четьего текста Восьмикнижия, но в исследуемом тексте представлены в независимом переводе:

Библейские книги: ТСЛ44, л. 112об.–113	Вставка в «Томос единения»: Ф.л.П.1, л. 351в
НАВЕДОУ НА ВЫ МЕЧЬ · МЪСТАН СОУДА ЗАВѢТНАГО · ВЪВѢГНЕТЕ ВЪ ГРАДЪ ВАША · И НАПОУЧОУ НА ВЫ СМРТЬ (Лев 26:25)	НАВЕДУ НА ВЪИ МЕЧЬ · ѠМЕЩАЮЩЕ СЪДИ МОА · ВЪВѢГНЕТЕ ВЪ ГРАДЪ ВАША · И ПОСЛАЮ ГЛАДЬ · И СМЕРТЬ НА ВЪИ

⁵ *ωσωνανιємъ тѣвердымъ стѣю црквъ ѡградиша* (л. 348г). Ср.: Кирилл Александрийский, толкование на 50-й псалом [PG 69: 1101].

⁶ *не словесы тѣчю · а дѣлы неподобныи обложену* (349в). Ср.: послание Исидора Пелусиота к Евсевию епископу о священстве, Ер. 30 [PG 78: 201].

⁷ Сердечно благодарю С. Ю. Темчина за помощь в знакомстве с этим изданием.

Эти стихи и обращение к сочинениям Кирилла Александрийского и Исидора Пелусиота указывают на то, что текст создавался не на славянском языке. В сочетании с приведенными выше чтениями они указывают на то, что оригинал был написан по-гречески.

Составитель послания о поставлении епископов не делал дословные выписки, а существенно вторгнулся в библейский текст, отказываясь от одних стихов и сокращая другие. Для автора послания характерны замены и обобщения, например:

Наконец, составитель обильно дополнял используемый источник. Ниже подчеркиванием выделены добавления автора послания к библейскому тексту:

2019 N₀2 Slovĕne

Легкость, с которой автор ориентируется в канонических и библейских текстах; характерная для него манера не цитировать дословно, а пересказывать и обобщать как церковные правила, так и библейские тексты заставляют видеть в нем начитанного книжника, привычного к писанию. Мы должны отказаться от мысли, что перед нами императорская новелла, как полагал В. Н. Бенешевич, поскольку для новелл не характерно столь обильное обращение к библейским текстам, заимствования из которых составляют четверть всего сочинения во вставке в «Томос единения». Кроме того, в тексте отсутствует обычная для императорских постановлений клаузула «заповедаем». Иносказательный характер текста, отсутствие формуляра и четких постановлений не позволяют видеть в нем законодательный акт. Перед нами послание о поставлении епископов, адресованное некоему архиерею. Об этом говорят приведенные выше цитаты: прямое обращение, многократно встречающееся в тексте, и наименование адресата епископом. Упоминание «нашего царства» и «престола святительства», озабоченность автора «соединением всех церквей» и «расколами и раздираниями» в церкви (350б, 351а) заставляют видеть в сочинении патриаршее или синодальное послание. Оно не является личным обращением одного архиерея к другому, но излагает принятое на соборе решение. Об этом свидетельствуют слова, сохранившиеся во фрагменте, прибавленном к толкованию *Карф. 71*: *сиѣѡ оубо и сии стѣи съборъ [...] запрещениѣ положиша* (123г).

Таким образом, мы приходим к заключению, что сочинение, которое фрагментарно сохранилось в виде вставок в «Томос единения» и в толкование к правилу *Карф. 71*, не является творением славянского книжника, но переведено с греческого языка и является посланием к одному из епископов от Константинопольского патриарха и синода.

Несмотря на некоторую разницу в акцентах, свойственных двум фрагментам, оба они говорят о поставлении епископов. Правило *Карф. 71* запрещало епископам оставлять своих жен ради церковной карьеры; однако если в глубокой древности епископы могли поставляться из женатого священства, то к XIII столетию эта традиция была в далеком прошлом, и правило, фактически, потеряло значение. Добавленный к толкованию фрагмент послания имеет вид схолии, которая, осуждая расставание супругов ради «благоверия», в конечном счете представляет епископское служение как брак иерарха с церковью, приравнивая связь епископа с той кафедрой, на которую он поставлен, к брачным узам: *дѣякона и прозвѡутѣра поучѣюща женоу свою большаго ради сана таковѣна изъѡповѣства изъврѣши повеле · да смѣрьшесѣ ѿ большаго встанѡутсѣ · сиѣѡ оубо еѣпи сѣѡдѣиѣ на прѣстолаѣ своѣмъ и вставляюще и*

на инѣ въстоу[па]ють [...] изъврѣщи ꙗ повелѣша изъ еѣства (123а). При этом смена кафедры расценивается как разрушение брака. Подобные взгляды на епископское служение, предполагавшие запрет на смену кафедры, в том числе на поставление патриарха из епископов, подробно описаны Б. А. Успенским [1998: 68–73, 351]. Вставка в толкование к правилу *Карф. 71*, подобно тем церковным правилам, на которые ссылается ее автор, связывает смену епископом кафедры со стремлением к покою или наживе, равно как оставление архиереем епархии — с ее бедностью или «обидами», творимыми жителями епархии. Однако эта вставка имеет существенное отличие от иных подобных текстов. Схолия особо выделяет твердых в вере епископов, готовых терпеть наносимые им обиды, и предлагает возводить их на «лучший и больший престол», нежели тот, на котором они пребывали до сих пор, чтобы своим примером и полученной наградой они бы и в других воспитывали ту же стойкость духа.

Эта позиция вступает в прямое противоречие с представлением о нерушимой связи епископа с той кафедрой, на которую он был поставлен; однако совершенно те же рассуждения мы находим и во вставке в «Томос единения». Именно эти важнейшие суждения сопровождаются отсылкой к вставке в толкование правила *Карф. 71*. При этом переход епископа на «большую и лучшую степень» расценивался как знак «благодарения и чести», а не как разрушение союза епископа с церковью, и это имело принципиальное значение. Б. А. Успенский отметил, что в XIII веке чаще, чем в более раннее время, случались перемещения епископов с кафедры на кафедру как в Константинопольском патриархате, так и в Киевской митрополии [Успенский 1998: 352]. При этом тексты о перемещениях епископов появились в греческой традиции задолго до XIII в. и со временем дополнялись и редактировались, как это видно из исследования Ж. Даррузеса, посвященного трактату *Περὶ μεταθέσεως* [Darrouzès 1984]. Этот трактат, по сути, представляет собой не обоснование допустимости или недозволённости перемещений, а перечень архиереев, которые переходили с кафедры на кафедру. Однако были и иные сочинения, в которых излагались доводы за и против перемещений, и со временем эти доводы значительно менялись [Успенский 1998: 347–366]. Вероятно, не в последнюю очередь это было связано с трудностями, которые переживала Византийская империя и Константинопольская Церковь после взятия Константинополя крестоносцами и перемещения императорского двора и церковных иерархов в Никею. Результатом стало изменение границ ряда епархий, переходы церковных иерархов под иную юрисдикцию и стремление к созданию автокефальных церквей, что в разное время проявилось в диоцезах Керкиры, Мелитена, Эпира и особенно в Охридской архиепископии.

Именно на протяжении XIII столетия в Константинопольской патриархии происходит изменение отношения к перемещениям епископов: от осторожного, предполагающего запрет, который допускается нарушать в особых случаях, до убежденности, что перемещения являются полностью законным актом. Такие изменения мы наблюдаем со времени патр. Германа II. В его патриаршество, в 1220–1230-х гг., вопросы о перемещениях были наиболее актуальны. Так, в 1224–1226 гг. еп. Мелитенский Мануил вступил в долгий конфликт с верующими и клиром своей епископии. Конфликт длился более трех лет, епископ настаивал на переводе его в более спокойную и богатую епархию, но решение о перемещении на иную (вакантную) кафедру было принято далеко не сразу. Несмотря на соборное осуждение еп. Мануила и даже временное запрещение его в служении, было решено, что для сохранения мира в Церкви необходимо перевести его на другую кафедру; в соответствии с этим синодом был подготовлен трактат о перемещениях епископов, позволявший в некоторых случаях переход с одной кафедры на другую [Laurent 1971: № 1235, 1240–1242].

Еще одно постановление, касающееся возведения епископа на кафедру, занятую другим архиереем, было принято патр. Германом II и синодом в 1235 г. в связи с обращением к Константинопольскому собору еп. Арта Иоанна после смерти митр. Эпирского Иоанна Апокавка и переходом Эпирской церкви под управление Константинопольским патриархатом [Laurent 1971: № 1283]. В этом соборном постановлении говорилось о запрете епископу, оставив свою епархию, 'насакивать' на другую (ἐπέρα ἐπιπῆδῃν) [PG, 119: 797–802]. Таким образом, несмотря на настороженное и в целом отрицательное отношение к перемещениям епископов, при патр. Германе II решения о подобных переводах принимались исходя из соображений блага для Церкви (икономии).

Иное отношение к перемещениям епископов сложилось к середине XIII в., когда последовало несколько патриаршеских поставлений из епископов: патр. Мануила II из митрополита Эфесского (1243 г.), патр. Никифора II из митрополита Эфесского (1260 г.) и патр. Германа III из митрополита Адрианополя (1265 г.). Последние два архиерея взошли на патриаршую кафедру в результате продолжительного конфликта с патр. Арсением Авторианом, который оставался неразрешенным до начала XIV в.; уже это делало их поставление сомнительным в глазах сторонников сведенного с кафедры патриарха. Тогда же, в 1250 г., при патриархе Мануиле II перед Константинопольским собором предстал приехавший из Эпирского деспотата еп. Эзера Иоанн с просьбой дать письменные разъяснения по вопросу: может ли митрополит единолично перевести епископа в своей епархии с одной кафедры на

другую? Патр. Мануил II и синод дали целиком утвердительный ответ, без тени сомнений: такие перемещения целиком во власти митрополита, и он может совершать их без препятствий по своему усмотрению [Laurent 1971: № 1316]. Синодальное решение было оформлено как послание о поставлении епископов [PG, 119: 811–816], а сам еп. Иоанн был переведен из епископии Эзера на Навпактскую митрополию [Darroutzès 1984: 185, №. 65].

Таким образом, за четверть столетия Константинопольский патриархат полностью утвердился в законности перемещений. Колебания в вопросе перемещений, двойственное отношение к нему: осуждение смены кафедры, уподобляющееся разрушению брака, и разрешение перевода на лучшую кафедру в качестве поощрения за стойкость в верности церкви — все это свойственно времени патриаршества Германа II. Именно к его времени мы можем отнести создание послания, фрагментарно сохранившегося в славянском переводе. Возможно, оно явилось плодом синодального рассмотрения дела еп. Мелитенского Мануила и было оформлено как послание к епископу. Об этом говорит прямое обращение к епископу с порицанием за желание перейти на иную кафедру, высказанное от лица патриарха и собора в царствующем граде. Сохранились упоминания о недошедших до нас патриаршеских и соборных посланиях, связанных с делом еп. Мануила, в которых епископ подвергался суровому осуждению: патриаршее послание к верующим Мелитена, 1224–1225 гг. [Laurent 1971: № 1235]; патриаршее постановление еп. Мануилу, 1226 г. [Ibid.: № 1241]. Возможно, Кормчая книга содержит фрагменты одного из посланий еп. Мелитенскому Мануилу.

По большей части греческие сочинения о перемещениях епископов апеллируют к уже известным историческим казусам, в то время как в тексте, сохранившемся в славянском переводе, не названо ни одного примера перемещений, так что он носит целиком теоретический характер. Как показало исследование Ж. Даррузеса, схолии о перемещении епископов порой сопровождали Номоканон в XIV титулах [Darroutzès 1984: 166]. Это наглядно показывает тесную связь между Номоканоном и сочинениями о перемещениях епископов. Кроме того, по крайней мере в одной византийской рукописи соседствуют «Томос единения» и трактат о перемещениях — *D.gr.156*, f. 135–138. Еп. Кесарийский Арефа, долгое время возражавший против законности четвертого брака имп. Льва VI и проводивший параллели между браком и возведением епископа на кафедру, был первым, в чьих сочинениях намечена параллель между «Томосом единения» и епископским «обручением» с епархией [Darroutzès 1984: 165]. Это показывает, что соединение сочинения о перемещениях епископов с «Томосом единения» отнюдь не является случайностью. С

легкой руки еп. Арефы Кесарийского связь двух, казалось бы, тематически разных постановлений прочно вошла в представления византийских авторов. Репертуар правил, с помощью которых в послании о перемещениях епископов обосновывается запрет переходить с одной кафедры на другую (*Ф.л.П.1*, л. 123а, 123в), во многом повторяет набор правил, использованных еп. Арефой Кесарийским в одном из его сочинений о перемещениях: *ап. 14, 1 всел. 15, Антиох. 21, Сирд. 1 и 2* [Westerink 1968, 1: № 27]. Возможно, трактаты еп. Арефы Кесарийского стали одним из источников рассуждений византийского автора XIII в.

По этой причине нам следует отказаться от мысли, будто фрагмент послания о епископах был случайно переписан в составе «Томоса единения». Соединение двух сочинений отражает византийскую рукописную традицию, при которой трактаты и постановления о перемещениях епископов соседствовали с Номоканонem XIV титулов и «Томосом единения».

2. Славянский перевод послания о поставлении епископов: история возникновения

Другим вопросом является место создания перевода сочинения о перемещениях епископов и включения его в канонический сборник XIV титулов: был ли он подготовлен в Сербии (где создавалась данная редакция Кормчей книги), в болгарском Видинском деспотате (откуда список Кормчей со вставкой был прислан в Киев) или на Руси, при митр. Кирилле II?

Учитывая, что ни один из южнославянских списков этих вставок не содержит, у нас нет оснований полагать, что фрагменты были включены в «Томос единения» и в правило Карфагенского собора в Сербии. При этом перевод подготовлен книжником, прекрасно владевшим своим искусством: он написан ясным языком, почти без «темных мест», без лексических грецизмов или регионально используемых слов, что затрудняет его локализацию. Однако в нескольких местах переводчик употребил слова, которые, как нам представляется, указывают на болгарское происхождение перевода:

— **чистотнѣи: престоупаѣ шѣчаѣ чистотнѣиѣ · и цѣломоудрнѣиѣ** (124а; толкование правила *Карф. 71*). Слово «чистотный» встречается исключительно в ранних болгарских переводах⁸; древнерусские тексты знают только слово «чистый».

— **вѣгла: крѣмчѣи вѣгла кѣтъ хитръ вбрати корабль во врѣмѣ боурѣи** (124б–124в; толкование правила *Карф. 71*). Лексема, соответствующая

⁸ Изборник 1076 г., Лествица, Шестоднев Иоанна Экзарха [Срезневский 3, 2: 1531–1532; Miklosich: 1118].

греческому ἐπιστήμονος, встречается в древнейшем болгарском переводе Слов Григория Богослова; соответствующее существительное **въгла-ник** находится в болгарском переводе Златоструя [Срезневский 1: 478; Miklosich: 120].

— **всправедно: въ тъмници несправедно осуждаемыхъ** (л. 349г; Томос единения). Слово происходит от греческого ἄδικος и соответствует более распространенному **неправедно**. В указанной форме оно встречается в болгарских переводах⁹.

— **пошибеник: вижъ оубо коликово безоумник и пошибеник · въ истинноу точно днаволоу творить сребролюбник** (122в; толкование правила *Карф.* 71). Слова «пошибание/пошибати» с X в. неизменно использовалось в древнерусских памятниках в значениях ‘изнасилование’ или ‘драка’, что отражено во многих текстах, включая княжеские уставы [Срезневский 2, 2: 1332–1333; СлРЯ XI–XVII вв., 18: 83–84]. Однако в данном случае слово использовано совсем в ином значении, характерном для древних болгарских переводов: ‘безумие’ (ἐμβρονησία)¹⁰; термин часто употреблялся по отношению к еретикам. В данном случае слово употреблено по отношению к епископам, одурманенным сребролюбием и от жадности находящимся в состоянии «безумия и пошибения». В таком значении слово могло быть употреблено болгарским, но не древнерусским переводчиком. Здесь сохранился также не зафиксированный в словарях гапакс **коликовъ**, соответствующий греческому πόσος и семантически тождественный лексеме **коликъ** [Miklosich: 297]. Очевидно, он образован аналогично лексической паре **какын — каковъ (-ын)**.

Это означает, что перевод появился в Видинском деспотате, где, очевидно, и были сделаны обе вставки в Кормчую книгу. О том, что вставки были уже в несохранившемся списке Кормчей, присланном митр. Кириллу в 1262 г. из Болгарского царства, косвенно свидетельствует то, что вставки присутствуют во всей восточнославянской традиции: и в Рязанской Кормчей; и во всех восточнославянских списках Сербской редакции, происходящих как с русских, так и с литовских и украинских земель; и во всех переработках Сербской редакции, включая Новгородский Синодальный список Кормчей книги 1280–1282 гг., Мерило праведное и Западнорусскую редакцию Кормчей. Если бы дополнения к Кормчей были сделаны на Руси, они сохранились бы только в части восточнославянской традиции.

Если фрагменты греческого послания попали в Кормчую в Видинском деспотате, то перевод был подготовлен не только до 1284 г. (как

⁹ Супрасльский сборник; Житие Саввы Освященного [Miklosich: 19; СлРЯ XI–XVII вв., 1: 163].

¹⁰ Изборник Святослава 1073 г., Шестоднев Иоанна Экзарха [Miklosich: 653; СлРЯ XI–XVII вв., 18: 84].

полагал В. Н. Бенешевич, опиравшийся на датировку Рязанской рукописи), а даже до 1262 г., когда был создан болгарский список Кормчей для отправки в Киев митр. Кириллу.

Небольшой Видинский деспотат в XIII в. находился в самой гуще политических и церковных событий, связанных со стремлением различных земель отделиться от Византийской империи как в геополитической сфере, так и в церковном управлении. В XII в. Видинская митрополия находилась под управлением автокефального Охридского архиепископа. Однако в конце 1185 г. — начале 1186 г., после того, как Петр Асень решил, что столицей нового Болгарского царства станет Тырново, видинский митрополит хиротонисал первого Тырновского епископа Василия [Златарски 1934: 472–475]¹¹. Это привело к переходу Видинской митрополии под омофор Тырновского архиепископа [Снегаров 1924: 90–91; Δεληκάρη 2014: 173–174]. Возвышение канонического статуса Тырновской архиепископии в ущерб Охридской вплоть до конца 1220-х годов, как и военные действия болгарского царя Иоанна Асеня II против Латинской империи в 1230-е годы сопровождались поставлениями новых митрополитов и епископов из болгар [Ников 1921: 38–39; Снегаров 1924: 130–135, 152; Цанкова-Петкова 1968: 140–141; Данчева-Василева 1985: 136–137]. В результате наибольшую актуальность приобрели вопросы, связанные с изменением границ епархий, церковной юрисдикцией и перемещениями епископов. Это ярко отразилось в деятельности митр. Охридского Димитрия Хоматяна, в том числе в его послании еп. Керкиры Василию Педиадиту и в синодальном постановлении в связи с рукоположениями, совершенными болгарскими епископами [Ников 1921: 42–59; СФНВ 38: 47–53, № 8, 423–428, № 146]; ср. [Снегаров 1924: 193–194]. В результате изменившейся внешней политики Иоанна Асеня, инициировавшего разрыв унии с Римом и сближение с Никейской империей [Снегаров 1924: 145–152; Цанкова-Петкова 1968; Данчева-Василева 1985: 133–138; Божилов 1994: 82–85; Божилов, Гюзелев 1999: 491–493], стало возможным возобновление канонического общения с Константинопольской Церковью в 1234 г. и поставление архиепископа Тырновского Иоакима патр. Константинопольским Германом II, пребывавшим в Никее. Спустя год архиеп. Иоаким был возведен в сан Тырновского патриарха собором, созванным патр. Германом II в Лампсаке [Laurent 1971: № 1278, 1282], ср. [Mureşan 2014: 212–217].

С именем патр. Константинопольского Германа II связаны наиболее активные контакты Византии и славянских Церквей. Он поставил

¹¹ П. Ников относил это событие к первым месяцам 1186 г. [Ников 1921: 26]; Г. Николов датирует его 26 октября 1185 г. [Николов 2006: 611].

двух митрополитов в Киев: Кирилла I (1224 г.) и Иосифа (1236 г.). В 1228 г. патр. Герман II отправил митр. Кириллу I послание относительно принятия в клир рабов¹². В 1234–1235 гг., как уже говорилось, патриарх хиротонисал в архиепископы Тырновские Иоакима, а затем возвел его в патриархи.

О многих из этих событий мы знаем только из косвенных или из славянских источников, поскольку текстов на греческом не сохранилось. Не удивительно, что нет сведений о хиротониях Киевских митрополитов; однако отсутствуют как на греческом, так и на славянском важнейшие документы о поставлении Тырновского архиепископа и даровании патриаршества Болгарии [Laurent 1971: № 1278, 1282]. Послание митр. Кириллу I о рабах сохранилось только в переводе на славянский язык [Ibid.: № 1247].

Кроме того, в древнерусской традиции сохранился еще один исключительно важный для истории Византийской Церкви текст времени патриаршества Германа II — отчеты о соборных заседаниях и прениях с послами римского папы Григория IX в 1234 г. в Никее и Нимфее по вопросу об исхождении Святого Духа и объединении восточной и западной Церквей. Эти события не имеют прямого отношения к славянским Церквам, но документы о них сохранились более полно в славянском переводе, чем в греческой и латинской традициях [Laurent 1971: № 1267–1276]. Послание патр. Германа II митр. Кириллу I и документы, касающиеся собора в Никее-Нимфее, сохранились в рукописях с XV в., связанных как с землями Московского княжества, так и Великого княжества Литовского; следовательно, их появление следует связывать с деятельностью единой Киевской митрополии¹³. Несмотря на позднюю рукописную традицию, их перевод, несомненно, относится к XIII столетию. Послание Киевскому митрополиту должно было быть отправлено вскоре после написания; повествование об антилатинском соборе было актуальным тоже сразу после событий. Можно полагать, что соборные постановления были пересланы до Батыева нашествия, вместе с Киевским митр. Кириллом I в 1236 г. или с Тырновским архиеп. Иоакимом в 1234 г. Последний должен был также получить постановления о собственной хиротонии и возведении в патриаршее достоинство; вероятно, он привез и иные необходимые греческие книги в Тырново, включая интересующее нас сочинение об обязанностях епископов, откуда оно

¹² Издание: [РИБ, 6, 1880 (1908): 79–84, № 5]. Послание опирается на шестую новеллу Юстиниана из собрания в 6 главах. Издание собрания новелл: [Ράλλης, Ποτλῆς, 4: 403–404].

¹³ Тексты сохранились в Книгах законных, антилатинском сборнике нач. XV в., Мясниковской и Чудовской редакциях Кормчей [Медведев 1984: 198–232; Корогодина 2015: 73–78, 140; Eadem 2017, 2: 452].

уже могло быть прислано в Бдин. Болгарское происхождение перевода объясняет, почему судьбы Номоканона и послания о поставлении епископов пересекаются лишь единожды, в Бдине. Сочинение неизвестно в других южнославянских списках Номоканона, происходящих из Сербии; очевидно, это сочинение не было известно в Сербской архиепископии.

Как уже было отмечено выше, текст единого послания о епископах был разделен на две части, причем от одной части к другой сделана отсылка. Это свидетельствует о том, что текст послания о епископах был подвергнут переработке для включения его в два чужеродных сочинения. Сохранившиеся фрагменты невозможно соединить в цельное послание, и только обнаружение текста в другой традиции, не восходящей к отредактированным для Кормчих фрагментам, позволит оценить степень первоначальной работы редактора. На этом этапе в тексте были сделаны некоторые дополнения, например, отсылка от «Томоса единения» к толкованию на *Карф. 71*. Вероятно, редактирование было выполнено вскоре после перевода. Как мы увидим ниже, впоследствии, уже на Руси, текст перерабатывали весьма искусно, и если бы в нашем распоряжении не было сопоставительного материала, догадаться о вмешательстве в оригинал было бы почти невозможно. Однако по меньшей мере одно значительное дополнение было сделано уже после перевода: во фрагмент, предназначенный для толкования 71-го правила Карфагенского собора, была добавлена выписка из Паренесиса Ефрема Сирина¹⁴:

Паренесис: <i>ТСЛ7</i> , л. 17в–г.	<i>Ф.л.П.1</i> , л. 124б
не может недооумѣа · такоже оумѣа держати лѹка · и не может ѿроча точно теци мужевн · и аще възложиши брѣма ѿтрочати въше силы вредитъ к	не может во ре неоученнн такоже оумѣа держати лѹка · не может ѿроча точ[н]о теци моужевн и брѣма аще наложиши немоцному въше силы то погоубитъ и

Не вызывает сомнений, что в данном случае был привлечен славянский перевод Ефрема Сирина, одного из наиболее популярных авторов в славянских землях. Яркий образ был дополнен и продолжен в Кормчей книге рассказом о воеводе «слабом и страшливом», способном погубить воинство. Образы неумелого ребенка и трусливого воеводы помещены между двух цитат из апостольских посланий и в значительной степени выбиваются из остального повествования. Эти аллегорические примеры появляются в конце «толкования» на 71-е правило Карфагенского собора, и их исключение из текста не нарушает общего хода рассуждений автора и не влияет на цельность повествования. Следом через несколько фраз появляется последний образ — кормчего,

¹⁴ Это заимствование было обнаружено К. В. Вершининым, которого я искренне благодарю за любезно предоставленные сведения.

который может провести корабль через бурю, будучи «хитр»; но оказавшись невеждой, погубит корабль и во время тишины. Этими словами, согласующимися с идеей Кормчей книги, завершается текст, прибавленный к правилу Карфагенского собора. Если учесть, что фрагмент послания о епископах не имел собственного завершения, такая концовка позволяла удачно подвести итог рассуждениям о епископах. Это позволяет нам предполагать, что оба пассажа, выделяющиеся из канонического текста необычными сопоставлениями и живостью примеров, являются вставками, сделанными в славянский перевод одновременно с подготовкой послания к включению в Кормчую книгу. Можно допустить, что в тексте присутствуют и иные дополнения, остающиеся пока не выявленными.

Выше уже отмечено, что расположение фрагмента послания о перемещениях епископов внутри «Томоса единения», без сомнения, не является случайностью. Именно с таким конвоем переписывались в Византии другие статьи о смене епископами кафедр. Сохранение связи двух сочинений приводит нас к выводу, что послание о перемещениях епископов было взято непосредственно из греческой рукописи, где оно соседствовало с «Томосом единения» — так редактор решил дополнить встретившееся ему в сербской Кормчей постановление о 4-м браке имп. Льва VI. Отсутствие послания о перемещениях епископов в составе других славянских сборников заставляет предполагать, что оно было переведено непосредственно для вставки в сербский Номоканон. Вероятно, это произошло при подготовке нового списка Кормчей в Видинской митрополии; по этой причине сочинение находится лишь в русских списках и отсутствует как в сербской, так и в болгарской рукописной традиции.

3. Редактирование послания о поставлении епископов на Руси в XIV веке

Со второй половины XIII в., со времени митр. Кирилла II, начинаются регулярные перемещения русских епископов с одной кафедры на другую или поставления одного епископа на две кафедры [Успенский 1998: 338–339]. Как было показано Б. А. Успенским, постепенное изменение во взглядах на неразрывность связи епископа с кафедрой с XIV в. характерно как для греческой, так и для русской Церкви; однако неслучайно, что в Киевской митрополии этот процесс совпал с появлением двух фрагментов послания о поставлении епископов.

Компиляция, сложившаяся в результате соединения «Томоса единения» и послания о поставлении епископов, постоянно обращала на себя внимание древнерусских авторов в XIII–XIV в. Вместе с «Томосом

единения» послание о епископах из Сербской редакции Кормчей было перенесено в Первоначальную русскую редакцию. Оттуда оно было списано, наряду с несколькими другими текстами Кормчей, например, поучением иерейскому собору, в конце XIV в. составителем канонического сборника (*Пог31*, л. 175–187)¹⁵. Карманный формат сборника указывает на его использование в церковном обиходе и говорит о практической значимости входящих в него текстов.

Фрагмент, добавленный к «Томосу единения», особенно часто подвергался редактированию в XIV столетии. Такая неравномерность в отношении к двум фрагментам, провозглашавшим одинаковые идеи, надо полагать, связана с тем, что дополнение к толкованию 71-го правила Карфагенского собора сливалось с самим толкованием и воспринималось как его неразрывная часть. При подготовке Первоначальной русской редакции Кормчей книги в последней трети XIII в. толкование было исключено вместе с дополнением, так что существенная часть послания о поставлении епископов надолго выпала из поля зрения русских книжников.

Между тем, постановление Константинопольского собора о браке императора Льва VI постоянно привлекало внимание и на протяжении конца XIII–XIV в. многожды редактировалось. Одна из переработок была включена в Мерило праведное; особенности состава «Томоса единения» в этом юридическом сборнике были исследованы К. В. Вершининым [2019: 157–161], которому принадлежат важнейшие наблюдения над судьбой компиляции о епископах. Исследователь показал, что в Мериле праведном вставка в «Томос единения» была дополнена обширными выписками из 137-й новеллы Юстиниана (87-й главы сборника императорских новелл, подготовленного Иоанном Схоластиком). Одновременно первоначальный текст «Томоса единения» был значительно сокращен: его вторая часть, говорящая о церковных браках, в Мериле праведном была полностью исключена. Отдельные фрагменты настоящего «Томоса единения» были переставлены и вкраплены в послание о поставлении епископов; все эти изменения, как полагал

¹⁵ Сохранившийся в погодинском сборнике текст имеет большую лакуну после л. 176, из-за которой значительная часть поучения о поставлении епископов оказалась утраченной. На источник выписки — Кормчую книгу Первоначальной русской редакции — указывает совпадение индивидуальных чтений погодинской рукописи с Новгородским Синодальным списком Кормчей (*Син132*, л. 344–353), за исключением гаплографической ошибки, допущенной переписчиком Новгородской Синодальной Кормчей, выпустившим слова *не се токмо но и другыа въ миръ въводити · стгазание нмѹще мѣжи собою* (*Син132*, л. 344в: 20). Индивидуальная ошибка Новгородского Синодального списка не повторяется ни в одной иной русской рукописи, и это доказывает, что данный текст не списывался непосредственно из *Син132*.

К. В. Вершинин, принадлежали составителю Мерила праведного [Вершинин 2019: 157–158, 161]. Получившийся текст повествовал почти исключительно об обязанностях епископов, а его изначальный замысел как постановления, осуждавшего повторные браки мирян, был нивелирован.

Мерило праведное было не единственным сочинением конца XIII–XIV в., в котором использовано послание о поставлении епископов из «Томоса единения». Это сочинение цитируется в Правилах собора 1273 г., где церковные правила сравниваются с чудесными стенами, ограждающими людей¹⁶:

Послание о поставлении епископов: <i>Ф.п.П.1, л. 349а</i>	Правила собора 1273 г. [РИБ, 6, 1880: 85]
законѣнаѣ правила положиша · стѣѣи цркви на ѹтвѣрженіе · ꙗко стѣѣнами нѣкоторыми чюновидимыми тою оградивше вѣрныѣ	пречистыми законоположениями, аки нѣкими стѣѣнами чюдными оградивше Божію церковь

К компиляции в «Томосе единения» восходят и риторические восклицания о разорении русской земли, придающие живость Правилам собора 1273 г.; причем те же слова из Кормчей привлекли инока Акиндина — автора послания вел. кн. Михаилу Ярославичу о поставлении на мзде:

Послание о поставлении епископов: <i>Ф.п.П.1, л. 351в</i>	Послание инока Акиндина вел. кн. Михаилу Ярославичу [РИБ, 6, 1880: 157]	Правила собора 1273 г. [РИБ, 6, 1880: 85]
видиши ли ꙗко преслѹшаниѣ ради бжтѣвныѣхъ книгъ · всѣхъ злаѣхъ прѹходитъ на ны	яко преслѹшания ради божественныхъ номоканонъ святыхъ апостолъ и сборныхъ отеческихъ всѣ злая приходят на ны.	да никакоже преступающе отеческыѣ заповѣди горе наследуем. Къи убо прибытокъ наслѣдовахомъ, оставыше Божія правила? <...> Си всѣ бывають намъ, зане не хранимъ правилъ святыхъ нашихъ и преподобныхъ отецъ.

Как видим, иноку Акиндину также была известна компиляция, включавшая послание о поставлении епископов. Еще одна фраза в послании Акиндина восходит к указанной компиляции:

Послание о поставлении епископов: <i>Ф.п.П.1, л. 350в</i>	Послание инока Акиндина вел. кн. Михаилу Ярославичу [РИБ, 6, 1880: 155]
разумъ ихъ вѣдѣти · тацѣи же и нѣхъ · могутъ в разумъ привести · и еретикомъ уста заградити	имуще разумъ божественныхъ писаниихъ, могуще еретикомъ заградить уста и священныѣ каноны видити

¹⁶ На эту цитату также обратил внимание К. В. Вершинин [2019: 162].

Послание инока Акиндина, обвиняющее митр. Петра в нарушении епископских обязанностей и вступлении на епископский стол «по мзде», напрямую связано с вопросами, поднимавшимися в послании о поставлении епископов. Поэтому заимствования из этого текста, принадлежащие иноку Акиндину, гораздо обширнее, чем в Правилах собора 1273 г. Помимо приведенных цитат, иноком Акиндином сделана значительная выписка из послания о поставлении епископов; хотя текст был стилистически переработан, он достаточно точно следует посланию о епископах¹⁷. Нет сомнений, что инок Акиндин пользовался Кормчей книгой, а не Мерилом праведным, которое имеет существенные отличия в этом тексте. Как было показано мною ранее, инок Акиндин обращался к списку Первоначальной русской редакции, а не к Сербской редакции Кормчей [Корогодина 2011]. При этом тверской инок предпочел взять из Кормчей не наиболее выразительные суждения о поставлении епископов на мзде, а отрывок с выписками из 26 главы книги Левит, дополненный небольшим оригинальным текстом автора послания. Грозный библейский текст, призывающий кары на ослушавшихся Господа и благословение всей земле за соблюдение заповедей, был сочтен иноком Акиндином наиболее выразительным из всего послания о поставлении епископов.

Другой известный канонический сборник, осуждавший поставление епископов на мзде, — Власфимия, сохранившийся в двух списках. Уже старший список Власфимии в составе псковского Трифоновского сборника (*Соф*1262, кон. XIV в. [Алексеев 2007; Idem 2012; Корогодина 2018]) содержит переработку компиляции, включенной в «Томос единения». Эта переработка имеет много общих черт с Мерилом праведным. Так, в середину послания о поставлении епископов вставлено немало дополнений, в том числе заимствований из основного текста «Томоса единения»¹⁸. Перестановке подвергались и отдельные фрагменты самого послания о поставлении епископов, которые занимали новое место внутри того же послания. В Мериле праведном (*ТСЛ*15, л. 213) и во Власфимии (*Соф*1262, л. 70г) читаются одинаковые вставки; в Сербской и в Первоначальной русской редакции Кормчей следы подобных переработок отсутствуют. Некоторые дополнения автора переработки, которые К. В. Вершинин считал принадлежащими перу составителя

¹⁷ Ср. фрагмент послания о поставлении епископов *и҃ѣ бо и ино что · имъ же и величье бж҃е [...] трудо̑ вашѣ инни сн҃ѣ даѣтъ* (351б–351в) и послание Акиндина [РИБ, 6, 1880 (1908): 156–157].

¹⁸ К. В. Вершинин в общих чертах определил, что дополнительные фрагменты восходят к основному тексту «Томоса единения» [Вершинин 2019, 158–160]. На деле они представляют собой мелкую «нарезку» из цитат, перемежающихся оригинальными дополнениями автора переработки.

Мерила праведного, находятся также во Власфимии: «слышите и разумеите: дело похвалает, а не сан», «дела бо, рече, веру свершают»¹⁹ и иные (*ТСЛ15*, л. 213–213об.; *Соф1262*, л. 71а). Подобные вставки сохраняют подвижность в тексте: дословно повторяясь в Мериле праведном и Власфимии, они меняют свое местоположение²⁰.

Иногда это приводило к повторам текста: один и тот же фрагмент послания мог быть переписан дважды, сохранив первоначальное место и повторяясь на новом. В Мериле праведном повторов значительно меньше, поскольку конец послания о поставлении епископов и вся основная часть «Томоса единения» были исключены его составителем; а именно оттуда была взята значительная часть перемещенных фрагментов. Кроме того, переставленные в послании о поставлении епископов фрагменты систематически подвергались сокращению в Мериле праведном; во Власфимии они также переставлены, но их текст сохранен полностью.

Наконец, вставки в текст послания о поставлении епископов из 137-й новеллы Юстиниана (87-й главы собрания новелл в 93 главах Иоанна Схоластика), выявленные К. В. Вершининым на материале Мерила праведного (*ТСЛ15*, л. 213об.–214, 216–216об.), входят и в состав Власфимии (*Соф1262*, л. 71а–71г) [Вершинин 2019: 158–160]²¹; хотя по целому ряду чтений цитаты в Мериле праведном ближе к древнеславянскому переводу²², чем цитаты во Власфимии. При этом Власфимия имеет существенные отличия от Мерила праведного: в ней отсутствуют две значительные вставки из 137-й новеллы, добавленные в Мерило праведное²³. Вместе с этими вставками оказался исключен наиболее важный с точки зрения канонического права фрагмент послания о поставлении епископов, касающийся возведения на лучшую кафедру тех епископов,

¹⁹ Фраза является цитатой из Иак 2:22, а не из 1-го Слова Пандект Никона Черногорца, как предположил К. В. Вершинин [2019: 158].

²⁰ Так, например, происходит с ремаркой «слышите и разумеите: дело похвалает, а не сан».

²¹ К. В. Вершинин не указал источник текста *ни о собѣ ни о инѣмъ лицѣ дати [...]* *всѣмъ образѣмъ ѿ кнѣства изъгнати* (*ТСЛ15*, л. 214), который входит в состав 137-й новеллы Юстиниана [Бенешевич 1906, 1: 801.24–802.6]; и небольшого фрагмента *възвѣщати въ вѣвнѣю службу · о стѣмъ причастн · и о крѣпнѣи молитвы · и причада* (*ТСЛ15*, л. 214), который также является выпиской из 137-й новеллы Юстиниана [Бенешевич 1906, 1: 801.18–21].

²² В Первоначальную русскую редакцию Кормчей 137-я новелла вошла в виде отдельной статьи в том же переводе, что и в Древнеславянской редакции Кормчей [Корогодина 2017, 2: 446].

²³ Во Власфимии отсутствуют фрагменты текста *свѣдоуще кѣмъ правую свѣрною вѣрою [...]* *ѿ вѣрнѣи ѿлучити* (Мерило праведное, *ТСЛ15*, л. 214об.–216) и *повелѣваемъ первокъ наводити митрополитомъ [...]* *въложени бѣдѣтъ мученья* (Мерило праведное, *ТСЛ15*, л. 218).

которые могут служить примером для других²⁴. Этот фрагмент в Мериле праведном был перенесен и присоединен к выпискам из 137-й новеллы; во Власфимии отсутствует как перемещенный фрагмент, так и заимствования из 137-й новеллы. В том месте, где в Мериле праведном сделана вставка из 137-й новеллы, отсутствующая во Власфимии, в Мериле праведном исключен фрагмент текста первоначальной компиляции Кормчей, а другой фрагмент перемещен на новое место²⁵; оба фрагмента во Власфимии сохранили свое исконное положение.

Таким образом, в Мериле праведном и во Власфимии отразились одни и те же редакторские исправления, сделанные в ходе переработки компиляции, соединившей в Кормчей «Томос единения» и послание о поставлении епископов. В обоих памятниках переставлены одни и те же фрагменты текста; сделаны одни и те же авторские дополнения; добавлены одинаковые выписки из 137-й новеллы Юстиниана. В то же время решить вопрос о том, в какой из книг сохранился архетип этой новой, выполненной на Руси, переработки, оказывается невозможно. С одной стороны, Мерило праведное сохранило отсутствующий во Власфимии фрагмент послания о поставлении епископов и несколько дополнительных выписок из 137-й новеллы, которых мы не находим во Власфимии. Очевидно, что такие выписки из императорской новеллы были сделаны одним человеком, а не добавлены позднее. С другой стороны, Власфимия сохранила некоторые отсутствующие или переставленные в Мериле праведном фрагменты канонической компиляции в той же последовательности, что и Кормчая книга. Это убеждает нас в том, что данный текст Власфимии не может быть обработкой текста Мерила праведного.

При этом наиболее важным является то, что все значительные отличия двух книг неизменно совпадают с текстологическими «швами»²⁶ переработки. Если во Власфимии отсутствуют некоторые характерные для Мерила праведного заимствования из 137-й новеллы, то это всегда цельные выписки, так что «шов» вставки в Мериле праведном совпадает со «швом» во Власфимии. Фрагмент послания о поставлении епископов, исключенный во Власфимии, целиком перенесен в иное

²⁴ Во Власфимии исключен фрагмент *сице ꙗко и ѿ празньхъ епіѣхъ съмотрити [...]* карфагенскаго свора правило ·ѡа· повелѣваетъ (Фл.П.1, л. 350в–351а). В Мериле праведном этот фрагмент подвергся переработке (Мерило праведное, ТСЛ15, л. 214об.–216).

²⁵ Исключен фрагмент *сице оꙗко послѣдꙋюще и мѣи [...]* възводить таковыа (Фл.П.1, л. 351а); перемещен фрагмент *да слышать исано [...]* исполните волю вашу (Фл.П.1, л. 351а–351б).

²⁶ Понятие «шва» введено А. А. Гиппиусом в значении “границы, отделяющей отрезок текста, на котором рассматриваемый формальный признак представлен систематически, от смежного отрезка, на котором он отсутствует или же представлен единичными (изолированными) примерами” [Гиппиус 2006: 124–125].

место в Мериле праведном, причем там, откуда извлечен этот фрагмент, в Мериле праведном сделана новая вставка. Мы ни разу не сталкиваемся с ситуацией, когда текстологические «швы» двух текстов не совпадали бы. Между тем, если бы редактор более позднего текста перерабатывал компиляцию, доставшуюся ему в законченном виде, то такое совпадение «швов» было бы невозможно. В таком случае редактор воспринимал бы весь текст цельным, и его правка неизбежно начиналась бы в середине одного фрагмента и захватывала частично другой по происхождению фрагмент. Во Власфимии и Мериле праведном компиляция предстает перед нами в виде мозаики, состоящей из подвижных частей «Томоса единения», послания о поставлении епископов и 137-й новеллы, и границы этих частей в обоих памятниках одинаковы.

Такая ситуация возможна в единственном случае: если текст Власфимии и Мерила праведного отражает разные этапы одной переработки компиляции из Кормчей книги. Возможно, русский редактор работал непосредственно с Рязанской Кормчей, поскольку в ней на полях отмечены границы некоторых фрагментов, подвергшихся перестановкам в Мериле праведном, пометами «чти» и «преступи» (349б, 349г, 350б, 351а, 351г). Не все перемещенные фрагменты отмечены в Кормчей; иногда помета не вполне совпадает со «швами» фрагментов, но в целом пометы соответствуют тем перестановкам, которые характерны для Мерила праведного. Это может говорить о том, что разметка в Рязанской Кормчей была сделана на самом раннем этапе работы над новой компиляцией о епископах.

Таким образом, в ходе переработки был переставлен ряд фрагментов изначальной компиляции, добавлены некоторые авторские ремарки, вставлены выписки из 137-й новеллы. Разные этапы этой работы отразились в Мериле праведном и Власфимии. Наиболее показательным является отношение редактора к объему и смысловой направленности текста. Книжник исключил основную часть «Томоса единения», посвященную второму и третьему браку, поскольку эта тематика его не интересовала. При этом редактор своеобразно распорядился завершающим фрагментом «Томоса единения»²⁷, выбрав из него крошечные отрывки по одной фразе или по несколько слов, скомбинировав из них новые рассуждения и вставив их в середину собственной компиляции. Эти вставки, сшитые из «ниточек» оригинального текста, одинаково сохранились как в Мериле праведном, так и во Власфимии²⁸. Это

²⁷ Фрагмент *повелѣхомъ во сего ради на вѣсотѣ сѣльства [...] заповѣдь чтѹщимъ благодареніе приносити* (Ф.л.п.1, л. 351г–352а).

²⁸ Перемещенные фрагменты текста находятся в Мериле праведном (ТСЛ15, л. 212об.–213, 216–216об., 216об.–217) и Власфимии (Соф1262, л. 70г, 71в, 71г–72а).

указывает на то, что выборка была сделана для общего архетипа обоих сборников.

Однако разной оказалась судьба того фрагмента «Томоса единения», из которого книжник черпал выписки. При подготовке Мерила праведного редактор исключил уже использованный им текст, избежав повторов, так что переработанный «Томос единения» в Мериле праведном завершается на том месте, с которого начинались обильные выписки, распределенные по предшествующему тексту. Однако во Власфимии завершающий фрагмент был сохранен на своем месте²⁹, хотя это привело к дублированию с уже сделанными выписками. Получившаяся компиляция во Власфимии завершается там, где заканчивается фрагмент, использованный для выписок; последующий текст, принадлежавший оригинальному «Томосу единения», не имевший отношения к епископам и целиком посвященный бракам, не интересовал создателей Мерила праведного и Власфимии. Такое совпадение не может быть случайностью; оно указывает на то, что сохранившаяся во Власфимии компиляция составлялась теми же людьми, которые трудились над редактированием «Томоса единения» для Мерила праведного.

Очевидно, еще до окончания работы был изготовлен список, впоследствии вошедший во Власфимию. Однако работа была продолжена тогда же и тем же автором, который добавил несколько дополнительных выписок из 137-й новеллы, переставил и исключил некоторые фрагменты первоначальной компиляции, сократил показавшиеся ему лишними выражения, обрезал конец текста. Два последних метода работы с текстом характерны для составителя Мерила праведного, это подтверждает предположение К. В. Вершинина о том, что редактирование данного текста следует связывать с деятельностью создателя Мерила праведного [Вершинин 2019: 161]. В этом случае редактирование компиляции следует датировать началом XIV в. (временем создания Мерила праведного) [Корогодина 2017, 1: 85–99]³⁰; однако первый этап этой переработки, когда создатель Мерила Праведного еще не приступил к излюбленным им сокращениям, намного полнее сохранился во Власфимии.

Как видно из сказанного, при создании конкретных книг — Мерила праведного и Власфимии — редакторская работа продолжалась; поэтому каждая из этих книг имеет собственные, свойственные только ей черты. Создатель Мерила праведного постоянно сокращал текст, исключая

²⁹ Фрагмент не тѣломъ но дѣиѣю и разумомъ · могущихъ на пажити вѣравати [...] миру виннаго заповѣдь чтѹщимъ · благодарении приношати (Соф1262, л. 73а–73в).

³⁰ К. В. Вершинин относит создание Мерила праведного к немного более раннему времени [Вершинин 2019: 262].

по одному-два слова в каждой фразе так, чтобы не пострадал контекст. Это позволяло существенно сэкономить на объеме текста, что хорошо видно при сопоставлении одинаковых фрагментов по трем компиляциям.

Если Мерило праведное отличается систематическими сокращениями, то создатель Власфимии шел по пути восполнения текста. Он в еще большей степени дополнял те вставки, которые уже были сделаны составителем Мерила праведного. Некоторые из его дополнений носят авторский характер; особенно обращает на себя внимание добавленный им латинизм: *ни нутаремъ рекше писцемъ* (*Соф1262*, л. 71б). Возможно, ремарка появилась благодаря другому тексту, входящему во Власфимию — чешскому переводу латинского канона из «Лжеисидоровых декреталий», где нотариус упоминался в качестве писца при поставлении епископа: «утверждение же его епистолю нутарь пишет» [Темчин 2016].

Нередко пояснения создателя Власфимии разрывают связный текст, разбивают библейские цитаты (в том числе приводимые им самим). Книжник указывает авторов цитат, имена которых были опущены в предшествующем тексте, дает ссылки на апостола Павла, евангелиста Луку. В некоторых случаях он заменяет неясный ему текст; например, меняет евангельское «дверник» (Ин 10:3) на «дух святой» (*Соф1262*, л. 70г).

Некоторые авторские дополнения составителя Власфимии носят принципиальный характер. Так, в выписках из 137-й новеллы Юстиниана говорилось о процедуре поставления епископа, которая должна была совершаться «пред тремя лицами»³¹, то есть в присутствии хотя бы трех человек. Во Власфимии постановление меняет свой смысл; вместо процитированных слов здесь значит: «предъ тремя чинъми: предъ цесарским, и святительскимъ, и прочихъ людии» (*Соф1262*, л. 71б). Таким образом, вместо трех свидетелей (любого чина) выдвигается требование, чтобы поставление совершалось в присутствии имперских чиновников, представителей духовенства и горожан.

Значительная часть дополнений во Власфимии представляет собой заимствования из библейских книг. Составитель пользовался мелкими цитатами из Нового завета для того, чтобы развить высказанные в компиляции мысли, но в наибольшей степени его привлекали обширные цитаты из Ветхого завета. В послании о поставлении епископов было две крупные выписки из Ветхого завета из глав Левит 26 и Исаия 65. Греческие авторы послания о поставлении епископов выписали только отдельные стихи из этих глав, отредактировав их. Их вольное обращение

³¹ ἐπὶ τρισὶ πρόσωποις, в древнеславянском переводе: *прѣдъ трѣми лицѣ* [Бенешевич 1906, 1: 800.12]. Чтение повторено в Мерило праведном (*ТСЛ15*, л. 213об.).

с библейским текстом подвигло создателя Власфимии восполнить и исправить чтения, так что во Власфимии библейские цитаты предстают в более «правильном» виде, чем в первоначальной компиляции. Кроме того, он восполнил недостающие стихи библейского текста, так что во Власфимии заимствования из 26-й главы Левит стали выглядеть следующим образом (подчеркиванием выделены разделы, изначально присутствовавшие в послании о перемещениях епископов): Левит 26:3–4, 4–5, 6, 6–8, 9, 10–11, 12, 14–17, 19–20, 25, 29, 31, 20, 22, 33, 23–24³².

Восполнения воссоздают библейский текст, возвращая на место выпущенные составителем компиляции стихи. Для этой цели создатель Власфимии обратился к паремийнику, и этим объясняются особенности библейских цитат во Власфимии. В паремьи на Новое лето, взятой из книги Левит, одни стихи были выпущены, другие переставлены. При сопоставлении с полным текстом Библии создается впечатление, что редактор Власфимии исключил некоторые стихи или изменил их последовательность; однако на деле он копировал текст из паремийника. Так, в главе Левит 26 оказались пропущены разделы 18 и 21; отдельные стихи внутри разделов 15 и 16; раздел 30 вставлен между разделами 22 и 23. Эти отступления от четьего текста отражают не творческий подход создателя Власфимии, а состав паремьи на Новое лето как в византийской, так и в славянской традиции.

Несмотря на то, что составитель Власфимии, без сомнения, обращался к паремийнику для восполнения текста, в ряде случаев приводимые им чтения далеки от славянского перевода паремийника. Создатель Власфимии не только выпустил несколько стихов из паремьи, он также предложил собственные варианты чтения текста.

Prophetologium [Prophetologium, 2, 1: 9]	Власфимия: <i>Сof1262</i>
καταλήμψεται	вѣновитѣся вамъ роляа жатвѣнаа (72в–72г)
ἐν θυμῷ πλάγιω	ларостью лвовою (73а)
εἰς πλησμονήν	снѣстѣ хлѣбъ свои въ оумноженни (72г)

Первый из этих примеров трудно объяснить, учитывая, что тот же глагол в следующем стихе передан словом «постигнуть», как в паремьи на Новое лето. Так же и в следующем примере: слово πλάγιοι в соседнем стихе соответствует славянскому *лоукаво*. Это наводит на мысль, что новые чтения возникли не в результате перевода, а в ходе редакторской работы, так что поэтическое чтение «лвовою» объясняется желанием автора Власфимии внести некоторое разнообразие в текст. Зато третий

³² В Мериле праведном нет разделов, добавленных во Власфимии.

пример показывает обращение составителя Власфимии к ранним образцам перевода: со значением ‘в множестве’, а не ‘в сытости’ словосочетание *εις πλησμονήν* переводится в Древнеславянской Кормчей [Бенешевич 1906, 1: 592.14].

Несмотря на значительный общий этап в редактировании сочинения о поставлении епископов для Мерила праведного и Власфимии, эти два сборника, как мы видели, показывают различное отношение и к самому тексту, и к изложенным в нем идеям. Составитель Мерила праведного больше значения придает юридической стороне вопроса и вносит в текст новые фрагменты императорской новеллы. Более поздний создатель Власфимии предпочитает Священное Писание с риторическими воззваниями и гневными выпадами, дополняя сочинение выписками из паремийника. Именно во Власфимии «Томос единения» приобретает безапелляционно суровое звучание, полностью отрицая возможность перехода с одной кафедры на другую, так как автор Власфимии исключил часть послания, позволявшую в качестве поощрения ставить епископа на лучшую кафедру.

Отрывки из послания о поставлении епископов неизменно привлекали внимание и в более позднее время. В начале XVI в. к фрагменту в составе правила *Карф. 71* обратился Вассиан Патрикеев. Он отметил глоссой послание о поставлении епископов и сделал реминисценцию из него в собственной записи, так что написанные несколькими столетиями ранее слова приобрели под пером князя-инока современное звучание³³. В дальнейшем Вассиан Патрикеев, как было показано А. И. Плигузовым, положил этот текст в основу составленной им статьи «О отложении жен епископам»³⁴.

«Томос единения» с фрагментом послания о поставлении епископов служил источником заимствований еще чаще, чем толкование правила Карфагенского собора. Он стал одним из основных источников послания в Устюжну Железопольскую митр. Феодосия (1545 г.)³⁵. Текст послания о поставлении епископов был отчасти отредактирован митр. Феодосием; особенно его внимание привлекли цитаты из Ветхого завета, которые митрополит дословно выписал из Кормчей книги³⁶.

³³ Ἡ δὲ βιβλία τῶν ἐπισκοπῶν ἀπὸ τῆς βιβλίου [...] τὴν οὐκ ἀκριβὴς ἐστὶν (Ф.л.П.1, л. 121г)
[Корогодина 2017, 1: 353].

³⁴ Издание и исследование: [Плигузов 1985].

³⁵ Выписки из «Томоса единения» в послании Феодосия: «Священнии и богогласнии апостоли преданные имъ спасенные заповѣди [...] толики казни, толика прещения, не познавшим во плоти Бога, то колми паче нам» [АИ, 1: 542, № 298]. Ср.: Ф.л.П.1, л. 348г–351г.

³⁶ Д. Д. Смирнова ошибочно считает ветхозаветные цитаты самостоятельными выписками митр. Феодосия из библейского текста [Смирнова 2013: 148–151].

Те же ветхозаветные цитаты, вместе с рядом других сентенций, были выписаны из того же источника патр. Иовом в послании Грузинскому митр. Николаю (1589 г.). Патр. Иов искусно «сплел» свое послание из отдельных фраз и мельчайших заимствований из широкого круга источников; в числе прочего он обильно привлекал «Томос единения» в соединении с посланием о поставлении епископов³⁷. Компиляция на основе «Томоса единения» была включена в печатную Кормчую, изданную на Московском печатном дворе в 1653 г. Оттуда эта компиляция была целиком перенесена в конце XVII столетия в анонимное сочинение о патр. Никоне³⁸. Так неприметная вставка в одном из текстов Кормчей, принесенная на Русь во второй половине XIII в., оказалась востребованной на протяжении пяти столетий.

Заключение

Подводя итог, мы приходим к заключению, что в восточнославянских редакциях Кормчей книги в составе «Томоса единения» и толкования правила Карфагенского собора 71 сохранились фрагменты послания о поставлениях и перемещениях епископов. Послание, вероятно, было подготовлено при патриархе Константинопольском Германе II в 1220-е – начале 1230-х гг.; возможно, оно было связано с конфликтом еп. Мелитенского Мануила с клиром. Синодальное постановление связано с постоянно возникавшими в этот период спорами относительно дозволенности перемещения епископов. До середины 1230-х гг. послание, во многом опиравшееся на сочинения Арефы еп. Кесарийского, было переслано в Тырновскую архиепископию. Вероятно, послание находилось в составе греческого Номоканона, где было соединено с «Томосом единения». Не позже 1262 г. греческий Номоканон с синодальным постановлением попал в Бдин, где послание было переведено и его фрагменты в отредактированном и дополненном виде вставлены в славянскую Кормчую книгу, готовившуюся для пересылки митр. Киевскому Кириллу II. Получившиеся в результате схолии на правило Карфагенского собора 71 и на «Томос единения» трактуют поставление епископа на кафедру как брачный союз, который может быть разрушен, если необходимо поощрить заслуги епископа и даровать ему более высокую степень.

³⁷ Наиболее обширное (но не единственное) заимствование в послании патр. Иова: «Егда убо святые и божественные без пакости нематежно в мире пребывают [...] якоже правило церковное крѣпко держати» [Барсов 1869: 882–883]. Ср.: *Ф.л.П.1*, л. 351а–351б.

³⁸ Текст из Кормчей книги атрибутирован в составе сочинения о патр. Никоне С. К. Севастьяновой. Издание и исследование: [Севастьянова 2014: 366–369, 379–380].

На Руси фрагмент, присоединенный к толкованию правила Карфагенского собора, был исключен из Кормчей в ходе сокращения текста толкований. Другой фрагмент, находившийся в составе «Томоса единения», многократно использовался русскими книжниками при составлении оригинальных сочинений. «Томос единения» вместе с дополнением был отредактирован на рубеже XIII–XIV вв.: части текста переставлены, сокращены или дополнены с привлечением 137-й новеллы Юстиниана. Результаты редакторской работы вошли в Мерило праведное и во Власфимию; это позволяет считать автором переработки создателя Мерила праведного. Обе книги отличают индивидуальные особенности: составитель Мерила праведного продолжил дополнять «Томос единения» выписками из 137-й новеллы Юстиниана; составитель Власфимии дополнял сочинение текстом Священного писания — выписками из Нового Завета и из книги Левит. Редакторская работа русских книжников привела к существенному изменению смысла первоначальных постановлений. Составитель Мерила праведного исключил рассуждения, осуждавшие повторные браки, так что в его изложении «Томос единения» оказался посвящен вопросу о поставлении епископов. Создатель Власфимии убрал рассуждения, позволяющие переводить епископов на более высокую ступень в награду за их заслуги. Таким образом, создатель Власфимии пошел по пути ужесточения правил, касающихся перемещений епископов.

Приложения

В Приложениях публикуются два фрагмента послания о поставлении епископов, включенные в «Томос единения» и в толкование правила Карфагенского собора 71. «Томос единения», включающий часть послания, публикуется по трем редакциям: редакции Кормчих книг по списку *F.n.II.1*, л. 348б–352а; редакции Мерила праведного, старший список *ТСЛ15*, л. 212–219; и редакции Власфимии, старший список *Соф1262*, л. 70а–73в. В тех случаях, когда фрагмент текста перемещен в одной из поздних редакций, это указывается в ячейке напротив соответствующего фрагмента текста. Заимствования из книг Священного писания, литературных и юридических источников выделяются курсивом; библейские стихи указываются в тексте в скобках гражданским шрифтом, остальные источники указываются в сносках. Источники указываются один раз в старшей компиляции; при повторении цитируемого отрывка в более поздней редакции он выделяется курсивом, но указание на источник не дублируется. Небольшие оригинальные дополнения в Мериле праведном и во Власфимии выделены подчеркиванием. Вторая половина «Томоса единения», сохранившаяся только в Кормчей и оставленная редактором без изменений, не публикуется.

Фрагмент послания в составе толкования правила Карфагенского собора 71 публикуется вместе с настоящим правилом и толкованием к нему по одному списку *Ф.п.П.1*, л. 121б–124в. Киноварные заголовки в публикации отмечены киноварным инициалом.

Приложение 1

Послание о поставлении епископов в составе «Томоса единения»

Рязанская Кормчая. <i>Ф.п.П.1</i> , л. 348б–352а	Мерило праведное. <i>ТСЛ15</i> , л. 212–219	Власфимия. <i>Соф1262</i> , л. 70а–73в
И зложни ^ж рекше въспоминанне бѣвшаго въсѣдиненнѣ · при костантинѣ (348в) и романѣ · ѡвому ѹбо црѣвѣ · ѡвому же тогда црѣва оца · сано ^м почтену сѣцю ·	И зложени ^ж црѣвнаго сѣдиненнѣ · при костантинѣ и романѣ · ѡвому црѣвѣ · ѡвому же црѣвѣ оца сано ^м почтену о поставленѣ ппѣ ·	И зложение рекше въспоминанне · бѣвающаго црѣвнаго сѣдиненне при костантинѣ и романѣ · ѡвому црѣвѣ · ѡвому же тогда · црѣвѣ ѡца · сано ^м почтеноу сѣцю · ~
Г ѣ нашъ ісѣ хѣ бѣ · своимъ си учениемъ и аплѣмъ · и елици же по тѣхъ · достинни бѣша наслѣднѣ его · израденъ нѣкын жрѣбѣи миръ остави · се познание дароваа своимъ · иже к немѣ присвоениа ·	Г ѣ нашъ ісѣ хѣ · своимъ ученикомъ и аплѣмъ и кланко по тѣхъ · достинни бѣша наслѣднѣ его · израденъ нѣкын жеребѣи миръ остави · и се знаменѣ да своимъ · к немѣ присвоениа ·	Г ѣ нашъ ісѣ хѣ бѣ · свои ^м оученикомъ и аплѣмъ · и елико по тѣхъ достинни боудѣтъ наслѣднѣ его · израденъ нѣкын жрѣбѣи · и миръ остави · се познание дарова (70б)а своимъ · иже к немѣ присвоениа ·
да союзо ^м мира стажаеми · дѣвнаго не растергнѣтъ сѣдиненнѣ · первѣе самъ своимъ показаннемъ		да союзо ^м мира стажаеми · дѣвнаго не расторгнѣтъ сѣдиненнѣ · первѣе своимъ показаннемъ
показавъ намъ · еже имать о мирѣ изволение его же ра ^д превъшше всакѣи въсотѣи сын · и нашему ѹничиженню снѣде · и приближно намъ · плѣти и крове прибѣшиа · да дрѣгъ ѡ дрѣга раздѣлшесѣ вѣ сѣдиненне ѹстроитъ ·	самъ показа · и кже о мирѣ изволение имать · всакѣи въсотѣи сын · к нашему ѹничиженню снѣде · прибѣшиа плоти и крове нашѣ · да дрѣгъ ѡ дрѣга раздѣлшесѣ · вѣ единѣи ѹстроитъ ·	самъ показавъ намъ · еже имаетъ ѡ мире изволения · когоже ради всакѣи въсотѣи сын превъшшѣи · к нашему ѹничиженню снѣде · и прибѣжно намъ плоти и крови прибѣшиа · да дрѣгъ ѡ дрѣга раздѣлшасѣ в сѣдинѣниа ѹстроитъ ·
и потомъ же и того оучению наказанѣи таковое остави достоинне ·		и потомъ же и того оучению · наказаннемъ таковое остави достоинне ·

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
еже смиритисѧ межю ^д собою · и не се токмо · нѣ и дру ^г (348г)гыѧ въ мирѣ въводити стѣзаниѧ имущиѧ межю ^д собою ·	смирѧтисѧ мѣжю собою · и не се токмо · но и дру ^г гыѣ въ мирѣ въводити ·	еже смиритисѧ мѣжи собою не се токмо но и дру ^г гыѧ въ мирѣ въводити · стѣзание имущѣ мѣжи собою ·
	рече г҃ъ ѿ сего разумѣють вси тако мѡи ученици ксте · аще любите дру ^г дру ^г а (Ин. 13: 35) · (212об.) а не аще чюдеса творите ·	рече г҃ъ ѿ сего разумѣють вси тако мои ученици есте · аще любите дру ^г дру ^г а · а не аще чюдеса творите ·
		или проричаете · или бесы изгоните · многѣжды бо чюдотворения и невѣрными бывають · не всѣ бо проричаѧ прѣдѣнѣ · ни всѣ бесы изганаѧ сѣтъ ¹ · но ѿ плодѣ ихъ познате ѧ (Мф. 7: 16, 20) рече г҃ъ ·
къ таковѣи оубо сущи вещи · искони и нѣнѣ · не престаѣтъ лукаваго мѧтежнаѧ злоба ·		но таковѣи соущи вѣщи искони и донѣнѣ не престаѣтъ · лукаваго мѧтежнаѧ злоба · ~
сщ҃инны ² и бѡгланѣ апл҃и его оученици преданѣѧ имѣ · спсѣнѣѧ его заповѣди хотѣще исполнити ·		Вщ҃инни бѡгласни апл҃и · преданѣѧ имѣ спсѣнѣѧ кѡ заповѣди хотѣще исполнити ·
въ начало оубо евангелѣскыѧ проповѣди не требоваху · тверда законоположения · или запрѣщениѧ · нѣ точию еже приводити на кр҃щениѧ по кр҃щени же и по исполненѣи вѣрѣ · держновение въсьприемши · тако съ властью влч҃ныѧ заповѣди свершиша · тогда оубо ѡснованиѣмъ твердыѣмъ сѣтѣю цркѣвь · оградѣша ³ ·	въ начало бѡ евангелѣскыѧ проповѣди · не требоваху твердагѡ законоположения · ли запрѣщениѧ · но точию приводити на кр҃щениѧ по кр҃щени же и по исполненѣи вѣрѣ · держновениеѧ приимше · со властью влч҃наѧ заповѣди свершивше · тогда ѡснованиѣмъ твердыѣмъ сѣтѣю цркѣвь оградѣша ·	въ начало оубо кѡнгалѣкыѧ проповѣди · не требоваху бѡ твѣрдагѡ законоположения · или запрещениѧ · но точию на кр҃щениѧ приводити · по кр҃щени же и по (70в) исполненѣи вѣрѣ · дѣрзновение приимше сѣтѣю дѣѧ · съ властью и влч҃наѧ заповѣди свершивше · тогда оубо ѡснованиѣмъ твердыѣмъ · сѣтѣю цркѣвь ѡградѣша ·

¹ Климент Римский. Постановления апостольские. Кн. 8, гл. 2.

² Отсюда начинается вставка в «Томос единения» – анонимное послание о поставлении епископов.

³ Кирилл Александрийский, толкование на 50-й псалом [PG 69: 1101.51].

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
<p>запрѣщенна же и ѿлученна сборнѣа цркви · безъчиннѣымъ и непокоривѣымъ бжественомѹ законѹ положиша · нѣкѣа же и до смѣрти осудѣша · акты же въ дѣяньихъ верховнымъ аплмъ · ана(349a)нию и самфирѹ (см. Деян. 5: 1–5) · и того велеглаго агла павла сѹдивша · таковаго рече <u>продати сотонѣ</u> <u>въ измѣжданіе плѣти</u> (1 Кор. 5: 5) · виждѹ оубо колико потѣшаніе и поспѣшеніе имѣхѹ · ѿ исправленѣи вѣрнѣихъ · паче же ѿ сѣдиненѣи всѣхъ црквѣ · аще бо кто когда ихъ хотѣше раздрѣшитиса · телеснаго сѣжити · то преже мѣтвѹ теплѹ съ слезами въспѹщахѹ къ боꙋ ѿ ѹтверженѣи вѣрѣ · и въ непозыбаваніи цркви да не нѣкако расколѣн · и раздираниа бѹдѹтъ · въ стѣни сборнѣи цркви · еже и быѣ послѣждѹ ѿ насамѣхъ сѹнникъ ·</p>		<p>запрѣщение же и ѿтлѹчение сборнѣа црви · безъчиннѣымъ и непокоривѣымъ бжтвеномѹ законѹ положиша · некѣа же и до смѣрти осудѣша · такоже и в дѣяньихъ вѣрховнымъ аплмъ петромъ · симона купца бл҃гати стго дх҃а · и ѿнаныю и самфирѹ · того велегласнаго агла павла сѹдивша · таковаго рече <u>продати сотонѣ</u>⁴ · въ <u>измождѣние плоти</u> да дх҃ъ спасетсѹ · виждѹ оубо колко потѣшаніе · и поспѣшеник имѣахѹ · ѿ исправленіи вѣрнѣихъ · паче же ѿ сѣдинѣни всѣхъ црквѣ · аще бо кто когда ихъ · хотѣше раздрѣшитиса телесна · жити · то преже мѣтвѹ теплѹ съ слезами въспѹщахѹ къ боꙋ · ѿ ѹтверженіи вѣрѣ · ѿ непозыбаваніи црви · да не кѣмъ извѣтомъ расколѣи и раздираниа бѹдѹтъ · въ стѣни зборнѣи аплѣти цркви · еже и бы · послеже ѿ насъ самѣхъ сѹнникъ · <u>страстѹю</u> <u>сребролюбѣю</u> ·</p>
<p>симъ оубо стѣниѣ вселенскѣи сворѣ · и помѣстѣнѣи же боносивѣихъ ѿцѣ съворѣ · въслѣдѣствѹюще законѣна правила положѣша · стѣни цркви на ѹтверженіе · тако стѣнами нѣкоторѣими чюдовидимѣи · тою вградивше вѣрнѣа · да хощете и своа похоти съ(349б)вершати · зломѣислѣнѣа · и непокоривѣи крамолници · не зѣло имъ ѹдобъ бѹдетъ · въхѹдити же или нсхѹдити ·</p>	<p>стѣни вселенѣстин · и помѣстѣнѣихъ оцѣ свѣри · законѣнаа правила положиша · зборнѣи цркви на ѹтверженіе · такѣ стѣнами нѣкѣи чюдовидимѣи · тою вградиша вѣрнѣа <u>запрѣщенѣа и ѿлученѣа</u> · <u>бѣшинѣиномъ</u> и непокоривѣымъ · кѣромолникомъ и зломѣислѣиномъ · не ѹдобъ бѹдетъ вхѹдити и нсхѹдити ·</p>	<p>ѹимъ оубо стѣни велици вселенѣстин збори · и помѣстѣнѣихъ же боносивѣихъ ѿцѣ зборѣ · въслѣдѣствѹюще законѣнаа правила положиша · стѣни зборнѣи апостѣлѣстѣи цркви на ѹтвѣрженіе и · тако стѣнами некоторѣи чюдовидимѣи тою вградивше вѣрнѣа члѣкѣи · ~ Да хотѣше своа похоти сверша(70г)ти · зломѣислѣни непокоривѣи еретници · не зѣло имъ оѹдобъ бѹдетъ · вхѹдити же или нсхѹдити · ~</p>

⁴ ѿнаныю и самфирѹ ... продати сотонѣ. Текст повторяется в Соф1262, л. 72а.

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
см. л. 351r–352a	мирови виньнѣи уучитель · хъ бѣ нашъ · рекѣи вратомъ адовымъ · не удолѣти цркви кѣ · и миръ кѣ съблюдактъ · невредно архирѣи пастырѣ истиньнѣи · сѣинымъ чамъ прѣтѣа невѣстѣи кѣ · подѣ сѣнью сѣтѣа цркви · и прѣтѣа адра мѣре въведе · и затвори во оградѣ спасе(213)нѣхъ заповѣди · на злацѣ бжтвенѣхъ тани · да не мощно бѣдетъ звѣремъ входити · и въсхъщати паствѣ хвѣ · смѣшати црквиныи исполнени · и вѣдѣ тѣи радоватисѣ о собѣкупленѣи чадѣ · собѣ же кѣиѣи устѣи и кѣиѣи срдѣемъ · приносити славное възношенѣе ·	II мирови виньнѣи оучѣль · хъ бѣ нашъ · рекѣи вратомъ адовымъ · не удолѣти цркви кѣ · и миръ еѣ съблюдактѣсѣ невредно ⁶ · ~ Архирѣи истиньнѣи пастырѣ хъ бѣ нашъ · сѣинымъ чадомъ прѣтѣа невѣстѣи его ⁷ подѣ сѣнью сѣтѣа цркви ⁸ кѣ и въ прѣтѣа адра мѣри въведе ⁹ · и затвори въ оградѣ спасенѣхъ заповѣди ¹⁰ · на злацѣ бжтвенѣхъ тани въспита · да не мощно боудетъ злохотнѣмъ звѣремъ входити · и въсхъщати паствѣ хвѣ ¹¹ смѣшати црквиное исполнѣние ¹² · III въѣдѣ тѣи радоватисѣ · ѡ собѣкупленѣи чадѣ своихъ · собѣ же и едиѣи оустѣи · и едиѣи срдѣи приносити славное възношенѣе ¹³ · ~

⁵ II мирови виньнѣи оучѣль ... не удолѣти цркви кѣ. Текст заимствован из «Томоса единения», повторяется в *Соф1262*, л. 73б.

⁶ миръ еѣ съблюдактѣсѣ невредно. Текст заимствован из «Томоса единения», повторяется в *Соф1262*, л. 73б.

⁷ Архирѣи истиньнѣи ... прѣтѣа невѣстѣи его. Текст заимствован из «Томоса единения», повторяется в *Соф1262*, л. 73б.

⁸ подѣ сѣнью сѣтѣа цркви. Текст заимствован из вставки в «Томос единения», повторяется в *Соф1262*, л. 73а–73б.

⁹ въ прѣтѣа адра мѣри въведе. Текст заимствован из «Томоса единения», повторяется в *Соф1262*, л. 73б.

¹⁰ затвори въ оградѣ спасенѣхъ заповѣди. Текст заимствован из вставки в «Томос единения», повторяется в *Соф1262*, л. 73б.

¹¹ да не мощно ... паствѣ хвѣ. Текст заимствован из вставки в «Томос единения», повторяется в *Соф1262*, л. 73б.

¹² смѣшати црквиное исполнѣние. Текст заимствован из вставки в «Томос единения», повторяется в *Соф1262*, л. 73б.

¹³ III въѣдѣ тѣи радоватисѣ ... славное възношенѣе. Текст заимствован из «Томоса единения», повторяется в *Соф1262*, л. 73б.

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
<p>то самъ дверникъ есть · главъин · азъ есмь дверь мною аще кто внидетъ и изидеть · пажить <u>оврацетъ</u> (Ин. 10: 9) · и пакы не вхо^дди дверми въ дворъ овчин тать есть и разбонникъ · а иже вхо^дди дверми · пастъыръ есть <u>ввцамъ</u> · и сему <u>дверникъ</u> рече <u>ѡверзаетъ</u> · и <u>ввца гла</u> его слышати · и по немъ иду^ть (Ин. 10: 1–3) · и пакъ азъ есмь пастъыръ добръин · пастъыръ бо добръин <u>дию</u> свою полагаетъ за <u>ввца</u>¹⁴ (Ин. 10: 11) · сице оубо еппи пасуще паствѹ хѹ · должни сѹтъ · всакъими <u>образъи</u> <u>пѡвѣнтиса</u> хѹ · и <u>аплъ</u> бо рече братъа <u>подобни</u> ми бъиванте · <u>акоже</u> и азъ хѹ (1 Кор. 4: 16; 1 Кор. 11: 1) · и пакы иже <u>еппѣствѹ</u> <u>хошеть</u> · на добро дѣло <u>желаеть</u> ·</p>	<p>то самъ дверникъ ксть главъин · азъ ксмь двѣрь мною кто внидетъ изидеть пажетъ и <u>оврацетъ</u> · а не вхо^дди дверми · въ дворъ овчин тать ксть и разбонникъ · а вхо^дди дверми пастъыръ ксть <u>ввцамъ</u> · и сему <u>двернику</u> <u>ѡверзаетъ</u> · и <u>ввцѣ гла</u> кго слышати · и по немъ иду^ть · и пакы азъ ксмь пастъыръ двѣрьин · пастъыръ бѣ двѣрьин <u>дию</u> свою полагаетъ за <u>ввцѣ</u> · сице кппи · пасуще паствѹ хѹ · должни сѹтъ <u>всѣми</u> <u>образъи</u> · <u>подвѣнтиса</u> хѹ · и <u>павелъ</u> рече братъин · <u>подвѣни</u> ми бъиванте <u>акоже</u> азъ хѹ · и пакы <u>кппѣствѹ</u> <u>хошеть</u> · на <u>добрѹ</u> дѣло <u>желаетъ</u> ·</p>	<p><u>Тѣ</u> самъ¹⁵ ксть <u>главъин</u> · азъ ксмь двѣрь · мною аще кто внидетъ изидеть <u>пажитъ</u> <u>оврацетъ</u> и пакы не вхо^дди двѣрьми въ дворъ <u>овчин</u> · <u>но прелаза</u> <u>инудѹ</u> (Ин. 10: 1) <u>чресъ</u> <u>заповѣди</u> <u>спсовы</u> <u>стѣхъ</u> <u>аплъ</u> и <u>ѡцѣ</u> · тать ксть и разбонникъ · а иже вхо^дди двѣрьми · <u>сиречь</u> <u>заповѣдъми</u> <u>ѡуангълъими</u> · пастѹхъ ксть <u>нстинънъци</u> <u>ввцамъ</u> · и сему <u>ахъ</u> <u>стѣин</u> <u>двѣрь</u> <u>ѡверзаетъ</u> · (71a) и <u>ввцѣ гла</u> кго слыша¹⁶ и по не^ѣ иду^ть · <u>Ѳ</u> пакы <u>рече</u> <u>хсѣ</u> · азъ ксмь пастъыръ добръин · пастъыръ бо добръин¹⁶ <u>дию</u> свою полагаетъ за <u>ввцѣ</u> · сице оубо кппи пасуще паствѹ хѹ · должни соутъ всакъими <u>вбразъи</u> <u>подобни</u> христѹ · ~ <u>Ѳ</u> <u>павелъ</u> <u>аплъ</u> рече · братне <u>подобни</u> ми бъиванте · <u>акоже</u> азъ хѹ и пакы <u>рече</u> <u>аплъ</u> · иже <u>кппѣствѹ</u> <u>хоше</u> на <u>добро</u> дѣло <u>желаетъ</u> · ~</p>
<p><u>подобаетъ</u> же <u>еппѹ</u> бъити <u>непорочнѹ</u> <u>трѣзвѣнникѹ</u> · и <u>чи</u>(349в)<u>стѹ</u> <u>плотню</u> · <u>постънникѹ</u> <u>рекше</u> <u>трѣзвѣнникѹ</u> въздѣржаливѹ · не <u>винопинци</u> · не <u>пакостънникѹ</u> · не <u>сварникѹ</u> · не <u>сребролюбцю</u> · <u>праведнѹ</u> · <u>прпѣнѹ</u> · <u>учителнѹ</u> (1 Тим. 3: 1–3) · не <u>словесъи</u> <u>точью</u> · а <u>дѣла</u> <u>неподобными</u> <u>обложени</u>¹⁷ · но <u>паче</u> <u>дѣла</u> <u>блгъими</u> <u>авнтиса</u> · к <u>тому</u> же и <u>оучити</u> ·</p>		<p><u>Ѳ</u> <u>подобаетъ</u> же <u>кппѹ</u> бъити <u>непорочнѹ</u> · <u>трѣзвѹ</u> <u>непорочнѹ</u> · <u>чѣоу</u> <u>плотью</u> · <u>постнникѹ</u> · <u>трѣзвѣнникѹ</u> · въздѣржаливоу · не <u>винопинцѣ</u> · не <u>пакостнникѹ</u> · не <u>сварливоу</u> · <u>непорочнѹ</u> · не <u>сребролюбцю</u> · <u>праведноу</u> <u>прпѣнѹ</u> <u>оучѣтаноу</u> · не <u>словѣсъи</u> <u>точью</u> · а <u>дѣла</u> <u>неподобными</u> <u>вбложеноу</u> · но <u>паче</u> <u>дѣла</u>¹⁸ <u>добръими</u> <u>авнтиса</u> · к <u>тому</u>¹⁸ и <u>оучити</u> ·</p>

¹⁴ Помета ранним полууставом прѣ.¹⁵ Далее стерто слово из пяти букв, возможно, главъ.¹⁶ Слово ошиб. повторено дважды.¹⁷ Послание Исидора Пелусиота к Евсевию епископу, Ер. 30 [PG 78: 201].¹⁸ Слово ошиб. повторено дважды.

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
	слышите и разумѣите · дѣло похвалають ¹⁹ а не санъ ·	
рече бо бжтвѣньк евангѣль · начати се первее створити потомъ же оучити (Деян. 1: 1) ·	такъ и лѣка евангѣль пишетъ · начатъ ѿ первоу творити потомъ уже и оучити ·	Такъ и лѣка евангѣль пишетъ · начатъ ѿ първѣ творити · потомъ оучити ·
		слышите и разумѣте дѣло похвалають а не санъ ∴ ~
и гъ рече · тако да просвѣтитъсѧ свѣтъ вашъ предъ члвкъ · тако да видѣше дѣла ваша добра · прославить ица вашего еже естъ на небѣхъ (Мф. 5: 16) дѣла бо добра многажды непокоривъи и слабѣи възмогша оумудрити · и въ разоумѣ истиньнѣи прити (1 Тим. 2: 4) ·	и гъ рѣ · (213об.) тако да просвѣтитъсѧ свѣтъ вашъ предъ члвкъ · да видѣше дѣла ваша двѣра · и прославятъ ица вашегу небагу · дѣла бо двѣра видѣше многажды · непокоривъи и слабѣи · въ разоумѣи и оумудриши · дѣла бо въру свершаютъ (Иак. 2: 22) ∴ ~	И гъ рѣ тако да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ члвкъ · такъ да видѣше дѣла ваша добра · и прославятъ ица вашего иже ксть на небсехъ · дѣла бо добра многажды непокоривъи и слабѣи възмогша · и въ разоумѣ истиньнѣи прити · створиши · дѣла бо рече въру свершаютъ ∴ ~
сего ра ^д побаетъ епѣ преже всего · чисту быти тѣломъ · и потомъ оучителну кротку долготерпеливу · а не наглодишну · или сварливу · (349г)	см. л. 217	Фего ради подобаетъ епѣ преже всего чѣу быти плотню · потомъ учителаго кротку · долготѣрпеливу · а не наглодишну или сварливу ²⁰ ∴
	григорин бгословець сице рѣ · о кпѣхъ и попѣхъ · подобаетъ прѣ очистити · потомъ расъставити · быти свѣту и просвѣтити · приблизитисѧ бгу и прѣвести ны · оститисѧ и стити · привести рѣкама · свѣщати разоумомъ · во тѣ днѣ браненъ · истиньнаго застѣпника · по ангѣхъ поставленаго · и съ ангѣ слава · и съ хсѣмъ	И григорин бгословець сице рече о кпѣхъ и о попѣхъ подобаетъ преже о(716)чистити потомъ расъставити · быти свѣту и просвѣтити · приблизитисѧ къ бгу · и привѣсти къ бгу и крѣхъ · оститисѧ и стити · привести крѣщенемъ · и свѣщати разоумомъ · въ тѣ днѣ браненъ · истиньнаго застѣпника дѣло ксть то · по ангѣхъ поставленаго · и съ

¹⁹ Парафраз латинской пословицы Opus laudat artificem.

²⁰ Фего ради подобаетъ... наглодишну или сварливу. Текст повторяется ниже: ТСЛ15, л. 217 и Соф1262, л. 72а.

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
	сѣчистительствова ²¹ ∴ ѿше бѹдетъ кѣпа поставити · разꙋмѣти клирикомъ · и первѣмъ города · во нь же хощетъ поставленъ бѣти · предълежащимъ сѣтымъ кѡнѣанѣмъ ·	анѣлы славащаго · и сѣ христосомъ сѣчистительствоващаго ∴ ~ ѿше боꙋдетъ еѣпа поставити · разꙋмѣти клирикомъ · и первѣмъ города · в не же хощетъ поставленъ бѣти · предълѣжащимъ сѣмъ еѣанѣмъ ·
	на · г · хъ лицихъ	и предъ трѣми чинѣми · предъ цркъымъ и стаѣымъ · и прочихъ люди · подобаетъ епискꙋпу
	причетъ творити · бѡлши изберетсѣ · и поставленъ бѹдетъ · и клатисѣ кꙋмъ бѣжикъ словомъ · написати харатѣю · ни вдатѣ ра ¹ ни обрѣтениа · ни любве ни (214) блѣгдати ради · ли иноѣ кѡкѣ дѣла мѣти ²² · ни о собѣ ни о иномъ лицѣ дасть · ли о бѣща ·	причетъ творити · болшин изберетсѣ · и поставленъ бѹдетъ · и клатисѣ емꙋ бѣжнимъ словомъ · написати харатѣю · ни вдатѣ ради ни вбренни · ни любве · ни блѣдѣ ради · ни иноа коеа дѣла мѣти · ни собою ни инѣмъ кꙋмъ дасть · ни вбѣщаѣтъ
	ни по сихъ дасть ·	ни преже поставленѣ дасть · ни кꙋпно сѣ поставленѣмъ · ни по поставленѣ · ничтоже николиже поставленѣ дела дасть · ни вбѣщаѣтъ
	ли поставляющемꙋ кꙋ · ли причтѣ на немъ творѣщꙋ · аще ли кто чресъ се сѣхраненик поставленъ бѹдетъ · повелѣаѣмъ кꙋмъ всѣмъ образѣмъ ѿ кѣпѣства изъгнати ²³ · и вѣзвѣщати тому бѣжтвенꙋ слꙋжбꙋ · о сѣтѣмъ причастѣи · и о крѣнѣи молитвѣ · и причаа ²⁴ пѣтръ ·	ни поставляющемꙋ его ни причтѣ на немъ творѣщемꙋ · ни нꙋтаремъ рекше писцемъ · аще ли кто чресъ се сѣхранение поставленъ бѹдетъ · повелѣ[ва]емъ кꙋмъ всеми образѣмъ ѿ еѣпѣства (71в) изъгнати · аще ли не покорѣтсѣ проклати повѣлѣаѣмъ ∴ ~ ꙗко подобаетъ кѣпꙋ вѣзвѣщати бѣжтѣнꙋ слꙋжбꙋ · ѡ сѣтѣмъ причастѣи · и ѡ крѣнѣи молитвѣ · и прочаа писанне

²¹ григѡринъ бѣгославецъ ... сѣ хѣсомъ сѣчистительствова. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 798.3, 6, 8, 16–21, 24–27]. См.: [Вершинин 2019: 158].

²² ѿше бѹдетъ кѣпа ... иноѣ кѡкѣ дѣла мѣти. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 800.7–18]. См.: [Вершинин 2019: 159].

²³ ни о собѣ ... ѿ кѣпѣства изъгнати. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 801.24 – 802.6].

²⁴ и вѣзвѣщати ... и причаа. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 801.18–21].

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
см. л. 350в	изꙋстъ вѣдꙋще и толкꙋюще · кѡнѣангльскаѧ и апльскаѧ послання · и закѡнныѧ правила · не просто чисти · но и разꙋмъ ихъ вѣдати · да и нигѣхъ могутъ привести · и кретикомъ оꙋста заградити ·	изꙋстъ вѣдꙋще и толкꙋюще · такоже и бжтвное еꙋанглие и аплкаѧ послання · и законънаѧ правила · не просто то чести но и разꙋмъ ихъ вѣдати · таковин оꙋбо и ннѣхъ · могу ²⁵ в разꙋмъ истинньнѣи привести · и еретикомъ оꙋста заградити ·
	и не постыдѣти ни князѧ велика · ни многꙋхъ князинъ ∴	и непостыднꙋ быти противꙋ црмъ и кнземъ · и властелѣмъ непокоривымъ · за спсовы заповеди · и аплкаѧ и вѣцскаѧ · каноньскаѧ предання ∴
	Подобаѣтъ ѿ кпѣвъ и поповъ · мѣтвѣ слꙋжебѣ и крѣнью и прочаѧ · не по молчанию свершати · но с великимъ гласомъ вѣрнымъ людемъ слышанъ ²⁶ · что ли снхъ презрѣтъ · страшномꙋ сꙋдꙋ великагѡ бѣѧ вѣщають · ни мы свѣдꙋще оꙋмолчимъ · ли нестрѣнна оставимъ поѣнагѡ исправленъ ²⁷ ∴ (214об.)	Подобаѣтъ ѿ епповъ и ѿ поповъ · мѣтвѣ и слꙋжебѣ и крѣнню · и прочаѧ не по молчанию свершати · но съ вѣлкимъ гласъ вѣрнымъ · людемъ слышанъ · что ли снхъ презрѣтъ ненсправлено · страшномꙋ сꙋдꙋ великагѡ бѣѧ вѣщають · ни мы свѣдꙋще оꙋмолчимъ · ли нестрѣнна вставимъ · подобнагѡ исправленъ ∴ ~
	Вѣдꙋще кѡ правою свѣрою вѣрою · въ · г · десѣтнок лѣто · и чѣтымъ житикмъ · ни женъ · ни дѣтти имѣти ни меншци · ли дѣти кстѣственъгѣ имѣти кмꙋ · ли подꙋжък · и то кдинъ · а не вдовици · ни ѿ мꙋжа ѡлꙋчивъшѣасѧ · ни правилы ѡреченꙋ ²⁸ · и тоѣ ѡлꙋчитисѧ · ни пꙋ · ни поꙋ · ни дѣаконꙋ · ни въ клиросѣ кѡкмꙋ чюжегѡ лица имѣти · развѣ мѣре ·	

²⁵ В рукописи ошиб. могу^т.

²⁶ ѿ кпѣвъ и поповъ ... людемъ слышанъ. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 805.20–23]. См.: [Вершинин 2019: 159].

²⁷ что ли снхъ ... поѣнагѡ исправленъ. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 806.21–25, 807.9–10]. См.: [Вершинин 2019: 159].

²⁸ свѣдꙋще кѡ ... ни правилы ѡреченꙋ. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 800.18 – 801.1]. См.: [Вершинин 2019: 159].

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
	и мѣрна сестры ²⁹ токмо · в никѣи свѣрѣ оучитъ · и василии великии · двоженъцемъ црѣвъ затваряють ³⁰ · но и горожанину вину кѣмъ · и в монастыри не мнѣ · н · лѣ · мнишски жива · ли ино житѣе не обогану сверши ³¹ ∴ Аще ли кто ѿгланникъ нѣкакъ своритъ · о какъи винѣ · на поставляемаго пискупъ · ли попа · ли дѣякона · ли клирика · ли игумена · ождаетъ поставленіе · аще нѣкими винами ѿречеными правилы · и нашимъ закономъ · се тако съхранити ³² ∴	
см. л. 350в	Ѽце о праздни ^ѿ хъ ппѣхъ смотрити ∴	
см. л. 350г–351а	Аще поставленъ бѣвъ и пѣренъ двѣ(216)ждѣ ³³ · и · г · ждѣ · с прѣщеникомъ · и не приатъ люди страны тоа · ли крѣтикъ изгнанъ · ли поганьскаго ра ^д нахоженна · ли црѣва иного приатѣа · таковыхъ възводити на престолъ · вдовѣствующаа црѣве повелѣваемъ ∴ Аще ли кто ѿ тѣхъ обращетъса · томленъ мученъ вѣзаны · темницу подѣмше · и по тѣхъ стрѣхъ цѣло исповѣданы · и вѣру праву показали · к нимъ же поставлены бѣша · таковыхъ на большии лучини степенъ възводити повелѣваемъ · блгдати и чти подати имъ многи · да и окрестьнии оутверженіи вѣрою бѣдѣ · на съхраненіи нашегѣ црѣва ∴	
см. л. 350в–350г	Аще ли кто свою црѣвь оставляеть · нищѣты ра ^д · ли писаникомъ ѿрекъса · ли обидѣ ра ^д · ѿ злодѣи бѣхъ властель страны тоа · ли поставлены бѣвши · и роскашаша тамо нти и не послушають · таковыхъ не токмо помиловати · но изверчи повелѣваемъ · и ѿ щеніи ѿлучити ∴	

²⁹ ни ппѣ ... мѣрна сестры. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 799.26 – 800.2]. См.: [Вершинин 2019: 159].

³⁰ токмо · в никѣи ... црѣвъ затваряють. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 799.23, 18–20]. См.: [Вершинин 2019: 159].

³¹ но и горожанину ... не обогану сверши. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 801.1–7]. См.: [Вершинин 2019: 159].

³² Аще ли кто ѿгланникъ ... тако съхранити. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 802.7–13, 805.13–16]. См.: [Вершинин 2019: 159].

³³ Номер листа 215 пропущен при нумерации.

³⁴ не слѣпѣѣ ... некижнѣѣ. Ср. с «Томосом единения», *Ф.п.П.1*, л. 351г и *Соф1262*, л. 73б.

³⁵ бг҃словаѣѣ ... а не дх҃овноѣѣ. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 799.1, 5–7, 10–16]. См.: [Вершинин 2019: 160].

³⁶ Далее затерто мно.

³⁷ В рукописи ошиб. преденни.

³⁸ Ошиб. повторено дважды.

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
см. л. 350б–350в		недостонно бо ксть псомъ давати стѣго · н ^о стѣга стѣмъ дадите рѣ · иже дѣломъ и словомъ стѣи сѣ · чти и непорочни и мѣтви · книголюбци · а не сребролюбци · въздѣржаливи въ мѣтѣвахъ прѣбывающе днѣ и ноцѣ · непрестанно молаще за црѣа и люди · ~
см. л. 351г	Ѹа въсотѣ стѣльства възводити · добръ могѣ(217)щиа · и крѣпѣкѣ · не тѣломъ но дѣшею и разѣумомъ · могѣщихъ пастѣвѣ хѣвѣ блѣости · дѣша словесныхъ овецѣ ·	Ѹа на въсотѣ стѣльства възводити · добре могѣщаа · и крѣпѣкѣ · не теломъ (72а) н ^о дѣшею и разѣумомъ · могѣщи пастѣвѣ хѣвѣ блѣости · дѣша словесныхъ овецѣ ³⁹ ·
см. л. 349б–349в	павла правиломъ себе простѣраа · таже о пѣхъ и пѣхъ повелѣ · трѣзвомъ и цѣломудрьномъ бѣти · тѣломъ чѣтѣ · постѣнникѣ праведнѣ · преподобнѣ оучителю · непостѣжнѣ во всемъ · свон домъ добръ строишю · кроткѣ долготѣрпѣливѣ · а не наглодѣшнѣ и сварливѣ (1 Тим. 3: 2–4) ·	павла апѣла правиломъ себе оутѣрѣжаа · таже ѡ епѣхъ и ѡ попѣхъ повелѣ · трѣзвомъ и целомудренѣмъ бѣти · теломъ чѣтѣ постѣнникѣ и праведнѣ прѣдѣнѣ и оучѣлю · непостѣднѣ въ всемъ · свон домъ добръ сѣстроа · кроткѣ долготѣрпѣливоу · а не наглодѣшноу · рекше и гнѣвливу несварливу ⁴⁰ · ~
обаче ⁴¹ естѣ похвала сваритѣса о црѣвнѣхъ вѣщехъ · и на ѣтверженне имъ и еже ѡбидѣ ради вдовицѣ и сиротѣ · и въ темници бесправедно осѣужаемѣхъ · тѣхъ	обаче ксть похвала сваритѣса · о црѣвнѣхъ вѣщехъ · на оутѣрженѣкѣ имъ ѡбидѣ ради сиротѣ и вдовицѣ · и въ темници бес правды затѣварѣмѣхъ · и сѣхъ ради винѣ · и дѣшо	обаче ксть похвала сваритѣса · ѡ црѣвнѣхъ вѣщехъ · оутѣрженѣхъ на оутѣрженѣкѣ имъ · еже ѡбидѣ ради ⁴² сиротѣ и вдовицѣ · и въ темници бесѣ правды ѡсѣужаемѣхъ ·

³⁹ Ѹа въсотѣ стѣльства ... дѣша словесныхъ овецѣ. Текст повторяется ниже: ТСЛ15, л. 219 (частично) и Соф1262, л. 73а.

⁴⁰ ѡ епѣхъ и ѡ попѣхъ ... гнѣвливу несварливу. Повтор цитаты из послания ап. Павла, см. Соф1262, л. 71а. Цитата воспроизведена с восполнениями.

⁴¹ Помета ранним полууставом чѣти.

⁴² Далее вычеркнуто вдовицѣ.

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
ради ꙗко винѣ подобаетъ дѣлю свою положити · таковы оубо не сварливы · но паче похвални и премудри · и въ ветѣсѣмъ · монсиа его же свѣдѣтельствуютъ книгы · кротка зѣло · нъ верѣтаемъ его многожды · на лю ^д и гнѣвающася · и прѣтѣща велми · такоже и дѣда безлобна · и ѿню ꙗко угненоснаго прѣка · ꙗ· жрець заклавашаго · и два патѣдесатника огнемъ сѣжегша ·	свою положити подобаетъ · таковни не сварливи но паче похвалени и премудри · Въ ветѣсѣмъ <u>послушествоуютъ книги</u> монсѣа кротка велми · но верѣтаемъ его многожды · на люди гнѣвающася и прѣтѣща велми · и дѣда безлобна · <u>а въ бранехъ</u> <u>отинуды крѣпка</u> · илю огненоснаго · ꙗ · жрець заклавашаго · и два патѣдесатника огне(217об.)мъ сѣжегъша ·	тѣхъ оубо ради винѣ и дѣлю свою подобаетъ положити · таковни оубо не сварливи · но паче похвалени и премудри · ~ <u>И въ ветѣсѣмъ законѣ</u> <u>послушествоуютъ книги</u> · монсѣа кротка вѣлами · но верѣтаемъ его многожды · на люди гнѣвающася и прѣтѣща велми · такоже и давѣда безъзлобна · <u>а въ</u> <u>бранехъ велми крѣпка</u> · и илию угненосна прѣка · ꙗ · жрець заклавашаго · и два патѣдѣсатника угнѣмъ сѣжыгша · ~
и въ новѣмъ же законѣ · петра и павла оного ананию и самфирѹ оуморивъша · такоже и въше рекохомъ ⁴³ ·	<u>И в новѣмъ петра</u> <u>верховнаго · онанью и</u> <u>самфирѹ оуморивша и</u> <u>павла · въ коринѣ</u> <u>сѣблюдившаго преда</u> <u>сотонѣ</u> ·	<u>И въ новѣмъ же законѣ петра</u> <u>вѣрховнаго · симона купца и</u> <u>блѣдти стѣго дѣа · съ срѣвромъ</u> <u>въ пагубѹ весудившаго · и</u> <u>ананью и самфирѹ · ѿ нарака</u> <u>оукрадившихъ · смрти предавша</u> <u>и · и павла · вѣрховнаго · в</u> <u>коринѣ сѣблюдившаго ·</u> <u>преда сотонѣ</u> ⁴⁴ ·
оного же къ тимотевѹ пишуща · тако <u>олександръ</u> <u>ковачь на лицѣ ми ста · да</u> <u>въздасть ему</u> (2 Тим. 4: 14) (350а) рече гъ · и къ коренфиѡмъ · <u>палицею</u> <u>ли рече приидѹ на вы или</u> <u>любвию</u> (1 Кор. 4: 21) · что же многы приводимъ · и самого га нашего їса хъ видимъ ⁴⁵ <u>бичемъ изгонѣша</u> <u>торжники нѣ цркви</u> (см. Ин. 2: 15) · и на нудѣа съ гнѣвомъ възирающа · и петрѹ прѣтѣща снче ·	к тѣмъ же рече · <u>палицею</u> <u>ли приидѹ к вамъ ли</u> <u>любвию</u> · и к тимофѣю рече · <u>олександръ ковачь ·</u> <u>на лицѣ ми ста · да</u> <u>въздасть ему</u> · Что многы приводимъ · и самого га видимъ · <u>бичемъ изъгнавши люди</u> <u>изъ цркви</u> · и на нудѣа съ гнѣвомъ възирающа · и <u>петрѹ прѣтѣща · иди за</u> <u>ма сотоно · не мыслиши</u> <u>таже сѹтъ бжїа но</u> <u>члѣвѣская</u> · Тако кѣтъ	к тѣмъ же рече с <u>палицею</u> <u>приидѹ к вамъ или с любвию</u> · и к тимофѣевѹ пишуща · <u>олександръ же ковачь на лицѣ</u> <u>[м]и</u> ⁴⁶ <u>ста · да въздасть ему</u> рече гъ (726) <u>Что многы</u> <u>приводимъ · и самого га</u> <u>їса хъ видимъ · бичемъ</u> <u>исплетенымъ · торжники</u> <u>купци дѣа стѣго изъ цркви</u> <u>изгна · писано бо кѣтъ рече ·</u> <u>храмъ мой храмъ матѣвѣ</u> <u>естъ вы же створисте пещерѹ</u> <u>разбойничьскѹ</u> (Мф. 21: 13, Мр. 11: 17) · на нудѣа

⁴³ Отсылка к тексту *Фл. II.1*, л. 348г–349а.⁴⁴ петра вѣрховнаго ... преда сотонѣ. Повтор текста с восполнениями, см. *Соф1262*, л. 70в. Парафраз Деян. 5: 1–3.⁴⁵ Написано над строкой со знаком вставки.⁴⁶ Фрагмент листа утрачен.

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
<p>иди рече за мною сотоно · ако не мѣслиши аже сѣтъ бѣниа · но аже сѣтъ⁴⁷ члѣчѣска (Мф 16: 23; Мр. 8: 33) · тако оубо естъ мерзѣко и ненавистно кѣ бѣ · еже члѣкоугодниа ради · престѣпати законъ бѣни · рѣ бо прѣкъ · бѣ расъплеть кости члѣкоугодникоу (Пс. 52: 6) · и павелъ великѣи рече · аще бѣхъ члѣкомъ ꙗгажалъ · не бѣхъ рабъ хꙋ былъ (Гал. 1: 10) · и петръ въ дѣланихъ · рече · праведно естъ послушати бѣ неже ли члѣкъ (Деян. 4: 19; Деян. 5: 29) · да не бѣтвѣныхъ радъ заповѣди · даже и до смѣрти стоати побаетъ · такоуѣи ꙗко вонстинꙋ блѣжнъ и трѣблѣжнъ естъ ·</p>	<p>мерзѣко и ненавистно бѣ · члѣкоугодниа ради · престѣпати законъ бѣни · прѣкомъ рече · бѣ расъплеть кости члѣкоугодникоу · и павелъ · аще бѣхъ члѣкомъ оꙗгажалъ · не бѣхъ рабъ хꙋ былъ · ꙗ петръ въ дѣланихъ рече · праведно кѣтъ послушати бѣ неже члѣкъ · исполнениа радъ бѣтвѣныхъ заповѣди · и до смѣрти стоати · такоуѣи вонстинꙋ блѣжени и трѣблѣжени · (218)</p>	<p>взирающа съ гнѣвомъ · и петроу прѣтѣща · иди за мною сотоно · такоже не мѣшлиши аже сѣ бѣниа · но аже сѣтъ члѣчѣска · ~ Тако оубо мѣрзко кѣтъ и ненавистно бѣ · еже члѣкоугодниа ради · престѣпати законъ бѣни · рече бо прѣкъ ꙗко бѣ расъсплеть кости члѣкоугодникоу · и павелъ веланикѣи рече · аще бѣхъ члѣкомъ оꙗгажалъ не бѣхъ хꙋ рабъ былъ · и петръ въ дѣланихъ рече · правѣдно же кѣтъ еже послушати бѣ неже ли члѣкъ · да неже исполнѣниа ради бѣтвѣныхъ заповѣди · доже и до смѣрти подбаетъ стоати · такоуѣи вѣстинꙋ блѣжени и трѣблѣжени ·</p>
<p>иже ли не самого того радъ бѣже (350б) ствѣнаго желаниа спсѣниа · и ползꙋ много дѣшъ · и ꙗсполнениа ради бѣтвѣныхъ заповѣди⁴⁸ · нѣ покоа радъ и срееролюбѣниа нѣхъ вола (толк. Сард. 1) · или ꙗ престола на престолъ прѣходѣщихъ · самѣмъ о себѣ · развѣ свершенаго свора (ср. толк. Ант. 16) · или по мѣздѣ въсходѣщихъ · или продающихъ · обон ти въ жрѣбни ꙗоды продавшимъ га · ѿлꙋчени сѣтъ · и кꙋпившимъ его нѣодѣмъ · или сꙋжитницъ свонхъ ꙋчающихъ · того ради сана⁴⁹ · аще кто ꙗ такоуѣхъ бꙋдетъ вшѣдъ на прѣстола стѣльства · извѣрѣши га</p>	<p>см. л. 216об.</p>	<p>см. л. 71г</p>

⁴⁷ Ошиб. повторено дважды.

⁴⁸ Помета ранним полууставом прѣ.

⁴⁹ Помета особым почерком сдѣ · чти.

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
повелѣваемъ · и въ степенѣ в немъ же бѣху преже в том же да пребываютъ · аще ли не покорятъсѧ · тогда бѣдѣти проклѣти · и ѿлучени сѣго ѡбщениа · пречистаго тѣла и крѣви хвѣи (ср. толк. Сард. 1 и толк. Сард. 2) и с помощники нхъ · недостойно бо есть даати сѣго псомъ (Мф. 7: 6) · нъ сѣаа сѣтымъ дадите рече · иже дѣломъ (350в) и словомъ сѣи сѣти · чисти и непорочни · мѣтви въздержаливи · въ мѣтвѣхъ днѣ и ноцѣ непрестанно молащесѧ · за црѧ и люди оучителии ·		
ѡлатырь изустъ вѣдущимъ и толкующимъ · такоже и бжтвное евангеліе ⁵⁰ · и апѣскаа посланна · и законнаа правила · не просто токмо чисти · нъ и разумъ нхъ вѣдѣти (ср. 7 всел. 2) · таци ѹбо и инѣхъ могутъ в разумъ привести · и еретикомъ уста заградити ·	см. л. 214	см. л. 71в
и сице ѹбо и о празныхъ епѣхъ съмотрити	см. л. 214об.	
лѣпо есть · аще ѹбо кто таковыхъ свою церковь оставитъ нищетъ ради · или писаниемъ ѡрекаѣсѧ · или ѡбиды ради нѣкыхъ · прилучающихъсѧ · ѡ злодѣланыхъ · и бѣи ихъ властелии страны тоа · или поставленомъ бѣвшимъ · и потомъ раскашавшимъсѧ тамо ити (Ант. 17) · таковыхъ не токмо не помилвати ѡ · но аще не по (350г) слѹшаютъ ити гдѣ же поставлены бѣша · то изверѣши повелѣваемъ · и ѡ ѡбщениа ѡлучити ѡ ·	см. л. 216	
нъ иже поставленъ бѣвъ · и пѹщенъ дваци · или трици съ прѣщениемъ не приатъ людми страны тоа (толк. Ант. 18) · или ѡ еретикъ изгнану или варварскаго ради нахоженна · или цртва нного приатіе ⁵¹ · таковыхъ възводити на престолъ · въздовѣствующую цркви повелѣваемъ · аще ли ѡ тѣхъ · ѡбращетъсѧ кто · томление мѣниа подѣмъше · вѣзання и темницѹ · и по всемъ томъ страдани · цѣло исповѣдание твое бѣдѣти схранше · и вѣру правѹ показавъша къ тѣмъ · ѡ нихъ же поставлены бѣша · сѣти иже бжтвѣныа книги доврѣ вѣдѹше · словомъ же и дѣломъ · и житнемъ цѣломѹдрни · таковыхъ на болшини и лѹчшини степень възводити повелѣваемъ · блгодарениа же (351а) и чьсти подати имъ многы · да и прочии ѡкрѣти сѣи ⁵² · твержъши вѣрою бѣдѣти · на схранение нашего цртва ·	см. л. 214об. – 216	

⁵⁰ Так в рукописи.

⁵¹ людми страны тоа ... цртва нного приатіе. Текст повторяется во фрагменте, прибавленном к толкованию правила Карф. 71, см. *Ф.л.П.1*, л. 123б.

⁵² таковыхъ възводити ... да и прочии ѡкрѣти сѣи. Ср. с текстом в толковании правила Карф. 71, *Ф.л.П.1*, л. 123в.

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
якоже и карфагенскаго сбора правило · да · повелѣваетъ ⁵³ ·		
	<p>Повелѣваемъ <i>перво</i> наводити митрополитомъ · реченьгѣ сборы творити · и вса исполнати⁵⁴ · о кппѣхъ же и о оцѣхъ · и о прочихъ клирицихъ⁵⁵ · гостиньницамъ · и нищекормьцемъ и прочимъ · кланко за бл҃гочѣвѣла домъ · престоащемъ намъ со оусердьемъ⁵⁶ · в различнѣхъ повелѣньхъ въ законѣхъ⁵⁷ · Повелѣваемъ кпархинскимъ кназемъ⁵⁸ · и покарѣющимса имъ чиномъ⁵⁹ · въ реченьгѣ сборы · нѣкоторѣ же спомы творити⁶⁰ · аще ли чего ожидаютъ намъ възвѣстити⁶¹ · аще снхъ не съхранати · въ послѣднихъ въложени бѣдѣхъ мученьяхъ⁶² ·</p>	

⁵³ Отсылка к толкованию правила 71 Карфагенского собора.

⁵⁴ *перво* наводити ... и *вса* исполнати. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 807.2–5]. См.: [Вершинин 2019: 160].

⁵⁵ Так в рукописи.

⁵⁶ о кппѣхъ же ... со оусердьемъ. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 807.18–25]. См.: [Вершинин 2019: 160].

⁵⁷ в различнѣхъ повелѣньхъ въ законѣхъ. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 807.17–18]. См.: [Вершинин 2019: 160].

⁵⁸ Повелѣваемъ кпархинскимъ кназемъ. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 806.25–26]. См.: [Вершинин 2019: 160].

⁵⁹ и покарѣющимса имъ чиномъ. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 807.12–13]. См.: [Вершинин 2019: 160].

⁶⁰ реченьгѣ сборы ... творити. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 807.4].

⁶¹ аще ли чего ожидаютъ намъ възвѣстити. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 807.7–8]. См.: [Вершинин 2019: 160].

⁶² аще снхъ не съхранати ... мученьяхъ. Выписка из 87-й новеллы Иоанна Схоластика. Изд.: [Бенешевич 1906, 1: 807.13–15]. См.: [Вершинин 2019: 160].

⁶³ Помета ранним полууставом **ЧГ**ти.

⁶⁴ Пропущены стихи 45–47, см.: [Prophetologium, 2, 4: 338].

⁶⁵ Пропущен стих 52, см.: [Prophetologium, 2, 4: 338].

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
<p>тако ѿбо лѣпо естъ · православнымъ же црмъ и сѣнникомъ · исполнати бжтвѣнага преданна вѣсть слазна · нѣ бо и ино что · имъ же и величье бжне вѣрнымъ бѣваетъ · такоже правила цркѣнага крѣпко держати · егда ѿбо сѣтъ и бжтвѣнымъ цркѣ · вѣсть пакости и нематѣжно в мирѣ бѣвають · тогда и намъ вса блгага строенна ѿ ба подаема бѣвають · миръ и говино плодъ · и врагомъ одолѣние · акоже въ левитицѣ пишеться · рече бо гъ къ монѣвн · аще по заповѣдемъ моимъ ходите · и повелѣнн моа хра(351в)ните · дамы вамъ дождъ въ время свое · и земля дастъ плодъ свои · (Лев. 26: 3–4)⁶⁶</p>	<p>Тако лѣпо ксть православнымъ црмъ и сѣнникомъ · исполнати бжтвѣнага апла и оцъ преданна безъ блазна · нѣсть бо ино что величье вѣрнымъ · но кгда сѣтъ бни цркѣ · бес пакости и нематѣжно въ мирѣ бѣвають · и правила ихъ крѣп[к]о⁶⁷ держати · тогда намъ вса блгага ѿ ба подаема бѣвають и миръ · <u>овнѣ</u> плодомъ · и (218об.) врагомъ одолѣны · такоже в левѣгитици писано · рече гъ къ монѣвн · аще по заповѣдемъ моимъ ходите · и повелѣнн моа храните · дамы вамъ дождъ во время свое · и земля дастъ плодъ свои</p>	<p>Тако оубо лѣпо естъ православнымъ црмъ и сѣнникомъ · исполнати бжтвѣнага апла <u>и оцъ</u> преданна безъ блазна · <u>и</u> бо ино что · имъ же и величье вѣрнымъ бѣваетъ · <u>но</u> егда сѣтъ бни цркѣ <u>бес</u> <u>пакости нематѣжно въ мире</u> <u>пребѣвають</u> · и правила ихъ крѣпо държати · тогда намъ вса блгага строение ѿ ба · подаема бѣвають · миръ в <u>земли</u> <u>овнѣ</u> плодомъ и врагомъ удоление · ~ <u>и</u> акоже в лѣвѣгитицѣ пишеться · гла гъ снмъ <u>излѣвнымъ</u> · аще по заповѣдемъ⁶⁸ моимъ ходите · и повѣлѣнн моа храните · и створити <u>и</u> дамы въ дождъ въ время свое · и земля дастъ <u>жити</u> свои ·</p>
		<p>и древа польская ѿдадутъ плоды свои · и обновитъся (72г) вымы ролы жатвѣнага · и жатва постигнѣтъ семя · и снѣстъ хлебъ свои въ оумножении и веселитъся съ оутвержениемъ на земли · (Лев. 26: 4–5)⁶⁹</p>
<p>и зандѣтъ въ вѣрженн · и виномъ имѣнн · и дамы въ миръ земли вашн⁷⁰ · и рать не прендетъ сквозѣ ню · (Лев. 26: 6)⁷¹ аще ли прендетъ · то падѣтъ предъ вами смертию ·</p>	<p>зандѣтъ въ прежнн виномъ иманн · и дамы миръ земли вашн · и рать не прендетъ сквозѣ ню · аще ли прендѣтъ · то падѣтъ предъ вами смрътью ·</p>	<p>зандѣтъ въ прежнн виномъ иманн · и дамы миръ земли вашн · и рать не прендетъ сквозе землю вашу · аще прендѣтъ предъ вами смрътью падѣтъ ·</p>

⁶⁶ Пропущены стихи 9–17, см.: [Prophetologium, 2, 1: 9].

⁶⁷ В рукописи ошиб. пропущена буква.

⁶⁸ В рукописи ошиб. заповѣдемъ | мъ.

⁶⁹ Восполнены пропущенные выше стихи 9–17, см.: [Prophetologium, 2, 1: 9].

⁷⁰ Пропущены стихи 19–21, см.: [Prophetologium, 2, 1: 9].

⁷¹ Пропущены стихи 23–29, см.: [Prophetologium, 2, 1: 9].

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
		и не бѹдетъ оустрашающаго ва ^с · и погублю зѣѣри дивѣла ѿ зем ^л аше ^л · и пожену врагы ваша ⁷³ · и поженеть ѿ васъ · ꙗко сто · и сто ваше поженеть тмѹ · (Лев. 26: 6–8) ⁷⁴
и призрю на вѣи и бѣгословлю вѣи ⁷⁵ · и поставлю сѣнь мою въ васъ ⁷⁶ · (Лев. 26: 9) еже ксть нѣна цркы ·	и призрю на вѣи и бѣгословлю вѣи · и поставлю сѣнь мою въ васъ · еже ксть нѣнѣшнаа црки ·	призрю на вѣи съ мнѡстѣю и бѣгословлю вѣи · и възвращю вѣи и оумножю вѣи · (Лев. 26: 9) ⁷⁷ и поставлю сень мою въ васъ
		и снѣсте вѣтхаа вѣтхѹхъ и вѣтхаа ѿ лица оунѹхъ изнесоутса · и не възгнѹшнѣса дѣла моа въ васъ · и похожю въ васъ · (Лев. 26: 10–11) ⁷⁸
и бѹдѹ вамъ вѣ бѣ · вѣи бѹдете ми лю ^д израдни · (Лев. 26: 12) ⁷⁹	и бѹдѹ вамъ вѣ бѣ · вѣи бѹдете ми люди израдни ·	и боудѹ вамъ бѣ · и вѣи бѹдете мнѣ люде израдни · ~
		ѡце ли не послушакте мене · ни створите повелении моихъ но ни покоритеса мнѣ · и сѹдбамъ моимъ · стѹжитъ дѣла ваша · ꙗкоже не творити всехъ заповѣди моихъ · азъ створю вамъ тако · съставляю на васъ недоумѣние · всекѣ всоѹе семѣна ваша · трѹдъ вашъ поадаѣтъ противнии ваши ⁸⁰ · падеѣте предъ врагы вашими ⁸¹ · и побегнѣте никомуже не женѹщю васъ (Лев. 26: 14–17) ⁸² скрѹшю рѹгання гордыни вашѣа · сътворю вѣи нѣо акы желѣзно · и землю акы мѣданоу ·

⁷² Пропущен стих 22, который уже был выше. См.: [Prophetologium, 2, 1: 9].

⁷³ Пропущены стихи 24–25, см.: [Prophetologium, 2, 1: 9].

⁷⁴ Восполнены пропущенные выше стихи 19–21, 23, 26–29, см.: [Prophetologium, 2, 1: 9].

⁷⁵ Пропущены стихи 32–33, см.: [Prophetologium, 2, 1: 9].

⁷⁶ Пропущены стихи 35–40, см.: [Prophetologium, 2, 1: 9].

⁷⁷ Восполнены пропущенные выше стихи 32–33, см.: [Prophetologium, 2, 1: 9].

⁷⁸ Восполнены пропущенные выше стихи 35–40, см.: [Prophetologium, 2, 1: 9].

⁷⁹ Пропущены стихи 44–82, см.: [Prophetologium, 2, 1: 9–10].

⁸⁰ Пропущен стих 54, см.: [Prophetologium, 2, 1: 10].

⁸¹ Пропущен стих 56, см.: [Prophetologium, 2, 1: 10].

⁸² Восполнены стихи 44–53, 55, 57–58, см.: [Prophetologium, 2, 1: 9–10].

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
		и бꙋдетъ вѣтъше крѣпость ⁸³ ваша ⁘ (Лев. 26: 19–20) ⁸⁴ (73a)
аще ли ослушаетеся рече заповѣднѣи монахъ · то наведꙋ на вѣи мечъ · ѿмещаютъ сꙋди моа · въбѣгнете въ грады ваша · и послю гладъ · и смерть на вѣи · (Лев. 26: 25) и снѣсте плоть каждо искренняго своего · (ср. Лев. 26: 29) и прѣдамъ вѣи в рꙋцѣ врагомъ вамъ · (Лев. 26: 25) и опꙋстю сѣаи моа (Лев. 26: 31) васъ ради · и трꙋдъ вашъ нини снѣдѣтъ · (ср. Лев. 26: 16)	аще ли ослушаетеся заповѣднѣи монахъ · наведꙋ на вѣи мечъ ѿмещаютъ сꙋды моа · и оубѣгнете въ грады ваша · и послю голодъ и смѣть на вѣи · и снѣсть плоть каждо ближнаго своего · и прѣдамъ вѣи в рꙋцѣ врагомъ вашими · и опꙋстю сѣаи моа васъ ради · и трꙋдъ вашъ нини снѣдѣтъ ·	ѿше ли к тому рече ослушаетеся заповѣднѣи монахъ · то наведꙋ на вѣи мечъ · ѿмещаютъ вса сꙋды моа · и въбегнете въ грады ваша послю гладъ и смѣть на вѣи · и снѣсть плоть каждо искренняго своего · и прѣдамъ вѣи въ рꙋче врагомъ вашими · и опꙋстю сѣаи моа васъ ради ·
		земля ваша не дастъ плода своего · дрѣва польская не дадутъ убоения своего · и послю на вѣи зверѣи дивьяа земныа · и погоубятъ скоты ваша · и малы сътворятъ ꙗ · и оубиетъ вѣи приходни мечъ ⁘ и бꙋде ѿ земля ваша поꙋста · и двори ваши пꙋстини боꙋдꙋтъ · ꙗко вѣи ходисте къ мнѣ лоꙋкаво и азъ понꙋ к вамъ ꙗростью лвою · глѣтъ ꙗ сѣи излѣтъ ⁘ (Лев. 26: 20, 22, 33, 23–24) ⁸⁵
см. л. 351a–351b	к сему да слѣшнѣи неаю · велеглаго глѣца · азъ прѣдамъ вѣи въ оружьѣ · и вси заколеньѣи падете · и чада ваша въ гладъ и въ плѣнъ прѣдамъ · звахъ васъ (219) и не ѿзвастеся ·	см. л. 72в

⁸³ Фрагмент листа с буквой утрачен.⁸⁴ Восполнены стихи 59–62, см.: [Prophetologium, 2, 1: 10].⁸⁵ Восполнены стихи 63–82, см.: [Prophetologium, 2, 1: 10].

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
	<p>глаголюхъ и ослушастеса · повелѣнья моя ѿринусте · и сътвористе злая предо мною · ихъ же азъ не хотѣхъ вѣи възлюбисте · сего ради тако глѣтъ гъ · се работаючи ми бѣсти имутъ и пити · вѣи же възалчете и вжажете · се творци волю мою възрадоуются · велими весельемъ срѣца · вѣи же въсплачете и въздрыдасте · болѣзною срѣца · тако остависте законъ мой · и исполните волю вашу ·:</p>	
<p>видиши ли тако преслушания ради бжтвѣныхъ книгъ · вса злая прѣходитъ на вѣи · да аще оубо въ ветѣсѣмъ законѣ · толи(351г)ко казни · толика запрѣщениа · тольми паче въ бл҃годати · трѣбѣ нѣи есть смотрение велико есть · имѣти повелѣхомъ во сего ради⁸⁶ на вѣисотѣ сѣлства добрѣ могуща⁸⁷ и крѣпкыа възводити ·</p>	<p>Видите и разумѣите · тако преслушания ра^д · бжтвѣныхъ книгъ · вса злая прихвдѣтъ на вѣи · да аще въ ветѣсѣмъ законѣ · толико казни и запрѣщениа · то кѣмъ паче и въ бл҃гѣти · требѣ нѣи кѣтъ смотрение велико имѣти · сего ра^д повелѣхомъ · на вѣисотѣ сѣлства възводити · добрѣ могущина и крѣпкыа книжныа възводити⁸⁸ ·:</p>	<p>Видите и разумѣите · тако преслушание ради бжтвѣныхъ книгъ · вса злая прихвдѣтъ на нѣи · да аще оубо въ вѣтсѣмъ законѣ · толико казни · толика запрѣщениа · то къмъ въ бл҃гѣти бни · рекше въ крѣпкыа сѣлства · трѣбѣ нѣи есть смотрение имѣти вѣанко · повѣлехомъ во сего ради вѣисотѣ сѣлства · добрѣ могуща и крѣпкыа възводити ·</p>
<p>не тѣломъ крепкы но дшѣю и разумомъ · могущихъ на пажитѣ обращати дша · словесныхъ овецъ⁸⁹ паствѣ хвѣ⁹⁰ · нже поручени бѣша ѿ ба паствити ·</p>		<p>не тѣломъ но дшѣю и разумомъ · могущихъ на пажитѣ обращати · дша словесныхъ овецъ паствѣ хвѣ · еже поручени бѣвшие ѿ ба паствити · подѣ</p>

⁸⁶ Помета ранним полууставом прѣ.

⁸⁷ В рукописи ошиб. пропущен слог и приписан над строкой тем же почерком, что и пометы на полях.

⁸⁸ Конец статьи в Мериле праведном.

⁸⁹ Широко использующееся в учительной и гимнографической литературе выражение ποιῶν προβάτων λογικῶν, начиная с Климента Александрийского.

⁹⁰ на вѣисотѣ сѣлства ... паствѣ хвѣ. Текст повторяется: *Соп1262*, л. 71г–72а.

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
<p>подъ сѣнню црѣве сѣтъа бжтвѣнѣхъ танинъ · и затварати въ оградѣ · спнѣхъ заповѣди · тако да не мощно бѹдетъ звѣремъ вхѹдити · аще ли кто хромѣа и слѣпѣа приставляеть еже естъ грѹѣа не книжники · тѹ оубо бѹдетъ звѣремъ вхѹдити⁹¹ · и въсхѹщати паствѹ хвѹ · и⁹²</p>		<p>сѣ(73б)нню црѣви сѣтъа⁹³ бжтвѣнѣхъ танинъ · и затворити въ оградѣ спнѣхъ заповѣди⁹⁴ тако да не мощно боѹдетъ звѣремъ <u>рекше кретникомъ</u> · вхѹдити⁹⁵ <u>или исхѹдити</u> ∴ ~ <u>Ѹще кто</u> хромѣа и слѣпѣа <u>приставляеть</u> еже естъ грѹѣа не книжники⁹⁶ · тоѹ оубо бѹдетъ звѣремъ <u>рекше</u> <u>кретникомъ</u> · <u>волно вхѹдити</u> · и въсхѹщати паствоѹ хвѹ⁹⁷ · и</p>
<p>сѣнное црѣвное смѹщающе исполненіе · нѣна оубо сицевѹ · нѣна же инаковѹ · въздвизающе винѹ · нѣ онъ оубо таковъ · мирѹ же виннѣи ѹчитѣ(352а)ль хѣ бѣ нашъ · рекѣи вратомъ адовѣимъ не оѹдолѣти црѣви (Мф. 16: 18) его · присно бо съблазни на лѹка[ва]го⁹⁸ главѹ · ѿбращаа миръ црѣвнѣи съблюдаеть неврѣднъ · тако съ миръ нашъ хѣ бѣ ѿцѣ · и архіерен пастѣрь истиннѣи · сѣннѣимъ чадомъ · прѣтъа невѣстѣи его црѣве ·</p>		<p>сѣнное црѣвное смѹщающе исполненіе⁹⁹ ∴ ~ <u>Ѹинѣшинѣе</u> оубо сицевоѹ · <u>нѣна</u> же инаковѹ · въздвизающе виноѹ · нѣ онъ оубо таковъ · мирови же виннѣи оѹчитель хѣ бѣ нашъ · рекѣи вратомъ адовѣимъ <u>не оѹдолѣти</u> <u>црѣви</u> его¹⁰⁰ · присно съблазни на лѹкаваго главѹ <u>вбращаа</u> · миръ црѣвнѣи съблюдаеть не вредно¹⁰¹ · такъ смири нашь хѣ бѣ ѿцѣ · архіерѣи пастѣрь истиннѣи · сѣннѣимъ чадомъ · прѣтъа невѣстѣи его црѣви¹⁰² · да дрѹтъ ѿ</p>

⁹¹ Помета ранним полууставом ѿти.

⁹² Окончание вставки с посланием о поставлении епископов. Далее текст «Томоса единения».

⁹³ подъ сѣнню црѣви сѣтъа. Текст повторяется: *ТСЛ15*, л. 212об. и *Соф1262*, л. 70г.

⁹⁴ затворити въ оградѣ спнѣхъ заповѣди. Текст повторяется: *ТСЛ15*, л. 212об.–213 и *Соф1262*, л. 70г.

⁹⁵ да не мощно боѹдетъ звѣремъ вхѹдити. Текст повторяется: *ТСЛ15*, л. 213 и *Соф1262*, л. 70г.

⁹⁶ хромѣа и слѣпѣа приставляеть еже естъ грѹѣа не книжники. Текст повторяется: *ТСЛ15*, л. 213 и *Соф1262*, л. 71в.

⁹⁷ звѣремъ вхѹдити · и въсхѹщати паствоѹ хвѹ. Текст повторяется: *ТСЛ15*, л. 213 и *Соф1262*, л. 70г.

⁹⁸ В рукописи ошиб. пропущен слог.

⁹⁹ црѣвное смѹщающе исполненіе. Текст повторяется: *ТСЛ15*, л. 213 и *Соф1262*, л. 70г.

¹⁰⁰ мирови же виннѣи оѹчитель ... не оѹдолѣти црѣви его. Текст повторяется: *ТСЛ15*, л. 213 и *Соф1262*, л. 70г.

¹⁰¹ миръ црѣвнѣи съблюдаеть не вредно. Текст повторяется: *ТСЛ15*, л. 213 и *Соф1262*, л. 70г.

¹⁰² хѣ бѣ ѿцѣ ... невѣстѣи его црѣви. Текст повторяется: *ТСЛ15*, л. 213 и *Соф1262*, л. 70г.

Рязанская Кормчая	Мерило праведное	Власфимия
<p>дрѹгѹ ꙗꙋ дрѹга растергѹшемъсѧ · своимъ смотреннемъ · и бл҃гдѣти сѣдинениѧ симъ створи · и въ прѣ҃гаѧ ѡбра мѣри пакы въведе · въда ꙗко оубо радоватисѧ ѡ совокупленнѣ чадѣ · себѣ же еденемъ ѹстѣи и единемъ ср҃ци приносити славное възношение · всѣмъ же клико ихъ · къ мѡтежному бесовьскому възношению · и изволеню не прекланяющимъ но миру виньнаго заповѣдѣ чтѹщимъ бл҃годарение приносити¹⁰³ ·</p>		<p>дрѹга расторгѹшимсѧ¹⁰⁴ · своимъ смотреннемъ бл҃гдѣти въсѣдинениѧ си створи · ~ ꙗꙋ въ прѣ҃гаѧ ѡбра мѣри пакы въведе¹⁰⁵ · въдав ꙗко оубо радоватисѧ · ѡ сѣвѣкупленнѣ чадѣ вѣжнихъ · себѣ же единѣмъ оустѣи · единѣмъ ср҃дцѣмъ · приносити славное възношение¹⁰⁶ · всѣмъ же елико ихъ къ мѡтежному · бесовьскому възношению и изволеню не прикланяю(73в)щимсѧ¹⁰⁷ · но миру виньнаго заповѣдѣ чтѹщимъ бл҃годарениѧ приношати · ~</p>

Приложение 2

**Послание о поставлении епископов
в составе толкования правила Карфагенского собора 71
(F.n.II.1, л. 1216–124в)**

Шравѣ ꙗꙋ · да · ѡ ꙗꙋ прозвѹгѣтери дѣякони · ѡ своихъ сѣжитниѣхъ да оудалѹются ·
аще ли ни цр҃квнаго чиноу лишени боудѹтъ · прочии же причетници на се не ноудѣми
соутъ · вѣтъчан да сѣблюдѣются · Тлѣкъ · ~ ѡе правило всѣмъ по радѹ
повелѣваекъ¹⁰⁸ · прозвѹгѣтеромъ и дѣякономъ · въ повелѣнаѧ времена · не
привлѣжати къ своимъ женамъ · въ время чредѣ · егда хотѣтъ предѣстѣти
влѣтаревѣ · и прикасатисѧ стѹхъ · въторок же на десѣ[тъ]¹⁰⁹ правило · шестаго
сѣбора · же въ трѣлѣ полатнемъ не пращакъ еѣмъ по поставлении еѣпѣства ·
своими жена(121в)ми жити · да не того радѣ боудѹтъ¹¹⁰ прѣтѣканыѣ и сѣблазнѣ
людемъ положыше · третникъ же на десѣтъ правило · того же сѣбора повелѣваекъ ·

¹⁰³ Текст «Томоса единения» далее продолжается.

¹⁰⁴ В рукописи ошиб. расторгѹши|шимсѧ.

¹⁰⁵ ꙗꙋ въ прѣ҃гаѧ ѡбра мѣри пакы въведе. Текст повторяется: ТСЛ15, л. 213 и Соф1262, л. 70г.

¹⁰⁶ въдав ꙗко оубо радоватисѧ ... славное възношениѣ. Текст повторяется: ТСЛ15, л. 213 и Соф1262, л. 70г.

¹⁰⁷ В рукописи ошиб. прикланяю|ющимсѧ.

¹⁰⁸ Далее стерты слова еѣмъ и.

¹⁰⁹ В рукописи пропущен конец слова.

¹¹⁰ В рукописи пропущен слог.

прозвѡутеромъ и дѣакономъ вѣгда въсхотѣтъ сподобитисѣ поставлениѣ · не
вѣщеватисѣ ѿстоупити ѿ своихъ женъ · такоже роумьская цркви въ чиноу
правила се держитъ · но жити своимъ женами и въ время подобно не лишатисѣ
прѣблженѣя к нимъ · держатисѣ оубо правила она и потомъ и до днѣшняго днѣ
цркви пребывають и правитѣсѣ¹¹¹ еппи¹¹² · коупоу же повелевають не лишатисѣ
своихъ женъ · не и кѣ соущимъ еппмъ но хотѣшему въсхытити еппства санъ ·
таковъхъ оубо ѿмещетъ сѣи стѣи боноснныи съборъ · всѣ бо вѣжествъ (121г) на
писаниѣ прошедъ · гдѣскыѣ заповѣди аплѣскыѣ · и ѿцѣ боносивъхъ оучениѣ
законъна оубо правила и скоропѣгнѣ расмотрѣвшѣ · многа оубо в нихъ
изобрѣтъше развѣраженѣ · таже ѿ еретикъ преписающе снѣ · по своимъ
похотемъ прилагахоу · таже на оугоженик свои многы съблазны и распѣрѣ
положыше стѣи съборнѣи аплѣтлѣстѣи цркви нхъ же чѣтѣще слави¹¹³ члѣци и
помрачени оумомъ · не вѣдоуще книгъ стѣхъ разоума · ни силы лежащаѣ в нихъ · но
точною писмена извѣкыше сладости же нхъ не оукоусивше мнѣтъсѣ вожи быти
ниѣмъ · а сами слѣпи соущѣ добрѣ оубо ѡ таковъхъ рече гъ въ еоуѣли горѣ вамъ
книгъ чина фарисеи · тако затварають ѿ члѣкъ¹¹⁴ црѣво нѣнок · ни сами въходяще
ни хотѣшимъ внити вставлають (Мф 23:13) · вожи слѣпи (122а) и · слѣпѣцъ¹¹⁵ бо
слѣпѣца аще поведетъ · не вѣа ли въ ꙗмоу въпадетсѣ (Мф 15:14) · вижь оубо
како таковѣи оучителне и законоположыници · вѣстоупивше на прѣстолъ не¹¹⁶
правостѣлѣства · съблазнѣ положиша прѣтѣканиѣ · славыимъ гроуѣвымъ · нхъ же
сведоша съ собою въ дно адоу · ѡ нихъ же пакы рече гъ · горѣ имъ же съблазнѣ
приходитъ (Мф 18:7) · добрѣ кмоу бы было жерновъ ѡслии възложити на вѣю
кго · и погроузити въ глоувиноу (Мф 18:6) · да нже таковыѣи и гроуѣвыѣ невѣжа
мертвы соущѣи гладомъ не гладомъ хлѣбнымъ но разоума словесѣ бжнхъ
ѡтиноудъ не имоуще в себѣ възводитъ на вѣсотоу стѣлѣства · то все творимаѣ
вѣсѣчныѣ · и съблазнѣ тоѣ землѣ · всѣ тѣѣ на главоу извѣрѣвашаго и
поставляшаго и въсхотѣтъ · и подѣ (122б) житъ таковыи гнѣвоу бнѣ · їзде и в
вѣдоущии вѣкъ · рци ми оубо тѣ · їже црѣвъ бнѣ тѣиши въсхытити · тако
развоѣникъ и гровокопатѣль · аще и невѣрно мнѣтъти · такому быти · мѣ оубо
їзвѣсто сказавше · несѣггю и срѣвролюбивую волю вашу ꙗвѣмъ · развоѣникъ бо
ѡуѣиѣство створѣтъ · да имѣникъ возъмѣтъ и гровокопатѣль оубо · не срѣвролюбия
ли оубо мертвѣхъ тѣлѣса ѡдираетъ · ѡ страшна вѣщѣи и дѣло дѣаволѣ · ѡвѣ оубо
своего брата своѣствѣна и дѣшѣна оуѣиѣства · имѣникъ-го възмѣтъ и в ризоу кго
ѡблачитсѣ · и въ оутрини тѣмъ же поутемъ и тѣ ѡходитъ · ѡво же ꙗко мѣръною
оутровоу разрѣзаетъ · младенца исторгѣ повержетъ пѣсомъ и птицамъ въ
снѣдъ · а и тѣ ис тоѣ же оутровѣ сын роже (122в) нне · вижь оубо коликово

¹¹¹ На этом завершается толкование правила Карфагенского собора 71. Далее до конца текст послания о поставлении епископов.

¹¹² Написано по стертому.

¹¹³ В рукописи ошиб. сла|слави.

¹¹⁴ Слова ѿ члѣкъ написаны на поле писцовым почерком со знаком вставки.

¹¹⁵ Далее стерт повтор во слѣпѣцъ.

¹¹⁶ Написано над строкой.

БЕЗУМНИКЪ И ПОШИБЕНИКЪ · ВЪИСТѢНОУ ТОЧНО ДИВОВОЛУ ТВОРИТЬ СРѢБРОЛЮБИКЪ · И ТЪИ
 КОКІА РАДИ ВИНЪИ ѿПОУЩАЕШИ ЖЕНОУ СВОЮ · НЕ ГАВЕ ЛИ ТАКО СРѢБРОЛЮБИНА РАДИ И
 ПОХОТЬ ИМѢНИА · ТАКО ДА СЪТАА И БЖЕСТВЪ[НА]ІА¹¹⁷ ДОСТОЯННІА СЪТЪИА ЦРКВІ · ТАКО
 ПЛЕНЬНИЦЮ ВСТАВІШИ · ЕГОЖЕ РАДИ ПАГОУБА И ОУБОЖЕСТВО БОЛЕЗНИ ЖЕ И СМЕРТИ · ЧТО
 ОУБО ПОТРЕБНО ВѢЩАА ГНѢВЪ БІИ НЕ ИМАТЬСА · ѿТАИ ѿ НИХЪ (ИН 3:36) · ПОВѢЖЬ
 ОУБО МИ · ЕСТЬ ЛИ ГДЕ ГЪ НАШЪ ІС ХЪ ЗАПОВѢДАЛЪ НАМЪ РЕКЪ · ИЖЕ АЩЕ КТО НЕ
 РАЗЛОУЧИТЬСА ѿ ЖЕНЪИ СВОКІА НЕ ИМАТЬ ОУЧЕНИКЪ МОИ БЪТИ · ИЛИ НѢ ИМѢ
 ДОСТОЕНЪ · НИ НЕ БОУДИ ТО ШКАТАНЪИ И СРЕБРОЛЮБИВЪИ ЧЛѢЧЕ · НО СЯКО РЕКАЪ АЩЕ НЕ
 ВСТАВИТЬ КТО ѿЩА ИЛИ МѢРЪ И ЖЕНОУ И ДѢТИ И ПРОЧЕ · (122Г) НЕ МОЖЕТЪ МОИ
 ОУЧЕНИКЪ БЪТИ (Мф 19:29) · И ПАКЪ АЩЕ ВЪЗНЕАВИДИТЬ КТО · И ВЪЗМЕТЪ КРѢТЬ И
 ВЪСЛѢСТВОУЮЩЪ МИ НѢ МЕНЕ ДОСТОИНЪ (Мф 10:37–38) · ДА ИНО ОУБО РАЗЛОУЧЕНЫКЪ
 ИНО ЖЕ ВСТАВЛЕНИКЪ И ВЪЗНЕАВИДѢНИКЪ · РАЗЛОУЧЕНЫКЪ · ОУБО КСТЬ РАЗДЕЛЕНІЕ · ЕЖЕ
 ЕСТЬ РАСЧѢНИКЪ · РАСЧѢНИКЪ ЖЕ ОУЖЕЮ ПРЕРѢКАЕМО БЫВАЕТЪ ПОТОМЪ ЖЕ ДѢЛИМО И
 РАЗЛОУЧИМО · ВЪИСТЕНОУ ДОБРѢ ОУБО ГЪ ГЛА · СЕГО РАДИ ВСТАВИТЬ ЧЛѢКЪ ѿЩА И МѢРЪ
 И ПРИЛЕПИТЬСА ЖЕНЕ СВОКІИ · И БОУДЕТА ВЪ ПЛОТЬ КДИНОУ (Мф 19:5) И ТѢЛО КДИНО ·
 ДА КАКО ОУБО ТѢЛОУ МОЩНО РАЗДЕЛИТИСА · РАЗВѢ ТО ЖЕ КСТЬ СЪЧЕТАЛЪ · РЕЧЕ БО ЕЖЕ
 БЪ СОЧТА ЧЛѢКЪ ДА НЕ РАЗЛОУЧАЕТЪ (Мф 19:6) · И АПЛОУ ГЛІШЮ · ШЕЩАЛЪ ЛИ СА КСИ
 ЖЕНЕ НЕ-ЩИ РАЗРЕШЕНІА (1 Кор 7:27) · И АПІЕСКОЕ ПРАВИЛО РЕЧЕ · ПРОКЛАТЪ ВСЯКЪ
 ИЖЕ ВСТАВИТЬ ЖЕНОУ СВОЮ · ИЗВѢ(123а) ТОМЪ БЛГОВѢРНА (АП. 5) ДА АЩЕ ОУБО
 ПРОКЛИНАЕТЪ БЛГОВѢРНА РАДИ КЖЕ КСТЬ ИНОЧЕСТВОВАТИ · ТОЛЬМИ ПАЧЕ БѢТЪСТВА
 РАДИ И ЧТИ · И ПРАВИЛО · ГІ · Զ · ГО СЪБОРА · ДИАКОНА И ПРОЗВОУТЕРА ПОУЩАЮЩА ЖЕНОУ
 СВОЮ БОЛЬШАГО РАДИ САНА ТАКОВЪИА ИЗЪ ПОПОВЪСТВА ИЗЪВРѢЩИ ПОВЕЛЕ · ДА
 СМѢРЬШЕСА ѿ БОЛЬШАГО ВСТАНОУТСА (ср. 6 всел. 13) · СИЦЕ ОУБО ЕПІИ СѢДАЩЕН НА
 ПРѢСТОЛѢ СВОЕМЪ И ВСТАВЛЯЮЩЕН НА НИЪ ВЪСТОУ[ПА]ЮТЬ¹¹⁸ (АП. 14) · ТАКОВЪИА
 БОГЛАНЫХЪ АПЛЪ ПРАВИЛА ПРОКЛАША¹¹⁹ ИЗЪВРѢЩИ ІА ПОВЕЛѢША ИЗЪ ЕПІСТВА · ТАКОЖЕ
 НИКИНСКАГО ПРАВАГО¹²⁰ СЪБОРА · ԷԻ · (1 всел. 15) ПРАВИЛО СРѢДЕЧЬСКАГО СЪБОРА · Ժ · И
 · Բ · ПРАВИЛО (САРД. 1, 2) · И ѿ ШЕЩЕНИА ТАКОВЪИА ѿЛОУЧАЕТЪ · И · Կ · ПРАВИЛО
 АНТИУХИНСКАГО СВѢРА НЕ ПОВЕЛЕВАЕТЪ (АНТ. 21) · НО ПРАЗНАГО ЕПІА РЕКОША СТИ
 АПЛИ · БОНОСНИИ СЪВОРИ · ВЪ ЕПІИЮ ПРАЗЪ(123б)НОУЮ ВЪВѢДИТИ (ТОЛК. АНТ. 16) · НЕ
 ПРОСТО РЕЧЕ ПРАЗНА РАСОУДИША · ИЖЕ СВОЕЮ ВОЛЕЮ ВСТАВИВША · НО ИЖЕ ОУЖЕЮ
 ИЗЪГНАНИ БЫВШЕ · НѢВѢРНЫМИ ЧЛКЪИ И ЛЮДМІ МѢСТА ТОГО · ИЛИ ВАРЪВАРЬСКАГО РАДИ
 НАХОЖЕНИА · ИЛИ ЦРѢВА ИНОГО НАХОЖЕНИКЪ¹²¹ · ТАКОЖЕ МЪНОГАЖДЪ БЫ ВЪ ПЕРЬСИДѢ · И
 ВЪ ПАЛЕСТИНИИ · И ВЪ КГОУПѢ · ПАЧЕ ЖЕ И ВЪ ИНГЪХЪ МНОЗѢХЪ МѢСТЪХЪ РАТЕМЪ
 НАШЕСТ[В]И¹²² · И МАТЕЖЕМЪ МНОГЫМЪ ВЪСТАЮЩИМЪ · ШВИ ѿГОНИМИ БЫВАХОУ ·
 ШВИ ЖЕ РА[Н]И¹²³ И ТЕМНИЦАМИ ТОМИМИ МНОГЪИ СТРАСТИ ПРИНИМАЮТЪ · И НИКАКОЖЕ НЕ

¹¹⁷ В рукописи ошиб. пропущен слог.

¹¹⁸ В рукописи ошиб. пропущен слог.

¹¹⁹ Так в рукописи.

¹²⁰ Так в рукописи вм. прѣваго.

¹²¹ нѣвѣрными члѣкы ... црѣва иного нахоженник. Текст повторяется во фрагменте, прибавленном к «Томосу единения», см.: *F.n.II.1*, л. 350Г.

¹²² В рукописи ошиб. пропущена буква.

¹²³ В рукописи ошиб. пропущена буква.

приложышесѧ ко инѣхъ воли · но чисто исповеданиѧ своеѧ съблюдыше · и вѣроу ꙗже къ боу твердоу извѣстоу показаша · приѧтельсто же великъ възрастивше къ темъ ѿ нихъ же по(123в) сылаѧми бывахоу · таковыхъ оубо повелеваѧмъ · на престолаѣ въдовъствоующата цркви въвести · по дарѣ же чтыю вбложити и ꙗко да и прочии оубо вкрѣтъ соущии епѣи и гроуѣи и слаѣи · ревностъ прѣимъше цѣло исповѣ[да]нїе¹²⁴ своеѧ сънабдѣть · аще оубо бжтвѣныхъ и стхъ аплъ правила · болшаѧ · и извѣстѣишо и оучителнѣишо¹²⁵ · свѣдоущаѧ ветхъхъ и новъхъ законъ · въ чистотѣ възрастѣша · ѿ престола ихъ на нѣ лоучышии възвести · повелеша пользы ради людѣи · но съвершенѣмъ съборомъ · то колыми паче симъ побавѣть наоучыша¹²⁶ имъ подати чтъ¹²⁷ · иже ко мнозѣхъ ноужѣи бывшие и вѣроу непорочноу сънабѣдеша ѡ семь оубо и правило · дї · стхъ аплъ (Ап. 14) повелеваѣтъ (123г) такоже · и антиохинскаго събора правило · еї · (Ант. 16) извѣстѣи же · е · събора правило · зї · (6 всел. 17) сице оубо и сии стхъ съборъ въслѣдъствоуѧи оуѧскомоу глау · га нашего їс хъ · и прехвалнѣхъ его аплъ · и оученикъ преданиѧмъ · такоже заперещениѧ положиша · на хотѣщаѧ бѣтѣства ради и чти большаѧ · поущати женѣи съвоѧ · не точно ѿ соущаго на нихъ сана ѡати рѣ · но и ѡноудѣ проклати · и ѿ стго вѣщениѧ ѡлоучити повѣлѣ · расоудивше оубо ꙗковѣи же никогда же изъволатъ хоужьша въ оубожанишо епѣию ити · аще ноудими соутъ мнозиними но множанша имѣниѧ и славоу · и покоѧ себе ищюще · деръзѧють разоритѣ заповѣдѣ бгю · ихъже пагоубѧ смерть · иже въ вадѣ¹²⁸ моучениѧ · и съпосъпешителѣ ихъ · рѣ во бѣствѣнок писаниѧ · горе (124а) творащимъ свѣтъ тмоу · а тмѣ свѣтъ (Ис 5:20) · свѣтъ бо соутъ бжтвѣныѧ заповѣди · да иже соутъ послоущающе ꙗ · во свѣтѣ пребываѣтъ · то во самъ влѣка рече · дондѣже свѣтъ имате ходите въ свѣтѣ · да тма васъ не вбоуметь · ходѧи въ свѣтѣ не имате потъкнути сѧ · ходѧи во тмѣ не вѣстѣ камо идеть (Ин 12:35) · и пакы рѣ · на кого презрѧ но на смѣренаго · и трепещущаго моухъ словесѣ (Ис 66:2) · и пакы любѣщаѧ заповѣди моѧ възлюбѧ (Ин 14:21) · вѣществующииѧ възненавидѣни бѣдоутъ · и дроуѣныѧ книги престоупѧѧ рѣ вѣчыѧ чистотнѣыѧ · и цѣломоудрьнѣыѧ безмоукы не бѣдѣтъ (Прит 19:9) · да аще оубо вѣчыѧ престоупѧюще и мучениѧ имоутъ · то колми паче спсѧ¹²⁹ нашего заповѣди разарѧюще · и ꙗко стхъ оученикъ и аплъ · пакы ѡвѣтъ имамъ дати · рѣ (124б) во аплъ не новосажена (1 Тим 3:6) · не можетъ бо рѣ неоученыѧ ꙗкоже оумѣюи держати лоукѧ · не можетъ ѡроча точно¹³⁰ теѣи моужевѣи и брѣма аще наложиши немоуцномоу въше силы то погоубитъ¹³¹ и ·

¹²⁴ В рукописи ошиб. пропущен слог.

¹²⁵ В рукописи ошиб. оучити|телнѣишо.

¹²⁶ Так в рукописи.

¹²⁷ таковыхъ оубо повелеваѧмъ ... наоучыша имъ подати чтъ. Ср. с текстом в «Томосе единения», *Ф.л.П.1*, л. 350г–351а.

¹²⁸ Так в рукописи.

¹²⁹ В рукописи ошиб. спѧ.

¹³⁰ В рукописи ошиб. точно.

¹³¹ В рукописи ошиб. погоубитъ.

но искѹснѣмъ и крѣпѣкѣмъ · иже може[т]¹³² ратники побѣжати · аще бо во квода боуде[т]¹³³ слабъ и страшивъ · то все во[и]ньство¹³⁴ въ погыбель боудеть · добръ оубо вѣст[в]ьныи¹³⁵ аплѣ оучить рекъ · *братѣи шлѣчѣтеса во все оружѣи бѣи* · да възможете стати противу коземъ силѣ неприязниихъ (Еф. 6:10–11) · да аще оубо къ невндемен брани · аплѣ повелеваѣтъ крѣпѣкимъ бѣти · то колми паче зде трѣбѣ ксть · противу плотскѣмъ кретникомъ готовѣмъ бѣти на побѣдоу имъ · аще бо крѣмчѣи вѣгла ксть хитрѣ шбрати корабль во врѣмѣ боу(124в)ри · можетъ спѣсти корабль ѿ погроуженѣи · аще и невѣжа ксть · аще невѣжа есть¹³⁶ · то и врѣмѣ тишинѣ погоублѣтъ корабль · и соущаѣ в немъ ·

Сокращения

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)

РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург)

Библиография

Источники

Рукописи славянские

Ф.п.П.1

РНБ, Ф.п.П.1, Рязанская Кормчая 1284 г. (<http://nlr.ru/manuscripts/>; дата последнего обращения: 7.11.2019).

Q.п.П.13

РНБ, Q.п.П.13, Захариинский паремийник, 1271 г.

Пог31

РНБ, собр. М. П. Погодина, № 31, сборник канонический, конец XIV в.

Син132

ГИМ, Синодальное собр., № 132, Новгородская Синодальная Кормчая 1280–1282 гг.

Соф1262

РНБ, собр. Новгородского Софийского собора, № 1262, Трифоновский сборник, рубеж XIV–XV в.

ТСЛ7

РГБ, ф. 304.1, главное собр. Троице-Сергиевой лавры, № 7, Паренесис Ефрема Сирина, XIV в.

ТСЛ15

РГБ, ф. 304.1, главное собр. Троице-Сергиевой лавры, № 15, Мерило праведное, вторая половина XIV в.; цит. по [Тихомиров 19616].

¹³² В рукописи ошиб. пропущена буква.

¹³³ В рукописи ошиб. пропущена буква.

¹³⁴ В рукописи ошиб. пропущена буква.

¹³⁵ В рукописи ошиб. пропущена буква.

¹³⁶ Фраза *аще невѣжа есть* ошиб. повторена дважды.

ТСЛ44

РГБ, ф. 304.I, главное собр. Троице-Сергиевой лавры, № 44, Библийские книги, XV в.

Рукописи греческие

D.gr.156

София, Центр славяно-византийских исследований «Иван Дуйчев», Cod. D. gr. 156, Номоканон, XV в.

Издания

АИ, 1

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, 1: 1334–1598, С.-Петербург, 1841.

Барсов 1869

Барсов Н. И., Из неизданных памятников древней русской литературы: Послание патриарха Иова к Грузинскому митрополиту Николаю, *Христианское чтение*, издаваемое при Санкт-Петербургской Духовной академии, 2, 1869, 11, 858–893.

Бенешевич 1906

Бенешевич В. Н., *Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований*, 1, С.-Петербург, 1906.

Гальковский 1913

Гальковский Н. М., *Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси*, 2: *Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе*, Москва, 1913.

Медведев 1984

Византийский земельный закон, подг. Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская, под ред. И. П. Медведева, Ленинград, 1984.

РИБ, 6, 1880

Памятники древнерусского канонического права (= Русская историческая библиотека, 6, 1: Памятники XI–XV в.), 1-е изд., под ред. А. С. Павлова, С.-Петербург, 1880.

РИБ, 6, 1908

Памятники древнерусского канонического права (= Русская историческая библиотека, 6, 1: Памятники XI–XV в.), 2-е доп. изд., под набл. В. Г. Дружинина, подг. дополнений и указателей В. Н. Бенешевича, С.-Петербург, 1908.

Тихомиров 1961a

Закон судный людем Краткой редакции, подгот. к печ. М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов, под ред. М. Н. Тихомирова, Москва, 1961.

Тихомиров 1961б

Мерило праведное по рукописи XIV века, изд. под набл. и со вступ. ст. акад. М. Н. Тихомирова, Москва, 1961.

CFHB 38

Demetrii Chomateni Ponemata Diaphora: Das Aktencorpus des Ochrider Erbischofs Demetrios Chomatenos (= Corpus Fontium Historiae Byzantinae, 38), Rec. G. Prinzing, Berolini, Novi Eboraci, 2002.

Darrouzès 1984

Darrouzès J., Le traité des transferts: Édition critique et commentaire, *Revue des études byzantines*, 42, 1984, 147–214.

Laurent 1971

Laurent V., Les Regestes de 1208 à 1309 (= Laurent V., *Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople*, 1: Les Actes des Patriarches, 4), Paris, 1971.

PG 69

S. P. N. Cyrilli Alexandriae archiepiscopi, Opera quae reperiri potuerunt omnia (= Patrologiae curcus completus, series graeca, 69, ed. J. Migne), Paris, 1864.

PG 78

Sancti Isidori, Pelusiotae, Epistolarum libri quinque (= Patrologiae curcus completus, series graeca, 78, ed. J. Migne), Paris, 1864.

PG 119

Oecumenii, Triccae in Thessalia Episcopi, Opera omnia (= Patrologiae curcus completus, series graeca, 119, ed. J. Migne), Paris, 1864.

Prophetologium 2

Prophetologium, pars altera: lectiones anni immobilis (= Monumenta Musicae Byzantinae. Lectionaria, 1), fasc. primus textum continens, ed. by G. Engberg, Munksgaard, 1980; fasc. alter apparatus criticum continens, ed. by G. Engberg, Munksgaard, 1981; fasc. quartus, ed. by C. Høeg et G. Zuntz, Munksgaard, 1960.

Ράλλης, Ποτλῆς, 1–4

Ράλλης Γ. Α., Ποτλῆς Μ., *Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων τῶν τε ἀγίων καὶ πανευφύμων ἀποστόλων, καὶ τῶν ἱερῶν οἰκουμενικῶν καὶ τοπικῶν συνόδων, καὶ τῶν κατὰ μέρος ἀγίων πατέρων*, 1–4, Αἰθήνησιν, 1852–1854.

Septuaginta 2, 2

Leviticus, ed. J. W. Wevers (= Septuaginta. Vetus Testamentum Graecum, 2, 2), Göttingen, 1986.

Septuaginta 14

Isaias, ed. J. Ziegler (= Septuaginta. Vetus Testamentum Graecum, 14), Göttingen, 1939.

Westerink 1968

Westerink L. G., *Arethae archiepiscopi Caesariensis scripta minora*, 1, Leipzig, 1968.

Литература

Алексеев 2007

Алексеев А. И., К изучению трактата «Власфимия», *Древнерусские и греческие рукописи РНБ. Материалы междунар. науч. конф. 14–16 июня 2005 г. «История в рукописях – рукописи в истории»*, С.-Петербург, 2007, 30–42.

Алексеев 2012

Алексеев А. И., Каноническая компиляция «Власфимия» в древнерусской книжности, Е. В. Белякова, А. В. Назаренко, отв. ред., *Религии мира: История и современность*, Москва, С.-Петербург, 2012, 90–124.

Белякова 2016

Белякова Е. В., Книга Кормчая: к вопросу о соотношении первого московского печатного издания и рукописной традиции, *Труды отдела древнерусской литературы*, 64, С.-Петербург, 2016, 87–110.

Божилев 1994

Божилев И., *Фамилията на Асеневици (1186–1460). Генеалогия и просопография*, Второ фототипно издание, София, 1994.

Божилев, Гюзелев 1999

Божилев И., Гюзелев В., *История на България в три тома, 1: История на средновековна България VII–XIV в.*, София, 1999.

Вершинин 2019

Вершинин К. В., *Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права*, Москва, 2019.

Гиппиус 2006

Гиппиус А. А., Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении), 1, *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*, 2004–2005, Москва, 2006, 114–251.

Данчева-Василева 1985

Данчева-Василева А., *България и Латинската империя (1204–1261)*, София, 1985.

Долгов 2013

Долгов В. В., Функции юридических текстов в Древней Руси (на примере «Мерила Праведного»), *Вопросы истории*, 10, 2013, 91–99.

Живов 2002

Живов В. М., *Разыскания в области истории и предистории русской культуры*, Москва, 2002.

Златарски 1934

Златарски В., *История на Българската държава през средните векове*, 2: *България под византийско владичество (1018–1187)*, София, 1934.

Јовановић 1841

Јовановић Ј., *Начатки церковного права древней православной восточной церкви, которые по книге Кормчей собрал и на три книги о лицах, вещех же с особним о браце рассуждением, и о злодеяниях же и судех, по первобытному слогу славенскому с двоструком, вкупе и на азбучный ряд сложенным оглавлением на латинский язык перевел Евфимий Иоаннович чрез с. крал. Унгарское и страни к тому принадлежащие закл. обоих прав. истец, сл. ком. Сремского судейские табли приседатель и св. кр. града Новосадского старейшина, прежде ч. консисториума Бачкого закл. нотариий и епископский секретарь, кн. I: о лицах*, Новый Сад, 1841.

Клибанов 1960

Клибанов А. И., *Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в.*, Москва, 1960.

Корогодина 2011

Корогодина М. В., О времени появления Чудовской редакции Кормчей книги, *Средневековая Русь*, 9, Москва, 2011, 197–206.

— 2015

Корогодина М. В., *Кормчая книга в Галиции. XVI – начало XVII века*, С.-Петербург, 2015.

— 2017

Корогодина М. В., *Кормчие книги XIV – первой половины XVII века*, 1–2, Москва, С.-Петербург, 2017.

— 2018

Корогодина М. В., Палеографические и кодикологические особенности Трифонового сборника рубежа XIV–XV века, *Историк и источник. Сб. ст. в честь 70-летия С. Н. Кистерева*, Москва, С.-Петербург, 2018, 74–91.

Мошкова 2005

Мошкова Л. В., Толкование 71 правила Карфагенского собора: место написания и проблема датировки, *Древняя Русь: вопросы медиевистики*, 21, 3, 2005, 72.

Неволин 1859

Неволин К. А., *Исследования о различных предметах законоведения* (= Idem. Полное собрание сочинений, 6), С.-Петербург, 1859.

Ников 1921

Ников П., Принос към историческото изворознание на България и към историята на българската църква”, *Списание на Българската академия на науките*, 10, 1921, 43–51.

Николов 2006

Николов Г., Българите и Византийската империя (август – ноември 1185 г.), *Тангра. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев*, София, 2006, 597–617.

Павлов 1897

Павлов А. С., *Номоканон при большиом Требнике. Его история и тексты, греческий и славянский, с объяснительными и критическими примечаниями. Опыт научного разрешения вопросов об этом сборнике, возникавших в прошлом столетии в Святейшем правительствующем Синоде*, Москва, 1897.

Плигузов 1985

Плигузов А. И., Противостояние митрополичьей и вассиановской Кормчих накануне судебных заседаний 1531 года, *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода*, Сборник статей, Москва, 1985, 23–68.

——— 2002

Плигузов А. И., *Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия*, Москва, 2002.

Рыбаков 1993

Рыбаков Б. А., *Стригольники. Русские гуманисты XIV столетия*, Москва, 1993.

Севастьянова 2014

Севастьянова С. К., Новонайденное сочинение о патриархе Никоне, *Культура, история и литература Русского мира: Общациональный и региональный аспекты*, Барнаул, 2014, 335–380.

Смирнова 2013

Смирнова Д. Д., Послание новгородского архиепископа Феодосия в Устюжну Железопольскую: к вопросу об источниках и авторском стиле, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 2013, 142–156.

Снегаров 1924

Снегаров И., *История на Охридската архиепископия*, 1, София, 1924.

Темчин 2016

Темчин С. Ю., Еще один ранний (чешский) церковнославянский перевод с латыни: канон римского папы Григория I Великого из «Лжеисидоровых декреталий» в древнерусском трактате «Власфимия», А. Ангушева и др., сост. и ред., *Vis et Sapientia: studia in honorem Anisavae Miltenova. Нови извори, интерпретации и подходи в медиевистиката*, София, 2016, 471–478.

Троицки 1952

Троицки С. В., *Како треба издати Светосавску Крмчију (Номоканон са тумачењима)* (= Споменик Српске Академије наука, 102), Београд, 1952.

Успенский 1998

Успенский Б. А., *Царь и патриарх: Харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление*, Москва, 1998

Цанкова-Петкова 1968

Цанкова-Петкова Г., Восстановление болгарского патриаршества в 1235 г. и международное положение болгарского государства, *Византийский временник*, 1968, 28, 136–150.

Щапов 1978

Щапов Я. Н., *Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв.*, Москва, 1978.

Mureşan 2014

Mureşan D. I., Le patriarcat oecuménique et les patriarchats balkaniques (Tarnovo, Peć). Enjeux ecclésiastiques et impériaux au XIVe s., M.-H. Blanchet, M.-H. Congourdeau, D. I. Mureşan, édés.,

Le patriarcat œcuménique de Constantinople et Byzance hors frontières (1204–1586) (= Dossiers byzantins, 15), Paris, 2014, 203–242.

Δεληχάρη 2014

Δεληχάρη Α., *Η αρχιεπισκοπή Αχριδών κατά τον μεσαίωνα*, Θεσσαλονίκη, 2014.

Словари и справочники

СлРЯ XI–XVII вв. 1–30–

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–30–, Москва, С.-Петербург, 1975–2015–.

Срезневский 1–3

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 1–3, С.-Петербург, 1893–1912.

Miklosich

Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum, ed. Fr. Miklosich, Vindobonae, 1862–1865.

References

Alekseev A. I., K izucheniiu traktata “Vlasfimiia”, *Drevnerusskie i grecheskie rukopisi RNB. Materialy mezhdunar. nauch. konf. 14–16 iunია 2005 g. “Istoriia v rukopisiakh – rukopisi v istorii”*, St. Petersburg, 2007, 30–42.

Alekseev A. I., Kanonicheskaia kompiliatsiia “Vlasfimiia” v drevnerusskoi knizhnosti, Belyakova E. V., Nazarenko A. V., eds., *Religii mira: Istoriia i sovremennost’*, Moscow, St. Petersburg, 2012, 90–124.

Belyakova E. V., *Kniga Kormchaia: k voprosu o sootnoshenii pervogo moskovskogo pechatnogo izdaniia i rukopisnoi traditsii, Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 64, St. Petersburg, 2016, 87–110.

Bozhilov I., *Familiata na Asenevsi (1186–1460). Genealogiia i prosopografiia*, 2nded., Sofia, 1994.

Bozhilov I., Gyuzelev V., *Istoriia na Bulgaria v tri toma, 1: Istoriia na srednovekovna Bulgariia VII–XIV v.*, Sofia, 1999.

Dancheva-Vasilyeva A., *Bulgariia i Latinskata imperiia (1204–1261)*, Sofia, 1985.

Delekare A., *He archiepiskope Achridon kata ton mesaiona*, Thessaloniki, 2014.

Dolgov V. V., Funktsii iuridicheskikh tekstov v Drevnei Rusi (na primere “Merila Pravednogo”), *Voprosy istorii*, 10, 2013, 91–99.

Gippius A. A., Novgorodskaia vladichnaia letopis’ XII–XIV vv. i ee avtory (Istoriia i struktura teksta v lingvisticheskome osveshchenii), 1, *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka*, 2004–2005, Moscow, 2006, 114–251.

Klibanov A. I., *Reformatsionnye dvizheniia v Rusii v XIV – pervoi polovine XVI v.*, Moscow, 1960.

Korogodina M. V., O vremeni poiavleniia Chudovskoi redaktsii Kormchei knigi, *Srednevekovaia Rus’*, 9, Moscow, 2011, 197–206.

Korogodina M. V., *Kormchaia kniga v Galitsii. XVI – nachalo XVII veka*, St. Petersburg, 2015.

Korogodina M. V., *Kormchie knigi XIV – pervoi poloviny XVII veka*, 1–2, Moscow, St. Petersburg, 2017.

Korogodina M. V., Paleograficheskie i kodikologicheskie osobennosti Trifonovskogo sbornika rubezha XIV–XV veka, *Istoriik i istochnik. Sb. st. v chest’ 70-letiiia S. N. Kistereva*, Moscow, St. Petersburg, 2018, 74–91.

Moshkova L. V., Tolkovanie 71 pravila Karfagenskogo sobora: mesto napisaniia i problema datirovki, *Drevniia Rus’: voprosy medievistiki*, 21, 3, 2005, 72.

Mureşan D. I., Le patriarcat oecuménique et les patriarchats balkaniques (Tarnovo, Peć). Enjeux ecclésiastiques et impériaux au XIVe s., M.-H. Blanchet, M.-H. Congourdeau, D. I. Mureşan, eds., *Le patriarcat œcuménique de Constantinople et Byzance hors frontières (1204–1586)* (= Dossiers byzantins, 15), Paris, 2014, 203–242.

Nikolov G., Bulgarite i Vizantiiskata imperiia (avgust – noemvri 1185 g.), *Tangra. Sbornik v chest na 70-godishninata na akad. Vasil Gyuzelev*, Sofia, 2006, 597–617.

Nikov P., Prinos kum istoricheskoto izvoroznanie na Bulgariia i kum istoriata na bulgarskata tsurkva, *Spisanie na Bulgarskata akademiia na naukite*, 10, 1921, 1–62.

Pliguzov A. I., Protivostoianie mitropolich’ei i vassianovskoi Kormchikh nakanune sudebnykh zasedanii 1531 goda, *Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii SSSR dooktiabr’skogo perioda*, *Sbornik statei*, Moscow, 1985, 23–68.

Pliguzov A. I., *Polemika v russkoi tserkvi pervoi treti XVI stoletiiia*, Moscow, 2002.

Rybakov B. A., *Strigol’niki. Russkie gumanisty XIV stoletiiia*, Moscow, 1993.

Sevastyanova S. K., Novonaidennoe sochinenie o patriarkhe Nikone, *Kul’tura, istoriia i literatura*

Russkogo mira: Obshchenatsional'nyi i regional'nyi aspekty, Barnaul, 2014, 335–380.

Shchapov Ya. N., *Vizantiiskoe i iuzhnoslavianskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv.*, Moscow, 1978.

Smirnova D. D., Poslanie novgorodskogo arkhiepiskopa Feodosiia v Ustiuzhnu Zhelezopol'skuii: k voprosu ob istochnikakh i avtorskom stile, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 2013, 142–156.

Snegarov I., *Istoriia na Okhridskata arkhiepi-skopiia*, 1, Sofia, 1924.

Temchin S. Yu., Eshche odin rannii (cheshskii) tserkovnoslavianskii perevod s latyni: kanon rimskogo papy Grigoriia I Velikogo iz "Lzheisidorovykh dekretalii" v drevnerusskom traktate "Vlas-fimii", Angusheva A. et al., eds., *Vis et Sapientia: studia in honorem Anisavae Miltenova. Novi izvori, interpretatsii i podkhodi v medievistikata*, Sofia, 2016, 471–478.

Troitski S. V., *Kako treba izdati Svetosavsku Krmchiju (Nomokanon sa tumachenjima)* (= Spomenik Srpske Akademije nauka, 102), Belgrade, 1952.

Tsankova-Petkova G., Vosstanovlenie bolgarskogo patriarshestva v 1235 g. i mezhdunarodnoe polozhenie bolgarskogo gosudarstva, *Vizantiiskii vremennik*, 1968, 28, 136–150.

Uspenskiy B. A., *Tsar' i patriarkh: Kharizma vlasti v Rossii. Vizantiiskaia model' i ee russkoe pereosmyslenie*, Moscow, 1998.

Vershinin K. V., *Merilo Pravednoe v istorii drevnerusskoi knizhnosti i prava*, Moscow, 2019.

Zhivov V. M., *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury*, Moscow, 2002.

Zlatarsky V., *Istoriia na Bulgarskata derzhava prez srednite vekove*, 2: *Bulgariia pod vizantiisko vladichestvo (1018–1187)*, Sofia, 1934.

Мария Владимировна Корогодина, доктор исторических наук

Библиотека Российской академии наук (БАН),

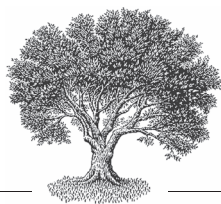
заведующая Научно-исследовательским отделом рукописей

199034 С.-Петербург, Биржевая линия, д. 1

Россия / Russia

mkorogodina@rambler.ru

Received February 2, 2019

Польский триумф
в Варшаве в 1661 г.
по случаю побед
польско-литовских
войск предыдущего
«счастливого года»:
московский перевод
специального
выпуска первой
польской газеты
«Merkuriusz Polski»
из архива Тайного
приказа*

The Polish Triumph
in Warsaw in 1661 on
the Occasion of the
Victories of the Polish-
Lithuanian Troops of
the Previous “Happy
Year”: the Moscow
Translation of a
Special Issue of the
First Polish Newspaper
“Merkuriusz Polski”
from the Archive of
the Secret Chancellery

* Авторы работали над текстом совместно в равной степени. Благодарим
О. С. Смирнову за перевод польских текстов.

Цитирование: Кроль П., Малов А. В., Шамин С. М. Польский триумф в Варшаве в 1661 г. по случаю побед польско-литовских войск предыдущего «счастливого года»: московский перевод специального выпуска первой польской газеты «Merkuriusz Polski» из архива Тайного приказа // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 350–376.

Citation: Kroll P., Malov A. V., Shamin S. M. (2019) The Polish Triumph in Warsaw in 1661 on the Occasion of the Victories of the Polish-Lithuanian Troops of the Previous “Happy Year”: the Moscow Translation of a Special Issue of the First Polish Newspaper “Merkuriusz Polski” from the Archive of the Secret Chancellery. *Slověne*, Vol. 8, № 2, p. 350–376.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.12

Петр Кроль

Исторический институт Варшавского
университета
Варшава, Польша

**Александр Витальевич
Малов**

Институт российской истории РАН
Москва, Россия

Степан Михайлович Шамин

Институт российской истории РАН
Москва, Россия

Piotr Kroll

Institute of History, University of
Warsaw
Warsaw, Poland

Alexandr V. Malov

The Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Stepan M. Shamin

The Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

Работа посвящена московскому переводу специального выпуска первой польской газеты «Merkuriusz Polski» из архива Тайного приказа, который рассказывает о польском триумфе в Варшаве в 1661 г. по случаю побед польско-литовских войск предыдущего «счастливого года». Анализируется история создания текста, его появления в России, литературные особенности польского издания и его русского перевода. Рассматриваются вопросы хранения газеты и ее перевода в приказных архивах. Памятник представлен на фоне других литературных произведений, посвященных данному событию. Авторы обращаются к основным эпизодам военной кампании 1660 г., отраженным в польских агитационных материалах. Освещаются меры, предпринимавшиеся русским правительством для борьбы с польской пропагандой и для распространения в Европе российской точки зрения на происходившее. Показано, что, несмотря на ожесточенную борьбу между странами, их культурное взаимодействие продолжалось, приобретая форму информационной войны. В приложении публикуется русский перевод и польский оригинал литературного памятника.

Ключевые слова

Русско-польская война 1654–1667 гг., информационная война, газета «Merkuriusz Polski»

Abstract

The paper examines the Moscow translation of a special issue of the first Polish newspaper “Merkuriusz Polski” in the archive of the Secret Chancellery, which recounts the Polish triumph in Warsaw in 1661 on the occasion of the victories of the Polish-Lithuanian troops of the previous “happy year”. The history of the text's creation and its appearance in Russia is reviewed, as well as the literary features of the Polish edition and its Russian translation. Also addressed are the issues of the documents' archival storage.

The text in question is contrasted with other literary works dedicated to the event. The authors also turn to the main episodes of the 1660 military campaign and the measures taken by the Russian government to combat Polish propaganda materials and to disseminate in Europe their own view of the conflict. The authors show that, despite the fierce struggle between the countries, their cultural interaction continued, taking the form of an information war. In the annex, the texts of the Polish original and its Russian translation are published.

Keywords

Russo-Polish War (1654–1667), information warfare, newspaper "Merkuriusz Polski"

Русско-польская война 1654–1667 гг. оказала огромное влияние на дальнейшую историю Восточной Европы. В ходе боевых действий чаша весов военной удачи неоднократно склонялась то на одну, то на другую сторону, постепенно раскалывая Украину и погружая ее в эпоху «Руины». Анализируемый нами документ является уникальным литературно-историческим памятником того драматического времени.

Изложим кратко хронологию событий, предшествовавших написанию текста. В начале 1660 г. российские власти попытались переломить ход войны, направив войска вглубь польской территории. На юге боярину воеводе В. Б. Шереметеву предстояло вести армию на Львов. Вместе с ним шли левобережные казаки под командованием наказного гетмана Т. Цецуры. По дороге к Львову с ними должен был соединиться гетман Ю. Хмельницкий. Против русско-казацких войск выступила польская армия под командованием коронного гетмана С. Потоцкого и польного гетмана Ю. Любомирского. К ним пришла на помощь Крымская орда. Шереметев, столкнувшись с превосходящими силами противника, в ожидании казаков Хмельницкого стал обороняться, а потом начал отступление.

Надежды Шереметева на помощь союзника не оправдались. Хмельницкий после небольшого сражения под Слободищами заключил с поляками перемирие, а затем и мир (17 октября 1660 г.), по которому обязался признать власть польского короля и биться против Шереметева. Последний начал переговоры с поляками, в результате которых пообещал, что русские войска покинут Украину, отдав польской стороне оружие и знамена. Текст капитуляции, к которому апеллируют историки, представляет собой приложение из 12 кондиций к так называемым «Новинам» (powiny — вести, новости), посланным из польско-литовского лагеря 31 октября 1660 г. Документ сохранился в составе так называемых Тек Нарушевича (рукописных копий, изготовленных в XVIII в. по

заказу Адама Нарушевича) и был опубликован Франчишком Ключицким. Сам характер документа заставляет отнести к нему осторожно, поскольку уже в заголовке подчеркнуто, что Шереметев сдался как королю, так и хану (хотя обоих монархов не было рядом с местом битвы). Между тем наблюдатели со всех воевавших сторон в один голос свидетельствуют, что по условиям сдачи никто из русского войска не должен был попасть к татарам. Составители документа явно пытались задним числом подправить его условия, чтобы «сохранить лицо» [Pisma do wieku 1880], каковая тенденция отчасти была подхвачена польской и украинской историографиями. После сдачи оружия татары, будучи польскими союзниками, стали брать в плен и убивать обезоруженных русских [Бабулин 2006; Курбатов 2019: 167].

На территории Великого княжества Литовского действия российских войск также были не слишком удачными. Первоначально князь И. А. Хованский, командовавший Новгородским полком, добился крупных успехов, планировалось даже наступление на Варшаву. Однако постепенно польские военачальники начали теснить его. Гетман великий литовский П. Сапега и воевода русский С. Чарнецкий соединились 23–24 июня 1660 г., а 28 июня в битве под селом Полонкой нанесли Хованскому сокрушительное поражение. Российские потери составили до 1000 конных и 2500 пеших, в плен попало не менее 700 человек. Это поражение повлекло за собой капитуляцию Новогрудка, Бреста, Гродно и Вильно [Курбатов 2003].

Успешные действия польско-литовской армии не позволили России довершить разгром Речи Посполитой. Они и стали поводом для торжеств, описываемых в документе, перевод которого был составлен для царя Алексея Михайловича. Источником русского перевода стал «*Merkuriusz Polski Extraordinaryny*» № XXXVI от 17 июня 1661 г. [Merkuriusz Polski 1]. Это один из номеров первой польской печатной газеты, которую основали король Ян Казимир и его сторонники. Издание адресовалось шляхте Речи Посполитой (тираж составлял 300–400 экземпляров), а его целью было убедить польскую знать принять проводимые двором государственные реформы, способствовавшие укреплению королевской власти. По понятным причинам в газете прежде всего прославлялись дела и победы короля Яна Казимира, а кроме того, сообщались различные политические и экономические новости, описывались различные необычные события, например, появление над Оломоуцем кометы.

Редактором первой польской печатной газеты стал королевский секретарь Иероним Пиноччи (Hieronim Pinocci). С 3 января 1661 г. газета публиковалась в Кракове, а с мая 1661 г. — в Варшаве. После того как на

сейме 1661 г. реформаторские проекты короля не получили поддержки, газета обанкротилась [Майер 2008: 30–31]¹. Стоит заметить, что сейм 1661 г. должен был заниматься двумя важными вопросами: реформа проведения заседаний сейма и реформа элекции (выбор наследника короля). Очень важная роль в этих вопросах отводилась коронным гетманам, осененным славой победителей кампании 1660 г. и имевшим большое влияние среди шляхты в войске. Двор решил использовать их популярность и военные успехи для того, чтобы убедить членов сейма согласиться с предложенными реформами. Торжественный парад, сложение знамен и показ московских пленных также подчеркивали власть и могущество Речи Посполитой и ее монарха. Это выглядело и реверансом в сторону гетманов, на поддержку которых рассчитывал король.

Интересующий нас выпуск относится уже к «варшавскому» периоду издания. В отличие от «ординарных номеров», «экстраординарный» выпуск хотя и входил в сплошную нумерацию издания, состоял всего лишь из 4 страниц и содержал только один текст — описание парада в Варшаве. Понять, как эта тоненькая тетрадка попала в Москву, можно, опираясь на заглавие русского перевода. В нем упоминается, что оригинал «привез ис Полши подъячей Ларион Иванов». Ларион Иванов послан в Польшу гонцом 30 ноября 1660 г., он должен был выяснить, согласится ли польский король установить перемирие и провести посольский съезд. Иванову пришлось задержаться в Речи Посполитой. 14 января 1661 г. туда вслед за ним направились посланник стольник Замятня Леонтьев и дьяк Михайлов, которых отпустили из Варшавы 15 июля. Вместе с ними отбыл и Ларион Иванов [Бантыш-Каменский 1897: 135].

XXXVI выпуск «Merkuriusz Polski» сохранился в РГАДА среди документов, перешедших сюда из Московского главного архива МИД, находившегося Посольскому приказу [Merkuriusz Polski 2]. Однако, вероятнее всего, это не тот экземпляр, с которого делался перевод. Дело в том, что в описи Посольского приказа 1673 г. упомянута «белая коробья», где кроме других печатных иностранных изданий лежал «Меркуриус полской печатной экстраординальный [так в описи. — Авт.] 1661-го году, не весь, тетрадей иных нет, толко по смете 36 тетрадей, а в выных тетратках по два и по одному листу» [Опись архива 1990: 242, 256]. Сейчас в архиве находится большая подшивка [Merkuriusz Polski 2]. Надо полагать, что именно с нее делался перевод, который упомянут в переписной книге документов приказа Тайных дел 1676 г. Под № 16 там фигурирует «Перевод с польских печатных тетрадей, что привез ис

¹ См. также историографию «Merkuriusza» [Lankau 1960; Libiszowska 1955; Majewska-Grzegorzewska 1956; Przyboś, Magdziarz 1975].

Польши думной дворянин Афонасей Лаврентьевич Ордин Нащокин во 171-м (1662/1663) году» [РИБ 1907: 4, 5]. Вполне вероятно, что исследуемый текст переводился дважды, хотя более поздний перевод, скорее всего, утрачен, как и оригинал более раннего перевода.

Характерно, что привезенная Ордином Нащокиным газета хранилась в Посольском приказе, а ее перевод — в Тайном. Это связано с тем, что у Тайного приказа не было собственных переводчиков и его руководство привлекало переводчиков внешнеполитического ведомства. Исследуемый перевод также хранили в Тайном приказе. Об этом свидетельствует скрепа: «ди- || -ак || Арте- || -мон || Афа- || -нас- || -ев», — идущая по всем листам перевода. Именно этот дьяк занимался разбором архива Тайного приказа в 1670-х гг. Перевод не хранился отдельно, а был частью большого столпа — скрепа на столбцах перевода начинается элементом «Арте-» на л. 155, а обрывается элементом «-нас-» на л. 164.

Почему в Москве настолько заинтересовались этим описанием, что перевели его дважды? Дело в том, что негативные материалы о России собирали в Москве целенаправленно. Еще летом 1660г. находившийся на русской службе англичанин Иван Гебдон (Старший), посланный в звании резидента в Голландию и Англию, живя в Амстердаме, узнал о распространении польских новостей про поражение русской армии. 30 декабря 1660 г. из Амстердама Гебдон писал «з большим, плачевным мыслом» Ордину-Нащокину, что «неприятели Государя нашего розславили здеся и в ьных землях, будто Великого государя царя нашего войска, которое было у боярина и воеводы, у Василья Борисовича Шереметева... все побиты и разорены, и тотаре многих в полон взяли». Резидент просил прислать правдивые известия для публикации в целях борьбы с распространяемыми поляками слухами.

В посланных Гебдону образцовых авизах правительство Алексея Михайловича дало официальную оценку действиям польского командования: «с Шереметевым и с московским войском учинили перемирье... и учинили веру, и в той вере и в крестном целованье не устояли — обманом Шереметева взяли и отдали татаром, а московское войско розобрали по себе, а иных неболших людей и побии» [О приглашении в Россию: 39–40]. Грамота инструктировала комиссариуса:

как к тебе ся наша грамота придет, а авизы печатные в немецких государствах и в ьных городех о побое боярина Василя Борисовича Шереметева с товарищи наших, великого государя, ратных людей их полков учнут выходить, и ты б те авизы покупал и после тех авиз велел напечатать авизы другие по образцовому писму, каково к тебе послано под сею нашу великого государя грамотою; а в речах — по немецкому извычаю, как в Курантах ведетца, и справил с собою. Только б дела не убавить — тебе о том нам, великому

государю, порадеть: авизы переменить и велеть напечатать многие, хотя от того доведетца и дать, — чтоб во всех государствах то было явно. А каковы авизы куплены будут, и каковы твои по образцовому письму выдут, и ты б те авизы прислал к нам, великому государю, к Москве без мотчанья [О приглашении в Россию: 37–38]².

Аналогичное «образцовое письмо» было отправлено любекскому купцу Ягану фон Горну, чтобы Горн напечатал «образцовое письмо» на немецком языке и разослал по окрестным государствам [Соловьев 1991: 90; Подлинное объявление].

Выше мы рассмотрели политические причины, побудившие Алексея Михайловича ознакомиться с данным документом. Однако текст представляет интерес и с точки зрения истории культуры. Дело в том, что, воюя с западными соседями, Алексей Михайлович и его двор одновременно испытывал мощное влияние их культуры. Достаточно вспомнить, что одним из «приобретений» времен русско-польской войны был придворный поэт Симеон Полоцкий. Применительно к обсуждаемой публикации нужно вспомнить, что российское правительство в XVII в. постоянно проявляло большой интерес к польскому и, шире, к европейскому церемониалу [Шамин 2011: 263–273]. Вопрос о влиянии европейской культуры XVII в. на русскую имеет огромную историографию. Однако малые литературные жанры в этом отношении изучены недостаточно. Между тем они вносили свою лепту в постепенную культурную трансформацию московской политической элиты.

Можно с уверенностью говорить о том, что в Москве этот текст воспринимали не только как военно-политическую информацию, но и в качестве литературного сочинения — пусть и в жанре политической публицистики, о чем говорят особенности перевода. Рабочие тексты в Посольском приказе переводили русским языком, а литературные украшали церковнославянизмами [Королев, Майер, Шамин 2009]. Именно так обстоит дело и в нашем случае. Первый абзац перевода:

Сейм нынешней, хотя красотою и собранием великого множества людей, всякому есть во дивление купно и с сказанием лепоты и можности той коруны, которая по многих тяжких напастях от своих падений тем славные востает, чем зельнее осуждена была у света к падению. Однако никакое стройство и наряд (*Л. 156*) лутчи очесам людским не показалось домовым и окрестным, как стройная езда панов гетманов обоих народов, как в город одни в день святые Троицы, а иные на завтрее в понеделник въезжали, ведучи вязней и знамена московские таковым урядством.

² Составленное русскими дипломатами для распространения за рубежом «образцовое письмо» полностью опубликовал Гурлянд [Гурлянд 1903: 22, 23, 60, 61, 63, 65].

Славянизмы «дивление», «купно», «лепоты», «зельнее», «очесам» сигнализировали читателю, что он имеет дело с произведением высокого стиля.

Зачитываемые на заседании Думы или лично царю тексты, помимо воли слушателей, транслировали им систему ценностей той культуры, в которой сочинение создавалось. Особенно сильно такое влияние должно было проявляться в тех случаях, когда тексты составлялись писателями с хорошим слогом. Исследуемый в данной работе памятник имеет очевидные литературные достоинства, которые сохранены и в переводе. Описание победы проникнуто рыцарским духом, который позднее так ценил и мечтал вселить в российское дворянство Петр I. Хотя слово «рыцарь»³ в тексте отсутствует, автор явно стремился подчеркнуть рыцарское благородство поляков, а особенно польского короля и его супруги. Справедливости ради следует отметить, что на практике рыцарский кодекс далеко не всегда был путеводной звездой польского воинства. Достаточно вспомнить хотя бы один тот факт, что среди пленных на параде отсутствовал командовавший русской армией боярин Шереметев. Выдача его в руки татарам противоречила условиям договора, заключенного под Чудновым. Поскольку самая блестящая победа «польско-литовского орла» в войне 1654–1667 гг. сопровождалась весьма сомнительным с точки зрения декларируемых рыцарских идеалов поведением триумфаторов, остановимся подробнее на отражении польского политического нарратива XVII в. в историографии.

Влияние современного событиям Чуднова польской политической публицистики на историографию — в первую очередь польскую — ярко проявилось в ретушировании или даже оправдании совсем не рыцарского поведения польских гетманов. Так, уже Тадеуш Корзон объявил, что во всем виноват царь, не утвердивший условия капитуляции, словно забывая, что условия были нарушены сразу же, когда Алексей Михайлович и знать о них не мог [Korzon 2005: 69]. Либо историки пишут о равной ответственности проигравшей и победившей стороны за грубое нарушение условий капитуляции, словно победившая и сдававшаяся стороны находятся в равных условиях. При этом акцентируется внимание на том, что в ходе переговоров русские согласились на выдачу казаков татарам и даже выдавали тех «черкас», кто пробовал скрыться в их рядах, когда казаки покидали лагерь. Мирослав Нагельский пишет, что и польское, и русское командование без особых колебаний выдало

³ Появляющееся в тексте выражение «рыцарство коронное» означает солдат шляхецкого происхождения и служащих в кавалерийских хоругвях. Таким образом подчеркнута преемственность традиции рыцарской службы шляхты того времени.

казаков татарам, так как каждая из сторон считала их изменниками [Ossoliński 2006: 92; Nagielski 2013: 310–311].

Когда в армии Шереметева получили весть об измене царю Юрия Хмельницкого под Слободищами, наказной гетман сепаратно от Шереметева договорился с польским командованием о капитуляции и, оставив в качестве прикрытия большую часть своего корпуса, со старшиной и частью казаков бежал под Слободищи, не дожидаясь условленных сроков капитуляции. Один из авторов настоящей статьи возлагал на этом основании на переяславского полковника большую степень вины за взятие татарами большей части оставшихся в лагере казаков в ясырь (единственным условием капитуляции Цецуры была неотдача казаков татарам, гарантированная польским командованием) [Kroll 2008: 390].

Однако, памятуя историю корпуса Шереметева во главе с самим командующим, необходимо признать, что Цецура при всей циничности своего поступка показал себя — пусть не командиром, но политиком — более реально оценивавшим договороспособность польского командования. Когда основная часть казаков Цецуры начала разбегаться и перебегать на сторону поляков, гнев обреченных русских воинов обратился на тех, кто еще оставался в укрепленном русско-казацком лагере. Тогда и случилась психологически понятная, хотя и весьма неоднозначная с моральной точки зрения история: русские воины, разъяренные предательством одних казаков, выгнали из лагеря или прямо выдали татарам других казаков. Жертвами гнева тогда оказались казаки как просто не успевшие уйти с Цецурой, так и еще сохранявшие верность царю. К этому следует добавить и то, что смысл всей трагически закончившейся экспедиции Шереметева состоял в действиях объединенных гетманско-русских войск. И в том, что «случение» сил не состоялось, и в том, что армия оказалась блокированной, русское командование и войско также винили гетмана и Войско Запорожское (что, впрочем, часто бывает между соратниками в случае поражения).

Согласно одному из пунктов капитуляции, польская сторона могла удерживать русских воинов и их командиров в качестве заложников, гарантировавших выход царских гарнизонов из всех украинских городов. По большей части в польской историографии из работы в работу кочует мнение, что договор не был исполнен и русские гарнизоны не сдали крепости на Украине по вине татар, когда последние силой захватили в плен большую часть русского корпуса Шереметева и вытребовали себе самого боярина (например, см.: [Nagielski 2013: 311, 313]). Оправдывая грубое нарушение польским командованием во главе с Ежи Любомирским условий капитуляции, подписанной русским командованием во главе с Шереметевым, польская историография утверждает,

что гетманы пошли на выдачу татарам сдавшихся полякам русских пленных во главе с командующим, «понимая трудность своего положения», а вовсе не ради того, чтобы без финансовых потерь расплатиться с опасным союзником.

По мнению большей части польских и украинских ученых, польское командование не смогло противостоять шантажу татар, угрожавших расторгнуть военный союз Речи Посполитой с Крымом. Актуальность этого союза для Речи Посполитой прекрасно понимали и сами крымцы. Из-за этого даже обычно помогавший в сношениях с татарами подкуп крымской верхушки мало помог Любомирскому и Потоцкому решить вопрос с пленными [Герасимчук 1913: 46 та інші]. Простые крымцы дошли до того, что, вопреки достигнутым соглашениям, уже после подписания договора и сдачи русскими оружия сначала напали на польских солдат, грозя разрывом союза, а потом атаковали лагерь Шереметева. По мнению польской историографии, развитие событий показало, что, даже если бы поляки стали оборонять пленных под угрозой собственного пленения, татары отправились бы за ними вплоть до Путивля, пока не покончили бы с остальными. Ситуация оказалась серьезной, «потому что дело, которое должно было принести им (гетманам) славу, а королю пользу, могли испортить бесстыдные союзники» [Romański 2008: 181].

В конце концов поляки решили выдать татарам Шереметева и оставить у себя других командиров. Исполняя условия капитуляции (в польской версии — заботясь о судьбе русских ратных людей) и предполагая возможность татарского нападения, они решили оборонять лагерь полком пехоты. Однако предпринятые меры не предотвратили значительных потерь от ночного нападения орды. Большинство русских воинов погибло или попало в плен, а часть укрылась в польском лагере. Татары объясняли ночные события неповиновением некоторых своих отрядов, но не оставляли попыток похитить русских и из польского лагеря. Как подчеркивают польские ученые, именно внушительная фигура гетмана Любомирского и угроза применения силы в конце концов остановили орду. Тем не менее неприятный осадок остался, и многие крымцы не смогли смириться с таким положением вещей. Впрочем, Ромуальд Романьский признает, что, в переговорах с русским командованием польские вожди умолчали о своей договоренности с татарами о равном разделении пленных русских и казаков между союзниками [Ibid.].

Почти все польские историки пишут о том, что командовавший крымской ордой нураддин Мурад-Гирей пытался сорвать подписание договора о капитуляции и настаивал на продолжении военных действий до победного конца, шантажируя гетманов угрозой разрыва союза. По крайней мере отчасти воинственность крымского союзника

объясняется тем, что войска нураддина не могли быть задействованы против сомкнутых боевых порядков русских и казачьего табора, поэтому сравнительно мало пострадали в ходе ожесточенных боев этой кампании⁴. Антоний Хнилко, а следом за ним и Лукаш Оссолинский и М. Нагельский пишут, что татары буквально «выкручивали руки» польскому командованию, заставив его в итоге следовать их договоренности и грубо нарушить условия договора с Шереметевым [Hniłko 2012: 89–97]. При этом Оссолинский в полной мере признает, что «татарское вероломство» было «на руку» Потоцкому и Любомирскому, которые расплатились таким образом с ордой за союзническую помощь, выдав ей уже капитулировавшую и разоруженную армию Шереметева, причем не только воинов, остававшихся в русском лагере под символической охраной польской пехоты, но и тех дворян и детей боярских, которые уже успели укрыться от татар в польском лагере [Ossoliński 2000: 46].

Если вспомнить «авизы» Алексея Михайловича о Чуднове, то надо признать, что и российская историография — в первую очередь современная⁵ — в своих оценках действий польского командования отчасти следует русскому нарративу XVII в. В том числе современные российские историки (И. Б. Бабулин, О. А. Курбатов, А. В. Малов и некоторые другие) в оценке Чудновской капитуляции исходят из того, что договоры (в том числе условия военных капитуляций) должны соблюдаться исходя не из сиюминутной выгоды победившей стороны, а в силу того, что они подписаны обеими договаривающимися сторонами. История Чудновского польского триумфа и русско-казачьей трагедии лишний раз напоминает нам, что литературный идеал и жизненная практика не всегда идут рука об руку, публицистика же, как и любой нарратив, имеют четко выраженную тенденцию представить взыскуемый идеал свершившимся фактом.

Так, на страницах «Польского Меркурия» (Merkuriusz Polski) из-под пера, вероятно, Иеронима Пиноччи на читателя взирали независимость, мужество, честь и отвага, а также великодушие польского воинства. «Природная гордость» поляков заставляла их соревноваться блеском одеяний не только с соседями, но и между собой. Множество важных

⁴ О том же пишет на базе польских нарративных источников и украинский историк Иван Ярмошик, к сожалению, допуская досадные ошибки в фамилии и титулатуре Шереметева [Ярмошик 2019: 128].

⁵ Необходимо учитывать, что классическая русская историография времен С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, создавалась, когда основные фонды массовых документальных источников XVII в. были еще недоступны историкам, и поэтому находилась под мощным влиянием как западноевропейского, так и польского нарратива XVI–XVII вв. Советская же историография акцентировала внимание главным образом на социально-политических и социально-экономических вопросах и проблемах.

пленников и замечательных трофеев подчеркивали воинскую доблесть участников парада. Сочинитель стремился показать читателю то благородство, с которым королевская чета относится к поверженному врагу. Королева лично принимала «сверх достоинства» жену и невестку попавшего в плен воеводы П. М. Голенищева. И это утверждение справедливо, поскольку, несмотря на древность фамилии, Голенищевы не относились к числу первых семейств московской знати⁶. Но особенно великодушно ведет себя сам король. Он прощает пленному воеводе князю Г. А. Козловскому его нежелание кланяться перед монархом Речи Посполитой. А в последних строках Ян Казимир вообще отказывается попирать поверженные к его стопам московские хоругви, продемонстрировав всему миру «мудрое рассуждение и христианское смирение». Этот жест произвел на очевидцев событий огромное впечатление и широко комментировался, о чем свидетельствуют записи в дневниках («диариушах») этого сейма.

Все, что делали король и его жена, преследовало цель вызвать симпатию к ним в глазах шляхты, которая рассматривала подобные действия как знак доброты и уважения к поверженному врагу. Скорее всего, это делалось в целях пропаганды, но не следует и полностью исключать того, что мы имеем дело с незапланированным жестом, сделанным по велению сердца.

Автор польского сочинения сумел подчеркнуть внимание высших сил к польскому воинству. Сделал он это через образ двух орлов, круживших над торжествующей армией Речи Посполитой. Орел широко представлен в эмблематике европейского Средневековья, олицетворяя, вместе с другими хищными птицами, мужество, благородство и силу. Не только для польских, но и для русских читателей это был «свой», не требующий дополнительных пояснений образ. Достаточно вспомнить орла на российском гербе [Соболева 2006: 99–156; Пчелов 2011: 9–40]. Писатель заставлял читателя задуматься о том, что, покружив в небе над празднующим победу польским панством, орлы разлетелись в разные стороны. В качестве сопоставления сочинитель отсылал к орлу, кружившему над войском Шереметева, а затем упавшему и пойманному татаринном: это предрекало победу польских войск и их союзников.

Посвященное орлам отступление представляет интерес и как литературный прием. Оно вклинивается в середину текста, оживляя монотонное описание действия, которое могло уже несколько поднадоесть потребителю литературной продукции. «Орлиный» экскурс выступает в той же самой роли, которую играли *exemplum* («примеры»), оживлявшие поток морализаторства средневековой проповеди.

⁶ Род Голенищевых представлен лишь в главе 18 Бархатной книги [Новиков 1787: 12].

Впрочем, далеко не все литературные изыски оригинала становились доступны русскому читателю. Так, многочисленные вставки на латыни (типа *res notabilis & a multis notata occurrit* перед пассажем про орлов, переведенное как «Речь знатная и от многих до разсуждения годная») в польском тексте подчеркивали образованность автора, а также выделяли особо важные и возвышенные мысли, однако в русском тексте они сливались с основным текстом. Своеобразной компенсацией этого приема стало упомянутое уже использование славянизмов.

Ни сам триумфальный парад, ни реляция не оправдали возложенных надежд. Сейм так и не согласился на предложенные королем реформы. На это одинаково повлияли как нежелание шляхты принимать предложенные изменения, так и войсковая конфедерация, которая сложилась в начале июня этого года и фактически ограничила возможности Речи Посполитой использовать победы, одержанные на восточном театре военных действий. Остался лишь ценнейший документ, описывающий такого рода церемонии.

Исследуемый здесь польский публицистический нарратив являет собой достаточно редкий случай из русско-польской истории XVII в., когда польский взгляд и польская оценка могут быть сопоставлены не только с официальными российскими документами, но и с наблюдениями западноевропейца, а также — что уникально — со свидетельством русского нарратива, вышедшего из-под пера одного из участников описываемых событий.

Одним из свидетелей разыгранного на Краковском предместье польского триумфа был знаменитый шотландский наемник Патрик Гордон, поместивший краткий рассказ о нем перед записью, датированной 16 июня: его текст не только дополняет польскую версию событий, но и несколько расходится с ней. На него также произвел впечатление резонансный эпизод с пленными русскими воеводами и князем Г. А. Козловским: «Им было велено поклониться королю так же, как обычно кланялись царю, но те отказались, особливо князь Григорий Афанасьевич Козловский, который открыто порицал (поляков) за нарушение капитуляции. Однако его заставили замолчать и увели в отведенное им жилище» [Гордон 2002: 92]. Вскоре, судя по дневниковым записям между 12 и 24 июля, шотландец начал склоняться к поступлению на русскую службу и окончательно решил на это уже в Риге 28 июля [Ibid.: 98, 100].

Еще одну версию событий сохранил «Родословец князей Козловских», который боярин князь Козловский представил в Палату родословных дел 18 апреля 1682 г., а 20 марта 1688 г. представленное родословие было внесено в «Бархатную книгу» [Новиков 1787; Антонов 1996:

194–196]. Версия непосредственного участника событий, возможно, записанная либо самим престарелым героем, либо одним из его детей, также расходится с версиями и его польских противников, и их шотландского наемника. Как редкий пример русского нарратива, заочно вступившего в дискуссию с западными оппонентами, эта запись достойна самого пристального внимания, поэтому позволим себе развернутое цитирование:

И перед королем Полским Варшавою он, князь Григорей Афанасьевич, приведен был в полате при их духовнаго чину и при санатырех и иных государств при послах; и неправду гетманов и нарушение крестнова целования их обличал он, князь Григорей Афанасьевич Козловской, не бояся смерти... говорил об их неправде, что они, гетманы, нарушили крестное целование. И как ево вели х королю, и под ноги подстилали знамена, на которых было изображение образов, и он, князь Козловской, не пошел, и за то он бит обухами и сослан был в далней полской город в Ланцут. И сидел в тюрьме земляной два годы, голод и всякую нужду терпел [Сборник исторический: 119 об.–120].

Рассказ начинается с краткого авторского описания событий, послуживших важнейшим поводом и причиной польского триумфа, а для России ставших самым тяжелым военным поражением в Тринадцатилетней войне 1654–1667 гг.:

И от множества крымских и полских людей в отходах шли и в осадах в трех окопах сидели восемь недель — голодную и всякую нужду терпел. И видя их, воевод и ратных людей крепкое и жестокое осадное сидение, полские гетманы Крест целовали, крымские салтаны шертовали, что было им боярина Василья Борисовича и ево князя Козловского и товарищей их и ратных людей отпустить в целости. И поляки крестное целование, а крымские салтаны шерть нарушили: ратных людей побили и в полон в Крым и в Полшу поимали. И боярина Василья Борисовича в Крым взяли, а ево, князя Григорья Афанасьевича Козловского, в Полшу [Сборник исторический: 119 об.].

Рассказ «Родословца» о Чудновской битве и польском триумфе по его случаю, подкрепленный переводом из Веспассиана Коховского (Краков, 1688 г.), заключали вирши «На возражение стихи», обращенные к Польше и завершавшиеся патетической декларацией, что через все перечисленное содеянное зло и бесчестье не будет торжествовать Польша над Москвой:

Неправость в договоре вами содеяна,
Полше в том Виктория ваша есть попрана

Бесславием, ибо ты в любви отпустить
Желала; да изволит Москва отступить

От тебе и более да не утруждает
Тя; бранию тем покой конечный предает

Но ты, неблагодарна, оный получивши,
Воеводы царския все уничтоживши.

Перва Шереметева тоираном предала,
Християнина врагом во муку предала.

Втораго Козловскаго князя, обличивша
Дерзновенно неправость твою всем явивша,

Вместо чести арестом чрез многия лета
Трактовала; от злобы и лишала света.

И всем людем много зло тобой нанесении
Бысть тем Москвой не будет ти торжественнии.
Во веки, Аминь!

[Сборник исторический: 132].

Не вызывает сомнения, что разыгранный в Краковском предместье Варшавы военный триумф являл собой репрезентацию не только короля Яна II Казимира, но и возрожденной из пепла Речи Посполитой, обращенную как к подданным Республики, так и к иностранным дипломатам и правительствам. Однако в вопросе о реальности романтизируемых польской публицистикой побед точку в отношении Чудновского польского триумфа ставят сами поляки, практически дословно подтверждая оценки князя Григория Афанасьевича Козловского. Так, 1 июня 1674 г., принимая у себя первого русского резидента стольника и полковника Василия Михайловича Тяпкина, подканцлер и гетман полный Литовский Михал Казимеж Радзивилл, обсуждая новоизбранного короля Яна III Собесского, вспомнил и о его участии в Чудновской кампании:

...когда во время войны съ Его Царского Величества бояры и воеводы корунных гетманов за неправым поступком тех их гетманов учинилась отдача в Крым Царского Величества боярина и воеводы Василья Борисовича Шереметева; и тогда он, гетман, а нынешней государь их, Его Королевское Величество, тому их неправому совету множественно противился и с немалым прещением говорил, что они, гетманы коронные, в том учинили неправду и не по христианскому обычаю [Статейный список: 146 об.–147].

Несомненно, без какой-либо романтики, но как к инструменту информационной войны относилось к газетным вестям и русское правительство Алексея Михайловича, что наглядно видно из переписки царской канцелярии (Приказа тайных дел) с комиссаром Гебдоном о замене в

западных газетах польских авиз на русские. Информационной войне русские учились у своих западных соседей со времен летучих листов Ливонской войны. Наиболее ярким эпизодом этой «войны перьев» стала работа походной типографии Стефана Батория во время его Псковской экспедиции [Филюшкин 2013: 410–481]. В эпоху расцвета европейского нарратива, из которого уже в XVII в. зарождались жанры художественной литературы, сама парламентарная структура Речи Посполитой со слабой королевской властью и сильной магнатерией создавала крайне благоприятные условия для развития и публицистики, и разнообразных форм информационной борьбы как на внешнем, так и на внутреннем «театре информационных военных действий» (см., например: [Augustyniak 1981: 207–208 i inn.]).

Приложения

Текст документов подготовлен в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР». Текст источника передается по современным правилам орфографии и пунктуации. Вышедшие из употребления буквы заменяются буквами современного алфавита. Выносные буквы помещаются в строку, титлы и другие принятые на письме сокращения раскрываются без специального обозначения и примечаний. Буквенная цифирь передается арабскими цифрами. Утраты текста отмечены отточием, восстановленный по остаткам букв и по смыслу текст заключен в квадратные скобки; исправленные явные ошибки писца заключены в круглые скобки. В тексте польского оригинала сохранены сокращения, принятые в польской исторической науке при публикации документов; при передаче слов, написание которых изменилось, сохранена оригинальная форма написания текста XVII в.

Приложение 1

1661 г., сентябрь 11 — Перевод в Посольском приказе по заказу Тайного приказа фрагмента статьи специального выпуска первой польской газеты «*Merkuriusz Polski*» с описанием торжеств в Кракове по случаю побед польской армии в сражениях 1660 г.

(Л. 155) Перевод с польского письма с печатных курантов. *Привез ис Полши подъячей Ларион Иванов. Переведены в нынешнем во 170-м году сентября в 11 день⁷.

Июня в 17 день описание действ знатных, как паны гетманы корунные и Великого княжества Литовского великих побед с неприятелей

⁷ Вписано позднее другим почерком.

той Речи Посполитой недавно полученных и в давные лета не памятных радость отдавали.

Сейм нынешней, хотя красотою и собранием великого множества людей, всякому есть во дивление купно и с сказанием лепоты и можности той коруны, которая по многих тяжких напастях от своих падений тем славные востает, чем зельнее осуждена была у света к падению. Однако никакое строство и наряд (Л. 156) лутчи очесам людским не показалось домовым и окрестным, как стройная езда панов гетманов обоих народов, как в город одни в день святые Троицы, а иные на завтрее в понедельник въезжали, ведучи вязней и знамена московские таковым урядством.

В неделю во 12-м часу пошли с стану своего пан маршалок корунный, пан воевода Браславский, пан воевода Черниговский, пан хоронжей, пан обозной, пан писарь, пан стражник корунные и ехали к воеводе Краковскому, там недолго мешкав, с посаду Краковского в замок тем строством въезжали. Ввели прежде 8 коней велми стройно от злата и драгих каменей убранных, за которыми ехало 100 драгунов, зачиналося потом стройная езда воинства корунного, (Л. 157) которых ехало 800 коней, а после их урядники войска корунного, междо ими 2 каштелянские дети краковские Пототцкие, 2 воевод Краковского Пототцкого ж, а имянно пан староста Галитцкий, пан староста Краснославский, воеводич Браславский, пан крайчей Великого княжества Литовского, а за ними их милость паны гетманы, князь Радивил, подчашей Великого княжества Литовского, маршалок Избы Посолские сейму нынешнего, князь Бугуслав Радивил, конюшей великого княжества Литовского, князь Юрьи Михайло на Черторижску воевода Браславской, пан Стефан на Чарнце Чарнетцкой, воевода земель Руских, потом за ними — гетманы оба: пан воевода Краковский, пан маршалок корунной и отполевой а тот по правой руке. (Л. 158) Какие все имели лошади, какие были дорогие оружия и конские *⁸ и иные⁸ наряды и красоты тое езды, невозможно описать, оставляючи место разума також природной гордости того народу, которая не удовлетворена споровуючися с ыными окрестными народы красотою, но и сами меж собою тож чинят, а також лутче видитца замолчать такие дела⁹ того великого нежели менши годно оное подать до ведомости.

За ними, немного помешкав, ехали на конех вязни московские знатнейшие, меж которыми князь Козловской, гетман полный, и иных многих урядников царских и думных бояр також и менших полковников сколко на десят. (Л. 159) За теми собранным собранием слуг, молодежи, товариства человека пешево сколко сот, потом ротмистр пешей его милости пана воеводы Краковского на лошади, пехоты за ним 200 в красном

⁸ Вписано над строкой.

⁹ В ркп. слово по ошибке повторено.

платье обычаем полским шло с музикою, несучи 137 хорунг московских и все корысти от неприятеля побрано, которые то хоругви хотя все были прекрасные добре, однако краснейших и лутчих было 8, досталные голубые (с) серебром, много писанных, которые на отводе войска московского всегда бывали, а за ними 2 белые, також добре серебром и золотом писаны, а на них 2 орлы золотые двоеглавные с венцом царским.

За тою пехотою гнали вязней 100 сколко на десять, за вязнями (Л. 160) шла хоругвь пешая его милости пана маршалка великого, гетмана полного корунного в голубом платье с музикою. После — хоругвь також пешая князя его милости Радивиля, подчашего Великого княжества Литовского, маршалка Избы Посолские в платье красном обычаем полским с музикою, за ними драгуны князя его милости пана конюшего, которые ездю окружали.

Их милость пан гетманы пошли до короля его милости с своим наслідством, а другие собранные люди на низу остались. Украсил, долго не мешкаячи, король его милость особою своею сенаторскую избу. Там их милость паны гетманы велели привести знатных вязней московских, а преж их немного пришествия его милость пан воевода краковский, начав говорити, показывал их королю его милости короткими, (Л. 161) но прекрасными словесы. При том деле дал князь Козловский с себя приклад или не вовременного великого разумения или нескорого припомнения когда забываясь что персону вязенскую имеет, преж хотел говорить до короля его милости, нежели поклониться, а понеже в споре стал или не мог так скоро опаматоватся пришло ему от лица милостившаго князя несчастья лютцкого и в неприятелех жалеющего немного посрамнелн отходит. А знамена победы под ноги его королевской милости у кресла жолнеры бросали. Потом чтено все дела воинские их милостей панов гетманов.

Речь знатная и от многих до разсуждения годная придалась в то время, когда те дела воинские чли, два орлы неведомо откуль прилетели (Л. 162) и, поиграв счет часа над городом и над Вислою меж Прагою и Варшавою, потом оба от горы городской розделився полетел один прямо через Скаришев к Минску на восход солнца а другой — до Белой Луки на полночь, что ниодному припомнило 3-го орла, которой над войском нашим долго летал, когда цело войско Шереметево нашим поддавалось, и, упав на землю, был от татарина скоро епанчею накрыт и его милости пану маршалку отдан.

Назавтре тем же образцом выезжал его милость пан воевода Виленский, гетман Великого княжества Литовского. Ехали також при нем многие сенаторы и урядники войсковые. Вязни хотя знатные и в чине немалом шли пехотою вместе с меньшими как те, которые никакой доброты не тешились а здорове их в руке победителя было, хоругвей несено 190

и несколько которые (Л. 163) отдаваны таким же образцом. Меж теми хоругвями были 2 особные: се есть корнет богато шитой на нем писаной лев, которой за чюприну держит особу в образец поляка, а другою ногою замерился мечем стинать ево. А на самом останку хоругвь показана добре серебром и золотом украшенную несла с одной стороны царя, на лошади, богато прибранной, сидящего, а в руке скифетр держащего, перед ним — башня каменная, которой верх облаки покрыт, в облаках — Крест золотой а кругом ево — звезды; а на другой стороне сидел царь на лошади, а в знак лежащего короля копием пробивал. Меж вязнеми был воевода Новгородцкий Павел Митрофанович Голенищев з женою и з детми. Жону и невесту вышиною сверх достоинства высокую ведена до королевы ее милости з двумя московками. А вязни (Л. 164) посполитых сколко сот задержано на дворе замковом под окнами.

Так совершились дела другого должного победителства, которое в ближней четверк се есть в праздник Божия Тела отправлялся, когда все те вышепомянутые хоругви Господу Богу показаваны и во время звычайного того дня походу под ноги престолу Божию в сакраменте святом от его милости ксенза бискупа Краковского внесеному явно в костеле Новомейском брошены были. Показалось в том деле мудрое разсуждение и христинская смирность короля его милости. Тут же по его милости ксензу бискупу идучего, что как скоро его милость ксенз бискуп прошел, велел поднести те хоругви и по них топтать сам не хотел.

[РГАДА. Ф. 27. Приказ тайных дел. Оп. 1. № 621. Л. 155–164].

Приложение 2

(S. 269) N. XXXVI

Merkuriusz Polski Ekstraordynaryiny de data 17 iunii, 1661, zamykaiący w sobie opisanie aktów solennych jako IchMM PP hetmani koronni y Wielkiego Księstwa Litewskiego wielkich Victorii z nieprzyaciół tej Rzeczypospolitey świeżo odniesionych, a dawnym wiekom niepamiętnych trophaea JK Mci oddawali¹⁰.

Seym terazniejszy aczkolwiek wspaniałością, ozdobą i konkursem mnóstwa wielkiego ludzi, każdemu jest podziwieniem, a oraz argumentem zacności y możności tej Korony, która po tak wielu ciężkich parocizmach z własnych ruin y popielisk eo augustius powstawa(ła), im bardziey osadzona była u świata do upadku. Jednak żadna pompa i magnificentia bardziey oczu nie

¹⁰ Это специальное дополнение к № 35, в котором встречается единственное упоминание об этом событии: *Merkuriusz Polski Ordynaryjny* od dnia 10 do 17 junii 1661, s. 268 // e-Kolekcja Czasopism Polskich. URL: http://buwcd.buw.uw.edu.pl/e_zbiory/ckcp/merkuriusz/numer35/imagepages/image8.htm [дата обращения 22.12.2019].

powabiła domesticorum, simul ac exterorum, iako solenna kawalkata IchMM PP hetmanów oboygа narodów, która do zamku jedni w dzień ś. Troyce¹¹, а drudzy w poniedziałek nazaiutrz wieǳǳali, prowadząc więźnie y znaki¹² moskiewskie porządkiem takowym.

W niedzielę o godzinie jedenastej na półzegarzu ruszyli się z residency swoich JMP marszałek wielki koronny¹³, ksiąǳę JMP wojewoda braclawski¹⁴, JMP wojewoda czerniechowski¹⁵, JMP chorąży¹⁶, JMP obożny¹⁷, JMP pisarz¹⁸ i JMP strażnik¹⁹ koronni y iechali do JMci pana wojewody krakowskiego²⁰. Tam niedługo zabawiwszy ruszyli się Ich Mśc z Przedmieścia Krakowskiego ku zamkowi y tak eo ordine wieǳǳali. Prowadzono naprzd 8 koni bardzo bogato od złota y drogich kamieni ubranych, za którymi (S. 270) iechało 100 draganey. Zaczynała się po tym ozdobna kawalkata rycerstwa koronnego, którego iechało koni około 800. Cleudobant onę expressi superius Ich MM PP urzędnicy woyska koronnego. Między nimi dway Ich MM PP kasztellanicowie krakowscy Potoccy²¹, dway drudzy Ich MM PP Potoccy, wojewodzicowie krakowscy²², to iest JMP starosta halicki²³ y JMP starosta krasnostawski²⁴, JMP

¹¹ В 1661 г. приходился на 12 июня.

¹² Sztandary — ‘знамена’.

¹³ Ежи Себастьян Любомирский (Jerzy Sebastian Lubomirski, 1616–1667), маршалок великий Коронный (1650–1665) и гетман польный Коронный (1657–1665).

¹⁴ Михал Ежи Чарторыйский (Michał Jerzy Czartoryski, 1621–1692), воевода Брацлавский (1658–1661).

¹⁵ Станислав Казимир Бенеvский (Stanisław Kazimierz Bieniewski, ум. 1676), шляхтич, с 1648 г. выполнял дипломатические поручения, королевский секретарь (1650), депутат сейма по пaцификации Украины (1655), комиссар короля Яна Казимира на переговорах с гетманом Иваном Выговским (1658), один из главных творцов Гадячской унии.

¹⁶ Ян Собеский (Jan Sobieski, 1629–1696), великий коронный хорунжий, позже — король Ян III (1674–1696).

¹⁷ Анджей Потоцкий (Andrzej Potocki, не ранее 1618–1663), великий коронный обозный (1655–1661), с июля 1661 г. — воевода Брацлавский.

¹⁸ Ян Фредерик Сапега (Jan Fryderyk Sapieha, 1618–1664), польный коронный писарь (1653–1664).

¹⁹ Станислав Ян Яблоновский (Stanisław Jan Jabłonowski, 1634–1702), великий коронный стражник (1660–1661), позже — великий коронный гетман (1683–1702) и воевода Краковский (1692–1702).

²⁰ Станислав Ревера Потоцкий (Stanisław «Rewera» Potocki, 1579–1667), великий коронный гетман (1654–1667) и воевода Краковский (1658–1667).

²¹ Сыновья великого коронного гетмана и краковского каштеляна Миколая Потоцкого (Mikołaj Potocki, ум. 1651) — Миколай и Якуб.

²² Сыновья краковского воеводы и гетмана Станислава Реверы Потоцкого.

²³ Анджей Потоцкий (Andrzej Potocki, ум. 1692), позднее — польный коронный гетман и каштелян Краковский.

²⁴ Феликс (Счастной) Казимир Потоцкий (Feliks (Szczęsny) Kazimierz Potocki, 1630–1702), позже — великий коронный гетман и каштелян Краковский.

województwie braclawski²⁵, JMP krayczy Wielkiego Księstwa Litewskiego²⁶, JMP maior, syn JMP podkomorzego halickiego²⁷. Immediate zaś przed same-mi Ich MM PP hetmany książę JMś Radziwił(l) podczaszy WKsL, marszałek izby poselskiej seymu terażniejszego²⁸, książę JMP Bogusław Radziwiłł ko-niuszy WKsL, książę JMP Jerzy Michał na Czartorysku wojewoda braclaw-ski, JMP Stephan na Czarncy Czarniecki wojewoda ziem ruskich. Tandem za niemi Ich MM PP hetmani oba, JMPan wojewoda krakowski [Stanisław Potoc-ki. — *Аем.*], JMP marszałek koronny [Jerzy Lubomirski. — *Аем.*], ten po lewey a tamten po prawey ręce. Jakie wszyscy mieli konie, iakie były kosztowne rynsztunki y siedzenia y insze tey kawalkaty ozdoby trudno wypisać, zosta-wując campum domysłowi, a oraz wrodzoney magnificentiey narodu tego, któ-ra nie contenta certamine z splendorami obcych narodów sama z sobą zwykła aemulari. A też consultius zda się silentio venerari takowe cirumstanciey aktu tego zacnego niżeli mniej godnie ono podać do wiadomości.

Za niemi iakoby facto interuallo, iachali na koniach więźniowie mos-kiewscy nayznacznieysi, między którymi książę [Grigorij — *Аем.*] Kozłowski, hetman polny y innych wielu urzędników czarskich y dumnych boiarów, tudzież mniejszych pułkowników kilkanaście. Za temi conglobato agmine, sług, młodzi, towarzystwa, człowieka pieszo z kilkaset. Po tym rotmistrz pieszy²⁹ JMP wojewody krakowskiego konno, piechoty za nim 200, w barwie czerwoney³⁰ trybem polskim szło szeregami z muzyką³¹ niosąc 137 chorągwi moskiewskich y wszystkie trophea ex hoste quaesita; które te chorągwie acz wszystkie były ozdobne bardzo, iednak nayzacniejsze i cienieysze (S. 271) by-ły 8 na ostatku błękitnych, srebrem bogato malowanych, które na odwodzie woyska moskiewskiego zawsze zwykły były bywać, a za niemi dwie białe, także bogato srebrem y złotem malowane, a na nich duae Aquilae aureae bi-cipites cum Corona Imperiali.

²⁵ Ян Потоцкий (Jan Potocki, ум. 1675/76), сын брацлавского воеводы Стефана. Был на сейме послом от галицкого сеймика.

²⁶ Кшиштоф Потоцкий (Krzysztof Potocki, 1600–1675), брат гетмана Станислава Потоцкого.

²⁷ Упомянутым подкоморием Галицким с 1642 г. и на момент описываемых событий был Ян Теодорик Потоцкий (Jan Teodoryk Potocki, 1608–1664), брат гетмана Станислава и посол на этот сейм, который имел двух сыновей: Кшиштофа Сендживоя и Богуслава.

²⁸ Михал Казимир Радзивилл (Michał Kazimierz Radziwiłł, 1635–1680), литовский подचाший (с 1656), 30 июня 1661 г. назначенный каштеляном Виленским.

²⁹ Франтишек Шелиговский (Franciszek Szeligowski), командир пехотной хоругви польского строя в войсках гетмана Станислава Потоцкого.

³⁰ Barwa czerwona — здесь: мундир красного цвета. Вероятно, речь идет о кунтушах одного из оттенков красного спектра.

³¹ Trybem polskim — здесь: тип пехоты, ведущий свою историю от польской пехоты XVI в., обмундированной в польское платье и вооруженной мушкетами; muzyka — здесь: 'оркестр'.

Za to piechotą pędzono więźniów sto kilkadziesiąt; za więźniami szła chorągiew piesza JMP marszałka wielkiego, hetman polnego koronnego [Jerzego Lubomirskiego. — *Aem.*] w barwie błękitnej z muzyką. Po tym chorągiew także piesza księcia JM [Michała Kazimierza. — *Aem.*] Radziwił(ł)a, podczaszego WKsL, marszałka izby poselskiej w barwie czerwonej trybem polskim z muzyką. Za nimi dragania księcia JM Pana koniuszego lit[ewskiego] [Bogusława Radziwiłła. — *Aem.*], która kawalkatę zawierała³².

Ich MM PP hetmani poszli do Króla Jego Miłości z swoją komitywą, a druga congeries ludzi na dole została. Ozdobił długo nie bawiąc KJM praesentią swoją senatorską izbę. Tam Ich MM PP hetmani kazali przyprowadzić znaczniejszych więźniów moskiewskich, a immediate przed przyściem JMP wojewoda krakowski zacząwszy mowę praesentował³³ ich KJM krótkimi ale poważnymi słowy. Przy tym akcie dał kniaź Kozłowski z siebie exemplum, vel intempestiuae generositatis, vel omissae reflexionis, kiedy zapomniawszy, że personam capitui gerebat, wprzód chciał przemówić do KJM aniżeli pokłon oddać. A że przy uporze został, czy nie mógł się tak prędko rekolligować, przyszło mu a facie benignisimi Principis, vices humanas etiam in inimicis condolentis, trochę confuse odchodzić. Insignia zaś victoriae przed nogi JKM u baldachinu żołnierstwo rzucało. Czytana potym była relacya obszerna wszystkich progressów wojennych Ich MM PP hetmanów³⁴.

Res notabilis et a multis notata occurrit pod ten czas kiedy tę relacyą czytano, dway orłowie co wiedzieć skąd przylecieli y pobuiawszy z quadrans nad zamkiem y nad Wisłą między Pragą a Warszawą. Po tym oba od góry zamkowej rozdzieliwszy się poleciał ieden prosto przez Skaryszów ku Mińskowi³⁵ na wschód słońca, a drugi ku Białoleczę³⁶ na północy. Co nie iednemu przytoczyło na pamięć trzeciego orła, który nad woyskiem (S. 272) naszym długo latał, kiedy całe woysko Szeremetowe naszym się poddawało, a upadszy na ziemi był od Tatarzyna chyżo opończą nakryty y JMP marszałkowi presentowany.

Nazaiutrz podobne okoliczności wiazdu y kawalkaty JMP woiewody wileńskiego, hetmana WKsL³⁷ były. Jechało też przy tey grono senatorów i urzędników woyskowych, więźniowie choć znaczni y w liczbie niemały szli

³² Kawalkatę zawierała — ‘закрывала кавалькаду’ / ‘закрывала парад’.

³³ Praesentował — *здесь*: ‘представил’.

³⁴ См.: [Relatia Ich MM PP].

³⁵ Скарышув — теперь часть варшавского района Праги; Минск Мазовецкий — город, расположенный в 40 км на восток от Варшавы.

³⁶ Ныне район Варшавы, расположенный в северной части виленского правобережья. В 1656 г. — место трехдневной Варшавской битвы польско-литовских войск со шведско-бранденбургскими во время Потопа.

³⁷ Павел Ян Сапега (1609–1665), гетман великий Литовский и воевода Виленский (с 1656).

piechotą zarówno z podlejszemi iako, ci którzy nullo capitulationis beneficio gaudebant, a zdrowie ich in manu victoris było. Chorągwi niesiono sto dziewięćdziesiąt y kilka, które oddawano pari ceremonia. Między tymi chorągwi-ami były dwie osobliwie, to iest kornet bogato szyty, na nim malowany lew, który za czuprynę trzyma osobę na kształt Polaka, a drugą nogą zamierzył się mieczem ścinać go. Chorągiew zaś na samym ostatku praesentowano³⁸ bogatą bardzo srebrem y złotem ozdobioną. Niosła z iednej strony czara na koniu bogato przybranym siedzącego, a w rękę sceptrum trzymającego. Przed nim brama murowana, której wierzchny kapitel obłoki okrywały, w obłokach krzyż złoty, a około niego gwiazdy. Na drugiej zaś stronie siedział czar na koniu, a (na) wznak leżącego na ziemi króla kopią przebiiał. Między więźniami był wojewoda nowogrodzki Paweł Mitrofanowic Goleniszczow³⁹ z żoną i z dziećmi. Żonę białogłową staturae plus iusto procerioris wodzono do Królowey Jey Mości ze dwiema Moskiewkami. Więźniów zaś pospolitych kilka set zatrzymano in area zamku pod oknami.

Tak się skończyły praeliminaria drugiego powinnego tryumfu, który w blisko następujący czwartek, to iest w dzień Bożego Ciała⁴⁰ odprawował się, gdy wszystkie te wyżej wyliczone chorągwie P. Bogu praesentowane y pod czas zwyczajney onego dnia processyey pod nogi Maiestatowi Boskiemu w Sakramencie Przenaświętszym⁴¹ od JM księdza biskupa krakowskiego⁴² noszonemu publice w Kościele NowoMieyskim⁴³ rzucane były. Emicuit w tym razie prudens circumspectio, et Christiana moderatio króla JM, immediate po JM księżę biskupie [Andrzeju Trebickim. — *Азм.*] następującego, że iako skoro JM książe biskup przeszedł, kazał podnieść te chorągwie i po nich deptać sam nie chciał.

³⁸ Здесь: продемонстрировано.

³⁹ Павел Митрофанович Голенищев — о нем не приводит сведений А. П. Барсуков в своем справочнике по городovým воеводам, он не упоминается ни в Актах Московского государства (Столбцы Московского стола Разрядного приказа), ни в боярских книгах 1639 и 1658 гг., что дает основание предполагать в случае его реальности чин провинциального сына боярского (новгородского?). Однако для установления его личности требуется специальное исследование, поскольку внесенная в «Бархатную книгу» родословная Голенищевых-Кутузовых не опубликована [Антонов 1996: 128–129].

⁴⁰ В 1661 г. пришелся на 16 июня.

⁴¹ Речь идет о Святом Причастии или об облатках (опресноках), которые носят во время процессии в дароносицах.

⁴² Анджей Требицкий (1607–1679), епископ Краковский (1658–1679).

⁴³ Имеется в виду костел Благовещения Пресвятой Девы Марии, находящийся на варшавском Новем Мясте (Новом городе).

Библиография

Источники

О приглашении в Россию

РГАДА. Ф. 27. Приказ Тайных дел. Оп. 1. № 118. Ч. III. 373 л.

Перевод польского Меркуриуша

РГАДА. Ф. 27. Приказ тайных дел. Оп. 1. № 621. Л. 155–164.

Подлинное объявление

РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Стб. 1661 г. № 7.

Сборник исторический

РГАДА. Ф. 188. Рукописное собрание ЦГАДА. Оп. 1. Кн. 475. 132 л.

Статейный список

РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Кн. 161. 601 л.

Rellatia Ich MM PP

Archiwum Państwowe w Gdańsku. Nr 300. R/Ee. 19, 391–467

Merkuriusz Polski 1

Merkuryusz Polski: dzieie wszytkiego świata w sobie zamykaiący dla informacyey pospolitey, 35 (od dnia 10 do 17 junii), Kraków, 1661.

Merkuriusz Polski 2

РГАДА. Ф. 155. Иностранные ведомости (куранты) и газеты. Оп. 2. № 7–34

Литература

Антонов 1996

Антонов А. В., *Родословные росписи конца XVII века*, Москва, 1996.

Бабулин 2006

Бабулин И. Б., Состав русской армии в Чудновской кампании 1660 года, *Рейтар. Военно-исторический журнал*, 28 (4/2006), 22–41.

Бантыш-Каменский 1897

Бантыш-Каменский Н. Н. *Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Часть третья (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия)*. Москва, 1897.

Герасимчук 1913

Герасимчук В., Чуднівська кампанія 1660 р., *Записки Наукового товариства імені Шевченка*, 113, Львів, 1913, 44–68.

Гордон 2002

Гордон П., *Дневник. 1659–1667*, гер. с англ., ст., примеч. Д. Г. Федосова. Москва, 2002.

Гурлянд 1903

Гурлянд И. Я., *Иван Гебдон. Коммиссариус и резидент*, Ярославль, 1903.

Королев, Майер, Шамин 2009

Королев А., Майер И., Шамин С., Сочинение о демонах из архива Посольского приказа: К вопросу о культурных контактах России и Европы в последней трети XVII столетия, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4 (38), 2009, 119–120.

Курбатов 2003

Курбатов О. А., «Литовский поход 7168 года» кн. И. А. Хованского и битва при Полонке 18 июня 1660 г., *Славяноведение*, 4, 2003, 36–40.

— 2019

Курбатов О. А., *Русско-польская война 1654–1667 гг.*, Москва, 2019.

The Polish Triumph in Warsaw in 1661 on the Occasion of the Victories of the Polish-Lithuanian Troops of the Previous "Happy Year": the Moscow Translation of a Special Issue of the First Polish Newspaper "Merkuriusz Polski" from the Archive of the Secret Chancellery

Майер 2008

Майер И., ред., *Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг., 2: Иностранные оригиналы к русским текстам*, Москва, 2008.

Новиков 1787

Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, Н. И. Новиков, сост., 2, Москва, 1787.

Опись архива 1990

Опись архива Посольского приказа 1673 года, Шмидт С. О., ред., Гальцов В. И., подг. к печ., 1. Москва, 1990.

Пчелов 2011

Пчелов Е. В., *Бестиарий Московского царства: животные в эмблематике Московской Руси конца XV–XVII вв.*, Москва, 2011.

РИБ 1907

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (РИБ), 21: *Дела Тайного приказа*, С.-Петербург, 1907.

Соболева 2006

Соболева Н. А., *Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета*, Москва, 2006.

Соловьев 1991

Соловьев С. М., *Сочинения. В 18 книгах*, 6: *История России с древнейших времен*, 11–12, Москва, 1991.

Филюшкин 2013

Филюшкин А. И., *Изобретая первую войну России и Европы: балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков*. С.-Петербург, 2013.

Шамин 2011

Шамин С. М., *Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати*, Москва, С.-Петербург, 2011.

Ярмошик 2019

Ярмошик И., Чуднівська Військова кампанія 1660 р. в історії України, *Воєнна історія Середньої Наддніпряниці. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції*, Київ, 2012, 128–132.

Augustyniak 1981

Augustyniak U., *Informacja i propaganda w Polsce za Zygmunta III*. Warszawa, 1981.

Hniłko 2012

Hniłko A., *Wyprawa Cudnowska w 1660 roku*, Warszawa, 1931 [repr.: Oświęcim 2012].

Korzon 2005

Korzon T., *Dola i niedola Jana Sobieskiego 1629–1674*, 1, Kraków, 1923 [repr.: Poznań, 2005].

Kroll 2008

Kroll P., *Od ugody Hadziackiej do Cudnowa. Kozaczyzna między Rzeczpospolitą a Moskwą w latach 1658–1660*, Warszawa, 2008.

Lankau 1960

Lankau J., *Prasa staropolska na tle rozwoju prasy w Europie: 1513–1729*, Kraków, 1960.

Libiszowska 1955

Libiszowska Z., *Pierwsza gazeta polska — "Merkuriusz Polski" — i jej rola w walce o reformę ustroju w poł. XVII w.*, *Prace Polonistyczne*, 12, 1955, 187–205.

Majewska-Grzegorzczak 1956

Majewska-Grzegorzczak R., "Merkuriusz Polski" z 1661 roku i początki periodycznego piśmiennictwa polskiego, *Przegląd Nauk Historycznych i Społecznych*, 7, 1956, 7–48.

Nagielski 2013

Nagielski M., Kampania cudnowska 1660 roku, *Studia z dziejów Rzeczypospolitej z Państwem Moskiewskim w XVI–XVII wieku*, M. Nagielski, K. Bobiatyński, P. Gawron, red., Zabrze, Tarnowskie Góry, 2013, 290–314.

Ossoliński 2000

Ossoliński Ł. *Kampania na Ukrainie 1660 roku*. Warszawa, 2000.

——— 2006

Ossoliński Ł., *Cudnów – Słobodyszcze 1660*, Warszawa, 2006.

Pisma do wieku 1880

Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego zebrał i wydał Fr. Kluczycki, nakładem Akademii Umiejętności, 1–2, 1 (= Akta Historyczne do objaśnienia Rzeczy Polskich służące, 2), Kraków, 1880.

Przyboś, Magdziarz 1975

Przyboś K., Magdziarz W., „Merkuriusz Polski” jako element propagandy dworu w zestawieniu z „Gazette de France”, *Studia Historyczne*, 2, 1975, 167–169.

Romański 2008

Romański R. *Cudnów 1660*, Warszawa, 2008.

References

Antonov A. V., *Rodoslovnye rospisi kontsa XVII veka*, Moscow, 1996.

Augustyniak U., *Informacja i propaganda w Polsce za Zygmunta III*, Warszawa, 1981.

Babulin I. B., Sostav russkoi armii v Chudnovskoi kampanii 1660 goda, *Reitar. Voenno-istoricheskii zhurnal*, 4 (28), 2006, 22–41.

Filyushkin A. I., *Making the first war between Russia and Europe: Baltic Wars of the second half of the 16th century in opinion of contemporaries and descendants*, St. Petersburg, 2013.

Hniłko A., *Wyprawa Cudnowska w 1660 roku*, Warszawa, 1931.

Korolev A., Maier I., Shamin S., A Treatise on Demons from the Archive of the Posol'skii Prikaz: about Cultural Contacts between Russia and Europe in the Last Third of the 17th Century, *Old Russia. The questions of Middle Ages*, 4 (38), 2009, 119–120.

Korzon T., *Dola i niedola Jana Sobieskiego 1629–1674*, 1, Kraków, 1898.

Kroll P., *Od ugody Hadziackiej do Cudnowa. Kozaczyzna między Rzeczpospolitą a Moskwą w latach 1658–1660*, Warszawa, 2008.

Kurbatov O. A., „The Lithuanian Campaign in 17168” by the Prince I. A. Khovansky and the Battle Near Polonka, *Slavianovedenie*, 4, 2003, 36–40.

Kurbatov O. A., *Russko-pol'skaia voina 1654–1667* gg., Moscow, 2019.

Lankau J., *Prasa staropolska na tle rozwoju prasy w Europie: 1513–1729*, Kraków, 1960.

Libiszowska Z., Pierwsza gazeta polska „Merkuriusz Polski” i jej rola w walce o reformę ustroju w poł. XVII w., *Prace Polonistyczne*, 12, 1955, 187–205.

Maier I., ed., *Vesti-Kuranty. 1656 g., 1660–1662 gg., 1664–1670 gg., 2: Inostrannye originaly k russkim tekstam*, Moscow, 2008.

Majewska-Grzegorzczak R., „Merkuriusz Polski” z 1661 roku i początki periodycznego piśmiennictwa polskiego, *Przegląd Nauk Historycznych i Społecznych*, 7, 1956, 7–48.

Nagielski M., Kampania cudnowska 1660 roku, *Studia z dziejów Rzeczypospolitej z Państwem Moskiewskim w XVI–XVII wieku*, M. Nagielski, K. Bobiatyński, P. Gawron, red., Zabrze, Tarnowskie Góry, 2013, 290–314.

Ossoliński Ł., *Cudnów – Słobodyszcze 1660*, Warszawa, 2006.

Ossoliński Ł., *Kampania na Ukrainie 1660 roku*, Warszawa, 2000.

Pchelov E. V., *Bestiarii Moskovskogo tsarstva: zhi-votnye v emblematike Moskovskoi Rusi kontsa XV – XVII vv.*, Moscow, 2011.

Przyboś K., Magdziarz W., „Merkuriusz Polski” jako element propagandy dworu w zestawieniu z „Gazette de France”, *Studia Historyczne*, 2, 1975, 167–169.

Romański R., *Cudnów 1660*, Warszawa, 2008.

Schmidt S. O., Galtsov I. V., eds., *Inventory of the archive of the Embassy order in 1673*, Moscow, 1990.

Shamin S. M., *The Courants of the 17th century: The European press in Russia and the emergence of the Russian periodical press*, Moscow, St. Petersburg, 2011.

Soboleva N. A., *Ocherki istorii rossiiskoi simvoliki: ot tamgi do simvolov gosudarstvennogo suvereniteta*, Moscow, 2006.

Solovyov S. M., *Sochineniia v 18 knigakh*, 6: *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen*, 11–12, Moscow, 1991.

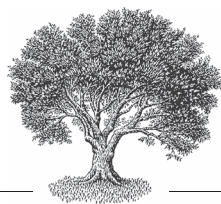
Yarmoshyk I. I., Chudniv'ska Viiskova kampaniia 1660 r. v istorii Ukraini, *Voenna istoriia Seredn'oi Naddnyprianshchiny. Materiali Vseukrains'koi naukovoï konferentsii*, Kyiv, 2012, 128–132.

Piotr Kroll, Doktor historii,
adiunkt w Instytucie Historycznym Uniwersytetu Warszawskiego
Warszawa, Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927
Rzeczpospolita Polska / Poland
p.kroll@uw.edu.pl

Александр Витальевич Малов, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Центра военной истории России
Института российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН)
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
Россия / Russia
supilluliuma@yandex.ru

Степан Михайлович Шамин, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Центра по изучению отечественной культуры
Института российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН)
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
Россия / Russia
shaminy@yandex.ru

Received August 14, 2019

Счастливое возвращение Михаила Кутузова*

The Happy Homecoming of Mikhail Kutuzov

**Елена Владиславовна
Зименко**

Научная библиотека Московского
государственного университета
имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Elena V. Zimenko

Moscow State M. V. Lomonosov University
Scientific Library
Moscow, Russia

**Александр Львович
Лифшиц**

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

Alexander L. Lifshits

National Research University Higher
School of Economics
Moscow, Russia

Резюме

Предлагаемая публикация посвящена ранее неизвестному изданию, обнаруженному в фондах Научной библиотеки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Пьеса «Счастливое возвращение» была написана по случаю окончания дипломатической миссии Михаила Кутузова в Константинополе и его воссоединения с семьей и поставлена в

* Публикация подготовлена в рамках научного проекта (№ 15-01-0114), выполненного при поддержке Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“» в 2015– 2016 гг.

Цитирование: Зименко Е. В., Лифшиц А. Л. Счастливое возвращение Михаила Кутузова // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 377–411.

Citation: Zimenko E. V., Lifshits A. L. (2019) The Happy Homecoming of Mikhail Kutuzov. *Slověne*, Vol. 8, № 2, p. 377–411.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.13

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International

домашнем театре силами супруги полководца, его детей и ближайших родственников.

Исследование сопровождается текстом данного уникального сочинения.

Ключевые слова

XVIII век, драматургия, домашний театр, Михаил Кутузов, книгоиздание

Abstract

The suggested publication is devoted to a previously unknown publication found in the Scientific Library of Moscow State M.V. Lomonosov University. It contained the play "Happy Homecoming", which was written on the occasion of the end of Mikhail Kutuzov's diplomatic mission in Constantinople and his reunion with his family, and was staged at their home theater by the famous general's wife, his children and close relatives.

Keywords

18th century, playwriting, home theatre, Mikhail Kutuzov, book publishing

В собрании Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова существует своеобразная «театральная» коллекция. Когда она сложилась, можно лишь предполагать (документальных свидетельств не сохранилось), но около середины XIX столетия значительное число драматических сочинений, к этому времени вышедших в свет отдельными изданиями, были заключены в одинаковые переплеты из картона, оклеенного темно-зеленой мраморной бумагой с наклейками зеленой кожи на корешке, на которых золотом вытиснено название. Немалое число книг из этой коллекции (особенно напечатанных в XVIII столетии) представляют значительную редкость. Разумеется, почти любое издание XVIII века — ценность, но некоторые книги были напечатаны малыми тиражами, а некоторые, подобно анонимному «Отъезду псовой охоты из Кускова» [Разлука], были, вероятно, напечатаны не на продажу, а для раздачи зрителям усадебного театра графов Шереметевых¹.

Практика подобного «заказного» книгопечатания в XVIII веке до настоящего времени остается недостаточно изученной, хотя исследователям встречались стихи, напечатанные без имени автора в анонимной типографии по поводу смерти или похорон [Варлаам 1777;

¹ Тиражи многих изданий находились в библиотеке Шереметевых. Так, пьеса «Перевозчик кусковский» [Колычев 1781] в библиотеке Шереметевых была представлена в 38 экземплярах [Библиотека Шереметевых: 442], упомянутая «Разлука, или Отъезд псовой охоты из Кускова» — в 53 экземплярах [Библиотека Шереметевых: 441, 442], программа «балета, называемого Морская пристань» (издание нам неизвестно) находилась в этом книжном собрании в количестве 102 [Библиотека Шереметевых: 450], пьеса «Ложный лорд» [Пиччини 1788] — в 121, а пьеса [Три откупщика] — в 125 экземплярах [Библиотека Шереметевых: 443, 444].

Хлебников 1777], просто «по случаю» [Петров 1776] или даже для представления на официальных торжествах [Речь 1779]; см.: [Лифшиц 2011: 79, 80, 83].

Такие печатные издания уникальны, как правило, известны в единственном сохранившемся экземпляре², их объем редко превышает 3 странички текста, а чаще ограничивается и вовсе одной. Но каждое из них — ценнейшая манифестация повседневной книжной и читательской культуры.

Хранящаяся в собрании Научной библиотеки МГУ книга в 8-ю долю листа (18 см), которой посвящена настоящая статья, привлекла наше внимание при очередной проверке фонда; она представляет собой уникальное явление даже среди редких изданий «театральной коллекции».

Прежде всего, это именно книга, хоть и небольшая, — в ней содержится 27 нумерованных страниц. На корешке золотом вытиснено название: «ВОЗВРАЩЕНИЕ». На первой странице издания помещается полное заглавие книги: «Щастливое возвращение». Данные о времени и месте публикации отсутствуют, но общий облик издания не оставляет сомнений в его принадлежности XVIII столетию.

Поиски по названию результатов не принесли. Озаглавленной так пьесы нам не удалось обнаружить ни в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века», ни в разнообразных репертуарных справочниках. Коллеги из Театральной библиотеки в Санкт-Петербурге не нашли такой драмы в своей картотеке, замечательной по полноте представленных названий сценических произведений³. Поиски возможных иноязычных источников довольно быстро показали, что ничего похожего во французской или немецкой драматургии не существует. Таким образом, практически нет сомнений, что издание из собрания Научной библиотеки Московского университета является уникальным сохранившимся экземпляром неизвестного ранее драматического произведения XVIII столетия. Также несомненно, что в данном случае поиск автора и обстоятельств появления данного текста может быть осуществлен только при тщательном анализе самого текста пьесы и внешних особенностей издания.

Никаких помет, которые могли что-либо сообщить о происхождении книги, найти не удалось⁴. До переплетения в картонную обложку в середине XIX в. книга, очевидно, хранилась сложенной вчетверо: на всех листах хорошо видны характерные следы сгибов. Титульного листа как

² Об одном подобном и ранее неизвестном издании см., напр.: [Ленчиненко, Лифшиц].

³ Выражаем свою признательность сотруднику Театральной библиотеки в Санкт-Петербурге В. А. Харламовой за помощь.

⁴ Более или менее очевидно только, что книга попала в библиотеку Московского университета после пожара 1812 года, то есть никак не из типографии.

такового у издания нет, и похоже, что его не было изначально. Во всяком случае, на с. 3 обозначена сигнатура листа A_2 , что не предполагает утраты листа в начале издания. На с. 1, представляющей собой своеобразный шмуцтитул, после заглавия книги помещается определение жанра сочинения: «Семейственная драма». Еще чуть ниже располагается вполне барочная по стилю виньетка. На с. 2 располагается список действующих лиц. Собственно текст драмы начинается на с. 3; ему предшествует заставка, по стилю также характерная скорее для елизаветинского царствования или для первого десятилетия правления Екатерины II.

Гравированные заставка и виньетка сходны с декором, хорошо известным по изданиям русских типографий 1750–70-х гг. На это же время как будто указывает орнаментальное оформление пагинации. Мелкий шрифт, которым напечатана книга, вроде бы не противоречит такому предположению. Однако обращают на себя внимание аскетические прямые линии (толстая — со скошенными углами и тонкая, расположенная ниже и чуть более короткая), служащие разделителем текста на с. 2 и характерные для типографской продукции более позднего времени. Они явно контрастируют с архаическими орнаментальными элементами в стиле барокко. К сожалению, вержированная бумага издания не содержит водяных знаков и поэтому несколько не помогает в датировке издания, которое, впрочем, по совокупности признаков едва ли вышло в свет позже царствования Екатерины II.

Удачными оказались попытки исследовать орнаментику издания. Обращение к хранящемуся в Музее книги Российской государственной библиотеки каталогу декоративных элементов русской книги гражданской печати, который в 1950–60-х гг. подготовила Е. И. Кацпражак, но который, к сожалению, так и не был издан и хранится в виде теперь уже технически устаревших подготовительных материалов⁵, позволило установить, что заставка на с. 3 использовалась в изданиях типографии Санкт-Петербургского Морского шляхетного кадетского корпуса в 1766–1791 гг., а также в изданиях типографии Императорской Академии наук в 1767–1787 гг. Более информативной оказалась барочная виньетка с первой страницы издания, также найденная в названных материалах. Оказалось, что она тоже использовалась в изданиях типографии Санкт-Петербургского Морского шляхетного кадетского корпуса с 1765 по 1795 год, но не засвидетельствована в продукции иных типографий. Таким образом, можно считать установленным, что драма «Щастливое возвращение» была напечатана именно в типографии Санкт-Петербургского Морского шляхетного кадетского корпуса.

⁵ Сердечно благодарим за помощь сотрудника Музея книги РГБ И. Л. Карпову. О подготовленном каталоге см.: [СК, 1: 4].

Однако обнаружение места издания лишь в малой степени облегчает задачу исследователя. В фонде Морского шляхетного кадетского корпуса, который находится в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге (РГА ВМФ, ф. 432), дела типографии сохранились не за все годы — и даже за указанные годы, очевидно, далеко не полностью. В этом случае просмотр всех сохранившихся материалов типографии подряд с 1766 по 1795 гг. — годы использования заставки и виньетки — представлял бы собой не самое продуктивное занятие. Оставалось обратиться к тексту пьесы.

Сразу обращает на себя внимание состав персонажей, не обещающий бурного развития действия: на с. 2, как уже говорилось, помещается список действующих лиц, состоящий из *Госпожи Добросердовой*, ее сестры *Нины*, ее четырех дочерей и *Старика*.

Упомянутыми уже двумя прямыми линиями от списка действующих лиц отделяется указание на место действия: *Действие происходит в провинциальном городке, в доме Г-жи Добросердовой*.

В основном прозаическая пьеса состоит из одного действия и шести явлений; из ее текста читатель узнает, что госпожа Добросердова с пятью дочерьми (младшая в пьесе только упоминается) ожидает возвращения своего супруга с войны. Она оставила столицу и все увеселения, чтобы быть поближе к тем местам, где волею обстоятельств находится ее муж. Она воспитывает своих дочерей в благочестии и чистоте. Девочки немедленно демонстрируют полученные навыки добро- и милосердия, поскольку, не спросив матери, дают пристанище в своем доме нищему старику, который, как выясняется, знает немало подробностей из семейной истории Добросердовых и удивляется, что самого хозяина до сих пор нет дома, хотя война закончилась и он должен был бы уже вернуться.

Госпожа Добросердова, уступая просьбам дочерей и собственной душевной склонности, обещает нищему постоянный приют в своем доме. Старик хвалит почтенное семейство и возвещает прибытие господина Добросердова в ближайшее время. Почти сразу же предсказание старика подкрепляется известием с ближайшей почтовой станции (с «первой почты») о скором возвращении отца столь странноприимного семейства. В ожидании мужа и отца мать с дочерьми произносят трогательные стихотворные речи. «*Воображайте себѣ, что онъ здѣсь, что онъ передъ вами, что онъ сидитъ вотъ тутъ, на этомъ мѣсте.... Устремите къ нему все ваши мысли и сердце.... и пойте....*» — говорит дочерям Добросердова. Четыре дочери по очереди поют куплеты, затем вступают Нина и последней — госпожа Добросердова. Испросив дозволения, старик-нищий присоединяется к пению и завершает его. Господин Добросердов на сцене так и не появляется.

В отличие от декоративных особенностей издания, стиль пьесы позволяет с уверенностью говорить о ее создании едва ли ранее последнего десятилетия XVIII в.

Автор исследуемого произведения заставляет персонажей произносить чувствительные реплики: *«Ахъ! матушка, естлибъ вы знали какъ намъ было тягостно на васъ глядѣть... Естлибъ вы знали, каково намъ было при каждомъ вашемъ вздохъ...»* — говорит Параша, старшая дочь, в первом явлении. Сестра госпожи Добросердовой в той же беседе выражает свои мысли сходным образом: *«Ежели бы еще не награждалось это тѣми сладкими чувствованіями, которыя бываютъ при свиданіи, то бы, я думаю, не было ужаснѣе въ жизни минуты разлуки»*.

Или вот одна из дочерей, Анюта, рассказывает о увиденном ими нищем: *«...мы съ Лизанькой сидѣли въ той горницѣ у окошка; увидѣли идетъ старичокъ на костыляхъ, дряхлѣ, съдѣ, перезябѣ, оборванѣ, такъ жалокъ! такъ жалокъ!... Онъ остановился у окна и сталъ намъ кланяться... Слезы у него были на глазахъ. Я выскочила на дворъ, взяла его за руку, ввела его въ горницу; онъ еще больше заплакалъ. Не плачь старичокъ, сказали мы ему съ Лизанькой; обогрейся, чево тебѣ хочется? голоденъ что ли ты? мы тебя накормимъ; скучно тебѣ что ли? мы тебя развеселимъ, скажемъ тебѣ сказочку; больнѣ ты что ли? мы матушку попросимъ чтобъ она тебѣ пособила.....»*.

Сам Старик изъясняется так: *«...стыжусь толь часто простираить дрожащую руку мою для принятія ненадѣжной помощи; стыжусь пронзять воплемъ моимъ слухъ чувствительныхъ людей.....»*.

Иными словами, созвучность рассматриваемого драматического сочинения к сентиментальным веяниям времени представляется нам несомненной.

Но если вопрос о времени создания текста решается относительно несложно, то прагматика этой пьесы не столь очевидна.

Напомним: напечатанный текст драмы был сложен вчетверо. Учитывая скромный формат книги, это следует признать свидетельством не слишком высокого статуса данного печатного издания. Его, похоже, не воспринимали как книгу, которой предстояло занять место на полке.

При почти полном отсутствии интриги и крайней незначительности сценического действия сам факт существования пьесы можно объяснить только одним — она написана на случай и именно так, чтобы самый неискушенный дилетант мог сыграть в ней роль. Остается понять, на какой именно случай.

Естественно считать, что речь идет о чьем-то возвращении, к которому и была приурочена бесхитростная пьеска, разыгранная, должно быть, силами счастливого семейства. Если это предположение верно,

то текст должен содержать в себе ответы на вопросы. И ответы эти, к счастью, находятся.

Вот, например, обогретый девочками старик-нищий рассказывает (явление 5) дочерям Добросердовой об их родственниках: *«Мнѣ рассказывали все какъ батюшка вашъ служилъ, какъ получилъ раны, какъ былъ на приступъ, какъ вездѣ себя показалъ достойнымъ сыномъ отечества».*

Далее он же упоминает «теток» девочек, одна из которых *«...вдова, женщина умная, почтенная... одинъ у ней сынъ и былъ, да и тотъ не военной.... ну чтожъ? она благословясь отпустила его въ походъ.... онъ съ честію назадъ возвратился....».*

О второй тетке сообщается, что у нее *«только и было два взрослыхъ сына»*, и она *«обоихъ помолясь отпустила въ первый огонь, когда служба отечества тово потребовала».* Говорится, что ее муж, дядя девочек, *«старикъ честной, умной, отпуская обоихъ сыновей, поцѣловалъ ихъ, перекрестилъ и сказалъ им: подите друзья мои, умрите за отечество, я васъ оплачу радостными слезами».* Рассказ завершается сведениями о том, что *«они оба возвратились живы и здоровы».*

Словоохотливый нищий дает лестные характеристики и предшествующему поколению: *«...вить не все старики таковы тверды умомъ, каковъ былъ вашъ дѣдушка: онъ до смерти не бредилъ [...] Я зналъ обоихъ вашихъ дѣдушекъ; оба они были рѣдкие старики, оба умные люди, оба любили дѣлать щастливыхъ, оба служили отечеству съ честію, оба носили на себѣ знаки отличныхъ почестей; оба были всеми почитаемы, всѣми любимы, всеми оплакиваемы....».*

Чуть позже этот же персонаж рассказывает девочкам историю, которая, хотя и выглядит аллегорической сказкой, однозначно прочитывается как дополнение к истории семьи Добросердовых. Как раз из этих слов мы узнаем, что *«добрая барыня [...] не хотѣла оставить мужа, и веселиться по пирамъ, когда мужъ подъ ядрами; а хотѣла быть къ нему сколько можно ближе, и для того избрала себѣ жилищемъ этотъ городокъ, где ни общества, ни забавъ не было....»* (явление 5). Здесь же говорится, что *«мужа ея премудрой Государь позвалъ для порученія ему важнаго дѣла, то есть: что бы утвердить миръ между двумя государствами».*

Очевидно, что слова персонажа пьесы должны в точности соответствовать реальной истории неизвестного пока нам семейства. А чтобы зритель ни на минуту в этом не усомнился, одна из дочек, Лиза, комментирует слова Старика: *«...намъ весело.... особливо отъ тово, что твоя исторія похожа на правду....»* (явление 5). Проблема в том, что наши знания об частной семейной истории дворянских родов конца XVIII столетия крайне фрагментарны и источниками, подобными «рассказам бабушки» Д. Благово [Рассказы бабушки], мы не обладаем.

Впрочем, пять дочерей в одном семействе — случай пусть и не уникальный для интересующего нас времени, но достаточно редкий. К счастью, известно семейство, в котором было пять дочерей, носивших те же имена, что и дочери господ Добросердовых, упоминающиеся в пьесе. Девочек в нашей «семейственной драме» зовут Параша, Анюта, Лиза, Катюша и Дашенька, причем последняя, младшая, не имеет своих реплик и в пьесе прямо называется «маленькой Дашенькой» (явление 2).

В такой же последовательности свои имена получили пять дочерей Михаила Илларионовича Кутузова: старшая — Прасковья (1777–1844), затем Анна (1782–1846), Елизавета (1783–1839), хорошо известная нам под фамилией ее второго супруга Николая Фёдоровича Хитрово. Еще две дочки полководца — погодки Екатерина (1787–1826) и Дарья (1788–1854). Учитывая, что Дашеньке в пьесе не доверяют роли со словами, надо полагать, что в это время она была довольно мала. Следовательно, пьеса была написана и поставлена едва ли позже 1794 года⁶.

После отождествления девочек Добросердовых с дочерьми М. И. Кутузова остальные звучащие в репликах персонажей факты сразу же находят подтверждение.

Раны господина Добросердова, его участие в «приступе»⁷ и мирных переговорах принадлежат Кутузову — так же, как отъезд из столицы и пребывание в провинциальном городке героини пьесы соответствуют реальным действиям супруги полководца Екатерины Ильиничны, урожденной Бибиковой, которая ждала мужа в Елисаветграде⁸ все то время, пока М. И. Кутузов находился в Турции с дипломатической миссией.

Там она, несомненно, как и в пьесе, занималась воспитанием дочерей. И мы можем отчасти судить о том, как она их воспитывала, поскольку в архивном фонде Екатерины Ильиничны по счастливой случайности сохранились два письма, написанные дочерьми Михаила Илларионовича. Письма не имеют даты, но, очевидно, написаны как раз во время поездки полководца с дипломатической миссией в Турцию.

Первое написано на сложенной пополам восьмушке бумаги круглым детским почерком по прочерченным карандашом линейкам:

Милостивой государь батюшка.

В сию минуту я беру перо, чтоб к вам писать и изъяснить мое к вам неограниченное почтение и любовь, которыми мое сердце к вам наполнено, хотя вы о

⁶ Таким образом, книга должна быть описана так: Шастливое возвращение. : Семейственная драма. — [СПб: Типография Морского шляхетного кадетского корпуса, 1794]. — 27 с. 8°. К сожалению, документы типографии Морского шляхетного кадетского корпуса за 1794 год отсутствуют в фонде РГА ВМФ.

⁷ Вероятно, имеется в виду взятие Измаила в 1790 г., во время которого М. И. Кутузов командовал идущей на приступ колонной.

⁸ Ныне Кропивницкий (до 2016 г. Кировоград), областной центр Украины.

том довольно уже извещены. Поверьте, любезной батюшка, что я всеминутно прошу Бога о вашем здоровье, которое мне дороже, нежели все сокровища света. Прощайте, любезной батюшка, целую ваши ручки и, прося благословенья, остаюсь навсегда ваша послушная дочь Анна [ИРЛИ, ф. 358, оп. 1, ед. хр. 42].

Второе письмо написано Екатериной⁹, буквы еще более детского и менее твердого почерка заключены между двумя, наподобие прописи, прочерченными карандашными линейками:

Милостивой государь батюшка! Я очень рада, что маминька позволила к вам писать. Мы все, слава Богу, здоровы, но не очень веселы, потому что вас не видим. Прощайте, любезный папинька. Целую ваши любезныя ручки и прошу благословения. Ваша дочь Катерина [ИРЛИ, ф. 358, оп. 1, ед. хр. 43].

Писем от дочерей Кутузов ждет. Так, 12 августа 1793 г. Михаил Илларионович заканчивает письмо к супруге припиской: «Детушки — вам благословение. Пишите чаще». Опубликованные письма полководца к жене не обходятся без упоминания детей и свидетельствуют о самых нежных отношениях в семье, причем письма писались при каждой возможности. Уже 15 августа того же года Кутузов пишет очередное письмо, которое завершается словами: «Целую тебя со всею нежностью. Детушкам Божие и мое благословение». «Здравствуйте, детки, Боже вас благослови», — заканчивает он письмо от 5 ноября того же года. А в письме от 20 ноября рассказывает о своей радости при получении детских портретов: «Детушки, спасибо, что вы дали себя списать. Вас еще нигде на стену не поставили, и переносят всегда за мною в ту комнату, где я сижу. И теперь вы и маменька стоите передо мною в кабинете...». В начале следующего года опять пишет: «Портреты детские и твой я берегу так, что уже в четвертую комнату переносят...» [Письма Кутузова: 502, 504, 506].

Можно не сомневаться, что дочери Кутузова, как и дочери господина Добросердова в пьесе, с нетерпением ожидали возвращения отца.

В перечисленных родных господ Добросердовых почти без труда опознаются ближайшие родственники семьи М. И. Кутузова.

Упоминаемые *Стариком* дедушки — это, очевидно, Илларион Матвеевич Голенищев-Кутузов (1717–1784), генерал-поручик и сенатор [РБС, Кнаппе—Кюхельбекер: 627], а также отец жены Екатерины Ильиничны — Илья Александрович Бибииков (1698–1784) — генерал-поручик инженерных войск [РБС, Бетанкур—Бякстер: 28]. И не так важно, кто из них «до смерти не бредил». Достаточно того, что это было доподлинно известно старшим участникам и зрителям постановки.

⁹ К сожалению, водяной знак на бумаге — улей с литерами IV или VI под ним — не дает оснований для точной датировки.

«Вдовой теткой» дочек Добросердова, о которой говорит *Старик*, без сомнения, называется Анастасия Семеновна, урожденная Козловская (1729–1800), чей муж, единокровный брат Екатерины Ильиничны, — усмиритель Пугачевского бунта Александр Ильич Бибииков — скончался в 1774 г. Из ее сыновей на момент написания пьесы был жив один — Александр Александрович, будущий герой Отечественной войны (1765–1822), который 22 сентября 1786 г., имея чин капитана, перешел в статскую службу («не военной»), в 1788 г. испросил высочайшего дозволения поступить волонтером в корпус генерал-поручика Михельсона, был ранен — и награжден неоднократно, в том числе золотой шпагой «за храбрость» [РБС, Бетанкур—Бякстер: 14–16; Безотосный 1996].

Второй теткой, по всей вероятности, оказывается единокровная сестра Екатерины Ильиничны Евдокия Ильинична (1743–1807), которая была замужем за «отцом русских моряков» адмиралом Иваном Логгиновичем Голенищевым-Кутузовым (1729–1802) [Лепехин 1988a]. К предполагаемому моменту создания пьесы у них были взрослые сыновья: Павел Иванович (1767–1829) [Шишкин 1988] и Логгин Иванович (1769–1845) [Лепехин 1988b]. Еще один сын Ивана Логгиновича и Евдокии Ильиничны — Александр — родился в 1781 году и был, конечно, молод для участия в боевых действиях.

Затруднение вызывает сестра госпожи Добросердовой *Нина*. Не сомневаемся, что имя в данном случае — дань драматургической традиции, а не настоящее имя родственницы Екатерины Ильиничны Кутузовой¹⁰. Проще всего было бы предположить, что и само появление этого персонажа на сцене является данью условности, а не отражением реального пребывания некой «сестры» Екатерины Ильиничны в Елисаветграде.

Что касается того, кто мог исполнять такую роль в спектакле, то уже упомянутая нами сестра Екатерины Ильиничны — пятидесятилетняя Евдокия Ильинична — была старше ее и едва ли согласилась бы не только на роль «второго плана», но и вообще на участие в представлении. Кроме того, Евдокия Ильинична — мать троих сыновей, о ней в пьесе говорит *Старик* (см. выше), а представить себе в пьесе конца XVIII столетия раздвоение прототипа и появление его и на сцене, и в качестве внесценического персонажа едва ли возможно.

¹⁰ Ср.: Иван Михайлович Долгоруков, рассказывая о событиях 1789 г., пишет: «... Вошло в привычку во всех обществах называть жену мою [Евгению. — Е. З., А. Л.] la princesse Dolgorukova Nina. Я в стихах моих также подарил ей везде прозвание Нины» [Долгоруков 2004: 210]. Таким именем княгиня Долгорукова обязана популярной в России с конца 1780-х годов комической опере Н. Далейрака (Nicolas Dalaugas) на слова Б.-Ж. Марсолье (Benoît-Joseph Marsollier) «Нина, или Безумная от любви» (Nina ou la Folle par amour). Русский перевод пьесы впервые был опубликован в [Собрание 1790].

Однако, как известно, сестрой могла называться не только кровная родственница, но и родственница со стороны мужа. Например, бездетная младшая сестра Михаила Илларионовича Дарья (1755 — после 1823) вполне годилась бы на роль явно не обремененной собственным семейством *Нины*. Тем более что в пьесе *Нина* не только выражает сочувствие главной героине, но и сама проявляет заинтересованность в возвращении *Добросердова*.

К сожалению, мы совсем немного знаем о Дарье Илларионовне. Известные нам работы псковских краеведов рассказывают о построенной в 1795 г. Никольской церкви и винокуренном заводе, но мало что сообщают об образе жизни и пристрастиях сестры полководца [Псковская земля: 84–85]. Весьма вероятным представляется, однако, что Дарья Илларионовна могла быть крестной матерью младшей дочери полководца Дарьи, а построенная ею церковь была освящена во имя святителя Николая не только вследствие популярности святого, но и в память о сыне Михаила Илларионовича и Екатерины Ильиничны, носившем это имя и умершем в Елисаветграде во младенчестве от оспы. Сопровождала ли Дарья Илларионовна невестку с семьей, нам остается не известным.

Однако почти несомненно, что пьеса была разыграна никак не в провинциальном Елисаветграде, а, скорее всего, после возвращения Екатерины Ильиничны в Петербург и воссоединения семьи.

Косвенно об этом свидетельствуют слова *Старика*, который в своей «аллегорической» истории как бы предсказывает: «...война кончилась, мужъ ея возвратился благополучно въ ея объятія.... Чевожъ ей недоставало? а вотъ чевю: чтобы возвратиться въ столицу; въ ту сторону, гдѣ всѣ ея единокровные, съ коими она толь долго была въ разлукѣ.... сево единого желала, и сіе ея желаніе увѣнчалось....» (явление 5)¹¹.

По-видимому, и общее пение в финале должно было быть адресовано возвратившемуся из Константинополя Михаилу Илларионовичу Кутузову, наслаждавшемуся домашним представлением. Недаром же госпожа Добросердова произносит слова: «Воображайте себѣ, что онъ здѣсь, что онъ передъ вами, что онъ сидитъ вотъ тутъ, на этомъ мѣсте....» (явление 6).

Остается фигура *Старика*-нищего, прототип которого тщетно было бы искать среди родных и знакомых семейства Михаила Илларионовича. Фигура эта введена исключительно для создания драматического конфликта, для приведения в действие пружины, запускающей ход пьесы.

¹¹ В свою очередь, слова эти вроде бы подтверждают и то, что Нина не находится с госпожой Добросердовой в кровном родстве.

Старик является, как Одиссей после многолетних странствий, под окно дома госпожи Добросердовой, реализуя излюбленный тоpos многочисленных драматических сочинений. Читатель (а вероятно, и зритель) пьесы едва ли не на протяжении всего действия ожидает, что сейчас откроется, что *Старик* и есть сам господин Добросердов, по странной случайности не сразу узнаваемый родными. Но *Старик*-нищий отходит в тень, уступая в пьесе место призраку господина Добросердова, и произносит финальные слова драмы, как кажется, изобличающие в нем сочинителя:

*Подъ сею хладной съдиною
Сокрытъ любви, почтенья жаръ;
Устами, мыслью и душою
Тебѣ даю я сердце въ даръ.
Когда бѣ его ты видѣлъ чувства,
Узналъ бы какъ оно горитъ;
Тутъ нѣтъ притворства, нѣтъ искусства,
Повѣрь, что сердце говоритъ.*

Играть *Старика* должен был тоже кто-то из родственников или свойственников семейства Кутузовых. В разговоре с девочками *Старик* как будто оговаривается и тотчас исправляет себя: «...и сердце трепетало отъ радости, слыша, что мы такова родственника..... нѣтъ бишь, ошибся, такова гражданина имѣемъ» (явление 5).

Отметим также, что введение каждого нового действующего лица неминуемо сокращает количество потенциальных зрителей постановки. По этой причине нам кажется наиболее вероятным предположение, что *Старика* должен был играть сочинитель. Кому, как не автору интриги, произносить слова, компенсирующие недостаток действия и небогатые актерские возможности прочих участников постановки?

В роли сочинителя мог выступить, например, известный своими поэтическими опытами Павел Иванович Голенищев-Кутузов, родной племянник Екатерины Ильиничны. В этом случае он, несомненно, должен был надеть седой парик: Павлу Ивановичу не было в 1794 году и тридцати лет.

Замечательно, кстати, что как раз в типографии Морского шляхетного кадетского корпуса, директором которого с 1762 года и до самой смерти был отец Павла Голенищева-Кутузова Иван Логгинович, без указания года была издана пьеса «Притворная любовница», переведенная с французского Павлом Голенищевым-Кутузовым [Притворная любовница]. На титульном листе книги и по окончании первого действия (с. 22) помещается уже знакомая нам барочная виньетка; данные о переводчике отделены на титульном листе от указания места издания

такой же точно парой из толстой и тонкой прямых линий, как в «Щастливом возвращении».

«Сводный каталог русской книги XVIII века», основываясь на опубликованных объявлениях книжных лавок, предполагает, что книга была издана в 1780 г., а не в 1795, как указывал И. М. Снегирев [СК, № 5682]. Это означает, что переводчику было бы всего 13 лет, что предоставляет пространство для фантазий и спекуляций¹². Заметим только, что в 1780 году переводчик во всяком случае был весьма юн и явно не общался с типографией напрямую, а должен был воспользоваться служебным положением своего родителя.

Впрочем, выводы об авторстве не являются сколько-нибудь окончательными. Сравнить стили обеих пьес не имеет смысла, поскольку любое обнаруженное сходство между переведенной с французского комедией и оригинальным сочинением для домашнего театра не может быть воспринято как достаточное доказательство.

Гораздо более важным нам представляется вероятное участие в постановке Екатерины Ильиничны Бибиковой.

Очевидно, что пьеса оказывается важной частью процесса воспитания дочек, и хотя бы по этой причине следует признать заинтересованность супруги полководца в содержании пьесы. Именно ей пьеса обязана некоторой дидактичностью. А евангельские аллюзии, цитаты и парафразы евангельского текста явно свидетельствуют о том, что целью Екатерины Ильиничны было христианское воспитание девочек.

Из переписки Кутузова известно, что, находясь в Елисаветграде, Екатерина Ильинична получает от супруга письмо, написанное 7 декабря. В нем сообщается о том, как в Константинополе праздновались именины императрицы, которые являлись государственным праздником в России и совпадали с именинами Екатерины Ильиничны. При этом Михаил Илларионович считает нужным послать жене стихи, звучавшие на празднике, предполагая, очевидно, что это должно быть ей интересно: *«В Екатеринин день у меня был праздник: великолепный обед на 70 человек, иллюминация, бал 500 человек и ужин вдруг на 200. Стихи посылаю и хор, которой на бале пели...»* [Письма Кутузова: 505].

Уже перед самым отъездом из Константинополя Кутузов информирует жену о театрализованном представлении, устроенном в его честь: *«В субботу был маскарад у прусского посланника, где двенадцать маскированных женщин, одетых в нимфы, приблизились ко мне, и две из них, в том числе и прусская посланница, говорили пролог в честь кою и увенчали меня лавром и оливами»* [Письма Кутузова: 506–507].

¹² Другой известный Павел Голенищев-Кутузов — Павел Васильевич, генерал и участник войны 1812 года — еще младше, он родился в 1772 г.

Допускаем, что это эпистолярное известие могло побудить Екатерину Ильиничну задумать и реализовать свою постановку в честь Михаила Илларионовича. Во всяком случае, нельзя полностью исключить, что сочинителем пьесы могла быть и сама Екатерина Ильинична, известная своими литературными и театральными увлечениями¹³.

Но еще более вероятным представляется, что пьеса явилась результатом совместного творчества Екатерины Ильиничны и ее талантливому племяннику, хотя мы и не готовы определить роль каждого из них.

Сочинение, как мы постарались показать, было предназначено для домашнего театра, в котором участники представления должны были играть самих себя. В Петербурге, в присутствии Михаила Илларионовича Кутузова (и прежде всего для него!) разыгрывается пьеса о жизни семейства полководца, ожидающего в провинциальном городке его возвращения из Турции. А определение жанра сочинения, вынесенное на шмуцтитул, «семейственная драма», как оказалось, определяет не только характер конфликта, но и характер исполнения камерного драматического сочинения.

Бесхитростная пьеса «Счастливое возвращение» предстает перед нами уникальным свидетельством того, какую роль в частной жизни дворянина конца XVIII в. (в том числе и в процессе воспитания детей) играл театр, и представляет нам совершенно неизвестные подробности жизни одной из самых знаменитых российских семей.

Кроме того, чудом сохранившийся экземпляр сочинения дает нам возможность увидеть, как на рубеже XVIII и XIX столетий использовались возможности столичных типографий¹⁴.

Сокращенные названия библиотек и архивов

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук («Пушкинский дом»), С.-Петербург.

РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота, С.-Петербург.

РГБ — Российская государственная библиотека, Москва.

Библиография

Издания XVIII в.

Варлаам 1777

Варлаам (иеромонах), *Стихи на погребение тела, покойнаго г. генерал-аудитор-лейтенанта, Петра Кирилловича Хлебникова, случившагося в самый день его*

¹³ «Занимаясь литературой, состоя в переписке с г-жей Сталь, княгиня Кутузова страстно любила театр...»; см.: [Русские портреты: 585].

¹⁴ За рамками нашей публикации остается интереснейший вопрос о истоках и традициях домашнего театра в России.

тезоименитства, декабря 21 дня 1777 года, на память иже во святых отца нашего Петра митрополита, [С.-Петербург, 1777].

Колычев 1781

Колычев В. П. *Тицетная ревность, или Перевозчик Кусковской*, Москва, 1781.

Петров 1776

[Петров В. П.], *Ея превосходительству Екатерине Николаевне Зиновьевой, фрейлине ея императорскаго величества*, [б. м., 1776?].

Пиччини 1788

Пиччини Д. М., *Ложный лорд*, Москва, 1788.

Притворная любовница

Притворная любовница: Комическая опера в двух действиях, представленная в присутствии ея императорскаго величества; Перевел с французскаго Павел Голенищев Кутузов, С.-Петербург, [б. г.].

Разлука

*Разлука, или Отъезд псовой охоты из Кукова: Комическая опера, в двух действиях с ея последованием в одном действии / Сочиненная*** ****; В первый раз представлена в селе Кукове в саду на открытом театре собственными его сиятельства графа Петра Борисовича Шереметева певицами и певчими июня 29 дня 1785, Москва, 1785.*

Речь 1779

Речь говоренная в публичном университетском собрании июня 30 дня, его превосходительству действительному статскому советнику Прокофью Акинфиевичу Демидову одним из пансионеров на его иждивении состоящих, [Москва, 1779].

Собрание 1790

Собрание некоторых театральных сочинений, с успехом представленных на Московском публичном театре, 1, Москва, 1790.

Три откупщика

Три откупщика: Комедия с ариями в двух действиях, с своим последствием называемым Степан и Танюша, Москва, 1785.

Хлебников 1777

Стихи на смерть Петра Кириловича Хлебникова, г. генерал-аудитор-лейтенанта; преставившагося декабря 17 дня 1777 года, на другой день рождения своего; жившаго 43 года и 12 часов, [С.-Петербург, 1777].

Литература

Безотосный 1996

Безотосный В. М., Бибииков, Александр Александрович, *Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг., Российский архив, VII, Москва, 1996. 320.*

Библиотека Шереметевых

Опись библиотеки, находившейся в Москве на Воздвиженке в доме графа Дмитрия Николаевича Шереметева до 1812 г., Москва, 1883.

Долгоруков 2004

Долгоруков И. М., *Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. В книгу сию включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющие случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мною связь и к собственной истории моей уважительное отношение, 1, С.-Петербург, 2004.*

Ленчиненко, Лифшиц

Ленчиненко М. В., Лифшиц А. Л., Стихи на прибытие в Московский университет Михайлы Никитича Муравьева: Неизвестное издание университетской типографии, *Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ*, Москва, 2013, 326–329.

Лепехин 1988а

Лепехин М. П., Голенищев-Кутузов, Иван Логгинович, *Словарь русских писателей*, 1, Ленинград, 1988, 200–203.

——— 1988б

Лепехин М. П., Голенищев-Кутузов, Логгин Иванович, *Словарь русских писателей*, 1, Ленинград, 1988, 203–204.

Лифшиц 2011

Прижизненные издания произведений М. В. Ломоносова, Каталог, сост. А. Л. Лифшиц, Москва, 2011.

Письма Кутузова

Голенищев-Кутузов М. И. Письма. Сообщил Ф. К. Опочинин, *Русская старина*, 2, 1870.

Псковская земля

Псковская земля. История в лицах, [1]: «Дворяне все родня друг другу...», Москва, 2006.

Рассказы бабушки

Рассказы бабушки [Е. П. Яньковой]: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово, изд. подгот. Т. И. Орнатская, Ленинград, 1989.

РБС

Русский биографический словарь, 1–25, С-Петербург, 1896–1913.

Русские портреты

Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича Романова, I, Москва, 1999.

СК

Сводный каталог русских книг гражданской печати XVIII века. 1725–1800, 1–5, Москва, 1962–1967.

Словарь русских писателей

Словарь русских писателей XVIII века, 1–3, Ленинград, 1988; С-Петербург, 1999–2010; см. также: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/справочные-издания>

Шишкин 1988

Шишкин А. Б., Голенищев-Кутузов, Павел Иванович, *Словарь русских писателей*, 1, Ленинград, 1988, 204–206.

References

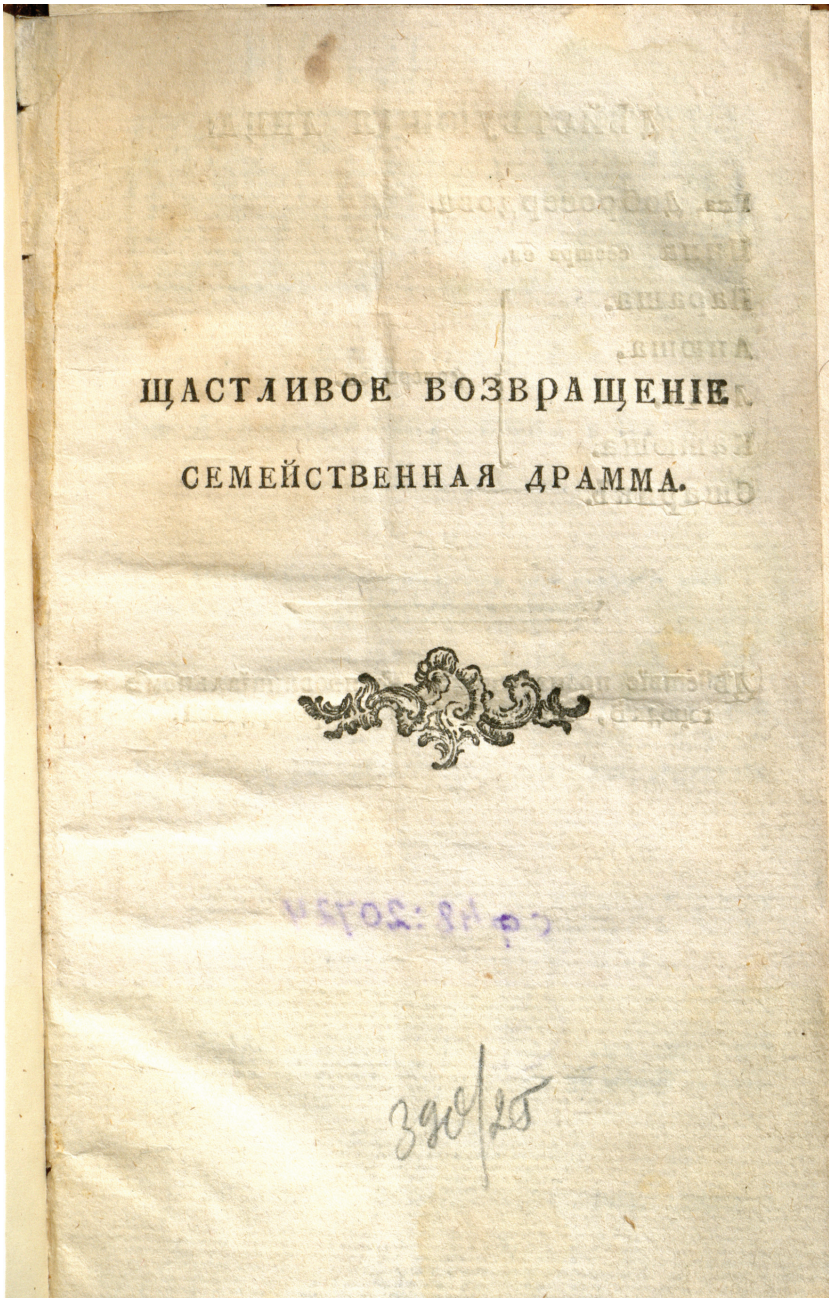
Bezotosny V. M., Bibikov, Aleksandr Aleksandrovich, *Slovar' russkikh generalov, uchastnikov boevykh deistvii protiv armii Napoleona Bonaparta v 1812–1815 gg.*, *Rossiiskii arhiv*, VII, Moscow, 1996, 320.

Lepekhin M. P., Golenishchev-Kutuzov, Ivan Logginovich, *Slovar' russkikh pisatelei*, 1, Leningrad, 1988, 200–203.

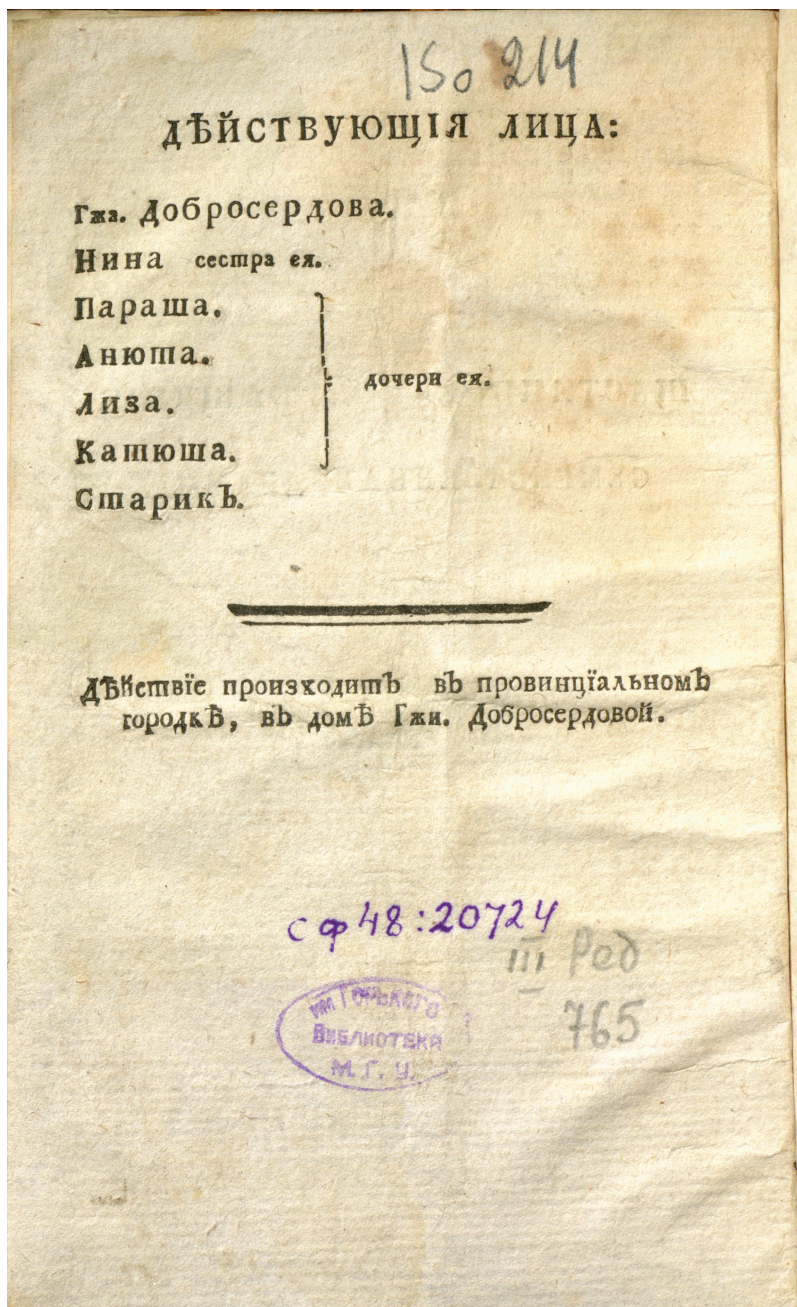
Lepekhin M. P., Golenishchev-Kutuzov, Loggin Ivanovich, *Slovar' russkikh pisatelei*, 1, Leningrad, 1988, 203–204.

Ornatskaya T. I., ed., *Rasskazy babushki [E. P. Ian'kovo]: Iz vospominanii piati pokolenii, zapisannye i sobrannye ee vnukom D. Blagovo*, Leningrad, 1989.

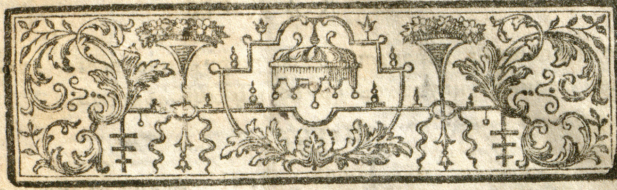
Shishkin A.B., Golenishchev-Kutuzov, Pavel Ivanovich, *Slovar' russkikh pisatelei*, 1, Leningrad, 1988, 204–206.

Титульный лист издания с виньеткой, известной по изданиям
Типографии Морского шляхетного корпуса

В списке действующих лиц названы четыре старшие дочери М. И. Кутузова.
Младшая — Дарья — еще слишком мала для сцены

ЯВЛЕНІЕ I.

Гжа ДОБРОСЕРДОВА, НИНА и ПАРА

(сидятъ за работою.)

Нина.

Признайся сестрица, что ты сегодня веселее обыкновеннаго.

Добросердова.

Я въ томъ признаюсь тебѣ, я сама не знаю отъ чего я весела. Я имѣю нѣкоторое предчувствіе, что сей день будетъ для меня радостнѣе всѣхъ другихъ.

Нина.

Дай Богъ, чино бы предчувствованіе швое тебя не обмануло. Пора намъ радоваться сестрица, мы довольно времени въ грусти прожили.

Параша.

Однако всего скучнѣе то, что мы сами не знаемъ, долго ли будемъ жить въ этомъ печальномъ уединеніи.

Добросердова.

Вѣрьте мнѣ, что на судьбу свою ропшала

А 2

Заставка на с. 3 использовалась в изданиях русских типографий с 1760-х гг.

ЩАСТЛИВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ*

СЕМЕЙСТВЕННАЯ ДРАММА.

Дѣйствующія лица:

Гжа. Добросердова.

Нина *сестра ея.*

Параша.

Анюта.

Лиза.

Катюша.

Старикъ.

} дочери ея.

Дѣйствіе происходитъ въ провинціальномъ городкѣ, въ домѣ Гжи. Добросердовой.

ЯВЛЕНИЕ I.

Гжа Добросердова, Нина и Параша**
(*сидятъ за работою.*)

Нина.

Признайся, сестрица, что ты севодни веселѣе*** обыкновеннаго.

Добросердова.

Я въ томъ признаюсь тебѣ, я сама не знаю отъ чево я весела. Я имѣю некоторое предчувствіе, что сей день будетъ для меня радостнѣе всѣхъ другихъ.

Нина.

Дай Богъ, что бы предчувствованіе твое тебя не обмануло. Пора намъ радоваться сестрица, мы довольно времени въ грусти прожили.

Параша.

Однако всего скучнѣе то, что мы сами не знаемъ, долго ли будемъ жить въ этомъ печальномъ уединеніи.

Добросердова.

Вѣрьте мнѣ, что на судьбу свою роптать не надобно, а переносить ее терпѣливо всего лучше. Великая наука быть всемъ довольнымъ.

* Текст пьесы издается в орфографии оригинала.

** Последний слог не пропечатался.

*** Последние буквы слова не пропечатались.

Нина.

Кажется мы этой наукѣ давно учимся. Отсутствіе твоего мужа, долго-временная съ нимъ разлука, опасности, коимъ онъ подверженъ для службы отечеству, неизвѣстность судьбы его; все это вмѣстѣ должно приучить сердце наше къ терпѣнію, къ понесенію горести, потому что ты все свое блаженство въ мужѣ твоёмъ всегда полагала.

Добросердова.

Такъ, сестрица, ты говоришь правду: онъ мнѣ дорогъ!..... и сколько онъ мнѣ дорогъ, то одинъ Богъ знаетъ. Я съ нимъ рассталась; вотъ уже три года*, какъ я его не видала: больно это моему сердцу!... Правда, что утѣшаетъ и подкрѣпляетъ меня та мысль, что онъ служить съ честію своему отечеству, что онъ его защищаетъ, что онъ исполняетъ священную обязанность гражданина, что онъ показываетъ въ себѣ прямова Россіянина, и достойную отрасль той породы, изъ которой онъ произошелъ..... однакожь все это одно умствованіе; все это мнѣ говоритъ разсудокъ, а сердце твердитъ мнѣ совсѣмъ иное; оно мучится, страдаетъ, и каждую его опасность раздѣляетъ такъ, какъ будто бы я сама въ опасности находилась.

Нина.

Да сестрица, какъ ты ни скрывалась отъ меня и отъ дѣтей, какъ ни старалась казаться бодрою, однакожь часто видѣла я тебя воздыхающую, а иногда и плачущую**.

Параша.

Ахъ! матушка, естлибъ вы знали какъ намъ было тягостно на васъ глядѣть..... Естлибъ вы знали, каково намъ было при каждомъ вашемъ вздохѣ.....

Добросердова.

Это-то вамъ и доказываетъ, что мое сердце не всегда съ разумомъ согласно было; оно трепетало отъ страха, а вмѣстѣ и отъ радости, при всякомъ извѣстіи объ одержанной имъ побѣдѣ. Какъ бы хотела я тогда летѣть въ его объятія; видѣть его увѣнчана лаврами и отереть пыль и потъ, коими онъ покрывался для пользы возлюбленнаго нашего отечества! Ежели бы такія наслажденія не замѣняли горести разлуки, ежели бы не подкрѣпляло меня паче всего упованіе на милосердіе того отца, которой облегчаетъ горестъ страждущихъ чадъ своихъ, когда они паче силъ ею угнѣтаются; ежели бы все это вмѣстѣ меня не ободряло, то вѣрь, что я бы не знала, куда дѣваться

* Едва ли стоит время в пьесе напрямую соотносить с историческим временем. Все-таки пьеса — художественное произведение, предполагающее долю условности, как бы точно ни отражались в нем события семейной истории Кутузовых.

** В реплике Нины используется архаическая синтаксическая конструкция: двойной винительный падеж (Accusativus duplex).

отъ тоски. Какъ ли не говорятъ, что человѣкъ ко всему привыкаетъ, я чувствую что ни какъ не возможно приучиться быть въ разлукѣ съ милымъ человѣкомъ.

Параша.

Не только къ этому привыкнуть нельзя, да еще кажется что, чѣмъ долѣе разлука продолжается, тѣмъ она несноснѣе бываетъ.

Нина.

Ежели бы еще не награждалось это тѣми сладкими чувствованіями, которыя бываютъ при свиданіи, то бы, я думаю, не было ужаснѣе въ жизни минуты разлуки. Я надѣюсь, сестрица, что скоро и ты этими чувствіями утѣшаться будешь, что скоро мужъ твой возвратится, что скоро мы его обнимемъ съ радостными слезами....

Добросердова.

О! сестрица, въ этомъ я не сомнѣваюсь; онъ живъ, онъ благоденствуетъ и благоденствовать будетъ. Богъ сохранить его для пользы отечества и для нашего благополучія.

Нина.

Однакожъ, признаться тебѣ, что, ожидая толь долго его пріѣзда, и я уже терпѣніе теряю.

Добросердова.

Я увѣрена, что важныя причины должны его удерживать, когда онъ еще не со мною. О какая минута! Когда я съ нимъ увижуся, всѣ горести, все на свѣтѣ, и сама себя забуду.

Нина.

Дай Боже, чтобы эта минута была близка!

Параша.

О, какъ бы мы ему обрадовались!...

Добросердова.

Когда онъ пріѣдетъ, когда онъ будетъ въ моихъ объятіяхъ, чего на свѣтѣ мнѣ останется желать? Онъ и дѣти мои составляютъ все мое благополучіе.

Нина.

Ахъ! сестрица, вѣрь, что они всегда тебя утѣшать будутъ, будутъ подпорою твоей старости. Твои неусыпныя о нихъ попеченія, твои неутомимые труды не останутся безъ награды. Нѣтъ, нѣтъ! дочери твои будутъ тебя утѣшать, будутъ благополучны. Божеское благословеніе на нихъ изліется; ты будешь щастливая мать, потому что ты была добрая супруга и доброй другъ.

Добросердова.

Ахъ! сестрица, ты восхищаешь меня такими предвещаніями..... (*Къ Парашѣ.*) Ахъ! другъ мой, утѣшь мать твою, скажи, могу ли я надѣяться, что ты всегда будешь такова, какъ сердцу моему хочется?

Параша (цѣлуя руку у матери).

Ахъ! матушка, вѣрьте, что ваши правила, ваши наставленія, во всю мою жизнь ни на одну минуту изъ памяти моей выходить не будутъ, и надѣюсь, что, следуя имъ, буду благополучна; а вить и вы сами неоднократно мнѣ сказывали, что отъ нашего счастья и ваше зависитъ....

ЯВЛЕНІЕ 2.

Прежніе, Анюта и Лиза (*вбѣгаютъ*).

Анюта.

Матушка! Мы къ вамъ пришли съ прозъбой.

Лиза.

Боимся, чтобы вы намъ въ ней не отказали.

Добросердова.

Чево вамъ бояться? Вы знаете, что я вамъ ни въ чемъ не отказываю, ежели ваши требованія благоразумны.

Анюта

Не знаю матушка, благоразумна ль наша просьба, потому что не знаю, что есть благоразуміе; вы намъ всегда больше твердили о добросердечіи, то мы....

Лиза.

Такъ, матушка, мы, по нашему кажется сдѣлали доброе дело; да вить мы часто то добрымъ почитаемъ, что худо..... то мы и боимся....

Анюта.

И! нѣтъ, не бойся, сестрица.... сердце наше намъ сказало, что мы сдѣлали доброе дѣло....

Лиза.

Какъ же оно сказало?....

Анюта.

Ахъ! сестрица, развѣ не сама ты мнѣ сказала, что у тебя сердце бьется отъ радости, когда ты увидѣла что этотъ старичокъ...

Добросердова.

Да скажижъ мнѣ, что вы такое сдѣлали? Не бойтесь.....

Лиза.

Ну, матушка! коли вы хотите.... да вотъ что худо.... что мы сдѣлали это безъ вашего позволенія..... а вы намъ накрѣпко приказывали, чтобы безъ позволенія ничево не дѣлать.

Параша.

Лучше всего, сестрица, сказать всю правду..... за чемъ таиться? Говори, Анюта, ты всегда была искренна.... вить матушка нашъ лучшій другъ.

Анюта.

Ну! такъ и быть, сестрица, я все расскажу матушкѣ; пусть она насъ побранить лучше за то, что мы безъ ея позволенія это сдѣлали, нежели за то, что отъ нея утаили. Вотъ, матушка, послушайте, я вамъ скажу всю правду.... мы съ Лизанькой сидѣли въ той горницѣ у окошка; увидѣли идетъ старичокъ на костыляхъ, дряхлѣ, сѣдѣ, перезябѣ, оборванѣ, такъ жалокъ! такъ жалокъ!... Онъ остановился у окна и сталъ намъ кланяться..... Слезы у него были на глазахъ. Я выскочила на дворъ, взяла ево за руку, ввела ево въ горницу; онъ еще больше заплакалъ. Не плачь старичокъ, сказали мы ему съ Лизанькой; обогрейся, чево тебѣ хочется? голоденъ что ли ты? мы тебя накормимъ; скучно тебѣ что ли? мы тебя развеселимъ, скажемъ тебѣ сказочку; болѣнъ ты что ли? мы матушку попросимъ чтобы она тебѣ пособила.....

Добросердова.

О дѣти! сердце мое трепещетъ. Это-то вы отъ меня скрыть хотѣли?.... Боже васъ благослови! Боже утверди сердце ваше въ милосердіи!... Продолжай Анюта....

Анюта.

И такъ, матушка мы ево ввели. Онъ обогрѣлся. Мы дали ему куска два хлѣба, и жаркова. Онъ молился, плакалъ, вздыхалъ и сталъ намъ рассказывать все что, съ нимъ было прежде..... Я не знаю, что онъ рассказывалъ, не понимаю хорошенько; только знаю, что какъ мы слушали ево рассказы, то у Лизаньки, у меня и у маленькой Дашеньки слезы катились градомъ. Вотъ, матушка, вся наша вина, что мы вамъ эдакова гостя привели.

Лиза.

А теперь еще просимъ, что бы вы позволили ево сюда ввести.... Помогите ему, матушка.... онъ такъ жалокъ!..... такъ жалокъ!

Параша.

Матушка! вы вѣрно намъ въ этомъ не откажете.

Добросердова (цѣлуетъ дѣтей).

Слава Богу! Будьте всегда такимъ образомъ передо мною виноваты.... и я буду радоваться.... я буду видѣть что вы добросердечны.... И чтожъ на

свѣтъ драгоцѣннѣ добрава сердца?... Видишь, сестрица, я не ошиблась въ моемъ предчувствованіи, что севодни будетъ мнѣ особливое удовольствіе.....

Анюта.

Чтожъ? матушка, прикажите ввести этова добрава старичка....

Добросердова.

Подите, подите приведите ево.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Добросердова, Нина.

Нина.

Поздравляю тебя сестрица! есть надѣжда, что въ дочеряхъ твоихъ будетъ путь; севоднишній ихъ поступокъ долженъ восхищать сердце каждой матери. Великое благополучіе! когда дѣти отъ самыхъ юныхъ лѣтъ сострадательны; это подаетъ добрую надежду, что сѣмя состраданія, посѣянное въ юности, развернется со временемъ и будетъ радовать, миловать и утѣшать все, что ево окружаетъ.

Добросердова.

Вѣрь, сестрица, что я внѣ себя отъ радости. Одново недостаетъ только, чтобы мужъ мой былъ свидѣтель, что жена ево не потеряла труды свои, и что ежели она и не предъуспѣла въ наученіи ихъ, то по крайней мѣрѣ сдѣлала дѣтей своихъ добросердечными.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Старикъ, Катюша, Лиза (*ведутъ старика за руку*), Анюта, Добросердова, Нина, Параша.

Катюша.

Не бось старичокъ, не бось, поди съ нами, матушка у насъ такая добрая.....

Старикъ.

О дѣтки! увидя васъ, догадался я, какова должна быть мать ваша....

Лиза.

Подойди поближе старичокъ.

Параша.

Какъ онъ жалокъ! одно каменное сердце не смягчится на него глядя.

Старикъ.

Ахъ! сударыня, не знаю я, не знаю..... какъ мнѣ тебя благодарить, словъ не нахожу. Дѣти твои меня увидѣли, сжалились надо мною, обогрѣли меня, накормили..... а что тогда въ сердцѣ у меня происходило, это только чувствовать можно, а на словахъ не перескажешь.

Добросердова.

Они хорошо сдѣлали старичокъ; будь смелѣе, поговори съ нами, я рада, что ты къ намъ попался.

Старикъ.

О матушка! каково дерево, таковы и отрасли; какова мать, таковы и дѣти. Естлибъ ты знала, что вотъ эта малютка мнѣ сказала юными устами..... то, что вѣчно у меня въ сердце останется..... матушка насъ учила, сказала она..... больнова навѣстить, печальнова утѣшить, голоднава накормить..... О Боже милосердый! гдѣ такимъ правиламъ дѣтей учать, гдѣ такое благословеніе живетъ; въ тотъ домъ беспомощный, сырый, покрытый рубищемъ, неробкою ногою вступить можетъ; въ томъ домѣ, гдѣ эти слова на языкѣ и въ сердцѣ, въ томъ домѣ конечно утишать его вздохъ, отруть его слезу, утолять его голодь.....* И эти то слова дочери вашей ободрили меня войти въ домъ. Вить бѣдность робка, стыдлива; а особливо претерпѣвъ много горестей, иногда и отчаявается найти помощь.

Добросердова.

Да Расскажи намъ старичокъ твои приключенія, мы хотимъ знать.....

Старикъ.

Охотно бы желалъ я волю твою исполнить, и пустился бы пространно рассказывать вамъ всѣ обстоятельства моей жизни..... да я не въ силахъ, простите мнѣ; воспоминаніе моихъ злосчастій разтравить болѣе мои раны, кои отъ времени изцѣляться уже начали. Но что бы не совѣмъ быть ослушнымъ, я вамъ вкратцѣ о себѣ скажу.

Лиза.

О! скажи, старичокъ, мы слушаемъ.

Старикъ.

Я служилъ отечеству, служилъ довольно похвально. Неприязненное стеченіе различныхъ обстоятельствъ лишило меня именія, друзей, родственниковъ..... о тяжкое воспоминаніе! Наконецъ остался я одинъ на свѣтѣ, безъ помощи.... тут-то почувствовалъ я, какъ горько пережить своихъ единокровныхъ. При всемъ томъ утѣшаетъ меня то воспоминаніе, что я не самъ на себя навлекъ бѣдствія, что не распутство, не пороки мои тому причиною.....

* Вся реплика *Старика* представляет собой парафраз евангельской притчи; ср.: Мф 25: 34-40.

въ этомъ сердце мое не дѣлаеть мнѣ укоризны.... а когда совѣсть чиста, когда она спокойна, о какъ легко тогда переносить бремя всякова нещастія! Однимъ словомъ..... я дошелъ до того, что долженъ влачить горестную жизнь и питаться подаеніемъ; работать я не въ силахъ. Часто терплю голодь отъ того, что стыжусь толь часто простирать дрожащую руку мою для принятія ненадѣжной помощи; стыжусь пронзать воплемъ моимъ слухъ чувствительныхъ людей..... * стыжусь, хотя и знаю, что честному человѣку есть величайшее наслажденіе помогать бѣднымъ..... я это сегодня испыталъ..... дѣти твои меня оживили!..... О дѣти!..... дѣлайте добро.... дѣлайте добро! вы еще молоды, вы еще не знаете какъ сладко это творить щастливыхъ.... радовать, миловать, утѣшать..... все это записывается вотъ гдѣ (указывая на сердце.), а иногда малого труда стоитъ сдѣлать человека щастливымъ..... На примѣръ, я вамъ скажу.... вы меня обогрѣли, накормили..... сколько я вамъ благодаренъ! Что я чувствую, то знаетъ одинъ тотъ, который всѣ сердца насквозь видитъ..... Я доволенъ и предоволенъ..... и по тому не смѣю..... не хочу выговорить, чемъ бы вы меня еще больше обрадовали.....

Анюта.

Ахъ! скажи старичокъ, мы все что можемъ для тебя сдѣлаемъ, мы такъ тебѣ рады....

Старикъ.

Любезныя дѣти! вамъ не постыдился бы я сказать моей просьбы, но боюсь отяготить ею мать вашу.

Добросердова.

Ахъ! нѣтъ, скажи.....

Старикъ.

Я скитаюся, я не имѣю мѣста гдѣ голову приклонить.....** Буде васъ не утѣсню.... дайте мнѣ уголокъ, гдѣ бы я могъ закрытъ быть отъ непогоды, и кусокъ хлѣба въ день..... Вотъ вся моя просьба.... Ежели вы ее исполните.... то я у васъ закрою глаза мои сномъ смерти..... нѣтъ, сномъ жизни, и до той минуты буду благословлять васъ; буду молиться о всѣхъ васъ успокоившихъ послѣднія часы моей жизни.....

Анюта.

Ахъ! старичокъ..... етова-то ты просишь?.... не бойся, въ этомъ тебѣ матушка не откажетъ.... Матушка! возьмите ево къ себѣ!...

Лиза.

Матушка! не откажите ему!....

* Ср.: Лк 16:3.

** Ср.: Лк 9:58.

Параша.

Матушка! сжальтесь надъ нимъ!...

Добросердова (цѣлуетъ дѣтей со слезами).

Не бойтесь, любезныя дѣти, не откажу ему..... Старичокъ! я небогата, домъ мой не обширенъ, не великолепенъ; да въ немъ живетъ спокойствіе и тишина.... для тебя уголокъ сыщется..... Теперь-то я чувствую, что малое имущество и большое тогда только можетъ быть пріятно, тогда только сладостно, когда мы можемъ раздѣлить его съ ближнимъ..... Будь спокоенъ, старичокъ, мы о тебѣ день и ночь пешихся будемъ.....

Нина.

О, сестрица! какъ ты благополучна, что ты чувствовать можешь!...

Добросердова.

Сестрица! когда ты такъ тому радуешься, попейся же, чтобы этому добромu старику было теплое и доброе мѣсто.... поди.... а мнѣ хочется съ нимъ поговорить....

Нина.

Я съ радостію это все исполню.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Добросердова, Старикъ, Анюта, Лиза и Параша.

Старикъ.

О благословенное семейство!.... вы мнѣ новую жизнь даруете..... Боже милосердый!... ты умѣешь каждого награждать! награди ихъ, награди ихъ столько, столько.... ... чтобы они тебя не забывали, и къ тебѣ прибѣгали..... Простите мнѣ, ежели я брежу..... отъ радости, отъ старости..... въ мои лѣта вить бредить можно..... Дѣтки! я старъ, дряхлъ.... вить не все старики таковы тверды умомъ, каковъ былъ вашъ дѣдушка: онъ до смерти не бредилъ.... Тотъ былъ старикъ! какъ онъ любилъ дѣлать добро!... да за то какъ же Богъ его и благословилъ!....

Анюта.

Какъ! старичокъ, развѣ ты зналъ нашего дѣдушку?...

Старикъ.

Я зналъ обоихъ вашихъ дѣдушекъ; оба они были рѣдкие старики, оба умные люди, оба любили дѣлать счастливыхъ, оба служили отечеству съ честію, оба носили на себѣ знаки отличныхъ почестей; оба были всеми почитаемы, всѣми любимы, всеми оплакиваемы: такъ за то чтожъ вышло съ ихъ потомствомъ? ихъ дѣти, внучата, всѣ благоденствуютъ, всѣ между

собою согласны, старые, малые, всё всегда вмѣстѣ, всё единодушны.... мнѣ кажется я это вижу передъ глазами.... Вотъ, дѣтки, каково дѣлать добро; оно и на потомство изливается....

Параша.

Какъ слова ево доходятъ до сердца!

Лиза.

О, старичокъ! мы вдвое тебя любить будемъ, когда ты нашихъ обоихъ дѣдушекъ зналъ.....

Старикъ.

Такъ, дѣтки: вѣрьте, что никакое добро не пропадаетъ; вотъ и севодня вы меня призрѣли, порадовали..... я предчувствую, что вамъ самимъ какое нибудь удовольствіе севодня будетъ.

Добросердова.

Естьли бы это сбылось!.... Есть одно удовольствіе всѣхъ больше для меня.....

Анюта.

Матушка! вы вѣрно говорите о томъ, колибы батюшка севодня прѣхалъ....

Добросердова.

Такъ, душа моя, ты отгадала: эта радость бы для насъ была всѣхъ больше.

Параша.

И сколько уже времени мы этой радости ожидаемъ!

Старикъ.

Какъ? матушка! развѣ еще мужъ вашъ не возвратился?....

Добросердова.

А развѣ ты мужа моего знаешь?....

Старикъ.

Матушка! я все семейство ваше знаю: старыхъ, молодыхъ, большихъ и малыхъ... а безъ того бы и въ домъ къ вамъ не зашолъ..... знавши всѣхъ васъ, я увѣренъ былъ, что у васъ найду убѣжище и покровъ.

Анюта.

Какъ? старичокъ! ты и батюшку знаешь?

Старикъ.

Я вить былъ служивой, много видѣлъ, много слышалъ, много съ служивыми говаривалъ..... Мнѣ рассказывали все какъ батюшка вашъ служилъ,

какъ получилъ раны, какъ былъ на приступѣ, какъ вездѣ себя показалъ достойнымъ сыномъ отечества. О! при этихъ рассказахъ, при всей моей старости, кипѣла моя холодная кровь, и сердце трепетало отъ радости, слыша, что мы такова родственника.....* нѣтъ бишь, ошибся, такова гражданина имѣемъ. Да какъ же онъ по сіе время не возвратился?... Однако вамъ нѣчево бояться, вить уже война кончилась....

Добросердова.

И! старичокъ, кроме войны, болѣзнь, безпокойство дороги, мало ли что можетъ встрѣтиться?.... Когда ково любишь, то за нево всево боишься....

Старикъ.

Эхъ! матушка, чево вамъ опасаться? все будетъ благополучно....

Анюта.

Хорошо, старичокъ, однако право намъ скучно ждать батюшку такъ долго....

Параша.

Тебѣ это не такъ больно, какъ намъ....

Старикъ.

Вѣрьте дѣтки, что онъ скоро возвратится, и не бойтесь ни чево: мало ли вашихъ родственниковъ было на войнѣ? и всѣ почти возвратились благополучно.... Одна ваша тетка вдова, женщина умная, почтенная... одинъ у ней сынъ и былъ, да и тотъ не военной.... ну чтожъ? она благословясь отпустила его въ походъ.... онъ съ честію назадъ возвратился.... Другая ваша тетка, у которой только и было два взрослыхъ сына, обоихъ помолясь отпустила въ первый огонь, когда служба отечества тово потребовала. Мужъ тетки вашей, то есть вашъ дядя, старикъ честной, умной, отпуская обоихъ сыновей, поцѣловалъ ихъ, перекрестилъ и сказалъ имъ: подите друзья мои, умрите за отечество, я васъ оплачу радостными слезами. Ну, чтожъ? они оба возвратились живы и здоровы..... Чевожъ вамъ бояться? и вашъ батюшка благополучно возвратится....

Добросердова.

Дай Богъ, чтобы это сбылось поскорѣе.

Анюта.

А то ждать то скучно, особливо ково любишь....

Старикъ.

Вотъ, дѣтки! послушайте меня, я вамъ скажу исторію, которая васъ увеселитъ и ободритъ; она покажетъ вамъ, что терпѣніе, а паче правота души,

* Рассчитанная «оговорка» *Старика* не позволяет сомневаться, что эту роль играет родственник М. И. Кутузова.

преодолѣваютъ все и бываютъ награждаемы..... Въ томъ городкѣ, куда я переселился после отставки..... этотъ городокъ былъ близко границы..... жила одна добрая барыня..... мужъ ея былъ на службѣ противъ непріятеля. Такъ какъ она была добрая жена, то не хотѣла оставить мужа, и веселиться по пирамъ, когда мужъ подъ ядрами; а хотѣла быть къ нему сколько можно ближе, и для того избрала себѣ жилищемъ этотъ городокъ, гдѣ ни общества, ни забавъ не было.... отдалилась отъ родственниковъ, кои ее очень любили и коихъ она любила, чтобъ быть ближе къ мужу, потому что мужъ самый ближній родственникъ.... Все ея утѣшніе составляли пять ея дочерей; она ихъ учила, наставляла; заступила мѣсто всѣхъ тѣхъ приставниковъ, коимъ дорого платятъ; а они ей платили повиновеніемъ. Она старалась образовать ихъ разумъ, а паче душу.... они всѣ были такіе хорошенькіе, а паче такіе добренькіе.... она учила ихъ утѣшаться тѣмъ, чтобы дѣлать добро, и этова-то она не упускала никогда.... Да не скучно ли вамъ слушать?....

Лиза.

Нѣтъ, старичокъ, намъ весело.... особливо отъ того, что твоя исторія похожа на правду....

Добросердова.

Продолжай старичокъ.....

Старикъ.

Такимъ образомъ 7 лѣтъ* прожила она въ этомъ городкѣ, или лучше сказать, въ этой пустынѣ. Часто я ее видалъ въ ея домашнихъ упражненіяхъ, часто удивлялся ея кротости, терпѣнію. Никогда она не роптала, никогда не скучала: а тогда только беспокоилась, когда мужъ ея былъ въ опасности.... Чтожъ, наконецъ, дѣтки! война кончилась, мужъ ея возвратился благополучно въ ея объятія.... Чегожъ ей недоставало? а вотъ чего: чтобы возвратиться въ столицу; въ ту сторону, гдѣ всѣ ея единокровные, съ коими она толь долго была въ разлукѣ.... сево единова желала, и сіе ея желаніе увѣнчалось....

Лиза.

Какимъ образомъ? старичокъ; мы не терпѣливо знать хотимъ.....

Добросердова.

Не перебивай его рѣчей, Лизанька....

Старикъ.

А вотъ какъ.... мужа ея премудрой Государь** позвалъ для порученія ему важнаго дѣла, то есть: что бы утвердить миръ между двумя государствами. По етому вы видите, что онъ и въ войнѣ и въ мирѣ равно отечеству нуженъ....

* Семь лет в рассказе *Старика*, конечно, соответствуют только сказочному времени его повествования.

** Государь — конечно же, дань аллегорическому рассказу.

И такъ они поѣхали, и эта добрая барыня будучи въ объятіяхъ мужа, увидѣла себя въ столицѣ между родными и друзьями, съ коими такъ давно разсталась; забыла всѣ свои грусти, и благодарила Бога за ево милосердіе. И я все это такъ ясно помню, какъ будто предъ собою вижу.... И такъ, дѣтки, видите какъ терпѣніе награждается.....

ЯВЛЕНІЕ 6.

Прежніе, Нина и Катя (*вбѣгаютъ*).

Нина.

Сестрица!

Катюша.

Матушка!.... Какая радость! вотъ письмо!

Добросердова.

Что такое? подайте....

Катюша.

Батюшка на первой почте, 50 верстъ отсюда..... чрезъ два часа сюда будетъ....

Добросердова.

О неожиданное благополучіе! подайте.... глазамъ своимъ не вѣрю.... Ну дѣти.... теперь готовьтесь же встретить отца вашего, броситься къ нему на шею.... обнять ево....

Анюта.

И! матушка, на что къ этому готовиться, это все само собою сдѣлается: какъ взглянемъ на батюшку, да сердце забьется, то хоть бы удерживаль кто, то на шею ему бросимся*

Добросердова.

Изрядно, однакожъ протвердите пѣсенки, коимъ я васъ выучила и для нево готовила.

Анюта.

Матушка! да ево вить здѣсь нѣтъ....

Добросердова.

Воображайте себѣ, что онъ здѣсь, что онъ передъ вами, что онъ сидитъ вотъ тутъ, на этомъ мѣсте.... устремите къ нему все ваши мысли и сердце.... и пойте....

* Возможно, обыгрывается евангельская притча о блудном сыне: увидев сына живым, отец бросается к нему на шею.

Параша.

О! естѣли бѣ онѣ могѣ видѣть, что мы къ нему чувствуемъ....

Анюта.

Какъ мы ево любимъ!....

Лиза.

Что онѣ у насѣ въ сердцѣ....

Катюша.

Что онѣ намѣ всево дороже....

1. Параша.

Блаженства нашего содѣтель!
И жизнь и щастье далѣ ты намѣ.
Ты намѣ отецѣ и благодѣтель....
Сколь дорогѣ нашимѣ ты сердцамѣ!
Среди войны на полѣ ратномѣ,
Разивѣ враговѣ рукой своей,
Теперь въ спокойствіи пріятномѣ
Лобзай супругу и дѣтей.

2. Анюта.

Когда для общаго покою
Сражался ты, караль враговѣ;
Мы сердцемѣ были всѣ съ тобою,
Дѣля всю скорбѣ твоихѣ трудовѣ.
Теперь ты здѣсь, ты вмѣстѣ съ нами,
И ты въ объятіяхѣ у насѣ.
Какимижѣ громкими словами
Намѣ должно пѣть сей сладкой часѣ!

3. Лиза.

Слуга отечеству ты вѣрный,
Ты добрый другѣ своимѣ друзьямѣ;
Супругѣ чувствительный, примѣрный,
Отецѣ прямой и нѣжный намѣ.
Коль радость мысли наполняетѣ,
Какой быть можетѣ складѣ въ словахѣ?
Языкѣ у насѣ не лестѣ сплетаетѣ,
Но ты живешь у насѣ въ сердцахѣ.

4. Катюша.

Повсюду ты вкушалѣ побѣды,
Не мыслилѣ ты щадить себя:

Вкуси жъ невинныя бесѣды
 Дѣтей объемлющихъ тебя!
 Что мнѣ сказать, сама не знаю.
 Вотъ голосъ сердца моего,
 Оно велить, и повторяю:
 Что ты дороже намъ всево.

5. Нина.

Въ войнѣ противныхъ ты караешь,
 Бѣгутъ, гдѣ мечъ блистаетъ твой;
 А въ мирѣ всѣхъ сердца пленяешь,
 Своей сердечной добротой.
 Украшенный вѣнцами славы,
 Пришелъ отъ ратныхъ ты полей.
 Вкушай утѣхи и забавы
 Среди родныхъ, среди друзей.

6. Добросердова.

Твои напасти я дѣлила,
 Съ тобою я была душой;
 Тебя ябъ жизнью замѣнила,
 Какъ смерть летала надъ тобой.
 Ты здѣсь со мной, съ дѣтьми, съ друзьями;
 Восторги наши съ чемъ сравнять!
 Нельзя ихъ выразить словами,
 А можно въ сердцѣ ощущать.

Старикъ.

Ну, матушка! когда вы все такъ благодѣтельны, то позвольтежъ и мнѣ что-нибудь пропѣть.... вить онъ доброй человекъ, онъ не разсердится, коли я что и глупо и нескладно спою. Онъ и къ старымъ и къ молодымъ снисходителенъ.... а я идучи сюда все думалъ, какъ бы что спѣть.... вамъ въ знакъ благодарности.... складно ли то будетъ, не знаю. Вотъ.... послушайте.

7. Старикъ.

Подъ сею холодной сѣдиною
 Сокрытъ любви, почтенья жаръ;
 Устами, мыслью и душою
 Тебѣ даю я сердце въ даръ.
 Когда бъ ево ты видѣлъ чувства,
 Узналъ бы какъ оно горитъ;
 Тутъ нѣтъ притворства, нѣтъ искусства,
 Повѣрь, что сердце говорить.

КОНЕЦЪ.

Елена Владиславовна Зименко,

Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского
государственного университета имени М. В. Ломоносова

125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 8

Россия / Russia

zim_elena@mail.ru

Александр Львович Лифшиц,

кандидат филологических наук

Факультет гуманитарных наук Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»

105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4

Россия / Russia

alifshits@hse.ru

Received April 22, 2019

**Славянские глоссы
средневековых еврейских
сочинений**

[Рец.: Bláha O., Dittmann R.,
Komárek K., Polakovič D., Uličná L.,
*Kenaanské glosy ve středověkých
hebrejských rukopisech s vazbou na
české země*, Praha: Academia, 2015.
935 c.]

**The Slavic Glosses
in Medieval Jewish Works**

[Rev. of: Bláha O., Dittmann R.,
Komárek K., Polakovič D.,
Uličná L., *Kenaanské glosy ve
středověkých hebrejských rukopisech
s vazbou na české země*, Praha:
Academia, 2015. 935 pp.]

Анатолий Алексеевич Алексеев

С.-Петербургский государственный
университет
С.-Петербург, Россия

Anatoly A. Alexeev

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Резюме

Настоящая рецензия посвящена книге О. Блахи, Р. Диттмана, К. Комарека, Д. Полаковича и Л. Уличны «Kenaanské glosy ve středověkých hebrejských rukopisech s vazbou na české země», в которой исследован весь корпус славянских глосс в еврейских сочинениях XII–XIV вв.

Ключевые слова

комментарий, талмуд, махзор, глосса, евреи, Центральная и Восточная Европа

Abstract

This paper reviews the book “Kenaanské glosy ve středověkých hebrejských rukopisech s vazbou na české země” by O. Bláha, R. Dittmann, K. Komárek, D. Polakovič, and L. Uličná, which examines the entire corpus of Slavic glosses in Jewish writings of the 12th to 14th centuries.

Цитирование: Алексеев А. А. Славянские глоссы средневековых еврейских сочинений // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 412–418.

Citation: Alexeev A. A. (2019) The Slavic Glosses in Medieval Jewish Works. *Slověne*, Vol. 8, № 2, p. 412–418. DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.14

Keywords

Jewish Bible commentaries, Talmud, Machzor, Slavic glosses, Central and Eastern Europe

После распада Римской империи и вторжения в Палестину мусульман значительные группы евреев переместились в южную Италию, на Балканы и в Константинополь, другие вслед за волной завоевателей дошли до испанской Кордовы. Сельскохозяйственных угодий в их распоряжении не было или было мало, так что им суждена была жизнь городских жителей и торговцев. Такое распределение социально-экономических функций, определяемое в рецензируемой книге как «христианско-еврейский симбиоз» (с. 36), стало разрушаться при организации первого крестового похода (1096 г.), когда в рейнских городах впервые проявила себя немецкая городская масса. По роду занятий евреям необходимо было знание местного языка, на основе которого складывался модифицированный моноэтнический «жаргон», как это называлось в старой России, или по-еврейски *la'az* «язык», в частности, *latinar* в Италии, *ladinar* в Испании, *aromancer* во Франции, *кенаан* в славянских землях, наконец, *идиш* (*jiddisch*) в Германии. Название языка *кенаан* отражает еврейское именование Ханаана. Впервые оно фиксируется, вероятно, в книге «Иосиппон», которая представляет собою переработку латинского перевода «Древностей иудейских» Иосифа Флавия и появилась на еврейском языке в начале X века в Неаполе. Книга имела актуальное значение для еврейской историографии, в ней традиционная библейская этнонимика была отождествлена с новыми географическими и этническими условиями, в которых оказались евреи в Европе. Вероятно, тогда впервые возникли названия Ашкеназ (источник термина Быт 10:3) и Сефард (источник Авд 1:20) для именования определенных областей Европы, которые позже стали этнонимами евреев, заселивших эти места. Отождествление славян с хананеями основано на созвучии и взаимосвязи лат. *slavus* и *sclavus* «раб» и мотивировано проклятием потомкам Хама, которым предстояло быть рабами братьям своим (Быт 9:25). Жители восточной Европы, преимущественно славяне, стали предметом работорговли в IX–XI вв., главным перевалочным пунктом была Прага, скупку рабов здесь и доставку их на Средиземное море сухим путем севернее Альп осуществляли евреи. Путь к Черному морю с 914 г. был перекрыт печенегами, затем половцами, лишь с приходом Золотой Орды работорговля вновь устремилась в Крым, где живой товар принимали генуэзские корабельщики, но уже от ордынцев¹. Географически земля Ханаана тянется от Праги до Киева, на что указал в XII в. еврейский путешественник Вениамин Тудельский (цитата приведена на с. 143 и 304), но, возможно, и далее до Хазарского каганата. Потому выражение *lešon kena'an* не следует понимать как обозначение исключительно чешского языка, что характерно для рецензируемой книги. Еврейское участие в литературе восточных славян не вызывает сомнений, но оно проявилось иначе [Алексеев 2018].

¹ О работорговле как основе средневековой экономики см.: [McCormick 2001: 244–254, 733–799]. О месте Праги в торговых сношениях такого рода см.: [The Cambridge Economic History: 323, 414, 486].

Действительно, далеко не все глоссы имеют явные лингвистические признаки чешско-моравского происхождения, некоторые кажутся восточнославянскими. Эта оценка Александра Кулика [Kulik 2014] в рецензируемом труде подвергнута критике (с. 129–142), однако серьезная полемика по этому вопросу едва ли возможна, поскольку общеславянское языковое единство сохраняется до XIII в. (когда завершился последний общеславянский процесс падения редуцированных), а консолидация основных элементов литературной нормы двух больших культурно-письменных языков — чешского и русского (восточнославянского) — происходит не ранее XIV в. и, конечно, не под пером талмудистов. Уместнее было бы рассмотреть этот в большой степени фонетический вопрос в разделе об орфографии глосс (с. 212–278), но там он не затронут, хотя на с. 303–304 перечислены славянские глоссы, не зафиксированные в старых чешских источниках. Кажется более естественным, что еврей-купцы в силу своего кочевого образа жизни не могли быть однозначно связаны с тем или другим локальным славянским наречием².

В местах нового обитания евреи сохранили высшее достижение своего цивилизационного развития: субботние собрания для чтения и толкования Писания и необходимое для этого всеобщее обучение мальчиков до 12 лет чтению и письму. В Праге уже в XI в. появляется ешива (с. 39). Так поддерживалось знание «священного языка», что привело в Европе к развитию еврейской учености, плодами которой пользовалась христиане при изучении Библии [Smalley 1940]. Слова местного языка обиходного общения время от времени включались в еврейские ученые тексты, они служили тому, чтобы уточнить смысл терминов, служащих обозначением конкретных явлений. Там, где в еврейском идет речь о плодах, появляется чеш. *jaĝody*, чеш. *tuška* обозначает место у плеча и т. п. Семантикотематическая классификация глосс (с. 310) обнаруживает, по мнению авторов, существование двух языков — еврейского для сакральной сферы, славянского — для профанной, иначе говоря, славянизмы относились преимущественно к бытовой сфере, тогда как религия, ритуал, ученость (календарь, история) не были связаны с языком бытового общения, т. е. славянским (с. 64–65). Кроме того, на протяжении книги неоднократно возникает тезис о «ханаанском языке» как предшественнике идиша, появившегося в этих местах уже в XIII в. Этот тезис приведен также в кратком изложении главных итогов работы, которые представлены в статье названных авторов [Bláha 2014]. Но, думаю, для такого понимания вопроса исследованного материала в 400 словоупотреблений все-таки недостаточно. Если у авторов, писавших в Чехии (см. ниже), число глосс доходит до 50, то в сочинениях Раши их всего 11, у Иосифа Кары — 22, так что говорить о сколько-нибудь систематическом глоссировании не приходится. Поскольку та или иная глосса появляется неоднократно, количество лексических единиц гораздо меньше, их всего около двухсот. Например, слав. *локоть* употреблено 25 раз, и его частотность обусловлена исключительно тем, что к локтю должно подвязывать филактерии (*тфилин*).

Если евреи «восточного Ханаана», т. е. Руси, прибегали к местному письменному языку по крайней мере для того, чтобы использовать славянское Пятикнижие

² Фигура талмудически образованного еврея Ицы из Чернигова не вызывает сомнений, о нем писал уже Л. Цунц [Zunz 1859: 73].

как таргум [Алексеев 1999: 182–184], то в Праге этого не видно. Не потому ли со второй половины XIII в. евреи на этой территории воспринимают идиш, который и становится со временем полноценным многофункциональным литературным языком?³ В это же время возникает первый литературный язык Европы — итальянский; возможно, что особые условия существования еврейского населения способствовали раннему осознанию задач национального развития. Однако такие черты еврейского происхождения в славянской письменности, как буквы Ш и Ч, едва ли нужно объяснять прямыми контактами славян и евреев (с. 72), тогда как особая орфография с гачеками, введенная в эпоху Яна Гуса, которую авторы также склонны объяснять влиянием еврейской среды (с. 70–71), является, на мой взгляд, плодом эпохи гуманизма, ибо отражает знакомство с масоретским рукописным текстом, где впервые употреблена огласовка — и только там принята за норму, так что по этой библейской линии она оказала влияние и на Пражскую библию 1488 г.

Обширный раздел введения посвящен истории изучения ханаанских глосс (с. 88–142). Открыл тему в 1822 г. родоначальник научной гебраистики Леопольд Цунц (1794–1886), заметный вклад в разработку внесли Авраамий Гаркави (1839–1919) и Исаак Маркон (1875–1949), оба сотрудники Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге⁴. Однако наибольшее внимание уделено научному наследию Р. О. Якобсона (1896–1982), в приложении (с. 729–816) публикуются отрывки из его рукописных трудов по этой тематике, хранящихся в Массачусетском технологическом институте. Среди его лингвистических и грамматических наблюдений за соотношением еврейских и славянских парадигм находим трагикомический документ о надзоре чешской госбезопасности за его увлечениями (с. 814–816). Якобсон не принимал во внимание восточнославянских свидетельств о еврейско-славянских контактах, которые вызвали интерес большой науки лишь после публикаций Н. А. Мещерского [Мещерский 1978], так что влияние Якобсона в какой-то мере сужает диапазон наблюдений и трактовок рецензируемого исследования.

Лингвистический аспект работы исполнен тщательно и детально. Рассмотрены словообразование, морфология и синтаксис славянских глосс, и с особым вниманием — фонология, поскольку только это делает возможным корректную интерпретацию материала. Еврейская графика, с одной стороны, крайне ограничена в своих возможностях передачи славянской фонетики, а с другой стороны, не существовало правил, обязательных для передачи тождественных случаев. Соответствующие разделы введения представляют собою ценное лингвистическое исследование. Оно завершается сопоставлением полученных результатов с

³ Славянский языковой элемент обнаруживается в идише в весьма большом объеме, что не поддерживает представления о том, что распространение этого языка на восток Европы было обусловлено массовой миграцией евреев-ашкеназов (т. е. германоязычных евреев). См. по этому вопросу соображения П. Векслера [Wexler 2002] и критические замечания М. А. Членова [2003].

⁴ Подборка работ названных и других авторов, писавших по этим вопросам, переиздана недавно в сборнике [Кенааниты 2014], который является последним, двадцать четвертым, в серии “Jews and Slavs”, основанной и успешно существовавшей в течение почти четверти века (1993–2014) благодаря самоотверженной энергии ее издателя В. Московича. Рецензируемый труд явился в известной мере ответом на выдвинутые названной серией вопросы.

тем, что известно из исторической грамматики славянских языков. Подача материала такова, что позволяет удостовериться в надежности предлагаемой интерпретации.

Главной частью объемного тома является словарь глосс (с. 357–728). Он предваряется таблицей, в которой глоссы перечислены в алфавитном порядке с указанием рукописей, в которых находятся, и существующих публикаций. Для каждого автора и каждого источника дается отдельный список глосс. На первом месте расположены два автора, которые писали в славянской среде и, возможно, сами внесли славянские вкрапления в свои сочинения. Это Исаак бен Моисей из Вены (1180–1250 гг.), автор влиятельного галахического трактата «Or zaru'a» («Посеянный свет»), и Авраам бен Азриель Богемский (XIII в.), оставивший первый комментарий на поэтические молитвы книги Махзор в своем сочинении «Aragat ha-Bosem» («Ароматный сад»). Часть этих комментариев вместе с более поздними добавлениями попала в декорированную рукопись нюрнбергского Махзора 1331 г.

Все прочие источники не связаны своим происхождением с кенаанской средой. Среди них выделяются первостепенные по значимости авторы — Раши и Иосиф Кара. На фоне 1300 старофранцузских глосс в библейских комментариях Раши десяток кенаанских единиц представляет собою ничтожную величину⁵, но весьма значимую, ибо говорит, во-первых, о географии распространения сочинений Раши и, во-вторых, о наличии читателей в славянских землях. Большая часть глосс находится не на полях — как маргиналии, но включена в текст, и это может говорить о том, что дошедшие до нас копии также созданы в славянском окружении. Представляемый в книге материал прекрасно документирован: точно указаны рукописи, весьма часто приводятся фотографии соответствующих фрагментов текста, даны орфографическое прочтение и перевод, приведены лексикографические сведения и содержательные комментарии.

Можно уверенно заключить, что славянские глоссы еврейских рукописей получили полное, исчерпывающее и высокопрофессиональное описание в этом труде. Подведен впечатляющий итог двухсотлетней научной традиции, открыт путь к типологическому изучению материала, т. е. с охватом «восточного Ханаана», и к дальнейшему анализу параллелей из других мест обитания евреев эпохи рассеяния.

Библиография

Алексеев 1999

Алексеев А. А., *Текстология славянской Библии*, С.-Петербург, 1999.

— 2018

Алексеев А. А., Еврейские источники в литературной традиции древней Руси, *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики*. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации, Москва, 2018, 7–19.

⁵ Опущена любопытная глосса у Раши, в которой название горы Сенир / Снир (Втор 3:9) отождествляется с чеш. snít (что может указывать на увулярное произношение еврейского согласного г). На с. 240 лишь глухо сообщается, что, «согласно новейшим исследованиям, это чтение не относится к числу ханаанских глосс».

Кенааниты 2014

Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире, В. Москович, М. Членов, А. Торпусман, ред. (= *Jews and Slavs*, 24), Москва, Иерусалим, 2014.

Мещерский 1978

Мещерский Н. А., Издание текста древнерусского перевода «Книги Есфирь», *Dissertationes slavicae*, XIII, 1978, 131–164.

Членов 2003

Членов М. А., [Рец.]: Wexler P., *Two-tiered Relexification in Yiddish. Jews, Sorbs, Khazars, and the Kiev-Polessian Dialect*, Berlin; New York, 2002, *Вопросы языкознания*, 4, 2003, 132–139.

Bláha et al. 2014

Bláha O., Dittmann R., Komárek K., Polakovič D., Uličná L., On the problem of Judeo-Czech and the Canaanite Glosses of the 11th to the 13th centuries in Hebrew manuscripts, *Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире*, В. Москович, М. Членов, А. Торпусман, ред. (= *Jews and Slavs*, 24), Москва, Иерусалим, 2014, 117–151.

Kulik 2014

Kulik A., Jews and the Language of Eastern Slavs, *Jewish Quarterly Review*, 104, 2014, 105–144.

McCormick 2001

McCormick M., *Origins of the European Economy: Communications and Commerce*, A. D. 300–900, Cambridge, 2001.

Smalley 1940

Smalley B., *The Study of the Bible in the Middle Ages*, Cambridge, 1940 (3rd ed. 1983).

Wexler 2002

Wexler P., *Two-tiered Relexification in Yiddish. Jews, Sorbs, Khazars, and the Kiev-Polessian Dialect*, Berlin; New York, 2002.

The Cambridge Economic History 1987

The Cambridge Economic History, 2nd ed., 2: *Trade and Industry in the Middle Ages*, Postan M., Miller E., eds., 1987.

Zunz 1859

Zunz L., *Die Ritus des synagogalen Gottesdienstes*, Berlin, 1859.

References

Alekseev A. A., *Evreiskie istochniki v literaturnoi traditsii drevnei Rusi, Pismennost', literatura, fol'klor slavianskikh narodov. Istoriia slavistiki*. XVI, Moscow, 2018, 7–19.

Alekseev A. A., *Tekstologiya slavianskoi Biblii*, St. Petersburg, 1999.

Bláha O., Dittmann R., Komárek K., Polakovič D., Uličná L., On the problem of Judeo-Czech and the Canaanite Glosses of the 11th to the 13th centuries in Hebrew manuscripts, *Kenaanity: Evrei v srednevekovom slavianskom mire*, V. Moskovich, M. Chlenov, A. Torpusman, eds. (= *Jews and Slavs*, 24), Moscow, Jerusalem, 2014, 117–151.

Chlenov M. A., [rev. of:] Wexler P., *Two-tiered Relexification in Yiddish, Jews, Sorbs, Khazars, and the Kiev-Polessian Dialect*, Berlin; New York, 2002, *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 2003, 132–139.

Kulik A., Jews and the Language of Eastern Slavs, *Jewish Quarterly Review*, 104, 2014, 105–144.

McCormick M., *Origins of the European Economy: Communications and Commerce*, A.D. 300–900, Cambridge, 2001.

Meshchersky N. A., *Izdanie teksta drevnerusskogo perevoda "Knigi Esfir", Dissertationes slavicae*, XIII, 1978, 131–164.

Moskovich V., Chlenov M., Torpusman A., eds., *Kenaanity: Evrei v srednevekovom slavianskom mire*, (= *Jews and Slavs*, 24), Moscow, Jerusalem, 2014.

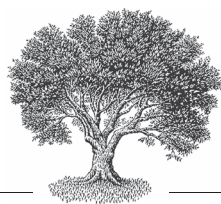
Postan M., Miller E., eds., *The Cambridge Economic History*, 2nd ed., 2: *Trade and Industry in the Middle Ages*, 1987.

Smalley B., *The Study of the Bible in the Middle Ages*, Cambridge, 1940 (3rd ed. 1983).

Wexler P., *Two-tiered Relexification in Yiddish. Jews, Sorbs, Khazars, and the Kiev-Polessian Dialect*, Berlin; New York, 2002.

Анатолий Алексеевич Алексеев, доктор филологических наук,
профессор кафедры библеистики
С.-Петербургского государственного университета
199034 С.-Петербург, Университетская наб., 7-9-11
Россия / Russia
alexeev.anatoly@gmail.com

Received June 10, 2019

**Большой словарь
церковнославянского
языка Нового времени.**

Т. II. «В»

/ Под ред. А. Г. Кравецкого
и А. А. Плетневой*

[Рец.: Давыденкова М. Э.,
Добровольский И. С., Калужнин Н. В.,
Корнилаева И. А., Кравецкий А. Г.,
Мирошниченко М. В.,
Никифорова А. Ю., Ореханова Е. П.,
Петрова С. В., Плетнева А. А.,
Сахарова А. В., Хитров А. Н.,
*Большой словарь
церковнославянского языка Нового
времени*, Т. II, Москва, 2019, 544 с.]

**Comprehensive
Dictionary of Modern
Church Slavonic.
Vol. II. “B”**

/ Ed. by A. G. Kravetsky
and A. A. Pletnyova

[Rev. of: Davydenkova M. E.,
Dobrovolsky I. S., Kaluzhnin N. V.,
Kornilaeva I. A., Kravetsky A. G.,
Miroshnichenko M. V.,
Nikiforova A. Yu., Orekhanova E. P.,
Petrova S. V., Pletnyova A. A.,
Sakharova A. V., Khitrov A. N.,
*Comprehensive Dictionary of
Modern Church Slavonic*. Vol. II,
Moscow, 2019, 544 pp.]

Маргарита Ивановна Чернышева

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия

Margarita I. Chernysheva

Vinogradov Russian Language Institute
of Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

* Работа подготовлена при поддержке фонда РФФИ — грант № 17-29-09113
«Электронный исторический словарь заимствованной лексики в русском языке
XI–XVII вв.: грецизмы и полонизмы» (руководитель: М. И. Чернышева).

Цитирование: Чернышева М. И. Большой словарь церковнославянского языка Нового времени. Т. II. «В»
// *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 2. С. 419–423.

Citation: Chernysheva M. I. (2019) *Comprehensive Dictionary of Modern Church Slavonic*. Vol. II. “B”.
Slověne, Vol. 8, № 2, p. 419–423.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.15

Резюме

Рецензия посвящена анализу второго тома «Большого словаря церковнославянского языка Нового времени». Проанализированы лексикографические способы описания церковнославянских глаголов и их богатой лексической сочетаемости. В «Словаре...» впервые в столь полном объеме восстанавливается система церковнославянской иеронимии. Фундаментальный академический «Большой словарь церковнославянского языка Нового времени» представляет собой серьезный вклад в науку.

Ключевые слова

церковнославянский язык, лексикография, Новое время

Abstract

The review examines the second volume of the "Comprehensive Dictionary of Modern Church Slavonic". The author analyzes the lexicographic approaches used to describe Church Slavonic verbs and their collocations. The dictionary portrays the Church Slavonic system of allegoric synonymy with unprecedented fullness. This fundamental work is a major scholarly achievement.

Keywords

Church Slavonic, lexicography, modern times

Появление фундаментального академического «Большого словаря церковнославянского языка Нового времени» (далее — «Словарь...»), первый том которого вышел в свет в 2016 г. [БСЦЯ 2016], — важное событие в культурной жизни нашей страны.

Опубликованный через три года второй том «Словаря...» включает всю лексику на букву «В».

В предисловии ко второму тому приведены новые данные, свидетельствующие о развитии «Словаря...» и совершенствовании лексикографических приемов. Пополнился состав источников (включена четья версия Библии: [Библия]). Внесены отдельные изменения в подаче словоформ. В предисловии авторы объясняют свое решение не отражать ряд вариантов при заглавном слове, а также выборочно указывать положительную степень супплетивной формы при сравнительной степени. Более глубокому описанию лексического материала, грамматической и семантической интерпретации способствует введение новых помет: *безл(ичная конструкция), без удар(ения), вводн(ое слово или словосочетание), в греч(еском тексте) иначе, полувспом(огательный глагол), предик(ативное) наре-ч(ие), с двойн(ым) вин(ительным падежом)*; подробнее: [БСЦЯ 2019: 5–6]).

В отличие от первого тома, в котором преобладают существительные, во втором томе приведено большое число глаголов. Это дает возможность проследить реализацию концепции «Словаря...», которая предусматривает демонстрацию сложной картины глагольного управления, лексической, в том числе устойчивой и фразеологической, и синтаксической сочетаемости.

Так, словарная статья глагола **внимати** включает 13 значений, в каждом из которых многочисленные примеры разделены на группы в зависимости от типа сочетаемости и управления. В первом значении 'обращать внимание, замечать; придавать значение; откликаться действием, реагировать' выделены следующие

группы (за двумя параллельными чертами): **внимати кому-л., чему-л.; внимати на что-л. ... внимати что-л. ...** В отдельной позиции находится указание на употребление этого глагола с придаточными предложениями: **внимати с придат.** [БСЦЯ 2019: 182].

В результате осуществляемой в «Словаре...» сложной лексикографической интерпретации чтение и понимание представленного в нем материала (особенно с учетом синтаксиса церковнославянского языка, связанного генетически с синтаксисом оригиналов переводных произведений) для современного пользователя оказывается достаточно непростой задачей. Понятно, что только подготовленный читатель может оценить пометы типа *кого-л. кого-л., кого-л. что-л.* и др. при обозначении конструкции с двойным винительным (греч. и лат. *accusativus duplex*), для интерпретации которой авторы «Словаря...» разработали эквивалентное пояснение на современном русском языке, помещаемое в скобках со знаком равенства. Так выглядит, к примеру, эквивалентное пояснение в седьмом значении глагола **взати**: *с двойн. вин.; кого-л. въ кого-л.; кого-л. ѿко кого-л.* (= сделать кого-л. кем-л.) [Ibid.: 124].

Столь же непросто пользователю, едва знакомому или совсем не знакомому с церковнославянским синтаксисом, оценить помету *с инф.* (т. е. с инфинитивом) при описании конструкций, передающих обороты *accusativus cum infinitivo* и *nominativus cum infinitivo*.

В «Словаре...» тщательнейшим образом прорабатывается также лексическая сочетаемость, без объяснения которой церковнославянские тексты зачастую не вполне понятны. Для этого разработан ряд лексикографических приемов, описанных в начале первого тома; используются актуальные для второго тома специальные знаки: устойчивые словосочетания приводятся после белого ромба \diamond , фразеологические — после черного \blacklozenge , например: \diamond **возносити роуки** ‘молитвенно воздевать руки’... \blacklozenge **возносити гласъ** ‘повышать голос, кричать’... [Ibid.: 301].

Необходимо отметить, что лексическая и синтаксическая сочетаемость, характерная для церковнославянского языка, выявлена и описана в столь значительном объеме впервые.

Одной из важнейших проблем, подлежащих решению в новом церковнославянском словаре, является проблема современной интерпретации богословской терминологии, что подразумевает проведение специальных изысканий, остающихся за строкой и потому неизвестных читателю, получающему конечный результат кропотливой работы. В целом авторы «Словаря...» с этой проблемой успешно справляются. Один из удачных примеров — определение понятия **внутренний мракъ** (в цитате речь идет о богословской системе представлений Дионисия Ареопагита): «божественный мрак; богословский термин, указывающий на непостижимость Бога» [БСЦЯ 2019: 189].

Особый характер церковнославянских текстов ставит перед авторами еще одну непростую задачу, решение которой предполагает поиск способов описания современным языком образно-символической христианской системы представлений, полной сокровенных и мистических смыслов. Как правило, для решения этой задачи в «Словаре...» используется помета *перен.*, покрывающая собой собственно переносные значения, а также — образные и символические. Для прояснения переносного употребления служит также помета *о чем-либо* — см., к примеру,

в словарной статье **водроуженіе** под вторым значением 'установление, утверждение' за двумя параллельными чертами добавлено: | *перен. о нематериальных объектах* [Ibid.: 202]. Между тем язык церковнославянских памятников иногда будто вырывается из-под контроля логики современного мышления и начинает диктовать свои правила, тогда — вместо ожидаемой пометы *перен.* — в «Словаре...» возникает самостоятельная дефиниция. По-видимому, этим объясняется появление второго значения слова **вѣсы**: 'мерило Божьего правосудия' [Ibid.: 92].

Среди достижений составителей «Словаря...» следует указать на воссоздание системы иеронимии, которая столь последовательно и полно представлена в отечественной лексикографии впервые. В словарной статье **вѣрный** под пятым значением находится группа словосочетаний **вѣрныхъ спасеніе / оудобреніе / оутвержденіе**, где после дефиниции 'помощник, опора верующих' дано пояснение, свидетельствующее о вхождении этой группы в данную систему: *об Иисусе Христе, Богородице, Кресте Господнем и святых* [Ibid.: 80].

Вообще в процессе трудного, но вместе с тем и очень увлекательного чтения этого «Словаря...» появляется много интересных наблюдений, которые невозможно вместить в рамки лаконичного жанра рецензии. Между тем неизбежно возникают замечания и пожелания.

Так, в ряде случаев отсутствуют этимологические сведения о заимствованных словах (например, при **вісектошь** следовало бы добавить: от ср.-греч. βίσεξτος, лат. bisextus).

Хотелось бы видеть в рецензируемом «Словаре...» указания на происхождение имен библейских персонажей и библейских топонимов, которые при нынешней системе описания выглядят сплошь греческими и отчасти латинскими. Единственное исключение, когда после греческого написания приводится набранное латиницей написание древнееврейского названия, — это слово **Вивоесдѣ** Βηθεσδὰ Bethsatha [Ibid.: 143]. Находящийся выше на той же странице топоним **Вивоанія** (селение близ Иерусалима) соотнесен только с греческим написанием Βηθανία. Вообще система оформления этимологии собственных имен вызывает вопросы. Так, непонятно, зачем при имени **Викторъ** помимо собственно латинского написания Victor приводится еще греческое Βίχτωρ?

При указании на глагольное управление хотелось бы видеть в «Словаре...» подтверждение модели соответствующей греческой параллели. Например, в конструкции **внимати (себѣ) ѿ кого-л...** в параллели приводится форма προσέχουσιν, расширение параллели с добавлением предлога с генетивом ἀπό (здесь: ἀπὸ τῶν ἀγίων υἱῶν Ἰσραήλ) сделало бы иллюстрацию оптимальной, а словарную дефиницию более убедительной [БСЦЯ 2019: 184].

Определение понятия **внѣшніи в роли сущ.** (в четвертом значении слова **внѣшній**) требует уточнений: это не 'посторонние', как сказано в «Словаре...», а 'непосвященные', далее верно: 'не входящие в число учеников Христовых...' [Ibid.: 180].

В пятом значении этого же слова за светлым ромбом приводится устойчивое словосочетание **внѣшнее любомоудріе**, которое толкуется как 'земная, человеческая мудрость, науки, образование'. Дефиниция была бы более точной при учете понимания «внешнего любомудрия» как светской (первоначально — античной) философии и соответствующего образования, тем более что в первой цитате говорится об образовании Кирилла Философа.

Наконец, ожидалось бы найти в «Словаре...» пометы, указывающие на неизбежные в библейских текстах не только лексические, но и синтаксические семитизмы, типа конструкции с инфинитивом при глаголе **възвеличить**, — так, как это достаточно последовательно осуществлено в пражском «Словаре старославянского языка», где в необходимых случаях использована помета «*imitatio constructionis hebraicae*»: с<um> inf<initivo>: **възвеличить естъ г<оспод>ь сътворити съ нами** ἐμεγαλυνεν κύριος τοῦ ποιῆσαι μετ' αὐτῶν Ps 125, 2 Sin Pog Bon Lob Par (*imitatio constructionis hebraicae*) *magna fecit cum eis*; sim<iliter> Ps 125, 3 ibid et J1 2, 21 Gl Lobk [SJS I, 251]. Эта же цитата приводится в «Словаре церковнославянского языка хорватской редакции», где конструкция сопровождается пометой «*constructio hebraica*» [RCJHrR I, 337].

Заметим кстати, что в этих двух словарях последовательно воспроизводится в транскрипции оригинальное написание библейских собственных имен.

В заключение можно сказать, что авторы взяли на себя труд по созданию очень масштабного и сложного произведения — «Большого словаря церковнославянского языка Нового времени» — и успешно с этим справляются.

Библиография

Библия

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами, Москва, 2005 [репринт изд. 1900 г.].

БСЦЯ 2016

Большой словарь церковнославянского языка Нового времени, 1, А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева, ред., Москва, 2016.

БСЦЯ 2019

Большой словарь церковнославянского языка Нового времени, 2, А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева, ред., Москва, 2019.

RCJHrR

Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije. Lexicon linguae slavonicae redactionis croaticae, 1 Zagreb, 2000.

SJS

Slovník jazyka staroslověnského, 1 Praha, 1966 [переизд.: СПб., 2006].

References

Kravetsky A. G., Pletnyova A. A., eds., Bol'shoy slovar' cerkovnoslavianskogo iazyka Novogo vremeni, 1, Moscow, 2016.

Kravetsky A. G., Pletnyova A. A., eds., Bol'shoy slova' cerkovnoslavianskogo iazyka Novogo vremeni, 2, Moscow, 2019.

Маргарита Ивановна Чернышева, доктор филологических наук

ведущий научный сотрудник

зав. отделом исторической лексикографии

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

119019 Москва, ул. Волхонка, 18/2

Россия / Russia

chernysheva@bk.ru

Received August 31, 2019

Периодическое издание

SLOVĚNE = СЛОВѢНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 8. № 2

Институт славяноведения РАН, 2019

Подписано в печать 25 • XII • 2019 г. Формат 70×100/16.
Объём 26,5 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119991, Москва, Ленинский
просп., д. 32-А. Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА». 143001,
Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13.